

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 236.4

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ДЕКАБРЬ.

1882.

ДѢЛО

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ
№ 12

СОДЕРЖАНІЕ.

1. МИРНЫЯ ВРЕМЕНА. Романъ въ 3-хъ частяхъ. (Часть третья и послѣдняя) А. И. Пальма.
2. ОБЩЕСТВЕННОСТЬ ВЪ ПРИРОДѢ.
(Главы IV—V) И. Кольцова.
3. ДѢТСКІЕ ПОРТРЕТЫ Плавскаго.
4. КАРАВАНЪ. (Стихотвореніе) Отрывокъ изъ „Chatiments“ В. Гюго. А. Барыковой.
5. ОПАСНЫЕ ЛЮДИ. Романъ. (Переводъ съ норвежскаго). Х. Эльстера.
6. ГЕНИАЛЬНЫЙ ПЛАНЪ. Разсказъ. Н. Башма.
7. ОЧЕРКИ НОВЫХЪ НАПРАВЛЕНІЙ ВЪ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКѢ. Нѣмецкіе катедеръ-соціалисты Н. Ф. Анненскаго.
8. ПАТРИОТКА (Стихотвореніе). Д. Минаева.

(См на оборотѣ).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

10. СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ПУБЛИЦИСТИКИ И. Кольцова.
11. ТЕНДЕНЦІИ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ. (Опытъ литературнаго обозрѣнія) М. Протопопова.
12. НОВЫЯ КНИГИ.
13. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ Н. Ш — ва.

Итоги 1882 г. — Езоповскій языкъ пожеланій на Новый годъ. — Споры о «внутренней политикѣ». — «Народная политика», гр. Игнатъева, и ея результаты. — Призывъ «свѣдущихъ людей», причины его неудачи. — Комиссія по питательному и переселенческому вопросамъ. — Комиссія статъ-секретаря Каханова. — Дворянскій элементъ въ переселенческой комиссіи. — Неразрѣшенные вопросы. — Что сдѣлано противъ голодовокъ; въ чемъ обнаружилась дѣятельность переселенческой конторы; сколько нуждается Югъ, сколько нуждается Сѣверъ, какъ Югъ тянется даже на Новую Землю. — Еврейскій вопросъ. — Положеніе народнаго труда. — Отмена подушной подати и новые налоги. — Малкій крестьянскій поземельный кредитъ. — Необходимость у насъ въ самой широкой экономической политикѣ. — Квартирный налогъ въ Петербургѣ. — Гошеніе на интеллигенцію и причины его. — Факты изъ учебной практики. — Бѣдность учащихся и учебная плата. — Недостатокъ вакансій. — Кое-какія облегченія. — Дамокловъ мечъ надъ университетами и женскими медицинскими курсами. — Реформа военно учебныхъ заведеній и причины военныхъ самоубійствъ. — Индивидуализмъ и коллективизмъ. — Первый проблескъ пробужденія общественнаго интереса.

14. ПО ПОВОДУ ЛАМАНШСКАГО ТУННЕЛЯ
(Политическая и общественная хроника). Жина.
15. НАУЧНАЯ ХРОНИКА А. М.

Существуетъ-ли органическая жизнь въ предѣлахъ нашей планеты? Мнимые организмы метеоритовъ. — Простейшая форма живой протоплазмы. — Ассоціація низшихъ животныхъ съ одноклеточными водорослями. — Оригинальный продуктъ принципа развитія труда у муравьевъ. — Патріархальная семья у народовъ Малабарскаго берега.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Объ изданіи журнала «ДѢЛО». — Объявленія Редакціи «Дѣло». — Объявленія книжнаго магазина Мамонова. — Объявленія книги «Домашній Дешевый Столъ». — Объявленія въ 1883 году журналовъ: 1) Нива; 2) Недѣля; 3) Всемирная Иллюстрація; 4) Огонекъ; 5) Модный Свѣтъ; 6) Семья и Школа; 7) Живописное Обзоріе; 8) Новороссійскій Телеграфъ; 9) Газета А. Гатцука; 10) Осколяк; 11) Устой; 12) Заря; 13) Кронштадскій Вѣстникъ; 14) Художественный Журналъ; 15) Русскій Курьеръ. — Объявленія И. И. Билибина.

При этомъ номерѣ гг. иногороднимъ подписчикамъ рассылаются объявленія: 1) отъ книжной торговли для иногороднихъ Н. П. Карбасникова; 2) отъ изданій въ 1888 г. журнала „Ваза“; 3) отъ Мелье о подпискѣ на „La Nouvelle Revue“; 4) отъ изданій въ 1888 г. журналовъ: „Свѣтъ и Тѣнь“ и „Мірскаго Толка“; а всѣмъ гг. подписчикамъ слѣдующія объявленія: 1) отъ изданій въ 1888 г. газеты „Свѣтъ“ съ ежемѣсячнымъ приложеніемъ романовъ; 2) отъ изданій въ 1888 г. журнала „Нива.“

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО - ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

№ 12.

ДЛЯ

САНКТА ПЕТЕРБУРГА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. А. Левиндѣва, Невск. просп., д. № 8.

1882.

59-16

12

P 5127 2-36.4 (16, 27, 10)

✓

65-42

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 17 Декабря 1882 г.

МИРНЫЯ ВРЕМЕНА.

Романъ въ 3-хъ частяхъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

НА СТАРЫХЪ ДРОЖЖАХЪ.

I.

Мучительная бессонная ночь въ конецъ разстроила Дарова. Онъ едва держался на ногахъ; голова горѣла отъ множества какихъ-то мелкихъ вопросовъ, которые мгновенно вспыхивали и такъ-же мгновенно исчезали,—это были какіе-то обрывки, осколки одной большой думы, полной горечи и невыразимаго смятенія.

Миллеръ обыкновенно вставалъ рано, часу въ шестомъ, и, наскоро хлебнувъ стаканъ чаю, уѣзжалъ въ городъ, на свои строительныя работы. Онъ даже испугался, взглянувъ на осунувшееся, мертвенное лицо Федора Алексѣича, когда, дрожащій, закутанный въ пледъ, онъ пришелъ съ просьбой отвезти его въ городъ.

— Родной мой, что вы? Полноте! что за крайность?—Взгляните на себя—вамъ нуженъ покой, сонъ; завтра поѣдете, это будетъ гораздо благоразумнѣе... Да, во всѣхъ отношеніяхъ благоразумнѣе...

— Нельзя откладывать,—Григорій Сергѣичъ меня ждетъ.

— Я зайду къ нему, извинюсь... что за экстренность такая! Вы совсѣмъ больны.

— Нѣтъ, я ничего, какъ обыкновенно... Всю жизнь хвораю, нѣжничать непривыкъ. Бывало, чуть живого на работу выгоняли,—а теперь что?—пустяки...

— Ужъ не знаю, пустяки или нѣтъ,—не мое это дѣло—но бывають случаи... бывають положенія, непереносимѣ всякой каторжной работы... Извините, пожалуйста, я не напрашиваюсь на откровенность, но... да просто вы больны—и самая свѣтлая голова можетъ быть не въ порядкѣ отъ физическихъ страданій... Право, не совѣтоваль-бы я вамъ ѣхать сегодня. День — другой покоя, мысли улягутся... все станетъ яснѣе...

Очевидно, Миллеръ понималъ въ чемъ дѣло и боялся за исходъ встрѣчи друзей, между которыми легло какое-то тяжелое недоразумѣнiе. Онъ старался избѣгать малѣйшаго намека на вчерашнюю исторію и напиралъ исключительно на болѣзненное состоянiе Федора Алексѣича, уговаривая его, какъ блаженного ребенка.

— Перестаньте со мною бабничать, Иванъ Ивановичъ, разсердился Даровъ.—Вѣдь я и безъ васъ найду дорогу, пѣшкомъ дотащусь. Ужели вы меня не знаете?

Онъ дѣйствительно пошелъ-бы пѣшкомъ. Послѣ всего, что было, не явиться на условленное объясненіе съ Трубежовымъ, ему казалось такую-же подлостью, какъ не явиться на мѣсто дуэли, или, еще вѣрнѣе, какъ уклониться отъ публичной защиты своихъ кровныхъ убѣжденій. Но тутъ примѣшивалась еще и другая вопіющая потребность: развязать такъ или иначе узелъ, въ который запутано третье лицо, освѣтить, наконецъ, темное положеніе, облегчить чужое страданіе, принявъ—если то будетъ нужно—на одного себя всю его тяготу. Въ такихъ обстоятельствахъ никакія препятствія не могутъ освободить человѣка отъ «явки на лицо», не наложивъ на него клейма позорнаго малодушія.—Такъ думалъ Даровъ.—Миллеръ хорошо зналъ стойкость его характера, однако рѣшился испробовать еще одно средство удержать его.

— Наши барыни еще спятъ, а мнѣ необходимо видѣть жену или хоть Лидію Васильевну. Она просила привезти какія-то книги, а я забылъ заглавія. Не подождемъ-ли, пока встанутъ, а? Можетъ быть, Лидія Васильевна и вамъ дастъ какое-нибудь порученіе въ городъ...

Федоръ Алексѣичъ взглянулъ на добряка съ снисходительной улыбкой, покачалъ головой и пошелъ усаживаться въ дрожки, давно уже ожидавшія Миллера у подъѣзда.

Когда они выѣхали со двора, въ мезонинѣ дома отворилось одно окошечко,—Лидія Васильевна, скрестивъ на груди руки, стояла долго, пока они не скрылись изъ вида...

Утренній холодъ, повѣвавшій съ синей морской равнины, веселый блескъ солнца и всюду пробуждавшееся движеніе быденной жизни, кажется, освѣжили голову Дарова; лицо его становилось менѣ блѣдно, выраженіе угрюмой сосредоточенности исчезало, онъ заговаривалъ, шутилъ съ Иваномъ Ивановичемъ, будто стараясь разсѣять не себя, а его черезчуръ заботливыя опасенія.

Приближаясь къ предмѣстью города, такъ называемой Пересыпи, они натолкнулись на рядъ сценъ, хорошо-знакомыхъ всякому одесситу, но для Дарова бывшихъ совершенно-неожиданной иллюстраціей жизни большого коммерческаго города.

По дорогѣ тянулась вереница подводъ, нагруженныхъ хлѣбомъ. Ребятишки, лежа на возахъ, звонкимъ «цобъ-цобе!» понукали почтенныхъ воликовъ. Хозяева, въ высокихъ смушковыхъ шапкахъ, широчайшихъ шароварахъ и тяжелыхъ чоботахъ, шли поодаль; ихъ бронзовыя типичныя лица съ давно-небритыми подбородками и длинными висячими усами, были важны и задумчивы. Не выпуская изъ зубовъ коротенькой люльки и ловко сплевывая на сторону, они шагали степенно; изрѣдка перекидывались односложными словами или даже просто взглядами, полными и добродушія, и хитроумнаго «себѣ на умѣ». По всему видно было, что эти люди, исполнивъ самое серьезнѣйшее дѣло своей жизни, шли теперь на удачу, что Богъ пошлетъ, не зная во-что оцѣнится богатство, которое лежитъ у нихъ на возахъ, и соображая единственно, какъ-бы не просчитаться въ своихъ тяжелыхъ нуждахъ.

Около желтенькихъ строеній старой, брошенной таможни толпилась кучка городского люда въ ветхихъ, куцыхъ пальтишкахъ или въ длиннополыхъ ластиковыхъ скюртукахъ; тутъ слышался еврейскій, греческій и даже итальянскій говоръ, въ пересыпку съ отборною русскою руганью; и черезъ два слова въ третье непремѣнно упоминались «карбованцы», «кербели»,—какъ нѣкія божества, которымъ молилась эта разношерстная хищная стая.

— Вотъ, батюшка, Ѳедоръ Алексѣичъ, гдѣ она—настоящая-то подкладка наживы нашихъ великихъ миллионеровъ. Они теперь почиваютъ, какъ праведники, въ роскошныхъ палатахъ, а сюда выслали вотъ эту банду грязныхъ ищеекъ—это все ихъ комиссіонеры, фактора—для скупки хлѣба у нашихъ деревенскихъ простофилъ. Сейчасъ начнется потѣха. Остановимся.

Но Даровъ не съ любопытствомъ только смотрѣлъ на эту «потѣху»,—на обычныя продѣлки кулаковъ. Они съ ожесточеніемъ накинулись на крестьянъ, увѣряя подь клятвой и божбой, что хлѣба теперь навезено въ Одессу гибель,—ссыпать некуда, цѣнъ никакихъ нѣтъ, продать невозможно,—а пожалуй, «мы-бы взяли» за что-нибудь, единственно изъ жалости къ бѣднымъ людямъ, чтобы избавить ихъ отъ жажды... Шутка-ли, тащиться на базаръ, да простоять тамъ сутокъ трое, совсѣмъ прохарчиться и все-таки продать свой товаръ за-что ни попало!.. Кулаческое великодушіе, однако, мало тронуло серьезныхъ пахарей, припешшихъ, какъ видно, издалека и съ весьма основательными упованіями.—«Гайда, хлопцы!»—крикнулъ одинъ изъ стариковъ, но передніе воли были остановлены силою и началась настоящая травля. Хищники смотрѣли пшеницу, брали пробы,—должно-быть товаръ былъ хорошаго качества, потому что они очень ужъ его порочили и все-таки набавляли цѣну грошами. Хохлы горячо стояли за отличный сортъ зерна, взрощеннаго Божьей благодатью и политаго честнымъ мужицкимъ потомъ: на предлагаемую цѣну—отмалчивались. Но, на ихъ бѣду, неподалеку оказался шинокъ—и возымѣлъ рѣшительное вліяніе на исходъ торга: какой-то слабобольный Стецько, опорожнивъ шкаликъ горилки, порѣшилъ дѣло съ жидкомъ за свои два воза и какъ-то даже полусознательно очутился съ задаткомъ въ рукахъ... Земляки напустились на Стецька съ укоризнами, однако поколебались, увидя въ рукахъ его гроши,—тѣмъ болѣе, что тутъ-же одинъ куркій гречонокъ давалъ уже копѣйкой на рубль дороже. Галдѣнье поднялось неимоверное. Еврей ударилъ грека палкой, тотъ вцѣпился ему въ бороду, — дѣло грозило кончиться общей свалкой.

Даровъ все время хмурился, бормоталъ сквозь зубы проклятія, наконецъ, вскочилъ съ дрожекъ, вошелъ въ толпу и спокойно, но рѣшительно посовѣтовалъ крестьянамъ ѣхать

прямо на городской базаръ, а еврею—немедленно принять назадъ свой задатокъ, если не желаетъ сейчасъ-же быть связаннымъ и отведеннымъ къ градоначальнику этими самыми мужиками.

— И что это за новая мода? огрызнулся еврей.—Такого мы и не слышали! Слава Богу, торгуемъ не первый годъ. Мы—честные люди, а вы, господинъ, народъ бунтовать учите... За это васъ самихъ...

— Бунтовать! Ахъ ты, разбойникъ! Вяжите его, братцы! крикнулъ Даровъ, весь дрожа отъ негодованія. — Идемъ вмѣстѣ къ градоначальнику. Я пойду съ вами. Не бойтесь, найдемъ правду и защиту отъ грабителей. Вяжите его!—Идемъ!—И онъ, какъ глубоко-русскій человекъ, разразился непечатной бранью...

Хохлы ободрились, кулаки присмирѣли; всѣ увидѣли, что этотъ сѣденькій старичокъ взаправду не шутитъ, что онъ — Богъ его знаетъ!—можетъ быть какой-нибудь важный баринъ и знакомый градоначальника, а потому и командуетъ такъ грозно.—Еврей, ошеломленный такимъ небывалымъ случаемъ, взялъ обратно отъ Стецька свой задатокъ. Крестьяне тронулись въ дальнѣйшій путь, низенько кланяясь и благодаря «разумнаго пана, що разсудивъ по правдѣ».

Миллеръ съ изумленіемъ глядѣлъ на тщедушную, худенькую фигурку Ѳедора Алексѣича: откуда взялась въ немъ эта энергія, эта физическая сила? Былъ моментъ, когда Даровъ, оттолкнувъ въ грудь напиравшаго на него еврея, казалось, готовъ былъ ввязаться въ рукопашную схватку и непремѣнно пошелъ-бы вмѣстѣ съ мужиками къ городскому начальству: по крайней мѣрѣ, онъ совсѣмъ забылъ о своемъ личномъ дѣлѣ, ради котораго больной, во всю ночь не смыкавшій глазъ, выѣхалъ сегодня въ городъ.

Однакожь эта агитація дорого ему обошлась, истощивъ его послѣднія силы. Поддерживаемый Миллеромъ, кое-какъ добрелъ онъ до дрожекъ; потребовалась посторонняя помощь, чтобы усадить его—и чуть-ли не тотъ самый еврей, на котораго только что обрушился его гнѣвъ, теперь очень почтительно подсадилъ на дрожки страннаго, хвораго старичка.

— Успокойтесь, голубчикъ Ѳедоръ Алексѣичъ!—Я испугался за васъ—вѣдь это проклятый народъ: мало-ли какихъ неприятностей могли вамъ надѣлать...

— Побить могли, хотите вы сказать?

— Да пожалуй... Вообще, стоять-ли такъ волноваться!

— Ахъ, Иванъ Ивановичъ, оставьте... дайте отдышаться... ничего, пройдетъ! Вы говорите: стоять-ли? Вотъ такъ-то всё мы разсуждаемъ... Мнѣ даже стыдно было за васъ, когда этотъ денной разбой вы назвали «потѣхой»... Темныхъ бѣдняковъ грабятъ—хороша потѣха!

— Кто говорить!—конечно, это мерзость... Эхъ, родной мой, не намъ съ вами остановить то, что практикуется еъ поконъ вѣка! Тутъ и полиція ничего подѣлать не можетъ.

— Вы, кажется, еще больше взбѣсить меня хотите... Разсуждаете, какъ самый отъявленный байбакъ, заплывшій жиромъ. Стыдно вамъ, Иванъ Ивановичъ!

— Вы къ словамъ придираетесь. Вѣдь за васъ-же я боялся; хорошо, что такъ кончилось... Незвѣстно еще, какъ наше начальство взглянуло-бы на эту исторію... Вѣдь за этими кулаками стоитъ большая денежная сила... Главное, вамъ надо себя поберечь.

— Вотъ то-то и есть, что мы черезчуръ ужъ бережемъ свои драгоценныя особы, а въ сущности подличаемъ изъ самаго постыднаго животолубія. Ежедневно передъ носомъ у насъ проходитъ тысяча мерзостей, а мы преспокойно говоримъ: стоять-ли тратить себя на такія мелочи?—Вся жизнь слагается изъ мелочей,—а мы, въ ожиданіи какихъ-то крупныхъ подвиговъ, пальцемъ пошевелить не хотимъ; не наше дескать дѣло, чего смотреть полиція!—самый русскій припѣвъ. Лучше васъ знаю, что лично я, одинъ, ничего не могу сдѣлать—развѣ только насмѣшу благородную публику.—Нечего сказать, хороша эта публика!—По моему, нѣтъ ничего отвратительнѣе тѣхъ людей, въ которыхъ вмѣсто нервовъ сидитъ одно тупое благородіе...

Даровъ во всю дорогу ворчалъ и безъ всякой пощады явилъ трусливое благородіе въ лицѣ Миллера, который от-малчивался, боясь еще болѣе раздражить больного пріятеля.

Они вѣхали въ городъ.

— Куда-жь мы двинемся? Я полагаю, прежде всего заѣдемъ на мою квартиру, вы отдохнете—и потомъ ужъ къ Трубежову. Еще очень рано,—онъ, вѣроятно, спитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, подвезите меня прямо къ нему. Онъ не спитъ... Не думаю, чтобъ онъ могъ спать...

II.

Оказалось, однако, что Трубежовъ почивалъ самымъ сладкимъ сномъ.

Федоръ Алексѣичъ не велѣлъ его будить, усѣлся въ замѣкъ круглому столу, на которомъ были разбросаны пачки нераспечатанныхъ газетъ и книжки неразрѣзанныхъ журналовъ. Человѣкъ подаль ему чай и еще разъ спросилъ, не разбудить-ли барина.

— Зачѣмъ, пускай спитъ наздоровье, — вѣрно, вчера поздно легъ.

— Да-съ, писали очень долго.

— Пусть выспится... Ахъ, любезный другъ, со мною большое несчастье,—не можете-ли вы оказать мнѣ одну услугу?

— Что прикажете, сударь?

— Вотъ вамъ деньги, пошлите кого-нибудь купить мнѣ четверточку нюхательнаго табаку, только, пожалуйста, самаго простого.

Даровъ съ глубокимъ сокрушеніемъ разсматривалъ свою пустую тавлинку, приговаривая: «экое горе какое,—забылъ подсыпать!...»

— Только, красавецъ мой, купите самаго простого, мужицкаго.

— У кучера есть, не знаю, понравится-ли?

— Вотъ—вотъ, этого самаго, что у кучера. Принесите поскорѣй.

Обезпечивъ себя драгоценнымъ зельемъ, Даровъ уже совсѣмъ спокойно углубился въ чтеніе свѣженькихъ газетъ. Онъ и не замѣтилъ, какъ въ залу робко вошелъ мальчикъ и, осмотрѣвшись, сѣлъ на стулъ у самой двери. Когда слуга принесъ табакъ, Даровъ увидѣлъ мальчика и догадался, что это непременно долженъ быть Жоржикъ. Онъ продолжалъ свое чтеніе, изрѣдка бросая на мальчика внимательные взгляды изъ-за газетнаго листа, какъ будто изучалъ его фізіономію, на которой чотко выражалась какая-то печальная покорность, сознание принудительной необходимости своего визита.

— Какъ идутъ ваши экзамены? вдругъ спросилъ Федоръ Алексѣичъ безъ всякихъ предисловія.

Жоржикъ видимо оторопѣлъ, привсталъ со стула, кашлянулъ въ кулакъ,—онъ не зналъ кто и по какому праву отно-

сится къ нему съ такимъ рѣзкимъ вопросомъ,—и готовъ былъ выбѣжать изъ комнаты.

— Я старый другъ Григорія Сергѣича; вѣдь вы—Жоржикъ?..

— Моя фамилія Саввичевъ, грубовато замѣтилъ мальчикъ.

— Ну да, вы—Саввичевъ, а я—Даровъ, имѣю честь рекомендоваться. Мы съ Гришей... то-есть, съ Григоріемъ Сергѣичемъ, самые близкіе люди, понимаете?—мы много и часто про васъ говорили,—поэтому и съ вами буду говорить какъ добрый пріятель, безъ всякихъ околичностей. Такъ какъ-же экзамены-то?

— Вчера былъ послѣдній.

— Ну, и что-же?

— Срѣзался.—Двѣ двойки.

— Изъ какихъ предметовъ?

— Съ арифметики и съ латинскаго.

— Не говорите съ, надо изъ. Неладно, господинъ Саввичевъ. Какъ-же это случилось — строгій экзаменаторъ, сбивалъ, а?

— Нѣтъ, не то что сбивалъ, — а по правдѣ сказать, я больше двойки и не стою. Вѣдь у насъ въ пансіонѣ... какое у насъ ученье!—только-бы имъ деньги брать. Вижу, что я плохо подготовленъ, очень плохо.

Дарова поразилъ странный тонъ Жоржика: онъ говорилъ такъ, какъ будто дѣло шло вовсе не о немъ, да и дѣло-то пустяшное.

— И вамъ не досадно, не обидно, что въ гимназію не примутъ?

Мальчикъ поглядѣлъ на него пытливо и, подмѣтивъ добрую улыбку на лицѣ строгаго старика, самъ улыбнулся и, потушившись, прошепталъ:

— Что-жь мнѣ дѣлать?—Другіе еще хуже меня отвѣчали, а имъ двойки не поставили, ихъ примутъ, потому что за нихъ просили,—у нихъ протекція. Кабы Григорій Сергѣичъ попросилъ за меня... а то—что я такое? Кому до меня дѣло?

Изъ дальнѣйшей бесѣды выяснилось, что Жоржикъ не зналъ и какъ будто ни отъ кого не слыхивалъ, что на свѣтѣ что-либо можетъ дѣлаться въ силу одной только чистой справедливости; всѣ извѣстные ему факты (а ему, какъ видно, было извѣстно много фактовъ не изъ одной только учебно-воспита-

тельной сферы)—всѣ, какъ на подборъ, подтверждали ту мысль, что въ жизни успѣхъ достигается только деньгами и протекціей... И эта мысль не возбуждала въ немъ ни досады, ни насмѣшки, ни зависти къ счастливымъ; онъ просто рассказывалъ то, что удалось ему видѣть и узнать,—до сихъ поръ онъ только наблюдалъ и присматривался—и какъ будто признавалъ, что иначе на свѣтѣ и быть не можетъ...

Даровъ сначала подумалъ, что мальчикъ нѣсколько тупъ, но тупица не могъ-бы такъ зорко подмѣчать жизненные явленія,—онъ даже довольно ловко ихъ группировалъ, только относился къ нимъ непосредственно, безъ малѣйшаго критицизма, а затѣмъ, своего собственнаго мнѣнія или вовсе не имѣлъ, или запряталъ его очень глубоко, боялся высказать...

Онъ очень заинтересовалъ Дарова.

— Кто-же ваши товарищи?—Съ кѣмъ вы болѣе дружны?

— Да кажется, ни съ кѣмъ особенно я не дружусь.

— По крайней мѣрѣ, съ кѣмъ чаще видитесь, съ кѣмъ вамъ пріятнѣе?

— Пріятнѣе?—Пріятнѣе всего бываетъ у Терехинныхъ;—вѣрно слышали про нихъ? Это — здѣшній богачъ, вотъ, что этотъ домъ покупаетъ. У него два сына.

— Хорошіе мальчики?

— Какъ вамъ сказать?.. Они ужасно богаты. У нихъ учителей, гувернеровъ полно въ домъ; на всякій предметъ есть особый учитель, — да не то-что на предметъ, а на всякую глупость, которой можно выучиться безъ учителя, напримѣръ, гимнастика, верховая ѣзда, стрѣльба въ цѣль... на все у нихъ имѣется учитель. А сами они... даже довольно глупые ребята, ничего понять какъ слѣдуетъ не могутъ. Да имъ и не надо быть особенно умными: до всего достигнуть, потому что денегъ много.

— Что-же вы находите въ ихъ обществѣ, — какую пріятность?

— Какъ, какую пріятность? наивно удивился Жоржикъ.— Вѣдь они страшные богачи, живутъ великолѣпно; у нихъ всегда весело, свободно,—значить и пріятно.

— Съ такими-то оболтусами пріятно?

— Какое мнѣ дѣло, что они оболтусы? — ко мнѣ не пристанеть!

Даровъ подивился не столько практичности пятнадцати-

лѣтнаго человѣчка, сколько беззащитной откровенности, съ которою онъ высказывался.

— Но, однако-жь, вѣдь есть-же у васъ задушевные пріатели, съ которыми вы можете подѣлиться своими думами, которыхъ любите, отъ которыхъ вы желали-бы, чтобъ къ вамъ пристало что-нибудь?

Жоржикъ оглянулъ потолокъ и отвѣтилъ рѣшительно:

— Такихъ нѣтъ. Я всегда думаю одинъ.

— А Григорія Сергѣича любите? — Онъ принимаетъ въ васъ горячее участіе...

— Да, они очень добры. Я ужь имъ сказалъ, что буду дѣлать все, что они прикажутъ. Теперь вотъ въ гимназію—я-бы съ удовольствіемъ... Только пускай попросятъ директора...

— Чтобы допустили къ переэкзаменовкѣ?

— Нѣтъ-съ; я и на переэкзаменовкѣ все равно такъ-же срѣжусь... а просто, чтобъ вмѣсто двойки поставили 3. Это имъ ровно ничего не стоитъ, — вѣдь другимъ-же ставить. Кому отъ этого вредъ!

— Ужь не знаю... поговорите объ этомъ съ Григоріемъ Сергѣичемъ, а я... со временемъ, когда ближе познакомимся, я объясню вамъ, какой отъ этого вредъ... У васъ, милый господинъ Саввичевъ, нѣсколько странныхъ понятія...

Господинъ Саввичевъ повелъ плечомъ, будто самъ удивился, что у него странные понятія, — и черезъ минуту спросилъ развязно:

— Можно мнѣ папиросу закурить?

— А! — вы курите... У меня, красавецъ мой, нѣтъ папирозъ.

— Не беспокойтесь, у меня есть свои, очень порядочныя, — Кріона Папа Никола. Это лучшая фабрика. Неудбно-ли?

— Нѣтъ, я не курю, а имѣю сквернѣйшую привычку нюхать. — А вамъ раненько пріучаться-то.

— Кому отъ этого вредъ? — Мнѣ Григорій Сергѣичъ позволяють.

Повидимому, фраза «кому отъ этого вредъ?» — была у Жоржика ходячей и оправдательной поговоркой.

Онъ досталъ десятикопѣчную пачку папирозъ и закурилъ. Куреніе совершалъ онъ съ необыкновенною серьезностью; на красивомъ личикѣ его выступало выраженіе какой-то задорной независимости и блаженнѣйшаго эпикуреизма. Онъ и глоталъ,

и нюхалъ струи дыма, и любовался ихъ причудливыми фигурами, плававшими въ воздухѣ. Должно быть въ эту минуту онъ сильно не понравился Дарову, который перервалъ бесѣду, отвернулъся и принялся за газеты.

III.

Трубезовъ, еще несовсѣмъ проснувшійся, съ включенной головой, въ халатѣ, выбѣжалъ изъ кабинета и кинулся на шею къ старому другу.

— Ну, какъ тебѣ не стыдно, какъ не грѣшно! Велѣлъ-бы просто стащить меня съ кровати или холодной водой облить. Ахъ, Федоръ Алексѣичъ, какъ ты обидѣлъ меня! И давно пріѣхалъ? И какъ это я заспался? Вѣдь эдакое свинство вышло!.. Пойдемъ, пойдемъ, братъ, ко мнѣ. Я не ожидалъ, что ты такъ рано...

Онъ суетился, осыпалъ Дарова ласковыми упреками, но какъ будто боялся заглянуть ему прямо въ лицо.

— А, Жоржикъ, и ты здѣсь!—Извини, голубчикъ, теперь некогда, — надо кой-какими дѣлами заняться... Приходи обѣдать... Ахъ, постой, вѣдь ты не знаешь: это—Федоръ Алексѣичъ,—мой другъ, о которомъ я тебѣ говорилъ.

— Мы ужъ нѣсколько познакомились съ г. Саввичевымъ.

— Очень радъ, очень радъ!.. Такъ ужъ познакомились,—и прекрасно! Такъ помни, Жоржикъ, въ четыре часа приходи,—мы вмѣстѣ пообедаемъ. Пойдемъ, Федоръ Алексѣичъ, пойдемъ!

Онъ торопливо утащилъ пріятеля съ кабинетъ. Даровъ съ недоумѣніемъ гладѣлъ на его суету и отвѣчалъ полусловами на цѣлый залпъ пустѣвшихъ вопросовъ, которыми осыпалъ его Трубезовъ зря и невпопадъ, словно для того только, чтобы не молчать, наполнить чѣмъ-нибудь эту четверть часа, пока онъ умывался и одѣвался за маленькой китайской ширмой, отдѣлявшей уголь обширнаго кабинета, гдѣ устроена была его спальня и уборная.

— Ну вотъ, я и готовъ. Сохранилъ, братъ, хорошую солдатскую привычку одѣваться въ двѣ минуты, какъ по тревогѣ. Дайте-ка намъ еще чаю, скомандовалъ онъ слугѣ и, усадивъ Дарова въ покойное, старинное кресло, помѣстился противъ него за письменнымъ столомъ.

— Такъ ты познакомился съ Жоржиномъ? — Какъ онъ

тебѣ понравился? Надо тебѣ сказать, онъ очень привязчивъ... или, можетъ быть, не онъ, а я скоро привязываюсь... Ха-ха! Я ужъ успѣлъ привыкнуть къ нему.

Трубежовъ еще долго продолжалъ болтать безсодержательныя рѣчи, — какъ дѣлаютъ дѣти, стараясь заглушить страхъ или отдалить неприятную минуту.

— Я, признаюсь, думалъ даже, что врядъ-ли ты прійдешь...

— Почему-же?—Вѣдь ты звалъ меня... Неужели ты могъ-бы уѣхать, не повидавшись со мною... не объяснивъ тѣхъ отношеній, при которыхъ мы расстаемся?

— О, нѣтъ, это невозможно!—Ты знаешь, по природѣ я не скрытенъ,—даже, можетъ быть, экспансивенъ болѣе чѣмъ слѣдуетъ... Ужъ и безъ того измучился: мы съ тобой давно ведемъ какую-то странную и тяжелую игру въ молчанку... Этимъ путемъ идти дальше нельзя, — такъ или иначе нужно было разбить эту кору, что я вчера и сдѣлалъ... Вѣроятно, Лидія Васильевна вчера-же все и передала тебѣ...

— Я съ нею не видался и не говорилъ ни слова,—сурово замѣтилъ Даровъ.

— Какъ? — ни слова!..

— Удивленіе твое немножко странно, чтобъ не сказать: глупо...

— Вы такіе друзья, что... я предполагалъ... это очень естественно...

— Мало-ли какихъ глупостей мы иногда не предполагаемъ!.. Ни вчера, ни сегодня она со мною двухъ словъ не сказала. Видишь-ли, какъ все нелѣпо тебѣ представляется!.. Она ничего не говорила мнѣ, но, положа руку на сердце, не могу-же я городить вздоръ, будто ничего не знаю... Я знаю все: ты любишь ее и вчера говорилъ ей про свою любовь...

— Да...

— Ну, понимаешь-ли теперь, сколько дряни накипѣло на твоей душѣ!.. Ты, человѣкъ честный и неглупый, видалъ и передо мной, и передъ собой, какъ самый послѣдній фатишка...

— Даровъ!..

— Постой, не перебивай меня, дай высказать все до конца... Я стою одной ногой въ гробу, моя жизнь бѣднѣ твоей, мнѣ терять почти нечего, а потому я смѣлѣе могу смотрѣть въ лицо голой правдѣ... Давно, еще при нашемъ разставаньи въ К., я подмѣтилъ въ тебѣ что-то неладное и тогда-же взялъ съ

тебя слово, что мнѣ первому скажешь все, что назрѣтъ у тебя на душѣ, при какихъ-бы обстоятельствахъ это ни случилось... Сознайся, ты отлично понималъ, о чемъ шла рѣчь... Допускаю, что въ то время ты не могъ мнѣ отвѣтить прямо, потому что самъ не могъ еще разглядѣть, какое чувство къ этой дѣвушкѣ зарождалось въ твоемъ сердцѣ. Но потомъ, по приѣздѣ сюда, ты уже имѣлъ возможность по имени назвать созрѣвшее въ тебѣ чувство;—отчего-же не сказалъ мнѣ прямо: я люблю Лидію Васильевну?.. Оттого, что въ тебѣ таилось ревнивое подозрѣніе, что и я люблю ее... И ты угадалъ: я люблю ее, да!.. Я—бѣднякъ, у меня нѣтъ ничего, кромѣ коротенькаго остатка хворой, убогой жизни,—не боюсь я смерти, часто даже зову ее, какъ избавленіе отъ моихъ непереносныхъ страданій,—но я готовъ еще десятки лѣтъ жить, то-есть, страдать, мучиться, если только моя жизнь будетъ нужна этой дѣвушкѣ... Пойми,—это вовсе не эффектная жертва, въ родѣ пули въ лобъ... Ну, да объ этомъ нечего!—Я люблю ее слишкомъ серьезно—и любовь эта налагаетъ на меня большія обязанности.—Вспомни, у нея, бѣдной, нѣтъ ни отца, ни матери, ни пріюта, ни работы, ни вѣрнаго куска хлѣба,—да-съ, Григорій Сергѣичъ, коли хотите знать, она—нищая... И было-бы звѣрскимъ преступленіемъ отнестись къ этой нищѣй какъ-нибудь легкомысленно, — особенно тѣмъ, кому она довѣрилась. По счастью, природа не дала ей смазливой рожицы, — это отчасти спасаетъ ее отъ скользкаго пути стать добычей какого-нибудь гнилого Ловеласа... Это роль не ваша,—вы слишкомъ развитый человѣкъ, играть въ амуръ постыдитесь, — но опять таки, если твое чувство такъ серьезно, зачѣмъ носиться съ нимъ воровски и дѣлать изъ него какой-то трескучій спектакль?.. Пеняй на себя. — Она не такая дѣвушка, чтобъ повѣрила мелодрамѣ. — Вчера было слишкомъ ясно не только для меня, но даже для пятилѣтняго сынишки Миллера, что ваше объясненіе кончилось очень печально,—что ты, мой другъ, провалился... И съ поляйшею откровенностью скажу, что этому я очень радъ...

— Федоръ Алексѣичъ, ты слишкомъ много берешь на себя...

— Сердись сколько тебѣ угодно, а я все-таки повторю: слава Богу, что вы не поладили,—въ этомъ союзѣ вы оба были бы крайне несчастливы... Она, какъ водится, была-бы жертвой,

а ты—палачомъ, да не одной только ее, а своимъ собственнымъ палачомъ...

— Послушай, Даровъ, это ужь слишкомъ! — Трубежовъ вскочилъ съ мѣста. — По какому праву ты становишься судьей надъ моимъ чувствомъ,—надъ той святыней, которая для меня дороже жизни и чести? По какому праву?..

— Кричи еще, громче кричи! Ну, вызови меня на дуэль—это будетъ, не скажу—самое умное, но самое кавалерское рѣшеніе спора... Экъ какъ въ насъ старья-то дрожжи бродятъ!—«По какому праву?»—«Святыня!»—«честь!»—Господи, какія все громкія слова!.. А по такому праву, что я тебя отлично знаю и люблю какъ брата, — и ее люблю не меньше. И чтобъ я смотрѣлъ спокойно и молчалъ, когда два близкіе мнѣ челоуѣка сходятся за тѣмъ, чтобы въ конецъ изгадить жизнь другъ другу,—никогда!

— Я люблю ее... а будущее почему ты знаешь!

— Неправда, ты не любишь ее! Ты едва-ли и можешь кого-нибудь любить безъ театральной обстановки... Это ничуть не отнимаетъ другихъ твоихъ достоинствъ—ты хорошій челоуѣкъ, а только любовь совсѣмъ не твое дѣло! Въ тебѣ не любовь къ ней кипитъ, а задоръ, самолюбивый задоръ, который разгорѣлся отъ многихъ, совсѣмъ постороннихъ любви обстоятельствъ...

Трубежовъ вспомнилъ почти тождественный отвѣтъ Лидіи Васильевны и усмѣхнулся съ злою ироніей:

— Еще-бы тебѣ этого не знать! Она тоже вчера говорила, что люблю я не ее, а какой-то выдуманный призракъ. Удивительное совпаденіе!

— Да и она совсѣмъ тебя не любитъ...

— О, да! — послѣднее совершенная правда... Это тебѣ извѣстно лучше, чѣмъ кому-нибудь...

— Вотъ видишь-ли, какъ это глупо!.. Опять—старья дрожжи! Ты—врагъ крѣпостниковъ и въ то-же время самъ никакъ не можешь освободиться отъ крѣпостническихъ, всосанныхъ съ молокомъ матери, понятій. Что-жь, женщина по твоему—раба, что-ли, которая обязана непремѣнно раздѣлять нашу деспотическую любовь или поступать такъ, какъ научить ее какой-нибудь другой мужчина?—Своего-то ужь она ничего не должна имѣть?—Слушаться насъ, благодарить и считать себя счастливой, коли удостоили выборомъ... И изъ-за обладанія та-

кою-то безправной дурой, словно вещь, мы готовы другъ другу горло перегрызть?.. Что за чепуха!.. Споримъ, деремси и совсѣмъ не принимаемъ въ расчетъ, что вѣдь и она тоже въ нѣкоторомъ родѣ человѣкъ, — упорно домогаемся «обладать», — по-просту, владѣть человѣкомъ — развѣ это не позвѣя крѣпостничества? — Лидія Васильевна давно уже сознала себя человѣкомъ. Не знаю вашего разговора, но думаю, что она, не желая быть вещью, прямо отрѣзала, что не любитъ тебя, а ты, какъ заправскій плантаторъ, обидѣлся, принялъ ее отвѣтъ за возмущеніе рабыни и, чтобы сорвать свою досаду, опрокинулъ всю вину на меня. Эхъ, Гриша, Гриша! — да еслибы она любила-то тебя, такъ и объясненія никакого не потребовалось-бы, безъ всякихъ словъ она кинулась-бы тебѣ на шею — и я обѣими руками благословилъ-бы ваше глупое счастье... Да, надо признать, что любовь — глупое счастье, короткое счастье, — но все-же оно законнѣе, чѣмъ самая хитропридуманная комбинація... Извини, душа моя, но я убѣжденъ, что тобою теперь двигаетъ не любовь, а очень сложная комбинація...

— Ахъ, перестань, Даровъ! Ты хоть-бы чуточку пожалѣлъ меня; вѣдь я страдаю, а ты безжалостно пилишь меня, какъ какую-то деревяшку...

— Довольно! Я все сказалъ... больше не въ силахъ! Ты страдаешь, а я... я ничего... я — желѣзный... ха-ха!.. Дай мнѣ подушку, я улягусь на этой кушеткѣ... Извини, братъ, — хоть и желѣзный, а все-таки нуждаюсь иногда въ отдыхѣ... Дай-же передохнуть... Говори, а я полежу.

Трубежовъ долго и порывисто ходилъ по комнатѣ, потомъ сѣлъ у изголовья прилежшаго на диванъ пріятеля.

— Выслушай, Ѳедоръ Алексѣичъ... Какъ-бы тамъ ни было, ты можешь осуждать меня, считать необузданнымъ себялюбцемъ, деспотомъ, крѣпостникомъ — чѣмъ угодно. Въ свою очередь, я оставляю за собою право видѣть въ тебѣ сухого доктринаера, теоретика, подводящаго живую жизнь чуть не подъ алгебраическія формулы, — оставимъ это. Кто изъ насъ правъ, кто виноватъ, или оба мы не правы — намъ этого не рѣшить въ настоящую минуту! Надъ всѣмъ этимъ запутаннымъ дѣломъ приходится поставить большой крестъ — и мимо! Огляни внимательно мое личное положеніе, какъ сложилось оно въ послѣднее время: вѣдь во мнѣ нѣтъ ни одного живого мѣста,

ни одного дорогого убѣжденія, которое не получило-бы самой полновѣсной затрешины... Не въ силу какой-нибудь общей теоріи, а прямо по моимъ частнымъ, личнымъ неудачамъ, я растерялся, не знаю что дѣлать, куда идти... Мудрено-ли, что могъ и еще могу надѣлать тысячу сумасбродствъ, пока не истощится до-гла моя надорванная уже энергія и не сдѣлаюсь я тряпкой и дрянью во всѣхъ отношеніяхъ. Это горькое сознание не вчера родилось, оно—не капризь обиженного самолюбія... Наконецъ, если я дѣйствительно страдаю болѣзненно развитымъ самолюбіемъ, съ одной стороны, и совершенною непригодностью служить моей родинѣ—съ другой, отъ этого мнѣ нисколько не легче! Пусть считаютъ меня чѣмъ угодно, но я, слава Богу, еще не измочалился до того, чтобы вычеркнуть все свое прошлое, признать собственную непригодность и смиряться передъ тѣмъ, противъ чего до сихъ поръ по мѣрѣ силъ боролся и что всегда глубоко ненавидѣлъ... Съ ребяческой надеждой схватился я за послѣднюю, тонкую ниточку, которая еще могла-бы связать меня съ постылою дѣйствительностью и даже, современемъ, вывести изъ проклятаго лабиринта противорѣчій мысли и дѣла, но вчера и эта ниточка порвалась... Я люблю Лидію Васильевну, какъ только умѣю любить,—она не нашла возможнымъ идти дальше объ руку со мною,—вѣроятно потому, что эта рука показала ей ненадежною... Какъ быть!—можетъ, и тутъ вся вина на моей сторонѣ... Но опять-таки, чортъ возьми, легче-ли мнѣ отъ этого!.. Вчера у меня вырвалось «Fagewell!»—да, я долженъ проститься, со всѣмъ, со всѣмъ проститься, какъ это мнѣ ни больно... Это было мною ужъ давно рѣшено. Вотъ и заграничный пассъ въ карманѣ. Послѣзавтра я уѣзжаю.

Даровъ слушалъ его съ закрытыми глазами, но при послѣднихъ словахъ приподнялся на локоть, взглянулъ въ его лицо и съ какимъ-то ожесточеніемъ зарядилъ свой носъ въ нѣсколько приемовъ.

— Что-же ты, Федоръ Алексѣичъ, на это скажешь?—Вѣдь ты знаешь, какъ я дорожу твоимъ мнѣніемъ и даже люблю, когда ты безпощадно клещешь меня своимъ критическимъ хлыстомъ.

— Да что сказать-то? Захотѣлось тебѣ постранствовать по свѣту, средства позволяютъ,—ну и поѣзжай себѣ съ Богомъ. Нужно тебѣ это или нѣтъ—твое личное дѣло.

— Однако, въ другихъ, тоже личныхъ, дѣлахъ моихъ ставился-же ты судьбою; а тутъ поставленъ вопросъ болѣе важный: дѣло идетъ о спасеніи моего человѣческаго достоинства... Пойми, что я, какъ человѣкъ нервный и слабый, при настоящихъ условіяхъ, могу дойти не знаю до чего—можетъ быть, до самаго позорнаго паденія... Вотъ чего я боюсь, вотъ отъ чего я бѣгу...

— Д-да, это такъ... Тебѣ дѣйствительно нужно оздоровленіе... Смѣшно сказать, что всѣ русскіе люди, чуть только нуждаются въ здоровьѣ тѣлесномъ или духовномъ,—сейчасъ бѣгутъ подышать заразительною атмосферой гніющаго запада... Издыхающая цивилизація... ха-ха!.. что-то ужъ очень долго она издыхаетъ... Ступай, голубчикъ, ступай! Тамъ, въ этомъ—какъ оно говорится?—въ этомъ омутѣ гибельныхъ лжеученій, среди людей нравственно-прокаженныхъ, ты лучше поймешь и вѣрнѣе оцѣнишь благополучіе нашего здороваго общества... Да, ступай,—теперь вотъ тебя мучать вопросы: «куда идти, что дѣлать?»—ужъ не знаю, здорова-ли та атмосфера, въ которой зарождаются такіе несчастные вопросы,—можетъ быть тамъ, въ тоскѣ по родинѣ, какъ нибудь легче, сами собой разрѣшаются эти вопросы — и ты воротись бодрѣ и смѣлѣе на родную ниву... Дай Богъ тебѣ скорѣе такого возвращенія!..

— Ахъ, братъ, не станемъ говорить о возвращеніи... Не знаю... и боюсь заглянуть въ будущее... Вѣдь я ѣду не шляться по бульварамъ, кафе и театрамъ,—ни мои вкусы, ни мой кошелекъ этого не позволяютъ. Какой ни на есть ничтожный и больной россиянинъ, я все-таки кровно люблю мою родину и никогда, нигдѣ не откажусь послужить ей чѣмъ могу и какъ умѣю, — ну, а ты знаешь, что это служеніе иногда можетъ быть такъ истолковано злонамѣренными людьми, что, пожалуй, навѣки упадетъ обратная дорожка на Вержболово... Не знаю, когда и какъ я возвращусь, но не разрываю ни одной дорогой для меня связи,—напротивъ, хочу закрѣпить ихъ фактическими, дѣловыми сношеніями. Я долженъ сообщить тебѣ мой планъ,—онъ давно задуманъ, но привести его въ исполненіе зависитъ столько-же отъ меня, сколько отъ тебя и Лидіи Васильевны. Тутъ необходима ваша санкція... Выслушай меня.

IV.

Нужень былъ горячій, захватывающій интересъ, чтобы хилый Федоръ Алексѣичъ, послѣ столькихъ, пережитыхъ со вчерашняго дня, волненій, могъ выдержать еще двухчасовую бесѣду съ Трубежовымъ. Блѣдный, съ дрожащими руками и лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ, онъ слушалъ горячія рѣчи Григорія Сергѣича, перечитывалъ приготовленные имъ письменныя распоряженія, и ни разу не пожаловался на физическое изнеможеніе; оно выразилось только тѣмъ, что Даровъ, всегда задорный на споръ, теперь возражалъ вяло, нехотя и кончилъ тѣмъ, что на все согласился.

Дѣло шло о томъ назначеніи, какое Трубежовъ задумалъ дать бабушкину наслѣдству. По продажѣ дома, за всѣми расходами и уплатою пяти тысячъ сиротскому пріюту, останется наличныхъ денегъ сто тысячъ. Изъ этого капитала Трубежовъ предположилъ образовать неприкосновенный фондъ, обративъ въ какія-нибудь наиболѣе вѣрныя и выгодныя процентныя бумаги, а доходъ, съ нихъ получаемый, дѣлить пополамъ: одну половину выслать ему за границу, а другая должна поступать въ распоряженіе Дарова и Лидіи Васильевны, съ тѣмъ, что они будутъ на эти средства воспитывать Жоржика до совершеннолѣтія, а потомъ Трубежовъ оставлялъ за собою право дать окончательное назначеніе всему капиталу.

Наши пріятели были совершенно непрактическіе люди, а потому неудивительно, что планъ ихъ обнаруживалъ такіе промахи и неточности, надъ которыми посмѣялся-бы всякій дѣлецъ и съ восторгомъ потиралъ-бы руки всякій плутократъ, почувявъ возможность удобной и безопасной поживы. Но они, «чистіи сердцемъ», и не подозрѣвали возможности практическихъ каверзъ, имъ даже въ голову не приходила мысль о какихъ-либо формальныхъ гарантіяхъ взаимнаго довѣрія — она оскорбила-бы того и другого.

— Я вѣдь набросалъ это въ общихъ чертахъ, насчетъ подробностей и разныхъ непредвидѣнныхъ случайностей мы можемъ столкнуться. Но главную-то мою идею вѣдь ты понимаешь?—Это не какой-нибудь договоръ, условіе, а еще менѣе — обязательство,—это моя величайшая просьба къ вамъ, лучшимъ и единственнымъ друзьямъ моимъ. Ради Бога, помогите мнѣ также просто и сердечно, какъ я вамъ предлагаю.

— Я могу отвѣчать только за себя, но Лидія Васильевна...

— Да, братъ, не знаю, какъ она на это взглянетъ... Мнѣ лично предлагать ей не приходится... Ужь твое будетъ дѣло передать ей мою просьбу, убѣдить ее... Вѣдь соглашалась же она принять мѣсто въ сиротскомъ заведеніи моей бабушки, не то-ли самое и тутъ: деньги бабушкины, а вмѣсто чужихъ дѣтей на эти деньги будетъ воспитываться мальчикъ, который имѣетъ право считать это воспитаніе не милостыней, а своей законной наслѣдственной долей.

— Но, видишь-ли, милый мой, всего дохода будетъ тысячь около шести-семи, — ты распредѣлил его неправильно: тебѣ трехъ тысячь въ годъ будетъ очень мало, а на воспитаніе мальчика три тысячи рублей серебромъ — сумасшедшія деньги! Тутъ ты немного того... какъ будто хочешь... Извини, пожалуйста, я увѣренъ, что ты и не думалъ обидѣть меня и Лидію Васильевну, предложивъ такое слишкомъ щедрое вознагражденіе, — но ужь слишкомъ дорого цѣнишь нашъ трудъ или хочешь въ конецъ испортить мальчугана, развить въ немъ барскія привычки...

Трубежовъ замѣтно покраснѣлъ и, чтобы быть убѣдительнѣе, схватилъ Дарова за руку и заговорилъ умоляющимъ тономъ:

— Нѣтъ, голубчикъ, Федоръ Алексѣвичъ, — ни того, ни другого нѣтъ!.. Пойми ты только, что для меня трехъ тысячь за глаза довольно; вѣдь у меня есть еще клочекъ земли въ Трубежовкѣ — тоже какой-нибудь доходъ принесетъ. Да притомъ, ѣду я вовсе не жуировать, буду жить студентомъ, авось найду работу... ну, обрѣзывать буду свои прихоти, иногда нуждаться буду, — я даже хочу нуждаться... Наконецъ, развѣ не знаешь, что вездѣ почти за границей жизнь гораздо дешевле, чѣмъ въ Россіи. Обо мнѣ ты и не думай. А относительно Жоржика ты тоже ошибаешься: что онъ за принцъ такой! Да я не посмѣлъ-бы и предложить вамъ заняться дрессировкой будущаго дармоѣда, тунеядца, фатишки — барича. Онъ долженъ идти заурядъ со всѣми, не подозрѣвая, что у него есть какіе-то съ неба упавшіе капиталы, — вотъ почему я и не хочу теперь дотировать его наслѣдствомъ. Выростетъ, станетъ человѣкомъ, тогда и поговоримъ объ этомъ. Но видишь-ли, я не досказалъ... Я и теперь предполагаю его воспитаніе связать хоть съ маленькимъ общепользнымъ дѣломъ,

тогда и вашъ трудъ получить иной, болѣе широкой смыслъ и болѣе достойную васъ задачу... Еслибы, напрымѣръ, вы наняли помѣщеніе попросторнѣе и приняли-бы на свое попеченіе, кромѣ Жоржика, еще хоть трехъ-четырехъ бѣдныхъ мальчиковъ, бесплатно или за самую ограниченную плату, и устроили-бы такимъ образомъ ученическую квартиру, не какъ спекуляцію... А, какъ ты думаешь? — Откровенно сказать, до вчерашняго дня я самъ предполагалъ устроить это дѣло, но такъ какъ теперь ужь... положеніе мое окончательно опредѣлилось, то я надѣюсь, что вы не откажетесь осуществить мою идею. Оффиціальности тутъ никакой не нужно, — Боже сохрани! Оффиціальность у насъ портитъ всякое доброе начинаніе... Пусть это будетъ дѣло совсѣмъ домашнее, безъ шума, безъ огласки... Объяснять нечего: ты лучше меня понимаешь, какъ повести такое дѣло. Тогда вашъ трудъ оплачивался-бы весьма умѣренно, даже скудно, — а сколько-бы пользы-то вы сдѣлали!..

Предложеніе Дарову понравилось именно тѣмъ, что въ немъ не было ничего широкаго, грандіознаго, никакой маниловщины, — онъ далъ согласіе за себя.

— А за Лидію Васильевну?

— Отчего-же ты думаешь, что и въ этомъ я буду счастливѣе тебя? разсмѣялся Даровъ.

— Ты ужь можешь смѣяться! попрекнулъ Трубежовъ. — Впрочемъ, это добрый знакъ: твое честное, любящее сердце подсказало тебѣ, что не пора-ли намъ разсмѣяться!..

— Да какъ-же не смѣшно? — Ты пресерьезно обрекаешь насъ на совмѣстную жизнь... Подумай хорошенько, въ куклы что-ли мы играемъ?

— Въ самомъ дѣлѣ, прости... виноваты! Въ самомъ дѣлѣ, это, съ моей стороны, ужасно неловко... еслибъ я не... еслибы мнѣ не представлялось натуральнымъ, неизбѣжнымъ... Впрочемъ, ужь это не мое, а ваше дѣло...

— Ахъ, какой еще ты ребенокъ, Гриша, несмотря на твои 28 лѣтъ!

— И умру такимъ... Натуры не перемѣнишь. Я стою за искренность — искренность до конца! А тамъ, пусть судить обо мнѣ какъ кто хочетъ...

Усталость, наконецъ, одолѣла Дарова, — онъ какъ лежалъ на диванѣ, такъ и заснулъ. Трубежовъ осторожно вышелъ изъ кабинета.

Къ четыремъ часамъ пришелъ Жоржикъ. Онъ пересказалъ Григорію Сергѣвичу свою неудачу на экзаменѣ.

— Ну, что-жь дѣлать, братецъ, поступишь въ гимназію годомъ позже. Этотъ годъ у тебя не пропадетъ,—твоимъ образованіемъ займутся люди хорошіе — и ты поймешь, что не протекція нужна человѣку, а трудъ и характеръ. Послѣ завтра я увѣзжаю и, вѣроятно, довольно надолго; ты будешь жить у Федора Алексѣвича—это все равно что у меня, даже лучше. Онъ беретъ заниматься твоимъ воспитаніемъ, и, я увѣренъ, ты полюбишь этого превосходнаго человѣка. Обращайся во всемъ къ нему, такъ-же прямо и откровенно, какъ ко мнѣ. Впрочемъ, можетъ быть, отецъ твой будетъ несогласенъ... Придется опять съ нимъ толковать!

— Отецъ отъ меня ужъ отступился,—у насъ вышли большія непріятности.

— Что еще такое?

— Да какъ-же! Онъ поступаетъ къ Терехинымъ дворецкимъ, — ну, съ чѣмъ это сообразно? — Вѣдь я у нихъ въ гостяхъ бываю—и вдругъ... отецъ тамъ лакеемъ... Мнѣ, Григорій Сергѣвичъ, это очень конфузно. Сталъ я отговаривать, а онъ разозлился, выругалъ меня: убирайся, говорить, на всѣ четыре стороны, знать тебя не хочу, и на глаза не кажись!.. Ужъ не знаю, чего ему еще нужно? Добро-бы бѣдный человѣкъ былъ, а то денегъ у него много. Лавку ужъ не хочетъ открывать; отдамъ, говорить, всѣ деньги господину Терехину, современемъ въ дѣлахъ его компаньономъ буду. Все корысть!

— Однако, какъ хорошо ты все знаешь!..

— Я много знаю, Григорій Сергѣвичъ, только говорить пока не смѣю.

— Федору Алексѣвичу смѣло говори все, ничего отъ него не скрывай—и онъ тебя крѣпко полюбитъ. Въ деньгахъ нуждаться не будешь и у отца не проси. Федоръ Алексѣвичъ будетъ давать тебѣ сколько нужно.

— Да мнѣ на что деньги! Чужихъ денегъ мнѣ не надо.

— Это не чужія, а твои,—ихъ немного, но будешь жить на всемъ готовомъ, нуждаться не будешь.

Даровъ проснулся передъ самымъ обѣдомъ. Онъ казался очень веселъ, разговорчивъ; Жоржикъ глядѣлъ на него большими, испытующими глазами, какъ на человѣка, въ рукахъ

котораго теперь вся его будущность. Онъ видимо былъ доволенъ и даже тронуть, когда почтенный челоѣкъ обращался къ нему съ какою-то сердечною простотою и называлъ его не такъ, какъ утромъ, «господинъ Саввичевъ», а прямо — Жоржикъ.

Къ концу обѣда слуга подалъ Федору Алексѣичу письмо. Взглянувъ на почеркъ адреса, онъ, не распечатывая, положилъ его въ карманъ, — это была старинная привычка Дарова, — иногда онъ по нѣскольку дней носилъ въ карманѣ нераспечатанныя письма; но теперь это письмо какъ-то смутило его.

— Ожидаютъ отвѣта, онѣ здѣсь на бульварѣ, доложилъ слуга.

— Кто—онѣ? виѣшался Трубежовъ.

— Какая-то дама.

Даровъ всталъ изъ-за стола, отошелъ къ окну. Въ его письмѣ было другое, заклеенное въ маленькій конвертъ. Торопливо пробѣжалъ онъ записку, адресованную на его имя, а приложенное письмо передалъ Трубежову.

— А меня извини пожалуйста, я долженъ съ тобою проститься.

— Постой, останься, — я сію минуту прочту.

— Нѣтъ, лучше завтра... Хорошее узнать никогда не поздно, а дурное чѣмъ позднѣе, тѣмъ лучше. — До свиданья! Приѣзжай завтра къ намъ — и Жоржика привези. Поцѣлуй меня, Жоржикъ.

Даровъ поспѣшно вышелъ.

Записка и письмо были отъ Лидіи Васильевны.

V.

Едва Даровъ вышелъ на бульваръ, навстрѣчу ему уже бѣжала она, вся волнующаяся, блѣдная, съ глазами полными тревоги и муки. Она не могла выговорить слова, схватила его за обѣ руки и старалась хоть какъ-нибудь улыбнуться, но дрожація губы ей не повиновались...

— Что съ вами? Одна въ городъ приѣхала? Какое безразсудство! Какъ васъ отпустили! Къ чему все это? Ничего необыкновеннаго не случилось и не могло случиться... Ахъ, Лидія! Ужь этого я не ожидалъ отъ васъ, такой умницы!

Она не слушала его брюжжанья и старческихъ попрековъ, — потащила къ ближайшей скамьѣ и опустилась на нее, закрывъ

платкомъ лицо. Ея сдвоенныя рыданія перепугали Дарова. Она рыдала беззвучно, только плечи вздрагивали и грудь колыхалась мѣрно, обезсиленною волной.

— Поѣдьте скорѣе домой, прошептала она, поднявъ на него глаза, влажные и словно вымаливающіе прощеніе.— Письмо мое вы отдали? Все кончилось мирно?•

— Да, разумѣется, завтра онъ будетъ у насъ.

— Ну, слава Богу... я очень рада... Поѣдьте.

Они паняли перваго попавшагося извозчика.

— Поѣзжай поскорѣе, голубчикъ-извозчикъ, прибавлю на чай.— Тамъ тоже беспокоятся... Что это за день такой — всѣ беспокоятся! Только обо мнѣ, слава Богу, никто не беспокоится... Еще-бы обо мнѣ!

Даровъ стиснулъ зубы. Ему во весь день ни разу не пришло на мысль: а что-то дѣлаетъ теперь Лидія Васильевна? — Ея имя двадцать разъ повторялось, а никто не вспомнилъ, что она живой человѣкъ, способный и волноваться, и мучиться не за себя только...

— Вы недовольны мной, вы сердитесь за то, что я приѣхала? говорила она дорогой, стараясь ласково заглянуть въ лицо Ѳедора Алексѣича.— Вѣдь я, право, невиновата... знаете, такія мучительныя мысли все утро... Хоть онѣ — глупыя мысли, но я не могла, не вынесла... хожу, какъ приговоренная — и еще не знаю къ чему приговоренная то... вотъ бѣда! Мадамъ Миллеръ рассказываетъ про какія-то страшныя, запутанныя исторіи, какъ лучшіе друзья становились врагами смертельными... какъ пустяки кончались дуэлями... Вѣдь это все глупыя исторіи, не правда-ли, Ѳедоръ Алексѣичъ? Между хорошими людьми такъ не бываетъ?

— Натурально, — что мы за бреттеры!

— И я такъ-же думала, только не могла — не могла осилить какой-то тоски... Больнѣе всего думалось о томъ, зачѣмъ я тутъ? что такое я!.. Не злая-ли это насмѣшка, что вотъ какъ будто черезъ меня все это вышло! Въ самомъ дѣлѣ, что такое я? — и вдругъ лучшіе люди, какихъ я только встрѣчала, порвали все — и старую дружбу, и все другое, что связывало прежде ихъ честныя жизни — и все это потому, что я какъ-то случайно, совсѣмъ некстати, тутъ замѣшалась...

— Видите, что ничего ужаснаго не случилось, и успокойтесь, вы тутъ не причемъ.

— Ну, вотъ я и рада, что не причемъ! повторила она голосомъ, въ которомъ звучала едва замѣтная обиженная нотка... А то, въ самомъ дѣлѣ, на что-бы это было похоже Я—такая ничтожная, несчастная... Во мнѣ только и есть хорошаго, что способность жить для другихъ,—это мнѣ на роду написано... проговорила она съ тяжелымъ вздохомъ и умолкла.

— Да, жить для другихъ—трудное дѣло.

— И прибавьте — обидное дѣло, потому что часто его не понимаютъ даже умные люди.

Въ ея словахъ слышалась насмѣшка и досада.

Болѣе часа они ѣхали молча, и уже подъѣзжая къ хутору Лидія Васильевна спросила съ притворной небрежностью, будто только сію минуту вспомнила:

— А что сказалъ онъ, когда прочелъ мое письмо?

— Онъ еще не успѣлъ прочесть, какъ я ушелаъ.

— Ахъ, какой вы!

— Къ вамъ спѣшилъ... завтра все узнаете.

— Разумѣется, узнаю! усмѣхнулась она презрительно и примолвила тихо, словно провѣряя свою затаенную мысль:— да, теперь онъ увидитъ все и пойметъ — и проститъ... Ужъ больше этого ничего не могла я сдѣлать...

— Что-же вы написали ему, если это не секретъ?

— Никакого секрета. Но это касается только меня одной...

— Извините за нескромность.

— Что-же вы хмуритесь? Вѣдь съ нимъ вы окончательно примирились?.. Ничего недосказаннаго не осталось?..

— Да, мы расстаемся прежними друзьями. — Онъ уѣзжаетъ за-границу.

— Уѣзжаетъ? Надолго?

— Едва-ли это извѣстно даже ему самому. При его характерѣ все возможно: можетъ съ полдороги воротиться, можетъ и навсегда застрануть гдѣ-нибудь. Впрочемъ, въ его натурѣ много чего-то стихійнаго, русскаго, — въ немъ какъ будто наша деревня сидитъ, со всѣми красками и звуками ея печальной поэзіи... Да, онъ стоскуется и вернется.

— Я тоже — не смѣю сказать: убѣждена, — но думаю, что вернется.

— Мнѣ нужно объяснить вамъ одно дѣло, которое и васъ затрогиваетъ... Очень серьезное дѣло... Я приду въ вашу комнату.

Пріѣхавъ на хуторъ, Лидія Васильевна не имѣла надобности успокоивать мадамъ Миллеръ: ея лицо, голосъ, взглядъ, — вся фигура краснорѣчиво рассказывала, что тучи прошли, что ея душевный миръ возстановился. Она не давала покоя Дарову, требуя скорѣе рассказать, что это за дѣло, которое ее затрогиваетъ. Выслушавъ обстоятельный пересказъ его, Лидія Васильевна крѣпко призадумалась, — она не могла понять, чего отъ нея хотять.

— Разумѣется, воспитаніе мальчиковъ совсѣмъ не ваше дѣло, — на васъ будутъ лежать самыя прозаическія занятія по хозяйству: вѣдь нужна-же намъ приличная квартира, столъ... Я въ этомъ ничего не смыслю...

— Значить, вамъ нужна просто экономка...

— Вы не обижайтесь, Лидія Васильевна... Вѣдь это еще предположеніе...

— Однако, вы на него согласились... не такъ-ли? Ну, что-жъ — бѣда небольшая: экономка такъ экономка... Ха, ха! оно для васъ очень удобно! Только мы вотъ какъ сдѣлаемъ: экономку-то вы наймите хорошую, умѣлую, а я каждый день буду приходить и провѣрять ея хозяйство, жалованья за это не возьму... Ха-ха-ха! какъ это просто и мило!..

Даровъ растерялся, — онъ удивился даже, какъ это до сей минуты не замѣтилъ, что подобное предложеніе ни съ чѣмъ несообразно и оскорбительно для Лидіи Васильевны. Онъ и не пробовалъ оправдываться, а поникъ головой и едва могъ говорить:

— Со вчерашняго дня у меня такой сумбуръ въ головѣ: едва понимаю, что говорю... Вы, пожалуйста, не придавайте словамъ моимъ никакого значенія и не говорите ничего Трубежову. Это совсѣмъ не такъ... тутъ совсѣмъ другое... Оставьте меня... я измученъ... переговоримъ завтра...

— Не подумайте, Ѳедоръ Алексѣичъ, что я обидѣлась, какъ обыкновенно обижаются «благородныя» барышни... Вспомните, я много разъ говорила, что готова всю жизнь посвятить уходу за вами, быть вашей слугой, сидѣлкой, когда вы больны, но вдумайтесь хорошенько, похоже-ли это на то, что теперь мнѣ предлагается... Пощадите-же мое самолюбіе... Она повернулась и вышла, не протянувъ даже ему руки на прощанье.

И эту другую ночь Даровъ почти не спалъ. Онъ много размышлялъ о положеніи Лидіи Васильевны и проклиналъ себя

за оплошность, за недодуманность и грубость сдѣланнаго ей предложенія; ея обида стала ему еще понятнѣе, когда онъ вспомнилъ тѣ чудесныя минуты, когда эта дѣвственно-чистая душа раскрывала передъ нимъ всѣ сокровища своей безконечной преданности, когда онъ плакалъ отъ избытка запоздалаго счастья... «И я-то ей преподношу «экономку», — старый дуракъ! А все оттого, что съ женщинами надо какъ-то особенно разговаривать, а я не умѣю... Что-же мнѣ остается? Неужели?!.. (при этомъ онъ даже подскочилъ на своей жесткой кровати). Трубежовъ тутъ невиновать, — онъ отлично понималъ, что предлагаетъ... Онъ заминался, не договаривалъ, а между тѣмъ ужъ такъ и рѣшилъ: «если не мнѣ счастье, такъ тебѣ, — бери!..» Это такъ понятно, а я не понималъ, потому что боленъ, голова отупѣла... Миллеръ правъ, — сегодня не слѣдовало ѣхать къ Трубежову... никуда я не гожусь... Гриша думаетъ, что я буду счастливъ... Ахъ, нѣтъ, горько ты, запоздалое счастье!..

Черезъ нѣсколько минутъ тяжкаго раздумья онъ спросилъ себя: что значить «запоздалое» счастье? И что такое вообще — счастье? Не такой-же-ли это вопросъ, какъ «что есть истина»? Вопросъ, который самъ Великій Учитель оставилъ вѣчнымъ, неразрѣшеннымъ вопросомъ...

Безобразные сны одолевали Дарова и до того яркіе, до того реально повторяющіе всѣ черты настоящей дѣйствительности, что онъ безпрестанно просыпался въ смятеніи, холодный потъ проступалъ на лбу его, онъ произносилъ какія-то слова, не понимая ихъ значенія, но ясно слыша, что это онъ говоритъ, что это звукъ его собственнаго голоса.

— Ужъ не начало-ли тифа? — прошепталъ онъ, съ отчаяньемъ соображая, какъ еще долго до разсвѣта.

Одинъ сонъ особенно вѣззался въ его памяти:

Церковь маленькая, бѣдная, какія бываютъ въ дальнихъ деревушкахъ. Народа ни души, но всѣ свѣчи зажжены въ паникадилахъ и передъ темнымъ иконостасомъ, который, однакожь, такъ старъ и темень, что нельзя разобрать ни одного лика. Тишина какая-то подавляющая; сухой трескъ горящей свѣтильни, мѣрное паденіе восковой капли на звонкую плиту, похожее на трусливый кашель чахлаго ребенка, только дополняютъ обаяніе царящей тишины.... Зачѣмъ-же тутъ Даровъ?—Онъ силится припомнить, бывалъ-ли онъ тутъ когда-

нибудь, и не понимает по какому случаю теперь могъ зайти въ пустую церковь... Рядомъ съ нимъ стоитъ Лидочка, вся бѣлая, какъ снѣжная царица; она глядитъ на него безъ улыбки на губахъ, безъ счастья въ глазахъ, черты лица ея спокойны, почти суровы, рука холодна.... Онъ почувствовалъ сильный запахъ ладона, такой сильный, что голова его закружилась,—на мигъ передъ нимъ все померкло въ кадильномъ дыму,—и когда очнулся, видитъ передъ собою: посреди церкви стоитъ простой сосновый гробъ, а въ гробу маленькій, совершенно-высохшій покойникъ, одѣтый, словно въ грубый футляръ, въ широкую сѣрую арестантскую куртку; дѣтскія, изящныя руки—какъ-то брезгливо лежатъ на жесткой сермягѣ. Лицо покойника застыло на незлобивой, все примиряющей мысли; оно еще не тронулось трупнымъ цвѣтомъ, смердящимъ разложениемъ. Но ужасенъ былъ огромный, бритый до полголовы, синеватый лобъ, на которомъ лежалъ желтенькій вѣнчикъ.... Даровъ всматривался въ черты покойника и ощутилъ въ своей груди тоску смертную,—и чѣмъ пристальнѣе всматривался, тѣмъ эта тоска поднималась все выше и выше, подступала къ самому горлу, готова была вырваться вмѣстѣ съ послѣднимъ его дыханиемъ... Въ покойникѣ онъ узналъ самого себя.... Лидія Васильевна смѣется злымъ смѣхомъ,—а... дрябленькій, гнусливый голосъ дьячка выводитъ «со святыми упокой»...

Даровъ проснулся, и все еще слышалось ему, какъ старенькій дрожавшій голосъ, обрываясь на высокихъ нотахъ, дотягивалъ: «но жизнь безконечная...»

ГЛАВА ВТОРАЯ.

РАЗСТАВАНЬЕ.

I.

У Трубежова заранѣе все уже было подготовлено къ отъѣзду: довѣренность Миллеру на совершеніе купчей и полученіе денегъ давно была дана; заграничный паспортъ въ карманѣ, даже билетъ на пароходъ австрійскаго Ллойда отъ Одессы по Дунаю до Базіаша былъ взятъ, и въ банкирской конторѣ русскіе кредитные рубли превратились въ флорины и

франки, утративъ, конечно, нѣкоторую долю своей обязательной неприкосновенности. Даровъ отказался отъ всякихъ дѣловыхъ хлопотъ, такъ что покупку процентныхъ бумагъ, отдачу ихъ въ государственный банкъ на сохраненіе, полученіе по нимъ дохода и проч.—все пришлось возложить на того-же Миллера, который, какъ человекъ аккуратный, потребовалъ, чтобы всѣ эти распоряженія Трубежова были выражены въ какомъ-нибудь письменномъ документѣ.

— Такимъ образомъ, батюшка Григорій Сергѣичъ, вы и меня, и Федора Алексѣича оградите отъ неприятностей, всегда возможныхъ въ денежномъ дѣлѣ. Мало-ли что можетъ случиться! Вѣдь сто тысячъ—не сто рублей. Вы можете ихъ хоть на улицу выпхвурнуть—ваше добро; а мы, люди посторонніе, должны беречь себя больше, чѣмъ ваши капиталы.

Дарову и въ голову не приходила такая осторожность; онъ обрадовался, что не на его шею будетъ лежать эта обуза, въ которой онъ былъ не смышленѣе ребенка. Его занимала совсѣмъ другая сторона дѣла, и онъ чуть-ли не въ десятый разъ твердилъ Трубежову:

— Помни, Гриша: если по какимъ-нибудь причинамъ не удастся мнѣ осуществить твою мысль,—я говорю объ ученической квартирѣ,—то и не прикоснусь къ твоимъ деньгамъ. Жоржикъ пусть живетъ у меня; что потребуется на его воспитаніе—мы уладимъ съ Иваномъ Ивановичемъ экономно,—будемъ давать тебѣ подробный отчетъ.

— Перестань пожалуйста! Ты во всемъ видишь какія-то страшныя затрудненія, а мнѣ дѣло кажется просто и легко. Можетъ быть, у тебя имѣются иныя какія-нибудь, личныя причины отступить отъ этого дѣла; но, милый мой, сообрази—завтра я уѣзжаю, когда-же тутъ передѣлывать! Да и ты самъ послѣ, на-досугѣ, обдумавъ все спокойно, увидишь, что оно должно быть такъ, и иначе быть не можетъ...

Трубежовъ значительно подчеркнул послѣднія слова. Бѣдный Даровъ смолчалъ, понутивъ голову. У него дѣйствительно были личныя причины бояться всякаго рѣшительнаго шага, связаннаго съ пережѣною его положенія—печальнаго, изолированнаго, но удобнаго отживающему человеку. А шагъ этотъ,—просто неправдоподобный шагъ!—теперь ему сталъ ясенъ и фатально-неизбѣженъ...

Лидіи Васильевнѣ очень понравился Жоржикъ, и, вмѣсто

отого, чтобы побесѣдовать съ Трубезовымъ (а имъ было чемъ бесѣдовать!), она весь вечеръ занималась Жоржикомъ. Даровъ былъ этимъ видимо доволенъ, какъ и вообще поведениемъ своего пріятеля, который въ этотъ послѣдній прощальный вечеръ держалъ себя чрезвычайно умно и просто, былъ немного грустенъ, но безъ малѣйшей рисовки.

Онъ рѣшительно отклонилъ намѣреніе друзей проводить его завтра на пароходъ.

— Ради Бога, не надо! Знаете пословицу: дальніе проводы—лишнія слезы. Хотя я не имѣю претензіи, чтобъ обо мнѣ кто-нибудь здѣсь заплакалъ, но—кто знаетъ?—можетъ быть, я самъ расплачусь... Разлука не измѣнитъ нашихъ отношеній...

Прощаясь съ Лидіей Васильевной, онъ долго не выпускалъ изъ рукъ ея маленькой ручки и едва слышно сказалъ:

— А наши отношенія, не дай Богъ, чтобы остались такими-же... Они кончились, умерли... Я не могу еще спокойно говорить о томъ, что умерло только вчера; даже письмо ваше—доброе и умное письмо—не отрезвило меня... Я тѣмъ несчастливъ, что ничего не забываю... Разумѣется, не вѣчно-же плакать о покойникахъ,—жизнь возьметъ свое... Желаю вамъ не ошибиться въ той жизненной задачѣ, которая теперь представляется вамъ такою легкою, заманчивою,—въ которой вы видите какое-то призваніе... Но гораздо лучше жить безъ всякой предвзятой программы.

— Это не программа, Григорій Сергѣичъ, я не выдумала ее,—а такъ ужъ все сложилось, вся жизнь моя... Надо-же умѣть покоряться...

— Покоряться? да вѣдь на это нужно гораздо болѣе мужества, чѣмъ на борьбу... Но что до этого! все кончено, мой итогъ подведенъ...

— Кто знаетъ что впереди... Я буду писать вамъ.

— О, благодарю васъ! Обо мнѣ-то, конечно, вы будете все знать.

— Еще, можетъ быть, и встрѣтимся...

— Все можетъ быть!... Но на старыхъ дрожжахъ, Лидія Васильевна, новые хлѣбы не пекутся... Прощайте!—вѣрьте, мнѣ легче сказать это, чѣмъ «до свиданья...» Берегите нашего друга...

При этихъ словахъ Лидія Васильевна покраснѣла и отвернулась, словно боясь, чтобы Трубежовъ не прочелъ въ ея глазахъ той мысли, которая проснулася только вчера и страшно ее испугала... «Ужели я нужна Дарову только какъ экономка?» — Она гнала эту мысль, боролась съ нею, приписывала ее своей ребяческой обидчивости, но ей казалось легче умереть, чѣмъ видѣть, что эта унижительная мысль отгадана Трубежовымъ.

— Поручаю вамъ моего Жоржика; научите его быть такимъ-же честнымъ и гуманнымъ человѣкомъ, остальное придетъ само собою. Я особенно рассчитываю на васъ, Лидія Васильевна. Въ воспитаніи женское вліяніе—громадная сила... Да не въ одномъ только воспитаніи... Припомнилось мнѣ, какъ бабушка увѣряла, что по ея дудкѣ танцовали чуть не европейскія знаменитости... Она права. Танецъ выходилъ прескверный... Ну да вѣдь нынѣшнія внучки далеко ушли отъ бабушки: подъ ихъ дудку, можетъ, вытанцуется что-нибудь и порядочное....

Трубежовъ далъ шуточный тонъ общей бесѣдѣ, что значительно смягчило горечь разставанья. Послышались веселыя пожеланія, надежды и обѣщанія. Миллеръ не счелъ возможнымъ обойтись безъ шампанскаго....

II.

День отъѣзда всегда бываетъ наполненъ мелкими, скучными хлопотами, которыя неизвѣстно откуда берутся, разрастаются и раздражаютъ самаго терпѣливаго человѣка. Зная это, Григорій Сергѣичъ не велѣлъ никого принимать; онъ располагалъ пораньше отобѣдать вдвоемъ съ Жоржикомъ и ѣхать въ карантинную гавань, откуда австрійскій пароходъ отходилъ въ шесть часовъ вечера. Но едва они сѣли за столъ, поднялся страшный шумъ, начавшійся въ швейцарской и скоро перешедшій въ переднюю: чей-то хриплый голосъ неистово кричалъ, спорилъ, бранился и, послѣ упорнаго препирательства, въ залѣ раздались тяжелые шаги ворвавшагося посѣтителя, который, задыхаясь отъ гнѣва и кашля, выбрасывалъ отрывистую, утихавшую брань.

— Ослы!.. Карточку, — какая у меня карточка?.. Что за ерунда!.. Дураки! Не принимаетъ!.. Что онъ за министр?.. Не принимаетъ!.. Вѣдь онъ дома--ну и веди меня къ нему.

— Да вы, сударь, позвольте хоть фамилію вашу, робѣя спросилъ слуга.

Въ залу выпелъ хозяинъ и принялъ въ объятія бурливаго гостя.

— Коробейниковъ!.. Какъ я радъ!.. Давно ждалъ, думалъ, что ужь не прѣдешь. Откуда?

— Сейчасъ съ перекладной и прямо къ тебѣ, а тутъ вдругъ «не принимаютъ...» Чортъ знаетъ, что за чушь!

— Извини, сегодня я уѣзжаю. Пойдемъ обѣдать.

— Нѣтъ, постой!—Коробейниковъ не хотѣлъ его слушать и принялся распекать слугу.—Вы, милый человекъ—изрядный болванъ. Ужь если вамъ говорятъ, что прѣхалъ старый пріятель вашего барина, изъ-за тысячи верстъ, значить, нужно видѣть. Васъ смутилъ мой зипунишка, — а баринъ вотъ не гнушается, за столъ меня сажаетъ. Поняли?.. Скажи просто, что дома нѣтъ,—резонъ, а то «не принимаютъ!»... Я васъ обругалъ, кажется?.. Извините великодушно.

— Да полно тебѣ, чудака!.. Перестань! Пойдемъ обѣдать, щи на столѣ.

— Здравствуй, душа моя!.. Дай еще обнять... Ты скажи прямо: можеть, ты и взаправду тутъ генерала изъ себя ломаешь?.. Такъ извини, я сейчасъ уйду. Чортъ съ тобой и съ твоимъ генеральствомъ!

— Какъ тебѣ не стыдно!.. Садись. Пей водку.

— Это само собой... Какіе у тебя подлые наперсточки!.. Дайте рюмку-то христіанскую.

Дрожащими руками налилъ онъ рюмку, опрокинулъ ее прямо въ горло и не закусилъ даже корочкой хлѣба. Садясь, повалилъ стулъ, хотѣлъ поднять его и чуть не столкнулъ со стола приборъ. Трубежовъ понялъ, въ какомъ положеніи его пріятель, который и прежде пилъ, но въ мѣру и во-время. Три года прошло съ того дня, какъ Коробейниковъ гостилъ въ Трубежовкѣ; пріатели не встрѣчались и не переписывались постоянно, знали другъ о другѣ по слухамъ и рассказамъ общихъ знакомыхъ. Григорій Сергѣичъ едва вѣрилъ глазамъ своимъ: тутъ не одна только бродячая, беспорядочная жизнь, но много никому не видныхъ разрушительныхъ силъ работало потихоньку, исподволь, чтобы надломить этотъ здоровый организмъ, эту горячую, но въ сущности добрую, мирную натуру. Бурчавая шапка волосъ Коробейникова стала значительно жиже, на вискахъ пробивалось серебро, лицо обрюзгло, взглядъ мутень, руки дрожатъ, но онъ все еще минутами задорно

вскидываетъ свою огромную голову и хохочетъ сильнымъ нутрянымъ смѣхомъ. Трубежову стало тоскливо и больно. Они мало говорили о прошедшихъ трехъ годахъ, утѣшались тѣмъ, что какъ ни тяжело живется, но бываетъ еще хуже, чѣмъ «въ настоящее время, когда...» Вспоминали человѣка, пустившаго въ обращеніе эту знаменитую фразу, съ глубокой искренностью сознавали свое пигмейство передъ этимъ юнымъ бойцомъ, буквально истекавшимъ кровью.

— Хорошо, что ты пріѣхалъ сегодня, а то, пожалуй, такъ-бы вовѣки вѣковъ и не встрѣтились.

— Это почему?

— Черезъ нѣсколько часовъ уѣзжаю. Вѣдь я сказалъ тебѣ.

— Когда?.. Ты не говоришь... Ну, да все равно. Куда уѣзжаешь?

— За границу.

— Это зачѣмъ?.. Денегъ что-ль некуда дѣвать?.. Дай-ка еще рюмашечку.—И онъ проглотилъ еще рюмку водки между двумя ложками щей. — Не стѣитъ за границу. Нынче надо быть дома, а туда всякая тунеядная сволочь полѣзла, благо разрѣшено и паспорту цѣна пять рѣблей. А въ Парижѣ ужъ русскіе нищіе завелись, на бульварахъ милостыню просятъ и, само собой, мазурничаютъ. Ты собственно зачѣмъ-же ѣдешь?

— Благодаря Бога, не за тѣмъ и не за другимъ. Ты опять водку?

— Нельзя, братъ... Одну, только одну, — «только одно представленіе сегодня», какъ публикуютъ фокусники, собираясь дать завтра-же другое представленіе по желанію публики, а за нимъ третье и четвертое и т. д. Но сегодня все-таки вѣдь одно—тутъ безъ обмана. Ха-ха!

— Полно, выпей лучше красненькаго—не дурное вино.

— Отечественное пользительнѣй, а эта кислотина только сырость въ кишкахъ заводить... Не понимаю, зачѣмъ изъ Одессы за границу ѣхать!.. Одесса ваша—та-же заграница. Ничего-то русскаго тутъ нѣтъ,—даже отъ водки тошнить, потому—фруктовая. Ужъ на что, вонъ, названіе деревень, и то не разберешь, каковское!.. Дофиновка, напимѣрь, почему Дофиновка?.. Какой-такой дофинъ тутъ проживалъ?.. Главное, народъ совсѣмъ не русскій, обличье совсѣмъ не наше, помѣсь,—и рѣчь не русская: булку зовутъ «франзолъ»... Изъ

двухъ полицейскихъ — одинъ непремѣнно еврей, а другой грекъ... Ничего не разберешь!

— Ха-ха!.. Ты успѣлъ ужъ примѣтить... Что-жь они, хуже чѣмъ наши Держиморды и Сквозники-Дмухановскіе?

— Хуже. Тѣ, наши родимые благодѣтели, безъ всякаго ехидства, просто кулачищами работаютъ и рапортуютъ: все обстоитъ благополучно...

— Ты ихъ очень любишь... Зачѣмъ-же водку-то душишь въ такомъ количествѣ?..

— Эхъ, братъ... Безъ этого трехъ дней не проживешь!..

Онъ не жаловался ни на какія обстоятельства, а признавалъ, что оно такъ и быть должно, пока не перебродитъ старья дрожжи.

— Надо-же имѣть мужество сознаться, что мы должны пропасть, исчезнуть, съ грязью смѣшаться, за то послѣ другимъ, вотъ этимъ мальчуганамъ (онъ ткнулъ въ Жоржика), будетъ лучше... Знай это, мальчуга!

Скоро онъ совсѣмъ охмѣлѣлъ и, свалившись на диванъ, словно въ бреду бормоталъ порывистая, безсвязная рѣчи о томъ, что настоящій душевный человѣкъ умѣетъ любить ненавидя, — что раздвоить этихъ чувствъ онъ не можетъ, — что уйдетъ онъ на Волгу къ бурлакамъ, затанетъ съ ними родную «дубинушку» — и гдѣ-нибудь на песчаной косѣ, съ лямкою на шеѣ, сложитъ свою буйную голову...

Коробейниковъ даже горько заплакалъ, но вдругъ мгновенно оживился и всталъ во весь ростъ передъ Трубежовымъ.

— А тотъ, кто не умѣетъ такъ любить свою родину, кто предпочитаетъ уйти отъ общей лямки... Мы это знаемъ, много такихъ видали! Нѣтъ, шалишь, братъ! Толкуй, что ты изъ прекраснаго далека будешь воздыхать и тамъ слезы проливать... Врешь! Это не слезы, а розовая водица. Это, братъ, совсѣмъ гнилое, подлое дѣло! Не нашъ такой человѣкъ... Понялъ? Ну, такъ и знай. Любишь ты народъ — значитъ, живи тутъ, смиришь передъ лямкой, — умѣй и пить, какъ онъ пьетъ, и помирать, какъ онъ помираетъ... Отъ тебя я не ожидалъ измѣны!

— Тутъ нѣтъ никакой измѣны... Объяснять теперь, милый другъ, не приходится...

— Ты думаешь, я пьянъ, не пойму... Пьянъ, да умень — два угодыя въ немъ. Слышалъ?

— Даровъ тебѣ лучше объяснить.

— Федоръ Алексѣичъ! Здѣсь онъ?.. Отлично!.. Вотъ человекъ... Этотъ человекъ понадежнѣй тебя будетъ... Ужели онъ одобряетъ?

— Одобряетъ... Однако, мнѣ пора. Можетъ быть, желаешь проводить меня на пароходъ?

— Нѣтъ, не провожу, не желаю! Ты дай мнѣ адресъ Федора Алексѣича, пойду къ нему.

— Только не теперь; онъ живетъ въ семействѣ...

— А я неприличенъ, что-ли, ты хочешь сказать?.. Дѣйствительно, я не для дамъ... Женщину люблю, женщину дикую... Ха-ха! Только не теперь, — теперь подавай мнѣ Дарова, — хочу душу отвести наболѣвшую...

— Вотъ тебѣ адресъ. Пожалуйста, поѣзжай завтра.

— А ты поѣзжай сегодня, деликатный дворянчикъ, поѣзжай, намъ такихъ и не надо! А вѣдь я все-таки люблю тебя... Обнимемся... Буду ждать, что ты оправдаешься... Прощай, не поминай лихомъ!

Коробейниковъ вышелъ, совсѣмъ шатаясь и на всю улицу оралъ:

— Извозчикъ! Извозчикъ, ты свободенъ? Кричи: да здравствуетъ... «Да здравствуетъ Марья Петровна и ножка, и ручка ея!...»

Глядя вслѣдъ ему, Трубежовъ задумался... Онъ не дрогнулъ въ своемъ рѣшеніи, не усомнился въ выборѣ дороги, но тѣмъ не менѣе ощутилъ, что кто-то бросилъ камень подъ колеса его дорожной телѣжки...

III.

На пристани было много экипажей, на пароходѣ торопливая толкотня отъѣзжающихъ и провожающихъ. Дорожные туалеты дамъ весьма изящны и свѣжи, — видно, что сдѣланы именно для этого случая и сегодня надѣты въ первый разъ. Мужчины не отставали отъ прекраснаго пола по изяществу своихъ костюмовъ. Всѣ были одѣты такъ, какъ только можно неудобіе для дальняго путешествія, — какъ будто ѣхали куда-нибудь въ гости, гдѣ ихъ будутъ до ниточки разсматривать и опредѣлять состояніе ихъ кошельковъ и степень вкуса. Большинство отъѣзжающихъ состояло изъ помѣщиковъ южныхъ губерній, и всѣ они, вступая на палубу парохода, старались казаться не-русскими, — даже пробовали принять инныя, несвой-

ственные имъ, манеры, позы, выраженіе фізіономіи. Только немногіе, совсѣмъ уже натуральные степняки не могли скрыть своей настоящей сути,—томились и словно робѣли, не видя вокругъ ни одного мундира, ни одной начальственной фигуры... Они словно недоумѣвали, какъ-де это мы безъ всякаго начальства останемся? Тогда, въ тѣ счастливые годы, послѣ строгаго запрета наступилъ медовый мѣсяцъ для россіянъ, алкавшихъ отвѣдать тѣхъ плодовъ древа познанія, которые дотолѣ разрѣшались только достаточнымъ и благонадежнымъ особамъ. Масса двинулась, какъ обыкновенно двигается русская масса,—потому, что разрѣшено,—ѣхали многіе безъ всякихъ основательныхъ цѣлей, просто поглазѣть на Вѣну и Парижъ, какъ дома ѣздили на представленіе ученыхъ блохъ и выставку заморскихъ диковинокъ. Но тутъ-же выдѣлялись два дворянскихъ семейства со множествомъ дѣтей; почтенные родители не безъ чванства громко разглашали, что переселяются въ Дрезденъ для воспитанія своихъ милыхъ малютокъ, такъ какъ оно въ столицѣ Саксоніи обходится гораздо дешевле и удобнѣе, чѣмъ, на примѣръ, въ городѣ Алешкахъ или Ананьевѣ.

Помимо индивидуальныхъ и бытовыхъ частныхъ и разнообразностей этой пестрой толпы, на всѣхъ лицахъ читалось одно общее, нѣсколько-глуповатое выраженіе самодовольной радости, что вотъ-моль и насъ, какъ совершеннолѣтнихъ, отпускаютъ однихъ, безъ провожатаго, погулять внѣ стѣнъ скучнаго заведенія...

Трубежовъ впервые ѣхалъ за-границу, и хоть не сіялъ этой глуповатой радостью, но сознавалъ себя какъ-то самостоятельнѣе, полноправнѣе. ему дышалось легче, чѣмъ когда-нибудь прежде. Это невольное чувство такъ правдиво и понятно,—хотя многіе низачто въ немъ не сознаются.

Въ семь часовъ пароходъ снялся и, обогнувъ карантинный моль, далъ полный ходъ, вдоль берега, усѣяннаго домиками, прятавшимися въ кустахъ скудной одесской растительности. Городъ скрывался за гребнемъ высокаго берега. Теплый сентябрьскій вечеръ догоралъ тихо. Море, спокойное, чуть подернутое рябью, отливало розоватымъ блескомъ заката. Все предвѣщало благополучный переходъ до Сулина, а дальше — плаваніе по Дунаю, по общимъ отзывамъ, представлялось привлекательною, поэтической прогулкою.

Нашъ Григорій Сергѣичъ долго стоялъ на палубѣ, пока городъ окончательно затерялся въ сизой вечерней мглѣ. Берегъ сливался въ сплошную черную полоску, и морская волна на просторѣ стала какъ-то рѣзвѣе заигрывать съ убѣгающимъ пароходикомъ.

Ему припомнилось то недавнее время, когда онъ весь въ пыли и копоти севастопольскаго дыма, на курьерской тройкѣ летѣлъ въ Одессу, молодой, полный порыва и отваги, послужить дѣлу, которое лежало передъ нимъ, какъ прекрасная спящая царевна, съ минуты на минуту ждавшая пробужденія,—когда онъ вѣрилъ въ себя, въ свои силы, и даже въ своей маленькой личной задачѣ видѣлъ, какъ въ мелкой каплѣ, отраженіе солнца, озарившаго всю большую, чудесную картину общаго пробужденія!.. О, какая тогда была молодая весна и въ природѣ, и въ его душѣ, и въ людяхъ,—на всѣхъ лицахъ, старыхъ и юныхъ, во всѣхъ рѣчахъ, умныхъ и глупыхъ, вездѣ и на всемъ играло весеннее ласковое солнышко...

Давно-ли это было?—А теперь...

Стоить онъ на палубѣ чужого парохода, тоскующій, безвольный, безсильный, презирающій свое прошлое, не вѣрующій въ будущее... Куда, зачѣмъ, ради чего слѣзть онъ?—Вѣдь впереди, на сѣромъ фонѣ, нѣтъ даже очерка какой-нибудь зовущей, хотя бы призрачной, обманчивой цѣли!.. «Увы, онъ счастья не ищетъ и не отъ счастья бѣжить!..» И добробы надъ его головой разразился хоть одинъ сокрушительный ударъ, а то нѣтъ: ничего необыкновеннаго не случилось!—Все обыкновенное, мелкое, пошлое, — какое-то безжалостное, но и беззлбное долбленье тупымъ молоткомъ каждый день, каждый день... Вотъ это-то и ужасно! Отъ этого будничнаго долбленья разбиваются въ мякоть наши и безъ того не тверныя, не цѣльныя силы... И Коробейниковъ мнилъ себя силой, собирався хохотать во все горло—и что стало съ нимъ!

«Да, что-жь,—убѣжать или спиться съ круга,—не все-ли равно? Это ужъ дѣло темперамента и случая,—горько улыбнулся Трубежовъ. Но бѣда въ томъ, что отъ самого себя, отъ собственной немоци не убѣжишь и въ винѣ ее не потопишь... Бѣдный Коробейниковъ!.. за что ты съ такимъ любящимъ ожесточеніемъ оттолкнулъ меня?—Вѣдь мы оба равно никуда негодимся,—дадимъ-же другъ другу руки—мы братья! и мало-ли насъ, такихъ «отжившихъ и не жившихъ!»—Жалѣть насъ

нечего: пропадемъ, затеряемся, — дадимъ дорогу свѣжимъ и бодримъ, — очередь за ними!.. Но гдѣ они? — Я ихъ не вижу и не знаю»...

ГЛАВА ПОСЛѢДНЯЯ.

МАЛЕНЬКІЕ ЭСКИЗЫ.

I.

Въ отдаленномъ предмѣстьѣ Одессы, низенькая деревенская церковь была освѣщена не въ обычное время. Это было въ холодный и дождливый ноябрьскій вечеръ. Рѣзкій вѣтеръ дулъ неровными, ожесточенными порывами, подгоняя кося струи дождя, которыя жалобно стучали въ дребезжавшія оконницы старой церкви и обливали маленькія стекла обильными слезами.

У церковной паперти стояли извозчичья карета и крытая дрожки. Обыватели предмѣстья сидѣли по своимъ хатамъ, не соблазнялись любопытствомъ взглянуть, что дѣлается въ ихъ приходской церкви, — такъ сурова была осенняя непогода. Двѣ старушки-нищія прибрели въ церковь отнюдь не изъ любопытства, а потому что тамъ было ихъ постоянное мѣсто — и единственный источникъ дневнаго пропитанія. Въ церкви было пусто; вѣтеръ съ визгомъ врвался въ разбитое стекло и гасилъ трепещущее пламя свѣчъ. Только, посерединѣ, вокругъ аналоя было свѣтлѣе. Совершался обрядъ вѣнчанія. Священникъ очень торопился и даже на дьячка взглядывалъ укоризненно, когда тотъ нѣсколько затягивалъ свое пѣніе, больше по привычкѣ, чѣмъ изъ желанія плѣнить чей-либо слухъ своимъ старенькимъ, дребезжащимъ и очень печальнымъ голоскомъ. Вѣнчавшіеся стояли передъ аналоемъ безъ малѣйшихъ внѣшнихъ признаковъ какихъ-бы то ни было ощущеній. Блѣдное, худое лицо жениха, несмотря на сѣдые длинные волосы и начинающую серебриться бородку, было вовсе не дряблое, изрытое бороздами, смятое въ грубыя складки лицо старца; оно было отмѣчено страданіемъ и какимъ-то красивымъ благородствомъ. Особенно большіе черные глаза оживляли его своимъ осмысленнымъ блескомъ, но когда эти глаза закрывались — лицо застывало въ мертвенной неподвижности. А онъ часто закрывалъ глаза. Не припоминался-ли ему тотъ жестокій

сонъ: такая-же маленькая деревенская церковь, и эти свѣчи, и этотъ ладонъ, то же дрябленькое, гнусливое пѣніе, посередь церкви женихъ,—но этотъ женихъ тутъ-же лежитъ въ гробу, и, вмѣсто вѣнчальнаго ликованія, старый дьячекъ тянетъ зауножійную...

Рядомъ съ нимъ, съ этимъ обреченнымъ могила женихомъ, стоитъ его подруга, но въ ней жизнь не застыла подъ близкимъ дыханіемъ смерти,—нѣтъ, по ея суровому лицу съ прихмуренной лѣвой бровью видно, что вся душевная сила этой дѣвушки въ текущую минуту собралась, сжалась и упорно работаетъ надъ одной мыслью, слишкомъ тяжелой и неподвижной. Эта дѣвушка знаетъ твердо, что дѣлаетъ, и ни въ одной чертѣ ея лица не видно возбуждающаго жалость, вялаго выраженія покорной жертвы. Не жертву она приноситъ, а словно рассчитываетъ, соразмѣряетъ свои силы съ объемомъ лежащей передъ нею задачи. Разъ она, словно очнувшись, оглянулась вокругъ себя, хотѣла улыбнуться окружающимъ, но вмѣсто улыбки вышла гримаса, выразившая: «ахъ, какъ-бы поскорѣй все это кончилось!»—Она озябла, несмотря на то, что была въ высокому кашемировому платьѣ и бѣломъ галстучкѣ на шеѣ. Наперекоръ обычаю, фата не закрывала ея роскошной шевелюры. Маленькая вѣтка флѣръ-д'оранжа дрожала на ея груди.

Миллеръ и Коробейниковъ держали вѣнцы надъ головами жениха и невѣсты. Жена Миллера и Жоржикомъ составляли всю публику. Выборъ отдаленной церкви свидѣтельствовалъ о намѣреніи новобрачныхъ избѣгать публичности обряда,—погода какъ будто шла заодно съ ихъ желаніями, а простота и обыденность нарядовъ указывали, что въ этой свадьбѣ не только нѣтъ никакихъ мѣщанскихъ затѣй,—ни чопорности, ни тщеславія, но даже нѣтъ потребности чѣмъ-нибудь отмѣтить, чѣмъ-нибудь отличить это событіе въ жизни отъ обыкновенныхъ будничныхъ явленій,—потребности весьма естественной въ дни нашего счастья... Дѣйствительно, это была очень странная свадьба!

Послѣ вѣнчанія экипажи повезли всѣхъ участвующихъ въ городъ, на квартиру Миллера. Тамъ было устроено нѣчто похожее на маленькій семейный праздникъ: комнаты ярко освѣщены, въ столовой щеголевато сервированъ и убранъ цвѣтами обѣденный столъ. Маленькіе Миллеры, одѣтые въ новенькіе

костюмчики, бѣгали съ крикомъ вокругъ стола и по всѣмъ комнатамъ, ожидая чего-то необыкновеннаго и таинственнаго, въ родѣ рождественской елки.

Они радостно встрѣтили тетю-Лиду, кинулись ей на шею, цѣловали ея руки и клялись, что никуда больше ее не отпустить.

— Какъ-же не отпустите?—Вѣдь она теперь моя жена, должна жить со мною.

— Не правда, не правда! настаивалъ пятилѣтній мальчуганъ и, стыдливо спрятавъ личико въ складки платья тети-Лиды, проговорилъ тихо и съ укоризной:—она не ваша жена, вы старенькій Ѳедоръ Алексѣичъ...

— Правда, что старенькій, разсмѣялся Даровъ,—но всетаки она меня, а не тебя выбрала, — вотъ мы сейчасъ и обвѣнчались. Она моя и даже тебѣ ее не уступлю.

— Вы это нарочно, обманываете... Она ничья жена, ничья!

Этотъ споръ всѣхъ разсмѣшилъ; Ѳедоръ Алексѣичъ хохоталъ и разцѣловалъ ребенка. Общее серьезное настроеніе рѣшительно разсѣялось, пропало. Простая дружеская теплота вступила въ свои права.

Поздній обѣдъ шелъ очень оживленно. Даровъ первый подшучивалъ надъ собою и поощрялъ незлобивыя шутки собесѣдниковъ. Одна Лидія Васильевна не вмѣшивалась въ разговоръ, но улыбалась простосердечно и какъ будто снисходительно.

Коробейниковъ, какъ только пріѣхали изъ церкви, гдѣ продрогъ до костей, обратился прямо къ способу нутрянаго нагрѣванія: проглотилъ двѣ рюмки очищенной, одну за другою. За столомъ онъ помѣстился рядомъ съ невѣстой, неукоснительно пилъ всѣ подаваемыя вина, но держался прилично, даже галантно, въ своемъ полукафтанѣ.

— А вѣдь я сегодня противъ васъ держалъ злой умыселъ, обратился онъ къ Лидіи Васильевнѣ:—передъ тѣмъ, какъ ѣхать къ вѣнцу, совѣтовалъ Ѳедору Алексѣичу сбѣжать... если въ дверь нельзя, то хоть въ окно выскочить à la Подколесинъ.

— Куда ужъ мнѣ скакать съ моими-то ногами! Далеко не убѣгу, вмѣшался Даровъ.

— Я нарочно выбрала такого мужа, который убѣжать не можетъ. Всякій другой отъ меня убѣжалъ-бы,—вѣдь я привязчивая и надоѣдливая... Не такъ-ли, Ѳедоръ Алексѣичъ?

— Да, въ кого или во что вы вцѣпитесь, такъ ужъ это

будеть благонадежно!.. Французы говорят «се que femme veut — Dieu le veut», но это французское куртизанство для насъ слишкомъ легко и мелко. Хорошая русская женщина скажетъ проще: «я ничего не хочу, но Богъ такъ хочетъ» — и пойдетъ она исполнять эту волю Бога или то, что кажется ей волей Божьей, безропотно и безповоротно, — пойдетъ и отдастъ всю жизнь до послѣдняго издыханія своей задачѣ... Ужь тутъ она ни передъ чѣмъ не остановится, для нея одинаково не страшно стать великой мученицей, какъ и жалкимъ посмѣшищемъ... Наши женщины, какъ характеры, цѣльнѣе насъ, послѣдовательнѣе, но жаль, что онѣ не знаютъ, гдѣ и въ чемъ искать волю Божью, и тратятъ свое самоотверженіе на химеры или мелочи...

— А вы знаете, гдѣ она и въ чемъ искать ее?.. горячо вступилась Лидія Васильевна. — Если знаете, то научите насъ, мы вѣдь темные несмысленочки... А если указать не можете, то и молчите, ждите пока мы сами станемъ на ноги и ужь не спросимъ васъ ни о чемъ. Мнѣ думается, что ужь не далеко это время... До тѣхъ-же поръ не смѣйте подшучивать надъ нами!

— Bravo, bravo, милая барыня! захрипѣлъ Коробейниковъ. — Кто смѣетъ подшучивать? Мы должны поджать хвостъ и, какъ милости, просить позволенія разцѣловать ваши ручки. Ужь позвольте, — это вотъ за себя, а это за Федора Алексѣича, коли онъ такой недогадливый, приговаривалъ Коробейниковъ, цѣлуя руку своей сосѣдки.

Вспѣвились бокалы, пошли заздравные тосты.

Замѣчательно, что въ теченіи всего вечера ни разу не было произнесено имя Трубежова, случайно, но какъ будто по безмолвному общему соглашенію...

Жоржикъ сидѣлъ въ концѣ стола и зорко наблюдалъ все происходившее. Съ особеннымъ упорствомъ зоркій глазъ его останавливался на Лидіи Васильевнѣ. Когда онъ подошелъ къ ней съ бокаломъ, пробормоталъ обычную формулу поздравленія, она посмотрѣла на него такъ ласково и — какъ показалось ему — нѣсколько грустно, Жоржикъ, не отдавая себѣ отчета, прибавилъ: «Позвольте ужь и за Григорія Сергѣича...» Она быстрымъ движеніемъ руки пригнула его голову и крѣпко поцѣловала... Федоръ Алексѣичъ тоже обнялъ его и назвалъ своимъ маленькимъ будущимъ другомъ.

Жоржикъ былъ счастливъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ на себѣ какое-то таинственное морализующее вліяніе этого маленькаго кружка людей, которыхъ узналъ такъ недавно, а словно съ дѣтства поджидалъ ихъ встрѣчи. Все въ нихъ казалось для него простымъ, теплымъ, сердечнымъ; ихъ рѣчи, ихъ взаимныя отношенія, даже шутки, взгляды и свободная веселость— все влекло его къ нимъ, согрѣвало его проснувшееся сердце... Ему вспомнилось, что раза два онъ имѣлъ честь быть приглашеннымъ обѣдать у Терехиныхъ,—тамъ гостей было множество, шума больше и обѣдъ параднѣе, даже генералы сидѣли, цѣлыя горы конфетъ и фруктовъ загромождали столъ, но почему-то теперь Жоржику стыдно стало сознаться, что тамъ ему бывало очень пріятно,—онъ мысленно далъ себѣ слово никогда не бывать у Терехиныхъ.

Часовъ въ одиннадцать дѣтей отправили спать и вечеръ кончился.

Федоръ Алексѣичъ, улыбаясь, подошелъ къ своей молодой женѣ и взялъ ее за руку.

— До завтра, Лидія. Ваша комната почти готова, но завтра вы пріѣдете дать ей окончательный видъ и затѣмъ переберетесь къ себѣ, когда вамъ будетъ можно, хоть завтра-же. До свиданья! Мы съ Жоржикомъ поѣдемъ домой.

Не такъ-же-ли они прощались каждый день! Свадебный обрядъ нисколько не измѣнилъ характера ихъ обращенія другъ съ другомъ, если не считать братскаго, искренняго поцѣлуя, которымъ они при всѣхъ заключили свой свадебный праздникъ.

Коробейниковъ напросился ѣхать къ Дарову на квартиру. Было еще рано, спать не хотѣлось, а захвативъ съ собой бутылку-другую вина, можно еще часокъ покалякать, отъ чего Федоръ Алексѣичъ никогда не отказывался, тѣмъ болѣе теперь, такъ какъ Коробейниковъ черезъ день уѣзжалъ въ Петербургъ.

Дома усталый Даровъ улегся на кровать, съ наслажденіемъ понюхивая табачокъ изъ своей тавлинки,—удовольствіе, о которомъ онъ какъ-то даже забылъ во весь этотъ необыкновенный вечеръ. Гость, распоясавшись, усѣлся передъ нимъ, потягивалъ понемногу доброе бургонское, котораго тонкую прелесть онъ, впрочемъ, не признавалъ, а пилъ какъ самый обыкновенный квасокъ.

Они много говорили про обстоятельства, предшествовавшія сегодняшнему дню и, такъ сказать, создавшія его неизбежность...

— Всю жизнь изжилъ я, не поступаясь не только убѣжденіями, но даже моими привычками и чудачествами, въ раздумьѣ говорилъ Даровъ,—никогда не справлялся о томъ, что скажутъ, да какъ посмотреть,—обо мнѣ что хочешь говори—я и не чихну лишній разъ! Но когда дѣло идетъ о близкомъ человѣкѣ, тогда, милѣйшій Павелъ Петровичъ, вопросъ сводится не къ моей личности, а къ тому, насколько полезна ломка моей личности для этого другого человѣка... Для Лидіи Васильевны этотъ бракъ—я убѣдился—существенно необходимъ, не въ смыслѣ пошлой приличной ширмы, не въ ограду отъ злостныхъ толковъ, а какъ прямой выходъ на свободу для всѣхъ ея коренныхъ, благороднѣйшихъ потребностей... Говоря откровенно, у насъ принято считать подобные браки фиктивными прикрывками какихъ-нибудь прежнихъ или будущихъ грѣшковъ, но нашъ бракъ вовсе не фиктивный — онъ ничего не прикрываетъ, да и прикрывать-то нечего! Каковы были наши отношенія до сихъ поръ, такими же останутся они и теперь: развѣ измѣнились мы оттого, что обошли три раза вокругъ аналоя? Но, назвавшись моею женой, она стала спокойнѣе и свободнѣе,—приобрѣла права смотрѣть прямо въ глаза своей семьѣ,—ужь и это не мало! Ради ея святой душевной чистоты, я охотно и сознательно принялъ на себя роль смѣшного старичишки-мужа,—пусть осуждаютъ, а мы пока счастливы тѣмъ, что есть... Что будетъ дальше—не знаю и не загадываю. На пути жертвъ вѣдь не знаешь, сколько еще впереди шаговъ... Убѣжденъ въ одномъ, что не заѣмъ чужого вѣка, хоть-бы потому только, что мой собственный вѣкъ короче воробынаго носа...

— А что нашъ Трубежовъ? Зналъ онъ это?

— Онъ... онъ, кажется, угадывалъ, что должно было такъ кончиться... Завтра къ нему напишу обстоятельно.

— Да что ему до насъ!.. Попомните мое слово, что онъ тамъ влюбится — и опять въ какую-нибудь красавицу-пѣвунью... Своей судьбы не миновать! Изящный дворянчикъ!.. А вѣдь какъ хотите, онъ ужь стараго фасона человѣчекъ, —

все у него какъ-то «отмѣнно-тонко и умно, — что нынѣ нѣскольکو смѣшно...» Право, въ немъ много комическаго...

Ихъ бесѣда объ отсутствующемъ пріятелѣ была-бы весьма невесела, если-бы Коробейниковъ, войдя въ азартъ, не осмѣялъ сплошь всей повѣсти житейскихъ неудачъ этого, какъ онъ называлъ, «изящнаго дворянчика», не оставивъ ни одной серьезной примѣты на его все-таки печальной и симпатичной фигурѣ...

— А Трубежовка? поправиль его Даровъ.

— Да, хорошо! Кто говорить,—хорошо. Только вѣдь это половина дѣла, а другая, можетъ быть, труднѣйшая половина еще впереди, а отъ нея-то именно онъ и далъ стрелка. Какъ хотите, но этого я ему не прощу! Что тамъ ни толкуйте, а прикарманивши бабушкино наслѣдство, легко сыграть роль огорченнаго героя...

Даровъ не вѣрилъ въ суровость такого приговора, — его смягчить время и уроки будущаго, — но что его сильно озадачило, такъ это смѣхъ Коробейникова—смѣхъ ѣдкій, беспощадный и талантливый. Онъ смутился и едва-ли не первый разъ въ жизни заговорилъ оробѣвшимъ тономъ:

— Послушайте, Павелъ Петровичъ, исполните одну мою величайшую просьбу... Дайте мнѣ строгое честное слово, что до самой моей смерти никому изъ вашихъ друзей вы не расскажете о томъ, что были на моей свадьбѣ... Слышите — я этого требую!.. Если кто узнаетъ стороною—пусть! Да и кому интересно объ этомъ рассказывать?.. Но не скрою, мнѣ было-бы смертельно больно, еслибъ этотъ слишкомъ дорогой мнѣ фактъ моей жизни сталъ предметомъ насмѣшки тѣхъ немногихъ людей, которыхъ мнѣнѣемъ я дорожу... Смѣхъ—большая сила. Посмотрите, какъ смѣшонъ въ вашихъ глазахъ Трубежовъ... А почему?.. Можетъ быть, единственно потому, что заглянуть поглубже въ чужую душу вы не хотите или не умѣете... Смѣхъ еще ничего не доказываетъ, но онъ можетъ изорвать въ клочки и истаскать по базарамъ то, что составляетъ стыдливую святыню нашего существованія... Дайте-же мнѣ въ этомъ слово.

— Даю,—охотно даю!

Сколько намъ извѣстно, Коробейниковъ сдержалъ свое слово.

II.

Шли годы, выдвигая вперед новые общественные интересы, выводя за строемъ строй новыхъ людей, но, увы!.. не создавая новыхъ, законченныхъ формъ жизни, ни новыхъ дѣльныхъ типовъ. Такъ и хочется сказать каждому горькое Полежаевское слово:

Не разцвѣлъ и отцвѣлъ
Въ утра пасмурныхъ дней...

Въ безустанной ломкѣ стараго тритилась громадная масса силъ и энергій, а злорадные старческіе голоса обиженныхъ кликушъ брюзжали о нашемъ поголовномъ безсиліи... Предъявлялись то суровые, то горячіе запросы, накипаала народная скорбь, — въ этой скорби изнывали и метались люди, въ глазахъ которыхъ личныя радости и даже самая жизнь теряли всякую цѣну, — а ловкіе практики, обдѣлывая подъ шумокъ свои дѣлишки, старались увѣрить, что наше время, — не время широкихъ задачъ... Все создавалось «въ видѣ опыта», и всюду, на всѣхъ путяхъ дѣятельности, появлялись дебютанты, пробовавшіе только самихъ себя... А время все шло своей законной чередой и приносило одни горькія разочарованія. Хотя мы ни съ кѣмъ не воевали, но задолго до наступленія послѣдней войны кончились наши мирныя времена.

Какъ прежде, истомленные мундирной тѣснотой старой жизни, не видя подъ руками зовущаго, неотложнаго дѣла, которое беретъ цѣликомъ всего человѣка, мы поднялись и пошли на зовъ военной тревоги, такъ и потомъ, слишкомъ двадцать лѣтъ спустя, удрученные бесплодной работой надъ разрозненнымъ матерьяломъ, изнемогшіе отъ внутренней душевной неудовлетворенности, — мы съ изумительнымъ порывомъ ринулись на поля битвъ и оказали, какъ гласятъ реляціи, чудеса стойкости и самоотверженія...

По истинѣ, безпримѣрное время—и долго еще не дожидется оно своей вѣрной и осмысленной картины!..

Скромная задача нашего маленькаго эскиза большой бытовой картины исчерпана,—и да позволить намъ благосклонный читатель остановиться на порогѣ къ новымъ временамъ, которыя едва-ли могутъ быть не въ шутку названы мирными...

Мы не поклонники искусно-сдѣланной романической фа-

булы, но для тѣхъ, кто заинтересовался не характеристикой изображенной эпохи, а личною судьбою выведенныхъ лицъ, можемъ прибавить нѣсколько, впрочемъ, мало-утѣшительныхъ строкъ.

Трубежовъ поселился на постоянное жительство въ Парижѣ и каждый годъ также постоянно собирается приѣхать домой.

Даровъ навѣки отдѣлался отъ своего благопріобрѣтеннаго въ Сибири ревматизма... Надъ его могилой поставленъ простой крестъ, даже безъ всякой надписи, какъ будто для того, чтобы всякій почтилъ могилу того, кто «человѣкъ былъ»—и только.

Лидія Васильевна теперь уже старушка; она живетъ въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ, вмѣстѣ съ Жоржикомъ, котораго любить какъ сына, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ, еще будучи студентомъ, отказался отъ наслѣдства, совѣтуя добрѣйшему Григорію Сергѣичу отдать эти деньги на устройство школы и больницы въ Трубежовкѣ.—Самъ онъ служить земскимъ врачомъ и боготворить свою сѣдую, безконечно-добрую голубку...

А. Пальмъ.

К О Н Е Ц Ъ .

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ ВЪ ПРИРОДѢ.

IV.

Въ предыдущихъ главахъ мы сдѣлали только бѣглый и очень поверхностный обзоръ животнаго царства, но и онъ, однако, достаточно подтверждаетъ мнѣніе Эспинаса относительно того, что общественность, въ той или другой формѣ, есть постоянное явленіе животной жизни. Эспинасъ утверждаетъ, однако, нѣчто большее: онъ называетъ общественность закономъ развитія животнаго царства. Прибавимъ со своей стороны, что, если признать справедливость такого положенія, то его логически приходится еще болѣе обобщить и распространить на весь органическій міръ. Можно бы было, разумѣется, безъ всякихъ затрудненій выбрать во сто разъ большее количество фактовъ, аналогичныхъ вышеприведеннымъ, но даже и въ этомъ случаѣ рождается вопросъ: достаточно-ли простого перечисленія фактовъ для того, чтобы доказать существованіе столь важнаго «закона»? Самая важность его заставляетъ насъ требовать чего-нибудь болѣе убѣдительнаго, чего-нибудь объясняющаго, хоть въ нѣкоторой степени его смыслъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не припомнить, что общественность, какъ соціальныи законъ, мало понятна для насъ, даже среди людей; онъ такъ тѣсно связанъ съ нашей психикой, что, при жалкомъ состояніи психологіи, кажется негодной для объясненія, даже человѣческаго общенія. Мы ищемъ, даже для уразумѣнія собственной жизни, какихъ-нибудь болѣе объективныхъ основъ, въ родѣ напр. производства. Не будетъ-ли слишкомъ рискованно прибѣгать къ принципу общественности для уясненія вообще животной жизни, и не запутаемся-ли мы тутъ окончательно въ какой-нибудь невообразимой психикѣ органическаго міра?

Нельзя оспаривать законности и основательности всѣхъ такихъ соображеній, но я все-таки скажу, что никакая трудность объясненія не даетъ намъ права отвертываться отъ факта, о которомъ громко кричитъ вся природа. Осторожнымъ быть всегда слѣдуетъ,

но малодушнымъ—никогда, а отвертываться отъ факта изъ страха предъ трудностью его объясненія развѣ не есть величайшее малодушіе ума? Притомъ нужно замѣтить, что намъ вовсе нѣтъ надобности непремѣнно проникать въ самое существо закона общественности, если этого нельзя сдѣлать основательно. Такъ называемые законы природы всѣ по существу непонятны и вовсе не объясняютъ конечныхъ причинъ явленія, а даютъ только исходную точку, способную объяснить его дальнѣйшее развитіе. Точно также мы можемъ отнестись и къ общественной. Положимъ, что она вездѣ, гдѣ только проявляется, должна имѣть психическую основу; положимъ, что понять эту психическую основу мы не въ состояніи. Это ровно ничего не значить. Мы можемъ быть вполне увѣрены, что если общественность (чѣмъ-бы она ни была по существу) существуетъ реально, то она имѣетъ непремѣнно свою объективную роль, изучать которую мы стало-быть имѣемъ возможность. Значить мы должны не закрывать глаза передъ фактомъ, а просто поискать его объективныхъ, такъ сказать, причинъ и проявленій.

Въ этомъ отношеніи прежде всего обращаетъ на себя наше вниманіе *борьба за существованіе*. Это такой принципъ развитія, который вполне доказанъ во всѣхъ процессахъ жизни. Можно быть заранѣе увѣреннымъ, что общественность, если только она дѣйствительно составляетъ нѣкоторый законъ органическаго міра, непремѣнно должна имѣть какое-нибудь отношеніе къ борьбѣ за существованіе. Если-же намъ удастся уяснить себѣ роль общественной въ борьбѣ за существованіе, то это дастъ уже намъ весьма надежную руководящую нить для уясненія самого принципа общественности, помимо всякихъ психическихъ тонкостей.

Здѣсь, однако, при всемъ своемъ желаніи избѣжать отвлеченностей, я принужденъ просить читателей вооружиться терпѣніемъ и послѣдовать за мною въ области довольно возвышенныя. Намъ необходимо будетъ отрѣшиться на нѣкоторое время отъ всего человѣческаго, субъективнаго и взглянуть на *исторію органическаго вещества* *) съ безусловно объективной точки зрѣнія. Съ этой точки зрѣнія общій процессъ міровой жизни представляется безконечно сложною комбинаціей различнаго движенія вещества. Если мы вообразимъ себѣ гдѣ-нибудь въ пространствѣ нѣкоторый наблюдающій умъ, свободный отъ всякихъ человѣческихъ чувствъ и симпатій, то подъ его микроскопомъ или телескопомъ все раз-

*) Читателя простить мнѣ, конечно, эту неточность выраженія. Конечно съ строго научной точки зрѣнія мы знаемъ только силу движенія, а не вещество. Но я здѣсь употребляю это слово только для краткости, и именно въ смыслѣ каждаго даннаго проявленія силы.

вѣтіе нашего общества, вся наша исторія будетъ представляться не больше какъ извѣстною группировкой, наростаніемъ и разсѣяніемъ вещества. Всѣ формы животной, органической и неорганической жизни приводятся здѣсь къ одному знаменателю, и кажутся проявленіемъ одной и той-же силы.

Считаю излишнимъ напоминать читателямъ, что принципъ борьбы за существованіе достаточно объективенъ для того, чтобы проявлять свое дѣйствіе даже и при такой точкѣ зрѣнія наблюдателя. Борются за существованіе не только животныя, но и минералы, или геологическіе слои *). Борьба за существованіе вообще вовсе не требуетъ непременно, со стороны борющихся предметовъ, какого-нибудь интереса, стремленія къ существованію. Тѣ комбинаціи вещества, которыя при данныхъ условіяхъ оказываются наиболѣе стойкими, выживаютъ, такъ сказать, т. е. сохраняются и увеличиваются въ количествѣ. Комбинаціи не стойкія напротивъ, разлагаются или оказываются даже вовсе неспособными явиться на свѣтъ божій. Исторія земного шара говоритъ намъ, напр., о существовавшемъ когда-то господствѣ кислотъ и оснований; съ теченіемъ времени, однако, тѣ и другія почти уничтожились на землѣ; ихъ вытѣснили соли, которыя наоборотъ постоянно увеличиваются въ количествѣ. Точно также, напр., безводные минералы постепенно уничтожаются на землѣ и замѣняются водными. Эта побѣда и распространеніе наиболѣе сильнаго вещества проявилась и въ развитіи *органической жизни*...

Здѣсь читатель, по всей вѣроятности, остановитъ меня и напомнитъ, что органическое вещество, напротивъ, принадлежитъ именно къ наиболѣе слабымъ, нестойкимъ, легко разлагающимся. Это, конечно, совершенно справедливо. Но не менѣе справедливо и то, что организованная матерія все-таки появилась и не только появилась, а явно и очевидно увеличивается въ количествѣ, уменьшая, стало быть, количество болѣе стойкихъ неорганическихъ веществъ. Это, конечно, очень странно на первый взглядъ. Но фактъ остается фактомъ. Мы знаемъ прекрасно, что организованіе веществъ очень нестойко въ химическомъ смыслѣ, и постоянно на всемъ пространствѣ земного шара умираетъ, разлагается, переходитъ въ состояніе неорганическое. А въ общей сложности количество организованной матеріи все-таки увеличивается, деревья и травы покрываютъ бесплодные пески, и скалы, водоросли наполняютъ пруды, животныя всѣхъ видовъ кипать на землѣ, подъ землей и въ глубинахъ морскихъ. Побѣда организованной матеріи

*) См. напр. De Lanessau «La lutte pour l'existence» 1882 г.

не подлежитъ сомнѣнію, а стало быть не подлежитъ сомнѣнію и ея стойкость, не строго въ химическомъ смыслѣ, а вообще какъ способность сохраняться и распространяться. Какъ-же объяснить себѣ это видимое противорѣчіе, какъ понять распространеніе менѣе стойкаго соединенія на счетъ болѣе стойкаго?

Для разъясненія этого обстоятельства мы должны вспомнить тѣ способы, какими борются за существованіе матерія неорганизованная, мертвая, и матерія живая, организованная. Эти способы весьма различны. Прослѣдимъ для примѣра жизнь какой-нибудь единицы неорганической матеріи, положимъ, молекулы нашатыря. Рождается она, благодаря условіямъ, исключительно внѣшнимъ. Ударъ молніи, положимъ, разлагаетъ воздухъ, насыщенный водяными парами. Азотъ воздуха соединяется съ водородомъ воды; образуется молекула аммоніака. Тутъ-же въ воздухѣ пролетаетъ случайно частичка соляной кислоты. Аммоніакъ соединяется съ нею, и такимъ образомъ появляется на свѣтъ молекула хлористаго аммонія (нашатыря). Она оказывается довольно стойкою, и существуетъ поэтому нѣкоторое, неопредѣленно долгое время, пока какія-нибудь новыя вліянія внѣшнихъ условій не окажутся достаточно сильными для того, чтобы снова ее разложить или разбить по какимъ-нибудь новымъ соединеніямъ. Такъ возникаетъ каждая частичка нашатыря. Для увеличенія количества нашатыря на землѣ каждая такая частичка ровно ничего не можетъ сдѣлать. Точно такъ-же одна молекула нашатыря ровно ничего не дѣлаетъ для сохраненія другой, кромѣ развѣ чисто механической защиты, которую не менѣе хорошо можетъ выполнить какая-нибудь бумажная обертка. Вообще мы замѣчаемъ, что группировка атомовъ превращается въ нашатырь тамъ-же, гдѣ начались, т. е. въ самой молекулѣ. Атомы, образующіе молекулу, находятся во взаимодействіи, они держатъ другъ друга и взаимнымъ притяженіемъ сохраняютъ молекулу отъ разложенія. Но между молекулами ужъ нѣтъ никакой дальнѣйшей группировки, никакой поддержки, никакого взаимодействія; они другъ другу ничѣмъ не мѣшаютъ и не помогаютъ, и въ кусочкѣ нашатыря сбиты въ кучу чисто механически *). Каждая

*) Это конечно не совсѣмъ вѣрно именно по отношенію къ нашатырю, да и ко всѣмъ даже неорганическимъ тѣламъ. У нихъ даже есть нѣкоторая попытка группировки молекулъ: это *кристаллизація*. Явленіе чрезвычайно любопытное. Нѣкоторые минералогіи (знаменитый Гайди, напр.) увлекались даже до того, что признавали кристаллъ организмомъ. Во всякомъ случаѣ доказано, что присутствіе кристалла въ растворѣ *ускоряетъ* появленіе новыхъ кристалловъ. Стало быть кристаллизація является нѣкоторымъ орудіемъ борьбы, причемъ минераллъ становится до нѣкоторой степени активнымъ. Но все это представляется въ такихъ ничтожныхъ размѣрахъ, т. е. группировка частицъ

единица здѣсь вполне изолирована. Она не можетъ порождать себѣ подобныхъ, не можетъ ихъ защищать, не можетъ ждать защиты и отъ нихъ. При такомъ положеніи дѣль единственнымъ орудіемъ борьбы за существованіе у неорганическаго вещества служитъ развитіе внутренней индивидуальной стойкости каждой молекулы. Этимъ путемъ и идетъ борьба въ неорганическомъ мірѣ. Каждое вещество накапливается въ тѣмъ большихъ размѣрахъ, чѣмъ стойче его молекула въ химическомъ смыслѣ.

Совершенно новую картину мы видимъ въ мірѣ вещества *организованнаго*. Какова-бы ни была основная единица этого вещества (молекула или пластидула), во всякомъ случаѣ она обнаруживаетъ совершенно новую способность—*уподоблять себѣ окружающія вещества* (не всё, конечно, но многія). Благодаря этому свойству, организованная матерія сохраняетъ свое существованіе уже не развитіемъ химической стойкости, а постояннымъ замѣщеніемъ въ себѣ всѣхъ частицъ, оторванныхъ разрушающими внѣшними влияніями.

На химическую-же стойкость здѣсь не обращается ни малѣйшаго вниманія. Это измѣненіе способовъ борьбы за существованіе составляетъ, выражаясь фигурально, великое открытіе, которое даетъ организованному обществу огромную силу, и вмѣстѣ съ тѣмъ отличаетъ его отъ неорганизованнаго. Понятно, что отсюда порождаются и другія не менѣе важныя отличія. Такъ, здѣсь впервые въ природѣ появляются связь между *особью* и *видами*: обстоятельство въ высшей степени богатое послѣдствіями. Не будемъ однако, забѣгать впередъ, а постараемся сперва лучше ориентироваться въ установленныхъ фактахъ. Чѣмъ можетъ обусловливаться новое свойство организованной матеріи? Зависитъ-ли оно отъ состава тѣла? Нѣтъ. Если кѣлочка состоитъ изъ, положимъ, А—количества кислорода, В—азота, С—углерода, то взявъ смѣсь А+В+С, мы вовсе не получимъ еще тѣла, обладающаго свойствами живой матеріи. Эти свойства зависятъ не отъ состава, а отъ *группировки* части, примѣры чего мы видимъ еще въ химіи на такъ называемыхъ тѣлахъ *изоморныхъ*. Эти тѣла совершенно одинаковы по составу и заключаютъ одинаковыя количества однихъ и тѣхъ же веществъ, а по свойствамъ не имѣютъ между собою ничего общаго. Химія объясняетъ это явленіе неодинаковою *группировкою* частицъ данной молекулы. Въ организованныхъ, живыхъ, тѣлахъ, значеніе группировки достигаетъ максимальной силы, мы видимъ, напр., что смѣсь извѣстнаго числа молекулъ бѣлка, жиру и т. д.,

и ихъ взаимная помощь,—что мы не сдѣлаемъ большой погрѣшности, если для большей рельефности—прямо скажемъ, что молекулы неорганическаго вещества изолированы и во взаимодействіи не находятся.

въ состояніи *мертвомъ*, вовсе не отличается стойкостью, а напротивъ легко и быстро разлагается. Но когда тѣ-же молекулы сгруппируются между собой извѣстнымъ образомъ, такимъ именно, при которомъ вступаютъ между собою въ какое-то таинственное взаимодействие—ихъ смѣсь становится тѣломъ *живымъ*, постоянно разрушающимся, и постоянно, не смотря на то, сохраняющимъ свою силу и свѣжесть. Органическое вещество, словомъ, становится живымъ только тогда, когда оно *организовано* *), когда его молеку-

*) Я употребляю здѣсь слово „организованность“ исключительно въ смыслѣ въкоторой группировки, соотношенія частицъ, расположенныхъ иначе, чѣмъ онѣ располагаются при химическомъ воздѣйствіи другъ на друга.

Что касается физиологической структуры, то она повидимому сперва появляется только въ клеточкахъ, и совершенно отсутствуетъ въ протоплазмѣ. Любопытныя доказательства этого приводитъ Perrin (Les Colonies animales, 1881 г.). Нашъ глазъ, говоритъ онъ, различаетъ предметы, имѣющіе діаметръ не болѣе $\frac{1}{600}$ миллиметра (напр. нить паутины). Лучшій микроскопъ увеличиваетъ предметъ въ 2000 разъ. Стало бытъ мы можемъ, при помощи микроскопа, различать предметы, имѣющіе не болѣе $\frac{1}{20000}$ миллиметра въ діаметрѣ, или что то-же—0,00005 мил. Между тѣмъ, работы напр. Плито и Томона позволили наукѣ уже наблюдать въ некоторыхъ случаяхъ пластинки, такъ сказать, состоящія изъ *одного ряда молекулъ*; толщина молекулъ такимъ образомъ можетъ быть опредѣлена, и, какъ оказывается, колеблется между 0,00000х мил. (принимая х болѣе единицы) и 0,00000у (принимая у меньше единицы). Эти вычисленія подтверждаются наблюденіями надъ сжимаемостью газовъ и т. д. Такимъ образомъ, наиболѣе сильные микроскопы даютъ увеличеніе почти достаточное для того, чтобы видѣть наибольшія молекулы, которыя развѣ въ $1\frac{1}{2}$ или въ 2 раза меньше 0,000005 миллим. А молекулы органическихъ тѣлъ принадлежать именно къ самымъ большимъ. Альбуминъ, напр., состоитъ изъ $C^{240} H^{392} A^{75} O^{75} J^3$, т. е. молекула его заключаетъ 785 атомовъ различныхъ родовъ. Эти молекулы такъ громадны, что мы можемъ ихъ даже *отфильтровывать* отъ воды при помощи тончайшихъ фильтровъ Грагама. Очевидно, говоритъ Perrier, что если мы не можемъ еще видѣть такой молекулы черезъ микроскопъ, то группа ихъ даже изъ двухъ-трехъ молекулъ непремѣнно была-бы уже замѣтна.

Мы можемъ отсюда сдѣлать выводъ, что группировки молекулъ въ какиенбудь рѣзко очерченные союзы въ протоплазмѣ нѣтъ. Взаимодействие молекулъ здѣсь одинаково на всемъ пространствѣ протоплазмы. Молекулы группируются съ сосѣдями направо, налево, вверхъ, внизъ, совершенно одинаково, такъ что получается тѣло однообразнаго строенія, безструктурное даже. Отличіе этого тѣла отъ химическаго соединенія (также безструктурнаго, также однообразнаго на всемъ протяженіи) состоитъ въ томъ, что въ химическомъ соединеніи, въ тѣлѣ неживомъ, вездѣ одинаково отсутствуетъ взаимодействие между молекулами, а въ протоплазмѣ, въ живомъ тѣлѣ, вездѣ одинаково, въ одинаковыхъ формахъ происходитъ это взаимодействие.

Я долженъ повторить, что выводы самого Perrier'a имѣютъ нѣсколько иной характеръ. Рассмотрѣніе ихъ однако отвлекло-бы насъ слишкомъ далеко и потребовало-бы слишкомъ много мѣста, безъ особенной пользы для уясненія дѣла.

лы вступили въ какое-то взаимодействіе. Не трудно видѣть, что взаимодействіе это носитъ характеръ *кооперации*, содѣйствія, такъ какъ способность агрегата организованныхъ молекулъ противиться разрушающимъ вліяніямъ—не уменьшается, не остается также и на одномъ уровнѣ, а именно возрастаетъ. Очевидно стало быть, что при группировкѣ, характеризующей собою организованную матерію, происходитъ какое-то суммированія силы тѣхъ частицъ, которыя вступили между собою во взаимодействіе.

Таково, стало быть, и будетъ наше заключеніе. Сущность процесса оживотворенія вещества для насъ непонятна, но тѣмъ не менѣе, мы видимъ хорошо внѣшнюю сторону этого процесса, и имѣемъ право сказать, что основной принципъ органическаго міра *составляетъ организациа единицъ (особей) въ цѣломъ агрегатѣ, сопровождающаяся ихъ взаимодействіемъ и содѣйствіемъ (кооперацией)*. Органическій міръ возникаетъ только со времени появленія въ природѣ этого великаго принципа, которому мы, стало быть, и должны приписать своеобразную стойкость живого вещества, и между прочимъ—его способность приводить окружающія неорганическія массы въ организованное состояніе. Нельзя не обратить вниманія на тотъ фактъ, что воздѣйствіе подобнаго рода на окружающую среду всегда совершается въ прямой соответственности съ формой кооперации, которую представляетъ данное живое вещество. Такъ протоплазма создаетъ изъ неживаго вещества подобную себѣ протоплазму, клѣточка—клѣточку и т. д. Это соответственность служитъ косвеннымъ доказательствомъ того, что способность уподобленія есть результатъ именно кооперации.

Разсматривая дальнѣйшую судьбу міроваго вещества, организовавшагося, какъ сказано, въ живое тѣло, мы видимъ, что это вещество не останавливается на стадіи развитія протоплазмы. Оно организуется далѣе въ *клѣточку*. Здѣсь мы опять остаемся въ полномъ невѣденіи относительно причинъ, по которымъ протоплазма могла выдѣлится изъ себя клѣточку, но видимъ однако хорошо, что новая форма организациа оказывается болѣе сильной въ борьбѣ вещества за существованіе, лучше выдерживаетъ всѣ разрушающія вліянія, лучше упрочиваетъ распространеніе собственнаго типа. Это мы видимъ изъ того, что клѣточная форма организациа постоянно вытѣсняетъ безформенную протоплазму. Протоплазма никогда не растетъ насчетъ клѣточки, *) а клѣточка постоянно растетъ насчетъ протоплазмы. Вообще,—говоря что

*) Исключенія бываютъ только въ случаѣ смерти, причемъ протоплазма растетъ собственно тоже не насчетъ клѣточки, а насчетъ органическаго вещества, находящагося въ умершей клѣточкѣ.

клеточная форма организаціи вещества—силнѣе, мы просто констатируемъ фактъ. Отчего онъ зависитъ, мы конечно не можемъ сказать навѣрно; однако-же, сравнивая свойство протоплазмы и клетки, можемъ вывести отсюда въ высшей степени вѣроятное предположеніе.

Кооперація частицъ (пластидулъ, или какъ бы ихъ ни назвать) въ клеточкѣ принимаетъ характеръ гораздо болѣе опредѣленный чѣмъ въ безформенной протоплазмѣ. Въ протоплазмѣ *) кооперируются всѣ сосѣднія частицы, каждая изъ которыхъ находится во взаимодействіи еще съ другими сосѣдями, другія съ третьими и т. д. по всей массѣ протоплазмы, какъ-бы она ни была велика. Въ

*) Простейшую форму живой матеріи представляетъ *Батибій*, существованіе котораго долго подвергалось сомнѣніямъ, но теперь несомнѣнно доказано изслѣдованіями Бесселя. Батибій—это простая протоплазматическая слизь, безъ всякой опредѣленной формы и величины. Если мы разорвемъ его на части, каждая часть будетъ жить и расти самостоятельно. Если мы сблизимъ два куска батибія, они сольются и составятъ одно цѣлое. Никакихъ обособленныхъ частей въ батибіи не замѣчается, но вся масса его одарена способностью къ движению и уподобленію себѣ разныхъ органическихъ веществъ. Въ разныхъ частяхъ массы батибія возникаютъ постоянно особенныя вращательныя движенія, характеризующія вообще протоплазму, — «амебодное движеніе», посредствомъ которыхъ батибій увлекаетъ въ себя органическія вещества и развѣшиваетъ ихъ въ своемъ тѣлѣ. Ростъ батибія идетъ довольно быстро, но не влечетъ за собою распаденія его тѣла на какія нибудь части (какъ въ клеточкѣ). Батибій питается всей своею массою, и растетъ тоже всей массою просто какъ бы разбухая отъ всосанныхъ въ себя веществъ.

Таково должно было быть первичное живое вещество, въ моментъ своего возникновенія на землѣ. Но эта стадія развитія вещества удерживается недолго. Уже батибій, по наблюденіямъ Бесселя, всегда является въ сопровожденіи «*Naechelina gigantea*». Это уже не просто вещество, а существо. *Naechelina* имѣетъ опредѣленный ростъ и форму; это звѣздочка, покрытая тонкой оболочкой, изъ оконечностей которой выходятъ многочисленные нити, уже голыя, переплетающіяся съ такими же отростками другихъ *Naechelin*'ъ. Такимъ образомъ *Naecheline* иногда и сростается отростками, образуя колоніи. *Перрье*, желая доказать, что начало органическаго міра составляетъ индивидуальность, высказываетъ предположеніе, что батибій образуется именно изъ слившихся *Naechelin*'ъ. Но гораздо вѣроятнѣе предположить совершенно наоборотъ, тѣмъ болѣе, что *Naechelin* обнаруживаютъ уже нѣкоторое усложненіе въ своемъ строеніи: у нихъ замѣчаются какія-то правильно расположенныя желтыя пятнышки, и ядро, служащія б. м. органомъ размноженія (т. е. дѣленія). Стало-быть, гораздо вѣрнѣе принять мнѣніе Геккеля и признать батибій первичной формой живаго вещества. *Naechelina* явится тогда выраженіемъ дальнѣйшаго развитія. Очень можетъ быть, что тѣ центры амебоднаго движенія, которые возникаютъ то тамъ, то сямъ въ батибіи, послужили именно исходными точками для концентраціи первоначальнаго простого вещества, которое такимъ образомъ разрывается на клетки.

кѣлочкѣ *) напротивъ заключается опредѣленное число кооперирующихся частицъ, которыя уже не находятся въ такихъ отношеніяхъ ни къ какому другому агрегату. Протоплазма, выражаясь фигурально, напоминаетъ толпу, гдѣ ближайшіе сосѣди видятъ и слышатъ другъ друга, производятъ одинъ на другого вліяніе, но не обязательное, случайное, тѣмъ болѣе, что составъ сосѣдей постоянно мѣняется, и каждый изъ нихъ подвергается такимъ вліяніямъ, которыхъ другіе сосѣди, стоящіе немного дальше, уже не ощущаютъ. Взаимодѣйствіе происходитъ тутъ между огромнымъ количествомъ особей, но оно такъ беспорядочно, что не можетъ подвести даже «средней линіи» линіи для этого множества силъ «составляющихъ», и потому не связываетъ ихъ въ одно цѣлое, не можетъ ихъ направить на какую-нибудь коллективную работу. Цѣлаго, единаго—тутъ почти не существуетъ. Но вотъ въ толпѣ появляется группа людей сговорившихся, составившихъ планъ дѣйствія, не обращающихъ вниманіе ни на какія посторонніе крики и совѣты: цѣлое, хотя и маленькое, возникаетъ. Это и есть *кѣлочка*. И какъ толпа, вынужденная къ дѣйствію (положимъ на пожарѣ, наводненіи и т. д.), непремѣнно распадается на группы, достаточно малыя для того, чтобы въ нихъ возможно было единство дѣйствія, — точно также безформенная протоплазма, подъ давленіемъ борьбы за существованіе, постоянно распадается на кѣлочкы. Въ протоплазмѣ зарождается взаимодѣйствіе частицъ, въ кѣлочкѣ онѣ начинаютъ правильно организоваться.

Кѣлочка простая, одиночная, составляетъ, однако, лишь переходную ступень въ развитіи органическаго міра. Мы замѣчаемъ далѣе, что кѣлочкы начинаютъ соединяться между собою въ новую кооперацію, болѣе сложную, и образуютъ *организмъ*. Какъ извѣстно, —этотъ именно организмъ составляетъ наиболѣе распространенную форму живого вещества. Простая, одиночная кѣлочка составляетъ въ природѣ довольно рѣдкое исключеніе **). Она погло-

*) Вещество, достигшее до стадіи развитія кѣлочкы, отличается тѣмъ, что имѣетъ какой-то центръ притяженія, который сдерживаетъ въ кѣлочкѣ только опредѣленное количество матеріи. Когда, вслѣдствіе усиленнаго питанія, количество вещества въ кѣлочкѣ переходитъ за извѣстную норму, кѣлочка распадается на двѣ части. Такъ «Protogenes primordialis» дѣлится, какъ только тѣло его превзойдетъ 1 миллиметръ въ діаметрѣ. «Protosoba primitiva» дѣлится еще гораздо раньше, не превосходя нѣсколькихъ сотыхъ частей миллиметра. Эта то ограниченная извѣстными предѣлами притягательная, концентрирующая сила придаетъ кѣлочкѣ индивидуальность и составляетъ самую характерную черту ея. (См. Perrier, des Colonies animales, стр. 60 и сл.).

**) Многіе ученые не соглашаются признавать простыми кѣлочками амевъ, корненожекъ и т. д.; если принять это мнѣніе, то свободная кѣлочка будетъ почти изгнана въ природѣ.

щается организмомъ точно также, какъ сама въ свою очередь поглощаетъ протоплазму. Легко видѣть ужь изъ этой градаціи, что организмъ является новою формою группировки, болѣе сильною, лучше выживающею, чѣмъ всѣ предыдущія. Что касается дальнѣйшаго развитія органической жизни, распадація организмовъ на безчисленное множество видовъ (самые скудные натуралисты насчитываютъ въ одномъ животномъ царствѣ не менѣе 150.000 видовъ), ихъ борьбы, ихъ разнообразнаго приспособленія къ окружающему міру, то мы оставимъ пока все это въ сторонѣ. Общая тенденція этого процесса — выработка наиболѣе сильныхъ формъ органическаго вещества, — извѣстна каждому, и выяснена наукою до полной очевидности. Для насъ въ настоящій моментъ интересна другая сторона дѣла.

Мы видѣли, что организмъ составляетъ результатъ все болѣе и болѣе усложняющейся коопераціи вещества. Теперь спрашивается: заканчивается-ли она на организмѣ? Предыдущій обзоръ животнаго царства показалъ, напротивъ, что организмы, въ свою очередь, группируются между собою, вступаютъ во взаимодѣйствіе, основываясь на взаимной помощи и взаимномъ удовлетвореніи. Эта новая форма коопераціи называется *обществомъ*. Читатели помнятъ, быть можетъ, что въ началѣ статьи я воздержался отъ сколько-нибудь подробнаго опредѣленія общественности. Факты, обнаруженные нами въ царствѣ животныхъ, даютъ намъ, однако, право дополнить это опредѣленіе, и сказать, что опредѣленные и необходимыя отношенія особей, которыми я характеризовалъ раньше общественность, имѣютъ именно характеръ *коопераціи*. Та же самая кооперація, которою начался органическій міръ, приводитъ теперь уже вполне развитые организмы къ соединенію въ общество. Общество является такимъ образомъ не болѣе, какъ дальнѣйшимъ развитіемъ основнаго принципа органическаго міра. Это можно считать теперь вполне установленнымъ. Но слѣдуетъ-ли изъ этого дѣлать заключенія о полномъ тождествѣ организма и общества? Я надѣюсь ниже показать, что поспѣшныя аналогіи въ этомъ родѣ приводятъ нерѣдко къ крайне ошибочнымъ выводамъ. Теперь замѣчу во всякомъ случаѣ, что пока, на основаніи фактовъ и соображеній, приведенныхъ мною, мы не имѣемъ еще права отождествлять организмъ съ обществомъ. Мы имѣемъ право сказать только, что *организмъ и общество—это проявленія одного и того же органическаго принципа коопераціи*. Но каждый принципъ можетъ осуществиться фактически весьма различнымъ образомъ, смотря по обстоятельствамъ. Различія, отсюда проистекающія, могутъ быть очень серьезны и мы не имѣемъ права дѣлать окончательныхъ выводовъ до тѣхъ поръ, пока не выяснимъ разли-

чій, хотя настолько же точно, насколько выясняемъ сходство. Объ этомъ, однако, поговоримъ въ свое время, а пока возвратимся опять къ простому разсмотрѣнію фактовъ.

Общество возникаетъ въ природѣ очень рано, можно сказать, одновременно съ сложнымъ организмомъ, и быть можетъ даже раньше его. Въ сущности, сложный организмъ появляется вслѣдствіе стремленія простыхъ организмовъ къ совместной жизни. Вдумываясь въ судьбу губокъ, асцидій и другихъ колоніальныхъ животныхъ, мы легко приходимъ къ заключенію, что *первыя* попытки клѣточекъ вступить въ кооперацію имѣютъ въ виду общество, а не организмъ. Таково, напр., соединеніе нѣсколькихъ топобіае confluentes для совместной охоты (см. главу III). Но всѣ эти попытки оказываются неудачными и постоянно приводятъ клѣтки (т. е. вообще низшіе организмы) къ полному сліянію. Клѣточки срастаются, специализируются, въ агрегатѣ появляется физиологическое раздѣленіе труда. Въмѣсто общества *), т. е. коопераціи особей, физиологически однородныхъ и равносильныхъ, появляется сложный организмъ, т. е. кооперація особей, физиологически настолько разнородныхъ, что изслѣдованіе каждой немислимо внѣ физическаго сліянія всѣхъ вмѣстѣ. Такова судьба всѣхъ первыхъ попытокъ клѣточекъ къ совместной жизни. Но чѣмъ выше мы поднимаемся по лѣстницѣ животнаго царства, тѣмъ затруднительнѣе дѣлается сліяніе организмовъ, и скоро становится совершенно немислимымъ. Первоначально, т. е. у низшихъ животныхъ, или лучше—въ эпоху низшихъ животныхъ, единственною развивающеюся, прогрессирующею формою коопераціи является усовершенствованіе организма путемъ сліянія низшихъ животныхъ. И дѣйствительно, сложный организмъ, именно, благодаря возможности специализировать свои составныя части—пріобрѣтаетъ большое преимущество въ борьбѣ за существованіе. Этимъ путемъ производится сохраненіе и упроченіе вида. Общество же въ собственномъ смыслѣ—напротивъ, не имѣетъ никакого значенія, и уничтожается едва успѣвъ возникнуть. Кооперація *біологическая* торжествуетъ надъ коопераціей *соціологическій*. Но по мѣрѣ развитія органическихъ формъ, кооперація біологическая становится все болѣе затруднительною, а попытки общественной коопераціи, напротивъ, каждый разъ оказываются все удачнѣе и крѣпче. На извѣстной стадіи развитія жизни (у пчель, муравьевъ), кооперація біологическая и соціологическая какъ-то перемѣшиваются, какъ будто стараются помириться

*) Точное опредѣленіе общества и организма я постараюсь сдѣлать ниже. Теперь пользуюсь опредѣленіемъ, такъ сказать, нагляднымъ, которое вытекаетъ изъ настоящаго поверхностнаго сравненія общества съ организмомъ.

на компромиссѣ. Сліяніе организмовъ не происходитъ, но фізіологическая спеціализація особей получаетъ широкое развитіе. На еще высшихъ ступеняхъ животнаго царства кооперація біологическая окончательно вытѣсняется, даже въ такихъ слабыхъ проявленіяхъ, какъ у муравьевъ. *Общественная жизнь* дѣлается, напротивъ, единственною развивающеюся, прогрессирующею формою коопераціи организмовъ. Она становится главнымъ орудіемъ борьбы. Усовершенствованіе общественной жизни оказывается, наконецъ (какъ у человѣка), для сохраненія и размноженія вида—условіемъ гораздо болѣе важнымъ, чѣмъ усовершенствованіе организма.

Такова общая картина постепеннаго развитія коопераціи въ органическомъ мірѣ. Она начинается съ безпорядочнаго, несогласованнаго взаимодействія, затѣмъ, во второмъ фазисѣ, организуется на біологическихъ началахъ, и, наконецъ, вступаетъ въ третій фазисъ — общественную жизнь. Кооперація такимъ образомъ пронизываетъ всю органическую жизнь. «Общественная среда», принимая это слово въ широкомъ смыслѣ, дѣйствительно оказывается, какъ говоритъ Эспинасъ, «общимъ условіемъ органическаго развитія». Мы теперь понимаемъ и причину этого. «Общественная среда» необходима, потому что внѣ ея немислима кооперація, это могущественнѣйшее орудіе борьбы веществъ за существованіе. Намъ остается еще выяснитъ, почему-же совмѣстная жизнь, общественность, принимаетъ въ одно время форму біологической коопераціи, въ другое—соціологической *).

V.

Въ своемъ историческомъ обзорѣ развитія соціологіи, Эспинасъ обращаетъ вниманіе на фактъ, дѣйствительно очень знаменательный: оказывается, что аналогія между жизнью общественной и органической была одновременно подмѣчена натуралистами и соціологами, совершенно независимо другъ отъ друга, и въ то время, когда одни, для уясненія процессовъ организма, невольно обращались къ аналогіямъ изъ общественной жизни; другіе, такъ-же произвольно, приходили къ зоологіи и біологіи въ то время, когда изучали собственно законы человѣческаго общества. Явленіе любопытное, и мы его теперь понимаемъ. Если общество, какъ мы

*) Не бесполезнымъ считаю напомнить читателямъ, что мы все время выясняли только способы развитія общественности и чисто внѣшнія причины ея торжества въ природѣ. Что касается причинъ, по которымъ общественность *возникаетъ*, а также внутренняго стремленія къ общественности, которое субъективно замѣчаемъ часто въ себѣ—мы оставляемъ эти вопросы въ сторонѣ, не потому, чтобы они не были чрезвычайно важны, но по совершенному недостатку данныхъ для ихъ рѣшенія.

видѣли, есть нѣкоторый процессъ органической жизни, то, понятно, что въ немъ должны проявляться законы, общіе для всего органическаго міра. Отсюда множество аналогій, вполне основательныхъ, между, напр. организмомъ и обществомъ. Не отмѣчая аналогій и отыскивая эти основные законы *), не должно, однако, упускать изъ виду, что организмъ и общество составляютъ во всякомъ случаѣ совершенно *различныя стадіи развитія* органическаго міра. Поэтому можно даже заранее быть увѣреннымъ, что они, на ряду со сходствомъ, должны представлять и серьезные различія. Нашъ непосредственный глазомѣръ, не позволяющій намъ признать общество и организмъ — тождественными явлениями, оказывается вполне вѣрнымъ. Различіе, которое каждый видитъ между обществомъ и организмомъ, вовсе не кажущееся только, и не несущественное, а напротивъ, очень глубокое. Организмъ и общество — это частныя проявленія того, что можно назвать вообще «совмѣстной жизнью». Но почему-же совмѣстная жизнь въ однихъ случаяхъ приводитъ особи къ сліянію въ сложный организмъ, а въ другихъ случаяхъ представляетъ формы социологическія? Въ природѣ это явленіе отличается правильнымъ и постояннымъ характеромъ, а потому должно имѣть *постоянныя*, а не случайныя причины.

Сравнивая организмъ и общество, Спенсеръ не находитъ между ними другаго основнаго различія, кромѣ *раздѣльности* особей въ обществѣ и ихъ *слитности* въ организмѣ. Отсюда онъ выводитъ уже и нѣкоторыя другія различія, какъ послѣдствія перваго. Такъ, по его мнѣнію, вслѣдствіе физической раздѣльности особей, спеціализація занятій и способностей не можетъ идти въ обществѣ такъ далеко, какъ въ организмѣ. По той-же причинѣ *сознаніе* въ обществѣ не можетъ быть сконцентрировано въ одной небольшой части всего агрегата **), а разлито по всему обществу приблизительно одинаково. Отсюда Спенсеръ заключаетъ далѣе, что, стало быть, «общество существуетъ для блага своихъ членовъ, а не члены его существуютъ для блага общества», между тѣмъ какъ въ организмѣ, будто-бы, соотношеніе частей къ цѣлому находится въ обратномъ порядкѣ ***). Нельзя не замѣтить, что по слѣднее различіе совершенно гадательно. Почему мы знаемъ, что для чего, и кто для кого живетъ на свѣтѣ? Это можетъ опредѣлить религія, вѣра, но никакъ не наука. Позволительно теперь усумниться, чтобы физическая раздѣльность особей сама по себѣ

*) По всей вѣроятности — это *общее* составляетъ именно законы коопераціи.

**) Въ родѣ того, какъ напр. въ мозгу организма.

***) Основанія социологіи.

могла воспрепятствовать ихъ самой крайней спеціализаціи и полному уродству. Съ какой-же стати? Гусь, откармливаемый для страсбургскаго пирога, представляетъ изъ себя вовсе не животное въ сущности, а машину, изготовляющую жирную печень; онъ даже и ѣсть не самъ, а *наливается* пищей чрезъ воронку. Между тѣмъ эта несчастная жертва челоѣческаго чревоугодія даетъ лишь слабый образчикъ того уродства, къ которому легко привести организмъ, при помощи соответственныхъ приспособленій. Вообще это утвержденіе Спенсера не доказываетъ ничего, кромѣ желанія знаменитаго философа — видѣть *личность* выше всякихъ покушеній. Желаніе конечно очень благородное... Точно такимъ-же субъективизмомъ проникнуто соображеніе Спенсера относительно «сознанія». На самомъ дѣлѣ сознаніе сконцентрировано въ организмъ только относительно, а не безусловно. По крайней мѣрѣ мы не имѣемъ вовсе права утверждать, чтобы кѣлочки вышшаго организма были совершенно лишены сознанія; а въ низшихъ организмахъ—даже никакой концентраціи сознанія несомнѣнно не существуетъ. У какой-нибудь гидры оно именно «разито по всему тѣлу». Съ другой-же стороны что касается общества, то концентраціа сознанія въ немъ несомнѣнно существуетъ до нѣкоторой степени. Фулье *), напр. говорить, что великіе люди въ обществѣ играютъ роль головного мозга; они представляютъ собою какъ-бы фокусы наибольшаго сосредоточенія впечатлѣній. Сравненіе довольно удачное, и конечно во многихъ низшихъ организмахъ мы не найдемъ такихъ фокусовъ концентраціи сознанія, какими были въ своемъ обществѣ, въ свое время, Лютеръ, Лейбницъ, Петръ Великій. Въ общей сложности—всѣ различія, указанныя Спенсеромъ, или утверждаются совершенно произвольно или волюнѣ условны. Что же касается пресловутой *раздѣльности* особей, то на этомъ предметѣ стоитъ остановиться еще немного.

Раздѣльность особей можетъ, пожалуй служить внѣшнимъ, весьма грубымъ *признакомъ* общества, но вовсе не составляетъ причины какихъ бы то ни было его свойствъ. Поэтому она можетъ быть положена въ основу только чисто *искусственной* соціологической классификаціи, вродѣ того какъ Линней взялъ основой своей ботанической классификаціи устройство цвѣтѣвъ. *Естественная* же классификаціа ищетъ признаковъ болѣе важныхъ, такихъ, которые бы объясняли самыя свойства классифицируемаго предмета, а въ томъ смыслѣ раздѣльность особей для соціологіи не имѣетъ никакого значенія. Раздѣльность сама составляетъ не болѣе какъ результатъ тѣхъ *свойствъ* особей, которые поражаютъ

*) «La science sociale contemporaine».

общественную жизнь ихъ. Слитность или раздѣльность особей, т. е. возникновеніе въ одномъ случаѣ сложнаго организма, а въ другомъ—общества, всецѣло зависитъ отъ того, съ какими особями мы имѣемъ дѣло. Асцидии, напр. или какія-нибудь *manobiae confluentes* не могутъ начать совмѣстной жизни безъ того, чтобы не слиться очень быстро и мало по малу превратиться въ сложный организмъ. Птицы, напротивъ, въ какой-бы тѣсной связи ни жили никогда не сольются тѣлесно, и постоянно образуютъ общество, а не болѣе сложный организмъ. Стало быть суть не въ раздѣльности, которая не можетъ-же предохранить асцидій отъ быстрого сліянія; суть дѣла въ свойствахъ самой особи; эти свойства мы должны опредѣлить и классифицировать, если хотимъ выяснитъ дѣйствительное различіе между организмомъ и обществомъ.

Каковы же свойства особей въ томъ и другомъ случаѣ? Первый, самый даже поверхностный взглядъ показываетъ намъ, что организмъ есть ассоціація простыхъ клѣточекъ, а общество—ассоціація организмовъ. Болѣе внимательное разсмотрѣніе организма безъ сомнѣнія заставитъ насъ оговориться кой-въ-чемъ. Конечно всякій организмъ представляетъ, строго говоря, ассоціацію не клѣточекъ, но тканей, органовъ *) и т. д., которыя уже состоятъ изъ клѣточекъ. Что касается простѣйшихъ животныхъ, то въ мірѣ ихъ очень трудно провести рѣзкую границу между клѣткою и организмомъ. Но все это не измѣняетъ сущности дѣла. Остается несомнѣннымъ, что чѣмъ ближе данныя существа подходятъ подъ чистый типъ клѣточки, тѣмъ неизбежнѣе ихъ сліяніе, при коопераціи; наоборотъ, чѣмъ ближе данныя существа подходятъ подъ типъ несомнѣннаго организма, тѣмъ невозможнѣе ихъ тѣлесное сліяніе, и тѣмъ обязательнѣе ихъ кооперація создаетъ общество. Наша формула, стало быть, остается все-таки вѣрной, хотя, какъ всѣ вообще классификаціонныя опредѣленія—имѣетъ схематическій характеръ, и это очень понятно, такъ какъ въ природѣ нигдѣ нѣтъ рѣзкихъ границъ, и всякая группа явленій съ обонхъ концовъ переходитъ незамѣтными ступенями въ другія группы. Впрочемъ указанное различіе между обществомъ и организмомъ опредѣляетъ все-таки только одну внѣшнюю сторону дѣла. Всмотриваясь ближе, мы замѣчаемъ, что это различіе имѣетъ собственно такой смыслъ: организмъ вырастаетъ изъ та-

*) Ткани, органы, аппараты организма обладаютъ известной степенью индивидуальности и группируются въ организмъ въ весьма разнообразныя системы коопераціи. Эта кооперація иногда обнимаетъ клѣтки *однородныя* (мускулы напр.), иногда *разнородныя* (пищеварительный аппаратъ), и вообще представляетъ формы иногда до крайности сложныя. См. Perrier „Les colonies animales“, напр. объ индивидуальности.

кой коопераціи клѣточекъ, при которой послѣднія вступаютъ во взаимодействіе лично, непосредственно; общество напротивъ образуется тогда, когда клѣточки (или агрегаты клѣточекъ, т. е. организмъ) вступаютъ во взаимодействіе не прямо, не непосредственно, но черезъ посредство своихъ нервныхъ центровъ. Въ организмѣ взаимодействуютъ всѣ единицы агрегата; въ обществѣ—только нервные центры цѣлыхъ агрегатовъ, прочія-же клѣточки, входящія въ счеты отдѣльныхъ агрегатовъ не имѣютъ между собой никакой непосредственной связи. Общество составляетъ не изъ желудковъ, не изъ ружъ или ногъ, а изъ головъ. Въ этомъ смыслѣ организмъ можно назвать личной ассоціаціей клѣточекъ а общество—представительной. Еще точнѣе назвать общество ассоціаціей нервныхъ центровъ. Все это различія крайне важныя, какъ, быть можетъ, уже и догадывается читатель.

Намъ слѣдовало-бы теперь перейти къ сравненію свойствъ обыкновенной простой клѣтки и нервного центра. Не мѣшаетъ, однако, предварительно напомнить читателямъ еще разъ важное вліяніе борьбы за существованіе. По какимъ-бы причинамъ ни возникла совмѣстная жизнь,—ея развитіе, распространеніе, типъ, все это находится подъ непосредственнымъ давленіемъ борьбы за существованіе. Но борьба за существованіе поддерживаетъ и распространяетъ лишь такіе типы коопераціи, при которыхъ возможно болѣе увеличивается коллективная сила агрегата. Разсматривая общія условія, способныя увеличить силу агрегата, мы видимъ, что первичное и грубое изъ нихъ—это простое *суммирование* силы. Такъ выше мы видѣли, что нѣсколько маповіае confluenter слагаютъ свои силы для этого, чтобы проглотить крупинку, слишкомъ большую для каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Второе условіе, достижимое уже труднѣе—это *раздѣленіе труда*, причѣмъ особь, обезпеченная отъ необходимости тратить силы на одну, функцію, приобретаетъ возможность направить ихъ вдвое энергичнѣе на отправленія другой функціи. Зачатки такого раздѣленія труда мы видимъ уже у колоніальныхъ животныхъ. Наконецъ третье условіе, безъ котораго немислимы оба первыя, это *связь* между кооперирующими особями, позволяющая имъ координировать свои силы. Это условіе—связь единицъ агрегата—надо собственно поставить на первомъ мѣстѣ. Чѣмъ тѣснѣе связь единицъ, тѣмъ совершеннѣе могутъ быть организованы суммирование силъ и раздѣленіе труда. Обстоятельство чрезвычайно важное, которое слишкомъ часто, однако, упускается изъ виду. Дѣло въ томъ, что борьба за существованіе обязательно заставляетъ *каждый* агрегатъ изыскивать наилучшіе способы суммированія силъ и раздѣленія труда: это относится одинаково къ организму и обществу. Но

также борьба за существованіе требуетъ прежде всего развитія связи между особями, такъ что напр. если приняты способы раздѣленія труда подрываютъ связь между особями, то сила агрегата отъ этого не увеличивается, а уменьшается, и онъ погибаетъ. Между тѣмъ способы, посредствомъ которыхъ особи могутъ быть связаны между собою, далеко не одинаковы въ организмѣ и обществѣ. Мы это сейчасъ увидимъ, а пока возвратимся къ предыдущему.

Вглядимся ближе въ свойства простой клѣтки, которая всего замѣтнѣе, если она живетъ въ свободномъ, самостоятельномъ видѣ (а не въ организмѣ). Такова, напр., *амеба*. Она состоитъ изъ студенистаго кусочка протоплазмы, всѣ части которой имѣютъ одинаковыя свойства и одинаково принимаютъ участіе въ ощущеніяхъ и движеніяхъ амебы. Когда амеба хочетъ что-нибудь схватить, она вытягиваетъ въ видѣ отростка любую часть своего тѣла, иногда даже въ видѣ тонкой нити; схвативши добычу, амеба, какъ выражается Карпентеръ, «импровизируетъ желудокъ», также изъ любой части своего тѣла, которую обволакиваетъ добычу и высасываетъ ее. Если *Terebella* (одно изъ такихъ-же простыхъ животныхъ) вытащить изъ раковины и положить въ блюдечко съ водой и съ пескомъ на днѣ, она начинаетъ строить себѣ раковину, причемъ вытягиваетъ изъ тѣла отростки, гдѣ ей только вздумается, схватываетъ песчинки и облѣпляетъ ими; песчинки приклеиваются особою жидкостью, которую способна видѣлять каждая часть тѣла *Terebellae* *). Такимъ образомъ жизненныя свойства разлиты въ однообразной смѣси по всему тѣлу животнаго. Они состоятъ въ раздражимости (восприимчивость къ впечатлѣніямъ), способности къ механической работѣ, и затѣмъ—способности въ уподобленію **) себѣ разныхъ другихъ веществъ. Эти свойства образуютъ орудіе живого вещества въ борьбѣ за существованіе. Они даютъ клѣточкѣ возможность ориентироваться во внѣшнемъ мірѣ, узнавать и поглощать пищу, уходить отъ опасности и т. д. Мы видимъ, такимъ образомъ, что свободная клѣтка отличается чрезвычайнымъ разнообразіемъ способностей, но эта универсальность имѣетъ свою слабую сторону. Способности ея разнообразны, но далеко не отличаются тонкостью. Клѣточка смутно ощущаетъ, такъ сказать, вообще молекулярное движеніе, но для того, чтобы хорошо ориентироваться въ условіяхъ земной природы, этого мало: нужно умѣть различать свѣтъ, тепло, звукъ, нѣкоторые химическіе процессы

*) Карпентеръ. Основ. Физ. Ума, часть 1, стр. 36—38.

**) Я не упоминаю (чтобы не вводить безполезныхъ усложненій) о размноженіи, потому что оно вначалѣ представляетъ просто одно изъ проявленій питанія. См. напр. «Зоологию» Влауса.

(напр. окисленіе тѣлъ) и т. п. Точно также и по отношенію къ механической работѣ, недостаточно имѣть общую неуклюжую способность къ движенію: нужно отчетливое и энергичное выполненіе очень разнообразныхъ видовъ его. Когда появляется на свѣтѣ агрегатъ клѣточекъ, этотъ первообразъ сложнаго организма, онъ пріобрѣтаетъ тѣмъ большее могущество, чѣмъ доступнѣе для него тончайшіе отгѣнки ощущенія и движенія. Типъ такого агрегата наилучше выживаетъ и распространяется.

Мы замѣчали однако выше, что основное свойство клѣтчатки составляетъ индивидуальность, прямое слѣдствіе которой составляетъ ограниченіе силы клѣточки извѣстными предѣлами. Мы видѣли, что концентрирующая сила клѣточекъ не можетъ сдерживать около себя болѣе опредѣленнаго, и вообще очень незначительнаго количества вещества. Безъ сомнѣнія, поэтому самому, клѣточка можетъ развивать толькое опредѣленное, и, вообще, довольно ограниченное количество силы. Итакъ, мы уже à priori могли-бы заключить, что клѣточки не въ состояніи достигнуть совершенства по всѣмъ отраслямъ ощущенія и движенія одновременно, и опытъ вполне подтверждаетъ это. Агрегатъ клѣточекъ не можетъ, стало быть, получить въ свое распоряженіе необходимыя ему способности, путемъ всесторонняго развитія клѣточки. Но взамѣнъ того, клѣточка въ высшей степени способна къ спеціализаціи: она можетъ направить всѣ свои силы на одну какую-нибудь работу, и дѣлаетъ это крайне легко. Губка, напр., сжатая между своими сосѣдями, немедленно превращается въ общую клоаку. Понятно, что при такой спеціализаціи, клѣточка получаетъ уже возможность отправлять принятую на себя функцію гораздо лучше, и вотъ почему *физиологическое раздѣленіе труда* становится основой, на которой развивается организмъ. Каждая изъ клѣточекъ уродуется, превращается изъ особи въ органъ, но за то весь коллективный агрегатъ получаетъ способность прочнаго познаванія внѣшняго міра и энергичнаго на него воздѣйствія. Условія борьбы за существованіе, и свойства самой клѣтчатки, вынуждаютъ агрегатъ вступить на такой путь развитія; но, обратите вниманіе здѣсь-же на причины, по которой, для каждой отдѣльной клѣточки, дѣлается немислимымъ *отдѣльное* существованіе. *Физиологическая дифференція* вызываетъ необходимыми образомъ *физиологическую интеграцію*. Дѣлаясь исключительно мускульной, или зрительной и т. д., клѣточка оказывается неспособной жить безъ прямой помощи другихъ: какъ для полученія этой помощи, такъ и для передачи цѣлому агрегату результата своей спеціальной работы, клѣточка должна находиться съ другими въ прямомъ сообщеніи посредствомъ тканей и полостей, т. е. должна съ ними сростись. Это сліяніе

общежительныхъ клѣточекъ въ одинъ, болѣе сложный организмъ, представляется такимъ образомъ *фатальнымъ*, неизбѣжнымъ. Все вызываетъ это сліяніе и ничто ему не препятствуетъ. И вотъ до поры до времени, мы въ природѣ только и видимъ постоянно образованіе все болѣе и болѣе сложныхъ организмовъ изъ каждой попытки клѣточекъ или простыхъ организмовъ къ общежитію.

Съ теченіемъ времени этому однако наступаетъ конецъ. Онъ обуславливается причинами столь-же фатальными. Дѣло въ томъ, что въ числѣ специализировавшихся клѣточекъ есть одна, особенно заслуживающая нашего вниманія: это *нервный центръ* *). Причина его возникновенія—понятна. Специализація клѣточекъ ощущающихъ (слуховыхъ, зрительныхъ и т. д.), проводящихъ и отражающихъ впечатлѣнія (нервы), двигательныхъ, пищеварительныхъ и т. д., т. е. физиологическая дифференціація не имѣли бы ни малѣйшаго смысла, если-бы одновременно съ этимъ не выработались органы физиологической интеграціи, въ томъ числѣ *нервный центръ*, способный къ воспринятію впечатлѣній, доносимыхъ всѣми спеціальными клѣтками, и точно также способный давать толчокъ всѣмъ двигательнымъ. Безъ этого условія дифференцировавшійся агрегатъ оказался-бы не только не сильнѣе прежняго, а прямо былъ-бы осужденъ на голодную смерть. Онъ оказался-бы не организмомъ, а безсвязной кучей изуродованныхъ клѣтокъ. Нервный центръ является такимъ образомъ органомъ единства, связующимъ звеномъ клѣтокъ. Но эта роль проводитъ рѣзкую разницу между положеніемъ нервного центра и простой, свободной, универсально-способной клѣтки.

Нервный центръ прежде всего—есть клѣтка уже специализировавшаяся. Онъ уже утратилъ универсальныя способности простой клѣтки. Онъ специализированъ исключительно на *представленіи* и *регуляци*, но за то уже не допускаетъ никакого отсѣченія у него какихъ-либо способностей этой категоріи, именно потому, что онъ—центръ. Чѣмъ разностороннѣе способности организма, чѣмъ болѣе специализированы его органы, тѣмъ полнѣе и развитѣе должны быть способности нервного центра по его спеціальности, ибо безъ этого онъ будетъ неспособенъ поддерживать единицы организма, а стало быть и его жизнь, а еще стало быть и свою собственную жизнь. Мы видѣли раньше, что на извѣстной ступени органическаго развитія біологическая кооперація все болѣе затрудняется, и наконецъ становится совершенно невозможной. Это совпадаетъ именно съ выработкой развитаго нервного

*) Я беру конечно опять организмъ схематическій, гдѣ для простоты считая нервный центръ *одною* клѣткою.

центра. До тѣхъ поръ, пока его нѣтъ, всякая попытка совмѣстной жизни фатально принимаютъ біологическій характеръ. Съ появленіемъ-же вполнѣ развитаго нервнаго центра, напротивъ, всякая попытка біологической коопераціи дѣлается невозможной. Это обусловливается именно строеніемъ сложнаго организма (между прочимъ, обладающимъ хорошимъ нервнымъ центромъ). Въ развитомъ организмѣ настолько уже утрачиваютъ самостоятельность, настолько привязаны къ своему организму и отрѣзаны отъ всего прочаго міра, что совершенно не могутъ вступать въ какую-бы то ни было связь съ клѣточками другого организма, помимо вѣдѣнія и поущенія своего нервнаго центра. Отдѣльные организмы даже чувствуютъ существованіе одинъ другого не иначе, какъ черезъ посредство своихъ нервныхъ центровъ; поэтому всякая связь, взаимодействія двухъ развитыхъ организмовъ есть въ сущности только фигуральное выраженіе, а на самомъ дѣлѣ—эта связь и взаимодействие только нервныхъ центровъ.

Вслѣдствіе этого дальнѣйшія попытки совмѣстной жизни въ органическомъ мірѣ относятся уже исключительно къ исторіи нервныхъ центровъ и могутъ слагаться лишь на основаніяхъ, сообразныхъ съ природою и положеніемъ послѣднихъ. Біологическая кооперація становится по множеству причинъ невозможной. Прежде всего—нервные центры такъ *зарыты* каждый въ своемъ организмѣ, что непосредственно между собою соприкасаться даже физически не могутъ. Во вторыхъ, они прямого прикосновенія даже и не чувствуютъ: это не ихъ языкъ, выражаясь фигурально. Они могутъ корреспондировать только на языкѣ своихъ способностей, которыя специализировались исключительно на разныхъ проявленіяхъ психической жизни. Наконецъ, всякое срощеніе нервныхъ центровъ перепутало-бы отправленія обоихъ организмовъ и вышелъ-бы страшный хаосъ въ ихъ отправленіяхъ, а между тѣмъ жизнедѣятельность организма поддерживается только строгимъ единствомъ, стройностью и согласованностью всѣхъ отправленій. Вообще срощенія организмовъ, на извѣстной степени развитія, можетъ быть процессомъ только уродливымъ, смертельнымъ, а по большей части просто-таки физически невозможно. Съ этого момента царство біологической коопераціи кончается. Наступаетъ эпоха общества. Она характеризуется тѣмъ, что взаимодействующія особи не сливаются физически, не специализируются физиологически, и остаются въ союзѣ, не переставая быть существами однородными по своимъ свойствамъ».

«Слагающіяся такимъ образомъ общества, говоритъ Эспинасъ *)»

*) См. Эспинасъ. «Соціальная жизнь животныхъ», стр. 386. Я, впрочемъ, пользуюсь этой прекрасной характеристикой нѣсколько произвольно, т. е. прилагаю ее въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ дѣлаетъ самъ Эспинасъ.

образуютъ совершенно новый строй, который какъ-бы покрываетъ собою низшія ступени, потому что, превосходя ихъ высотой своей организаціи, онъ въ тоже время охватываетъ ихъ собою. Этотъ новый типъ не предполагаетъ между составляющими его частями никакого физическаго сообщенія тканей и полостей, но только «обмѣнъ нервныхъ и мозговыхъ движеній». Черта дѣйствительно ярко характерная и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне понятная. Всякая связь и всякое взаимодействіе могутъ происходить лишь на почвѣ тѣхъ способностей, которыми обладаютъ взаимодействующія особи. А такъ какъ въ обществѣ взаимодействуютъ лишь одни нервные центры, то понятно, что только «представленіе», то есть мысль и чувство могутъ быть звеномъ, соединяющимъ организмы въ нѣчто единое, общественное. Въ этомъ смыслѣ и Эспинасъ замѣчаетъ, что «общества образуются вслѣдствіе причинъ, чисто «интеллектуальнаго» характера». Дѣйствительно, мы и въ природѣ замѣчаемъ, какъ бы нѣкоторый перерывъ, или, лучше сказать, ослабленіе энергіи совместной жизни, на томъ пунктѣ, въ томъ моментѣ развитія живого вещества, гдѣ кончается возможность срастанія организмовъ, но еще не началось настоящее общество. Это зависитъ отъ неразвитости нервного центра и его способности представленія. Общество получаетъ возможность широко развиваться только тогда, когда нервные центры организма, вступающіе въ совместную жизнь, вырабатываютъ въ себѣ уже довольно тонкую способность къ *представленію*.

Я уже замѣтилъ, что специализируясь на *представленіи* (мысль и чувство) и *регуляціи* (воля), нервный центръ не можетъ утрачивать никакой доли тѣхъ способностей, которыя необходимы для представленія ирегуляціи, безъ явнаго ущерба для организма и даже безъ опасности для его жизни. Это обстоятельство владеть рѣзко обозначенный предѣлъ специализаціи личности въ обществѣ. Въ организмѣ клѣточки, первоначально равныя и одинаковыя по способностямъ, мало по малу специализируются до того, что не имѣютъ уже между собою ничего общаго (кромѣ нѣкоторыхъ основныхъ свойствъ живого вещества). Въ обществѣ, напротивъ, нервные центры вступаютъ въ споръ какъ органы *мысли, чувства и воли*, качественно равныя, и остаются навсегда качествами равными, потому что нервный центръ пересталъ быть органомъ мысли, чувства и воли, онъ губитъ свой организмъ и, затѣмъ, умираетъ и самъ. Члены общества такимъ образомъ именно по природѣ равны между собой: мы видимъ, что это не пустая фраза. Всякое общество составляется только изъ личностей, въ нашемъ человѣческомъ смыслѣ, т. е. изъ существъ одаренныхъ мыслью, чувствомъ и волей. Эти способности въ отдѣльныхъ личностяхъ могутъ представ-

лать извѣстныя количественныя различія, но качественно остаются одинаковыми. Каждый нервный центръ по природѣ есть органъ мысли, чувствъ и воли, и ничѣмъ другимъ сдѣлаться не можетъ. Личность, и только одна личность лежитъ въ основѣ общества. Посмотримъ теперь, какъ отзываются на личности условія междуобщественной борьбы за существованіе. Мы видѣли, что попытки къ совмѣстной жизни всегда имѣютъ собственно характеръ соціологическій, и только вслѣдствіе особыхъ причинъ отливаются у низшихъ животныхъ въ биологическія формы. Поэтому мы можемъ наблюдать въ природѣ много такихъ формъ совмѣстной жизни, гдѣ принципъ биологическій и соціологическій перемѣшиваются, переплетаются. У муравьевъ и другихъ насѣкомыхъ общество состоитъ изъ отдѣльныхъ особей, не связанныхъ физически, но далеко не равныхъ по способностямъ. Физиологическая спеціализація, составляющая основную черту въ развитіи организма у названныхъ насѣкомыхъ, становится основаніемъ общества. Но эти странныя типы общества возникаютъ только среди низшихъ сравнительно организмовъ, нервный центръ которыхъ достаточно развитъ для того, чтобы воспрепятствовать физическому вліянію, но слишкомъ мало для того, чтобы его уродованье могло вредно отзвѣтаться на существованіи особи. Муравейникъ и улей составляютъ такую-же переходную ступень отъ организма къ обществу, какъ самъ муравей или пчела составляютъ переходную ступень отъ простой свободной кѣлочкы къ высшему организму. Съ развитіемъ высшаго организма и, стало быть, перваго центра, типъ совмѣстной жизни очищается отъ всякихъ примѣсей биологическаго характера. Условія междуобщественной борьбы за существованіе покровительствуютъ только такому типу совмѣстной жизни, который воспроизводитъ чистыя соціологическія формы.

Для того, чтобы общество, какъ и всякій другой агрегатъ могло развивать какую-нибудь коллективную, т. е. координированную силу, прежде всего требуется *связь* между составляющими его особями. Мы же видѣли, что связь между организмами (т. е. нервными центрами) создается только *представленіемъ*, т. е. мыслью и чувствомъ. Слѣдовательно, всякое ослабленіе въ особи этихъ способностей прямо ведетъ общество къ разложенію. Наоборотъ, тѣмъ сильнѣе развиты въ особи эти способности, тѣмъ легче и разнообразнѣе становятся связи между особями, тѣмъ прочнѣе, стало быть, дѣлается общественный союзъ. Точно также прямая выгода общества требуетъ въ особи развитой способности къ регуляціи организма, т. е. другими словами *воли*. Не должно упускать изъ виду, что хотя общество есть, собственно говоря, союзъ только нервныхъ центровъ, но оно немислимо безъ механической работы,

развиваемой прочими клеточками организмовъ. Способность общества къ воздѣйствію не окружающій міръ прямо пропорціональна количеству механической силы, находящейся въ его распоряженіи. А механическую силу развиваютъ не сами нервныя центры, а ихъ организмы. Стало бытъ, всякое ослабленіе жизнедѣятельности вредно для общества, всякое повышеніе этой жизнедѣятельности—полезно. Вслѣдствіе этого — еще разъ становится невозможнымъ уродовать нервный центръ, ибо отъ его способности къ регуляціи прямо зависитъ жизнедѣятельность организма. Наконецъ, вѣдь мало того, чтобы организмы просто развивали извѣстное количество механической работы: нужно еще, чтобы эта работа направлялась именно въ пользу общества, находилась въ распоряженіи общества. Но общество не можетъ направить силу организма куда бы то ни было безъ посредства его нервного центра. Можно заставить работать гражданина или, пожалуй, хотя раба, но никакъ не горячешнаго больного, хотя организмъ такого больного иногда развиваетъ громадное количество механической силы. Силу организма направляетъ нервный центръ и направляетъ тѣмъ болѣе успѣшно, чѣмъ лучше у него развита способность къ регуляціи. Такимъ образомъ, общество, нуждаясь для самого своего существованія въ особи, одаренной *мыслью*, и *чувствомъ*, требуетъ въ тоже время для всякой своей дѣятельности, чтобы эти особи обладали также *волею*. Сила общества тѣсно связана съ силою *личности*, въ нашемъ человѣческомъ смыслѣ, и передъ всякою попыткою совмѣстной жизни становится задача: выработать такой типъ организаціи, въ основѣ котораго волей неволей должно лежать развитіе личности. Этотъ новый типъ можно назвать соціологическимъ, въ отличіе отъ биологическаго, господствовавшаго до тѣхъ поръ въ органическомъ мірѣ.

Нѣтъ надобности, разумѣется, предполагать, чтобы общество шло къ выработкѣ этого типа непременно сознательно. Я полагаю, что каждое существо имѣетъ внутреннее, психическое стремленіе къ такому положенію, которое наиболѣе соответствуетъ его природѣ. Природа (личности *) поэтому конечно должна давать постоянныя толчки, направляющіе организацію общества на извѣстный путь. Но даже не принимая этого въ расчетъ, даже устраняя всякое дѣйствіе сознательнаго элемента, мы все таки видимъ, что *общество* должно пойти въ своемъ развитіи *новымъ*

*) Въ этомъ случаѣ *личность* виѣшнимъ образомъ, объективно проявляется въ нервномъ центрѣ. Что такое личность по существу, я этого вопроса не касаюсь. Ретгіер можетъ назвать личностью извѣстный «вихрь» движенія. Мы можемъ назвать ее—душой. Это нисколько не жѣняетъ *объективности* ея проявленій, разборомъ которыхъ я только и задавался въ настоящей статьѣ.

путемъ, отличнымъ отъ біологическаго. Этотъ процессъ совершается даже механическимъ подборомъ. Каждая попытка приложить къ обществу біологическій способъ организаціи погибаетъ изморомъ, т. е. ведетъ общество къ разложенію, слабости и смерти. Напротивъ, нападая гдѣ нибудь даже случайно, оцупью, на свой истинный организаціонный типъ, общество въ этомъ пунктѣ укрѣпляется, усиливается. Новый типъ такимъ образомъ мало по малу проникаетъ во всѣ закоулки общественной жизни, и повсюду выживаетъ; старый типъ напротивъ повсюду вымираетъ и повсюду вытѣсняется. Исторія человѣческихъ обществъ, съ ея кастами, рабствомъ разныхъ видовъ и т. п. до настоящаго времени еще представляетъ намъ образчики этой борьбы социальнаго типа съ послѣдними чуть видными отголосками біологическаго принципа.

И. К.

ДѢТСКІЕ ПОРТРЕТЫ.

(Отрывокъ).

...Было девять часовъ вечера. Больная Галя покоилась на постели въ полулежащемъ положеніи, прислонившись спиной къ двумъ огромнымъ бѣлымъ подушкамъ. На фонѣ ихъ ярко выдѣлялось ея смуглое лицо, обрамленное роскошными кариими волосами, незаплетенными и собранными назадъ въ узелъ.

Такія лица нивогда не берутся для статуй. Отдѣльныя черты ихъ не поражаютъ своей красотой: носъ не особенно красивъ, губы могли-бы быть гораздо лучше и т. д. По крайней мѣрѣ все это совершенно не похоже на тѣ «правильные» носы, уши, глаза, губы, которые предлагаются въ лучшихъ атласахъ рисованія, и которыми художники надѣляютъ въ послѣдствіи различныхъ Александровъ Македонскихъ, Менелавъ, Агамемноновъ, въ статуяхъ, дѣлаемыхъ на золотыя медали, и которые суть всегда «общеносы», но не чьи-либо носы въ частности. Мраморъ не можетъ передать тонкихъ кариихъ бровей, не можетъ передать глазъ, изъ глубины которыхъ свѣтится та чудная душа, которая заставляетъ думать людей, что человѣкъ похожъ на Бога. Но нарисовать это лицо можно, и когда живописцу удастся это сдѣлать, то картина его становится знаменитой. Такое лицо есть на картинѣ Семирадскаго «Неронови Факелы».

Въ комнатѣ больной собралось человѣкъ пять изъ обширнаго круга ея друзей. Шла бѣглая рѣчь, уснащенная множествомъ словъ того своеобразнаго жаргона, который неизбѣжно вырабатывается въ каждомъ кружкѣ. Творцемъ жаргона въ данномъ случаѣ была Галя. Благодаря множеству всевозможныхъ ея разсказовъ, которые всегда были далеки отъ сплетень

и имѣли значеніе короткихъ и яркихъ характеристикъ, въ кружкѣ незамѣтно завелось обыкновеніе выражать цѣлыя мысли отдѣльными именами героевъ Гали.

Въ общемъ разговорѣ больная одному изъ собесѣдниковъ изумленно замѣтила:

— Какъ?! Вы не знаете моего Андриушки?! Напрасно: я его вамъ сейчасъ изображу. Андриуша былъ, годъ тому назадъ, моимъ ученикомъ. Это былъ мальчикъ девяти лѣтъ, худенькій, съ голубыми глазами и мягкими, какъ шелкъ, свѣтлыми волосами. Я занималась съ нимъ нѣсколько мѣсяцевъ, но не знаю, многому-ли его научила. Всякую фундаментальную истину Андриуша принималъ лишь послѣ упорнаго боя, истощивъ предварительно огромный запасъ самыхъ неожиданныхъ возраженій. Невѣжественный, какъ вмѣстѣ взятые сто католическихъ монаховъ пятнадцатаго столѣтія, онъ задавалъ мнѣ на первыхъ урокахъ географіи такія-же возраженія, какія предлагались Колумбу, когда онъ, передъ собраніемъ церковныхъ и свѣтскихъ властей Испаніи, рассказывалъ проектъ кругосвѣтнаго путешествія. Когда я, зная его строптивый характеръ, съ намѣреннымъ апломбомъ заявила ему, что земля вертится, онъ по крайней мѣрѣ съ минуту, казалось, оглушенъ былъ моимъ сообщеніемъ, какъ пушечнымъ выстрѣломъ. У него сдѣлались отромные глаза, а на лбу появились морщинки. Онъ, видимо, страдалъ. А когда пришелъ въ себя, началъ умолять, чтобы я его не пугала. Но когда въ головѣ его мелькнуло смутное представленіе о томъ, что это «наука» и что дому № 20 на Сергіевской не грозитъ ни малѣйшая опасность, то голова его начала работать изо всѣхъ силъ, и онъ обставилъ себя возраженіями, какъ окопами, за которыми достать его было чрезвычайно трудно.

Но съ русской грамматикой намъ было труднѣе всего. Потому что всѣ грамматическія правила Андриуша иллюстрировалъ массой самыхъ неожиданныхъ примѣровъ, которые въ жизнь не могли присниться ни одному Востокову, ни одному Буслаеву, ни Водовозову, ни Говорову, никому, и изъ-за которыхъ я забывала и самыя правила. Удержать его отъ высказыванія примѣровъ не было никакой возможности. Впрочемъ, я сама была-бы и не въ силахъ желать этого, и вотъ почему: когда я нахожу лѣтомъ въ полѣ одинокій родникъ такой студеной, такой ясной, на днѣ котораго все такъ чи-

сто, видна всякая травка, всякій бѣлый камешекъ, меня сейчасъ-же начинаетъ мучить нестерпимая жажда, мнѣ кажется, что я ужь два дня не пила, боязнь простуды вмѣстѣ съ благоразуміемъ оставляютъ меня, и я припадаю къ ручью и начинаю пить...

— Вотъ за эту-то дурную привычку судьба васъ и уложила въ постелю, отозвался голосъ изъ угла.

— Алексѣй Иванычъ, не мѣшайте! съ притворной рѣзкостью возразила больная.

— То-то не мѣшайте! едва слышно проворчалъ тотъ-же голосъ.

Галя продолжала:

Около пяти классовъ прошли у насъ довольно натянуто. Андрюша на меня косился, а я его называла «вы». Поэтому я прямо изображаю вамъ въ лицахъ:

Урокъ VI-й.

Ариѳметика.

Присутствуетъ мама. У ней стройный миниатюрный станъ, который точно застылъ въ стремительной позѣ, большіе сѣрые глаза, нетерпѣливо устремленные на сына и прекрасные пепельные волосы.

Учительница диктуетъ задачу.

— Братъ на четыре года старше сестры: сколько лѣтъ сестрѣ?

Андрюша: Пятый годъ.

Мама: Ахъ, дуракъ! Развѣ въ ариѳметикѣ такъ отвѣчаютъ: «пятый годъ». Ты скажи, ровно сколько!

Андрюша: Наталья Ильинишна, пожалуйста не поправляйте: я вамъ не указываю, когда вы врите на фортепьяно.

— Сынъ мой! не нахальничай, думай?! Ну?...

— Три года.

— Еще два убавь.

— Одинъ годъ.

— Ну, вотъ молодець.

Учительница: Нѣтъ, Андрюша: это задача неопредѣленная. потому что... и такъ далѣе.

Мама изумлена: какъ! Она думала, что сестрѣ одинъ годъ!?

— Андрюша! Сколько ногъ у двухъ лошадей!?

— Учишь? У нашихъ? Семь, потому что «Удачный» вчера захромалъ на лѣвую переднюю.

Мама въ ужасѣ уставляетъ предъ самымъ лицомъ ученика раскрытыя ладони, точно кошка, готовая испарпать своего врага.

— Андрюшка!!!

Затѣмъ занятія идутъ нѣсколько минутъ ровно. Мама сидитъ углубленная въ свою работу и считаетъ петли: двадцать девять, тридцать, тридцать пять... потомъ можно убавить...

— Мамулька! Ты съ кѣмъ говоришь-то?!

— Молчать: сама съ собой.

— Ты съумасшедшая?

— Сынъ мой! прилагайте больше старанія къ тому, чтобы обходиться безъ нахальства. Павелъ! лошади готовы?

Лошади оказываются готовы и «мамулька» уѣзжаетъ.

Андрюша переводитъ духъ, принимаетъ болѣе свободную позу, кладетъ на колѣни руки и начинаетъ.

— Знаете, что я вамъ скажу: не нужно меня звать на «вы», а на «ты». Меня всѣ такъ зовутъ: «ты, Андрюшка». А иные зовутъ: осликъ, чурбанъ, болванчикъ, поросенокъ; такъ что и вы меня называйте «ты». Но только и я васъ буду называть «ты»: я тоже всѣхъ такъ называю: маму, папу, тетю— всѣхъ.

— И потомъ вотъ что: мамулька васъ хотъ и проситъ меня записывать въ журналъ, но вы этого не дѣлайте, потому что журналъ можетъ нечаянно попасться на глаза папѣ. Положимъ, я отъ него прячу книжки, но вѣдь я могу иногда забыть. Такъ что ты лучше скажи на словахъ моей нянѣ. Потому что видишь что: няня никому не скажетъ, а мама—она ужасная трещетка (вотъ я за это ее даже не люблю).—Что бы она гдѣ ни увидѣла, что бы ни услышала, что бы у насъ ни случилось—сейчасъ все въ уши папѣ! Какъ только онъ приходитъ изъ должности—она летитъ навстрѣчу и сейчасъ что-нибудь новое... И даже если совсѣмъ ничего новаго нѣтъ, — совсѣмъ, совсѣмъ нечего сказать!—все-таки, какъ только папа въ дверь—она сейчасъ: Ахъ! Коля!! у насъ!! сегодня!! изъ каминна!!! уголь! выпалъ!—Ну, видишь? Такъ что, если ты ей хотъ одно слово скажешь, это сейчасъ будетъ извѣстно папѣ. Ей хотъ и жаль меня, да можетъ быть у ней не будетъ другой новости. Ну, и тогда Андрюша можетъ очутиться въ

очень стѣсненномъ положеніи—ему не дадутъ сладкаго цѣлый мѣсяць,—а то два. Что же, это тебѣ будетъ приятно? Развѣ тебѣ жаль для меня сладкаго?

— Однако, Андрюша, давай учиться, иначе мнѣ въ самомъ дѣлѣ доведется тебя въ журналъ записать.

— Ахъ, нѣтъ, позволь: я тебѣ еще кое-что хотѣлъ сказать, и кончу въ двѣ минуты. Знаешь что? Ты меня вовсе не записывай, никогда не записывай и никогда никому не сказывай, а сама дери меня за уши—вотъ и все. Потому что мнѣ такъ выгоднѣе. Меня всѣ дерутъ за уши: я ли близко около кого пройду или мимо меня кто пройдетъ, всегда, всегда: тотъ дернетъ за ухо, другой ущипнетъ за щеку, третій за вихорь, четвертый треснетъ по башкѣ, и всякій приговариваетъ:

— Здравствуй, осликъ!

— Ну, что, болванчикъ?

— Вотъ тебѣ, поросенокъ!!

— А мама даже:

— Ахъ ты, поганый!

Ну что? видишь?.. Меня всѣ дерутъ за уши; такъ что если еще ты прибавишься, то это мнѣ немного составитъ лишку. И, кромѣ того, на дняхъ уѣдетъ одна теть.

А вотъ, право: за что меня мама называетъ поганымъ? Идіотомъ тоже; вдругъ скажетъ: ахъ, ты, идіотъ!

А вотъ посмотри, какая она неряха: видишь на столѣ работу? Видишь наперстокъ? Видишь иглу? Все разбросала, раскидала и уѣхала! И это всегда такъ. Потомъ я собираю за ней вещи.

— Мамулька! чей это наперстокъ?

— Мой, мой, мой! Подай, подай, подай! Гдѣ взялъ?!

— Мамулька! Что это за тряпье?

— Мое, мое, мое! Подай, подай, подай! Гдѣ взялъ?

Такъ что иногда даже папа ей скажетъ...

— Фи, какая ты возмутительная неряха!

Ты думаешь она сколько шьетъ эту работу? Можетъ быть, ты думаешь, что она на прошлой недѣлѣ начала?

Три года!!!

За это ее папа называетъ петербургской Пенелопой, не знаю почему...»

Вдругъ вбѣгаетъ мама въ роскошномъ нарядѣ, въ шляпѣ

и въ перчаткахъ. Она убѣгаетъ куда-то въ уголокъ комнаты, стучить тамъ какими-то ящичками, шелеститъ бумагами, что-то бормочетъ. Комната наполняется ароматомъ дорогихъ духовъ.

— Мамулька! ты на какой лошади поѣдешь?

— Какую Андронъ дастъ, пиши.

— Можетъ быть, на «Удачномъ»?

— Можетъ быть на «Удачномъ»—пиши.

— Да тебѣ не жаль бѣдной лошади?

— Не жаль,—пиши.

Мамулька убѣгаетъ.

— Съумасшедшая!

— Ну вотъ видѣла?—Всегда такая! Ворвется какъ бомба, накричитъ, нагремитъ—ахъ! ахъ!—все перероетъ, съ мѣста на мѣсто переложитъ—переставитъ, наперстокъ свой разбросаетъ, иголокъ и булавокъ вездѣ насоритъ и пропадетъ! Ты знаешь, куда она теперь поѣхала? Къ Mamselle Mave. Каждый день ѣздитъ! Каждый божій день!! Сегодня выбрать и снять мѣрку, завтра примѣрить; послѣ завтра еще разъ примѣрить; потомъ за готовымъ поѣхать. Въ манежъ—ѣхать другое платье; съ визитами ѣздитъ — другое платье, на балъ ѣхать—другое платье; въ Красный Крестъ—еще платье; именинница — новое платье; весенний костюмъ, лѣтний костюмъ, зимний костюмъ, халатъ... все новое — новое! Ты видѣла въ столовой три шкафа? Ну вотъ, полны. Такъ что еслибы она захотѣла надѣвать каждый день новое платье,—то ей бы хватило на цѣлый мѣсяць. А мнѣ для выѣзда въ первый разъ сшили всего одну куртку десять дней назадъ. Ну что, это справедливо?

И у насъ все такъ. Въ прошломъ мѣсяцѣ я захворалъ, нашъ докторъ прислалъ мнѣ лекарство (ужасная гадость!). Мамулька говорить: «ну, я буду вмѣстѣ съ тобой пить, чтобы тебѣ было меньше». Ну, такъ мы пили два дня, я ложку и она ложку. Потомъ она сама захворала. Тогда съ нами обоими стала пить моя няня. Хорошо. Прохворали мы двѣ недѣли. Потомъ я выздоровѣлъ; чрезъ два дня и мама выздоровѣла. На другой день она спрашиваетъ доктора: «можно ей поѣхать со двора? Докторъ сейчасъ: да, въ каретѣ можно. А я выздоровѣлъ двумя днями раньше — мнѣ нельзя. Вотъ какіе доктора! И ей нельзя было,—но онъ ей позволилъ, потому что надо угодить барыгѣ, а я ему все равно. Ей можно

въ каретѣ, а позволъ узнать гдѣ бы я поѣхалъ? У Андрона на козлахъ, что ли? Ха-ха-ха! Мнѣ этого и здоровому не позволяють!

И кашу манную барынѣ можно, а мнѣ нельзя. Вотъ! А я самъ не меньше люблю манную кашу!

— Однако, Андрюша, будемъ задачи дѣлать, слушай:—По одной дорогѣ шли два человѣка...

— Они были родственники?

— Да это все равно.

— Тебѣ все—все равно. Въ твоихъ задачахъ сахаръ—стоить тридцать копѣекъ, вмѣсто двадцати; сливочное масло пятьдесятъ, вмѣсто семидесяти. Я тебѣ это хотѣлъ давно сказать...

И такъ далѣе. Оказывается, что задачникъ Малинина—имѣетъ для Андрюши всю непреложность ежедневной биржевой хроники, по немъ можно узнать дѣйствительныя цѣны на сахаръ, пеньку, ленъ, сало и пр. Нужна большая настойчивость, чтобы разубѣдить его, что ариѳметическая задача не есть узелъ дѣйствительно бывшей драмы и данныя задачи нельзя пускать въ ходъ въ качествѣ матеріала для характеристики дѣйствующихъ лицъ. Андрюша долго сокрушается горемъ ломового извозчика, который взялся перевезти двадцать зеркалъ и пять изъ нихъ разбилъ; долго жалѣетъ лавочнаго мальчика, который понесъ на головѣ корзину съ яйцами и два десятка разбилъ.

— Бѣдный! какъ его бранилъ, вѣрно, хозяинъ! Можетъ, даже побилъ?

Урокъ VII.

Русская Грамматика.

— Андрюша, будемъ писать коренныя слова на букву ѣ. *Нѣжный*. Напр. нѣжный возрастъ.

— А что такое нѣжный возрастъ?

— Про все, что молодо, говорятъ, что оно находится въ нѣжномъ возрастѣ: напримѣръ, дѣти.

— Хорошо. Только знаешь, что я тебѣ скажу? Я совсѣмъ не нѣжный, я крѣпильскій. И я терпѣть не могу стеклянныхъ дѣтей: вотъ, напримѣръ: Рязанскіе: тихони, писклятина! Ужь около нихъ, смотри, ходи осторожно, а то ряскается и начнутъ скрипѣть. Для меня цѣлое несчастье когда меня повезутъ въ

нимъ на праздникъ. Вотъ праздникъ! Усадятъ насъ всѣхъ за большой столъ, присадятъ къ намъ трехъ англичанокъ; онѣ раскрываются надъ нами, какъ клушки, и начинаютъ читать англійскія книжки. Тутъ мнѣ сейчасъ кажется, что на дворѣ пошелъ дождь, поднялась слякоть, туманъ, за два шага ничего не видать, платье у меня все отсырѣло; мнѣ становится холодно, и я хочу домой, спать...

— Андрюша, перестань болтать, пиши.

— Подожди. А вотъ у меня есть одинъ домъ—самый любимый! Тамъ такихъ осликовъ, какъ, я, человекъ девять. Какъ только мы сойдемся, такъ сейчасъ намъ надо поднять гвалтъ, шумъ, грохотъ, опрокинуть къ верху ногами кресло, качалку; драться кулаками, ругаться чортомъ, дьяволомъ! Въ прошлое воскресенье мы какъ напали на одну дѣвочку, да начали ее тусить—всѣ англичанки чуть въ обморокъ не попадали...

— Андрюша полно, пиши.

— Подожди: такъ что я крѣпнѣйшій. А вотъ мама—ужасная нѣженка! У ней хоть немного голова болить—даже совсѣмъ почти не болить, а ужъ она развалится на кушеткѣ въ маленькой гостиной и начинаетъ: ахъ! охъ! А вотъ у меня все зубы болятъ, даже и теперь ноютъ, но я ни папѣ, ни мамѣ—ни слова: все равно не помогутъ. Еще варенья не дадутъ!

Вдругъ Андрюша срывается со стула, подлетаетъ къ окну, хватаетъ за голову банку съ вареньемъ и перевертываетъ ее вверхъ дномъ. Какіе-то фрукты янтарнаго цвѣта начинаютъ медленно спускаться внизъ, и Андрюша съ умиленіемъ смотреть на нихъ. Потомъ онъ возвращается на мѣсто.

— Знаешь, вчера, послѣ обѣда, какъ всегда, папа и мама усѣлись вотъ на этотъ диванъ и начали есть варенье. Папѣ ложку, мамѣ ложку, а мнѣ нѣтъ да нѣтъ! Я чуть не заплакалъ. Ну, что тебѣ писать?

— Нѣжный возрастъ.

— Энь... ять... же... энъ...

— А постой! *обѣдня* что пишется? Ять? Хорошо. Вчера я говорю мамѣ: и *церковь*—тоже ять. А она спорить: нѣтъ, *церковь е*. Я говорю, да ты пойми-же, вѣдь «обѣдня» и «церковь» отъ одного корня; вѣдь это ужъ одно къ другому относится. Нѣтъ, говорить, это исключеніе. Все равно, какъ «надѣяться» *ять*, а «надежда» *е*. И вообще мама не знаетъ

правильно писать; иногда она пишетъ въ своемъ кабинетѣ письмо бабушкѣ и кричитъ папѣ: Коля! что пишется въ такомъ-то словѣ? А папа кричитъ: развѣ я тебѣ диксіонеръ для справокъ?! Поди справься въ диксіонерѣ! А у самого папы на столѣ всегда диксіонеръ, и какъ ему нужно, такъ онъ и посмотритъ. Мама училась въ Смольномъ, у нихъ грамматику плохо проходятъ, такъ что папа ей иногда скажетъ: вась только научають тамъ писать ласкательныя слова. — Потому что мамулька съ одного почерка можетъ написать цѣлую четверку ласкательныхъ словъ; а зато папа недавно написалъ поллиста ругательныхъ: хочешь покажу? Онъ вотъ здѣсь между бумагами. А ты можешь зацѣпиться за сучекъ на деревѣ ногами и повиснуть внизъ головой? Можешь? И провисѣть такъ пять минутъ? Можешь?

— Нѣтъ не могу; а ты пиши.

— А я могу. Что писать?

— *Нта.*

— А что такое «нѣга»? А, постой, когда мы жили въ Гапсалѣ, то у насъ былъ пароходъ «Онега». И еще другой пароходъ «Фридрихъ Второй». На этомъ мы часто катались. Тогда у меня былъ товарищъ—тоже чурбанчикъ девяти лѣтъ. Однажды мы съ нимъ завтракали въ общей комнатѣ. А тамъ на всемъ: на скатертяхъ, на салфеткахъ, на блюдахъ, на тарелкахъ—на всемъ, на всемъ, на всемъ написано: Фридрихъ Второй, Фридрихъ Второй, Фридрихъ Второй... Только написано было римскими цифрами, а я этого не зналъ и читаю: Фридрихъ одиннадцатый, Фридрихъ одиннадцатый, Фридрихъ одиннадцатый... А товарищъ говоритъ вѣтъ; это Фридрихъ Второй; это римскія цифры.

— Нѣтъ, говорю, вовсе и нѣтъ на свѣтѣ римскихъ цифръ, а это Фридрихъ одиннадцатый.

— Нѣтъ, Второй!

— Нѣтъ, одиннадцатый!

Ну, какъ быть теперъ? Чья правда?

Я и говорю:

— Давай бить другъ друга кулаками, кому будетъ больно, тотъ проигралъ.

— Ну, говорить, давай.

Я какъ размахнулся да кокнулъ его по шеѣ, такъ онъ подъ лавку полетѣлъ, а за нимъ моя тарелка.

Ну, тогда и вышло, что Фридрихъ одиннадцатый.

Урокъ VIII.

Русская грамматика.

— Сегодня, Андрюша, мы будемъ писать такія слова, которыя пишутся не такъ какъ, произносятся. Напр. *ногти*, произносятся *x*, а пишется *г*...

— Ахъ, знаешь: папа имѣетъ очень большіе ногти, особенно вотъ на этомъ пальцѣ. И ужь онъ за ними ухаживаетъ, чиститъ ихъ, накупаетъ для нихъ всякихъ пилокъ, ножичковъ, щеточекъ и вообще чрезвычайно ихъ бережетъ — просто такъ я дрожить надъ ними.

Ну, и ужь если у него одинъ ноготь сломается — у насъ въ домѣ большая исторія.

Баринъ кричитъ: ахъ! чортъ! дьяволъ! сломался!! Какой хорошій былъ ноготь! Такого надо годъ ждать!

И всѣ начинаютъ ходить на цыпочкахъ, украдкой другъ на друга поглядывать и говорить шопотомъ, — и то только самыя необходимыя вещи.

Что такое? Что случилось?!

Шшш... У барина ноготь сломался!

Ну, что писать?

— *Вожжи*.

— Знаешь, на будущее лѣто мы поѣдемъ въ деревню, и я очень радъ тому, что совершенно обезпеченъ на счетъ кнутовъ. Это для меня очень важно. Когда я живу въ деревнѣ, мнѣ непременно нужно имѣть кнутъ, чтобы погнать корову, свинью и такъ далѣе. И такъ просто я очень люблю хлопать. А ты можешь хлопнуть самымъ большимъ кнутомъ? И вотъ теперь у меня спрятанъ одинъ очень хорошій кнутъ. А знаешь, какъ онъ мнѣ достался?

Однажды къ намъ пришелъ въ гости какой-то господинъ съ очень большой желтой собакой и съ огромнымъ плетенымъ кнутомъ. Господинъ немного посидѣлъ и ушелъ, а кнутъ забылъ въ передней на столѣ. Потомъ папа началъ пересаживать цвѣты, а я сталъ играть кнутомъ и не замѣтилъ, что папа былъ очень сердитъ. Вотъ я подѣхалъ къ нему сзади на палкѣ верхомъ и чуть-чуть его кнутомъ ударилъ. Но только чуть-чуть, и при

томъ я не зналъ, что онъ сердить. Папа взбѣсился, заоралъ во все горло «Ахъ, мерзкій мальчишка!!», вырвалъ у меня кнутъ, и, что есть духу, какъ хватить меня по головѣ. У меня просто искры изъ глазъ посыпались. Я заревѣлъ и отошелъ прочь. Но у меня хоть и были полны глаза слезъ, а я все-таки видѣлъ, куда папа закинулъ кнутъ; и на другой день, когда сердитый баринъ ушелъ въ должность, я говорю нашему человеку: «Павель, голубчикъ! достань пожалуйста вонъ тамъ на большомъ шкафѣ кнутъ». А Павель на меня хоть и ворчитъ постоянно, но очень меня любитъ и все мнѣ дѣлаетъ. Онъ принесъ комнатную лѣстницу, досталъ кнутъ, и я его спрятавъ до лѣта.

Вообще папа очень сердить. Вотъ, напримѣръ одинъ случай.

— Нѣтъ, Андрюша, ты перестань болтать; пиши: *возжи*...

— Сейчасъ. Позволь я тебѣ только расскажу, а то я, можетъ быть, забуду.

Папа очень любитъ покупать себѣ разныя вещи: качалку новую, буфетъ дубовый, коверъ за семьсотъ рублей—вообще что-нибудь для комнаты. Или какую-нибудь чернильницу, портфель хорошій. Вообще очень любитъ вещи, и если я иногда съ нимъ гуляю по Невскому, онъ готовъ меня морозить по цѣлымъ часамъ предъ магазиномъ съ коврами, съ серебряными вещами и такъ далѣе. И у папы подъ парю есть одинъ знакомый. Если они двое сойдутся—только и слышно:

— Ахъ, какія я сегодня ковры видѣлъ въ *Magasin de Lion!*

— Ахъ, какую я видѣлъ великолѣпную матерію для мебели!

— Ахъ, какой я роскошный портфель купилъ!

— Ахъ, какую я сегодня лампу принесъ!

Только ты у нихъ и услышишь.

Ну, вотъ однажды папа принесъ красный шаръ для лампы и повѣсилъ его въ маминой спальнѣ.

Мама и говорить:

— Коля, у меня глаза не выносить красного свѣта, и сняла колпакъ.

Папа говоритъ:—глупости! Въ твоей головѣ нѣтъ ни малѣйшаго вкуса, потому ты и говоришь.

И повѣсилъ красный шаръ опять.

На другой вечеръ видитъ, что мама опять сняла.

Тогда папа взялъ въ руки шаръ, подошелъ къ мамѣ, страшно заскрежеталъ зубами и какъ заоретъ:

— Если ты у меня еще разъ снимешь шарфъ, если онъ тебѣ не нуженъ, то я расколю его объ твою деревянную башку, и потомъ пусть его выбросятъ въ помойную яму!

И папа всегда, чуть что не по немъ, сейчасъ:

— Чортъ!! Дьяволь!!

И даже при гостяхъ.

Такъ что мама иногда потомъ ему скажетъ:

— Что ты, Коля! Вѣдь гостинная не конюшня (мой папа былъ кавалергардъ):—ты научился въ конюшнѣ лошадиному языку въ обществѣ лошадей, а въ гостинной ты сидишь съ людьми.

Потомъ папа все ждетъ, что его пошлютъ въ губерна-
торы. А, право, что такое губернаторъ? Я совсѣмъ не знаю.
Ну, такъ вотъ мама иногда шутя скажетъ:

— Колька, противный! Когда ты будешь губернаторомъ, —
неужто на своихъ вечерахъ ты будешь такъ-же браниться?!

А папа скажетъ:

— Ну, чортъ, дьяволь!!

— Зато, когда, съ мѣсяцъ назадъ, онъ получилъ чинъ — вотъ
скакалъ по всѣмъ комнатамъ! Какъ угорѣлый!

Урокъ IX.

Русская Грамматика. Приставки.

— Андрюша! въ приставкахъ *пере* и *пре* пишется *е*;
напримѣръ: *пересилить* себя.

— А что значить: *пересилить* себя?

— Когда тебѣ не хочется что-нибудь дѣлать, но ты знаешь,
что нельзя не сдѣлать...

— Знаю, знаю! Когда у насъ обѣдаетъ тетя Лили Сто-
лыпина... Ты не видала тетю Лили? Она огромнаго роста,
ленты на шляпѣ развѣваются какъ флаги, серьги въ ушахъ
съ цѣлыя люстры и голосъ у ней грубый и громкій. Такъ что
папа говорить, что ей-бы очень шло нахлобучить на голову мѣд-
ную шапку или тази скакать верхомъ впереди пожарныхъ и очи-
щать дорогу. А дядя говорить, что у ней голосъ, какъ мѣдная
труба. Если-бы тетя ходила съ израильянами вокругъ стѣны
Ерихонскихъ и кричала, то стѣны упали-бы въ первый-же день.
У насъ эту тетю никто не любить. Такъ вотъ, когда у насъ
эта тетя обѣдаетъ, она съѣдаетъ цѣлую гору рябчиковъ: ну и

послѣ обѣда ужь мнѣ нельзя ни играть, ни картинки раскрашивать, ничего. Каждую минуту я только и слышу: «Андрюшка! пить! Андрюшка! воды!» Мнѣ очень не хочется ей подарать, но я знаю, что папа разсердится, и я заставляю себя насильно. Это и значить пересилить себя. А я ужь посредствомъ ариѳметики узнаю, сколько мнѣ доведется ей подавать. Если принесутъ двѣнадцать рябчиковъ, и я замѣчу, что послѣ обѣда осталось два, тогда, значить, папа съѣлъ два, мы съ мамулькой два, тетя шесть; по два стакана на каждого рябчика — двѣнадцать стакановъ. Она такъ ненасытна, что даже по церквамъ ѣздить не иначе, какъ съ цѣлымъ узломъ просвирь, чтобы можно было хорошенько поѣсть въ концѣ обѣдни.

— Полно, Андрюша, пиши.

— *Пересилить себя?*

— Да.

— А знаешь, эта тетя ужасная дура и болтушка. Если она купить мнѣ на двугривенный игрушекъ, объ этомъ пойдетъ слухъ по всему городу.

Прежде всего объ этомъ узнають всѣ извощики. Нанимаесть она себѣ дрожки:

— Извощикъ, на Сергіевскую, пятнадцать копѣекъ!

— Барыня, дайте двадцать!

— Ну, нѣтъ, у меня больше нѣтъ денегъ: я сегодня на подарки племяннику раззорилась.

Что? Это умно? Какое дѣло извощику, что купить въ гостинномъ всякая шлюха?!

Потомъ я слышу въ передней крикъ.

— Эй, разбойникъ! Гдѣ ты? Иди, обшаривай карманы у тети! Грабь свою тетю!

Ну и я долженъ обыскать у ней карманы, что-нибудь тамъ найти и поцѣловать ручку. Мнѣ очень не хочется продѣлывать эту комедію всякій разъ. Я даже готовъ отказаться отъ игрушекъ, но нельзя: папа разсердится. А тетя не обходится безъ этихъ фокусовъ никогда: она думаетъ, что это шикъ!.. Глупо!

Потомъ узнають Янышевы на Пушкинской. Тетя приѣдетъ, посидитъ, посидитъ и скажетъ:

— Ахъ, я сокрушаюсь, какъ-бы мой племянникъ не застрѣлился: я буду виновата, меня засудятъ.

Всѣ: «Что такое? Что это значить?»

— Я ему подарила револьверъ. Ахъ, знаете, ужасно дерутъ за игрушки!

Это значить, что она подарила мнѣ японскій самострѣль за двадцать копѣекъ!

Потомъ узнають Серебрянскіе на Набережной, Ланскіе на Моховой и такъ далѣе.

И ей съ кѣмъ бы ни погалдѣть—все равно.

Въ одномъ домѣ намъ рекомендовали квартиру. Вчера мы заѣхали. Квартира оказалась очень большая—двадцать комнатъ, а намъ нужно самое большее пятнадцать.

Мама говорить: «ну, что же? велика!» И хочеть уѣхать.

А тетя говорить: «нѣтъ, нѣтъ: все-таки посмотримъ».

И начала бѣгать по комнатамъ. Кричитъ, бранится. «Ахъ, какая гадость, за такія деньги сдаютъ сарай! Это конюшня, а не квартира!»

Швейцаръ струсиль. Говорить: «сударыня... извольте поговорить съ управляющимъ... если возьмете по контракту на три года... отдѣлають, какъ прикажете...»

Тетя говорить: «ахъ, очень нужно разговаривать мнѣ съ вашимъ управляющимъ! Есть у меня время! Ну, позовите».

Швейцаръ сломя голову бросился—чуть носа не расквасиль. Мы остались одни.

Мама соворить: «Душечка, Лили! Зачѣмъ вы завели исторію? Вѣдь все равно не возьмемъ».

— Нѣтъ! Вы ничего не понимаете! Вы не умѣете обращаться съ людьми!

Пришелъ управляющій.

Начали ходить по комнатамъ, тетя кричитъ; управляющій боится; говорить, что готовъ сдѣлать гостинную по новому: вотъ такъ и такъ. Тетя кричитъ: «Ахъ, что за гадость! Теперь конюшни, то будетъ трактиръ». Стала назначать обои сама. Отдѣлала гостинную, зало, кабинеты—все. Управляющій видитъ, что передъ нимъ барыня со вкусомъ, на все соглашается и даже предлагаетъ отдѣлку еще лучше. Тогда и тетя тоже смягчается и становится любезной. Наконецъ они еще долго говорили, рассказывали другъ другу всякія исторіи, тетя просила поторопиться отдѣлкой, погрозила пальчикомъ и мы уѣхали.

Въ каретѣ мама говорить:

— Душечка, Лили! Зачѣмъ вы завели эту канитель?

— Ахъ, та chère! вы совсѣмъ не умѣете обращаться съ людьми!

А я сидѣлъ молча, думалъ объ обѣдѣ, думалъ, что тетя сдѣлала порядочный моціонъ по комнатамъ, сколько она свушаетъ рябчиковъ и сколько я ей долженъ подать стакановъ... и съ котораго же часа я могу рисовать...

Урокъ въ страстной понедѣльникъ.

— Здравствуй! Ну что? Сегодня я тебѣ не выучилъ урока!

— Это почему?

— Ты видишь, я въ новой курткѣ? Это ужъ другой день.

— А мнѣ какое дѣло?

— Ахъ, ты ничего не понимаешь, моя безтолковая учительница! Придется мнѣ рассказать тебѣ все сначала. Слушай:

Цѣлую недѣлю къ намъ ѣздила *madame Marie* примѣривать бѣлое платье.

Третьяго дня мамуля мнѣ говорить:

— Ахъ, идиотъ! Я становлюсь старухой, а ты у меня ужъ большой мужчина; вѣроятно, за тобой накопились кое-какіе грѣшки. Сегодня ты будешь говѣть, а завтра поѣдемъ причащаться въ Удѣль. Ты знаешь, Удѣль—это тамъ самая барская церковь въ Питерѣ.

Ну, и дала мнѣ учить заповѣди, а сама ушла на кухню смотрѣть за постнымъ обѣдомъ.

Я сталъ учить «первую заповѣдь». Училъ, училъ сто часовъ: «Азданебози, азданебози»... Ничего не понялъ.

Наконецъ и я пошелъ къ мамѣ.

Мама съ засученными рукавами выжимаетъ миндальное молоко и за обѣ щеки уплетаетъ миндаль.

— Наталья Ильинишна, потрудитесь мнѣ объяснить, что такое: «азданебози»?

— Ахъ, болванъ, не мѣшай!

И такъ у насъ цѣлый день былъ въ доми безпорядокъ. Наталья Ильинишна все ѣла огурцы съ капустой, такъ-что у ней изо-рта разносился запахъ на всѣ комнаты, и не велѣла давать масла къ чаю.

А вечеромъ она мнѣ все говорила:

У насъ три Бога.

Ну, т. е. не три Бога, а одинъ Богъ, но только-что онъ состоитъ изъ трехъ частей.

Первая часть—*Отецъ.*

Вторая—*Сынъ*; вотъ двѣ части.

Ну, и потомъ еще есть Духъ Святой: третья часть.

Утромъ мы поѣхали въ Удѣль. Мама вся въ бѣломъ, и въ новой курткѣ.

Оттуда мы, вмѣстѣ съ тетей, заѣхали въ Лавру. Тамъ служилъ митрополитъ и было ужасно тѣсно. Тетя хотѣла пролѣзть впередъ и начала работать локтями. Къ ней подошелъ приставъ: «я, говорить сударыня, прикажу васъ вывести». Тетя упала въ обморокъ и закричала. Народъ заволновался. Мама испугалась и убѣжала въ боковой алтарь. Я за ней. Потомъ мы отсюда выбрались и къ намъ привели тетю. У ней не хватало въ одномъ ухѣ люстры и, кромѣ того, она растеряла весь свой узелъ съ просфирами, такъ-что остались только двѣ верхушки отъ двухъ просфиръ. На-дняхъ тетя хочетъ поѣхать къ градоначальнику съ жалобой.

Отчасти я радъ, что у насъ прекратились рыбчики: послѣ обѣда у меня больше свободнаго времени. Но мама хочетъ этотъ беспорядокъ продолжить всю недѣлю, для того чтобы съ хорошимъ аппетитомъ разговѣться на пасху. Я думаю, я задохнусь отъ этого воздуха, пропитаннаго вапустной вонью. Ну, что тебѣ писать?..

— Знаете, господа, очнулся одинъ изъ слушателей, которые всѣ давно смолкли,—кажется барыня довольно врала; не пора-ли положить ей предѣлъ?

Разсказщица остановилась на пол-словъ и вскинула на говорившаго свои глубокіе глаза.

-- Такъ вы думаете, что я вамъ врала? спросила она съ нѣскольکو лукавой ужимкой, которая къ ней очень шла и многими принималась за кокетство

— Конечно врала, былъ отвѣтъ.

— Другъ! обратилась Галя къ одному изъ своихъ гостей:—примите отъ меня довѣренность и относящіяся къ

дѣлу документы и будьте моимъ адвокатомъ, а я буду пить чай.

Адвокатъ всталъ и началъ защиту.

— Милостивые государи! На точномъ основаніи мельчайшихъ фактическихъ подробностей, рекомендуется только околочнымъ составлять свои протоколы. Но неужели вы думаете, что Диккенсъ въ Давидѣ Копперфильдѣ, а Гейне во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ написали только одну правду? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. И по моему глубокому убѣжденію, самый знаменитый писатель не тотъ, который пишетъ одну только правду, — но тотъ, который вретъ, *но вретъ убѣдительно*. Что же касается такихъ писателей, какъ Немировичъ-Данченко, то ихъ нельзя читать не потому, что они скучны, но потому, что врутъ *неубѣдительно*. Обращаясь къ нашему расказчику, мы видимъ, что онъ *вретъ убѣдительно*...

Всѣ засмѣялись.

— Что вы дѣлаете?! вскрикнула больная, бросивъ пить чай: — болѣе робкой и неумѣлой защиты я не читывала ни въ одномъ процессѣ! Даже политическихъ защищаютъ гораздо смѣлѣе....

— Да видите-ли, отвѣчалъ адвокатъ: — собственно говоря... однимъ словомъ, ваша виновность слишкомъ для всѣхъ очевидна, и я думалъ, что лучше всего выставить на видъ смягчающія обстоятельства...

— Такъ значить и вы думаете, что я вралъ?

— Конечно.

— И Андрюшка не говорилъ, что Богъ состоитъ изъ трехъ частей?

— Нѣтъ, не говорилъ.

— Ну, такъ я не хочу!

И больная капризно отвернулась лицомъ къ стѣнѣ.

— Ну, полно вамъ, господа, обижать Андрюшу, заговорилъ еще одинъ. Андрюша! — продолжай, голубчикъ, болтать, не слушай ихъ. Я съ тобой буду пить цополамъ всѣ лекарства и даже, если случится, касторку.

— А кто у насъ умникъ? сказалъ одинъ.

— Я! закричалъ «Андрюшка» что-есть мочи и опять повернулъ сіяющее лицо къ публикѣ.

— Вы меня только злите, сказалъ онъ: — всѣ вы гадкіе. А

если вы хотите, чтобъ я на васъ нагнала скуку чистой истиной—я вамъ расскажу про Петю.

Прежде всего надо узнать его маму. Она принадлежитъ къ разряду тѣхъ людей, которыхъ въ гимназіяхъ награждаютъ золотыми медалями, книгами, всевозможными «листами» и прочая... Такіе люди прежде всего прилежны, потому они могутъ стать умственно выше окружающаго ихъ поголовнаго скотства, увлечся идеей, но никогда не пойдутъ дальше *педаггизма*, никогда не перешагнуть той черты, за которой кончается рѣчь «о способностяхъ», а идетъ рѣчь о талантѣ.

Она увлеклась педагогической дѣятельностью, занялась литературой этого вопроса и сама написала множество книжекъ, которыя всѣ въ большомъ ходу. Она помѣщена была на всевозможныхъ «развивающихъ» пособіяхъ: играхъ, кирпичикахъ, дѣтскихъ садахъ и такъ далѣе. Впослѣдствіи, вышедши за-мужъ за богатаго человѣка, она примѣнила къ своему сыну всѣ патентованныя педагогическія изобрѣтенія, искусственно вызывая въ немъ дѣятельность мысли.

Комната мальчика завалена была всевозможными «играми», «кирпичиками», «зоологіями въ картинахъ» и массой «развивающихъ» дѣтскихъ книжекъ.

И мозгъ ребенка, непрерывно искусственно побуждаемый къ дѣятельности, слѣдался очень работающъ, но очень сухъ, съ огромнымъ запасомъ готовыхъ мыслей, которыя иногда были очень мудры, но къ ребенку не шли. И если Андришина болтовня была похожа на студеный, освѣжительный и вкусный ручеекъ, то маленькій мудрецъ представлялъ изъ себя дистиллированную воду. Ее прокипятили, перегнали; въ ней нѣтъ ни солей, ни воздуха, она имѣетъ нормальную комнатную температуру 14° R., совершенно безвкусна, не имѣетъ никакого запаха и проч. Изъ этой воды человѣкъ былъ составленъ слѣдующимъ образомъ, aquae distillatae столько-то, мѣщанскія правоченія Самуила Смайлса, жалкія «научныя» свѣдѣнія изъ дѣтскихъ книжекъ, неспособныя ничему научить, но парализующія фантазію ребенка; нелѣпыя герои для балагановъ Жюля-Верна—вотъ и все.

Даже изъ одного разговора о погодѣ — между мальчиками видна вся разница. Ученый старичекъ десяти лѣтъ, встрѣтивъ

меня утромъ, дѣловито замѣчалъ: «сегодня, кажется, довольно низкая температура: двѣнадцать градусовъ».

Андрюша заводилъ рѣчь въ слѣдующемъ родѣ:

— Вчера мы собрались съ мамушкой кататься. Было холодно, и была небольшая вьюга. Я это замѣтилъ въ окна. Вотъ я поскорѣ надѣлъ шубку и шапку, сбѣжалъ на крыльцо пораньше мамы и говорю нашему Андрону: «Андронъ, голубчикъ, ты передвинься на козлахъ такъ, чтобы тебѣ сидѣть противъ мамы.» Онъ говоритъ: «нельзя, сани могутъ опрокинуться». — Ну, вѣтъ, говорю: что имъ очень нужно опрокидываться. „Ну, хорошо“. Онъ передвинулся. Мы поѣхали очень быстро, что есть мочи. «Удачный» снѣгъ ногами разбрасываетъ, въ сани колотятъ комья, воротникъ весь засыпало снѣгомъ, лице рѣжетъ—ужасно люблю это! А мамушка закрылась муфтой и даже ничего не видитъ, куда мы ѣдемъ. Я кричу: „мамушка гдѣ ѣдемъ: противъ Казанскаго Собора или противъ Гостиннаго?—„Противъ Собора“!—Очень умно! Мы ужъ на набережной у бабушки!

Такія дѣти, какъ маленькій ученый, живя въ деревнѣ, отнюдь не бѣгаютъ съ вѣдомомъ за коровой, но чинно гуляютъ въ саду, впереди уважаемыхъ наставниковъ. При этомъ у гуляющихъ ведется слѣдующій разговоръ!

Ученикъ. Ахъ какіе миленькіе лепестки у гороха, точно крылышки у бабочекъ.

Учитель. Совершенно справедливо, любезный Карлъ: оттого-то все семейство этихъ растений и называется *мотыльковыми*, что ихъ лепестки похожи на крылья бабочекъ.

Ученикъ. Любезный наставникъ, какъ это поучительно!

— Ну, ужъ вы это не про своего ученика рассказываете, а просто наизусть читаете діалогъ изъ нѣмецкой хрестоматіи, возразилъ Галѣ одинъ изъ слушателей.

— Ну, да! встрепенулась Галя: въ томъ-то и дѣло, что отъ всѣхъ рѣчей маленькаго ученаго вѣяло хрестоматіей; во время разговора съ нимъ всегда кажется, что читаешь поучительную бесѣду уважаемаго наставника съ неизмѣннымъ „Карломъ“. Сначала будто ничего, а потомъ вдругъ вы очетесь и увидите, что вы уважаемый наставникъ, а предъ вами сидитъ любезный Карлъ.

Надобно сказать, что онъ нисколько не стѣснился разсуждать со мной о постороннихъ вещахъ въ первый-же разъ, въ полной увѣренности, что разговоръ его можно предъявить

всюду какъ хорошую цѣнность, вродѣ имперіала, а не бумажнаго, напримѣръ, рубля.

— Знаете, заговорилъ онъ совершенно солиднымъ, нѣсколько скучающимъ тономъ и съ ужимками взрослога чело-вѣка:—знаете, я очень люблю окаменѣлости. Это моя страсть. Я очень люблю ихъ собирать, и собралъ уже цѣлую коллекцію. У меня есть очень поучительныя вещицы. Напримѣръ, кусокъ окаменѣлаго дерева: знаете, оч-чень поучительно! Затѣмъ у меня имѣется одна окаменѣлость конической формы. Это, какъ доказали ученые, отъ какихъ-то допотопныхъ животныхъ. Но у насъ въ деревнѣ мужики называютъ ихъ чортовыми пальцами: вѣдь вотъ поди-же, что значить предразсудокъ! Но я не понимаю, какъ нѣкоторые не интересуются этимъ. Вчера, напримѣръ, у насъ обѣдалъ одинъ знакомый. Я и говорю:

— Я хотѣлъ-бы пойти въ академію наукъ, въ музей!

— А не лучше-ли-бы, говорить, вамъ пойти въ музей Лента?

— Нѣтъ, говорю, это не интересно.

— Почему-же вы думаете, что это не интересно?

— Потому что въ музей Лента я увижу фокусы. Но фокусы есть дѣло рукъ человѣческихъ, за ними не стоитъ гнаться. Я могу ихъ увидѣть не здѣсь, такъ въ другомъ мѣстѣ. Ихъ сдѣлалъ чело-вѣкъ, и я, пожалуй, могу ихъ самъ себѣ заказать. Между тѣмъ какъ окаменѣлости и разные поучительные камни—есть произ-веденія самой природы. Можетъ быть, въ одномъ только мѣстѣ во всемъ свѣтѣ и одинъ только разъ въ нѣсколько сотъ лѣтъ про-извела ихъ сама природа и больше ихъ не увидишь.

— Да, говорить, это совершенно справедливо.

Потомъ у насъ зашелъ другой разговоръ. Я сказалъ, что не люблю сказокъ и не читаю ихъ, и вообще не люблю эту «поэзію».

— Отчего-же, говорить, вы ее не любите?

— Оттого, что все это глупости, неправда, ничего этого не было.

— Какія-же, говорить, книжки вы любите читать?

— Люблю, говорю я, — читать Майнъ-Рида, Жюль Верна, вообще научныя книги.

— Но вѣдь, говорить, путешествія на луну—тоже не было, слѣдовательно это тоже глупости.

— Нѣтъ, говорю, это не глупости. Если этого и не было, то по крайней мѣрѣ, значить, это могло быть. Это пишутъ ученые,

значить, они полагають, что это хоть со временемъ возможно. Кромѣ того, ученые вѣдь пользуются этими разсказами, чтобы сообщить вамъ разныя поучительныя вещи. Напримѣръ, возьмите вы «Путешествіе къ центру земли»:—здѣсь вы видите строеніе земной коры; возьмите вы «Сто тысячъ лье подъ водой»—здѣсь вы видите, что находится въ глубинѣ моря.

Что касается Андруши, то когда я ему прочла сказку о набитомъ дуракѣ — онъ пришелъ въ буйный восторгъ и умолялъ прочесть ему хоть цѣлыя сотни такихъ сказокъ. Но онъ терпѣть не могъ „Арабскихъ Сказокъ“, и когда его заставляли для практики въ чтеніи прочитывать изъ нихъ нѣсколько страницъ, онъ считалъ это величайшимъ наказаніемъ для себя.

— Какіе-то волшебные фонари, вѣдь это все нелѣпости! Вотъ о «Набитомъ дуракѣ»—это весело.

Андруша тоже очень любилъ заучивать стихи и, въ противоположность маленькому ученому, былъ великолѣпнымъ декламаторомъ. Стоило послушать, какъ онъ, держа въ рукахъ двухъ фунтовую банку съ вареньемъ и разсматривая ее на свѣтъ, громилъ:

Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя—
Богатыри—не вы!

или:

Что-жъ мы? На зимніе квартиры?!
Не смѣють, что-ли, командиры
Чужіе взорвать мундиры
О русскіе штыки?!!

Трудно себѣ представить болѣе жалкаго теоретика, чѣмъ Андруша. Маленькій ученый, напротивъ, очень любилъ теоретизировать. Иногда, подперши задумчиво ладонями свои блѣдныя щеки, онъ говорилъ:

— Знаете-ли, какая мнѣ пришла въ голову идея? Мнѣ кажется, что всякую вещь можно себѣ какъ-нибудь объяснить. То-есть, именно, вотъ что: Иной разъ вы смотрите на какую-нибудь вещь, и вамъ кажется, что о ней ничего нельзя сказать—просто вещь, какъ вещь—больше ничего. Но вѣдь возьмите вы ученаго, онъ сейчасъ начнетъ ее вамъ объяснять, объяснять, развивать, развивать, развивать... Ну, и вѣдь, подыте же вы! Иной разъ такъ объяснить, что даже ничего и не поймешь! Вѣдь вотъ! Но не поймешь совсѣмъ не потому, чтобы тутъ

были наказываны глупости; вы сами, потомъ, если хорошенько вникнете, не разсѣваясь, вы увидите, что все объяснено вѣрно.

Напримѣръ, возьмите вы „домъ“. Вѣдь чего-бы кажется? Домъ такъ домъ—что тутъ скажешь?

Но ученый сейчасъ прицѣпится и начнетъ вамъ объяснять:

„Домъ есть зданіе, предназначенное для жилья людямъ. Есть другія зданія, въ которыхъ люди не живутъ, но употребляютъ ихъ для сохраненія запасовъ—это амбары. Есть еще зданія, въ которыхъ люди ничего не хранятъ и не живутъ, но въ которыя они иногда собираются, напримѣръ, церкви“. Ну и пойдетъ и пойдетъ! Или, напримѣръ, лошадь: лошадь есть четвероногое однокопытное...

И вотъ мнѣ кажется, что всякую вещь можно какъ-нибудь себѣ объяснить. Но только мы по разсѣянности не хотимъ обратить на это вниманія, не заботимся объ этомъ.

Въ другой разъ:

— Знаете-ли какая мнѣ пришла въ голову идея? Мнѣ кажется, что всякій дурной человѣкъ, если захочетъ, можетъ исправиться. Нужно только знать свой недостатокъ. Потому что, видите-ли: когда мы дѣлаемъ умноженіе цѣлаго числа на дробь, мы сначала допускаемъ нарочно ошибку, именно множимъ цѣлое только на числителя, а потомъ исправляемъ ее и дѣлимъ произведеніе на знаменателя.

— А знаете, вѣдь, какъ человѣкъ не можетъ предвидѣть свою судьбу. Недавно мама разсказывала про одну дѣвушку. Этой дѣвушкѣ всѣ совѣтовали кончить гдѣ-нибудь курсъ и получить дипломъ—знаете, на всякій случай. Она не хотѣла, потому-что родители ея были богаты. Вдругъ, знаете, умираютъ ея отецъ, мать и сгораетъ домъ. И вотъ богатая невѣста очутилась безъ крова!

Удивительно, какъ человѣкъ не можетъ предвидѣть свою судьбу!

По этому случаю мама говорить, что лучше смолоду приучиться ходить пѣшкомъ, — въ старости легче будетъ сѣсть въ карету. А вѣдь это, знаете, очень вѣрно! Ахъ, какъ вѣрно! Я эту фразу давно зналъ, я ее всегда писалъ въ прописи, — у меня была такая пропись, составленная вся изъ

очень поучительныхъ фразъ,—но, по разсѣянности, я не обращалъ на нее вниманія.

Всякихъ поучительныхъ исторій много у Смайлса. Сама мама ихъ тоже очень много знаетъ. Вообще съ мамой очень весело такъ разговаривать.

Но, знаете, какъ легко съ ней заниматься — прелесть! Она никогда не дастъ вамъ стать втупишь. Она всегда какимъ-нибудь вопросомъ такъ ловко наведетъ васъ на мысль, что отвѣтъ самъ просится съ языка.

У меня есть маленькая сестренка, шести лѣтъ, очень способная дѣвочка, но только очень смѣшная. То-есть не то, что смѣшная, а такъ, знаете, разсѣянная, какъ всѣ дѣти.

Вчера она рассказывала мамѣ о потопѣ. Дошла до того мѣста, какъ Ной вышелъ изъ ковчега и остановилась.

Мама спрашиваетъ ее, что Ной сдѣлалъ, когда онъ вышелъ изъ ковчега? (Знаете, старается навести сестренку на мысль).

Молчать.

Мама говоритъ: «представь себѣ, что ты, чего Боже упаси, тонула; и вдругъ-бы тебя кто-нибудь вытащилъ. Ну, скажи мнѣ, что-бы ты тогда сдѣлала прежде всего? Что было твоимъ первымъ движеніемъ?»

Сестренка отвѣчаетъ: — «я-бы заплакала». (Такая потѣшная, право)!

Мама говоритъ — Но о чемъ-же плакать? Опасность прошла, ты ужъ на берегу. Плакать неблагоразумно и безцѣльно: тебѣ нѣтъ никакого толку плакать. Подумай, не разсѣваясь, и отвѣть. Ну, что-бы ты сдѣлала?

— Не знаю.

Мама говоритъ: «прежде всего ты должна благодарить Того, кто спасъ тебя отъ опасности. Такъ и сдѣлалъ Ной, онъ принесъ жертву Богу».

И вотъ мама всегда, такимъ образомъ, очень ловко умѣетъ навести на мысль.

Завтра сестренка нянинница, и мама купила ей нѣсколько книжекъ. Дешевыя, знаете, но гдѣдъ какія поучительныя—право! И въ нихъ то хорошо, что нравоученіе-то ужъ скрывается въ самомъ рассказѣ, а не приписано въ концѣ какъ въ басняхъ. Мама удивительная мастерица выбирать

такія книжки. Точно также и игрушки: всегда выбереть дешевыя и забавныя. Даже пріятнѣе ими играть, знаете, когда знаешь, что дешево; а сломаешь—не жалко.

Ахъ, знаете, какъ всѣ люди не привыкли обращать вниманія на мелочи, а между тѣмъ эти мелочи иногда вѣдь что значать! На-дняхъ я былъ въ одномъ знакомомъ семействѣ, и тамъ мой товарищъ показалъ мнѣ цѣлую коробку старыхъ марокъ. Я ужасно былъ удивленъ. Спрашиваю, зачѣмъ это? Оказывается, что эти марки собираются, продаются китаецамъ, которые изъ нихъ любятъ дѣлать себѣ обои, а деньги идутъ на бѣдныхъ. Какъ хотите, а вѣдь бѣдному помощь! Я самъ тоже теперь буду всѣ марки собирать, и всякій разъ когда наберу тысячу—отдамъ этимъ знакомымъ.

Вообще эти мелочи ужасно важны. Вчера меня спрашиваетъ мама: „о чемъ ты думаешь во время гулянья“—(я хожу гулять каждый день по часу). Я говорю: „да такъ, что попадется на глаза—о томъ и думаю, попадется извозчикъ—думаю „вотъ извозчикъ“; плыветъ по Фонтанкѣ барка, я думаю: «вотъ барка съ дровами,—кажется дрова березовыя». Однимъ словомъ разсѣянничаю“. Мама говоритъ: „но если-бы ты во время прогулки что-нибудь вспомнилъ изъ прочитаннаго или рѣшалъ-бы какую-нибудь задачу—однимъ словомъ, былъ сосредоточенъ, вотъ-бы у тебя получилась экономія во времени на цѣлый часъ въ сутки. А во весь мѣсяцъ ты съэкономилъ-бы тридцать часовъ; если ты занимаешься въ день восемь часовъ, то слѣдовательно въ мѣсяцъ у тебя оказалось-бы лишнихъ четыре рабочихъ дня. Твой мѣсяцъ имѣлъ-бы не тридцать, а тридцать четыре дня“.

Ну, вѣдь, знаете, я былъ просто пораженъ этимъ! Вѣдь вотъ что значать мелочи!

Досказавши послѣднюю фразу, больная закрыла глаза и вздохнула.

— Господа, усталъ Андрюшка-то, сказать одинъ изъ слушателей.—Пора ослику спать; разоидемя во-своаяси, выразивъ предварительно наше полное довѣріе ко всему, что онъ городилъ. Андрюша, вѣдь ты «городилъ»?

Больная не открыла глазъ и молча покачала отрицательно головой.

— Ахъ, какой у насъ сегодня поучительный вечеръ! Ну, вѣдь знаете-ли, какой поучительный! сказалъ другой слушатель, подавая Галѣ руку.

— Дуракъ! сказала больная и, не открывая глазъ, подала ему руку.

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ разошлись.

Съ этого вечера за самой Галей утвердилось названіе «Андрюши».

Плавскій.

КАРАВАНЪ.

Отрывокъ изъ „Chatiments“ В. Гюго.

Умы, неустанные странники вѣчные,
Со знаменемъ правды, съ ковчегомъ завѣта,
Въ пустынь земной чрезъ пески безконечные
Безстрашно идутъ, чистой вѣрой согрѣты.

Идутъ—все впередъ вереницею длинною,
Держась другъ за друга, большимъ караваномъ,
Подъ свистомъ зловѣщаго вѣтра пустыннаго,
Подъ зноемъ дневнымъ и полночнымъ туманомъ.

И странствіе ихъ многотрудно-священное
Зовется—Прогрессомъ. Слабѣть порою
Ихъ гордая сила... Глядятъ, утомленные,
Задумчиво въ синюю даль предъ собою

И кличутъ другъ друга на помощь. Могучіе
Усталыхъ ведутъ по пустынь безлюдной,
Гдѣ море песковъ разстилается жучее,
И вдругъ горизонтъ открывается чудный.

Смѣняется быстро картина картиною,
Печали иль радуга путниковъ взоры;
За мирною, свѣтлой, цвѣтущей долиною
Встаютъ неприступныя скалы и горы.

То—смѣло и скоро идутъ вдохновенные,
То—ощущью,—движась впередъ еле еле;
Все ближе и ближе страна возделѣнная.
Идутъ... Никогда не доходятъ до цѣли.

При каждомъ привалѣ звѣздой путеводною
Межъ нихъ проводникъ появляется новый,
Отважный и смѣлый, душой благородною
На подвигъ, на смерть за идею готовый.

То—Гуса костеръ засіялъ надъ дорогою,
То—истины свѣточъ въ рукѣ Галилея;
То—Лютера проповѣдь мощная, строгая
Гремѣла: «Впередъ подвигайтесь смѣлѣ!»

Съ надеждой, съ единой мечтой постоянною
Вожди открываютъ все новыя страны,
И даль постепенно яснѣетъ туманная
Предъ шествіемъ стройнымъ того каравана.

Но часто, пока отдыхаютъ усталые
Порою ночью во время привала,
Когда ужъ на западѣ зарево алое
Потухло совсѣмъ,—а луна не вставала,

Всѣ звѣри пустыни толпой кровожадною
Кишатъ вокругъ уснушаго мирнаго стана;
И волкъ, и гіена жестокая, смрадная,
Шакалы и тигры,—ночные тираны...

Костровъ, догорающихъ тихо,—мерцаніе
Сулитъ имъ добычу. Проснулись и гады.
Съ шипѣніемъ змѣинымъ слились завыванія.
Душить беззащитныхъ—свирѣпые рады...

Напрасно въ потемкахъ засады коварныя
Устроить стараешься, хищниковъ стая!
Уйдутъ она! Свѣтитъ имъ цѣль лучезарная,
Надъ мрачной землею какъ солнце сіяя.

Ихъ цѣль,—душъ высокихъ и чистыхъ отечество,
Страна,—всѣмъ апостоламъ правды родная,
Завѣтная Мекка всего человѣчества,
Страна—идеаловъ бессмертныхъ святая.

• • • • •

А. Барымова.

ОПАСНЫЕ ЛЮДИ.

Романъ Христіана Эльстера.

(Съ норвежскаго).

VII.

— Фу, какая жара! воскликнулъ лавочникъ Брантъ.—Онъ безъ сюртука стоялъ возлѣ окна, смотрѣлъ на море и думалъ о томъ, какъ хорошо было-бы теперь выкупаться.

— Да, отъ земли даже гарью пахнетъ, согласилась его жена, то вбѣгавшая, то выбѣгавшая въ растворенную дверь съ кшами накрахмаленнаго бѣлья на рукахъ.

Тѣмъ не менѣе молодые люди начали играть въ крокетъ на выжженной солнцемъ площадкѣ передъ домомъ. Впрочемъ, нѣсколько времени спустя, и имъ стало невыносимо жарко.

— Не перестать-ли? предложила Ганна.

— Да, жара несносная, согласился Петръ, который, обливаясь потомъ, съ ожесточеніемъ преслѣдовалъ всѣ шары, которые угрожали шарамъ Ганны.

Дѣвушки вошли въ домъ; Петръ побрелъ къ амбару; Канутьъ взялъ книгу и легъ въ траву.

Но чтеніе какъ-то не шло на умъ. Онъ удивлялся тому, что вотъ уже цѣлый мѣсяцъ прожилъ такую далеко небогату событіями жизнью въ гостяхъ у деревенскаго лавочника Бранта и до сихъ поръ еще ни разу не думалъ о возвращеніи домой. Какихъ только деревенскихъ удовольствій ни испыталъ онъ за это время! Катался на лодкѣ, ловилъ рыбу, всходилъ на горы, игралъ въ крокетъ и въ другія невинныя игры, каждый день выпивалъ немовѣрное количество смородиннаго вина, присутствовалъ на вечернихъ молитвахъ, дѣлалъ утрен-

ніе визиты съ длинными, томительными промежутками въ разговорахъ. Но всего замѣчательнѣе было то, что онъ благополучно пережилъ большое миссіонерское собраніе, по случаю котораго вся деревня и домъ Бранта были наводнены мужчинами въ черныхъ войлочныхъ и дамами въ коричневыхъ соломенныхъ шляпахъ, — деревенскими людьми довольно однообразнаго типа, но чрезвычайно разнообразно выговаривавшими зулусскія имена. Въ это время онъ познакомился съ пасторомъ Грегерсеномъ изъ Эмціюти, съ пасторомъ Педерсеномъ изъ Экіовы, наконецъ съ начальникомъ племени Узерайе — и, несмотря на все это, не обратился въ бѣгство. А теперь, въ довершеніе всего, онъ еще принялъ приглашеніе къ большому парадному обѣду, который давалъ Гамре на своей дачѣ сегодня въ 5 часовъ. Это приглашеніе было ему почему-то даже не особенно непріятно, хотя онъ зналъ, что встрѣтится тамъ съ купцомъ Викомъ, который, къ удивленію Бранта и его жены, остановился не у нихъ, а въ домѣ Гамре.

Все это, конечно, было необыкновенно загадочно. Сначала онъ поставилъ гипотезу, что деревенскій воздухъ имѣетъ способность вызывать такое беззаботное состояніе и даже симпатію къ миссіонерскимъ предпріятіямъ, но вскорѣ отказался отъ подобнаго объясненія. Очевидно, дѣло объяснялось тѣмъ-нибудь другимъ. Тогда онъ сталъ перебирать по очереди всѣхъ людей, съ которыми жилъ. Хозяева были достойны всякаго уваженія. Добродушный деревенскій лавочникъ со своей огромной подзорной трубой и маленькой, подвижной женой, возлѣ которой жилось такъ хорошо и уютно, ихъ бѣлокурая дочка, которая такъ ненавидѣла все меланхолическое и такъ страстно любила отважныя предпріятія въ родѣ восхожденія на черныя вершины «первой величины», катанья на лодкѣ въ сильную бурю, головоломной ѣзды по крутымъ спускамъ и т. п., — все это были превосходные люди! Петръ, который, какъ робкій рыцарь, ухаживалъ за хозяйской дочерью и при каждомъ произнесенномъ ею остроумномъ словѣ смотрѣлъ на всѣхъ присутствующихъ, какъ будто приглашая ихъ назвать ему другую женщину съ такими дарованіями, — былъ все тѣмъ-же безгранично-добрымъ товарищемъ. И все-таки Кануть чувствовалъ, что его привлекають и удерживають не только прелестная мѣстность и эти милые люди. Нѣтъ, — какъ это ни странно, — а больше всѣхъ привлекала его эта блѣдная богомолка, худень-

кая, неловкая дѣвушка, которая держала себя такъ холодно, говорила такъ сдержанно и сухо. Просто смѣшно вспомнить, какъ много онъ ею занимался. А какіе пріятные, торжественные разговоры приходилось вести съ нею! Вотъ, напримѣръ, сегодня, въ этотъ чудный солнечный день, когда всѣ почтенные люди радовались, что сѣно хорошо сохнетъ, и благодарили Бога, что на свѣтѣ существуетъ холодная вода! Онъ изволилъ прогуливаться съ нею въ самый жгучій зной по открытой, пыльной дорогѣ, предаваясь серьезнымъ размышлениямъ, и знакомилъ ее съ однимъ изъ своихъ «поэтическихъ произведеній»! Среди бѣлаго дня онъ занимался «выкапываніемъ труповъ»,—и притомъ въ такой день, когда не трудно было вспотѣть и безъ всякихъ особенныхъ упрежненій.

А всему виною была вонъ та грязная рабочая колонія на морскомъ берегу. Петръ попросилъ его навѣстить тамъ нѣсколькихъ больныхъ. Онъ заходилъ въ хижины и встрѣтилъ тамъ людей во всѣхъ стадіяхъ нищеты и грязи; въ каждомъ домѣ ему пришлось выслушивать все ту-же печальную, однообразную повѣсть о безысходной нуждѣ, которую уже прежде сто разъ рассказывали ему въ другихъ рабочихъ жилищахъ. Какъ-то разъ, выходя изъ такой трущобы, онъ встрѣтился съ Корнеліей. Она дождалась Ганны, которая зашла въ одинъ изъ ближайшихъ домовъ, чтобы заказать къ слѣдующему дню рыбы. Находясь еще всецѣло подъ вліяніемъ того, что только-что видѣлъ и слышалъ, вспомнивъ о еще болѣе тяжелыхъ условіяхъ, которыя приходилось встрѣчать въ другихъ мѣстахъ, онъ не могъ говорить ни о чемъ иномъ, какъ объ ужасномъ существованіи, на которое обречены всѣ эти невѣжественные, вѣчно голодные люди.—«Здѣсь даже нѣтъ надежды!» закончилъ онъ свою рѣчь.

— Въ этой жизни, прибавила она тихо.

Тогда онъ ее спросилъ, исчезнетъ-ли въ будущей жизни это вопіющее неравенство, если богатые помѣняются только съ бѣдными. Она нѣсколько обидѣлась его замѣчаніемъ и напомнила ему евангельскія слова на счетъ богатыхъ. «Бѣдность, говорила она, располагаетъ къ набожности и составляетъ преимущество, котораго лишены богатые». Эти слова вызвали его на противорѣчіе. Онъ спросилъ ее, дѣйствительно-ли такъ полезно для религіознаго развитія—проводить дѣтство безъ крова или, во всякомъ случаѣ, подъ нищенскимъ кровомъ, расти, не вѣ-

дая ни ученія, ни воспитанія, изнурять себя работою и все-таки голодать, жить въ какой-нибудь труппѣ, въ грязи, въ холодѣ, вѣчно имѣя передъ глазами картину порока во всѣхъ его видахъ и не зная другаго развлеченія, кромѣ одного, неизмѣннаго: бутылки, бутылки и бутылки?

Потомъ она опять спросила:—«Что-же намъ говорить всѣмъ этимъ бѣднымъ, больнымъ и огорченнымъ?» А онъ ей отвѣтилъ:—«Спросите лучше,—что намъ дѣлать, чтобы помочь имъ? Вотъ великій вопросъ, надъ которымъ задумываются всѣ мыслящіе, чуткіе къ страданіямъ ближняго люди. Многие съ дикимъ отчаяніемъ выкрикиваютъ его на весь міръ, другіе въ глубокой задумчивости шепчутъ его про себя; съ этимъ вопросомъ на устахъ одинъ за другимъ падаютъ въ изнеможеніи друзья человѣчества, посвятивъ всю жизнь свою попыткамъ разрѣшить великую загадку».

Дойдя до этой точки, онъ перешелъ къ своимъ «поэтическимъ произведеніямъ». Прогуливаясь взадъ и впередъ по раскаленнымъ булыжникамъ, онъ рассказалъ ей, съ какими чистыми представленіями о великой міровой борьбѣ онъ когда-то вступилъ въ жизнь. Вѣдь вся задача заключается въ томъ, думать ему, чтобы тѣ, кого судьба поставила въ благоприятныя, исключительныя условія и надѣлила богатствомъ, мучительно сознали весь ужасъ бѣдности и невѣжества миллионовъ людей, чтобы жизнь при подобномъ положеніи дѣлъ стала для нихъ невыносимою, чтобы совѣсть ни на минуту не давала имъ покоя! А дѣти нищеты... о, имъ достаточно будетъ почувствовать гуманное къ себѣ отношеніе, чтобы превратиться въ добрыхъ, благодарныхъ работниковъ!.. А что онъ встрѣтилъ въ дѣйствительности? Съ одной стороны стояла холодная, непреклонная, безжалостная сила, — капиталъ, а съ другой— грозная масса, пролетаріатъ, который не имѣлъ ни малѣйшаго сходства съ тѣми бѣдняками, которые рисовались ему въ его мечтахъ. Онъ встрѣтилъ борьбу, отчаянную, безпощадную борьбу между сытыми и голодными; наверху—блестящую, легкомысленную роскошь, а внизу—толпу бѣдныхъ, голодныхъ созданій, которые ничего не знаютъ, да и знать не хотятъ, кромѣ того, что на свѣтѣ есть сытые люди, и стремятся только къ тому, чтобы стереть ихъ съ лица земли и утолить свой голодъ.

Съ такими мыслями стоялъ онъ тамъ, гдѣ до него стояли сотни другихъ людей. Самыя свѣтлыя иллюзіи были разбиты,

душою овладѣвало мертвящее отчаяніе при видѣ безсилія всѣхъ человѣческихъ стремленій. Къ чему послужила работа великихъ писателей, разрушившая столько предрассудковъ въ мірѣ идей! Куда дѣвались всѣ возвышенныя чувства, которыя воспѣвали передъ міромъ вдохновенные поэты? Какую пока пользу принесло геройское самоотверженіе многихъ апостоловъ гуманности?

Да, такъ онъ расхаживалъ взадъ и впередъ, волновался и горячился... а она? Она при этомъ смотрѣла на него такъ, какъ смотреть на человѣка, только что вернувагося съ каторги. Ему показалось, что между нею и имъ находится ледяная стѣна.

Ему становилось досадно на себя, когда онъ вспоминалъ обо всѣхъ этихъ разговорахъ; тѣмъ не менѣе, онъ и не думалъ о томъ, что лучше всего уѣхать, чтобы сразу положить всему конецъ...

Въ половинѣ пятаго повозка Бранта, запряженная двумя крѣпкими лошадьми, стояла у воротъ дома. Все было въ самомъ образцовомъ порядкѣ: экипажъ блеститъ какъ зеркало, лошади были тщательно вычищены, сбруя—смазана, что, по-видимому, составляло предметъ гордости хозяина.

Было еще очень жарко. На дорогѣ поднимались облака пыли, окутывавшія экипажъ и сидѣвшихъ въ немъ людей.

Пароходъ, который по случаю праздника салютовалъ выстрѣлами, привезъ изъ города гостей. Это избранное общество поѣхало въ ждавшихъ у пристани экипажахъ Гамре. Мѣстные семейства сѣзжались въ скромныхъ повозкахъ, а нѣкоторые изъ мужчинъ являлись даже нѣшкомъ.

Дача Гамре была выстроена въ швейцарскомъ стилѣ съ галлереями и балконами. Садъ былъ разбитъ недавно и не давалъ еще тѣни. Онъ имѣлъ такой-же аккуратный, прилизанный видъ, какъ самъ хозяинъ. Всѣмъ грядамъ была придана форма фигуръ, правильныхъ до тошноты. Луговины и живыя изгороди были окопаны и подстрижены такъ тщательно, что невозможно было найти ни одной вѣточки, ни одной былянки, которая-бы дерзко выдавалась надъ общимъ уровнемъ. Всѣ цвѣты были посажены на математически равномъ разстояніи отъ краевъ клумбы и другъ отъ друга. Дорожки такъ щедро были усыпаны гравіемъ, что гуляющій не сразу рѣшался ступить на нихъ ногою. По срединѣ сада билъ фонтанъ, под-

брасывавшій блестящіе, стеклянные шарикѣ. Вообще это былъ прекрасный, во всѣхъ отношеніяхъ безупречный паркъ.

Когда повозка Бранта въѣхала во дворъ, большинство гостей было уже въ сборѣ; только нѣсколько пѣшеходовъ,—контрощики, приказчики и тому подобные скромные люди,—стояли еще у подъѣзда и старательно смахивали пыль съ брюкъ и башмаковъ.

Гости собрались въ паркѣ. Жены богатыхъ купцовъ, въ шелестящихъ шелковыхъ платьяхъ, гуляли здѣсь возлѣ миссіонерокъ, на которыхъ вся одежда, съ головы до ногъ, была черная. Пасторскія шляпы и длиннополые скуртуки соперничали съ послѣдними откровеніями парижскихъ журналовъ въ области мужского туалета.

Гамре имѣлъ необыкновенно торжественный, любезный видъ, привѣтствуя семейство Бранта и его свиту. Кануть въ первый разъ появлялся въ его домѣ. Гамре уже давно собирався его пригласить. Въѣдъ въ послѣднее время про молодого человѣка не говорили ничего, кромѣ хорошаго. Потерявъ репутацію опаснаго человѣка, онъ сдѣлался интереснымъ. Всѣ въ одинъ голосъ признавали, что онъ очень любезенъ и пріятель въ обществѣ. Одинъ чрезвычайно разборчивый господинъ, котораго еще никто никогда не видѣлъ непричесаннымъ или во вчерашней рубашкѣ, серьезный человѣкъ, который считался авторитетомъ во всѣхъ вопросахъ, касающихся самаго утонченнаго приличія, всегда слушалъ только самыя ортодоксальныя проповѣди и никогда не давалъ взаймы денегъ иначе, какъ подъ восемь процентовъ, — даже этотъ строгій судья выразился о Канутѣ, какъ о человѣкѣ «*comme il faut*». Въ виду этого, очевидно, можно было безъ всякихъ опасеній ввести его въ среду хорошаго общества, тѣмъ болѣе, что и Біорнгольтъ вполне ругался за то, что онъ «окончательно высохъ». Ходили, правда, слухи, что онъ по временамъ высказывалъ довольно рѣзкія сужденія о родныхъ порядкахъ; но это сравнительно мало тревожило городскихъ тузовъ, которые гордились сознаниемъ, что они, съ своей стороны, «все выписываютъ прямо изъ-за границы». Всѣ стали добиваться знакомства съ Канутомъ, и Гамре, который былъ любителемъ всякаго рода рѣдкостей, давно желалъ видѣть его у себя, но только теперь нашелъ удобный поводъ пригласить его.

Онъ принялъ Канута съ нѣсколько высокомерною възгли-

востью и представилъ его своимъ гостямъ съ отѣнкомъ хвастовства, приблизительно такъ, какъ сталь-бы показывать какого-нибудь рѣдкаго звѣря, привезеннаго изъ далекихъ странъ однимъ изъ капитановъ его кораблей.

Гости мало по малу стали переходить въ домъ и собрались въ большой залъ, рядомъ со столовой. Въ растворенныя двери можно было видѣть святилище, приготовленное для предстоящаго пиршества. Длинные накрытые столы блистали еще непорочною невпнностью. Въ большихъ вазахъ благоухали цвѣты. Передъ тарелками сверкали легионы стакановъ, — бѣлыхъ и зеленыхъ, широкихъ и узкихъ. Въ одномъ изъ угловъ видѣлись серебряные холодильники для шампанскаго.

Никогда не случается людямъ вести болѣе праздныхъ разговоровъ, какъ въ послѣднія минуты передъ большимъ обѣдомъ. Всѣ сгораютъ нетерпѣнiемъ приняться за дѣло, всѣ смертельно скучаютъ, но никто не смѣетъ этого показать. Всѣ стараются придать своему лицу такое выраженiе, какъ будто они не имѣютъ ни малѣйшаго понятiя о томъ, что имъ предстоитъ, какъ будто всѣ блага міра сего нисколько не интересуютъ и не занимаютъ ихъ. Самыя тривiальныя замѣчанiя произносятся и выслушиваются съ такими минами, какъ будто въ нихъ кроется глубочайшая мудрость; извѣстiя, которыя вашъ собесѣдникъ совсѣмъ не разслышалъ, да которыя въ сущности и не стоило слушать, вызываютъ въ немъ изумленiе или восторгъ. Тотъ, кто уже положительно не въ силахъ выжать изъ себя какое-бы то ни было остроумное замѣчанiе относительно погоды и т. п., погружается въ созерцанiе альбома, гравюры, живописи, въ сущности совсѣмъ не интересуясь этими предметами, или-же внимательно разсматривать обои, любуется видомъ и т. д.

Только одинъ изъ гостей нисколько не старался маскировать свое настроенiе. Это былъ Біорнгольтъ. Онъ стоялъ мрачный и угрюмый въ углу залы и отъ времени до времени бросалъ быстрый взглядъ въ столовую. Когда кто-нибудь заговаривалъ съ нимъ, онъ только ворчалъ и отворачивался. Онъ былъ встревоженъ, какъ передъ битвою. Дѣйствительно, для него каждый званный обѣдъ былъ истинною битвою между желанiями и благими намѣренiями. Дѣло въ томъ, что онъ страдалъ подагрой.

Онъ только-что сдѣлалъ открытіе. Оказалось, что на столѣ стояли бокалы для шампанскаго, а возлѣ нихъ какія-то другія рюмки крайне подозрительнаго характера. Онъ невольно задумался. Неужели у Гамре еще сохранились остатки этой старой мадеры, этого желтаго, божественнаго напитка, вкуса котораго онъ и теперь еще ощущалъ на языкѣ?..

— Чортъ-бы побралъ этихъ тузовъ съ ихъ шампанскимъ! У этого народа все дѣлается ради хвастовства! Непремѣнно имъ нужно что-нибудь необыкновенное, что-нибудь выписанное Богъ знаетъ откуда, чтобы было чѣмъ похвастаться! подумалъ онъ про себя. — Но нѣтъ! Сегодня ничто въ мірѣ не въ состояніи будетъ искусить его,—ни шампанское, ни мадера: онъ будетъ воздерженъ, какъ монахъ.

Въ залу вошла хозяйка. Затѣмъ послышался голосъ Гамре:—Господа, потрудитесь позаботиться о дамахъ.

Съ этими словами онъ самъ подаль руку одной изъ дамъ и открылъ длинное шествіе.

Всѣ усѣлись за столъ. Хозяинъ торжественно сложилъ надъ тарелкою руки, и гости, какъ по командѣ, преклонили головы. Затѣмъ послѣдовали тихія, шелестящія движенія и шопотъ разговоровъ, выражавшихъ, очевидно, всеобщее удовольствіе.

Лакеи, которымъ не вполнѣ удалось освободиться отъ слабаго запаха конюшни, появились съ полными подносами, и битва началась.

...Супъ изъ омаровъ и замороженный пуншъ...

Біорнгольтъ былъ спокоенъ. Онъ не любилъ пунша... Разговоры смолкли... Всѣ занялись ѣдой... Хозяинъ выпилъ стаканъ за здоровье гостей.

...Рыба... Паштеты... Бордо... Шато д'Икемъ... Фалернское..

Гмъ!.. Біорнгольтъ принялъ окончательное рѣшеніе. Самую малость, по маленькому стаканчику этихъ легкихъ винъ... потомъ стаканъ шампанскаго, но ни подъ какимъ видомъ—ни капли крѣпкаго вина...

...Ветчина съ горошкомъ и другія entrées...

Старшій учитель прекрасно выдерживалъ характеръ; ко всѣмъ этимъ соблазнительнымъ блюдамъ онъ не притронулся...

...Куры...

Онъ любилъ куръ; къ тому-же это было такое невинное блюдо. Онъ рѣшилъ налечь на него и затѣмъ воздержаться отъ остальнаго.

...Рейнвейнгъ...

Только одинъ стаканчикъ.

...Всякаго рода жаркое...

Нѣкоторыя изъ блюдъ казались чрезвычайно заманчивыми, но не безопасными. Онъ и къ нимъ не притронулся.

Разговоръ сдѣлался необыкновенно оживленнымъ. Говорили очень громко; пили за здоровье сосѣдей; лица мужчинъ начинали слегка разгораться. Начались застольныя рѣчи. Общество дошло до періода безграничной доброты и гуманности, который навѣрное извѣстенъ каждому, кому приходилось присутствовать на хорошемъ званомъ обѣдѣ. Никогда съ такою готовностью не признаютъ чужихъ заслугъ, какъ въ это время. Поэзія большихъ обѣдовъ всегда носить въ себѣ благородный, примирительный характеръ. Всюду царствуютъ мирныя чувства и гармонія. Сокровенные идеалы жизни воплощаются. Мужчина всегда представляется въ видѣ великаго гражданина, вѣрнаго друга, образцоваго отца семейства. Женщина... но кто-же не знаетъ высокаго значенія женщины на большихъ обѣдахъ? Можетъ-ли сомнѣваться въ немъ человѣкъ, которому хоть разъ приходилось слышать вдохновенныя застольныя рѣчи, вызываемыя ихъ присутствіемъ?!

Викъ выпилъ за здоровье хозяина. Его заслуги въ торговомъ дѣлѣ, заботы о судоходствѣ, о городскихъ и деревенскихъ общественныхъ дѣлахъ, его истинно христіанская жизнь и т. д. и т. д... Много лѣтъ здравствовать!

Гамре говорилъ о миссіонерахъ. Онъ изобразилъ въ яркихъ краскахъ всѣ опасности, которымъ подвергаются эти безстрашные борцы за вѣру, всѣ лишенія, которыя имъ приходится терпѣть, и въ заключеніе поднялъ за этихъ людей свой бокалъ съ шампанскимъ. Страндъ, глубоко тронутый, сталъ благодарить и въ продолженіи получаса говорить о себѣ самомъ... Много лѣтъ здравствовать!

Бюрнгольтъ и въ этомъ отношеніи составлялъ исключеніе изъ общаго правила. Ни одинъ обѣдъ еще не доводилъ его до того, чтобъ онъ сталъ благодушно говорить о вещахъ, къ которымъ относился злобно въ другое время. Одержавъ надъ своимъ чревоугодіемъ такую славную побѣду, онъ повеселѣлъ.

но отнюдь не выражалъ наклонности щадить своихъ ближнихъ. Онъ сдѣлался разговорчивъ, острилъ, отпуская вслухъ не совсѣмъ умѣстныя замѣчанія во время спичей, рассказывалъ анекдоты, наконецъ попалъ на свою любимую тему и перекричалъ всѣхъ.

Искушенія, которыхъ онъ такъ опасался въ началѣ обѣда, теперь казались ему уже менѣе опасными. Мало по малу онъ разрѣшилъ себѣ еще стаканчикъ шампанскаго, затѣмъ препорядочную порцію крайне предательскаго пуддинга, до котораго, какъ на грѣхъ, былъ большой охотникъ; за десертомъ невозможно было не выпить хересу, а потомъ,—о ужасъ!—на сцену, дѣйствительно, явилась завѣтная мадера. Нѣсколько времени онъ крѣпился, но наконецъ не выдержалъ, объявилъ себя побужденнымъ и, очертя голову, бросился въ открытое море. Онъ сталъ еще веселѣе, старался наверстать то, что пропустилъ въ первую половину обѣда, со всѣми чокался и рассказывалъ одинъ эффектный анекдотъ за другимъ. Вдругъ, когда стали обносить конфекты, онъ почувствовалъ, какъ въ голову бросилась горячая струя крови; сердце, казалось, поднялось до самаго горла и забилося сильными, неправильными ударами; вмѣстѣ съ тѣмъ голову сдавило, какъ будто въ тискахъ... Онъ внезапно притихъ, не произносилъ ни одного слова, не прикасался къ стакану и, весь съжившись, до смерти перетрусивъ, со страхомъ ждалъ, что будетъ дальше.. Немного погодя, ему стало лучше; припадокъ на этотъ разъ прошелъ благополучно... и теперь онъ мысленно проклиналъ всѣ эти бутылки, эти кушанья, обѣды, богатыхъ людей, которые ихъ давали, и, наконецъ, самого себя, обнаружившаго такое преступное легкомысліе...

Благодушное настроеніе перешло въ шумное, лица сдѣлались багровыми. Сидя за десертомъ, спорили, произносили юмористическія рѣчи. Слуги бѣгали взадъ и впередъ; столь уже утратилъ отпечатокъ невинности; благоуханіе цвѣтовъ было заглушено запахомъ яствъ и вина.

Наконецъ, стала обнаруживаться нѣкоторая усталость. Все большее и большее число гостей принимало задумчивый видъ, и когда разговоры, наконецъ, уже прекратились почти вовсе, Страндъ всталъ и отъ имени всего общества выразилъ хозяину и хозяйкѣ благодарность за обильную трапезу подъ ихъ гостеприимнымъ кровомъ.

Часть курящихъ мужчинъ завладѣла бесѣдкою; другіе усѣлись въ галлерей; нѣкоторые изъ болѣе молодыхъ начали играть на большой луговинѣ въ крокетъ.

Кануть былъ въ числѣ курящихъ. Въ бесѣдкѣ онъ засталъ Біорнгольта, который сидѣлъ развалившись на огромномъ креслѣ. Теперь старшій учитель имѣлъ видъ олицетворенной невинности; имъ, повидимому, овладѣло мягкое, элегическое настроеніе.

— Гольтъ, прошепталъ онъ томнымъ голосомъ;—страдаете вы подагрою?

— Нѣтъ.

— Какъ вы должны быть счастливы! Вы никогда не обѣдаетесь?

— Нѣтъ.

— Стало быть, вы еще находитесь въ періодъ полнѣйшей невинности. А я никакъ не могу удержаться; каждый разъ даю зарокъ, клянусь, что въ послѣдній разъ, а потомъ опять поддаюся искушенію. Вѣдь я вскармливаю въ себѣ смертельнаго врага... Ахъ, какъ неравномѣрно распредѣлены дары на этомъ свѣтѣ! Обращали-ли вы вниманіе на Странда? Господи, чего, чего только не ѣлъ этотъ человѣкъ! И при этомъ у него былъ такой страдальческій видъ, какъ будто онъ приноситъ себя въ жертву для блага человѣчества. Я-бы околѣлъ на мѣстѣ, а онъ... Какое удивительное пищевареніе!

Священникъ, которому такъ завидовалъ Біорнгольтъ, дѣйствительно смотрѣлъ ничуть не утомленнымъ; онъ, видимо, былъ въ превосходномъ настроеніи и съ наслажденіемъ курилъ сигару.

Фоннъ, все такой-же тощій и серьезный, стоялъ въ углу и съ дѣвственнымъ видомъ курилъ папирску. Вильдагенъ тяжелоуѣсно расхаживалъ, переваливаясь на своихъ широчайшихъ словыхъ лапахъ, цурилъ глазки и, казалось, то-же былъ въ благодушномъ настроеніи.

Фоннъ подошелъ къ Кануту и началъ говорить о «современныхъ идеяхъ». Онъ приходилъ въ ужасъ отъ быстрого распространенія этихъ идей, которыя неумовимо, какъ змѣи, закрадываются въ умы людей и обнаруживаются всюду, — въ нашей литературѣ, въ нашемъ искусствѣ, въ нашей музыкѣ, въ нашихъ школахъ, въ нашихъ разговорахъ. О присутствіи такихъ мыслей можно судить даже по звуку голоса, въ кото-

ромъ теперь уже не слышится, какъ въ прежнія времена. глубокой, металлической ноты вѣры и убѣжденія.

Выразивъ надежду, что онъ сподобится послужить хоть самую незначительною изъ тѣхъ скалъ, о которыхъ суждено разбиться морю возмущенія, онъ принялся осторожно зондировать Канута, который вѣдь жилъ, такъ сказать, въ поясѣ великихъ европейскихъ чумныхъ болотъ. Къ удивленію его, Кануть почти со всѣмъ согласился. Онъ тоже былъ того мнѣнія, что обществу угрожала серьезная опасность; но затѣмъ же христіанское общество покровительствовало наукѣ и искусству, этимъ вполнѣ языческимъ революціоннымъ элементамъ, которые въ концѣ концовъ разрушать или пересоздадутъ всѣ наши общественныя формы? Наука всегда чуждается чудеснаго, а искусство, порожденное наукой, поддерживаетъ въ людяхъ потребность къ наслажденію, подавлять которую составляетъ первую обязанность христіанина.

Это показалось Фонну уже слишкомъ радикальнымъ. Онъ началъ было говорить о христіанской наукѣ и христіанскомъ искусствѣ, но не успѣлъ высказать насчетъ этого своихъ взглядовъ, такъ какъ въ эту минуту къ нимъ подошелъ Страндъ. Онъ не боялся, подобно Фонну, откровенно высказывать свое мнѣніе. Онъ зналъ все, ни передъ чѣмъ не останавливался и за словомъ въ карманъ не лазилъ. Онъ тотчасъ свелъ разговоръ на социализмъ, ошелушилъ это общественное явленіе, какъ яблоко, взрѣзалъ его, показалъ, что кроется внутри, выбралъ его основные принципы и съ презрѣніемъ отбросилъ ихъ.

— Bravo, bravo! соннымъ голосомъ пробормоталъ Біорнгольтъ. — Все это вмѣстѣ взятое и содѣйствуетъ разложе-е...

Викъ выразилъ одобреніе. Основательно усѣвшисъ на большомъ креслѣ съ широкою спинкою и опершись локтями на его ручки, онъ своею коренастою, широкою фигурою напоминалъ каменную статую какого-нибудь свирѣпаго языческаго божества. Его сужденіе также отличалось опредѣленностью и рѣшительностью, а все то, что ему противорѣчило, онъ желалъ-бы искоренить и сжечь на огромномъ кострѣ.

Стали подавать кофе и ликеры. Біорнгольтъ проснулся. Онъ набилъ себѣ трубку и положилъ протянутыя ноги на стулъ. Затѣмъ онъ, не торопясь, принялся за первую чашку. За второю чашкою онъ почувствовалъ себя уже почти въ нор-

мальною состояніи и его дремавшіе охотническіе инстинкты проснулись съ новою силою. Ему ужасно хотѣлось отвести душу въ пріятномъ, задумевномъ разговорѣ, а такъ какъ большинство остальныхъ удалилось изъ бесѣдки, то онъ знакомъ подозвалъ къ себѣ Канута.

— Садитесь, докторъ, сказалъ онъ.

Когда Кануть послѣдовалъ его приглашенію, онъ началъ:

— Знаете, я думаю, что Страндъ восторжествуетъ... надъ Фонномъ, понятно. Я его знаю; мы были студентами одного выпуска. Онъ обладаетъ несомнѣнно внушительной рабочей силой и всегда, не взирая ни на какія препятствія, идетъ прямо къ цѣли. Притомъ онъ любитъ сильныя средства. Уже студентомъ онъ бывало произносилъ грозныя рѣчи въ религиозномъ обществѣ. «А вотъ я пойду и проберу ихъ хоропенько», говорилъ онъ, бывало. И всегда онъ кого-нибудь «обрабатывалъ». Молодыхъ дѣвушекъ онъ дюжинами обращалъ на истинный путь. А теперь, онъ положительно съ успѣхомъ началъ борьбу противъ Фонна. Онъ тотчасъ узналъ въ какіе дома ходитъ Фоннъ и успѣлъ отбить у него уже половину, да притомъ самыхъ лучшихъ, то есть самыхъ богатыхъ, которыя больше всего нуждаются въ духовномъ попеченіи. О, это необыкновенно практическій человѣкъ... Вы вѣдь знаете нашего милѣйшаго Вильдгагена? Такъ видите-ли, — ему эта конкуренція между обоими священниками совсѣмъ не по нутру. Нужно вамъ сказать, что онъ нынче сдѣлался другомъ человѣчества и безъ различія посѣщаетъ и богатыхъ и бѣдныхъ. Онъ давно уже обдѣлывалъ въ городѣ всякія крупныя дѣла по части христіанской пропаганды и обладалъ особеннымъ искусствомъ служить и нашимъ и вашимъ, извлекая себѣ изъ этого выгоду. Ну, а съ Страндомъ шутки плохи; онъ хочетъ подчинить себѣ Вильдгагена. Что-жь, посмотримъ. Вильдгагенъ старый воробей; пока онъ еще стоитъ за Фонна. О, вамъ слѣдовало-бы послушать, какъ онъ говоритъ о Страндѣ. Увѣряю васъ, никто не умѣетъ такъ искусно отдѣлать ближняго въ самыхъ кроткихъ христіанскихъ выраженіяхъ, какъ нашъ старый неподобный Вильдгагенъ. Онъ стоитъ за Фонна; и знаете-ли почему? Это мое новѣйшее открытіе. Потому что онъ намѣренъ посвятить себя политикѣ и сдѣлаться вожакомъ въ національномъ собраніи, а Фоннъ хлопочетъ за него. Только здѣсь ужъ ему придется имѣть дѣло со мной. Это ужъ,

значить, поступать нечестно, противъ уговора. Пускай онъ только попробуетъ. Вѣдь я его знаю, стараго мошенника, и не остановлюсь ни передъ чѣмъ. Я расскажу въ газетѣ все: какъ онъ, напримѣръ, продалъ одному брату во Христѣ свою мельницу и воспользовался тѣмъ, что покупатель позабылъ выговорить себѣ право пользованія водою; какъ онъ у другого брата во Христѣ отвелъ отъ мельницы рѣчку, или какъ находившійся у него въ ученіи мальчикъ едва не умеръ отъ голода и дурного обращенія. Я еще могу помириться съ тѣмъ, что этотъ разбойникъ ораторствуетъ въ духовныхъ обществахъ и съ пламеннымъ одушевленіемъ увѣряетъ, что будетъ бороться за великое дѣло до послѣдней капли крови; мнѣ нѣтъ дѣла до того, что онъ втерся въ лучшіе дома и находится въ интимныхъ отношеніяхъ со всѣми священниками. Но если они захотятъ прочить этого негодяя въ политическіе дѣятели, то, клянусь Богомъ, я покажу, что съ Кристофомъ Біорнгольтомъ шутить нельзя.

Старшій учитель былъ доволенъ. Ему удалось-таки высказаться и отвести душу. Онъ допилъ свою чашку и грузно откинулся въ вресло. Трубка его потухла и соскользнула на полъ, глаза посоловѣли, голова склонилась на бокъ, и нѣсколько минутъ спустя въ бесѣдѣ послышался легкій храпъ...

Кануть вышелъ изъ бесѣдки и поднялся въ галерею, на которой группами расположилось большинство пожилыхъ мужчинъ. Въ одной группѣ разсуждали о политикѣ, какъ о своего рода заразѣ, которой подвержена извѣстная доля общества; въ другой говорили о нуждѣ, царящей среди рабочаго сословія. Страндъ замѣтилъ, что это ничто иное какъ испытаніе; Фоннъ напомнилъ въ видѣ успокоенія, что вѣдь всѣ эти бѣдствія въ сущности испытываются въ теченіи такого короткаго срока, на что одинъ изъ оппозиціонныхъ собесѣдниковъ возражилъ, что тѣмъ, кто голодаетъ, этотъ срокъ, пожалуй, всетаки можетъ показаться слишкомъ долгимъ. Третья группа собралась вокругъ Стуба, который разсказывалъ исторію изъ морской жизни. Когда толстый дипломатъ замѣтилъ Канута, онъ подошелъ къ нему и шопотомъ сообщилъ, что его хлопоты въ пользу Маріи Ганзенъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ: Гамре наконецъ уступилъ; консулъ и Марія на будущей недѣлѣ втихомолку будутъ обвинены.

Кануть сталъ отыскивать Корнелію; онъ зналъ, что это

извѣстіе порадуетъ ее. Она сѣла въ саду, на скамейкѣ, возлѣ большой луговины. Онъ замѣтилъ ее еще издали и направился къ ней.

— Какъ это было хорошо со стороны Стуба, воскликнула она, когда Кануть рассказалъ ей про хлопоты капитана.—Я сейчасъ-же пойду благодарить его.

Она отправилась наверхъ, въ галерею.

Возвратившись къ Кануту, она сказала:

— Мнѣ приходится благодарить и васъ; Стубъ рассказываетъ, что и вы принимали участіе въ заговорѣ, какъ онъ выразился.

Они сѣли на скамью. На луговинѣ началась игра, душою которой были Петръ и Ганна. Кануть слѣдилъ за ними. Въ этотъ вечеръ съ Ганной произошло что-то особенное. Вся ея фигура окружена была теплымъ сіяніемъ, блескомъ радости и счастья. Казалось, какъ будто на этихъ свѣжихъ губахъ дрожали, готовые сорваться, нѣжныя слова любви; гордый, радостный взглядъ, тихій смѣхъ, веселые крики, которые вырвались у нея, когда въ игрѣ побѣждалось какое-нибудь затрудненіе,—все, что она говорила или дѣлала, вся ея здоровая, гибкая фигура, ликуя, выдавала ея тайну: «Я знаю, что есть на свѣтѣ человѣкъ, для котораго я все,—благоуханіе цвѣтовъ, музыка, свѣтъ и теплота, счастье и прелесть жизни. Вечеръ такъ чудно тепелъ, такъ полонъ благоуханія и розоваго свѣта, въ воздухѣ носится любовь, любовь, и я любима, любима; я это чувствую и такъ, такъ счастлива».

— Какъ хороша сегодня ваша подруга, замѣтилъ Кануть.

— Ганна? Да.

— Невольно радуешься, когда видишь такихъ людей, какъ она и Петръ, продолжалъ онъ. — Они невольно заставляютъ вѣрить въ счастье. Если его нѣтъ тамъ, гдѣ встрѣчаются такіе два человѣка, то, значить, и вообще нѣтъ на свѣтѣ того великаго, истиннаго счастья, которое примѣряетъ человѣка съ тѣмъ, что онъ родился.

— А развѣ мы имѣемъ право быть недовольными тѣмъ, что родились?

— Виноваты-ли мы въ своемъ рожденіи?

— Нѣтъ, но вѣдь въ писаніи...

— А развѣ это доказательство?

— Нѣтъ... можетъ быть. По крайней мѣрѣ, мнѣ часто такъ казалось...

Она теперь была поглощена стараніемъ сплести двѣ соломки, которыя вертѣла въ рукахъ. Ей видимо хотѣлось что-то сказать, но въ рѣшительный моментъ слова не сходили съ языка. Наконецъ, она сдѣлала надъ собою усиліе и сказала:

— Мнѣ кажется, вы были правы относительно того, что говорили мнѣ, когда, помните, мы вмѣстѣ шли домой отъ Маріи Ганзенъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы не часто находите, что я въ чемъ-нибудь правъ.

— Да, сказала она и пристально посмотрѣла ему въ глаза.

Онъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ и воскликнулъ:

— Но скажите мнѣ, ради Бога, почему вы вдругъ смотрите на меня такимъ убійственнымъ, презрительнымъ взглядомъ? Развѣ вы что-нибудь знаете про меня, что-бы вамъ давало на это право?

Она вся вспыхнула и закусилла губу; грудь порывисто поднималась и опускалась. Тѣмъ не менѣе она продолжала гордо смотрѣть ему въ глаза и, пересиливъ первое волненіе, наконецъ отвѣтила:

— Отчего вы со мной говорите совсѣмъ не такъ, какъ съ другими? Вотъ хотя-бы теперь, напримѣръ, когда Страндъ и остальные издѣвались надъ всѣмъ, что вамъ кажется справедливымъ и истиннымъ. Зачѣмъ вы гнете передъ ними спину и улыбаются имъ, когда въ глубинѣ души вы ихъ презираете? Вы говорили мнѣ,—да, вы это повторяли не разъ,—что воспитываясь среди всѣхъ этихъ предразсудковъ, мы становимся нравственными уродами, а между тѣмъ вѣдь вы не боретесь противъ нихъ? Вы думаете, что тысячи людей терпятъ отъ несправедливости и не осмѣливаетесь вступиться хотя-бы за одного изъ нихъ!

Кануть былъ такъ пораженъ этой тирадой, что не сразу могъ отвѣтить.—Что я слышу? сказалъ онъ наконецъ.—Вѣдь вы почти проповѣдуете возмущеніе!

— Да, въ тысячу разъ лучше быть сторонникомъ открытаго возмущенія, чѣмъ человѣкомъ, который умѣетъ только кланяться и улыбаться.

— Но развѣ мы не обязаны вѣрить, что все въ мірѣ ведетъ ко благу, и смиренно подчиниться судьбѣ?

— Я не признаю такого смиренія.

— Да и я тоже, повѣрьте. Но вы положительно неправы, обвиняя меня въ трусости. Я только разочарованъ и безсиленъ. Я уже говорилъ вамъ — почему. И повѣрьте, будь вы на моемъ мѣстѣ, вы такъ-же пришли-бы въ отчаяніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вы понимали-бы, что наша домашняя ничтожная грызня, которая ни на волосъ не приближаетъ къ разрѣшенію великихъ вопросовъ, должна интересовать меня менѣе всего на свѣтѣ. Боже мой, да откуда-же взять терпѣнія, чтобы препираться съ нашими доморощенными мудрецами о вопросахъ, рѣшенныхъ уже десятки лѣтъ тому назадъ, въ то время, какъ на горизонтѣ все чернѣе надвигается зловѣщая мировая гроза? Вѣрьте мнѣ, — здѣсь ничего не подѣлаешь словами. Участь наша фатальна: наша родина такая безмятежная страна, въ которой всѣ отжившія свой вѣкъ идеи постепенно умираютъ медленной «соломенной смертью» *).

— Всего этого я не понимаю, продолжала она съ возрастающимъ волненіемъ. — Я знаю только одно, — что на вашемъ мѣстѣ не стала-бы кланяться и улыбаться и не сидѣла-бы сложа руки. Какъ вы, съ вашими убѣжденіями, можете выносить такое бездѣйствіе? — Да если-бы я даже знала напередъ, что мои сегодняшнія слова и дѣйствія завтра-же будутъ забыты, я все таки стала-бы кричать и работать до изнеможенія. Если-бы я даже отчаялась въ возможности пересоздать весь міръ и помочь милліонамъ страдающихъ людей, я все таки боролась-бы до послѣдняго издыханія, чтобы искоренить хоть одинъ предрассудокъ, видоизмѣнить хоть одно несправедливое условіе, спасти хоть одного нуждающагося въ помощи. Я умерла-бы отъ стыда, тоски и горя, если бы не сдѣлала этого. Кто спрашиваетъ: въ чемъ я могу помочь? — тотъ не желаетъ помочь.

Рѣчь ея лилась неудержимымъ потокомъ; она кидала ему въ лицо самыя оскорбительныя слова; ея голосъ готовъ былъ оборваться; взоръ ея пылалъ и, казалось, обвинялъ его еще

*) Умереть «соломенной смертью» значило у древнихъ скандинавовъ умереть отъ старости или болѣзни, въ постели или на скамьѣ, въ отличіе отъ славной «боевой смерти», на полѣ брани.

сильнѣе, чѣмъ слова. Никогда еще не приходилось встрѣчать Кануту такой пламенной любви къ истинѣ. Онъ, правда, догадывался, что въ этой дѣвушкѣ скрывается независимая, искренняя натура; но такого огня, такой смѣлости онъ въ ней не подозрѣвалъ.

Онъ до того былъ пораженъ, что и не думалъ отвѣчать. Молодые люди перестали играть и рассыпались по парку. Ганна замѣтила Корнелию, быстро подбѣжала къ ней, обняла ее за талю и увлекла за собою на одну изъ садовыхъ дорожекъ.

Начинало темнѣть. Въ домѣ стали зажигать свѣчи. Нѣкоторыя окна были растворены. Слышался звонъ стакановъ и чашекъ. Слуги разносили пуншъ, лимонадъ и чай. Въ одной изъ комнатъ играли въ карты; изъ другой доносились звуки громкаго разговора; голосъ Біорнгольта покрывалъ всѣ остальные голоса. Въ галлерей мерцало нѣсколько огненныхъ точекъ; здѣсь сидѣли и курили нѣкоторые изъ мужчинъ.

Кануть долго просидѣлъ на томъ-же мѣстѣ. Онъ не столько думалъ о томъ, что говорила Корнелия, сколько о ней самой. До сихъ поръ онъ видѣлъ ее всегда точно въ какомъ-то полусвѣтѣ, въ которомъ фигура ея обрисовывалась неясно; она занимала и привлекала его и онъ часто пытался составить себѣ о ней болѣе опредѣленное представленіе. А теперь она вдругъ стояла передъ нимъ, озаренная яркимъ, рѣзкимъ свѣтомъ, но не ослѣпительная, не чарующая, а ясная, правдивая и отзывчивая.

Начался фейерверкъ. На луговинѣ, то тамъ, то здѣсь, съ трескомъ и шипѣніемъ вспыхивали огни. Фигуры людей, собравшихся вокругъ луга, вырѣзывались на темномъ фонѣ, залитомъ багровымъ свѣтомъ. Вотъ, шипя, поднялся въ воздухѣ огненный столбъ; вѣтви нѣсколькихъ деревьевъ и верхняя часть крыши дома на мгновеніе ярко освѣтились и снова исчезли; ракеты описывали на верху небольшую дугу и рассыпались искрами. Синія и красныя звѣзды римскихъ свѣчъ плавно взлетали на воздухъ и потухали съ тихимъ вздохомъ. Вотъ зажужжало колесо и окружающіе кусты освѣтились синимъ, краснымъ или зеленымъ свѣтомъ; затѣмъ все снова погрузилося въ глубокой мракъ. Празднество было кончено. Гости начали прощаться; къ дверямъ стали подъѣзжать экипажи.

Телѣжка Бранта покатилаcь домой. Петръ правилъ ло-

шадьми. Онъ зналъ маленькихъ лошадокъ и припустилъ ихъ лихою рысью. Онѣ долго ждали и рады были пробѣжаться. Когда дорога поднималась въ гору, онѣ почти совершенно распластывались и какъ когти вбивали въ землю свои копыта. Поднявшись на вершину пригорка, онѣ не отдыхали, а немедленно во весь духъ, закусивъ удила, неслись дальше, катясь по дорогѣ, какъ шары.

Всѣ молчали; не слышно было ничего, кромѣ стука копытъ, фырканья лошадей и скрипа колесъ.

Когда экипажъ подъѣзжалъ къ дому Бранта, стало разсвѣтать. Старики пошли спать, а молодежь рѣшила дожидаться восхода солнца и расположилась на кучѣ досокъ, лежавшихъ возлѣ амбара и распространявшихъ вокругъ себя запахъ свѣжаго дерева. Когда, наконецъ, на востокѣ изъ-за горъ прокрались первые солнечные лучи, рѣшено было погулять еще немного по дорогѣ. Давъ отойти Петру и Ганнѣ, Кануть сказалъ Корнели:

— Мнѣ приходится сознаться, что вы правы. Я утѣшался тѣмъ, что прежде имѣлъ благіе порывы и не замѣчалъ, что въ сущности разыгрываю фальшивую роль и передъ собою и передъ другими. У меня вдругъ ослѣпъ тотъ глазъ, которымъ человекъ видитъ самого себя. Вы произвели маленькую операцію, которая была необходима, чтобы снова сдѣлать меня зрячимъ. Благодарю васъ...

Она слегка покраснѣла, но ничего не сказала. Другая пара подошла къ нимъ, и всѣ пожелали другъ другу спокойной ночи.

Когда Кануть и Петръ вошли въ свою комнату, послѣдній отворилъ окно и облокотился на подоконникъ. Лучи утренняго солнца били ему прямо въ лицо; онъ улыбался какою-то особенною, тихою, блаженною улыбкою. Онъ мысленно еще разъ переживалъ счастье первой встрѣчи, чувствовалъ первый поцѣлуй на губахъ, мягкую руку, обвивавшую его шею, слышалъ первое, нерѣшительное «ты».

Вдругъ онъ вскочилъ и бросился Кануту на шею.

— Ну, полно, полно! сказалъ Кануть.— Поздравляю тебя, избранныкъ счастья!

Петръ отпустилъ его и засмѣялся. Затѣмъ онъ началъ ходить по комнатѣ, размахивая по воздуху руками, снова подошелъ къ Кануту, схватилъ его за плечи и принялся трясти:

наконецъ сълъ и спокойнымъ голосомъ сказалъ: — «Это просто непостижимо!»

Онъ опять подошелъ къ окну.

— Я не могу спать, сказалъ онъ; — лучше я пойду прогуляться... или, знаешь что? Не хочешь-ли прокатиться въ лодкѣ?

— Съ удовольствіемъ! воскликнулъ Кануть и взялъ свою шляпу.

Они пустились къ лодочному сараю по мокрой травѣ, среди которой шаги ихъ оставляли за собою легкую борозду. Слабый вѣтерокъ, дувшій къ берегу, доносилъ до самой деревни запахъ смолы и морской воды.

Усѣвшись въ лодку, они поплыли внизъ по маленькой свѣтлой рѣчкѣ, которая то быстро катила свои мелкія, журчація волны, то совершенно останавливалась, завернувши въ тихую бухту, ласкала береговой кустарникъ, жадно свѣсившій свои вѣтви къ водѣ, и погружалась въ глубокія думы, то снова сбѣжала впередъ, избородивъ свою поверхность длинными, блестящими, сѣрыми складками, только и мечтая о томъ, чтобы поскорѣе добраться до моря и рассказать ему про всѣ свои приключенія по дорогѣ изъ горнаго озера до теплой, благоухающей долины.

Въ заливѣ они подняли парусъ и стали лавировать. Скоро они уже плыли въ открытомъ морѣ, плавно покачиваясь на широкихъ волнахъ. На западѣ тянулась низкая стѣна сѣрыхъ облаковъ. Кое-гдѣ въ ней виднѣлось небольшое отверстіе, которое блестяло, какъ слабо освѣщенное окно.

Съ юга приближалось какое-то судно, которое прошло возлѣ самой шлюбки. На палубѣ не видно было никого, кромѣ лоцмана, рулевого и вахтеннаго матроса. Въ сѣромъ неподвижномъ воздухѣ все было тихо. Море волновалось безъ шума. Судно сонно скользило вдоль пустыннаго берега. Вдругъ послышалось пѣніе; звуки доносились съ палубы корабля, — вѣроятно изъ-за каютной будки. Это была какая-то иноземная пѣсня, которая пѣлась протяжнымъ, тянущимъ за душу тономъ, свойственнымъ базарнымъ пѣвцамъ и пѣвицамъ.

Кануть приподнялся съ своего мѣста. Онъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ и почти со страхомъ поглядывалъ на палубу корабля. Плавно раскачиваясь, онъ подвигался впередъ

и наконецъ очутился на довольно близкомъ разстояніи отъ лодки.

— Повернемъ, Петръ, сказалъ Кануть.

Петръ измѣнилъ курсъ. Кануть молча сидѣлъ и дрожалъ.

— Свѣжо, замѣтилъ Петръ, и застегнулъ сюртукъ.

Но Кануть дрожалъ не отъ свѣжаго утренняго воздуха. Его встревожила раздавшаяся на палубѣ пѣсня. Онъ зналъ ее такъ хорошо! Она пробуждала въ немъ воспоминанія, отъ котораго всё поднявшіяся въ немъ радостныя чувства замерли и опустынились, какъ взмокшій парусъ во время штиля.

Въ періодъ своего отчаяннаго бѣгства изъ цивилизованнаго общества, онъ нѣкоторое время странствовалъ по южно-американскимъ пампасамъ, среди гаучосовъ и краснокожихъ. Онъ пытался забыться, предаваясь богатой приключеніями охотѣ въ этихъ непредѣльныхъ, пустынныхъ степяхъ. Во время одной изъ такихъ экспедицій онъ однажды вечеромъ набрелъ на эстанцію, принадлежавшую норвежскому выходцу, который сначала пыталъ свое счастье въ Сѣверной Америкѣ, былъ пионеромъ, потомъ золотойскатемъ и наконецъ высадился со своею двѣнадцатилѣтнею дочерью на берегахъ Ла-Платы. Кануть былъ принятъ очень радушно и прожилъ тамъ нѣсколько недѣль. Вѣдь для него было безразлично, гдѣ-бы ни жить; онъ искалъ только забвенія и не заботился о томъ, куда его выкинутъ волны житейскаго моря. Съ дочерью онъ скакалъ по степи на полудикихъ лошадяхъ, съ отцомъ ходилъ на охоту. Въ этой дикой, необузданной жизни была своеобразная прелесть, которая на время заставила его забывать свои горькія думы. Эта дѣвушка, съ смѣлыми, огненными глазами, беспокойная и пылкая, какъ метиска, приобрѣла надъ нимъ извѣстное вліяніе; смуглая, необузданная дикарка была для него чѣмъ-то новымъ, еще неизвѣданнымъ. Онъ не сопротивлялся, отдаваясь всёму этимъ новымъ впечатлѣніямъ, и однажды вечеромъ, когда они сидѣли на порогѣ эстанціи, глядя на безконечную равнину, освѣщенную заходившимъ солнцемъ, ея смуглая горячая щека вдругъ прильнула къ его щекѣ. Въ этотъ вечеръ они заключили союзъ, въ которомъ онъ позднѣе такъ горько раскаялся.

На слѣдующій день онъ уже ускакалъ за десятки миль; отвращеніе къ этой женщинѣ, которая сама отдалась ему, внезапно овладѣло имъ и заставило его бѣжать отъ нея. Но по-

томъ онъ опять вернулся, и женщина, которую онъ никогда не любилъ, должна была сдѣлаться его женой. Съ погибелью парохода, на которомъ она ѣхала въ Европу, окончился и его пампасскій романъ. Но романъ этотъ оставилъ въ душѣ его осадокъ, отъ котораго онъ не въ силахъ былъ отдѣлаться, и никогда еще, никогда воспоминаніе объ этомъ эпизодѣ не вызывало въ немъ такого жгучаго чувства стыда и горя, какъ теперь, когда жизнь его въ первый разъ освѣтилась новыми надеждами. Онъ самъ казался себѣ оскверненнымъ, зачумленнымъ; съ радостью обошелъ-бы онъ, какъ кающійся грѣшникъ, весь міръ, претерпѣвая оскорбленія и насмѣшки, если-бы могъ такимъ подвигомъ изгладить свою вину, если-бы могъ смыть слѣды тѣхъ поцѣлуевъ, которыми они обмѣнялись.— «О, зачѣмъ воспитаніе не дѣлаетъ насъ тѣмъ, чѣмъ мы могли бы быть,—простыми работниками, которымъ жизнь ничего не сулитъ впереди?», невольно думалъ онъ теперь.— «Зачѣмъ прививаются намъ надежды, которымъ суждено разбиться, зачѣмъ окутываютъ насъ всѣми этими иллюзіями, которыя угрожаютъ намъ отчаяніемъ, безуміемъ или нравственнымъ паденіемъ, лишь только мы начинаемъ сознательно относиться къ жизни и честно мыслить?»

Долго ѣхали они молча. Вдругъ Петръ воскликнулъ:

— Кануть, знаешь что?—тебѣ-бы слѣдовало обручиться.

При этомъ неожиданномъ восклицаніи Кануть невольно вздрогнулъ, но сейчасъ-же овладѣлъ собою и шутивымъ тономъ сказалъ:

— Ты влюбленъ и желалъ-бы ошастливить все человѣчество, Петръ.

— Тебѣ-бы слѣдовало обручиться съ Корнеліей Вигъ.

Кануть чувствовалъ, какъ въ груди его разлилась какая-то теплая струя. Рѣшительное слово было произнесено. Онъ вѣдъ и самъ зналъ, что любить ее, и все-таки ему казалось, что это чувство стало полною, жгучею дѣйствительностью только въ то мгновеніе, когда Петръ заговорилъ о немъ.

Кануть ничего не отвѣтилъ. Молча возвратились они домой.

Когда они опять очутились наверху, въ спальнѣ, Кануть принялся укладывать свой чемоданъ.

— Что ты дѣлаешь? Что это значитъ? спросилъ Петръ.

— Я уѣзжаю, отвѣтилъ Кануть.

— Кануть, послушай... Ты хочешь уѣзжать?!... Теперь, сейчас-же?.. Ни съ кѣмъ не простившись?!

— Да, это необходимо. Поклонись отъ меня хозяевамъ. Мнѣ жилось здѣсь хорошо, очень хорошо.

Петръ попытался сдѣлать еще нѣсколько возраженій, но Кануть не слушалъ его. Окончивъ укладку, онъ взялъ шляпу и протянулъ Петру руку.

— Прощай Петръ!—Онъ на минуту остановился, какъ будто раздумывая о чемъ-то. — Кланяйся... кланяйся... твоей невѣстѣ!

Онъ вышелъ и сталъ спускаться по направленію къ парходной пристани. Было уже совсѣмъ свѣтло, но всѣ еще спали; проснувшійся день одиноко стоялъ надъ сонной землей. Кануть шелъ быстро и не оглядывался; онъ боялся, какъ-бы что-нибудь не поколебало принятаго имъ рѣшенія. Только съ палубы парохода онъ рѣшился наконецъ взглянуть на спящую деревню, гдѣ ему такъ хорошо жилось и откуда его гнали теперь призраки прошлаго.

VIII.

На слѣдующій день,—дѣло было въ воскресенье,—Кануть сидѣлъ въ своей комнатѣ, въ «зѣмкѣ», и смотрѣлъ на разстланныя подъ нимъ крыши. Отсюда не было широкаго вида на море и лѣса, какъ изъ дома Бранта. Внизу виднѣлись тѣсные вонючіе дворики и закоулки, гдѣ въ переполнявшей канавы грязной жидкости, подернутой металлически-блестящею пленкою, плескались и щебетали всякія домашнія птицы. Кое-гдѣ, между домами, въ маленькихъ пыльныхъ садикахъ, какіе-то люди сидѣли и пили кофе. Улицы словно вымерли; только изрѣдка по тротуарамъ плелись запоздавшіе пѣшеходы, отправлявшіеся въ церковь. Сегодня городъ казался ему болѣе унылымъ, чѣмъ обыкновенно.

Онъ вышелъ изъ дома и отправился за городъ. Онъ шелъ мимо дома Вика, мимо маленькой угловой комнаты, передъ окномъ которой такъ часто сидѣла и читала Корнелія, опершись подбородкомъ на ладонь, мимо сада, изъ котораго доносилось до него благоуханіе розъ и гвоздики. Онъ зналъ, что здѣсь она обыкновенно гуляла по вечерамъ, и ему казалось, что онъ даже знаетъ, какія мысли занимали ее на этихъ одинокихъ прогулкахъ. Она думала обо всемъ, чего намъ не слѣ-

дѣлать, объ искушеніяхъ, удаляющихъ насъ отъ вѣчной жизни, къ которой ведутъ только вѣра и покорность. Великая всемірная работа мышленія и изслѣдованія, всѣ сомнѣнія, поиски, битвы, которыми созидалось наше общество, не существовали для этой тихой, безмятежной дѣвушки. Она знала только, что когда-то люди утратили истину и бредутъ теперь по длинной жизненной дорогѣ, гонимые проклятіемъ, подъ тяжестью котораго тысячи сбиваются съ пути и падаютъ въ бездну. Когда-то и онъ самъ думалъ точно такъ-же, считалъ себя и небольшое число другихъ людей избранниками, отмѣченными самимъ Богомъ, а на миллионы остальныхъ людей смотрѣлъ какъ на отверженныхъ, которые все болѣе углубляются во мракъ. Какъ проста, пріятна и безмятежна была такая жизнь! Не было мучительнаго вопроса: гдѣ истина? Не было ужаснаго предвѣдѣнія неумолимаго естественнаго закона! Не было страха передъ этимъ загадочнымъ ликомъ природы, который такъ безстрастно взираетъ на всѣ наши страданія и горести! Не было отчаянія при мысли о чудовищной несправедливости въ людскихъ отношеніяхъ!... Тихое самосозерцаніе, тихая бесѣда съ Богомъ, милосерднымъ другомъ кающагося грѣшника, отрадные, примиряющіе часы молитвы въ обществѣ другихъ вѣрующихъ, въ церкви или подъ мирнымъ домашнимъ кровомъ,— такова была жизнь, о которой она напомнила ему.

Онъ вернулся въ городъ и проходилъ мимо церкви. Въ это время колоколъ возвѣщалъ начало службы. Кануть вошелъ вмѣстѣ съ толпою. Страндъ говорилъ проповѣдь. Онъ говорилъ о любвеобиліи Бога. Чѣмъ только не обязаны мы Ему, давшему намъ жизнь, пищу, одежду, всѣ мірскія блага?...

Кануть невольно вспомнилъ, какъ тотъ-же Страндъ, раскрасѣвшись отъ вина и плотнаго ужина на праздникѣ у Гамре, тѣмъ-же самымъ тономъ благодарилъ хозяина «за обильную трапезу, за всѣ эти божьи дары...»

Онъ окинулъ взглядомъ церковь. Впереди всѣхъ сидѣли въ своихъ ложахъ зажиточные гражданае; за ними стояла большая толпа, среди которой было много исхудалыхъ, обезсилѣвшихъ, посѣрѣвшихъ отъ голода и болѣзней.

...— И тѣмъ не менѣе, продолжалъ Страндъ, — несмотря на все это, есть люди, которые ропщутъ и питаютъ преступныя мысли противъ Бога и тѣхъ, кого Онъ щедрѣе надѣлялъ мірскими благами...

Кануть вспомнил о словах Корнелии: — «Что-же намъ говорить бѣднымъ, больнымъ и огорченнымъ?» Онъ не умѣлъ отвѣтить на этотъ вопросъ и только чувствовалъ, что во всякомъ случаѣ не слѣдовало говорить того, что сказалъ Страндъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознавалъ, что позорно и преступно вести ту вялую, безучастную жизнь, которую онъ велъ теперь уже столько времени, не дѣлая ни малѣйшей попытки хотя немного смягчить, по крайней мѣрѣ въ узкомъ кружкѣ, ужасную, жестокую борьбу за существованіе.

Выйдя изъ церкви, онъ спустился къ гавани. Море, ясное и подернутое слабымъ золотистымъ блескомъ, катило свои волны по направленію къ берегу. Странное дѣло, — окружающая мѣстность уже не казалась ему такою безнадежно-бесплодною. Ему уже не представлялось до такой степени невозможнымъ, чтобы заря болѣе свободной духовной жизни занялась и надъ этими берегами, на которыхъ такъ тѣсно и дружно сложилась семейная жизнь. Мысль, что и отсюда можно содѣйствовать великой всемірной работѣ, борясь за свободу и истину, казалось ему уже не такою фантастически-безумною, какъ прежде. Но въ то-же время онъ вспомнилъ, что вѣдь теперь поле его дѣятельности уже не здѣсь, и ему стало очень больно при мысли, что необходимо уѣзжать. Онъ не могъ жить такъ близко отъ любимой дѣвушки и проходить мимо нея, какъ ни чужой; онъ чувствовалъ, что на это у него не хватаетъ силъ.

Онъ отправился домой. Отца онъ засталъ въ гостиной. Гольтъ казался разстроеннымъ и мало говорилъ. Когда они напились кофе и сидѣли за столомъ — отецъ съ трубкою, а сынъ съ сигарою во рту, — Кануть сказалъ:

— Отецъ... я долженъ уѣхать.

Гольтъ вынулъ изъ рта трубку и смотрѣлъ на сына, какъ будто не вполне понимая его слова.

— Уѣхать? повторилъ онъ медленно и нетвердымъ голосомъ. — Уѣхать? Куда? Что ты этимъ хочешь сказать?

— Я хочу этимъ сказать, что долженъ опять покинуть Норвегію.

Гольтъ отложилъ, въ сторону трубку и всталъ. Сдѣлавъ нѣсколько нетвердыхъ шаговъ, онъ остановился и, патаясь, схватился своими худыми морщинистыми руками за спинку стула.

Сынъ бросился къ нему.

— Отецъ, что съ тобою? Ты нездоровъ?..

— Я... я... страдаю по временамъ головокруженіями... Ночная работа мнѣ уже не по силамъ... а вчера я всю ночь просидѣлъ за конторкою... Я лучше лягу въ постель, прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія и вышелъ изъ комнаты.

Кануть посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Онъ не предполагалъ, что извѣстіе объ его отъѣздѣ такъ сильно подѣйствуетъ на старика. Этотъ ужасъ, это безусловное горе выражали не обманутое честолюбіе; это былъ голосъ отцовскаго сердца, которое вскрикнуло отъ боли при мысли о разлукѣ. Кануть былъ глубоко потрясенъ. Онъ почувствовалъ, что въ сущности никогда не вѣрилъ въ любовь отца и поэтому самъ держалъ себя съ нимъ холодно.

Теперь ему въ первый разъ представился вопросъ,—можетъ-ли онъ уѣхать, имѣетъ-ли право покинуть старика, чтобъ избавить себя отъ тяжкой необходимости жить такъ близко отъ Корнеліи и не быть въ состояніи приблизиться къ ней.

Онъ поднялся въ комнату отца. Старикъ сидѣлъ передъ своею конторкою, опершись подбородкомъ на ладонь.

Увидѣвъ Канута, онъ вскочилъ и воскликнулъ:

— Кануть, если ты уѣзжаешь, то я ѣду съ тобою.

— Ты, отецъ? Ты хочешь оставить свои торговья дѣла, продать свои фабрики?..

— Пускай все сгніетъ и развалится,—и дома, и амбары, и корабли!.. Чортъ-бы побралъ весь этотъ хламъ!

— Нѣтъ, отецъ, тебѣ не зачѣмъ рѣшаться на это. Я раздумалъ и пришелъ тебѣ сказать, что остаюсь.

Гольтъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на сына; онъ не смѣлъ вѣрить его словамъ; онъ долженъ былъ услышать это извѣстіе еще разъ и получить хоть какое-нибудь объясненіе.

— Я не могу тебѣ сказать, что меня привело къ рѣшенію уѣхать; но, во всякомъ случаѣ, теперь я перемѣнилъ это рѣшеніе,—я остаюсь.

Гольтъ, казалось, хотѣлъ прочесть въ глубинѣ души сына самыя затаенныя мысли его. Ему такъ хотѣлось открыть ту враждебную силу, которая грозила снова похитить у него сына; онъ желалъ отыскать ее, чтобы бороться съ нею на жизнь и смерть, если-бъ она вздумала опять появиться когда-нибудь.

Тѣмъ не менѣе онъ только сказалъ: — «Спасибо, Кануть, спасибо!» и крѣпко пожалъ руку сына.

Кануть чувствовалъ потребность сказать отцу что-нибудь ласковое, нѣжное, но не былъ въ состояніи сдѣлать это.

Нѣсколько времени они просидѣли молча. Наконецъ Кануть сказалъ:

— Но если я останусь дома, то придется подумать о какомъ-нибудь полезномъ занятіи.

Гольтъ вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Къ торговому дѣлу, ты знаешь, у меня нѣтъ никакой охоты; но не могу-ли я помогать тебѣ на фабрикахъ?

— Конечно, конечно, отвѣтили Гольтъ, разсѣянно глядя въ пространство и какъ будто думая о другомъ.

— Кромѣ того, я могъ-бы подавать врачебную помощь твоимъ рабочимъ.

Гольтъ какъ-то печально взглянулъ на сына. Неужели-же, въ самомъ дѣлѣ, приходилось отказаться отъ борьбы и начать жить вмѣстѣ съ сыномъ мирною, безмятежною жизнью? Въ это мгновеніе ему казалось, что если-бы все, чего онъ добивался и достигъ въ теченіе долгихъ лѣтъ, внезапно исчезло безъ слѣда, то онъ перенесъ-бы это безъ вздоха сожалѣнія, лишь-бы у него остался сынъ.

— Потому я думалъ выступить кандидатомъ на выборахъ, продолжалъ Кануть.

Глаза Гольта внезапно широко раскрылись; вялое лицо его оживилось; онъ выпрямился и весь подался впередъ, какъ будто собирался вскочить. Онъ мгновенно почувствовалъ въ себѣ прежнюю упругость; въ немъ проснулся съ прежнею силой старый боевой инстинктъ. Неужели Кануть говорить серьезно? Онъ почти ни рѣшался спрашивать.

— Да неужели... неужели-же это правда?

— Да.

Гольтъ громко, весело засмѣялся. — «Наконецъ-то!» воскликнулъ онъ и въ эту минуту почувствовалъ, что не такъ-то легко-бы было отказаться отъ того, за что онъ столько лѣтъ боролся и ради чего нерѣдко рисковалъ рѣшительно всѣмъ.

Нѣсколько времени они еще просидѣли вмѣстѣ, продолжая разговаривать. У Канута все время вертѣлся на языкѣ вопросъ, который онъ не рѣшался выговорить. Въ боевой жизни отца было нѣсколько темныхъ точекъ, относительно

которыхъ онъ желалъ-бы теперь получить разъясненіе, нѣсколько загадокъ въ его поведеніи, которыя ему хотѣлось-бы разрѣшить. Но и съ нимъ случилось то-же, что съ отцомъ, когда тотъ желалъ разгадать горе сына, — онъ вдругъ почувствовалъ, что имѣетъ дѣло съ чужимъ человѣкомъ.

Кануть сидѣлъ опять наверху въ своей комнатѣ. Теперь, стало быть, дѣло было рѣшено; онъ останется и, быть можетъ, опять приметъ участіе въ повседневной борьбѣ. Теперь, когда рѣшеніе было принято, имъ невольно овладѣло при этой мысли чувство тихой радости. Онъ былъ въ необыкновенно мягкомъ настроеніи. Что-то теплое, нѣжное шевелилось въ его душѣ; онъ сидѣлъ и грезилъ съ открытыми глазами. Онъ былъ опять въ деревнѣ; отдѣльныя слова, которыя она говорила, звучали въ его ушахъ, два теплыхъ глаза смотрѣли на него, двѣ нѣжныя губы улыбались ему; онъ чувствовалъ запахъ морского воздуха и цвѣтовъ, видѣлъ лодки съ вздутыми парусами, свѣтлыя рощи и залитыя солнцемъ горы.

Онъ съ усиліемъ оторвался отъ своихъ грезъ. Онъ рѣшился остаться и, вмѣстѣ съ тѣмъ, далъ себѣ обѣтъ: онъ расскажетъ ей все; она узнаетъ все его прошлое до малѣйшей слядаки и если, послѣ этого, потребуетъ, чтобъ онъ избѣгалъ ея, то онъ слѣпо будетъ повиноваться ей и никогда уже не осмѣлится тревожить ее ни единымъ словомъ, ни единымъ взглядомъ...

.... Дѣло было нѣсколько недѣль спустя, въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Въ деревнѣ хлѣбъ былъ уже сложенъ въ скирды. Былъ ясный лунный вечеръ. Между скирдами, возлѣ дома Бранта, расхаживали Корнелія и Кануть. Они то появлялись на освѣщенной луною дорогѣ, то опять исчезали въ тѣни, за скирдами. На дорогѣ, ближе къ дому, стояли Ганна и Петръ. Они не говорили и съ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія другой пары.

Наконецъ они появились опять на дорогѣ. Корнелія, опередивъ своего спутника, поспѣшно прошла мимо Петра и Ганны и скрылась въ домѣ. Ганна медленно послѣдовала за нею; Петръ остался.

Нѣсколько минутъ спустя, оба пріятели пошли вмѣстѣ по направленію къ пароходной пристани. Петръ отъ времени до

времени посматривалъ на Канута такимъ взглядомъ, который доказывалъ, что сердце его билось съ напряженнымъ участіемъ. Когда они подошли къ набережной, Кануть, наконецъ, сказалъ, какъ-бы отвѣчая на нѣмой вопросъ друга:

— Этому не бывать.

Петръ опустилъ голову. Онъ не находилъ ни одного слова утѣшенія. Прежде чѣмъ разстаться, онъ спросилъ Канута, пріѣдетъ-ли онъ на его свадьбу, которую они намѣривались справлять въ скоромъ времени. Кануть отрицательно покачалъ головою.

— Я не долженъ встрѣчаться съ нею, сказалъ онъ. ●

...Корнелія прямо поднялась въ свою комнату. Она заперла за собою дверь и забилась въ уголъ, какъ будто боялась, чтобы кто-нибудь не увидѣлъ ея. Она желала только одного— найти гдѣ-нибудь такое потаенное, безмолвное какъ могила мѣстечко, въ которомъ-бы могла скрыть отъ міра себя и охватившее всю ея душу безграничное смущеніе. Она то дрожала отъ ледянаго внутренняго холода, то, наоборотъ, вся пылала, словно въ огнѣ. Въ головѣ ея съ быстротою вихря проносились вереница смутныхъ, перепутанныхъ мыслей. Она все еще слышала его голосъ; слова его, словно живыя существа, осаждали и тревожили ее, имъ вторила какая-то своеобразная унылая музыка, и все это вмѣстѣ создавало вокругъ нея невыносимую, жгучую атмосферу.

Когда они остались наединѣ, она предчувствовала, что случится, а когда онъ заговорилъ, все-таки смутилась и испугалась, какъ будто отъ угрожавшаго ей жизни взрыва. Она сама не знала, слышала-ли все, что онъ говорилъ, и не помнила, что ему отвѣчала. Первымъ ея чувствомъ было сознаніе какого-то причиненнаго ей несмываемаго позора, но это чувство вскорѣ было вытѣснено другимъ. *Онъ, онъ*, Кануть Гольтъ, этотъ до такой степени чуждый для нея человѣкъ, котораго она съ робостью слушала съ противоположнаго берега глубокой раздѣлявшей ихъ пропасти, онъ, котораго она считала представителемъ бурной, широкой жизни далекой чужбины, любить *ее*, надъ которою смѣялся, которою всегда считалъ такимъ безгранично-ничтожнымъ, мѣщанскимъ существомъ! Вѣдь это было все равно, какъ если-бъ онъ сказалъ ей: ты сама принадлежишь къ числу этихъ далекихъ, избранныхъ людей и только не даешь себѣ въ этомъ отчета! Развѣ не странно было уже

одно то, что именно ей пришлось стать къ нему въ такія тѣсныя отношенія, ежедневно видѣть его и говорить съ нимъ; что онъ повѣрялъ ей такія мысли, которыя считалъ нужнымъ скрывать отъ другихъ? Теперь-же оказывается, что онъ любитъ ее. Въ первое время она чувствовала себя униженною, какъ преступница, а теперь та-же самая мысль какъ будто возвышала ее въ собственныхъ глазахъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, пока въ душѣ ея боролись страхъ и гордость, въ памяти то и дѣло воскресали очертанія какого-то женскаго лица,—лица, которое было ей совершенно незнакомо и безпрестанно мѣнялось,—то блистало обольстительною красотою, то представлялось грубымъ и наглымъ со всѣми атрибутами порока. И она безпрестанно спрашивала себя: какова была эта женщина, которая слышала отъ него нѣжныя слова любви, которую онъ осыпалъ своими ласками? Неужели правда, что онъ никогда не любилъ ея?... Всѣми силами боролась она, силясь вытѣснить изъ мыслей этотъ неотвязный образъ, но онъ снова и снова возвращался, и каждый разъ при его появленіи она чувствовала глубокую згучую боль. Такъ сидѣла она въ своемъ углу и силилась отогнать отъ себя новыя впечатлѣнія, ворвавшіяся въ ея жизнь и нарушившія ея душевный миръ, а лунный свѣтъ тѣмъ временемъ, какъ будто отыскивая ее, крался внизъ по стѣнѣ, скользнулъ по полу, нашелъ ее, подвинулся дальше и, наконецъ, исчезъ, увидѣвъ все, что ему было нужно.

IX.

Въ городѣ распространился темный тревожный слухъ, грозившій чѣмъ-то ужаснымъ, неслыханнымъ. Поговаривали, будто между работниками Гамре началось опасное броженіе. Въ послѣднее время онъ опять разсчиталъ значительное число ихъ, а остальнымъ понизилъ заработную плату. Рабочіе грозили стачкой.

Нѣсколько дней прошло въ томительной неизвѣстности. Наконецъ, положеніе опредѣлилось и грянулъ взрывъ. Въ одно утро на улицахъ города появились толпы рабочихъ, стекавшіяся къ дому Гамре. Опасались серьезныхъ безпорядковъ, но опасенія эти не оправдались. Рабочіе нѣсколько разъ огласили воздухъ свистомъ, отпустили нѣсколько остротъ на счетъ проходившихъ по улицѣ мирныхъ промыш-

ленныхъ тузовъ и затѣмъ мирно разошлись по домамъ. Но вечеромъ они собрались въ танцевальной залѣ мадамъ Ольсенъ и здѣсь порѣшили, чтобы никто не принимался за работу, пока не будетъ повышена плата.

Никто не могъ понять, почему все это произошло. Вѣдь заработная плата такъ часто была понижается, рабочихъ столько разъ рассчитывали, а между тѣмъ о беспорядкахъ никогда не было и помину. Кто былъ зачинщикъ?—вотъ вопросъ, который обсуждался всюду. Ожидали разъясненій отъ «Официальной Газеты», но Біорнгольтъ хранилъ таинственное молчаніе. Впрочемъ, онъ не терялъ даромъ времени и втихомолку принялся за дѣло съ изумительною энергіею. Онъ казался вездѣсущимъ и рыскалъ по городу, какъ лягавая собака, потерявшая слѣдъ. Его видѣли на пристаняхъ, въ лавкахъ, въ конторахъ и погребахъ; но съ особеннымъ усердіемъ онъ посѣщалъ маленькія жилища рабочихъ въ отдаленныхъ частяхъ города. Его розыски еще не были окончены, когда произошло такое событіе, которое сразу навело его на вѣрный слѣдъ и побудило приготовиться къ рѣшительному удару.

По поводу предстоявшихъ выборовъ было назначено политическое собраніе. День этотъ приближался, и газеты были поставлены въ необходимость выставить своихъ кандидатовъ. Прежде всѣхъ выступила на поле битвы газета Гэйсена. Она предложила Ааге Сторма и Канута Гольта, называя послѣдняго «человѣкомъ будущаго». Біорнгольтъ подскочилъ, какъ резиновый мячъ, когда прочиталъ это заявленіе. Онъ ударилъ себя по лбу и воскликнулъ:—«Какой-же я, однако, осель! Разумѣется, это онъ! Но кому-бы, чортъ возьми, это могло придти въ голову? Онъ казался такимъ разочарованнымъ... Такъ все это была комедія! Но ужъ я за него примусь; въ этомъ онъ можетъ быть покоенъ.»

Сдѣлавъ еще небольшую экскурсію по новому слѣду, Біорнгольтъ приготовился къ бою. Онъ сѣлъ и написалъ длинную статью, столбцовъ въ пять.

Типографія «Официальной Газеты» помѣщалась въ одномъ изъ темныхъ уголковъ города, гдѣ царствовала величайшая нечистоплотность и водились самыя крупныя крысы. Бюро редакціи представляло собою мрачную трущобу, въ которой господствовалъ запахъ типографской краски, машиннаго масла и дешеваго табака. Мебель состояла изъ старой, выкрашенной въ коричне-

вую краску, конторки, на которой различные редакторы газеты такъ часто испытывали свои перочинные ножи, что почти нигдѣ уже не оставалось живого мѣста. Кромѣ того, она была покрыта цѣлою сѣтью высохшихъ чернильныхъ озеръ и рѣвъ. Нѣкоторые изъ нихъ были очевидно искусственнаго происхожденія; мѣстами видно было, что чей-то услужливый палецъ облегчалъ стокъ жидкости изъ переполненнаго озера черезъ край конторки. Передъ этимъ ветераномъ редакціи стояло кресло съ полинявшей зеленой обивкой, а кругомъ, вдоль стѣнъ, разставлены были деревянные стулья, на которыхъ громоздились кипы желто-бурыхъ газетъ. Подоконникъ былъ покрытъ паутиной, пустыми бутылками изъ-подъ чернилъ, негодными стальными перьями, отслужившими свою службу чубуками и табачною золою.

Однажды, въ послѣобѣденный часъ, когда Біорнгольтъ уже окончилъ свои приготовленія къ предстоявшей битвѣ, въ редакціонной комнатѣ собрались самъ редакторъ, Фоннъ и Вильдгагенъ. Біорнгольтъ сидѣлъ передъ конторкою, Фоннъ и Вильдгагенъ сняли съ двухъ деревянныхъ стульевъ пожелтѣвшія газеты, которыя лежали теперь на полу, завидуя счастливымъ обладателямъ ихъ излюбленныхъ мѣстъ. Біорнгольтъ былъ въ своемъ пальто, въ высокихъ сапогахъ и съ шляпою на головѣ. Въ одной рукѣ онъ держалъ огромный ключъ отъ наружной двери, которымъ онъ во время разговора отъ времени до времени ударялъ по столу, какъ-бы для того, чтобы придать словамъ своимъ больше энергіи. Передъ нимъ лежалъ въ непорочной чистотѣ только что отпечатанный номеръ газеты, имѣвшій выйти на слѣдующій день.

Біорнгольтъ читалъ двумъ своимъ посѣтителемъ свою пятистолбцовую статью. Вступленіе изображало тѣ идиллическіе порядки, которые царствовали въ городѣ въ прежнее время. Это было время добродѣтели и счастья; золотой вѣкъ, когда призванные управляли, а непризванные повиновались, богатые пользовались почетомъ, а бѣдняки утѣшали себя мыслью о счастливой жизни на томъ свѣтѣ. Теперь-же все измѣнилось и этимъ городъ обязанъ, какъ извѣстно, одному властолюбивому агитатору и его сыну, отъявленному революціонеру. Съ тѣхъ поръ, какъ вернулся послѣдній, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ практиковать между рабочими въ отдаленныхъ частяхъ города, начались избирательныя интриги и безпорядки

въ рабочей средѣ. Въ заключеніе всѣ аргументы сводились къ тому, что представляемое этимъ человѣкомъ направленіе подрываетъ религію и нравственность, вноситъ разложеніе въ семью, стремится къ систематическому ограбленію класса собственниковъ, — словомъ, разрушаетъ святѣйшія основы общества.

— Что вы скажете объ этой статьѣ? спросилъ Біорнгольтъ, ударяя ключемъ по конторкѣ.

— Она очень энергична, сказалъ Вильдгагенъ, искоса взглянувъ на Біорнгольта съ выраженіемъ зависти. «Онъ можетъ говорить все это, потому-что убѣжденъ, что ему повѣрять», подумалъ онъ.

— Мнѣ кажется, что это нѣсколько охладить энтузіазмъ, вызванный молодымъ Гольтомъ.

Фоннъ не могъ согласиться, чтобы всѣ обвиненія статьи противъ Канута были уже до такой степени доказательны, но въ концѣ концовъ то-же призналъ, что это, во всякомъ случаѣ, человѣкъ, который въ религіозныхъ вопросахъ не скрываетъ своего скептицизма и потому, благодаря одному этому, опасенъ.

— Что касается этой стороны его дѣятельности, то онъ совершенно въ моихъ рукахъ, воскликнулъ Біорнгольтъ. — Я собралъ и записалъ множество произнесенныхъ имъ возмутительныхъ сужденій; я прослѣдилъ его до самыхъ низменныхъ слоевъ городской черни. Какое счастье, что беспорядки начались передъ выборами; они несомнѣнно вызовутъ страхъ и реакцію. Дѣйствуйте, любезный пасторъ, настраивайте души людей въ пользу добраго дѣла. Страндъ колеблется. Онъ не рѣшается испортить своихъ отношеній съ рабочими. Но вы человѣкъ съ характеромъ, Фоннъ. А вы, Вильдгагенъ, при нашемъ вліяніи на рабочій классъ...

Вильдгагенъ возвелъ глаза къ небу.

— Да, если Господь ниспошлетъ мнѣ силу...

— Ниспошлетъ, не беспокойтесь, ниспошлетъ, если только захотите, нетерпѣливо прервалъ его Біорнгольтъ.

— Смѣю-ли спросить, началъ церковный староста, пристально оглядывая всѣ умы комнаты и какъ будто отыскивая что-то на полу, — смѣю-ли спросить, кого вы, съ Божьей помощью, думаете выставить кандидатами?

— Гамре и судью, разумѣется.

Вильдгагенъ и Фоннъ посмотрѣли другъ на друга. Біорнгольтъ замѣтилъ это и тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло.

— Впрочемъ, ради интересовъ общаго дѣла, я готовъ жертвовать всѣмъ, послѣшивъ онъ прибавить. — Вы, быть можетъ, думаете, что человѣкъ, представляющій интересы церкви...?

— Да, но кто-же по вашему можетъ явиться въ такой роли на выборахъ? спросилъ Вильдгагенъ.

— Разумѣется чиновникъ, сказалъ Біорнгольтъ.

Посѣтители снова обмѣнялись многозначительнымъ взглядомъ. Біорнгольтъ начиналъ беспокоиться.

— Можетъ быть, вы полагаете, что слѣдуетъ выставить церковнаго демократа? спросилъ онъ, покусывая бороду, и уже нѣсколько угрожающимъ тономъ. Вильдгагенъ молчалъ и опять принялся изслѣдовать полъ; но Фоннъ быстро отвѣтилъ:

— Да, это наше мнѣніе.

Біорнгольтъ съ сердцемъ ударилъ ключемъ по конторкѣ. Онъ всталъ, запыхтѣлъ, какъ китъ, и наконецъ грубо и отрывочно проговорилъ слѣдующее:

— Господа, мнѣ некогда! Желаю вамъ добраго вечера! На подобный споръ вы меня не поддѣнете!

Съ этими словами онъ схватилъ газету, сунулъ ее въ карманъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Собесѣдники его съ недоумѣніемъ посмотрѣли другъ на друга, покачали головою и медленно послѣдовали за нимъ.

На слѣдующій день «оффиціальная газета» со своею негодующею статьею облетѣла весь городъ и жадно поглощалась въ конторахъ, мелочныхъ лавкахъ, кухняхъ и гостинныхъ. Статья произвела громадное впечатлѣніе. Одни злородно смѣялись, другіе втихомолку радовались, третьи крестились. — «Никто не въ состояніи тягаться съ Біорнгольтомъ, говорили одни;—это человѣкъ необыкновеннаго ума». — «По дѣломъ Гольту, восклицали другіе;—онъ слишкомъ много о себѣ воображаетъ». — «Боже милосердый, какая наглость! твердили набожные люди;—этотъ человѣкъ сидѣлъ за нашимъ столомъ, говорилъ съ нашими дочерьми». — «Пускай себѣ дерутся», сказалъ таможенный служитель Виттъ, подкидывая дрова въ печку, топившуюся въ караульнѣ таможни и усаживаясь попокойнѣе въ свое кресло.

Страндъ говорилъ о статьѣ въ своихъ женскихъ собраніяхъ; Фоннъ бесѣдовалъ о ней на духовныхъ прогулкахъ, которыя онъ предпринималъ съ избранными членами своей паствы; Вильдгагенъ и Мадамъ Твэтъ обсуждали ее въ зажиточныхъ домахъ, причѣмъ потреблялось большое количество кофе и говорилось много назидательнаго.

Дебаты по поводу Канута Гольта проникли и въ домъ Вика. Нѣкоторыя изъ самыхъ уважаемыхъ дамъ города, то есть тѣ, которыя принадлежали къ самымъ жирнымъ «дамамъ», имѣли обыкновеніе являться къ Вику съ утренними визитами. При этомъ онѣ обсуждали послѣднія проповѣди священниковъ, послѣдніе обѣды, послѣднія свадьбы, банкротства и похороны, поглощая печенье, приготовленное искусными руками мамзель Викъ. Теперь онѣ говорили исключительно о Канутѣ и выкладывали насчетъ его личности неисчерпаемую массу новыхъ свѣдѣній. Одинъ молодой купецъ былъ «нравственно убѣжденъ», что видѣлъ его въ толпѣ во время какихъ-то народныхъ волненій на улицахъ Парижа. Другіе рассказывали, что онъ, между прочимъ, былъ золотоискателемъ, а потомъ поступилъ надсмотрщикомъ на плантацію, гдѣ работали невольники. Какой-то проѣзжій путешественникъ слышалъ, что онъ одновременно жилъ съ двумя женами. Что-же касается его поведенія въ городѣ, то существовали люди, которые прекрасно знали, почему онъ съ такимъ горячимъ участіемъ отнесся къ положенію Маріи Ганзенъ. Прежде обо всемъ этомъ не хотѣли говорить, чтобы не испортить молодому человѣку будущаго; но теперь, когда онъ начинаетъ волновать чернь, было-бы самоубійствомъ.. и т. д., и т. д.

Корнелія, которая послѣ свадьбы Петра и Ганны вмѣстѣ съ новобрачными вернулась въ городъ, молча сидѣла и слушала, съ удивленіемъ глядя на этихъ «серьезныхъ людей», которые всѣ говорили о немъ и радовались, что онъ наконецъ «разоблаченъ». А когда всѣ эти братья и сестры во Христѣ истожили наконецъ матеріалъ слуховъ и достаточно насладились всеобщимъ негодованіемъ, направленнымъ противъ Канута, они принимались вздыхать и сводили разговоръ на преслѣдованія, «которыя претерпѣваютъ истинныя дѣти небснаго Отца». Корнелія ни разу не слышала, чтобы кто-нибудь спросилъ, дѣйствительно-ли справедливы распространяемые слухи, не встрѣтила никого, кто-бы осмѣлился произнести хоть одню

великодушное, смѣлое слово въ защиту «актера». Неужели-же это были тѣ самые люди, которыхъ она привыкла считать небольшою, избранною группою, навлекавшею на себя преслѣдованія остального міра, благодаря тому, что ее одушевляли любовь и справедливость?

Возвратившись изъ деревни, Корнелія вела все время самую тихую, однообразную жизнь. Она большою частью сидѣла въ своей маленькой комнаткѣ съ выкрашенной въ голубую краску кроватью, съ бѣлыми одѣялами, со столикомъ, на которомъ помѣщались графинъ съ водою и молитвенникъ, съ полкою, на которой стояли только книги назидательнаго содержанія. И въ то время какъ она здѣсь сидѣла, въ ней снова всплывали старыя мысли и чувства. Она снова шла по пути молитвъ и покаянія, вмѣстѣ съ мужчинами и женщинами старыхъ временъ, къ которымъ чувствовала себя несравненно ближе, чѣмъ къ теперешнему обществу. Широкія ворота, ведущія въ шумную жизнь, медленно затворялись. Ею овладѣвало такое чувство, какъ будто она вернулась въ родную гавань изъ отважной экспедиціи въ далекія страны и благодарила Бога, что наконецъ опять сидитъ на своемъ одинокомъ, огражденномъ отъ мірской суеты, мѣстечкѣ, гдѣ она и прежде, бывало, сидѣла, глядя по цѣлымъ часамъ на голубое небо, которое всегда старалась не терять изъ виду, несмотря на застилавшія его темныя тучи.

Но потомъ начались визиты, поднялись дебаты о Канутѣ, и Корнелія насильно была вырвана изъ лучезарной области своего идеальнаго міра. Она очутилась въ низкой комнатѣ, наполненной дымомъ, чадомъ и копотью всевозможныхъ назидательныхъ сплетенъ. Всѣ формы представленія, которыя прежде производили на нее могучее впечатлѣніе, какъ неисповѣдимыя тайны, теперь получали тотъ самый поблекшій, муміеобразный засохшій видъ, въ которомъ представились ей всѣ предметы въ ея спальнѣ, когда она вошла въ нее въ первый разъ по возвращеніи изъ деревни. Далекіе чудные образы, съ которыми она жила еще такъ недавно, исчезли; на ихъ мѣсто явились другіе, съ низкими лбами, грубыми чертами и злымъ выраженіемъ, съ бѣдными мыслями и пошлыми рѣчами.

Она пыталась было совсѣмъ не думать о Канутѣ, а теперь эти люди, каждое ихъ слово безпрестанно напоминали о немъ. Она тайно начала заступаться за него. Долю вины за

все, что случилось, она принимала на себя и чувствовала себя его сообщницей. Вѣдь всѣ ненавидѣли его теперь за то, что онъ пересталъ скрывать свои убѣжденія; пока онъ не высказывался, всѣ считали его такимъ любезнымъ, такимъ благонадежнымъ. А вѣдь переворотъ этотъ произвела въ немъ она...

То, что про него рассказывали, не могло быть справедливо. Каждое слово, которое она отъ него слышала, дышало такою правдивостью, такою искренностью. И почему-бы онъ сообщилъ ей изъ своего прошлаго только одинъ этотъ фактъ, если-бы существовали еще другіе, о которыхъ она рано или поздно могла узнать? Но ей все-таки не удавалось вполнѣ себя успокоить. А можетъ быть, все-таки хоть часть изъ того, что рассказывали, была правда. Въ такія минуты сомнѣній ей страстно хотѣлось побывать у Ганны, чтобы узнать отъ нея что-нибудь про Канута; она нѣсколько разъ даже выходила изъ дома, чтобъ отправиться къ ней, но каждый разъ опять возвращалась...

Приближался день, на который было назначено большое политическое собраніе. Біорнгольтъ говорилъ, что тутъ-то Канутъ и будетъ примѣрно наказанъ. Мы его будемъ «серьезно интерpellировать», сказалъ маститый редакторъ. Это выраженіе облетѣло весь городъ. Жена ректора повторяла его во всѣхъ большихъ домахъ такимъ торжественнымъ тономъ, что нѣкоторые изъ слушателей, непосвѣщенные въ тайны парламентской терминологіи, невольно содрогались и съ трепетомъ ожидали, что-то будетъ. Впечатлѣніе было такое-же, какъ если-бы она сказала:—его будутъ казнить, а можетъ быть даже колесовать.

Роковой день насталъ. Въ то время, когда къ дому, гдѣ обыкновенно собиралось рабочее общество, стекались толпы людей, которые ждали предстоявшей битвы съ такимъ-же напряженнымъ нетерпѣніемъ, какъ публика, отправляющаяся смотрѣть на бой быковъ,—Ганна Стрэмъ рассказывала взадъ и впередъ по своей комнатѣ, поджидая Корнелію, которая извѣстила ее запискою о своемъ намѣреніи провести этотъ вечеръ у нея.

Раздался звонокъ. Это была Корнелія.

— Наконецъ-то ты собралась! воскликнула Ганна, обнимая ее.—И не стыдно тебѣ? До сихъ поръ ни разу не заглянула!

Корнелія уклонилась отъ отвѣта.—Я почти никуда не выходила, сказала она.

Осмотрѣвши квартиру, начиная съ чердака и кончая погребомъ, и всю домашнюю утварь до послѣдней кастрюли, пріятельницы вернулись въ комнату. Корнелія взяла свою работу и усѣлась за столомъ; Ганна попробовала послѣдовать ея примѣру. Но она сгорала отъ нетерпѣнія; вѣдь въ это время кипѣла рѣшительная битва. Она не могла понять, какъ это Корнелія въ состояніи сидѣть такъ спокойно и равнодушно, какъ будто ничего необычайнаго не происходило.

Въ комнатѣ царило гробовое молчаніе; слышно было только шуршанье нитокъ, скользившихъ сквозъ полотно. Ганна сидѣла и прислушивалась, сама не зная къ чему; отъ времени до времени она подходила къ окну и выглядывала на улицу, гдѣ все было темно и безмолвно. Корнелія не отрывала глазъ отъ работы; но когда Ганна по крайней мѣрѣ въ десятый разъ подошла къ окну и снова съ тѣмъ-же разочарованнымъ видомъ возвратилась къ своему мѣсту, Корнелія вдругъ бросила на столъ свою работу.

— Нѣтъ, не могу больше! воскликнула она и наклонилась къ столу, закрывъ лицо руками.

Ганна бросилась къ ней и обвила ее руками.—Наконецъ-то! сказала она;—Корнелія, милая моя, зачѣмъ-же мы обѣ сидимъ здѣсь, мучаемся и не говоримъ ни слова?

Обнявши другъ друга за талью, онѣ стали ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Ганна съ разу выпалила все, что у нея накопилось на душѣ. Во всемъ томъ, что говорили про Канута, не было ни слова правды. Она чуть не плакала съ досады, когда принялась рассказывать, какъ враги Канута на тысячу ладовъ старались оскорбить его самого и отца его. Имъ посылали множество грубыхъ анонимныхъ писемъ. Имъ преградили доступъ въ клубъ и въ атенеумъ. Никто изъ тѣхъ, кто работаетъ на мѣстныхъ богачей, не смѣетъ прибѣгать къ врачебной помощи Канута. Нѣсколько семействъ взяли своихъ дѣтей изъ школы, въ которой Кануть читалъ лекціи. Если-же самого его не удавалось задѣть, то они вымѣщали свою злобу хоть на его друзьяхъ. Двумъ изъ нихъ патроны отказали въ работѣ, другихъ грозили расчитать, если они будутъ показываться въ его обществѣ. Но прежде всѣхъ самъ Петръ долженъ былъ почувствовать, что значитъ быть другомъ Канута. Многіе изъ вліятельныхъ людей въ городѣ, которые до тѣхъ

поръ выказывали ему большую благосклонность и поддерживали его, теперь вдругъ прекратили съ нимъ всякія отношенія. Другіе пытались дѣлать ему серьезныя неприятности. Молодые купцы, которые охотно вступили-бы съ нимъ въ компанію, не рѣшались на это, зная, что старые «дома» отнесутся къ такому союзу неодобрительно. Петръ былъ кассиромъ въ одномъ банкѣ. Директоръ призывалъ его къ себѣ и сдѣлалъ ему предостереженіе. — «Вы хотите, чтобъ я скрывалъ свои убѣжденія?» спросилъ Петръ. — «Боже сохрани! Достаточно, если вы будете держать ихъ при себѣ и порвете свои отношенія съ Гольтомъ». Всѣми этими интригами руководилъ Біорнгольтъ, увѣряла Ганна. Онъ и его газета управляютъ всѣми. Онъ обходилъ поочереди квартиры рабочихъ, въ одномъ мѣстѣ грозилъ, въ другомъ—льстилъ, раздавалъ деньги и угощалъ всѣхъ, отъ мала до велика, чтобы только узнать что нибудь про Канута.

Часы пробили восемь. Обѣ пріятельницы бросились къ окну. Теперь собраніе скоро должно было кончиться. Но на улицѣ все еще не видно было ни души. Онѣ уже собирались отойти отъ окна, какъ вдругъ вдали послышались крики ура! а затѣмъ пѣніе, которое то звучало яснѣе, то снова замирало. Въ концѣ улицы показались группы людей, съ громкими разговорами проходившія мимо дома.

— Вотъ они расходятся! воскликнула Ганна, и совсѣмъ растворила окно, чтобы лучше видѣть.

Раздался громкій звонокъ.—Это Петръ! воскликнула она и побѣжала отворять. Минуту спустя они оба вбѣжали въ комнату. Петръ занялся до того, что не въ силахъ былъ говорить. Онъ такъ крѣпко пожалъ руки Корнеліи, что она едва не вскрикнула, а затѣмъ бросился обнимать жену. Послѣ этого онъ сталъ быстро ходить взадъ и впередъ, швырнулъ шляпу на одинъ стулъ, а пальто на другой и скинулъ калоши посерединѣ комнаты.

— Боже милосердый, вотъ такъ собраніе!

— Да рассказывай-же, рассказывай, просила Ганна, которая неотступно слѣдовала за нимъ въ его странствіяхъ и осыпала его вопросами.—Не мѣшкай, пожалуйста; я сгараю отъ нетерпѣнія!

— Да, да, сейчасъ. Уфъ!.. сядемъ... Нѣтъ, я долженъ ходить!.. Дай-ка мнѣ сначала стаканъ воды... Впрочемъ, нѣтъ, лучше принеси вина... Я совсѣмъ охрипъ.

— Ты говорилъ?

— Нѣтъ, только кричалъ.

На столѣ появилось вино и Петръ началъ:

— Зала была уже набита биткомъ. Таможникъ предсѣдательствовалъ. Сначала говорили о томъ, о семъ, но никто не слушалъ. Публика начинала дремать. Потомъ рѣчь зашла о выборахъ и Біорнгольтъ потребовалъ слова. Это подѣйствовало на собраніе, какъ ударъ плетью; увѣряю тебя, что всѣ немедленно проснулись.

— Ну, и что-же онъ сказалъ?

— Онъ хитеръ, бестія. Каждое его слово было приурочено къ какой-нибудь глупости или къ какому-нибудь предразсудку его слушателей. Сначала онъ говорилъ вообще о врагахъ общества. Можешь повѣрить мнѣ на слово, что яркихъ красокъ онъ не жалѣлъ. Вышла ни дать ни взять — самая пестрая лубочная картинка. Потомъ онъ загремѣлъ противъ работниковъ, противъ Канута и всѣхъ опасныхъ людей. Все такъ и трещало подъ его ногами. Мнѣ все время чудилось, какъ будто передо мною не самъ Біорнгольтъ, а только его большіе сапоги. — «Можетъ-ли Канутъ отрицать, что борется противъ унаслѣдованной отъ отцовъ драгоцѣнной вѣры, спросилъ онъ. И какого онъ мнѣнія о дерзкомъ сопротивленіи рабочихъ волѣ Провидѣнія, и о демонстраціяхъ ихъ, направленныхъ противъ состоятельныхъ классовъ?» Въ заключеніе онъ обратился къ благоразумнымъ отцамъ семействъ и спросилъ ихъ, хотятъ-ли они вѣрить судьбу своихъ дѣтей, ихъ земное и душевное благополучіемъ этимъ исчадіямъ зла и т. д. и т. д.

— Ну, а что отвѣтилъ Канутъ?

— До него очередь еще не дошла. Рѣчь Біорнгольта вызвала въ публикѣ необыкновенный энтузіазмъ. Друзья его кричали, какъ бѣшеные. Противная партія не на шутку стала беспокоиться. Послѣ Біорнгольда Вильдгагенъ заговорилъ о томъ, что онъ, какъ извѣстно, не придаетъ значенія мірскимъ интересамъ, а затѣмъ поднялся Фоннъ и, потирая за спиною руки, сталъ наносить Кануту ударъ за ударомъ тонкимъ кинжаломъ любви. Наконецъ пришла очередь Канута. Сначала публика заволновалась, а потомъ все затихло; сотни глазъ впились въ него и, казалось, говорили: «Отвѣчай на это, если можешь».

— Хорошо онъ говорилъ?

Петръ залпомъ выпилъ стаканъ вина.

— Хорошо? Ты не можешь себѣ представить, что это было. Не знаю, какъ тебѣ и передать... Видишь-ли, дѣло тутъ не въ однихъ словахъ... Я никогда не думалъ, что онъ можетъ такъ говорить.

— Ну?...

— Когда онъ въ послѣдній разъ прїѣзжалъ сюда, его краснорѣчіе имѣло совсѣмъ иной характеръ. Его рѣчи были словно батальоны, которые съ музыкой и распущенными знаменами шли на приступъ непріятельскихъ позицій. Слова его возбуждали, согрѣвали и воодушевляли...

— А теперь?

— Теперь онъ говорилъ тихо, спокойно, сдержанно, почти холодно. И все-таки каждое слово било, какъ молотъ; тотъ, въ кого оно попадало, положительно стоналъ подъ ударомъ. Только подъ конецъ послѣдовалъ взрывъ, когда онъ заговорилъ о Біорнгольтѣ...

— Рассказывай, рассказывай.

— Онъ не желаетъ бороться противъ какой-бы то ни было вѣры, въ силу которой люди становятся честными и гуманными, но за-то до послѣдняго издыханія будетъ бороться противъ грубыхъ деспотовъ, которые силятся заглушить въ людяхъ стремленіе къ истинѣ, противъ сознательныхъ искажителей ея, которые извлекаютъ себѣ выгоду изъ невѣжества и суевѣрія... Все это онъ, разумѣется, выразилъ совсѣмъ иными словами, но мысль была та-же... «Фразы, фразы!» закричалъ Біорнгольтъ. «Приведите примѣры, факты!» вторилъ Страндъ. Но этотъ вызовъ оказался для нихъ не безопаснымъ. Ты можешь себѣ вообразить, что Кануть подготовился какъ слѣдуетъ. Вѣдь у насъ нѣтъ недостатка въ типичныхъ моделяхъ, и онъ ихъ отыскалъ. И вотъ они потянулись вереницей, хотя безъ именнаго ярлыка, но до такой степени похожія, что каждый въ залѣ могъ ихъ узнать, — всѣхъ этихъ комедіантовъ ложнаго правовѣрія съ Вильдгагеномъ и Біорнгольтомъ во главѣ. Я удивляюсь, какъ они не убили Канута на мѣстѣ. Поднялся гамъ, его прервали и настаивали, чтобы предсѣдатель лишилъ его слова. Но среди этого шума одинъ человекъ медленно, спокойно поднялся со своего мѣста и тоненькимъ голоскомъ потребовалъ... впрочемъ, чего онъ требовалъ, никто не слышалъ; шумъ заглушалъ его слова. Но онъ не сѣлся,

терпѣливо ждалъ, нѣсколько разъ пытался говорить, опять подождалъ и, наконецъ, могъ сказать во всеуслышаніе, что просилъ слова только для того, чтобы заявить, что все сказанное Гольтомъ считаетъ справедливымъ, и что, если собраніе найдеть это необходимымъ, то онъ самъ можетъ прибавить еще нѣсколько примѣровъ...

Собраніе не нашло этого необходимымъ. Ораторъ былъ извѣстенъ всѣмъ. Это былъ Ааге Стормъ. Кануть не принадлежитъ къ числу его приверженцевъ, но онъ человѣкъ неподкупный.

Слово было опять предоставлено Кануту. Онъ заговорилъ о стачкѣ рабочихъ. То, что они сдѣлали, по его мнѣнію, не всегда приведетъ къ цѣли... Тутъ онъ обратился къ Гамре, — да, вообрази, къ самому Гамре, — и спросилъ его, задумывался-ли онъ когда-нибудь эксплуатировать своихъ рабочихъ до тѣхъ поръ, пока могъ это сдѣлать безъ риска для себя. Развѣ онъ не пользовался своимъ исключительнымъ правомъ на рыболовныя мѣста для того, чтобы до крайности понижать рыбныя цѣны?... А затѣмъ настала очередь Біорнгольта, который въ своей рѣчи задѣлъ рабочихъ. Имѣеть-ли онъ право говорить въ такомъ тонѣ? Развѣ онъ съ своей стороны не пользовался всякимъ сколько-нибудь пригоднымъ средствомъ для того, чтобы уничтожить своихъ противниковъ?... Затѣмъ, въ качествѣ обвинителей, явились на сцену его собственныя газетныя статьи, все его лживое, лицемерное потомство! Это было одно изъ самыхъ чудныхъ мгновеній, которыя мнѣ удавалось переживать.

Я не въ силахъ описать тебѣ того, что послѣдовало за его рѣчью. Все бѣшенство, которое эти люди на минуту должны были подавить, теперь вырвалось наружу съ оглушительнымъ шумомъ. Біорнгольтъ съ сжатыми кулаками бросился къ предсѣдателю; всѣ добивались слова, но никого нельзя было слышать, кромѣ сапожника Гандена, который крикнулъ своимъ зычнымъ басомъ на все собраніе: — «Чортъ меня возьми, если мы желаемъ выбрать человѣка, который нападаетъ на Біорнгольта!» Публика свистала, топала ногами, шикала, кричала... отдѣльныхъ криковъ «браво!» почти нельзя было слышать. Но въ это время двери растворились; собравшіеся на улицѣ рабочіе узнали, что Кануть защищалъ ихъ, и вдругъ съ улицы, корридоровъ послышалось

такое оглушительное и продолжительное ура! что всё прочіе звуки была окончательно заглушены.

Наконецъ на мгновеніе водворилась тишина, и Ааге Стормъ, который опять терпѣливо стоялъ и ждалъ, снова потребовалъ слова и заявилъ, что все сказанное Канутомъ о рабочихъ и редакторѣ Біорнголтѣ онъ считаетъ справедливымъ и вызывается, если нужно, привести новые примѣры...

Больше онъ ничего не успѣлъ сказать. Въ залѣ поднялся прежній адскій шумъ. Затѣмъ публика начала расходиться и продолжала споръ на улицѣ.

— Какъ его будутъ ненавидѣть! воскликнула Ганна.

— Да его будутъ ненавидѣть, противъ него будутъ бороться всѣми возможными способами. Но это не бѣда. Слова его все-таки останутся въ памяти. Даже между противниками его были люди, которые не могли не согласиться съ нимъ. Такъ, на примѣръ, Стубъ. Онъ догналъ Канута на улицѣ и сказалъ:— «То, что вы говорили, положимъ, справедливо; но я все-таки противъ васъ. Простому рабочему человѣку нельзя говорить подобныхъ вещей; это вредитъ дисциплинѣ. Я знаю этихъ людей; они способны превратиться въ дикихъ звѣрей и растерзать насъ».

— Ну, а теперь позаботься-ка объ ужинѣ, Ганна, закончилъ Петръ свой рассказъ. — Кануть черезъ минуту будетъ здѣсь, а я принесъ съ собою волчій голодь.

Корнелія встала.

— Надѣюсь, что ты останешься у насъ? сказала Ганна.

— Нѣтъ, благодарю, мнѣ нужно домой.

— Пожалуйста, останьтесь, упрашивалъ Петръ;—отпразднуйте съ нами этотъ вечеръ.

— Нѣтъ, благодарю васъ... мнѣ необходимо быть дома... благодарю васъ.

Она поспѣшно накинула свой плащъ и вышла.

— Она не хочетъ встрѣчаться съ нимъ, сказала Ганна.

Петръ печально покачалъ головою.

Корнелія такъ быстро бѣжала по тѣмной, грязной улицѣ, какъ будто за нею гнались. Только очутившись въ своемъ саду и заперевъ за собою калитку, она остановилась и прислонилась къ забору, едва переводя духъ и дрожа, какъ преслѣдуемая охотникомъ серна.

Какого страха она натерпѣлась! Какъ ей хотѣлось усту-

пить просьбамъ и остаться! Какихъ усилій стоило ей рѣшеніе вырваться изъ этого дома!

Но зачѣмъ она пошла туда?.. Краснѣя отъ стыда, она опустила голову... она втайнѣ желала, чтобъ опасная встрѣча произошла.

Она вошла въ комнату. Тамъ царствовалъ полумракъ, такъ какъ горѣла только одна свѣчка. На столѣ стояли бутылка пива и два стакана; тутъ-же рядомъ лежалъ и штопоръ съ пробкою. У одного конца стола въ креслѣ сидѣлъ самъ Викъ, а у противоположнаго—его сестра, въ шляпѣ и плащѣ. Она только-что вернулась домой съ какого-то визита и не успѣла еще ни зажечь лампу, ни затопить печь. Біорнгольтъ, который пришелъ вмѣстѣ съ Викомъ изъ собранія, расхаживалъ въ пальто по комнатѣ; тѣнь его то длинною полоскою взбѣгала по стѣнѣ, то опять быстро съезживалась на полу, смотря по тому, какое положеніе хозяинъ ея занималъ относительно свѣчки.

Онъ рассказывалъ мамзель Викъ про собраніе. Когда вошла Корнелія, онъ на мгновеніе прервалъ свой рассказъ, поклонился ей, а потомъ продолжалъ:—Онъ коммунистъ, увѣряю васъ, чистѣйшій коммунистъ.

Мамзель Викъ пристально и съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ смотрѣла на него своими маленькими глазками.

— Что это за люди, эти коммунисты?

— О!... они не вѣрятъ въ Бога.

Мамзель Викъ съ набожнымъ видомъ сложила руки.

— Всѣ собственники, по ихъ мнѣнію, должны быть убиты.

— Господи Иисусе!

— Дѣти не получаютъ наслѣдства отъ родителей.

— Не получаютъ наслѣдства?!

— Всякую собственность слѣдуетъ разграбить.

— Разграбить?!

— Непремѣнно. Предположимъ, напримѣръ, что они захватятъ власть въ этомъ городѣ; въ такомъ случаѣ, вѣроятно, какойнибудь лодочникъ Педерсенъ и прачка, мадамъ Онетъ, получатъ домъ Вика и все, что замъ принадлежитъ.

— Милосердый Боже! Но что же тогда станетъ съ нами?

— Что-жь, отвѣтилъ Біорнгольдъ, —Вика вѣроятно казнятъ, а васъ и фрейлейнъ Корнелію раздѣвнутъ догола и, осыпая ударами плетей, погонятъ черезъ всѣ улицы города.

— Господи, какіе ужасы!

Біорнгольтъ посмотрѣлъ на нее и прошепталъ, какъ будто про себя:

— Праведная душа, вѣрующая душа!

— И Кануть Гольтъ стоитъ во главѣ всего этого движенія? Неужели же онъ до такой степени испорченъ? спросила мамзель Виль.

— Онъ?!.. Да знаете ли вы, что за личность, въ сущности, этотъ Гольтъ?.. А отецъ? Знаете ли вы его, мамзель Виль?.... Ну хорошо, я вамъ расскажу, что это за люди...

Послѣдовавшая затѣмъ характеристика отца и сына была по истинѣ мастерская. Біорнгольтъ развернулъ передъ этою «вѣрующею душою» весь свой талантъ въ полномъ блескѣ. Мамзель Виль слушала его съ восторгомъ; она, подобно всему городскому обществу, находила, что онъ человѣкъ «необыкновеннаго ума». Виль одобрительно кивала головой и чувствовала себя въ самомъ набожномъ настроеніи. Онъ видѣлъ въ этомъ разсказѣ подтвержденіе той мысли, что все на этомъ свѣтѣ—грязь, и находила ее глубоко-христіанскою.

Корнелия тоже слушала и чувствовала, что Біорнгольтъ говорить мастерски. Каждое слово его язвило, какъ жало; даже самый голосъ, казалось, обдавалъ грязью. Она чувствовала потребность крикнуть на весь міръ:— «Ты лжешь, лжешь, лжешь!» И какъ она могла сидѣть здѣсь молча и спокойно въ теченіе послѣднихъ недѣль, слушая все, что говорилось про Канута? Какъ могла она въ особенноти теперь слушать Біорнгольта, не двигаясь съ мѣста и не возражая ни единымъ словомъ? Развѣ это не преступное, жалкое малодушіе? Отъ каждой новой насмѣшки, отъ каждой клеветы ее бросало въ дрожь; руки ея покрывались холоднымъ потомъ. Наконецъ она уже не въ состояніи была ни о чемъ думать, не слышала ни одного слова и даже не ясно сознавала, гдѣ она находится; отецъ и тетка расплылись въ какія-то неопредѣленныя фигуры, которыя все болѣе и болѣе исчезали въ темнотѣ; она только слышала однообразные звуки тяжелыхъ шаговъ Біорнгольта и видѣла, какъ тѣнь его то всползала на стѣну, то снова спускалась на полъ. Затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній, она опять была въ состояніи слѣдить за его рѣчью, но рѣчь эта звучала какъ будто вдали, пока наконецъ какое-то особенно злое и грубое слово не вырвалось, какъ искра изъ потухающаго костра, и не произвело мгновенно въ ней самой поразитель-

тельной перемѣны. Она уже не колебалась, не раздумывала; ею всецѣло овладѣло одно неодолимое стремленіе—во что бы то ни стало оказать сопротивленіе, заставить его замолчать или броситься передъ нимъ на землю, чтобъ онъ и ее втопталъ въ грязь, раздѣлить съ Канутомъ все до послѣдняго оскорбленія и повѣдать всему міру, что она будетъ поступать такъ всегда, всегда.

Она встала со стула и вдругъ очутилась передъ Біорнгольтомъ, блѣдная и неподвижная, какъ лунатикъ, съ широко раскрытыми, устремленными вдаль глазами, съ полузакрытыми, какъ-бы поблекшими губами. Твердымъ, но необыкновенно сухимъ и какъ-бы не своимъ голосомъ она сказала:

— Вы говорите о моемъ женихѣ...

Біорнгольтъ остановился, какъ вкопанный. Тѣнь его неподвижно повисла на стѣнѣ, какъ будто приклеенная. Его толстыя губы широко раскрылись и обнаружили неровные зубы и красныя десны. Глаза его, казалось, собирались выскочить изъ глазницъ.

Викъ при словахъ дочери такъ подскочилъ на своемъ креслѣ, какъ будто чья-то исполинская рука внезапно схватила его за шиворотъ и безцеремонно столкнула съ мѣста. Онъ стоялъ посреди комнаты, какъ окаменѣлый.

Мамзель Викъ съ тупымъ выраженіемъ смотрѣла на остальныхъ. Относительно собственной персоны она совершенно справедливо сознавала только одно, что въ головѣ ея въ настоящую минуту не оказывалось ни одной мысли.

Когда Біорнгольтъ началъ наконецъ оправляться отъ парализовавшаго его изумленія, онъ съ грознымъ вопросительнымъ выраженіемъ посмотрѣлъ на Вика. Но когда тотъ не вымолвилъ ни слова и продолжалъ стоять неподвижно, съ какою-то непроницаемою миною и до такой степени насупивъ свои пушистыя брови, что изъ-подъ нихъ совсѣмъ не видно было глазъ,—Біорнгольтъ съ лихорадочною поспѣшностью застегнулъ свое пальто, схватилъ шляпу, повернулся къ окаменѣвшему хозяину, гнѣвно посмотрѣлъ ему въ лицо и прохрипѣлъ:—«Благодарю васъ, господинъ Викъ. Нечего сказать, вы поступили чрезвычайно благородно. Какъ разъ теперь и за нашу спиною вы изволили помолвить свою дочь съ Канутомъ Гольтомъ... Это... это... честь имѣю кланяться, господинъ Викъ!»

Викъ даже не посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Онъ все такъ-же

неподвижно стоялъ на томъ-же мѣстѣ. Наконецъ, вида, что и Корнелія въ свою очередь не двигается и не говоритъ болѣе ни слова, онъ подалъ знакъ сестрѣ, которая тотчасъ вышла изъ комнаты. Затѣмъ онъ на половину обернулся къ дочери. Подъ нависшими бровями его сверкнула молнія, какъ предвѣстница собиравшейся грозы. Тѣмъ не менѣе, онъ еще нѣкоторое время молчалъ, выжидая, чтобы дочь объяснилась. Но и она продолжала молчать. Онъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, потомъ повернулся спиною къ лампѣ, посмотрѣлъ сбоку на дочь и тихо спросилъ:

— Это правда?

Голосъ его дрожалъ, да и самъ онъ трясся, какъ въ лихорадкѣ.

— Да.

— Ты помолвлена съ сыномъ Арне Гольта?

— Да.

— Съ сыномъ обманщика, лжеца, оболъстителя...

Корнелія подняла голову.

— Да, Гольтъ заслуживаетъ всѣ эти названія. И сыну такого человѣка ты хочешь довѣриться?

— Да.

Каждое «да» произносилось тихо и съ непоколебимою твердостью. Она спокойно смотрѣла отцу въ глаза; тонкія, почти безкровныя губы были плотно сжаты; во всемъ существѣ ея выражалась какая-то холодная самоувѣренность, которой отецъ ея втайнѣ боялся. Онъ чувствовалъ себя въ положеніи хищнаго животнаго, которое держать въ клеткѣ изъ тонкой, гибкой, но прочной проволоки. Онъ снова принялся ходить по комнатѣ. Полъ трещалъ подъ его шагами. Лицо его все болѣе и болѣе наливалось кровью.

— Стало быть, ты серьезно, совершенно серьезно рѣшилась на этотъ шагъ?.. Корнелія, если-бы тебя оболъстилъ послѣдній мой приказчикъ, мнѣ это было-бы не такъ тяжело, какъ то, что ты помолвлена съ Канутомъ Гольтомъ.

— Потому что онъ сынъ своего отца?

— Да, прежде всего поэтому. Если-бы я даже не зналъ про него ничего иного, то съ меня было-бы достаточно, что въ его жилахъ течетъ кровь Арне Гольта. Сынъ Гольта только и могъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ всегда былъ его отецъ, то есть наглымъ лжецомъ... Я не понимаю, положительно не по-

нимаю этого. Если ему и удалось на мгновение ослѣпить тебя, то вѣдь не можешь-же ты не вѣрить тому, что говорятъ всѣ честные люди,—Бюрнгольдъ, Вильдагенъ...

— Это не честные люди.

— Что? Не честные люди? Корнелия, что это значить? Не честные люди? Неужели ты сама стала отступницей? Да разразить Господь этого человѣка, который укралъ у меня дочь! Я знаю, что съ своей стороны дѣлалъ все необходимое. Я воспиталъ тебя въ страхѣ Господнемъ; я держалъ тебя вдали отъ мірской суеты. Я никогда не позволялъ тебѣ пропустить ни одной обѣдни; я доставилъ тебѣ истинно христіанское общество; я никогда не терпѣлъ у себя въ домѣ ни одной свѣтской книги. И теперь... все напрасно!

Голосъ его сдѣлался сухимъ и хриплымъ; онъ говорилъ съ видимымъ усиленіемъ и наконецъ принужденъ былъ замолчать. Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ въ комнатѣ опять раздавались только звуки его шаговъ... Не ужасно-ли, что это случилось именно съ нимъ, въ его домѣ, въ которомъ прежде никто не могъ открыть ни единого пятна! Не ужасно-ли, что этотъ ударъ нанесенъ ему сыномъ Арне Гольта!.. Вдругъ гроза разразилась... Онъ не въ силахъ былъ далѣе сдерживаться.

— Корнелия, я не хочу этого! закричалъ онъ, и его блѣдное, жесткое, искаженное лицо съ широко раскрытыми, почти безумными глазами, приняло такое выраженіе, какъ будто онъ провозглашалъ приговоръ разгнѣваннаго, неумолимаго Бога.

— Я съ нимъ помолвлена, отецъ, отвѣчала она, на этотъ разъ съ едва замѣтною дрожью въ голосѣ.

— Вотъ какъ?! Въ самомъ дѣлѣ?!

Она рѣшилась сказать еще разъ. Неужели-же Арне Гольту снова удастся нанести ему такой ударъ? Или испробовать послѣднее средство, повѣрить дочери, въ чемъ заключается самая глубокая причина, по которой онъ никогда не въ состояніи будетъ примириться съ ея выборомъ? Разказать-ли ей, что онъ самъ любилъ мать Канута?

Нѣтъ, онъ не могъ на это рѣшиться. Онъ не могъ разказать дочери о томъ жестокомъ разочарованіи, которое постигло его и сдѣлало изъ него угрюмаго, желчнаго человѣка; онъ не могъ разказать ей, что та женщина, которая сдѣлалась его женою и матерью Корнелии, была для него только покорной помощницей, что онъ никогда не любилъ ея.

Онъ чувствовалъ, что въ эту минуту ничего не въ состояннн сдѣлать, и хотя не отказывался напередъ отъ всякаго сопротивленія, но рѣшился выждать болѣе удобнаго времени.

— Хорошо, дѣлай, какъ хочешь. Но знай только одно; въ моемъ домѣ ноги его не будутъ.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты. Когда онъ скрылся за дверь, Корнелія зашаталась и упала. Только благодаря крайнему напряженію силы воли, она была въ состояннн держаться на ногахъ въ послѣдннн минуты своего разговора съ отцемъ. Упавъ отъ изнеможенія на полъ, она лежала на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла передъ отцемъ. Сознаннн она не потеряла; все случившееся рѣзко запечатлѣлось въ ея памяти; она не могла только держаться на ногахъ; ея овладѣла такая болѣзненная, смертельная усталость. Нѣсколько времени она пролежала неподвижно, пристально глядѣла на свѣчку и на столъ съ двумя бутылками и смутно испытывала какое-то тяжелое впечатлѣннн отъ трактирной обстановки этой комнаты.

Такъ она лежала до тѣхъ поръ, пока тетка не вернулась въ комнату и не бросилась къ ней, вскрикнувъ съ испуга. Тогда она вскочила. — «Тише, тетя, не зови никого... я совсѣмъ здорова... я только очень устала».

Она залилась слезами и обвила руками шею тетки. Такъ онѣ стояли нѣкоторое время. Тетка принялась громко изливать свое горе: — «Ахъ Корнелія, какъ это ты рѣшилась?»..

Корнелія остановила ее. Да, какъ она рѣшилась?! Теперь она и сама не могла этого понять. Ей казалось до такой степени непостижимымъ, что она все это дѣйствительно сказала, что рѣшающее слово было окончательно произнесено, что съ минуту тому назадъ она въ этой самой комнатѣ въ присутствнн Біорнгольта и отца безповоротно и навсегда связала свою судьбу съ именемъ человѣка, который даже не зналъ объ этомъ рѣшеннн.

На мгновеннн въ ухахъ ея снова прозвучали нѣкоторыя слова Біорнгольта, и въ это время она чувствовала, что безъ малѣйшаго колебаннн сдѣлала-бы тоже самое еще разъ. Но лишь только умолкали звуки этихъ словъ и она думала только о томъ, что предстояло пережить, — все представлялось ей опять въ такомъ ужасномъ свѣтѣ, что, казалось, легче было умереть.

А между тѣмъ не оставалось даже времени на размышленіе. Біоригольтъ безъ всякаго сомнѣнія въ тотъ-же вечеръ разнесетъ новость по всему городу; она, быть можетъ, даже теперь уже съ жадностью поглощалась его слушателями въ разныхъ «хорошихъ домахъ», гдѣ всѣ были такъ падки до новостей. Ей необходимо было спѣшить, чтобы повидаться съ Канутомъ сегодня-же вечеромъ.

Она поспѣшно одѣлась, обняла тетку, которая сидѣла съ видомъ самого безпомощнаго, трогательнаго смущенія, и сказала:

— Покойной ночи, тетя... Я останусь сегодня ночевать у Ганны Стрэмъ.

— Корнелія, дитя мое... опомнись... Господи, да неужели же ты...

Но ее никто не слушалъ. Корнелія была уже за дверью и быстро шла по улицѣ, направляясь къ дому Ганны.

Дорогою у нея опять было время на размышленія. Она представляла себѣ, что должно сейчасъ произойти. Она входитъ въ комнату. Онъ стоитъ тамъ, ничего, рѣшительно ничего не подозрѣвая и вопросительно смотреть на нее. Неужели-же ей придется рассказывать, объяснять, холодными словами сообщать обо всемъ происшедшемъ, не имѣя возможности передать того, что увлекло ее. Вотъ, если-бы онъ присутствовалъ при томъ, что произошло! Какъ легко-бы ей было въ ту минуту подойти къ нему и сказать: «Я пойду съ тобою рука объ руку, — сегодня, завтра, всегда. Я буду раздѣлять твою судьбу, буду твоимъ товарищемъ въ борьбѣ до гроба.» А теперь... теперь это казалось ей до такой степени тяжелымъ подвигомъ, что она рѣшилась - бы скорѣй на все другое, только не на это...

Наконецъ показались освѣщенные окна въ квартирѣ Стрэмъ. Они сидѣли вотъ тамъ, въ той комнатѣ. Ей уже чудилось, что всѣ на нее смотрятъ, всѣ начинаютъ спрашивать, удивляться... Она рѣшила дать себѣ еще маленькую отсрочку и прошла мимо дома, удаляясь отъ него, впрочемъ, липъ настолько, чтобы все таки не терять изъ вида освѣщенныхъ оконъ. Ей необходимо было войти въ домъ до его ухода.

На улицѣ было еще много народа. Пьяные рабочіе и матросы, шатаясь, брели изъ одного кабака въ другой. Одинъ изъ нихъ замѣтилъ ее и направился къ ней; нѣсколько дру-

гихъ послѣдовали за товарищемъ. Она старалась скрыться, прижавшись къ самой стѣнѣ дома, но пьяные все-таки увидели ее. Наконецъ, новое чувство страха пересилило старое; она поспѣшила къ дому Петра, поднялась по лѣстницѣ и вошла въ кухню.

Ганна была занята приготовленіемъ ужина. Увидѣвъ Корнелію, она всплеснула руками и воскликнула:

— Корнелія, такъ ты все-таки рѣшилась придти!

Но вдругъ она смолкла и подошла къ своей пріятельницѣ. Она замѣтила, какъ поразительно блѣдна была Корнелія.

— Боже мой, надѣюсь, что у васъ не случилось никакого несчастія?

— Нѣтъ, нѣтъ, но мнѣ необходимо съ тобою переговорить, сказала Корнелія тихимъ голосомъ и съ видимымъ усиленіемъ.

Ганна поспѣшно сняла съ себя кухонный фартукъ, взяла свѣчу и повела Корнелію въ маленькую комнатку возлѣ спальни. Заперевъ за собою дверь и поставивъ свѣчу на столъ, она спросила:

— Что случилось, Корнелія?

Но отвѣта не послѣдовало. Корнелія бросилась къ ней на шею и залилась слезами.

— Да скажи мнѣ, въ чемъ дѣло, Корнелія? Я замѣтила, что ты очень блѣдна...

Корнелія еще долго не въ состояніи была отвѣчать. Каждый разъ, когда она принималась рассказывать, слезы снова мѣшали ей говорить.

— Да рассказывай-же, милая моя, рассказывай! просила Ганна, которая начала догадываться, въ чемъ дѣло.

Мало-по-малу, наконецъ, Корнелія настолько овладѣла собою, что могла передать пріятельницѣ все случившееся.

Ганнѣ стоило большихъ усилій выслушать ее до конца. Она принялась обнимать и цѣловать ее и не знала, что дѣлать отъ радости.

— Милая ты моя, хорошая, голубушка... Такихъ удивительныхъ вещей я еще во всю жизнь свою не слыхивала. Ты не повѣришь, какъ безконечно я рада. А Петръ! Петръ! Боже мой, да онъ съума сойдетъ отъ радости. Я сейчасъ-же побѣгу къ нимъ.

Корнелія схватила ее за руку.

— Ганна... что ты?.. Неужели ты хочешь...

— Ахъ, да, я и забыла; вѣдь онъ еще не знаетъ, бѣд-
няжка, про свою помолвку... Нѣтъ, это просто божественно!

Она залилась такимъ веселымъ, заразительнымъ смѣхомъ, что Корнелія едва не рассмѣялась сама, и на одно мгновение почувствовала, что все происшествіе далеко не такъ ужасно, какъ это казалось ей въ первое время.

— Но развѣ ты не войдешь къ намъ въ комнату?

— Нѣтъ, я посижу здѣсь.

— Ну, хорошо, оставайся. А мнѣ нужно опять спѣшить въ кухню.

Она снова принялась за приготовленіе ужина. Теперь, разумѣется, пришлось измѣнить все меню. Пиршеству необходимо было придать торжественный характеръ. Она чувствовала потребность такъ или иначе выразить свою глубокую, безконечную радость. Она вышла въ комнату и стала накрывать на столъ. Пріятели сидѣли вмѣстѣ и разсуждали о событіяхъ этого вечера. Отъ времени до времени она совершенно неожиданно вставляла въ разговоръ какую-нибудь шутку, пытаясь хоть чѣмъ-нибудь отвести душу и дать волю своему веселію.

Петръ замѣтилъ, что столъ былъ накрытъ на четверыхъ.

— Ты кого-нибудь ожидаешь?

— Да, гостя... гостя, который... который... нѣтъ этого тебѣ во всю жизнь не отгадать, Петръ! воскликнула, она, заливаясь громкимъ смѣхомъ, и исчезла за дверью.

Петръ побѣждалъ за нею. Ему хотѣлось знать, въ чемъ дѣло.

— Кто придетъ?

— О, еслибъ ты зналъ! снова расхохоталась Ганна, но при этомъ невольно взглянула на дверь комнатки, въ которой сидѣла Корнелія.

— А, тамъ кто-то есть! сказалъ Петръ и хотѣлъ войти. Ганна удержала его.

— Нѣтъ, Петръ, ради Бога!..

— Я хочу знать...

Она загородила ему дорогу.

— Тамъ никого нѣтъ.

— Тамъ кто-то спрятанъ.

— Ну, да, хорошо, дѣйствительно тамъ сидитъ кто-то; но тебѣ нельзя туда входить.

— Ну, положимъ, бѣда будетъ не велика.

Онъ приблизился къ двери.

— Петръ, слышишь, что я говорю?

— Я умираю отъ любопытства.

— Ну, хорошо, только не входи; такъ и быть, ужъ я тебѣ скажу. Тамъ сидитъ Корнелія, прошептала она.

— Кор.....? Что это значить?

— Что все обстоитъ благополучно. Они помолвлены. Только смотри не проговорись!

Петръ закружился и зажуужалъ, какъ кубарь, а потомъ залился смѣхомъ и вбѣжалъ въ комнату съ лицомъ, багровымъ и сіяющимъ, какъ выходящее солнце. Онъ остановился посрединѣ комнаты и, придавъ лицу своему хитрое выраженіе, уставился на Канута. Затѣмъ онъ подошелъ къ нему съ такимъ торжественнымъ, церемоннымъ видомъ, какъ будто дѣло происходило на какомъ-нибудь послѣобѣденномъ визитѣ въ домъ богатой купеческой семьи. — Осмѣлюсь-ли я выпить стаканъ вина за твое здоровье? сказалъ онъ.

Кануть съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Что съ тобой? У тебя такой видъ, какъ будто тебя прозвели въ министры.

Петръ захохоталъ, наполнилъ стаканъ и чокнулся. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ.

— Да, нечего сказать, хорошъ ты!.. благодарю!.. Скажите, пожалуйста, какіе секреты! Да еще со мною!.. И главное дѣло, въ лицѣ хотя-бы единый солнечный лучъ, пробившійся сквозь тучи!

— Да въ чемъ дѣло?

— Ну да, ладно... ужъ я знаю.

— Что-же ты знаешь?

— Вотъ какъ?.. Въ самомъ дѣлѣ?.. Ха-ха-ха! Ахъ, ты!.. Я просто готовъ тебя задушить! Онъ схватилъ Канута за плечи и принялся его трясти, затѣмъ поднялъ стаканъ, воскликнулъ:—За твое здоровье! и выпилъ его съ такимъ искреннимъ доброжелательствомъ, которое заставляло опасаться, какъ-бы онъ не проглотилъ вмѣстѣ съ виномъ и самого стакана.

Ганна вбѣжала въ комнату съ виномъ. Лицо ея раскраснѣлось отъ кухни и сіяло веселіемъ.

Петръ осмотрѣлъ бутылки.

— Это ты хорошо придумала, замѣтилъ онъ.—Ганна, можно ему сказать? спросилъ онъ, немного погодя.

— Петръ, что ты?! воскликнула она.

— Ну, вотъ еще; вѣдь это не государственная тайна. Я положительно не въ состояніи долѣе молчать... Кануть, она здѣсь!

Кануть поднялся съ своего мѣста.

— Да о комъ ты говоришь? Кто здѣсь?

— Разумѣется, Корнелія. Нечего секреты-то разводить.

Ганна схватила его за руку.

— Вѣдь онъ ничего не знаетъ, прошептала она и выбѣжала изъ комнаты.

Петръ оиѣмѣлъ отъ изумленія. Онъ положительно не зналъ, что и думать.

— Ничего не знаетъ? Не можетъ быть! Развѣ тебѣ неизвѣстно, что ты помолвленъ?

Кануть вдругъ поблѣднѣлъ.

— Ганна рассказываетъ мнѣ, что Корнелія здѣсь, что все обстоитъ благополучно, что вы помолвлены, а ты... Нѣтъ, ужъ я доберусь до правды!

Съ этими словами онъ выбѣжалъ изъ комнаты.

Вскорѣ послѣ этого отворилась дверь, ведущая въ спальню, и въ комнату вошла Корнелія.

Кануть бросился къ ней, схватилъ ея руки, хотѣлъ говорить, но могъ только судорожно засмѣяться, а когда она склонила голову къ нему на плечо, и онъ стоялъ въ полномъ сознаніи своего счастья, ему было и подавно не до словъ...

...— Пожалуйте кушать! крикнулъ Петръ, торжественно растворяя дверь передъ Ганной, которая входила въ комнату съ дымящимся блюдомъ.—Пожалуйте кушать! Я еще никогда въ жизни не чувствовалъ такого голода, какъ сегодня!

Х.

Негодованію, овладѣвшему всѣмъ благомыслящимъ обществомъ города при извѣстіи о помолвкѣ Канута и Корнелія, не было предѣловъ. Это былъ такой крупный, небывалый скандалъ, который не могъ не способствовать пораженію консервативной партіи. Въ рядахъ ея царствовало уныніе, а про-

тивники, наоборот, приободрились. Но вскорѣ въ городѣ распространился другой слухъ: стали поговаривать, что Арне Гольтъ близокъ къ банкротству. Слухъ этотъ былъ пущенъ Вильдгагеномъ. Смятеніе, произведенное въ общественной жизни населенія этою новостью, едва не уступало тому, которое послѣдовало за извѣстіемъ о скандалѣ въ семьѣ Вика. Консерваторы возликовали; Біорнгольтъ снова принялъ самоувѣренный видъ, а Гейсенъ, редакторъ демократической газеты, повѣсилъ носъ. О кандидатурѣ Канута при такихъ условіяхъ нечего было и думать; приходилось уступить и пойти на компромиссъ. Гейсенъ согласился выставить рядомъ съ Ааге Стормомъ Вильдгагена, Біорнгольтъ въ свою очередь склонился въ пользу этого церковнаго демократа, и новоиспеченный кандидатъ могъ рассчитывать на несомнѣнный успѣхъ.

Надъ моремъ свирѣпствуетъ буря. Волны съ оглушительнымъ ревомъ поднимаются все выше и выше, и какъ будто съ лихорадочной поспѣшностью бѣгутъ къ какой-то далекой цѣли. Онѣ пѣнятся, сверкаютъ и похожи на хищныхъ звѣрей, которые яростно скалятъ зубы, оглашаютъ воздухъ хрилымъ воемъ и гонятся за добычей. Онѣ преслѣдуютъ плывущія подъ парусами лодки и корабли, подгоняютъ другъ друга и кричать: — „Впередъ, впередъ, хватайте ихъ, опрокидывайте, низвергайте ихъ въ бездну, разбивайте, пожирайте ихъ. Мы жаждемъ труповъ, труповъ!“ Въ воздухѣ стоитъ дикій, неистовый ревъ; онѣ словно обезумѣли отъ внезапно овладѣвшей ими страсти къ разрушенію.

А надъ бушующимъ моремъ носятся сотни чаекъ, которыя оглашаютъ воздухъ по истинѣ адскимъ концертомъ. Онѣ какъ будто внезапно открыли, какую ужасную загадку представляетъ собою жизнь, и вмѣстѣ съ тѣмъ пришли въ безпредѣльный ужасъ при мысли о собственномъ своемъ существованіи...

Стоящія въ гавани суда приходятъ въ тревожное движеніе. Они опускаются и раскачиваются, натягиваютъ якорные канаты, бушприты склоняются передъ буями.

Въ сумерки отъ таможни отвалила шлюбка и направилась къ одному изъ стоявшихъ въ гавани кораблей. Въ лодкѣ сидѣлъ судохозяинъ Арне Гольтъ. Весь съжившись и придер-

живая руками шляпу, онъ представлялъ собою прежалкую фигуру.

Онъ вскарабкался на палубу корабля и вошелъ въ каюту, гдѣ капитанъ лежалъ въ своей койкѣ, покуривая коротенькую трубку. Онъ медленно поднялся при входѣ Гольта и усѣлся на краю койки.

— Добраго вечера! свазалъ Гольтъ, не снимая шляпы.

— Добраго вечера! Пролытая погода!

— Да... Ну, что... какъ стоять дѣла?

— Вы о ней что-ли?

Онъ сдѣлалъ движеніе рукою по направленію къ задней части корабля.

— Да, да.

— Все по прежнему. То она бѣснуется и рветъ на себѣ одежду, то сидитъ неподвижно, какъ будто въ забыты.

— Уѣзжать не хочеть?

— Нѣтъ.

— Сообщали вы ей о моемъ предложеніи?

— Да.

— Что-же она говоритъ?

— Бросилась бить меня.

— Бить?

— Да, — бить и кусать. Она на все способна. Увѣрю васъ, что сторожить ее не особенно пріятно.

— Ни подъ какимъ видомъ не выпускайте ее на берегъ..

Попробуйте еще разъ; предложите ей двойную сумму.

— Хорошо, я попробую.

— Добраго вечера!

— Добраго вечера!

Высадившись снова на берегъ, Гольтъ на минуту остановился, какъ будто раздумывая, куда направиться. Затѣмъ онъ медленно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ дому Вика, снова остановился, подумалъ и наконецъ рѣшился. Онъ быстро подошелъ къ двери дома и позвонилъ. Послышался глухой звонъ колокола. Долго никто не шелъ открывать. Наконецъ въ домѣ слышались шаги и женскій голосъ спросилъ:— «Кто тамъ?»

— Судохозяинъ Гольтъ.

Дверь открылась.

— Дома Викъ?

— Да, нехотя отвѣтила дѣвушка;—онъ въ конторѣ.

Гольтъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе. Такимъ образомъ ему не нужно было входить въ гостинную. Онъ поступался въ дверь, ведущую въ контору. Чей-то громкій, грубый голосъ крикнулъ:—«Войдите!»

Гольтъ вошелъ. Это была небольшая комната, выходившая окнами на дворъ. Почти вся мебель была изъ желѣза. Здѣсь стоялъ желѣзный диванъ съ волосяными матрасами, желѣзный шкафъ для цѣнныхъ бумагъ, желѣзный стулъ и желѣзная плевалница. Викъ сидѣлъ и читалъ какую-то толстую книгу съ стальными застѣжками. Въ комнатѣ было холодно.

Викъ снялъ очки и медленно повернулся къ вошедшему, но не могъ узнать его тотчасъ, такъ какъ онъ стоялъ въ тѣни. Наконецъ онъ разсмотрѣлъ, кто этотъ тощій, какъ привидѣніе, человекъ, который стоялъ у двери со шляпою въ рукахъ и съ видимымъ безпокойствомъ оглядывалъ комнату.

Они не говорили другъ съ другомъ съ того самаго дня, какъ Викъ сказалъ своему бывшему товарищу: «Если ты обманешь ее, я тебя убью.» За все истекшее съ тѣхъ поръ время они часто встрѣчались и боролись, какъ политическіе враги, но никогда не обмѣнивались ни единымъ словомъ.

Когда Викъ узналъ Гольта, рука его такъ грузно опустилась на книгу, что весь столъ задрожалъ. Затѣмъ онъ продолжалъ сидѣть, не двигаясь съ мѣста, и упорно смотрѣлъ на своего врага.

— Добраго вечера, Викъ, сказалъ Гольтъ

Викъ также пробормоталъ что-то въ родѣ привѣтствія.

Гольтъ подошелъ ближе, но Викъ не приглашалъ его садиться.

— Мнѣ-бы хотѣлось переговорить съ тобою.

— Насчетъ твоего сына? Напрасно; это ни къ чему не поведетъ, Арне Гольтъ.

— Нѣтъ, дѣло это не касается моего сына.

— Вотъ какъ?

— Я пришелъ поговорить о торговыхъ дѣлахъ.

— По воскресеньямъ контора закрыта для дѣловыхъ посѣтителей.

— Я и самъ объ этомъ думалъ. Извини, что я выбралъ такое время, но дѣло у меня спѣшное.

— Въ чемъ состоитъ это дѣло?

— Я нуждаюсь въ деньгахъ.

— Что?..

— Мнѣ необходимо признаться денегъ. Не можешь-ли ты помочь мнѣ?

— Помочь тебѣ?.. ты нуждаешься въ деньгахъ?..

Викъ улыбнулся; его толстыя, крѣпкія щеки нѣсколько раздвинулись, а на лицѣ сверкнулъ блѣдный лучъ свѣта, отъ котораго такъ и вѣяло холодомъ.

— Ты можешь провѣрить мои книги, сказалъ Гольтъ.

— Какое мнѣ дѣло до твоихъ книгъ!

— Я въ состояніи заплатить всѣмъ кредиторамъ.

— Такъ и плати.

— Ты на моемъ мѣстѣ тоже сталь-бы искать выхода изъ затруднительнаго положенія.

— Я во всякомъ случаѣ не сталь бы искать его у тебя.

— То есть, ты не обратился-бы за помощью ко мнѣ?

— Нѣтъ, лучше-бы я пошелъ по міру, лучше-бы умеръ съ голода.

Гольтъ нѣсколько времени молчалъ.

— Ты непримиримъ?

— Я не хочу поддерживать твоихъ сомнительныхъ спекуляцій.

— Стало быть, ты отказываешь мнѣ только потому, что не вѣришь въ прочность моихъ дѣлъ?

— Нѣтъ, я не вѣрю въ тебя самого.

— Такъ ты не хочешь мнѣ помочь?

— Нѣтъ.

Когда Гольтъ послѣ нѣкотораго раздумья снова заговорилъ, голосъ его звучалъ какъ-то нерѣшительно.

— Я никогда не обратился-бы съ такою просьбою къ кому-нибудь другому изъ моихъ противниковъ. Тебя я могу просить, потому-что... потому-что... когда-то причинилъ тебѣ горе. Мнѣ не стыдно унизиться передъ тобою.

Викъ не отвѣчалъ.

— Но даже къ тебѣ я не сталь-бы обращаться, если-бы дѣло шло только о томъ, чтобы спасти мои торговые интересы.

— О, да, разумѣется, ты приносишь себя въ жертву ради тѣхъ, кого раззоряешь!

— Я никого не раззоряю.

— Такъ въ чьихъ-же интересахъ ты пришелъ ко мнѣ?

— Ради Канута.

Голось Гольта задрожалъ при этихъ словахъ, и онъ нѣсколько разъ откашлялся.

— А, понимаю. Вѣдь я теперь самъ заинтересованъ въ твоёмъ дѣлѣ; вѣдь мы съ тобой въ нѣкоторомъ родѣ находимся въ компаніи, съ тѣхъ поръ какъ дочь моя помолвлена съ твоимъ сыномъ. Ты остался все такимъ-же хорошимъ спекулянтъ, Гольтъ, какимъ былъ прежде. Но эта спекуляція тебѣ не удастся.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты меня совсѣмъ не понялъ, воскликнулъ Гольтъ.

— Да, разумѣется! Тобою, по обыкновенію, руководила какая-нибудь благородная цѣль?!

Гольтъ молчалъ и уныло поникъ головой. Нѣсколько разъ онъ тщетно пытался говорить и наконецъ съ видимымъ усиленіемъ началъ:

— Послушай Викъ, если-бы у тебя былъ сынъ и въ особенноти такой сынъ, какъ мой, ты-бы меня понялъ. Мой сынъ,—при этомъ словѣ онъ гордо выпрямился и смѣло посмотрѣлъ Виду въ глаза,—мой сынъ обладаетъ необыкновенными дарованіями; передъ нимъ открывается великое будущее, судьба возложила на него великую миссію, Викъ. Конечно, онъ во всякомъ случаѣ проложитъ себѣ дорогу, что бы со мною не случилось; но развѣ ты не понимаешь, какъ тяжела для меня мысль, что я самъ бросаю на его дорогу самый тяжелый камень? Неужели ты не можешь понять, что ради того, чтобы предотвратить это, я готовъ сдѣлать все, рѣшиться на самую послѣднюю крайность, пойти по самой трудной дорогѣ. Вотъ причина, которая заставляетъ меня просить тебя.

Викъ всталъ.

— Что это съ тобою сдѣлалось, Гольтъ? Ты когда-то былъ не глупымъ человѣкомъ! Или ты совсѣмъ лишился разсудка? Чтобы я помогъ твоему сыну подвизаться на томъ безумномъ поприщѣ, на которое ты такъ безсовѣстно толкнулъ его! Чтобы я помогъ твоему сыну и всей этой сволочи, которая составляетъ вашу свиту, разрушать все, что есть въ мірѣ святого! Я тебя еще разъ спрашиваю, — неужели ты окончательно лишился разсудка?

— Стало быть, ты не хочешь? тихо спросилъ Гольтъ.

— Нѣтъ.

— Прошу тебя, умоляю тебя, Викъ.

— Нѣтъ.

— Подумай, какъ тяжело такое положеніе для отца... Вѣдь ты помогъ-бы всякому другому въ моемъ положеніи. Я повѣрю тебѣ все, какъ на исповѣди, дамъ заглянуть тебѣ въ самыя потаенныя уголки моего сердца; я даже теперь готовъ признаться тебѣ, что, помимо всѣхъ остальныхъ побужденій, мною руководить еще одно: мнѣ стыдно открыть сыну состояніе моихъ дѣлъ, мнѣ тяжело признаться ему, что я не въ силахъ совладать съ тѣмъ положеніемъ, которое самъ себѣ составилъ.

— Тщеславный купецъ!

— Да, да, называй меня какъ хочешь; быть можетъ ты и правъ. Но, не правда-ли, ты понимаешь меня? Я его такъ люблю, такъ уважаю, такъ преклоняюсь передъ нимъ. Вѣдь у тебя у самаго есть дочь... помоги мнѣ, Яковъ, умоляю тебя.

Онъ дрожалъ; слезы душили его, онъ весь сторбился и смиренно ждалъ отвѣта.

— Нѣтъ.

— Это твое послѣднее слово? Ты не хочешь помочь мнѣ?

— Нѣтъ.

Каждое «нѣтъ» звучало, какъ ударъ плети. Вся плотная, крѣпкая фигура Вика каждый разъ сотрясалась, словно отъ толчка, когда онъ произносилъ это слово; съ каждымъ разомъ онъ все крѣпче и крѣпче упирался ногою въ полъ и все крѣпче сжималъ губы. Онъ все болѣе превращался въ желѣзо, какъ будто сливаясь со всѣми окружающими его металлическими предметами.

Когда онъ выговорилъ свое послѣднее «нѣтъ», Гольтъ выпрямился какъ стальная пружина, выведенная на время изъ своего нормального положенія. Въ глазахъ его мелькнуло прежнее ястребиное выраженіе.

— Я думалъ, что ты великодушнѣе. Ты мелочный, безсердечный человѣкъ, Яковъ Викъ.

Викъ глухо засмѣялся. Онъ обернулся къ своему врагу. Лицо его было пепельно-сѣраго цвѣта, губы образовали двѣ бѣлыя полосы.

— Помочь тебѣ?! воскликнулъ онъ.— Да знаешь-ли Гольтъ, что, когда я тебя встрѣчалъ на улицѣ, то мнѣ стоило боль-

шихъ усилій, чтобы не броситься на тебя и не втоптать въ уличную грязь, которая была-бы для тебя самымъ приличнымъ мѣстомъ. Помочь тебѣ, тебѣ, отнявшему у меня все, что мнѣ было дорого! Нѣтъ, я съ наслаженіемъ буду смотрѣть, какъ ты превратишься въ нищаго. Отсюда, изъ этого самого дома, я буду любоваться, какъ ты побредешь вдоль набережной, скорчившись отъ холода и голода, какъ ты будешь просить милостыню, какъ тебѣ будутъ отказывать въ ней, я хочу видѣть, какъ уличные мальчишки будутъ показывать пальцами на тебя; я хочу видѣть, какъ ты сойдешь съ ума... А ужъ съ ума ты сойдешь когда-нибудь; этого тебѣ не миновать съ твоей тщеславной душой. И когда тебя схватятъ наконецъ на улицѣ и поведутъ въ сумасшедшій домъ, — тогда я протяну тебѣ руку помощи; но никакъ не раньше, въ этомъ ты можешь быть увѣренъ.

Онъ подошелъ къ двери, распахнулъ ее и съ краснорѣчивымъ жестомъ обратился къ Гольту.

— Я могъ-бы отвѣтить тебѣ, сказалъ Гольтъ;—но молчу, потому что считаю себя виноватымъ передъ тобой.

— Вонъ, обманщикъ!

— Прощай, благочестивый христіанинъ.

Викъ захопнулъ за нимъ дверь. Онъ глубоко вздохнулъ и снова усѣлся за столъ. Со времени помолвки дочери онъ почти безвыходно жилъ въ конторѣ. Въ бессонныя, мучительныя ночи онъ по цѣлымъ часамъ просиживалъ на этомъ стулѣ и читалъ все ту-же книгу съ стальными застѣжками. И теперь онъ снова принялся за прерванное чтеніе и сталъ читать про карающаго Бога Израиля...

Когда нѣсколько дней спустя, маленькій пароходъ присталъ къ набережной города, пассажирамъ его представилось небывалое зрѣлище: на пристани не оказалось ни носильщиковъ, ни гуляющей праздной публики, ни той толпы любопытныхъ, которая обыкновенно дожидается парохода. Это была загадка, которая разрѣшилась только тогда, когда къ пароходу подъѣхалъ въ своей шлюбкѣ швартовщикъ. Оказалось, что въ городѣ опять волновались рабочіе. — «Это работники Гольта», сказалъ онъ; «они хотятъ раззорить его замокъ».

При этихъ словахъ взоры всѣхъ пассажироовъ обратились на двухъ человекъ, которыхъ извѣстіе это касалось ближе,

чѣмъ кого-бы то ни было на палубѣ, — а именно на Канута и Петра, которые ѣздили къ какому-то общему знакомому, жившему по близости отъ города, и теперь возвращались домой.

Всѣ торопились выбраться на берегъ. По главной улицѣ двигалась густая толпа людей, направлявшаяся къ замку. Кануть и Петръ со всѣхъ сторонъ слышали вопросы, объясненія и догадки... „Говорять, онъ ихъ ловко надувалъ“, — сказала кто-то... «Мнѣ всегда казалось, что у этого Гольта что-то нечисто», замѣтилъ торговецъ водками, который имѣлъ большой сбытъ и благодаря этому приобрѣлъ всеобщее уваженіе.

Съ улицы слышенъ былъ шумъ, поднявшійся передъ замкомъ. Собравшаяся тамъ толпа свистала, галдѣла и кричала «ура!» По голосамъ было замѣтно, что преобладающую роль играла молодежь.

Кануть и Петръ достигли сада. Заборъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ былъ разрушенъ; сквозь бреши они могли окинуть взоромъ поле сраженія. Ровное пространство, находившееся передъ домомъ, было покрыто толпою людей, которые, однако, казалось, ничего не предпринимали. Активный элементъ, молодые люди, рассыпались по саду. Можно себѣ вообразить, какимъ удовольствіямъ предавались при такихъ соблазнительныхъ условіяхъ молодые люди Боже мой, какое веселіе — бѣгать по этому большому, красивому и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опасному саду, мимо котораго они до сихъ поръ, бывало, проходили украдкою съ какимъ-то почти суевѣрнымъ страхомъ, поглядывая съ любопытствомъ на изобрѣтательнаго хозяина и его хитрыя ловушки, относительно которыхъ ходили невѣроятныя преданія. Самый большой подвигъ, на который рѣшались въ былое время какіе-нибудь храбрецы, состоялъ въ томъ, чтобы темнымъ вечеромъ вскарабкаться на заборъ и сорвать нѣсколько ягодъ или яблоко. А теперь вдругъ явилась возможность не только разсмотрѣть вблизи всѣ чудеса, находившіяся въ саду, ощупать ихъ, изслѣдовать и доискаться въ чемъ заключается секретъ скамеекъ и рѣшетокъ, но даже безнаказанно топтать и ломать все, что угодно. При этомъ они тотчасъ постигли выгоды раздѣленія труда. Нѣкоторые, самые любознательные, принялись за «необыкновенныя» скамейки и опрокинули ихъ, чтобы изучить механизмъ. Другіе, руководившіеся болѣе солидными интересами, начали опусто-

шать яблони и капустныя гряды. Утоливъ свой голодь, они стали бомбардировать остатки другъ друга и собравшихся за заборомъ зрителей. Въ третьей категоріи преобладала страсть къ разрушенію; представители ея безжалостно топтали цвѣточныя клумбы, на которыхъ нѣсколько астръ и другихъ осеннихъ цвѣтовъ возмущали ихъ своимъ аристократическимъ видомъ, вырывали кусты и ломали садовые столы. Нѣсколько человѣкъ съ несомнѣнными меркантильными наклонностями принялись за торговлю пивомъ и сигарами, которыя они продавали счастливымъ, имѣвшимъ наличныя деньги. Самые юные изъ дѣятелей тутъ-же обмѣнивались своими находками,— пуговицами, гвоздями, желѣзными скобками и т. п., или занимались тѣмъ, что поджигали маленькія кучки пороха. У всѣхъ было только одно опасеніе,— что вотъ, вотъ придетъ полиція и положить конецъ веселію.

Кануть и Петръ поспѣшили къ дому. Петръ былъ внѣ себя отъ бѣшенства.—«Сволочь, мерзавцы!» ворчалъ онъ и то и дѣло порывался дать волю кулакамъ, такъ что Кануту приходилось его удерживать. Они подошли къ толпѣ, собравшейся передъ домомъ. Большинство присутствовавшихъ, казалось, представляли собою просто зрителей. Работники Гольта небольшими группами стояли возлѣ самага дома. Они казались положительно смущенными, прятались другъ за друга и видимо ждали, что кто-нибудь объяснитъ имъ, зачѣмъ они въ сущности пришли сюда и что теперь слѣдовало предпринять. Если-бы не многочисленныя зрители, которые стояли и видимо ждали какого-нибудь необычайнаго событія, то, быть можетъ, все кончилось тѣмъ, что рабочіе мирно разошлись бы по домамъ.

Къ несчастью, молодые бунтовщики, которые безчинствовали до сихъ поръ въ саду, смотрѣли на дѣло совсѣмъ иначе. Опустошеніе яблонъ и опрокидываніе скамеекъ начинало имъ надобдывать. Самые предприимчивые изъ нихъ устроили нѣчто въ родѣ военнаго совѣта, затѣмъ весь отрядъ вытянулся въ линію и смѣшался съ толпою, стоявшею передъ домомъ. Вдругъ послышались рѣзкіе, звенящіе звуки; въ одномъ изъ оконъ перваго этажа, во всѣхъ стеклахъ, кромѣ одного, оказалось по звѣздообразному отверстию.—«Ну вотъ ты стало теперь одноглазое!» крикнулъ одинъ изъ застрѣльщиковъ, и затѣмъ раздалось оглушительное «ура!» Первый шагъ былъ сдѣланъ;

скоро на окна и стѣны былъ направленъ цѣлый градъ камней; поднялся звонъ и трескъ; куски стекла и обломки известки всюду посыпались на землю; ярость молодого осаждающаго крѣпость войска видимо возрастала. Они уже не прятались, а рыскали вокругъ дома, нисколько не стѣсняясь, у всѣхъ на виду, старались отличиться другъ передъ другомъ и держали пари на пуговицы, сигары, мѣдныя монеты и пиво. Забавы въ саду были ничто въ сравненіи съ этой новой затѣей; звонъ, раздававшійся каждый разъ какъ камень попадалъ въ окно, а главное—мысль, что они бомбардируютъ знаменитый замокъ, что каждый камень летитъ въ роскошныя комнаты Гольца и разбиваетъ лампы или зеркала, портитъ столы и стулья,—необыкновенно воодушевляли осаждающихъ. Теперь они готовы были продолжать свои подвиги цѣлую ночь и по возможности начать на слѣдующій вечеръ съизнова.

Пока Кануть и Петръ пробирались севозь толпу, чтобы добраться до воротъ задняго двора, они невольно обратили вниманіе на одного господина, который всегда вертѣлся тамъ, гдѣ толпа была всего гуще и бомбардировка шла особенно дѣятельно. Онъ толкалъ то одного, то другого палкою въ бокъ, указывалъ на окна и приговаривалъ:—«Вотъ это ловко! Молодецъ!... старайся кидать выше!... Ха, ха, ха! Онъ не рѣшается!... Эй ты, хочешь сигару?.. На, вотъ тебѣ два шиллинга... Торопись!

— Да никакъ это Біорнгольтъ, прошепталъ Петръ.—Какая наглость!... Ну, погоди!...

Біорнгольтъ замѣтилъ ихъ. Онъ отошелъ отъ группы застрѣльщиковъ, прошелъ мимо нихъ, размахивая палкою, и крикнулъ:—«Поздравляю! Самодержавный народъ, наконецъ, начинаетъ заявлять свои права!»

У Петра опять пробудились воинственныя наклонности, но Кануть увлекъ его за собою. Заднія ворота, подобно главному входу, оказались запертыми. Въ домѣ было все тихо; онъ казался покинутымъ. Наконецъ Петръ замѣтилъ-таки какое-то лицо, робко выглядывавшее въ одно изъ оконъ второго этажа. Онъ далъ понять знакомъ, что они хотятъ войти и вскорѣ на лѣстницѣ послышались шаги. Дверь отворили съ большою осторожностью и тотчасъ снова заперли ее, когда они вошли.

Въ комнатѣ Катерины они нашли всѣхъ слуганокъ, ко-

торыя забились сюда и дрожали отъ страха. Сама Катерина дрожащимъ голосомъ читала вслухъ молитвенникъ.

Когда вошли Кануть и Петръ, она вскочила съ радостнымъ крикомъ:

— Слава Богу, что вы пришли!

— Гдѣ отецъ?

— Въ конторѣ.

Гольтъ въ лихорадочномъ ожиданіи ходилъ по комнатѣ. Его жидкіе, сѣдые волосы, которые обыкновенно старательно были зачесаны на темя, спускались беспорядочными прядями. Подбородокъ и щеки обросли короткой сѣдой бородой. Онъ безпрестанно шевелилъ губами, а когда заговорилъ, то вмѣсто прежняго звучнаго голоса послышался какой-то другой, дрожащій и старческій.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, въ теченіи которыхъ онъ, казалось, тщетно искалъ словъ, онъ наконецъ, воскликнулъ.

— Уѣзжай, Кануть, уѣзжай! Съ моей стороны было безуміемъ удерживать тебя. Уѣзжай... сегодня... завтра... съ слѣдующимъ пароходомъ.

— Да скажи мнѣ, что случилось, отецъ?

— Что случилось? Читалъ ты газету отъ четверга?

— Нѣтъ.

Онъ подбѣжалъ къ столу, схватилъ газету, судорожно сжалъ ее въ рукѣ и подаль Кануту.

— Смотри, вотъ здѣсь! Читай! Я обанкрутился. Я обманщикъ и больше ничего! Я раззорилъ всѣхъ этихъ легковѣрныхъ людей, которымъ столько лѣтъ доставлялъ работу, которымъ всячески помогаль; я самымъ безсовѣстнымъ образомъ обманулъ ихъ! Ха, ха, ха! Да, да.. изъ этой статьи ты узнаешь, какой человекъ твой отецъ.

Кануть сталъ читать. Газета дрожала въ его рукахъ.

— Но развѣ это правда? Ты въ самомъ дѣлѣ..?

— Обанкрутился? Смотри, вотъ мои книги. Я могу заплатить все до одинаго гроша.

Волненіе передъ домомъ возрастало. Крики становились громче, стѣны дрожали подъ градомъ камней. Наконецъ, осаждающіе принялись штурмовать наружную дверь.

— Говорилъ ты съ рабочими, отецъ?

— Говорить съ ними? Нѣтъ, благодарю покорно; слыш-

комъ много чести! И къ чему-бы это повело? Ихъ, разумѣется, напоили водкой, чтобъ они безчинствовали, а теперь они требуютъ новаго угощенія. Можетъ быть ты думаешь, что намъ слѣдовало-бы отпереть имъ погребъ! Что-жъ? Пускай все идетъ прахомъ! Я предоставлю имъ свой домъ, амбаръ, все свое имущество! А для насъ съ тобой останется улица; мы будемъ просить милостыню, пока эта сволочь, ради которой я жертвовалъ всѣмъ, напивается нашимъ виномъ.

— Отецъ, успокойся, ты внѣ себя!

— Уѣзжай, Кануть, уѣзжай! Я не хочу, чтобы ты страдалъ отъ всей этой грязи. О себѣ я не печалюсь. Я къ этому привыкъ. Но я не потерплю, чтобы къ тебѣ прикоснулась грязная рука. Уѣзжай. Пускай они убьютъ меня, если хотятъ; я ужь достаточно испыталъ въ жизни.

— Успокойся, отецъ... Петръ, пойдѣмъ внизъ; всему этому необходимо положить конецъ. А потомъ мы поговоримъ съ тобою, отецъ.

— Когда они вышли, Гольтъ въ изнеможеніи остановился. Послѣ минутной вспышки онъ снова казался безсильнымъ и равнодушнымъ.

Передъ домомъ все стихло. Гольтъ сталъ прислушиваться, но такъ какъ тишина ничѣмъ не нарушалась, то онъ перешелъ въ смежную комнату, которая выходила окнами въ садъ. Онъ подошелъ къ окну. Кануть въ сопровожденіи группы рабочихъ удалялся отъ дома; Петръ велъ переговоры съ остальными, переходя отъ одного къ другому, и видимо усовѣщивалъ ихъ. Гольтъ отворилъ окно, чтобы лучше слышать. До него долетали отдѣльныя фразы: — „Стыдитесь!.. Такъ-то вы благодарите хозяина за то, что онъ давалъ вамъ болѣе высокую плату, чѣмъ кто-бы то ни было?... Теперь, когда ему грозить бѣда, вы бьете окна въ его домъ!..“

— Онъ насъ обманулъ! крикнули нѣкоторые изъ самыхъ смѣлыхъ... Это напечатано въ газетѣ... Тамъ сказано, что онъ хочетъ раззорить насъ!

Затѣмъ снова послышался голосъ Петра: — „Вотъ какъ! Кого же онъ обманулъ? Кто пострадалъ изъ-за него? Не ты-ли Уенсенъ? Подойди сюда, пріятель, и отвѣчай на мой вопросъ. Помнишь, какъ тебя, только что выпустили изъ военной тюрьмы и какъ никто не хотѣлъ съ тобою имѣть дѣла? Ты былъ безъ работы и голодалъ, когда Гольтъ взялъ тебя; а теперь у

тебя есть свой домъ и клочекъ земли... Или ты, Бергъ? Ты тщетно обращался за помощью къ другимъ: тебя не хотѣли брать, потому что ты неправовѣрный. Кто тебѣ далъ работу?.. Или ты, Гансень? Гдѣ ты былъ, когда Гольтъ взялъ тебя къ себѣ? Въ богадѣльнѣ?.. А, ты тоже здѣсь, любезный Гэвигъ? Ты-то чѣмъ пострадалъ? Вѣдь ты былъ раззорившимся столяромъ, когда Гольтъ далъ тебѣ работу въ своей бочарнѣ...

Кануть и рабочіе, которые послѣдовали за нимъ, возвратились. Гольтъ видѣлъ, какъ сынъ его вскочилъ на скамейку. Стало быть, онъ хотѣлъ обратиться къ толпѣ съ рѣчью. Гольтъ выпрямился. Это, конечно, значило оказывать имъ слишкомъ много чести, но его всетаки радовало, что Кануть будетъ защищать его, окончательно разобьетъ противниковъ своею неутомимой логикой, устыдитъ этихъ неблагодарныхъ и воздастъ имъ должное.

Онъ высунулся изъ окна, чтобы не проронить ни единого слова.

Большинство рабочихъ стояло еще столпившись вокругъ Петра; они не замѣтили Канута. Петръ продолжалъ подзывать къ себѣ каждого по одиночкѣ, и эта система до такой степени парализовала ихъ энергію, что молодые воины, прекратившіе на время свою бомбардировку, начинали серьезно опасаться, какъ-бы все дѣло не кончилось полнѣйшимъ фіаско. Но неожиданный инцидентъ сразу измѣрилъ настроеніе толпы. Чей-то тонкій, пронзительный голосъ крикнулъ:—„О, мы ему ничѣмъ не обязаны! Мы прекрасно знаемъ, почему онъ намъ помогалъ; ему нужны были наши голоса на выборахъ! Мы расквитались съ нимъ!

— Это правда! согласились остальные и снова приободрились. Даже тѣ, которые съ минуту тому назадъ были до того сконфужены, что вынули изо рта сигары и едва рѣшались сплюнуть, вдругъ набрались храбрости и начали громко кричать. Замѣтивъ Канута, они окружили его съ довольно вызывающими минами.

Гольтъ стоялъ у окна, затаивъ дыханіе. Рѣшительная минута, наконецъ, настала. Кануть заставить этихъ людей образумиться и отнестись къ дѣлу справедливо. Наконецъ-то онъ будетъ вознагражденъ за все, что претерпѣлъ въ жизни.

Вдругъ онъ отшатнулся отъ окна. Что это значило? Кануть, не сказавъ ни слова, сошелъ со скамьи. Стало быть

онъ отказался отъ защиты? Чего онъ боится? Быть можетъ онъ не осмѣливался или не *могъ* оправдывать отца?...

Гольтъ не чувствовалъ подь собою ногъ; ему казалось, что онъ медленно опускается въ какую-то бездонную, мрачную пропасть...

А между тѣмъ, передь домою выступила на сцену новая сила. Городская полиція отважилась, наконецъ, явиться на мѣсто беспорядковъ. Блюстители порядка медленно и осторожно приблизились къ толпѣ. Какой-то человекъ, съ широкимъ галуномъ на картузѣ и съ добродушнѣйшимъ лицомъ, громкимъ голосомъ прочиталъ что-то изъ книги, чего никто не понялъ и, затѣмъ, пригласилъ всѣхъ разойтись по домамъ. Рабочіе стояли въ раздумьи. Наконецъ, одинъ изъ нихъ предложилъ: — «Ура, полиціимейстеру!» и толпа мгновенно подхватила этотъ крикъ. Все предсказывало благодушную развязку; но, къ сожалѣнію, никто не принялъ во вниманіе настроеніе дѣйствующей арміи, которой былъ совсѣмъ не по душѣ такой мирный исходъ. Въ отвѣтъ на сочувственный крикъ толпы раздался пронзительный свистъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ-за кустовъ, на блюстителей общественнаго спокойствія, посыпался градъ яблоковъ и другихъ извлеченныхъ изъ градъ метательныхъ снарядовъ. Въ одного, особенно ненавистнаго полицейскаго, угодила исполинская брюква, которая со своимъ длиннымъ хвостомъ пронеслась по воздуху, какъ комета.

Представители власти бросились въ погоню за бунтовщиками, которые, въ теченіе нѣкотораго времени, съ крикомъ и хохотомъ продолжали битву довольно успѣшно. Но пронзительные крики, раздавшіеся вскорѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ за кустами, возвѣстили, что правильныя войска начинаютъ одолевать непріятеля, и многіе стали одинъ за другимъ выбѣгать на улицу. Въ заключеніе полиція совершенно овладѣла полемъ битвы, удержавъ въ плѣну нѣсколькихъ человекъ.

Рабочіе, тѣмъ временемъ, разошлись. Затѣмъ, полиція пригласила и зрителей удалиться на улицу и разставила вокругъ дома часовыхъ.

XI.

Печальную картину представлялъ собою замокъ съ окружавшимъ его садомъ, когда около него снова воцарилось безмолвіе. Начало смеркаться; въ городѣ въ нѣкоторыхъ окнахъ

уже мерпали огни; на молѣ засвѣтилась верхушка маяка. Мѣсяцъ выплылъ изъ-за бѣлыхъ облаковъ. При его блѣдномъ свѣтѣ садъ принялъ призрачный видъ. Опустошенныя фрутовыя деревья, которыя еще такъ недавно гнулись подъ тяжестью желтыхъ и красныхъ плодовъ, протягивали въ воздухъ свои голыя вѣтви, какъ будто ужасаясь тому, что здѣсь происходило. Необыкновенныя скамейки, которыя такъ гордились сознаниемъ присущей имъ скрытой силы, лежали вверхъ ногами среди кустовъ. Клумбы, на которыхъ недавно еще красовались астры, теперь имѣли видъ простого картофельнаго поля, изъ котораго уже выкопанъ картофель. Самый замокъ, съ затаенною злобою взиралъ своими мрачными, ввалившимися глазами на эту картину разрушенія.

Гольтъ оправился отъ своего оцѣпенѣнія. Онъ еще не хотѣлъ признавать себя побѣжденнымъ. Кануть долженъ былъ выслушать его. Въ данную минуту на картѣ стояло больше, чѣмъ когда-либо; дѣло шло о томъ, чтобы сохранить уваженіе сына.

Расхаживая быстрыми шагами по длинной комнатѣ, въ которую тихо пробрался унылый свѣтъ мѣсяца, онъ сталъ перебирать въ памяти всю свою жизнь. Никогда еще онъ не смотрѣлъ на нее съ такой точки зрѣнія. Передъ каждымъ выдающимся событіемъ онъ останавливался и спрашивалъ: — «Что подумаетъ объ этомъ Кануть?»... Онъ перенесся мыслями въ далекое прошлое и попеременно являлся то обвинителемъ, то защитникомъ. Оказывались свѣтлыя точки, — поступки и чувства, которые дѣлали ему честь; онъ дышалъ свободнѣе, вспоминая о нихъ, самоувѣреннѣе поднимая голову и чувствовалъ себѣ бодрѣе. Но были и темныя воспоминанія, — нѣкоторые поступки, которые приходилось безусловно осуждать, и другіе, сомнительные, истинное значеніе которыхъ ему даже самому было не вполне ясно... Выступали свидѣтели. Этотъ мрачный человѣкъ, когда-то бывший его товарищемъ, — Викъ, — былъ самымъ ужаснымъ изъ нихъ.—«Честно-ли ты поступилъ относительно меня?» говорилъ онъ... Гольтъ невольно отступилъ передъ этимъ призракомъ; онъ напоминалъ ему о тяжелой, неоспоримой винѣ... А вотъ блѣдная, красивая женщина съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ и глазахъ, которое ясно указывало на источникъ ея несчастія. Все необыкновенное подкупало ея воображеніе... И что-же говорила она те-

перъ? — «Ты выбралъ меня изъ тщеславія, изъ чувства мести. Ты не любишь меня. Ты издѣвался надъ моими «нѣжностями», надъ моею женскою боязливостью, надъ голосомъ моей совѣсти, надъ всѣмъ, что было дорого моему сердцу...»

Мысли его понеслись дальше, впередъ, къ періоду его общественной дѣятельности. Здѣсь становилось свѣтлѣе; здѣсь онъ могъ указать на работу для общей пользы, на борьбу за справедливость, которая дѣлала ему честь. А между тѣмъ, теперь именно эту честь-то и хотѣли у него отнять!.. Правда, и въ этой области своего прошлаго онъ открывалъ кое-какіе факты, которые нельзя было оправдать передъ судомъ Канута, и каждый разъ, когда приходилось наталкиваться на такіе сомнительные случаи, онъ падалъ духомъ. Вѣсы, повидимому, склонялись на сторону обвиненія...

На лѣстницѣ слышались шаги, и въ сосѣдную комнату вошелъ Кануть.

Гольтъ едва былъ въ состояніи войти къ нему; онъ снова чувствовалъ необыкновенную слабость во всѣхъ членахъ; передъ глазами носился какой-то туманъ.

Кануть зажигалъ лампу. Или она была испорчена, или же руки его дрожали; во всякомъ случаѣ, онъ долго не могъ справиться съ этимъ дѣломъ.

Гольтъ стоялъ посрединѣ комнаты и пристально смотрѣлъ на него.

Наконецъ, лампа была зажжена. Кануть усялся на диванъ и облокотился на столъ.

— Ну, теперь все кончено, отецъ; они ушли.

Гольтъ ничего не отвѣчалъ; вѣдь его интересовало совсѣмъ не это.

Прошло довольно много времени, пока Кануть опять заговорилъ. Наконецъ, онъ сказалъ сдержаннымъ, но взволнованнымъ голосомъ:

— Нужно ликвидировать дѣла, отецъ, и расплатиться со всѣми.

Гольтъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ. Повидимому, сынъ намѣренъ былъ говорить о торговыхъ дѣлахъ. Онъ на мгновеніе забылъ о своихъ внутреннихъ счетахъ; въ немъ проснулся купецъ.

— И начинать съизнова? Знаешь-ли ты, что это значитъ, Кануть?

Онъ подошелъ къ столу и взялъ одну изъ лежавшихъ на немъ книгъ.

— Смотри, Кануть, читай, и ты тотчасъ согласишься, что ни одинъ разумный дѣловой человѣкъ...

Кануть прервалъ его:

— Оставь это. Я тебѣ вѣрю. Но неужели въ городѣ нѣтъ ни одного человѣка, который могъ-бы помочь тебѣ?

— Мои книги не испугали-бы никого.

— Твои книги... да; а къ тебѣ самому люди не питаютъ довѣрія?

— Тѣ, которые могли-бы помочь мнѣ, принадлежать къ числу моихъ злѣйшихъ враговъ.

— Отецъ... продавай и плати долги.

Гольтъ стоялъ, опустивши голову.

— Это значить: готовъ для насъ обоихъ полнѣйшее пораженіе.

— Дѣлай, какъ знаешь. Мнѣ въ сущности все равно. Я во всякомъ случаѣ не приму участія въ фирмѣ. Я не гожусь для коммерческой карьеры; я убѣдился въ этомъ, когда хотѣлъ обратиться съ рѣчью къ рабочимъ. Въ крайнемъ случаѣ я былъ-бы пригоденъ развѣ на то, чтобы бѣгать изъ конторы на пристань и справляться о новостяхъ, но къ крупной дѣятельности, къ спекуляціи живымъ товаромъ, на примѣръ, работниками, я неспособенъ; для этого у меня чего-то не хватаетъ; я пасую въ самый рѣшительный моментъ, лишь только przygotowляюсь пустить въ ходъ краснорѣчіе для рекомендаціи торговой фирмы.

— Кануть, скажи лучше прямо: ты въ душѣ тоже готовъ вторить тому крику, который только что раздавался противъ меня тамъ, передъ окнами? *сказалъ Гольтъ дрожащимъ голосомъ.

— Я думаю, что намъ-бы пора перестать разыгрывать комедію. До сихъ поръ мы имѣли глупость являться другъ передъ другомъ не иначе какъ въ парадной формѣ, на конѣ и при шпагѣ. А теперь, увѣряю тебя, я чувствую потребность слѣзть наконецъ съ коня, сбросить съ себя мундиръ, шляпу съ султаномъ, перчатки, парадную шпагу, весь этотъ шутовской нарядъ. Поговоримъ безъ обиняковъ о томъ, что случилось. Я не думаю, что ты обманулъ этихъ людей, отецъ; для этого ты слишкомъ уменъ; но все-таки полагаю, что на самомъ дѣлѣ ты

преслѣдоваль очень крупную дѣловую цѣль. Оффициально она называется благомъ рабочихъ, свободою, справедливостію, подобно тому какъ на другой сторонѣ улицы, въ старыхъ домахъ, торговля идетъ во имя «святѣйшихъ интересовъ общества». Но стоять только заглянуть въ маленькую уютную комнатку, гдѣ хранятся истинныя, настоящія книги и подводятся дѣйствительные итоги, и убѣдишься, что въ основѣ всего предпріятія лежитъ нѣчто болѣе солидное, чѣмъ то, о чемъ гласятъ объявленія: тамъ окажется *рыба*, отецъ,—да, рыба и больше ничего... Въдѣ въ дѣйствительности такъ мало *истинныхъ* борцовъ подѣ знаменамъ правды, которые служили-бы только ему одному; большинство-же просто люди съ необыкновенными способностями къ торговлѣ, и пока они парадируютъ великими идеями, смотришь — сбыть рыбы пошелъ шибко... Вотъ видишь-ли, когда я стоялъ тамъ, внизу, и готовился,—очень граціозно, увѣряю тебя,—расправить свои ораторскія крылья, эта грубая скотина, рабочій, своимъ возмутительно прозаическимъ голосомъ съ самымъ безсовѣстнымъ нахальствомъ порвалъ всю стройную сѣть моихъ мыслей, и я внезапно увидѣлъ за декораціями мѣнующую торговлю во всемъ ея блескѣ. Я мгновенно очутился въ твоей собственной маленькой, завѣтной комнаткѣ,—въ той самой, гдѣ хранятся настоящія книги, и, увѣряю тебя, невольно подивился себѣ самому. Въдѣ я же отлично зналъ, что такой уютный уголокъ существуетъ и въ твоёмъ торговомъ предпріятіи, и все таки,—чортъ знаетъ, какъ это случилось,—хотѣлъ взобраться на ораторскую трибуну, чтобы держать рѣчь, какъ будто и понятія не имѣлъ о вышеупомянутой маленькой комнаткѣ, какъ будто никогда не слышалъ, что и ты когда-то не хуже другихъ добивался вступить въ союзъ со старыми домами. Надо полагать, что у меня нѣсколько запутались мысли подѣ вліяніемъ царившаго вокругъ бѣшеннаго гама, но, какъ-бы то ни было, случай этотъ показался мнѣ слишкомъ заманчивымъ; во мнѣ несомнѣнно таятся неисправимыя ораторскія поползновенія.

Кануть не могъ видѣть отцовскаго лица, такъ какъ оно было заслонено колпакомъ лампы. Онъ не замѣчалъ, что оно становилось все блѣднѣе и блѣднѣе, приняло наконецъ синевато-сѣрый оттѣнокъ, что глаза его сначала широко раскрылись, какъ будто собирався выскочить, а затѣмъ приняли безмысленное, тупое выраженіе; онъ остановился только тогда, когда

вдруг увидѣлъ руку, которая какъ будто ловила въ воздухѣ невидимый предметъ, коснулась лампы и наконецъ исчезла, а затѣмъ услышалъ звукъ отъ паденія какого-то тяжелого тѣла. Кануть однимъ прыжкомъ очутился по другую сторону стола. Отецъ его лежалъ на полу съ сжатыми кулаками, открытымъ ртомъ и закрытыми глазами. Кануть на скоро изслѣдовалъ его, а затѣмъ схватилъ лампу и послѣдшне вышелъ изъ комнаты. Онъ тотчасъ вернулся съ водою и въ сопровожденіи Катерины. Они уложили Гольта на диванъ и намочили ему виски холодною водою.

— Спаси насъ, Господи, и помилуй! Они уморили его! воскликнула Катерина.

— Это я сдѣлалъ, Катерина.

Катерина съ ужасомъ взглянула на него.

— Посидите около него, я сбѣгаю въ аптеку.

Когда Кануть вернулся, Гольтъ уже опять сидѣлъ въ своемъ креслѣ. У него былъ усталый видъ и нѣсколько хриплый голосъ. Катерины въ комнатѣ не оказалось.

— Я просто никуда ужъ не годенъ, сказалъ онъ... пора въ отставку, Кануть, пора въ отставку; мнѣ дѣлается дурно послѣ малѣйшаго напряженія.

Кануть опустился на колѣни возлѣ отца и схватилъ его руку.

— Прости меня, прошепталъ онъ.

Гольтъ медленно покачалъ головой.

— Я зналъ напередъ, что это должно случиться, сказалъ онъ.—Мнѣ нечего прощать, но во многомъ приходится раскаиваться... Но знай, Кануть, что если-бы у тебя и не вырвались эти слова, я всетаки поговорилъ бы съ тобою откровенно.

— Не утруждай себя, отецъ... вѣдь мы успѣемъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, именно теперь! Я долженъ все, все тебѣ высказать. Подумай, вѣдь мы ни разу не говорили съ тобою по душѣ... Мнѣ иногда кажется, Кануть, что мы живемъ съ тобою такъ, какъ будто мы другъ другу совсѣмъ чужіе...

Кануть, который тѣмъ временемъ поднялся на ноги, кивнулъ головой.

— Правда отецъ; въ этомъ-то и бѣда наша.

Гольтъ попробовалъ встать.

— Я непременно долженъ ходить, когда говорю, сказалъ онъ.

Сначала Гольтъ ходилъ по комнатѣ медленно, сгорбившись и сложивъ за спиною руки, но, по мѣрѣ того, какъ онъ воодушевлялся, походка его становилась быстрѣе и увѣреннѣе; онъ выпрямился во весь ростъ, часто сжималъ кулаки и размахивалъ руками по воздуху.

— Ты сказалъ, между прочимъ, что и я домогался расположенія и покровительства здѣшнихъ тузовъ. Да, Кануть, домогался,—каюсь... Въ первый разъ я это сдѣлалъ ради того, чтобъ избѣгнуть судьбы моего отца. Я не хотѣлъ жить и умереть, подобно ему презрѣннымъ, чудачкомъ, неудачникомъ, среди людей, вѣрящихъ въ чорта и въ худой глазъ. Сначала я попробовалъ было пробраться безъ посторонней помощи; я работалъ такъ, что едва не разстроилъ окончательно своего здоровья, и только тогда, когда этотъ путь оказался бесполезнымъ, началъ обивать пороги сильныхъ міра сего. Но въ началѣ мнѣ и тутъ не повезло; я не обладалъ еще великимъ, прибыльнымъ искусствомъ—молчать; молчать, когда тебя самого топчаты ногами, молчать, когда истязаютъ и оскорбляютъ другихъ, молчать, когда всюду царить тупоуміе. Но я многому научился за это время. Я узналъ, что въ жизни преуспѣваютъ не самые способные, а самые пронырливые и покорные,—тѣ, кто безропотно подчиняются волѣ власть имѣющихъ, и что сотни способныхъ, самостоятельныхъ людей погибаютъ только потому, что не захотѣли научиться этому искусству молчать. Я видѣлъ, какъ люди, стоявшіе во всѣхъ отношеніяхъ ниже меня, пресмыкаясь и лицемѣря, продавая и перепродавая все на свѣтѣ, добивались блестящаго положенія. Я видѣлъ, какъ тѣ же люди, обладающіе искусствомъ казаться худенькими въ обществѣ толстыхъ, достигали власти и занимали свое мѣсто между тѣми, которые втайнѣ стоворились не давать хода никому, кто могъ-бы внушать имъ опасенія своимъ умомъ и своею смѣлостью; я видѣлъ какъ эти тоненькіе, какъ ниточка, смиренники, въ свою очередь, становились жирными и толстыми и усердно помогали другимъ травить и преслѣдовать все доброе. Вотъ, что я видѣлъ, и въ дуплѣ моей накопилось озлобленіе, которое съ тѣхъ поръ никогда не покидало меня; я далъ себѣ слово помогать всѣмъ поработеннымъ и угнетеннымъ, я поклялся вести войну, войну на жизнь и смерть про-

тивъ всѣхъ этихъ властолюбцевъ, которые топтали ногами отца моего, меня самого и многихъ другихъ...

— И все-таки, Кануть, все-таки я еще разъ сдѣлать попытку заслужить расположеніе сильныхъ. Въ то время я самъ уже обладалъ силою, тою силою, которую доставляютъ намъ деньги. Этою силою я овладѣлъ путемъ тяжелаго труда, поборовъ безчисленныя, неимовѣрныя трудности, и наконецъ очутился въ такомъ положеніи, которое позволяло, наконецъ, начать серьезную битву противъ врага. Но именно тогда, — единственный разъ въ жизни, — обычная смѣлость оставила меня; я упалъ духомъ и снова началъ обивать пороги сильныхъ. Это былъ самый тяжелый годъ во всей моей жизни. Мнѣ пришлось вращаться между этими людьми, смиренно, подобострастно соглашаться съ ними, между тѣмъ какъ въ душѣ кипѣли злорадство и ненависть. Приходилось выслушивать наставленія и поученія отъ людей, которые стояли неизмѣримо ниже меня по уму и познаніямъ. Созданный для борьбы, я принужденъ былъ превратиться въ человѣка осторожнаго, робкаго, принужденъ былъ молчать при видѣ злоупотребленій, которыя такъ хотѣлось разоблачить и уничтожить, долженъ былъ помогать своимъ противникамъ поддерживать такіе предразсудки, которые мнѣ были ненавистны. Голова моя была переполнена планами реформъ, надъ которыми я думалъ въ теченіе долгихъ лѣтъ, несмотря на такую работу, которую немногіе были-бы способны выдержать, несмотря на потери, опасныя кризисы и всевозможныя отчаянныя положенія; эти планы были самымъ драгоценнымъ для меня достояніемъ, а между тѣмъ я не смѣлъ даже намекнуть кому-бы то ни было, что въ головѣ моей шевелится хоть одна здоровая мысль. Я мучительно, пламенно желалъ борьбы, борьбы по всей линіи, а между тѣмъ долженъ былъ идти и поддерживать господствующій авторитетъ... Это время не принесло мнѣ выгоды, Кануть; я лишился такой вещи, которую вернуть не легко, и въ душѣ моей укоренилась такая ненависть къ моимъ противникамъ, которую я никогда не могъ въ себѣ искоренить.

Кануть слушалъ съ блѣдными губами и судорожно сжатыми кулаками.

— Отецъ, я не понимаю, какъ тебѣ удалось снова подняться, послѣ того, какъ ты самъ такъ рѣшительно отрекся

отъ всего, что тебѣ было дорого. Какъ ты *можь*, какъ ты *можь* это сдѣлать?

— Да... какъ я могъ! тихо повторилъ Гольтъ и опустилъ голову.

— Отказаться отъ борьбы,—это я еще понимаю; осмѣять свои собственные мечты и совершенно забыть о нихъ, — еще куда ни шло... Но пресмыкаться передъ этими людьми, лгать, быть ихъ покорнымъ лакеемъ!.. Отецъ, зачѣмъ ты это сдѣлалъ?

— Зачѣмъ? повторилъ Гольтъ тѣмъ-же тихимъ, взволнованнымъ голосомъ.—У меня былъ сынъ...

— Сынъ?.. Такъ ради *меня*, ради *ме*...

— Да, это была слабость, глупость, несправедливость по отношенію къ тебѣ, Кануть; я это знаю, но... право... я желалъ тебѣ добра, пробормоталъ Гольтъ. — Вспомни, какъ я самъ натерпѣлся въ жизни. Имя моего отца было первымъ затрудненіемъ, которое оказалось на моей дорогѣ и долго мѣшало мнѣ. Я не могъ рѣшиться оставить тебѣ въ наследство ту ненависть, которая, — я былъ увѣренъ, — должна была выпасть на мою долю; я не смѣлъ предумышленно преградить тебѣ доступы во всѣ эти дома, гдѣ ты могъ найти то, чего я не въ силахъ былъ дать тебѣ; я не могъ разлучить тебя съ твоими товарищами, которые конечно стали-бы сторониться отъ сына человѣка, заслужившаго всеобщую ненависть. Мною овладѣвали трусость и малодушіе, когда я думалъ о томъ, что мощу твоей жизненный путь такими затрудненіями, преодолѣть которыя даже не въ силахъ буду помочь тебѣ... Ты былъ моимъ единственнымъ ребенкомъ, Кануть! Ты былъ для меня дороже всѣхъ плановъ будущаго!

Кануть стоялъ, опустивши голову. Онъ подошелъ и положилъ руку на плечо отца.

— То, что ты рассказалъ теперь, мнѣ никогда и въ голову не приходило.

Гольтъ, казалось, весь съежился подъ рукою сына; прежней рѣзкости, прежняго смѣлаго, самоувѣреннаго духа не было и слѣда. Смиренно и боязливо стоялъ онъ передъ Канутомъ, какъ передъ судьбою.

— Мнѣ не легко сознаваться во всемъ этомъ, Кануть. Сколько-бы ни было въ моей жизни грѣховъ,—вѣдь я не за-

являю претензіи на святость, — но это и... еще одно обстоятельство...

— Ты-бы ужь рассказалъ мнѣ все, отецъ!

— Я боялся тебя, Кануть. Я думалъ, что ты предпочтешь не касаться этихъ...

— Если я даю тебѣ поводъ къ такому предположенію, то это служить къ стыду моему, воскликнулъ Кануть и одною рукою обнялъ отца.

Гольтъ невольно сложилъ руки, какъ для молитвы. Его узкія губы дрожали. Онъ не рѣшался шевельнуться, Съ тѣхъ поръ, какъ Кануть сталъ взрослымъ, они никогда не обмѣнивались ласками и едва подавали другъ другу руку. А теперь Кануть ласкалъ его,—теперь, когда онъ самъ такъ унижилъ, такъ уничтожилъ себя въ его глазахъ. Онъ тихо покачалъ головой.

— Я еще не кончилъ; садись и слушай.

Кануть усѣлся, и Гольтъ продолжалъ:

— Наконецъ, я не выдержалъ, тѣмъ болѣе, что не достигалъ своей цѣли. Они не вѣрили мнѣ, и въ сущности были правы. Я порвалъ съ ними, а затѣмъ... Онъ выпрямился и имѣлъ такой видъ, какъ будто весь превратился въ клювъ и когти... затѣмъ, повѣрь мнѣ, не жалѣлъ зубовъ. Увѣряю тебя, что всѣ эти сильные люди раскаялись, что оттолкнули меня, когда мы снова встрѣтились на полѣ битвъ. Они предчувствовали, что вскорѣ я буду повелѣвать цѣлой арміей. Они знали, что въ городѣ достаточно недовольныхъ, мелкихъ купцовъ, ремесленниковъ и другихъ людей, которые ждуть только вожака, чтобы начать борьбу. Оппозиція, подавлявшаяся въ теченіи долгихъ лѣтъ, должна была ярко вспыхнуть при первыхъ моихъ словахъ. Недовольные давно уже просили меня сдѣлаться ихъ предводителемъ. Сначала я отказался, — время еще не пришло; мы не всегда сходились въ своихъ цѣляхъ, а въ непогрѣшимость народа и въ тому подобныя фразы я не вѣрилъ. Но теперь я рѣшился и сдѣлался ихъ вожакомъ. Я знаю, о чемъ ты думаешь Кануть. Ты скажешь, что за всѣмъ этимъ скрывалась рыба, только рыба. По твоему мнѣ слѣдовало остаться одинокимъ, независимымъ. Это, конечно, очень звучныя слова; но чего-бы я такимъ образомъ достигъ? Тѣ, за которыхъ я боролся, предали и осмѣяли-бы меня, а тѣ, про-

тивъ которыхъ я ополчился, безжалостно раздавили-бы меня, и не нашлось-бы ни одной живой души, которая помянула-бы меня хоть вздохомъ. — „А потомство, скажешь ты,—потомство отдало-бы мнѣ справедливость!..“ Бѣда только въ томъ, что потомство даже и не подозрѣвало бы, что когда-то существовалъ Арне Гольтъ. У меня не было въ головѣ великихъ мыслей, я не могъ писать книгъ, которыя рассказали-бы обо мнѣ грядущимъ поколѣніямъ; я просто былъ прагматическій человѣкъ, видѣвшій, что маленькій, ничтожный городъ изпываетъ подъ узкой деспотіей нѣсколькихъ семействъ. Я зналъ множество людей, которые при такомъ положеніи вещей терпѣли несправедливость; я видѣлъ злоупотребленія, которыя возмущали меня, и былъ убѣжденъ, что если достигну власти, то съумѣю сдѣлать много добра этимъ людямъ, которые, правда, молчали и гнули спины, но въ глубинѣ души проклинали тиранію. Такимъ образомъ я рѣшился взять въ руки кормило и потягаться. Я всегда любилъ борьбу, открытую, смѣлую борьбу; сознаюсь, она доставляла мнѣ даже *слишкомъ* большое удовольствіе. Только въ жаркой, бурной битвѣ я по справедливости цѣнилъ свои силы и теперь настало для меня, наконецъ, желанное время.

Затѣмъ онъ изобразилъ всѣ частности ожесточенной борьбы, въ которой всегда былъ неутомимымъ защитникомъ интересовъ мелкихъ гражданъ, безжалостнымъ противникомъ старыхъ домовъ. Онъ снова переживалъ все бывшее. Въ глазахъ его снова воскресъ тотъ быстрый, пронзительный взглядъ, который былъ такъ хорошо знакомъ его противникамъ; походка его стала твердою и упругою; каждый мускулъ былъ напряженъ. Онъ былъ похожъ на адмирала, командующаго съ своего мостика цѣлымъ флотомъ подъ громомъ орудій. Воспоминаніе обо всѣхъ этихъ побѣдоносныхъ битвахъ съ сильнымъ непріателемъ дѣлало его почти красивымъ.

— Очень можетъ быть, продолжалъ онъ, когда окончилъ свой рассказъ, очень можетъ быть, что я не буду причисленъ къ лучшимъ людямъ, боровшимся противъ предрасудка и неправды; очень можетъ быть, что мнѣ будетъ отведено послѣднѣе мѣсто, самое ничтожное, которымъ многіе-бы пренебрегли. Это для меня безразлично. Я совершилъ не великое дѣло, это правда; но кое-кто изъ тѣхъ, кому я помогъ, всетаки вспомнятъ обо мнѣ съ благодарностью. Я, конечно, не призванъ былъ пре-

образовать вселенную, но среди этого маленькаго общества мнѣ удалось пробудить къ жизни новыя силы и поддержать не одно благое начинаніе. Объ этомъ тоже многіе вспомнятъ. По этому я смѣло скажу: если бы пришлось выбирать снова, — я, не задумываясь, выбралъ-бы тотъ-же путь.

— А теперь перейдемъ къ рабочимъ, которыхъ я подкупилъ, какъ увѣряютъ мои враги. Повѣрь мнѣ, Кануть, я искренно желалъ имъ добра. Я самъ былъ рабочимъ и знаю ихъ положеніе. Я не задавался цѣлью доставить имъ власть, я не декламировалъ имъ громкихъ фразъ. Но я думаю, что положеніе нашихъ рабочихъ могло-бы быть во сто разъ лучше, чѣмъ теперь; я вѣрю въ лучшія школы, въ болѣе совершенныя методы производства и думаю, что съ своей стороны сдѣлалъ слабыя попытки, которыя во всякомъ случаѣ, достойны вниманія. Но я доставилъ каждому изъ нихъ домъ и клочекъ земли, а затѣмъ позволилъ имъ подавать голосъ въ мою пользу; — вотъ въ чемъ главное мое преступленіе. Но кому-же я повредилъ этимъ? Я не уговаривалъ ихъ, не грозилъ имъ. Они сдѣлались моими приверженцами, это правда; но развѣ съ другой стороны дѣло шло не о ихъ собственныхъ интересахъ? Я употреблялъ свое вліяніе, чтобы ниспровергнуть неограниченное господство старыхъ домовъ; но кто отъ этого выигралъ? Спроси у кого хочешь, добивался-ли я и достигъ-ли для себя лично какой-нибудь выгоды? Одною только я не могу оправдать: я больше ненавидѣлъ эти старые дома и ихъ союзниковъ, чѣмъ любилъ тѣхъ, за кого боролся. Сто разъ я рисковалъ всею будущностью своего торговаго дѣла только ради того, чтобы даже на мгновеніе не позволить этимъ людямъ снова захватить власть; эта мысль была для меня невыносима. А теперь опасность эта грозила пуще прежняго, я долженъ-бы былъ на время кризиса ограничить производство; но я зналъ напередъ, что если хоть на одинъ шиллингъ уменьшу заработную плату, то рабочіе мои забудутъ все, что я для нихъ сдѣлалъ, изъ мести перейдутъ на сторону противниковъ и доставятъ имъ побѣду. Этого я не могъ потерпѣть. Я сказалъ себѣ: пускай хоть все рухнетъ, но выборы важнѣе всего. Вотъ тебѣ и рыба! Не изъ-за рабочихъ старался я до послѣдней крайности вести дѣло въ прежнихъ размѣрахъ, а потому, что скорѣе готовъ былъ погибнуть, чѣмъ отступить передъ этою надмѣнною сволочью старыхъ домовъ...

— Вотъ тебѣ вся правда, Кануть. До сихъ поръ я нико-

гда не думалъ, что придется стыдиться того, что я дѣлалъ. Но видишь-ли, когда я услышалъ тамъ внизу эти слова, которыя и тебя такъ поразили,—для меня стало ясно, что намъ необходимо разстаться. Ты не долженъ имѣть ничего общаго съ моимъ прошлымъ. Для меня оно, можетъ быть, и не совсѣмъ ужъ плохо, но тебѣ нужно плавать подъ новымъ флагомъ. Поэтому, какъ ни тяжело мнѣ это, я опять повторяю: уѣзжай, поищи болѣе широкаго поля дѣятельности; ты несомнѣнно достигнешь крупныхъ, блестящихъ результатовъ. А я попытаюсь здѣсь сохранить хоть тѣ крохи, которыя останутся у насъ послѣ кораблекрушенія. Если тебѣ будетъ хорошо, то и я буду доволенъ.

Кануть сидѣлъ за столомъ, опершись подбородкомъ на ладонь.

— Если-бы я до сихъ поръ поменьше путешествовалъ, отецъ, то успѣлъ-бы, можетъ быть, съ своей стороны, сдѣлать больше путнаго и, во всякомъ случаѣ не произнесъ-бы такихъ безразсудныхъ, надменныхъ словъ. Развѣ я имѣлъ право упрекать тебя въ чемъ-бы то ни было,—я, который...

Онъ вскочилъ съ своего мѣста.

— Нѣтъ, отецъ, теперь я не уѣду. Я все-таки вступаю въ фирму. Я никогда не работалъ, отецъ, или, если и работалъ, то урывками, и въ этомъ мои несчастія. Но все это перемѣнится. То, чего я желалъ, теперь осуществилось: мы потеряли свое богатство. Если можно будетъ удержать дѣло въ прежнемъ положеніи,—хорошо; если-же нельзя, то мы втихомолку закроемъ лавочку и начнемъ съизнова.

— Какъ хочешь, Кануть; я охотно вѣрюю даже разби-тому кораблю, на которомъ ты командуешь.

— Знаешь, отецъ, если хорошенько рассудить, то вѣдь эта исторія рабочихъ принесло намъ счастье.

Въ комнату вошла служанка и доложила, что какіе-то два господина желаютъ говорить съ Гольтомъ.

— Пускай войдутъ.

Вслѣдъ затѣмъ раздался стукъ. Гольтъ направился къ двери.

— ...вечера! пробормоталъ передъ дверью чей-то густой голосъ.—Можно переговорить съ вами, Гольтъ?

Гольтъ совершенно растерялся и нѣсколько разъ сряду поклонился.

— Да... да... конечно... пожалуйста, пожалуйста...

Въ комнату вопелъ тотъ, который никогда не говорилъ на своемъ родномъ языкѣ, — «консуль», а вслѣдъ за нимъ дипломатъ Стубъ, сдѣлавшійся послѣ женитьбы консула его закадычнымъ другомъ.

Они оба пожали старому Гольту руку. Затѣмъ Стубъ, который зналъ, какъ объясняется его другъ, приступилъ къ дѣлу.

— Нельзя-ли поговорить съ вами наединѣ, Гольтъ?

Гольтъ смутился еще больше, опять поклонился, нѣсколько времени съ растеряннымъ видомъ ходилъ по комнатѣ, какъ будто отыскивая чего-то, пока не вспомнилъ наконецъ, что ищетъ свѣчи; взявъ ее въ руку, онъ растворилъ дверь въ сосѣднюю помнату и обратился къ посѣтителямъ: — «Неудобно-ли войти, господа!»

Кануть слышалъ, что рѣчь держалъ Стубъ. Отъ времени до времени гудѣлъ басъ консула и, наконецъ, послышался vysokій голосъ Гольта.

Вдругъ дверь отворилась и въ комнату вбѣжалъ Гольтъ. Лицо его сіяло. Затворивъ за собою дверь, онъ воскликнулъ:

— Кануть, ты спрашивалъ: «Неужели нѣтъ никого, кто-бы согласился помочь тебѣ?» Знаешь-ли, что хотять сдѣлать эти господа? Они хотять одолжить мнѣ необходимый для поправленія моихъ дѣлъ капиталъ.

— Ты не можешь на это согласиться, отецъ. Со стороны людей, которые принадлежать къ числу твоихъ противниковъ, такой поступокъ, конечно, очень благороденъ; но съ твоей стороны было-бы неблагородно воспользоваться ихъ предложеніемъ.

— Заемъ состоится, конечно, лишь въ томъ случаѣ, если положеніе моихъ дѣлъ дѣйствительно окажется таковымъ, какимъ я его представилъ. Впрочемъ, я сообщилъ имъ, что ты мой компаньонъ. Позвать ихъ сюда?

Посѣтители вошли. Кануть повторилъ свои возраженія. Стубъ храбро разбивалъ ихъ. Онъ увѣрялъ, что мысль эта принадлежитъ консулу, котораго компетентность въ торговыхъ дѣлахъ извѣстна каждому. Онъ явился къ Стубу и на какомъ-то неизвѣстномъ языкѣ — «да, ужъ вы извините, консуль, а языкъ, дѣйствительно, былъ дьявольски трудный» — объяснилъ ему, что если Гольтъ прекратитъ торговлю, то это крайне тяжело отразится на всемъ городѣ. Онъ никого не знаетъ, ктѣ-

бы въ состояніи былъ съ успѣхомъ продолжать его дѣятельность, и безусловно вѣрить въ коммерческую благонадежность Гольта.

Гольтъ смотрѣлъ на сына. «Слышишь?» казалось, говорилъ онъ ему.

Кануть, наконецъ, уступилъ. Онъ обѣщаль, что, если-бы въ этомъ представилась необходимость, и если послѣ тщательной провѣрки дѣлъ оважется возможнымъ безъ риска продолжать предпріятіе, то они воспользуются предложеніемъ.

Когда посѣтители ушли, Гольтъ сталъ радостно потирать руки.

— Ужь ты положишься на меня; убытка они не потерпятъ. Ну вотъ, теперъ ты видишь, что есть-же все-таки люди, которые довѣряютъ мнѣ.

Они начали строить планы и такъ погрузились въ это занятіе, что даже не замѣтили, какъ вошла Катерина. Она спросила, гдѣ накрывать на столъ; вѣдь въ столовой все переломано.

— Какъ ты думаешь, Кануть? Я думаю, мы будемъ ужинать здѣсь, наверху.

Кануть кивнулъ головой, и Катерина исчезла.

— Отецъ, началъ Кануть нѣсколько смущеннымъ тономъ, когда она удалилась;—пожалуйста не обижайся, но мнѣ хочется задать тебѣ одинъ вопросъ:—отчего ты не женишься на Катеринѣ?

Гольтъ покраснѣлъ какъ ракъ.

— Нѣтъ, Кануть, клянусь тебѣ честью... она прекрасная дѣвушка.

— Въ этомъ-то я именно и убѣдился. Я ничего дурного и не имѣлъ въ виду, задавая тебѣ этотъ вопросъ.

Гольтъ принялся точить на зубахъ свои ногти.

— Я думалъ... что ты будешь противъ этого брака... а Катерина не хочетъ безъ твоего согласія.

Катерина возвратилась и начала накрывать на столъ.

— Ты накрываешь только для двоихъ, Катерина, сказалъ Кануть.—Развѣ ты не будешь съ нами ужинать?

Катерина такъ и окаменѣла на мѣстѣ, какъ статуя, съ тарелкою въ рукѣ, и сначала вся поблѣднѣла, а потомъ такъ покраснѣла, какъ могутъ краснѣть лишь немногіе, очень полнокровные люди. Она съ испугомъ взглянула сначала на Ка-

нута, а потомъ на Гольта. Кануть сказалъ ей «ты» и пригласилъ ее ужинать вмѣстѣ съ ними, а теперь и Гольтъ киваетъ ей съ смущеннымъ видомъ. Она выронила тарелку, опустилась на край стула и принялась вытирать глаза и кусать губы, которыя какъ-то странно вздрагивали.

— Кануть думаетъ... началъ Гольтъ, но запнулся и тревожно взглянулъ на Канута, который весело подхватилъ его слова.

— ... Что намъ втроемъ слѣдуетъ выпить сегодня вечеромъ стаканъ вина.

— Да, да и знаешь, Катерина, тѣ бутылки, что лежать направо, съ желтымъ сургучемъ... ха, ха, ха! Да распорядись насчетъ ужина поскорѣе.

Катерина попробовала было улыбнуться, но слезы снова брызнули, и она вышла изъ комнаты.

Столъ былъ накрытъ, и всѣ трое усѣлись.... Катерина сидѣла на краю стула и ничего не ѣла. Она только вертѣла въ рукахъ ножъ и безпрестанно выбѣгала зачѣмъ нибудь въ кухню. Наконецъ Кануть поднялъ свой стаканъ и сказалъ:

— А теперь, Катерина, позволь мнѣ съ отцомъ поблагодарить тебя за то, что ты такъ хорошо заботилась столько лѣтъ о насъ и о чужомъ для тебя хозяйствѣ. Вѣдь теперь оно скоро станетъ твоимъ собственнымъ...

Теперь уже Катерина не въ силахъ была совладать съ собою: она разразилась такими рыданіями, какъ будто рѣчь шла о ея похоронахъ, и едва, едва была въ состояніи выговорить почти вовсе неслышное «благодарю». Затѣмъ она выбѣжала изъ комнаты.

Послѣ ужина она скромно усѣлась со своимъ вязаньемъ въ углу, но скоро пожелала доброй ночи и поднялась въ свою спальню, гдѣ снова принялась плакать и благодарить Бога за то, что случилось.

Когда отецъ и сынъ опять остались наединѣ, Кануть сказалъ:

— Ты никогда не рассказывалъ мнѣ о матери.

Гольтъ вынулъ изо рта трубку и нѣсколько времени просидѣлъ молча.

— Нѣтъ, но я сегодня еще о ней думалъ. Ты, быть можетъ знаешь, что она была невѣстой Вика, когда я...

— Да, я знаю... все.

Гольтъ глубоко вздохнулъ.

— Она не была счастлива, сказалъ онъ.—Въ ней было все то, чего во мнѣ не было. Она была впечатлительна, деликатна, боялась всякой ссоры, любила сказки, стихи и тому подобныя вещи, которыя меня нисколько не интересуютъ. Я не понималъ ея, да и не пытался понять. Но, что казалось мнѣ особенно непонятнымъ въ ней, такъ это ея неспособность оказывать мнѣ въ чемъ бы то ни было сопротивление или рѣшиться на упрекъ. Эта безграничная кротость казалась мнѣ презрѣниемъ и раздражала меня... Знаешь-ли, Кануть, я вѣрю въ возмездіе въ этой жизни. Наказаніе мое состояло въ томъ, что когда ты сталъ подростать, я мучительно почувствовалъ недостатокъ всего того, что было въ ней и безъ чего ты не могъ обойтись... Она была похожа на Корнелію, Кануть...

Было уже поздно, когда отецъ и сынъ разстались. Когда Кануть ушелъ, Гольтъ началъ раздѣваться. Онъ снялъ куртку и сапоги, надѣлъ халатъ, набилъ трубку и, по обыкновенію, готовился прочесть передъ сномъ главу изъ Дарвина, какъ вдругъ кто-то позвонилъ у наружной двери. Вслѣдъ за тѣмъ дѣвушка доложила, что внизу стоитъ какой-то человѣкъ, который желаетъ говорить съ нимъ.

— Такъ поздно!... Пусть войдетъ.

На лѣстницѣ послышались тяжелые шаги, чья-то рука зашарила по двери, отыскивая ручку, затѣмъ послышалось нѣсколько тяжелыхъ ударовъ во дверь и наконецъ въ комнату вошелъ тотъ самый капитанъ, къ которому Гольтъ вѣдиль на корабль въ то бурное воскресенье, прежде чѣмъ отправился къ Вику.

Гольтъ всплеснулъ руками и прошепталъ:

— Чортъ возьми!... Объ ней-то я и забылъ... Ты готовъ?

— Да; мы ждемъ только вѣтра. Вы хотите, чтобы она вѣхала съ нами?

Гольтъ судорожно кусалъ нижнюю губу.

— Да, непременно.

— А если она будетъ сопротивляться..? Вѣдь она точно бѣшеная!

— Увези ее во что бы то ни стало.

— Хорошо.

Капитанъ ушелъ. Гольтъ опустился на кресло. Отблескъ юности и счастья, которыя нѣсколько минутъ тому назадъ свѣтились въ его лицѣ, безслѣдно исчезъ. Ему неожиданно напомнили о счетѣ, подъ которымъ еще не были подведены итоги.

XII.

Гэйсенъ торжествовалъ. Онъ могъ заявить въ своемъ органѣ, что «Официальная Газета» еще разъ распространила завѣдомо ложное извѣстіе, такъ какъ торговля дѣла Гольта находились въ самомъ удовлетворительномъ положеніи. Онъ еще на этихъ дняхъ имѣлъ случай заключить новыя связи съ нѣкоторыми изъ самыхъ солидныхъ домовъ города. Редакція всегда была твердо урѣрена, что... и т. д., и т. д.

Боіорнгольтъ, какъ бѣшеный, вбѣжалъ къ Вильдгагену и грознымъ голосомъ сталъ требовать объясненій. Церковный староста былъ крайне смущенъ. — «Кто же могъ ожидать, что эти люди помогутъ противнику?» сказалъ онъ.

Движеніе рабочихъ также принесло Біорнгольту мало выгоды. Спустя нѣсколько дней послѣ беспорядковъ, къ Гольту явилась депутація рабочихъ, которая отъ имени товарищей извинялась и предлагала заплатить ему за всѣ убытки, понесенные имъ по ихъ винѣ. Затѣмъ они посѣтили Біорнгольта и держали себя во время этого визита такъ рѣшительно, что въ первое время онъ по вечерамъ не рѣшался показываться на улицѣ.

Кануть прилежно работалъ въ конторѣ отца. Старый Гольтъ съ гордостью смотрѣлъ на него и замѣчалъ, что настроеніе его становилось тѣмъ лучше, чѣмъ больше было работы, чѣмъ больше накоплялось затрудненій. — «Въ меня пошелъ!» думалъ онъ.

Самъ Гольтъ казался нѣсколько встревоженнымъ. Ему, повидимому, было очень неприятно, что одинъ изъ его кораблей не могъ пуститься въ плаваніе, благодаря штилю. — «Вѣдь дѣло не къ спѣху», утѣшалъ его Кануть, — но Гольтъ, казалось, былъ инаго мнѣнія.

Кануть и Корнелія всегда встрѣчались въ квартирѣ Петра. Однажды вечеромъ, уйдя отъ своихъ друзей нѣсколько ранѣе обыкновеннаго, они нѣкоторое время еще гуляли по улицамъ. Было холодно и ясно, земля крѣпко замерзла, свѣтъ мѣсяца сверкалъ на маленькихъ замерзшихъ прудахъ, которые за минувшій періодъ дождей образовались въ многочисленныхъ углубленіяхъ улицъ и площадей; по гладкому льду скользили, смѣясь и лякуя, длинныя вереницы мальчиковъ и дѣвочекъ. Даже взрослые не въ силахъ были противиться такому иску-

шенію. Служанки, отправлявшіяся за покупками, забывали о своихъ порученіяхъ, булочники и лавочники запирали свои лавки и спѣшили принять участіе въ общемъ веселіи; мѣсяцъ ласково смотрѣлъ на ликующую молодежь, которую онъ соблазнилъ тѣмъ, что такъ заманчиво освѣтилъ сѣрую поверхность прудовъ.

Кануть и Корнелія рука объ руку гуляли по кривымъ улицамъ, говорили о своемъ счастьи и строили планы относительно будущаго. Они нанимали домъ и меблировали его, осматривали вещи, выставленныя въ магазинахъ, и намѣчали то, что придется купить.

Вдругъ Кануть разразился смѣхомъ.

— Что съ тобою? спросила Корнелія.

— Право, я долженъ ущипнуть себя, чтобъ увѣриться, что это я, своею собственною персоною, расхаживаю здѣсь и съ увлеченіемъ занимаюсь дѣлами, которыя прежде, когда я былъ богатъ, казались мнѣ такими скучными. Я начинаю утрачивать свою вѣру въ неумолимую Немезиду. Я сразу удостоился двойнаго счастья, — во-первыхъ, приобрѣлъ тебя, а во-вторыхъ, очутился въ такомъ положеніи, которое заставляетъ меня работать. Право, я не заслужилъ этого.

Корнелія потянула его за собою на ледяную поверхность, и они мгновенно поддались очарованію, охватившему въ этотъ вечеръ всю молодежь. Съ полусдержаннымъ смѣхомъ и шутками они, какъ дѣти, скользили и играли на льду. Въ счастью, на площади, гдѣ это происходило, не было ни души. Въ какое безграничное изумленіе пришелъ-бы маленькій городъ, если-бы кто-нибудь замѣтилъ ихъ! Корнелія Викъ, степенная дочь Якова Вика, каталась по льду со своимъ женихомъ на церковной площади.

Теперь на нихъ смотрѣли только старые дома. Но глаза этихъ почтенныхъ зданій горѣли негодованіемъ при видѣ такого возмутительнаго зрѣлища, и даже мѣсяцу не случалось еще видѣть ничего подобнаго въ этомъ благопристойномъ городѣ.

Они пошли дальше и продолжали свой разговоръ. Они мечтали о будущемъ и когда, наконецъ, разстались передъ садомъ Вика, каждый изъ нихъ унесъ съ собою свои свѣтлыя грезы.

Вернувшись въ свою комнату Кануть, усѣлся за письменный столъ. Онъ никогда не работалъ быстрѣе и лучше, какъ

послѣ свиданія съ Корнеліей. Уже около часа сидѣлъ онъ за работою, какъ вдругъ раздался звонокъ. На лѣстницѣ слышались шаги. Кто-то отпиралъ наружную дверь. Ему показалось, что голосъ отца спрашиваетъ: — «Кто тамъ?»... На мгновеніе все стихло. Потомъ раздался пронзительный крикъ, — такъ могла вскрикнуть только женщина, — а затѣмъ послышался голосъ мужчины, который говорилъ сначала сдержанно-грознымъ, потомъ убѣждающимъ и, наконецъ, умоляющимъ тономъ. Но женскій голосъ становился все рѣзче и пронзительнѣе, затѣмъ начался какой-то шумъ и послышался звукъ паденія, какъ будто тамъ боролись. Вдругъ раздался другой мужской голосъ, густой и грубый; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, женщина испустила такой отчаянный вопль, что Кануть вскочилъ, взявъ лампу и вышелъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло.

Спустившись до половины лѣстницы, онъ услышалъ, какъ тотъ-же густой мужской голосъ говорилъ: — «Я не виноватъ; она хуже дикой кошки. Чортъ ее знаетъ, какъ она ускользнула и попала въ лодку».

Въ корридорѣ царствовалъ полумракъ. На нижней ступени лѣстницы стоялъ фонарь, освѣщавшій мѣднокрасное лицо говорившаго, его мѣховую шапку, надвинутую на уши, и его грубую исландскую куртку, Кануть узналъ въ этомъ человѣкѣ одного изъ капитановъ отца. Поднявъ вверху лампу и спустившись нѣсколько ниже, онъ замѣтилъ и отца, который стоялъ въ халатѣ, съ непокрытой головой, склонившись надъ какой-то женщиной; она почти лежала на лѣстницѣ и уцѣпилась за перила.

Когда старый Гольтъ поднялъ голову и замѣтилъ сына, у него вырвался глухой стонъ. Онъ отшатнулся отъ него, какъ отъ ужаснаго привидѣнія. Въ то же мгновеніе и женщина вскочила на ноги, устремила на Канута свои большіе, сверкающіе глаза, громко назвала его по имени съ какимъ-то иноземнымъ акцентомъ, взбѣжала по лѣстницѣ и порывисто винулось ему на шею. Лампа вывалилась изъ его рукъ, разбилась и погасла.

На верхней половинѣ лѣстницы тамъ, гдѣ незнакомая женщина обнимала Канута, рыдала и бормотала какія-то непонятныя слова, было темно. Внизу, въ корридорѣ, фонарь распространялъ тусклый свѣтъ. Капитанъ стоялъ, засунувъ руки въ карманы брюкъ, и съ сердито-равнодушнымъ выраженіемъ

смотрѣлъ въ пространство. Гольтъ, весь съежившись, опустился на нижнюю ступень лѣстницы.

Женщина продолжала рыдать и кричать. Отъ времени до времени она грозила двумъ своимъ недругамъ кулакомъ и скалила при этомъ зубы, какъ дикій звѣрь.

— Посвѣти намъ, отецъ, прошепталъ Кануть такимъ голосомъ, какъ будто кто-нибудь душилъ его. Но Гольтъ ничего не слышалъ. Онъ сидѣлъ, сложивъ руки, дрожа всѣмъ тѣломъ и шепталъ: — «Теперь все кончено, теперь все кончено!» Только тогда, когда Кануть обратился къ нему уже въ третій разъ, онъ всталъ и взялъ въ руки фонарь. Когда онъ проходилъ мимо капитана, тотъ спросилъ его: — «Мнѣ тутъ, стало быть, уже нечего дѣлать?» Гольтъ не отвѣчалъ; онъ бессмысленно посмотрѣлъ на него, шатаясь поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ свою комнату.

— Пришли Катерину съ лампой, сказалъ Кануть. Гольтъ поставилъ фонарь на столъ и, не говоря ни слова, вышелъ изъ комнаты.

Кануть стоялъ, опираясь на столъ. Глаза его имѣли тупое выраженіе, губы были блѣдны и полураскрыты; онъ трясся, какъ въ лихорадкѣ.

Женщина быстро расхаживала взадъ и впередъ, энергично жестикулировала и громко говорила. Это была приземистая, довольно полная, мужественная и энергическая фигура, со смуглой кожей, жесткими, черными, какъ смоль, волосами и темнымъ пушкомъ на верхней губѣ. Одѣта она была въ короткій англійскій дорожный костюмъ изъ грубой, пестрой матеріи. Кофта снабжена была множествомъ кармановъ. Шотландскій пледъ, который однимъ концомъ былъ укрѣпленъ на плечѣ, тащился за нею по полу. Черная шапочка, покрывавшая голову, спустилась на шею. Платье было изорвано и грязно, одна рука была въ крови. Расхаживая быстрыми, твердыми шагами и наполняя всю комнату сильнымъ запахомъ мускуса, она сначала сорвала съ себя и бросила на полъ пледъ, потомъ шапочку и кофту, а въ заключеніе распахнула даже лифъ своего платья такимъ нетерпѣливымъ, порывистымъ движеніемъ, что пуговицы отскочили и покатались по полу. Она говорила по-норвежски, но съ сильнымъ иностраннымъ акцентомъ. Отъ времени до времени она умолкала, бросалась къ Кануту, обнимала его или кидалась къ его ногамъ и снова

вскакивала, чтобъ съ угрожающими жестами обратиться къ двери.

— Я искала тебя по всему свѣту, — въ Англии, Франціи, Испаніи и Португаліи. Я пѣла, танцевала, была наѣздницей въ циркѣ, просила милостыню, лгала, воровала,—я не знаю, чего я только ни дѣлала, чтобы добраться до тебя. Въ Лиссабонѣ я переходила изъ дома въ домъ, чтобы найти тебя или того купца... я забыла его имя. Наконецъ я нашла его, и отъ него поспѣшила прямо на корабль, а затѣмъ сюда. Старики сказали мнѣ, что ты уѣхалъ и никогда не вернешься... Она снова погрозила кулакомъ по направленію къ двери и плюнула. Я видѣла, что онъ лжетъ. Онъ предлагалъ мнѣ денегъ, много денегъ, съ тѣмъ, чтобы я уѣхала. Но я скорѣе согласилась-бы умереть. Тогда они заперли меня на кораблѣ. Я пробовала убѣжать, одинъ разъ даже прыгнула въ море, но они каждый разъ ловили меня. Наконецъ, сегодня вечеромъ, когда онъ спалъ... я нашла лодку, я вскарабкалась на берегъ по скаламъ... смотри, я ободрала себѣ руки въ кровь. Долго я ходила вокругъ дома и все надѣялась незамѣтно проскользнуть въ него. Наконецъ, пришлось позвонить... онъ вышелъ.. мы съ нимъ боролись... разбойникъ! О, если-бы ты не пришелъ!.. Она крѣпко прижалась къ нему и умоляющимъ голосомъ воскликнула:—Не правда-ли, ты не оттолкнешь меня, не обманешь?... а не то... Она вдругъ отскочила и остановилась по серединѣ комнаты съ пылающими глазами, какъ испуганный дикій звѣрь.—Берегись, я отмщу тебѣ, если ты это сдѣлаешь!... Затѣмъ она снова подошла къ нему уже кротко, какъ голубь, и нѣжнымъ, заискивающимъ тономъ прибавила:—Нѣтъ, ты этого не сдѣлаешь, мой милый, мой желанный, мой ненаглядный...

Кануть не могъ выговорить ни слова. Онъ стоялъ неподвижно, ошеломленный этимъ ужаснымъ ударомъ. Ему казалось, что онъ внизъ головою летитъ въ какую-то пропасть. Наконецъ, онъ съ большимъ усиліемъ могъ произнести нѣсколько словъ:—«Я ничего этого не зналъ... Я вездѣ наводилъ о тебѣ справки... Я принужденъ былъ думать...»

— Да, да, все погибло, все, все; только я да еще два матроса спаслись... Я видѣла отца, только голову, нѣтъ только глаза... такіе большіе, отчаянные... Боже мой, впоследствии я видѣла ихъ каждую ночь, когда оставалась одна... но те-

перь прошло уже много времени, и я ихъ почти никогда не вижу.

Катерина вошла съ лампой. Молодая женщина недоувѣрчиво посмотрѣла на нее, какъ будто готовясь вступить съ нею въ бой, и ближе подошла къ Кануту.

— Не нужно-ли приготовить комнату? спросила его Катерина въ полголоса, но иностранка услышала ея слова.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, закричала она, — я не хочу оставаться одна... старикъ опять меня будетъ мучить. Я хочу остаться съ тобою; я лягу здѣсь, — на полу, гдѣ хочешь; только не оставляй меня.

Кануть долго не могъ ее успокоить. Наконецъ, она, по видимому, поняла, что ей уже не угрожаетъ никакая опасность, подошла къ Катеринѣ и протянула ей руку...

...А тѣмъ временемъ, по корридорамъ, по лѣстницамъ, по всему дому неутомимо бродила какая-то сгорбленная фигура. Это былъ Гольтъ. Когда Катерина вышла изъ комнаты, онъ остановился передъ дверью и сталъ слушать. Онъ не могъ разобрать что они говорили, и только слышалъ, какъ она вздыхала, плакала, кричала, просила и грозила. Разъ она захлопала въ ладоши и засмѣялась.

Катерина вернулась, и Гольтъ потихоньку спустился въ нижній корридоръ. Наружная дверь была растворена настежь; въ домъ врвался пронзительный, холодный вѣтеръ. Онъ подождалъ здѣсь, пока наверху все стихло, и только что собирался снова подняться туда, какъ кто-то сталъ спускаться съ лѣстницы. Это былъ Кануть, онъ былъ въ пальто и въ шляпѣ. Гольтъ притаился въ углу, пока сынъ не вышелъ на улицу.

Кануть безцѣльно блуждалъ по улицамъ, по тѣмъ самымъ улицамъ, по которымъ нѣсколько часовъ тому наза ѣ гулялъ съ Корнеліей, гдѣ они вмѣстѣ строили волшебные замки. Мѣсяцъ по прежнему освѣщаль гладкія ледяныя дорожки, на которыхъ теперь уже не было ни души; въ домахъ нѣкоторыя окна еще свѣтились слабымъ желтоватымъ свѣтомъ и безмятежно глядѣли на опустѣвшій городъ.

Ему чудилось, что онъ опять идетъ съ Корнеліей; онъ чувствовалъ ея руку на своей рукѣ, слышалъ ея мягкій, ясный голосъ, видѣлъ ея серьезные глаза и тихую, радостную улыбку... А потомъ вдругъ рисовалась передъ нимъ другая фигура; это женщина, дитя помпасовъ, полунагая скакала на

бѣшеной лошади и съ полураскрытымъ ртомъ, съ животнымъ выраженіемъ въ широко раскрытыхъ глазахъ неслась по безконечной равнинѣ. Онъ чувствовалъ, какъ ея рука обвивается вокругъ его шеи, чувствовалъ на щекѣ ея толстыя губы, ея густые волнообразные волосы, его обдало запахомъ мускуса... Онъ стиснулъ губы, сжалъ кулаки и топнулъ ногою. Онъ готовъ былъ закричать отъ горя и невыносимой боли. Однимъ ударомъ было разрушено его счастье, была уничтожена вся его будущность. За одно легкомысленное мгновеніе приходилось такъ ужасно расплачиваться! Развѣ это справедливо?.. Онъ возмущался, протестовалъ противъ такого жестокаго приговора судьбы, на одно мгновеніе ему показалось, что за всѣмъ этимъ кроется воля какого-то существа, жестокаго властелина, и онъ почувствовалъ neodолжное влеченіе вступить съ нимъ въ бой, низвергнуть его съ престола и уничтожить.

Но это продолжалось не больше одного мгновенія. Вслѣдъ затѣмъ онъ самъ надъ собою засмѣялся. Чего-же ему нужно? Справедливости? Развѣ не самъ онъ толкнулъ ногою ту лавину, которая теперь такъ безжалостно разрушала всю его жизнь и уничтожала по дорогѣ все, каждый цвѣтокъ, распутившійся подъ теплыми лучами счастья, каждую золотую далекую надежду? А теперь онъ требуетъ, чтобы лавина эта не двигалась или пощадила то мѣстечко, гдѣ онъ хотѣлъ основать себѣ новый пріютъ? Онъ ждетъ милосердія отъ неизмѣнныхъ законовъ!..

Онъ горько улыбнулся. Противъ этой темной неумолимой силы даже его безумное горе не въ состояніи было бороться. Долго блуждалъ онъ по пустыннымъ, безмолвнымъ улицамъ. Темные дома уже спали и не обращали никакого вниманія на ночнаго прохожаго, шатавшагося по городу въ такую неурочную пору и оплакивавшаго какія-то разбитыя грезы и надежды... Онъ прошелъ мимо церкви. Тамъ въ это время хозяйничаютъ мертвецы, которые также безучастны къ страданіямъ живого человѣка. Верхушка колокольни холодно блистала подъ лучами луны.

Наконецъ онъ вышелъ за предѣлы города и очутился возлѣ голыхъ скалъ, расположенныхъ по близости отъ города. За тканью снастей, за черной оконечностью мола, за моремъ, которое скрывало свою мрачную бездну подъ свѣтлымъ, серебристымъ покровомъ, онъ смутно различалъ неясныя очер-

танія скаль, между которыми пережилъ самое счастливое время своей жизни. Зеленая долина, сѣрая, извивающаяся дорога, сверкающая рѣка, пристань съ флагомъ и бѣлымъ домикомъ, садъ съ душистыми розами и резедой,—все это такъ же ясно, такъ же живо предстало передъ нимъ, какъ въ тотъ день, когда онъ въ первый разъ подъѣхалъ къ этой мѣстности на пароходѣ. Его обдало теплой струей при этомъ воспоминаніи, но за-то въ слѣдующее-же мгновеніе сердце еще сильнѣе сжалось отъ прежней жгучей боли.

Внизу море глухо шумѣло, разбиваясь о скалы. Одинъ шагъ—и все будетъ кончено.

Нѣтъ, то, что онъ могъ бы сдѣлать вчера, сегодня уже невозможно. Она тотчасъ очутилась возлѣ него, смотрѣла ему въ глаза и говорила: — „Стало быть ты не тотъ, кого я любила!“

Онъ сѣлъ на землю; ему хотѣлось бы глубоко, глубоко зарыться въ нее. Онъ протянулся на твердой, холодной землѣ. Ему было пріятно чувствовать щекою холодный песокъ, прижиматься къ острымъ камнямъ и трястись отъ холода. Онъ жадно искалъ физической боли, чтобы хоть немного заглушить душевную.

Онъ всталъ и снова направился къ городу. Куда ему было идти? Домой? Онъ не въ силахъ былъ вернуться въ тотъ домъ, гдѣ она находилась, войти въ ту комнату, гдѣ звучалъ ея голосъ. Его снова обдало этимъ отвратительнымъ запахомъ мускуса. Онъ повернулъ въ первую улицу, которая попалась ему на пути. Ему показалось, что за нимъ раздаются шаги. Онъ обернулся и увидѣлъ, какъ кто-то спрятался подъ лѣстницу. Онъ подошелъ ближе. Дѣйствительно, — какой-то чловѣкъ сидѣлъ, прижавшись къ стѣнѣ дома. Это былъ его отецъ.

— Отецъ, зачѣмъ ты такъ поздно вышелъ на улицу?

Старикъ съежился еще больше и залился слезами.

— Кануть, Кануть, твердилъ онъ и такъ горько, такъ отчаянно плакать, что Кануть, при видѣ глубокаго горя отца, на мгновеніе позабылъ о своемъ собственномъ. — Теперь все кончено, все кончено!

— Да, да отецъ, насъ обоихъ постигъ жестокой ударъ... Но ступай теперь домой, ты заболѣешь, если дольше останешься здѣсь.

Онъ взялъ отца подъ руку; старикъ безропотно повиновался.

Когда они дошли до воротъ своего дома, Кануть убѣдилъ отца войти въ домъ, а самъ направился къ дому Петра Стрѣма. Здѣсь онъ перелѣзъ черезъ заборъ и постучался въ окно той комнаты, гдѣ спала служанка. Ему пришлось стучать нѣсколько разъ; наконецъ сонный голосъ спросилъ: «Кто тамъ?»

— Я, Кануть Гольгъ. Отопри дверь, но не буди никого.

Въ комнатѣ зажгли свѣчку и вскорѣ дѣвушка отперла дверь. Она съ тревожнымъ недоумѣніемъ смотрѣла на Канута.

— Мнѣ хочется переночевать здѣсь. Я пойду и лягу въ гостиной, на диванѣ. Только смотри, ничего не говори Петру.

Она посвѣтила ему, все еще продолжая смотрѣть на него соннымъ, недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Благодарю... А теперь иди потихоньку и ложись опять спать.

Дѣвушка поставила свѣчу на столъ и ушла.

Кануть бросился на диванъ. Нѣсколько времени спустя онъ услышалъ скрипъ двери, чьи-то шаги въ корридорѣ и наконецъ голосъ Петра. Дверь комнаты быстро растворилась и вошелъ Петръ въ халатъ. Онъ, повидимому, еще не окончательно проснулся; въ его лицѣ такъ комично боролись сонливость съ испугомъ, что Кануть не могъ удержаться отъ улыбки.

— Что это значить, Кануть?

— Такъ она тебя все таки разбудила?

— Нѣтъ, мы проснулись, когда отпирали наружную дверь. Что это значить?

Кануть крѣпко обнялъ его.

— Это значить, что я несчастный человекъ, Петръ.

— Дорогой другъ, но что-же случилось?

Кануть разсказалъ. Когда онъ кончилъ, Петръ сначала сидѣлъ молча, съ выраженіемъ безграничнаго ужаса, а потомъ началъ, какъ угорѣлый, бѣгать по комнатѣ. Онъ *долженъ* былъ найти какой-нибудь выходъ, какое-нибудь спасеніе; не можетъ быть, чтобы это бурное стремленіе помочь во что-бы то ни стало, которое онъ чувствовалъ въ себѣ въ эту минуту, оказалось бессильнымъ.—Погоди, я поговорю съ Ганной, скажешь онъ и вышелъ изъ комнаты. Вскорѣ онъ снова вернулся

въ сопровожденіи Ганны, которая наскоро накинула какую-то блузу.

— Господи, Господи, что будетъ съ Корнеліей?! сказала она.

— У меня есть къ вамъ просьба, началъ Кануть. — Не сходите-ли вы къ ней завтра и не попросите-ли ее придти сюда? Мнѣ нужно съ нею поговорить.

Ганна кивнула головою.

Такъ они просидѣли втроемъ до разсвѣта. Говорили они немного, но всѣ чувствовали какое-то облегченіе оттого, что сидятъ вмѣстѣ, какъ люди, собравшіеся у изголовья умирающаго или въ кельѣ приговореннаго къ смерти преступника за нѣсколько часовъ до казни.

Когда начали дымиться первыя трубы и на улицѣ послышались первые шаги, Кануть возвратился домой. Онъ тихо прокрался въ свою комнату, нѣсколько минутъ просидѣлъ въ полнѣйшемъ изнеможеніи, опустивъ голову на столъ, но потомъ опять не вытерпѣлъ такой неподвижности, снова вышелъ на улицу, проблуждалъ нѣсколько времени и наконецъ отправился къ Петру.

Ганна отправилась къ Корнеліи. Кануть усѣлся въ гостинной. Петръ понялъ, что онъ предпочитаетъ остаться наединѣ и спустился въ контору. Кануть подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на улицу. Тамъ копошились и суетились люди, предававшіеся своимъ повседневнымъ занятіямъ. Нѣкоторые шли съ высоко поднятой головою и осматривались во всѣ стороны, улыбались, кивали проходящимъ или кланялись кому-нибудь, смотрѣвшему изъ окна. Другіе спѣшили впередъ безъ оглядки, по прямой линіи, преслѣдуя только свою цѣль. Они были такъ погружены въ свои мысли, что казалось, какъ будто имъ поручено управленіе вселенной и каждая потерянная минута можетъ повести къ міровой катастрофѣ. Третьи, напротивъ, прогуливались съ сигарой въ зубахъ, съ стеклышкомъ въ глазу и позволяли любоваться собою, хотя дѣлали видъ, что сами смотрятъ на людей. Сгорбившіеся работники тащились подъ тяжелой ношей, глубоко подгибая колѣни на каждомъ шагу. Мужики дремали, сидя въ своихъ телѣгахъ, матросы въ выюгихъ сапогахъ тащились черезъ площадь, маленькія дѣти отправлялись въ школу и по доротѣ шалили и рѣзвились. Все это онъ видѣлъ очень ясно, но какъ будто гдѣ-то далеко, далеко.

Все это движеніе казалось ему такимъ неестественнымъ, неумѣстнымъ. Неужели эти люди не замѣчали, что громадный вампиръ присосался къ жизни и съ каждою минутою все больше отнимаетъ у нея теплоты, свѣта и краски? Неужели они не чувствовали, что смертельный, изнуряющій недугъ отравилъ самое бытіе, и что чудная земля со всѣмъ, что есть на ней прекраснаго и великаго, готовится умереть отъ холода и превратится въ сѣрую, пустынную развалину?.. Онъ положительно не могъ себѣ представить, что эта дѣловая жизнь по прежнему пойдетъ своимъ чередомъ, и что онъ самъ еще долго будетъ жить этой призрачной жизнью, будетъ слушать скрипъ всей этой невидимой машины, какъ будто ничего и не случилось, будетъ даже спать, раздѣваться и одѣваться, ѣсть, пить и работать! Онъ удивлялся даже тому, что деревья въ паркѣ такъ твердо стоятъ на своихъ мѣстахъ, ему казалось, что они должны упасть отъ смертельной усталости. Его самого тянуло къ землѣ, какъ будто къ каждому мускулу было привѣшено по свинцовой гирѣ... Вотъ она идетъ по улицѣ! Ему показалось, что кто-то крѣпко сжалъ его грудь; онъ не могъ вдохнуть, колѣни подгибались... Что значить все пережитое за послѣднюю ночь въ сравненіи съ тѣмъ, что его ожидало теперь!..

Она тихо вошла и остановилась у двери. Когда Кануть ее увидѣлъ, она показалась ему опять такою, какъ тогда, когда онъ видѣлъ ее въ церкви, — блѣдною, кающеюся, съ сухими губами и устремленными въ даль глазами,

Онъ нетвердыми шагами пошелъ было къ ней на встрѣчу, но остановился, протянулъ ей руку, но опустилъ ее. Онъ называлъ ее по имени и искалъ слова, не зная, что сказать; горе казалось парализовало его и лишило памяти.

Но состояніе это мгновенно исчезло; эти тяжелые, бессильные члены, этотъ неподвижный, холодный кусокъ мяса, въ который онъ превратился, — все вдругъ ожило, когда онъ взглянулся въ нее ближе и прочиталъ нѣмое, беспомощное горе въ ея сухихъ глазахъ. Мысль о поразившемъ ихъ обоихъ несчастіи, о всѣхъ страданіяхъ, которыя придется выносить имъ въ теченіи долгаго ряда однообразныхъ, безсодержательныхъ часовъ, ожидавшихъ ихъ въ жизни, поразила его какъ раскаленная стрѣла, и онъ почти крикнулъ, бросаясь къ ней:

— Корнелія, я не вынесу этого! Ни одинъ законъ, ни

божескій, ни человѣческій, не можетъ осудить насъ на такія ужасныя мученія за одинъ проступокъ. Безумно до такой степени жертвовать собою!

Она покачала головой. Онъ съ перваго взгляда увидѣлъ, что она твердо и непоколебимо рѣшилась разстаться съ нимъ. Она, казалось, уже начала свое прежнее одинокое существованіе.

Тѣмъ не менѣе онъ все-таки пытался поколебать ея рѣшеніе. Онъ чувствовалъ безсиліе своихъ словъ, слышалъ, какъ они отскакивали отъ панцыря ея твердой воли, и все-таки добивался невозможнаго,

— Послушай, Корнелія, подумай, что ты отъ меня требуешь. Ты хочешь, чтобъ я пожертвовалъ своею любовью, нашимъ молодымъ счастіемъ и, кромѣ того, обрекъ себя на вѣчную муку, живя изо-дня въ день съ существомъ, которое...

Она приблизилась къ нему, подала ему свою холодную, мертвую руку и повела его за собою къ дивану.

— Ты не имѣешь права говорить такъ. Ты долженъ попытаться сдѣлать все...

— Корнелія, ты не понимаешь, что это значить. Это все равно, что отдать на поруганіе свое лучшее чувство, все равно, что отдать тебя на расгерзаніе дикимъ звѣрямъ. Я не хочу этого; я сойду съума отъ этой мысли. Я буду для нея всѣмъ, чѣмъ ты хочешь, всю жизнь свою буду служить ея батракомъ, отдамъ ей все, что имѣю и что заработаю; я буду сдерживаться,—она никогда не услышитъ отъ меня рѣзкаго слова, никогда не увидитъ недовольной мины; но я не хочу принадлежать ей. Я хочу сдержать въ своемъ сердцѣ право хранить тебя и мою любовь, какъ святыню; я буду имѣть право ненавидѣть ее и отдѣляться отъ нея все больше и больше. Да, я ненавижу ее и хочу порвать всѣ связи съ прошлымъ, которое, мнѣ на горе, кинуло ее въ мою жизнь.

— Кануть... развѣ ты одинъ приносишь жертву, стараясь удалить то, что стоитъ между нею и тобою? Неужели ты думаешь, что я счастлива, зная, что даже въ мысляхъ твоихъ не буду занимать перваго, единственнаго мѣста?

— Нѣтъ, нѣтъ; но какъ ты можешь такъ легко приносить эту жертву?...

Она взглянула на него. Легкій румянецъ скользнулъ по

ея щекамъ; на глазахъ навернулись слезы; на губахъ задрожала невыразимо грустная улыбка.

— Такъ легко? повторила она.

Онъ схватилъ ея руки и сталъ цѣловать ихъ.

— Я самъ не понимаю, что говорю. Вѣдь я знаю твою способность страдать, не обнаруживая своихъ страданій, ни единымъ вздохомъ. Я не таковъ, какъ ты, о нѣтъ; но ты не знаешь, какъ ужасно погибать отъ собственной вины, быть къ ней прикованнымъ, всюду носить ее съ собою, какъ источникъ вѣчнаго позора... Да, все это я чувствую! Помимо воли моей, мнѣ кажется, что я вынужденъ снова совершить то же преступленіе, жить съ нимъ вѣчно, и приносить въ жертву этому алчному, ненасытному прошлому самое чистое, самое лучшее изъ всего, что я имѣю, и наконецъ загубить самого себя.

— И все-таки ты не можешь поступить иначе.

— Я не понимаю этого, нѣтъ, не понимаю.

— Скажи мнѣ только одно: любить ли она тебя?

— По-своему — да, сказалъ онъ нерѣшительно.

— Знаешь она, что ты...

— Что я люблю другую?.. да.

— Что же она сказала на это?

— Она точно ребенокъ или дикарка. Ей это все равно, лишь бы я не покидалъ ея. Она плакала, умоляла, грозила, что будетъ преслѣдовать меня, поидеть за мною хоть на край свѣта, убьетъ меня, тебя и самое себя... О, ты не можешь себѣ представить, какая она!

— И ты можешь еще колебаться? Вѣдь ты самъ далъ ей право любить тебя; какъ же тебѣ покинуть ее и обмануть ея довѣріе? При такихъ условіяхъ и наше счастье было бы невозможнымъ.

Онъ молчалъ, не находя даже словъ въ виду неумолимой, неизбежной дѣйствительности, надвигавшейся все ближе и схватившей его желѣзными когтями, которые глубоко вонзились въ его тѣло и раздирали, но не убивали его.

Она провела рукою по его лбу и прильнула щекою къ его щекѣ.

— Это въ послѣдній разъ, сказала она, какъ бы стараясь извинить себя.

Онъ заключилъ ее въ объятія, какъ будто не хотѣлъ ни-

когда разставаться съ нею. Онъ цѣловаль ея и прижималь ея влажную отъ слезъ щеку къ своей щекѣ.

— Ты для меня все, все, все, шепталъ онъ.

Она отвела его руки. Онъ еще хотѣль удержать ея, но она быстро встала и сказала:

— Нѣтъ... довольно. Прощай, Кануть... Я была счастлива.

Онъ еще разъ обняль ея; потомъ она вырвалась, вытерла глаза и выбѣжала изъ комнаты.

Она хотѣла спуститься съ лѣстницы, но въ углу корридора, прислонившись лбомъ къ стѣнѣ, стояла, рыдая, Ганна.

— Корнелія, прошптала она,—останься у меня.

Она обняла свою подругу одною рукою и повела ея съ собою въ спальню. Здѣсь она сѣла, а Корнелія опустилась на полъ и положила голову къ ней на колѣни. Онѣ еще сидѣли тамъ, когда Кануть вышелъ изъ дома.

XIII.

Шель тяжелый, мокрый снѣгъ. На лугахъ, за городомъ, онъ ложился ровнымъ слоемъ, на сжатыхъ поляхъ прилипаль къ упругимъ, желтымъ соломеннамъ и образоваль вокругъ нихъ небольшіе конусы; сухія, корявыя березы на холмахъ поникли отяжелѣвшими отъ снѣга вѣтвями и, наконецъ, были окутаны какъ футларомъ. Только самыя крутыя горныя обрывы выдѣлялись черными, голыми пятнами.

Въ городѣ снѣгъ густой пеленой покрыль всѣ крыши, но таяль въ жолобахъ и капаль на улицу. На всѣхъ перилахъ и заборахъ лежалъ густой слой пуха, даже къ стѣнамъ липли хлопья снѣга. На судахъ мыли имъ палубы. Снасти имѣли видъ бѣлыхъ линий, проведенныхъ мѣломъ по черному небу. Съ берега снѣгъ пытался перебраться въ море, которое храбро боролось противъ этого нашествія, поднималось и растворяло его, опускалось и оставляло между нимъ и собою черный поясъ; — но все было тщетно: черный поясъ отлива быстро опять покрывался бѣлымъ слоемъ, самыя волны, набѣгая на берегъ, стали приносить съ собою снѣгъ; наконецъ, густой, насыщенный водою слой покрыль поверхность всѣхъ тихихъ заливовъ, съ неба сыпались на него все новыя и новыя хлопья и теперь недоставало только одного, — добраго ночного мороза; еслибъ онъ наступиль, то море оказалось-бы скованнымъ во всѣхъ каналахъ и бухтахъ.

На улицахъ снѣгъ вель ожесточенную войну, сисясь овладѣть и эту область. Но колеса разрѣзали его, увлекали съ нимъ вмѣстѣ тонкій слой песку и глины, который все болѣе нарасталъ и образовалъ двѣ сѣрыя полосы. На тротуарахъ, гдѣ таковыя были, сотни ногъ топтали его, а на пристаняхъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ движеніе было особенно оживленное, онъ образовалъ, смѣшавшись съ ближайшимъ слоемъ почвы, желтовато-сѣрую грязь. Весь маленькій приморскій городъ, подъ этою безконечною мятелю, имѣлъ такой-же меланхолическій видъ, какъ полузамерзшія ворѣны, которыя сидѣли по деревьямъ и прятали головы подъ крыло.

Передъ церковью стояли двѣ кареты; лошади уныло понурили головы; мокрый снѣгъ таялъ на ихъ спинахъ и стекалъ по бокамъ. Кучера въ толстыхъ плащахъ и высокихъ сапогахъ расхаживали взадъ и впередъ, похлопывали кнутами и съ чувствомъ собственнаго достоинства поглядывали на прохожихъ.

Въ церкви шло вѣнчаніе. Не смотря на вѣтеръ, снѣгъ и слякоть, собралось нѣсколько служанокъ и бѣдныхъ дѣтей, которые ждали выхода новобрачныхъ. Наконецъ, въ церкви захрипѣлъ органъ. Церемонія окончилась. Двери церкви открылись. Сначала показалось нѣсколько закутанныхъ женщинъ, которыя поспѣшно скрылись въ каретахъ, а затѣмъ нѣсколько молодыхъ и пожилыхъ мужчинъ, которые старательно держали какъ можно ниже надъ головою свои зонтики. Зрители были совершенно разочарованы; вся процессія пронеслась такъ быстро, что имъ не удалось увидѣть даже каймы бѣлаго платья.

Кареты поднялись къ замку, выгрузили свою поклажу, подождали, снова приняли ее и укатили; одна изъ нихъ поѣхала по главной улицѣ города, другая направилась къ набережной. Когда послѣдняя проѣзжала мимо дома Вика, въ окнѣ кареты отдернули занавѣску. Тамъ сидѣлъ Кануть, который въ послѣдній разъ смотрѣлъ на маленькое угловое окошечко, но ничего не увидѣлъ, кромѣ горшка съ розаномъ, который стоялъ на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ. Одна изъ красныхъ гардинъ была спущена. Быть можетъ, Корнелія стояла за нею и смотрѣла на него.

Море бушевало. Лодки, стоявшія вдоль набережной, качались и поднимались, то сходясь, то снова расходясь. Пріѣхавшее въ каретѣ общество, — Кануть, его отецъ, Петръ Стрѣмъ и одѣтая въ дорожное платье дама, сѣли въ одну изъ лодокъ

и поѣхали къ пароходу, который, дымясь, стоялъ по ту сторону входа въ гавань. До отхода оставалось только нѣсколько минутъ. Послѣдній грузъ былъ поднять; лодочники, которые перевезли пассажировъ, отчалили. На палубѣ было мокро и скользко. Матросы въ кожаной одеждѣ и высокихъ сапогахъ спускали въ трюмъ послѣдніе ящики и укрѣпляли на верхней палубѣ послѣднія бочки. Рыбаки и другіе палубные пассажиры столпились въ узкихъ, жаркихъ проходахъ по обѣ стороны машины. Подъемная машина стучала и шипѣла, выпускала струи пара, и распространяла невыносимый запахъ теплой машинной воды и прогорклаго масла. Дымъ, валившій изъ трубы, становился все гуще, паръ вырывался съ оглушительнымъ шумомъ, съ командирскаго мостика раздавался отъ времени до времени хриплый голосъ. Отведя даму въ каютную залу, Кануть поднялся съ отцомъ и Петромъ на верхнюю палубу, гдѣ тающій снѣгъ образовалъ безчисленные ручьи.

Они молча ходили взадъ и впередъ. Паровой свистокъ раздался во второй разъ; старый Гольдъ посмотрѣлъ на сына, потомъ взглянулъ внизъ и ничего не сказалъ. За послѣднее время онъ еще больше осунулся, сгорбился и похудѣлъ; лицо его стало еще желтѣе.

— Надѣюсь, что ты будешь подавать о себѣ вѣсть, Кануть, сказалъ Петръ, повидимому только потому, что молчаніе становилось невыносимо.

— Да, отвѣтилъ Кануть, откашливаясь, чтобы прочистить голосъ.

Раздался третій свистокъ.

Всѣ трое вздрогнули, какъ будто подъ вліяніемъ электрическаго удара. Кануть схватилъ руку отца, и прошепталъ:

— Прощай, отецъ... благодарю тебя за... все...

Дрожащія, безкровныя губы стараго Гольта не могли вымолвить ни звука. Онъ только устремилъ на сына покорный, нѣжный, но безнадежно-отчаянный взоръ.

Наконецъ, онъ принужденъ былъ выпустить руку сына; только взглядъ не отрывался отъ него. Кануть обратился къ Петру, отвелъ его въ сторону, положилъ ему руку на плечи и сказалъ:

— Вѣрный другъ, не забывай меня и передай всѣмъ мой горячій привѣтъ!

— Эй вы, если хотите на берегъ, такъ торопитесь, грубо крикнулъ кто-то снизу.

Гольтъ и Петръ поспѣшили въ шлюбку. Лѣстницу подняли. Нѣсколько оборотовъ винта, — и пароходъ тронулся. Лодка не вошла въ гавань, пока пароходъ былъ въ виду; потомъ они поѣхали назадъ по мокрому, печальнымъ улицамъ, гдѣ люди суетились такъ-же, какъ и всегда.

Передъ подъемомъ къ замку они остановились.

— Не зайдете-ли сегодня вечеромъ къ намъ съ вашей супругой? спросилъ Петръ.

— Благодарю... благодарю... не могу, Петръ Стрѣмъ... я зарочусь въ своей берлогѣ... и...

Мимо проходилъ редакторъ Гэйсенъ. Онъ перешелъ черезъ улицу, подошелъ къ нимъ и приподнял шляпу.

— Выборы уже состоялись, господа. Ааге Стормъ и Вильдгагенъ. Приходится сообразоваться съ обстоятельствами...

— Какое мнѣ до этого дѣло? сказалъ Гольтъ. — Оставьте меня въ покоѣ со своими выборами.

Онъ пожалъ Петру руку и удалился.

— А!.. Должно быть сегодня сынъ уѣхалъ? спросилъ Гейсенъ.

— Да, сказалъ Петръ и пошелъ своей дорогой...

XIV.

Маленькій рыболовный городъ постарѣлъ на десять лѣтъ. Въ немъ появились — новая церковь, новое зданіе латинской школы, новый ректоръ и, наконецъ, новая газета. Замокъ уже не былъ единственнымъ каменнымъ зданіемъ въ городѣ; въ сравненіи съ новыми строеніями онъ, точно такъ-же, какъ и старые дома, имѣлъ очень невзрачный видъ.

Біорнгольтъ оставилъ городъ. Онъ сдѣлался ректоромъ въ другомъ маленькомъ городкѣ. Самымъ вліятельнымъ человекомъ въ городѣ былъ Ааге Стормъ, къ которому присоединился Вильдгагенъ. Страндъ быстро шелъ въ гору, и всѣ были убѣждены, что онъ скоро достигнетъ епископскаго сана. Девизъ его гласилъ: «Мой Богъ—есть Богъ порядка». У Фонна была маленькая, но вѣрная партія, которая не поддерживала никакихъ отношеній съ дѣтьми мірской суеты. Это былъ скромный кружокъ набожныхъ, кающихся людей, собиравшійся отъ времени до времени въ домъ Вика...

Старый Гольтъ былъ серьезно боленъ и ждалъ смерти. Его сыну, который поселился въ Лиссабонѣ и котораго онъ не видѣлъ въ теченіи всѣхъ этихъ лѣтъ, уже телеграфировали. Но телеграмма не застала его дома; онъ предпринялъ какое-то продолжительное путешествіе. Каждый день посылали за-просъ, не вернулся-ли онъ домой, но каждый разъ отвѣтъ гласилъ:—нѣтъ. Комната его давно была приготовлена; Гольтъ велѣлъ купить сигаръ и вина, которыя Кануть любилъ и каждый день спрашивалъ Катерину, свою вѣрную подругу, все-ли въ порядкѣ.

Онъ страшно исхудалъ; губы ввалились; блѣдное лицо мѣстами имѣло синеватый оттѣнокъ. Носъ почти касался губъ; глаза были необыкновенно велики и смотрѣли какъ-то неподвижно.

Онъ пробовалъ читать. Любимыми писателями его и въ это послѣднее время остались Дарвинъ и Джонъ Стюартъ Миль, «благороднѣйшіе люди въ свѣтѣ». Но глаза часто отказывались служить, и тогда Катерина должна была читать ему вслухъ такія книги, въ которыхъ она сама не понимала ни слова. Иногда она пыталась замѣнить Дарвина или Миля какого-нибудь душеспасительною книгою; но въ этихъ случаяхъ старикъ сердился.

У Гольта по временамъ бывали ужасные припадки, которые приводили его въ бѣшенство отъ боли. Въ это время больной, который обыкновенно не въ силахъ былъ даже приподнять голову, вскакивалъ и рвалъ все, что только могъ схватить. Онъ чувствуетъ приближеніе такого припадка и стискиваетъ зубы. Катерина сидитъ возлѣ постели и сквозь слезы читаетъ вслухъ изъ Миля. Она видитъ, что больной начинаетъ дрожать и хочетъ прекратить чтеніе, но онъ съ сердцемъ кричитъ:—«читай!» Она продолжаетъ, но когда боль усиливается и несчастный старикъ начинаетъ скрежетать зубами, она бросается на колѣни.

Боль усиливается. Онъ знаетъ, до какой степени она невыносима.

Когда боль немного стихла, Гольтъ сказалъ:—Читай опять, Катерина, читай! И скажи Кануту, когда онъ прійдетъ, что я умеръ, какъ честный человѣкъ!..

Нѣсколько дней спустя кто-то постучался въ дверь. Гольтъ сердито посмотрѣлъ на Катерину.

Катерина покачала головой и отворила дверь. Въ комнату вошла Корнелія Викъ.

Гольтъ, не выдавшій ее уже нѣсколько лѣтъ, не съ разу узналъ ее. Она сильно измѣнилась и какъ будто стала меньше; грудь ея ввалилась, волоса нѣсколько посѣдѣли и порѣдѣли; вокругъ глазъ образовались мелкія морщины. Она съ трудомъ дышала, поднявшись на лѣстницу; на щекахъ ея выступилъ легкій румянецъ.

— Вы вѣроятно, не узнаете меня? сказала она, подходя къ постели.

— Да... да... теперь я вижу... вы Корнелія Викъ?

— Да.

Онъ началъ перебирать руками край одѣяла; взглядъ его выражалъ тревогу и недовѣріе.

— Кто посылаетъ васъ къ старому Гольту?

— Я пришла по собственному побужденію.

Онъ посмотрѣлъ на нее нѣсколько дружжелюбнѣе, но все еще казался встревоженнымъ.

— Вотъ какъ... вотъ какъ... Гмъ... это вы напрасно... Благодарю васъ за доброе намѣреніе... но дайте мнѣ умереть спокойно.

Слабый румянецъ на щекахъ ея выступилъ ярче; она казалась смущенною такимъ пріемомъ.

— Я пришла, сказала она нетвердымъ голосомъ,—потому что... потому что думала, что вы, быть можетъ, имѣете извѣстія... о вашемъ сынѣ.

Онъ схватился своими исхудалыми руками за края постели и старался поднять немного голову. Онъ пытливо смотрѣлъ ей въ лицо, какъ будто сляясь прочесть всѣ ея тайные помыслы, и вдругъ понялъ, зачѣмъ она пришла. Недовѣрчивый взглядъ исчезъ. Онъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ и благодарностью, какъ будто прося прощенія; лицо его вдругъ помолодѣло на нѣсколько лѣтъ.

— Вы пришли, чтобы поговорить съ умирающимъ человекомъ о единственномъ предметѣ, который еще интересуеть его! воскликнулъ онъ.—О, благодарю, благодарю васъ!

Онъ взглянулъ на Катерину. Она вышла изъ комнаты. Онъ протянулъ Корнеліи свою исхудалую, костлявую руку.

— Еще разъ—благодарю, благодарю. Садитесь, пожалуйста.

Онъ приподнялся, чтобы взять стулъ, но не въ силахъ былъ

вынести такого напряженія. Съ тяжелымъ вздохомъ опустился онъ на подушки и нѣсколько минутъ лежалъ съ закрытыми глазами, тяжело дыша.

Корнелія сѣла возлѣ постели. — Какъ вы себя чувствуете? спросила она.

— Плохо, плохо. Мнѣ холодно, вѣчно холодно; ледяной холодъ проникаетъ до самаго сердца... Да... что-же я хотѣлъ сказать? Это общая судьба людей. Вся жизнь представляетъ собою длинный рядъ утратъ, фрейлейнъ Корнелія. Сначала она похищаетъ у васъ ваши невинныя чувства и мысли, а потомъ—ваши великія ожиданія и надежды. Вы полюбите человека, онъ сдѣлается для васъ всѣмъ, замѣнитъ вамъ все, что вы потеряли... но и его у васъ похититъ смерть или что-нибудь другое... А потомъ наступаетъ ледяной холодъ, конецъ всему, и приходится медленно умирать. Это ужасно, — не правда-ли? Вѣдь вы сами это испытали?

— Да...

Она сама начала говорить о Канутѣ, въ особенности о томъ, какъ онъ въ сущности гордился своимъ отцомъ, его умомъ, его проникательностью. Гольтъ молча лежалъ и жадно ловилъ каждое слово; глаза его свѣтились влажнымъ блескомъ; похвала величайшаго человека въ мірѣ не порадовала-бы его такъ, какъ слова Канута, который какъ-то говорилъ Корнеліи: «У него въ десять разъ больше знанія и энергіи, чѣмъ у его противниковъ». Онъ кусалъ себѣ губы, чтобы не расплакаться. Когда Корнелія умолкла, Гольтъ въ свою очередь сталъ рассказывать про Канута.

— Онъ всегда былъ любящимъ сыномъ, сказалъ онъ.— Боже мой! Если-бы вы его знали, когда онъ былъ еще маленькимъ мальчикомъ, фрейлейнъ Корнелія! Я даже ночью, бывало любовался имъ. Мнѣ кажется, что я и теперь еще вижу его въ его голубомъ ночномъ платицѣ... Бывало, онъ приподнимется въ своей колыбели и жметъ своимъ маленькимъ мягкимъ ротикомъ къ моей щекѣ, какъ будто хочетъ сосать; и если я замѣшкаюсь... какую обиженную рожицу онъ бывало скорчить! А какъ онъ смѣялся! Увѣряю васъ, что если-бы я умиралъ и слышалъ его веселый, серебристый смѣхъ, я право мгновенно-бы выздоровѣлъ... А потомъ, когда онъ подростъ, какіе у него были умные, задумчивые глаза!... Такіе глаза, повѣрьте, имѣютъ на человека большое вліяніе! Кому придеть

въ голову нечестивая мысль, когда такой мальчуганъ устремить на васъ свой невинный взглядъ... Это были самые лучшіе, самые счастливые дни моей жизни. Мы двое составляли цѣлый міръ, маленькій, ясный, освѣщенный солнцемъ міръ...

Онъ помолчалъ. Въ лицѣ его снова появилось горькое выраженіе.

— Фрейлейнъ Корнелія, началъ онъ,—меня грызетъ, мнѣ не даетъ покоя мысль, что, быть можетъ, я самъ виноватъ въ его несчастіи... Я говорю объ этой несчастной связи... Видители, я часто спрашиваю себя, случилось-бы это, если-бы я самъ поступалъ всегда какъ слѣдуетъ, и подаль ему лучшей пригѣрь свою собственную жизнью?...

Послѣ этихъ словъ онъ въ изнеможеніи умолкъ. Казалось, всѣ мускулы его утратили послѣднюю упругость. Грудь и щеки ввалились еще больше, губы раздвинулись и обнажили зубы; вѣки закрылись; онъ сталъ похожъ на мертвеца.

Она просидѣла возлѣ него еще нѣсколько времени и говорила такъ умно, такъ кротко. Онъ неподвижно лежалъ и слушалъ; слова ея какъ цѣлебное лекарство укрѣпляли, успокаивали его. Но, несмотря на облегченіе, которое онъ чувствовалъ, въ головѣ его неотвязно звучала одна мысль:—«Какъ много потерялъ мой сынъ въ этой женщинѣ! Не ты-ли виноватъ въ этомъ?» Когда Корнелія собралась уходить, онъ сказалъ:

— Могу-ли... могу-ли я надѣяться увидѣть васъ еще разъ?

— Я буду приходить... пока могу.

— Ахъ да... я теперь вижу... вы тоже нездоровы?...

— Да...

Начиная съ этого времени, Корнелія каждый день приходила къ Гольту; но ей становилось все труднѣе подниматься по лѣстницамъ и однажды она не пришла въ обычный часъ. Гольтъ встревожился и послалъ Катерину къ Викамъ. Корнелія лежала въ постели. Съ тѣхъ поръ Гольтъ уже тщетно ждалъ ея,—Корнелія не покидала своего ложа.

... Наступила весна, Деревья еще не распускались. Солнце стояло низко; красное западное небо разливало слабый свѣтъ по бурнымъ, поросшимъ верескомъ холмамъ, окружающимъ городъ. Самъ онъ, сѣрый и холодный, стоялъ среди нихъ. Только нѣкоторыя окна, обращенныя къ заходящему солнцу, ярко пылали, какъ огненные символы любви или отчаянія.

Въ городѣ раздавался похоронный звонъ. Куда на этотъ

разъ ворвался хищный звѣрь? Разбросанный по улицѣ можжевеликъ указываетъ намъ дорогу. Она ведетъ отъ церкви къ дому Вика. Здѣсь стоятъ похоронныя дроги, запряженныя парюю лошадей въ траурныхъ попонахъ.

Въ домѣ поютъ псаломъ. Вотъ выносятъ гробъ; шестеро мужчинъ съ обнаженными головами несутъ его и ставятъ на дроги. Процессія тронулась въ путь. Впереди идутъ два священника; дѣти и другіе любопытные слѣдуютъ на нѣкоторомъ разстояніи.

Мимо кладбища проходитъ какой-то путешественникъ въ то время, какъ въ ворота въѣзжаютъ похоронныя дроги. Онъ останавливается въ недоумѣніи и вслѣдъ за процессіей входитъ на кладбище.

Въ числѣ провожатыхъ былъ и Петръ Стрѣмъ. Онъ возмужалъ и пополнѣлъ; но лицо его осталось такимъ-же добродушнымъ, глаза, на которыхъ теперь навернулись слезы, смотрѣли такъ же ласково. Когда стали засыпать могилу, онъ почувствовалъ на плечѣ своемъ чью-то руку. За нимъ стоялъ Кануть Гольтъ.

Кладбище опустѣло; только они двое стояли возлѣ могилы. Теплый вѣтерокъ шелестилъ въ травѣ; въ воздухѣ начинало пахнуть весной.

Друзья еще не обмѣнялись ни единымъ словомъ.

— Наконецъ-то ты пріѣхалъ! сказалъ Петръ.

— Чтобы проводить ее до могилы...

— Ты не зналъ о ея смерти?

— Нѣтъ.

Они медленно вышли и передъ воротами разстались. Кануть направился по знакомой дорогѣ, поднимавшейся за городомъ по скату горы; онъ хотѣлъ на нѣсколько минутъ остаться наединѣ.

Дѣло было въ серединѣ лѣта. Гамре устроилъ маленькую пирушку въ честь Біорнгольта, который посѣтилъ городъ.

Бывшій редакторъ окончательно покинулъ общественную дѣятельность; его смѣнили болѣе молодыя силы. Но отъ времени до времени онъ еще подавалъ о себѣ голосъ, когда ему казалось, что преемники его дѣйствуютъ слишкомъ вяло. Въ этихъ случаяхъ онъ съ прежнею силою проявлялъ свое язви-

тельное краснорѣчіе; и предостерегалъ отъ того, что называлъ «скользкою программю примиренія». Но такіе случаи повторялись все рѣже и рѣже. Обыкновенно онъ довольствовался тѣмъ, что обсуждалъ общественные вопросы съ нѣсколькими старыми товарищами, посѣдѣвшими на долгой службѣ въ его школѣ.

Біорнгольтъ какъ будто ожилъ въ приморскомъ городѣ. Вѣдь здѣсь онъ провелъ лучшее время своей жизни. Онъ зналъ всѣхъ въ этомъ маленькомъ городкѣ и сидѣлъ теперь въ превосходномъ настроеніи, спрашивая хозяина о каждомъ въ отдѣльности.

— А старый агитаторъ Гольтъ, я слышалъ, подалъ въ отставку?

— Да, отвѣчалъ Гамре, который смотрѣлъ все такимъ-же бодрымъ и цвѣтущимъ, но уже весь посѣдѣлъ. — Онъ умеръ весною.

— А сынъ?

— Вернулся.

— Со своей индѣйской женой?

— Нѣтъ, она умерла. Мнѣ рассказывали, что она упала съ лошади во время отчаянной скачки.

— Продолжаетъ сынъ торговлю отца?

— Говорятъ, что онъ намѣренъ продать фирму и заняться гдѣ-нибудь врачебною практикой.

— Да, это были опасные люди, промолвилъ Біорнгольтъ.

К О Н Е Ц Ъ .

ГЕНІАЛЬНЫЙ ПЛАНЪ.

(Разсказъ).

I.

На дняхъ я встрѣтила одну изъ тѣхъ моихъ многочисленныхъ знакомыхъ, съ которыми мнѣ приходится сталкиваться черезъ годъ, черезъ два, черезъ три, то здѣсь—въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, то гдѣ нибудь въ Харьковѣ, и, нужно прибавить, почти всегда на улицѣ. Познакомилась я съ нею, сколько мнѣ помнится, въ московскомъ обществѣ гувернантокъ, еще въ то, впрочемъ, недавнее время, когда и я платила долгъ отечеству и вмѣстѣ съ тѣмъ снискивала свой насущный хлѣбъ воспитаніемъ юношества.

— Ну, что, какъ вы? спросила я.

— Ахъ, такъ плохо, такъ плохо!.. Представьте себѣ, четвертый мѣсяць не могу найти мѣста, ни-ка-ко-го... хоть бы какое нибудь... хоть плачь!.. Ну, а вы? Вы, говорить,—поздоровѣли, пополнѣли, такая румяная...

Я повѣдала ей о моемъ теперешнемъ положеніи, то есть рассказала, что нынѣ управляю домою одной моей подруги дѣтства,—веду домовыя книги, покупаю дрова, пускаю и выгоняю жильцовъ, торгуюсь съ печниками, малярами, мостовщиками, командую дворниками, блюду за цѣлостью хозяйскаго добра, а между этимъ дѣломъ, какъ мнѣ сдается, какъ мнѣ очень сильно сдается, хотя о семъ никогда и никто не заикался, служу также и компаньонкой моей патронессѣ. Я подробно перечислила ей, что за несеніе на себѣ этой, по всѣмъ видимостямъ—двойной, обязанности пользуюсь ежемѣсячнымъ, въ высшей степени аккуратно выплачиваемымъ жалованьемъ въ тридцать рублей, хорошо меблированной и теплой, какъ баня, комнатой, прислугой, прачкой, столомъ, чаемъ и кофе.

— Нѣтъ ничего мудренаго, если я и въ самомъ дѣлѣ растолстѣла, прибавила я.—Такъ какъ мы постоянно скучаемъ, то, для развлечения, только и дѣлаемъ, что ѣдимъ и пьемъ, пьемъ и ѣдимъ, закусываемъ и перекусываемъ.

Если мнѣ не измѣняетъ память и я не смѣшиваю эту мою знакомую съ какой-нибудь другой, такъ же мимолетно встрѣчавшейся мнѣ особой, то она всегда была до крайности бережлива, даже скупа. Теперь, когда бѣднягѣ приходится уже четвертый мѣсяцъ затрачивать свои скудные сбереженія, она, по всей вѣроятности, урѣзываетъ себя въ каждомъ ломтѣ хлѣба, въ каждомъ кускѣ сахару, и поѣтому, на мой взглядъ, совершенно естественно, что изъ всего моего разсказа самое сильное впечатлѣніе произвело на нее, какъ кажется, перечисленіе нашихъ закусываній и перекусываній.

— Ахъ, какая вы счастливица! Ахъ, какая вы счастливица! повторала она.—Ахъ, еслибы мнѣ Богъ послалъ такое мѣсто!

И снова «ахъ» и затѣмъ еще разъ «ахъ», и при этомъ она смотрѣла на меня такимъ грустнымъ-прегрустнымъ, такимъ завистливымъ-презавистливымъ взглядомъ, какъ будто я живою возносилась въ райскія обители...

«Ахъ», скажу ужъ и я, впадая въ ея тонъ, къ сожалѣнію, я далеко не «счастливица!» Правда, что сравнительно съ тѣмъ, какою была моя особа года два назадъ, я теперь поправилась и потолстѣла, но правда также и то, что за послѣднія недѣли благопріобрѣтенный жиръ мой спадаетъ съ такою же поразительною быстротою, какъ краткая вешняя вода. Правда, что мнѣ здѣсь тепло, что жалованье я получаю аккуратно, что кормятъ меня какъ телку на убой, но мудрая русская пословица не даромъ утверждаетъ, что «какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ смотреть»... Мнѣ скверно, мнѣ душно, мнѣ гадко; я злюсь, я стараю отъ сѣдающей меня злобы; я, кажется, могла бы отравлять все живое моими словами и взглядами, если бы дала имъ волю и, такъ сказать, спустила ихъ съ цѣпи. Когда я, исполняя свои обязанности, захожу въ огромный сарай, до потолка набитый дровами, мнѣ хочется иногда поджечь ихъ и доставить себѣ несказанное удовольствіе видѣть, какъ отъ этого проклятаго дома останутся однѣ только головни и закоптѣлыя кирпичныя стѣны. Когда я любезно торгуюсь съ лицами, нанимающими квартиру, у меня вдругъ является силь-

нѣйшее желаніе сдать по контракту сторублевое помѣщеніе рублей за двадцать пять въ мѣсяць и посмотрѣть—какое впечатлѣніе произведетъ это на Тонечку, мою патронессу. Когда я заносу что нибудь въ домовую книгу, у меня вдругъ возникаетъ фантазія набросать въ ней, вмѣсто сухихъ официальныхъ фактовъ, краткія характеристики упомянутыхъ въ ней лицъ, хоть бы въ такомъ, напримѣръ родѣ: «№ 17. Старикъ. Набоженъ, неразговорчивъ, уменъ. Отдаетъ на прокатъ и продаетъ за подходящую цѣну рояли, мебель, а также все, что у него есть въ квартирѣ, не исключая креста на шеѣ и собственной своей молоденькой жены». «№ 4. Котъ Паша. Цвѣтомъ бѣлый; золь и капризенъ. Прямо не вмѣшивается въ управленіе квартирой, но держать всю ее и въ особенности свою, такъ называемую, барыню въ постоянномъ трепетѣ и нервномъ напряженіи». «№ 23. Глухая голова, безъ толку переносимая съ мѣста на мѣсто длиннѣйшими ногами, тонкими какъ ходули. Дожилъ до тридцати-пяти лѣтъ и все-таки, кажется, не въ состояніи понять той простой вещи, что въ наши дни нѣтъ почти никакой возможности оставаться щепетильно чистымъ человѣкомъ и въ то же самое время прилично содержать подругу жизни и цѣлыхъ чет-ве-рыхъ продолжателей своего имени! Уныль, меланхоличенъ, болѣзненъ... Дуракъ!!!»

Все надоѣло, все опротивѣло, все волка въ лѣсъ тянетъ... Въ лѣсъ! Но гдѣ-же онъ, этотъ лѣсъ, этотъ мой зеленый, прекрасный лѣсъ, гдѣ я могла-бы бродить на просторѣ, широко раздувая ноздри и жадно вбирая въ себя чистый лѣсной воздухъ, воздухъ свободы, а не тюрьмы, воздухъ жизни, а не темнаго мертваго колодца? Гдѣ онъ? Куда меня такъ мучительно тянетъ? Чего такъ жадно, такъ гнѣвно просить моя душа? Чего тебѣ нужно, мое темное, злобное, неугомонное сердце? Чего?..

Не знаю я... Просто жизни, жизни недостаетъ мнѣ... До крайности «простой» отвѣтъ и до самой послѣдней степени глупый. Что-же, въ такомъ случаѣ, называю я жизнью? Было-ли въ моемъ прошломъ такое время, о которомъ я могу сказать, что я тогда жила, что тогда мнѣ не было скучно, что меня тогда не тянуло прочь, вдаль, неизвѣстно куда? Можетъ быть, я знавала временами счастье въ дѣтствѣ, когда, молчаливый, заброшенный и «какъ мышка» тихій ребенокъ, я забивалась куда-нибудь въ уголь и, окруженная незатѣйливыми игрушка-

ми, создавала себѣ свой, фантастическій, ни отъ кого независимый міръ, въ которомъ все совершалось по законамъ предуставленнымъ одною только мною и никѣмъ больше?.. Да, пожалуй, что я знавала тогда часы и цѣлые дни такого счастья, что могла просить Бога только объ одномъ,—чтобы никто обо мнѣ не вспомнилъ и никто меня не потревожилъ. Можетъ быть, я и жила настоящею жизнью и была счастлива тогда, когда, потомъ, все еще глупенькая и мечтательная, но уже совсѣмъ великовозрастная дѣвчонка, я влюбилась первою, безоглядною, слѣпою любовью, и мнѣ пришлось покинуть родной домъ, бродить изъ города въ городъ, узнавать шагъ за шагомъ, урокъ за урокомъ—что такое голодъ, холодъ, людское безсердечіе, низость, измѣна, подлость?.. Да, пожалуй, что я тогда жила полною жизнью, и если въ ней было сколько угодно горя, нравственныхъ мукъ и душу надрывающихъ разочарованийъ, за то не находилось ни крошечки мѣста для скуки... Нѣчто очень похожее на жизнь испытывала я и тогда, когда всѣми силами моей души привязалась къ доброй, безтолковой, безхарактерной женщинѣ, поддержавшей меня въ самую отчаянную для меня минуту. Я приняла ея интересы такъ близко къ сердцу, какъ она сама никогда не принимала ихъ; я возненавидѣла человѣка, ломавшаго и отравлявшаго ея жизнь, въ тысячу разъ сильнѣе, чѣмъ она сама ненавидѣла его; я рылась въ сводѣ законовъ, совѣтовалась съ юристами, сдѣлалась злымъ духомъ этого полоумнаго бѣдняги, не сдѣлавшаго мнѣ даже и тѣни чего-бы то ни было дурного, нарочно спаивала его сама или черезъ другихъ, устраивала ему западню за западней, неумышленно подталкивала его сдѣлать тотъ или другой шагъ, долженствовавшій навѣрняка погубить его, и въ концѣ концовъ неминуемо погубила-бы человѣка, если-бы его не спасла та-же безхарактерная дурочка, ради которой я сплела всю эту паутину...

Глупо, Господи, какъ глупо было все это, но нельзя не сознаться, что мое настоящее ровно въ миллионъ разъ глупѣ!

II.

Сколько злобы, сколько безпричинной злобы откуда-то вдругъ поднялось во мнѣ и кипитъ, неслышно кипитъ, какъ будто какой-то ядовитый напитокъ таинственно и во мракѣ ночи варится гдѣ-то въ подземельѣ. Какіе, на примѣръ, сердечные

счета могутъ быть у меня съ моею Тонечкой? Вѣдь ровнехонько никакихъ. Она предложила мнѣ взять на себя такія-то и такія-то обязанности, на такихъ-то и на такихъ-то условіяхъ, и я приняла это предложеніе. Она—моя хозяйка, я—ея наемница, — коротко и ясно, обыкновенно и просто до самой послѣдней степени, и съ моей стороны не можетъ быть, очевидно, ни малѣйшихъ вопросовъ и недоумѣній, почему между нами установились такія,—такъ сказать базарныя или биржевыя,—отношенія, а не какія нибудь другія. Однакоже, какъ это ни глупо, а меня больше всего бѣситъ именно то, что моя Тонечка смотритъ на меня... даже не какъ на какую-то нужную въ хозяйствѣ вещь, которую она не то купила, не то взяла напрокатъ и при первомъ-же удобномъ случаѣ равнодушно замѣнить другою,—нѣтъ, во сто разъ хуже, потому что къ подобнымъ вещамъ не относятся съ такимъ молчаливымъ недоумѣніемъ, съ тою тайною... гадливостью—что-ли, какія нерѣдко проскальзываютъ въ ея отношеніяхъ ко мнѣ... Я ненавижу, ненавижу ее!

Не особенно давно, когда мнѣ неожиданно пришлось ѣхать къ нотаріусу, я, второпяхъ, съ свойственною мнѣ иногда глупою стремительностью, вошла къ ней и храбро сказала:

— Какая досада! Надо ѣхать, а моя шляпа все еще въ передѣлкѣ... нельзя-ли мнѣ съѣздить въ вашей?

Конечно, она отвѣчала, что можно, но въ ту секунду, которая прошла между моимъ вопросомъ и ея отвѣтомъ, на ея лицѣ мелькнуло такое колебаніе, такое брезгливое чувство, что я поблѣднѣла отъ гнѣва и сейчасъ-же вспомнила, что моя старая шляпка еще настолько прилична, что можетъ ѣхать хоть-бы и не въ контору нотаріуса. Правда, я знаю, что она относится съ этою брезгливостью не ко мнѣ одной, а чуть-ли не ко всѣмъ людямъ, въ особенности къ женщинамъ, но моему самолюбію нисколько не легче отъ этого.

Въ другой разъ, тоже на дняхъ, она заговорила о молоденькой содержанкѣ, поселившейся въ № 3, и заговорила съ какимъ-то раздражительнымъ, преувеличеннымъ презрѣніемъ, впрочемъ очень часто встрѣчающимся въ отношеніи старыхъ дѣвъ и ханжей къ женщинамъ не особенно строгой нравственности. Я въ этотъ вечеръ была одержима духомъ противорѣчія, къ тому-же никакъ не могла пропустить столь удобный случай

полить мою святѣйшую патронессу, и поэтому возразила ей самымъ спокойнымъ и философскимъ тономъ:

— Что-жъ такое, что она содержанка? Право, я не понимаю, почему мы относимся съ такимъ презрѣніемъ къ содержанкамъ. Вѣдь не возмущаютъ-же насъ нисколько такъ называемые браки по расчету...

Она только вскинула на меня свои маленькіе глаза и не сказала ни одного слова. Сначала я не поняла страннаго выраженія этихъ глазъ, смотрѣвшихъ на меня не то испуганно, не то подозрительно; но потомъ, когда она, поговоривъ о какихъ-то пустякахъ, довольно неловко завела рѣчь о моемъ прошломъ и стала спрашивать,—гдѣ я была тогда-то, куда перешла послѣ этого; и т. д.—истина вдругъ предстала передо мною во всей своей далеко не очаровательной наготѣ. Она, моя патронесса, заподозрила—ужь не была-ли когда нибудь содержанкой сама я, сидящая съ нею за однимъ столомъ, ставящая свою чашку на ту-же самую скатерть, на которой стоитъ и ея чашка... Чтожъ, она, говоря языкомъ американцевъ, стоитъ сотни тысячъ, а я получаю въ годъ только триста шестьдесятъ рублей, и съ этой точки зрѣнія совершенно понятно, что ей приходится смотрѣть на меня сверху внизъ, точно съ свѣтлой вершины горы въ темную и подозрительную пропасть... Ахъ, деньги, деньги!

Сегодня утромъ, когда я только что проснулась и лежала съ открытыми глазами въ постели, въ моемъ умѣ возникъ нелѣпный вопросъ; неужели никогда не пробьетъ для меня часъ, когда мнѣ можно будетъ торжественно поздравить себя съ тѣмъ, что отнынѣ я свободна и не завишу больше ни отъ одного человѣка въ мірѣ? «Свободна, свободна, свободна!» съ тоскою повторяла я, и самое слово казалось мнѣ какимъ-то особеннымъ, праздничнымъ, торжественнымъ, какъ ночной звонъ колокола въ Свѣтлое Христово Воскресенье. Конечно, никогда этого не будетъ. Неоткуда. Наслѣдства мнѣ никто не оставитъ; копить я не умѣю; красть и изыскивать «побочные доходы»—тоже покуда не научилась, хотя Антонина Михайловна, видящая воровъ во всѣхъ окружающихъ ее «наемникахъ», навѣрное посматриваетъ искоса на мои руки и питаетъ подозрѣніе, что къ нимъ пристааетъ кое-что; пойти въ содержанки—опять таки еще не дошла до этого... Остается развѣ выиграть въ лотерею дѣтскихъ приютовъ или въ одинъ прекрасный тихій

вечеръ наброситься съ пожницами на мою святѣйшую Тонечку и рѣшительно потребовать отъ нея: «жизнь или пятьдесятъ тысячъ»!..

Но и это пустяки. Допустимъ, что какая-нибудь добродѣтельная фея нашла нужнымъ вознаградить меня за тѣ подвиги добродѣтели, которые я иногда совершала въ моихъ мечтаніяхъ, и преподнесла мнѣ тѣмъ или инымъ способомъ эти пятьдесятъ тысячъ,—развѣ эти деньги дали бы мнѣ свободу? Существуетъ основаніе думать, что нѣтъ. Года два назадъ, когда Лизавета Антоновна, собравшаяся ѣхать въ восточную Сибирь, отпустила меня на всѣ четыре стороны, одаривъ при этомъ всевозможными дарами, я очутилась обладательницею цѣлаго, никогда не бывавшаго у меня въ рукахъ, капитала больше чѣмъ въ тысячу рублей. Гдѣ теперь эта внушительная тысяча? Увы, меньше чѣмъ въ три недѣли она разлетѣлась въ дребезги. Я начала съ того, что перерыла всѣ магазины, приобрѣла популярность у извозчиковъ, безпрестанно развѣзжая на нихъ изъ конца въ конецъ города, накупила себѣ всевозможной ненужной дряни; а кончила тѣмъ, что до страсти увлеклась стучолкой,—стучала цѣлые вечера, стучала ночи напролетъ и въ теченіи какой-нибудь недѣли простучала все, что только у меня было, до послѣдняго трехрублеваго колечка на пальцѣ... Точно такая же участь, по всей вѣроятности, постигла бы и пятьдесятъ тысячъ благодѣтельной волшебницы. Года два, три, четыре я прогремѣла и проблестала бы съ ними, какъ фейерверкъ, а потомъ погасла-бы, снова возвратившись къ веденію домовыхъ книгъ или къ воспитанію будущихъ гражданокъ.

Года два, три, четыре... Легко сказать! Года два, три, четыре полной свободы, полного «никого знать не хочу!» Въ теченіи двухъ, трехъ, четырехъ лѣтъ и день мой, и ночь моя; говорю только то, что хочу говорить, вижу только тѣхъ, кого хочу видѣть, дѣлаю только то, что хочу дѣлать! Да развѣ мало этого? Развѣ за такіе два, три, четыре года нельзя промѣнять двадцать, тридцать, сорокъ лѣтъ той жизни, которую я живу теперь?

Рѣшено: если благодѣтельная фея замедлитъ придти ко мнѣ на помощь, въ первый же разъ, какъ только Тонечка выведетъ меня изъ терпѣнія, беру ее за горло и требую «жизнь или кошелекъ».

III.

Въ неприступной ледяной бронѣ, со всѣхъ сторонъ облегающей мою Тонечку, есть, однакоже, слабый и даже страшно слабый пунктъ: это ея влюбчивость. Стоитъ ей усмотрѣть, хотя бы даже изъ окна своей комнаты, прекраснаго, на ея взглядъ, молодого человѣка, и этого оказывается совершенно достаточнымъ, чтобы встревожить и взволновать ея сердце. Она начинаетъ посвящать несравненно больше времени своему туалету; не смотря на постоянную боязнь простуды, располагается съ работой или книгой непременно у окна; обыкновенно блѣдныя щеки ея покрываются слабымъ румянцемъ; въ маленькихъ и всегда безцвѣтныхъ глазкахъ затепливается блуждающій огонекъ; на тонкихъ губахъ бродитъ отъ времени до времени мечтательная и какъ будто счастливая улыбка. Въ теченіи года, который я имѣю удовольствіе жить подъ ея кровлею, мнѣ приходилось уже три раза наблюдать это довольно интересное явленіе человѣческой природы, и что меня несказанно поражало въ немъ, такъ это его финаль. Стоитъ Тонечкѣ узнать, что предметъ ея нѣжнаго увлеченія женатъ, женится или только ухаживаетъ за какою-нибудь особою, — и всему наступаетъ только-что не моментальный конецъ. Лице ея блѣднѣетъ, губы обиженно сжимаются, глаза принимаютъ еще болѣе жесткое выраженіе чѣмъ обыкновенно, кресло отъ окна отодвигается, — и на другой день наша жизнь вступаетъ въ свою будничную колею.

Теперь, по милости Рындина, мнѣ предстоитъ, какъ видно, наблюдать это явленіе и еще разъ, четвертый разъ.

Сегодня мы ѣздили въ гостинный дворъ. Выйдя изъ магазина, Тонечка остановилась у лотка съ фруктами и стала торговаться съ разнощикомъ, а я, зная, что это — исторія довольно продолжительная, стояла подлѣ и глазѣла по сторонамъ. Въ это время я и увидала Рындина, шедшаго по галлерей. Онъ, по обыкновенію, мастерски пользовался всѣми дарами, полученными имъ отъ Господа Бога, и всякій имѣющій глаза, чтобы видѣть, не могъ не замѣтить, что этотъ молодой человѣкъ прекраснаго высокаго роста, что плечи у него широкія, грудь выпуклая, борода курчавая и выхоленная, рѣсницы длинныя, глаза темно-сѣрые, меланхолическіе, зубы бѣлые и ровные. Одѣтъ онъ былъ тоже, повидимому, безукоризненно, и только

мой привычный къ нему глазъ могъ подмѣтить, по нѣкоторой, едва уловимой, обветшалости его костюма, что обстоятельства бѣднаго молодого человѣка если не въ отчаянномъ положеніи, то все-таки хуже чѣмъ плохи. Этотъ молодой человѣкъ таковъ, что если онъ совсѣмъ идетъ ко дну, но успѣетъ схватиться только за соломинку, то въ ту же секунду выплываетъ; если ему, въ виду голодной смерти, удастся найти мѣсто съ пятнадцати-рублевымъ жалованьемъ, то онъ на другой день сзумѣетъ выпросить это жалованье впередъ за десять мѣсяцевъ, на третій выхлопочетъ себѣ пособіе, а на четвертый приобрѣтетъ во всѣхъ магазинахъ и у всѣхъ портныхъ и сапожниковъ кредитъ на сотни рублей. Ясное дѣло, что если на швахъ пальто Рындина чуть-чуть замѣтны подозрительныя бѣловатыя полосы и его перчатки не совсѣмъ свѣжи, то изъ этого можно безошибочно умозаключить, что онъ погибаетъ.

Рындинъ увидѣлъ меня только тогда, когда поровнялся со мной и, встрѣтивъ мой взглядъ, наблюдательно устремленный на него, вздрогнулъ, замедлилъ шаги и наконецъ поклонился тѣмъ нерѣшительнымъ, не совсѣмъ опредѣленнымъ и потому нѣсколько комическимъ поклономъ, какимъ кланяются люди, неувѣренные въ томъ, отвѣтять ли имъ на ихъ привѣтствіе и захотятъ ли узнать ихъ. Конечно, я не отвернулась отъ него. Въ моей жизни ко мнѣ такъ много разъ относились свысока, пренебрежительно люди, почему нибудь считавшіе себя неизмѣримо выше, чище, добродѣтельнѣе меня, а это всегда такъ болѣзненно и гадко дѣйствовало на меня, что я никогда, никогда не позволю себѣ отвернуться отъ кого бы то ни было.

— Александра Ильинична! Вы ли это?

— Къ вашимъ услугамъ... Какъ вы сюда попали?

— Да, вотъ опять пришлось побывать въ Петербургѣ, неопредѣленно отвѣчалъ онъ и сталъ спрашивать—давно ли я здѣсь, что дѣлаю...

— На этотъ разъ я управляю домомъ... а вотъ и моя патронесса, Антонина Михайловна Нагорова, прибавила я, замѣтивъ, что Тонечка смотритъ во всѣ глаза на моего интереснаго знакомаго.

Бѣдная старая дѣвочка вся какъ-то застыдилась и покраснѣлась, когда ея глазамъ пришлось встрѣтиться съ меланхолическими очами Рындина. Она вдругъ перестала торговаться съ разнощикомъ, покорно вручила ему требуемыя имъ деньги,

прижала къ своей груди пакетъ съ покупками и, вперивъ взоры въ моего собесѣдника, казалось, готова была стоять въ этомъ положеніи хотъ до конца дней своихъ. Однакоже, я во все не чувствовала охоты топтаться на холодныхъ камняхъ, въ виду проходившаго по галлерей народа, и безъ всякой жалости напомнила ей, что теперь можно ѣхать и домой.

— Можетъ быть, вы мнѣ позволите зайти къ вамъ, всѣмъ робко «осмѣлился» Рындины обратиться ко мнѣ, усадивъ насъ въ сани, и опять смотрѣлъ на меня тѣмъ не прямымъ, какъ будто трусливымъ взглядомъ, какимъ смотритъ человѣкъ, ожидающій, что ему могутъ отвѣтить сухо, холодно, а пожалуй даже и рѣзко.

— Конечно, я буду очень рада, послѣшила я сказать, чтобы не дать замѣтить моего колебанія и сейчасъ-же прибавила, взглянувъ на Танечку:—если только Антонина Михайловна позволить...

— Ахъ, что вы это!... Развѣ я... Ахъ, пожалуйста! заплѣла она, опять вся застыдившись, и вѣроятно запуталась и переконфузилась-бы окончателно, еслибы я не велѣла кучеру ѣхать.

Всю дорогу и весь вечеръ она приставала ко мнѣ съ разспросами: кто онъ, откуда, живы-ли его родители, гдѣ онъ служилъ, давно-ли я съ нимъ познакомилась, есть-ли у него братья и сестры, не служилъ-ли онъ въ военной службѣ и т. д., и т. д. Мнѣ показалось это новое ея увлеченіе до такой степени смѣшнымъ, мнѣ стало такъ интересно смотрѣть—куда она забредеть еще дальше, что я не рѣшилась облить ее сразу холодной водой и въ своихъ разказахъ о Рындины нѣсколько затушевала его настоящій портретъ, прикрыла его полупрозрачнымъ покрываломъ. Въ моемъ описаніи онъ вышелъ просто испорченнымъ нелѣпымъ воспитаніемъ и, пожалуй, даже очень несчастнымъ молодымъ человѣкомъ, которому съ дѣтства привили всевозможныя широкія, барскія, аристократическія замашки и приэтомъ забыли только объ одномъ,—дать ему соотвѣтствующія этимъ стремленіямъ средствамъ. Въ сущности, это и правда, но только далеко не вся правда, а лишь самая незначительная часть ея.

IV.

— Какой домъ! Какой славный домъ въ вашемъ вѣдѣніи! было первыми словами Рындина, когда онъ «навѣстилъ» меня

дня черезъ два послѣ нашей встрѣчи.—И эта старая госпожа которую я видѣлъ съ вами, его владѣтельница?

— Тсс!... Что вы! воскликнула я, дѣлая на своемъ лицѣ выраженіе ужаса и негодованія.—Эта старая госпожа, какъ вы выражаетесь, почти на годъ моложе меня: ей тридцать одинъ годъ...

Онъ пожалъ плечами.

— Чтожь изъ этого? Есть расы, въ которыхъ женщина въ тридцать лѣтъ уже старуха. Почему я знаю,—можетъ быть ваша патронесса принадлежитъ къ одной изъ такихъ расъ. Она смотреть ужасно старой.

— Не мудрено. Во-первыхъ, она горбится, пояснила я,—во-вторыхъ, у нея какой-то глупо-преувеличенный страхъ воздуха и простуды, такъ что, выѣзжая куда-нибудь, она накутываетъ на себя всевозможные платки, косынки, шали, наушники... Чего-же вы хотите,—это совсѣмъ тепличное растеніе.

— Что-же она: вдова, сирота послѣ недавно умершаго родителя, наслѣдница при престарѣлой матери?

— Она—дѣвушка и сирота. Мать у нея давно умерла, отецъ... года два, должно быть...

Риндинъ началъ задумываться.

— Гм... это недурное положеніе, произнесъ онъ тихо, осматриваясь вокругъ себя.—Такой домъ стоитъ, я думаю, тысячь сто?

— Больше. Кромѣ того, послѣ смерти отца она продала еще два дома, лучшихъ чѣмъ этотъ.

— Такъ что, можетъ быть, я имѣю честь находиться въ чертогѣ милліонерши? спросилъ онъ, улыбаясь, но съ видимымъ нервнымъ возбужденіемъ и даже всталъ.

— Можетъ быть и милліонерши, отвѣчала я.—Насколько мнѣ приходилось слышать отъ нея, всѣ Нагоровы—люди такого сорта, что больше любили приобрѣтать, чѣмъ расточать. Отецъ ея былъ архитекторъ и началъ свою карьеру, кажется, совсѣмъ съ пустыми руками. Дядя ея, здравствующій и понынѣ, тоже составилъ себѣ, какъ говорятъ, очень порядочное состояніе.

— А дядя этотъ—что такое?

— Право, я не знаю—какъ вамъ сказать... У него какая-то очень странная спеціальность, въ родѣ того, что онъ постоянно ухитряется какъ-то дѣлаться душеприкащикомъ или

опекуномъ послѣ умирающихъ купцовъ... Что-то въ этомъ родѣ...

— А—а... да... это благодарная спеціальность, замѣтилъ онъ и сталъ бродить по залѣ какими-то кругами и зигзагами, разсѣянно покручивая и покусывая кончики своихъ выхолощенныхъ усовъ и отъ времени до времени пытливо взглядывая на меня.

Я стала спрашивать о его дѣлахъ. Онъ отвѣчалъ коротко и неохотно, что хорошаго ничего нѣтъ, что теперь онъ покуда безъ мѣста, вслѣдствіе того, что его постоянный патронъ, управляющій пароходнаго общества, временно оставилъ службу и уѣхалъ за-границу лечиться. Тогда я оставила его въ покоѣ и освѣдомилась о томъ, о другомъ, о третьемъ изъ нашихъ общихъ провинціальныхъ знакомыхъ. Рындинъ говорилъ о нихъ еще короче, чѣмъ о себѣ, и вдругъ, сдѣлавъ видъ, что интересуется моимъ теперешнимъ положеніемъ, возвратился къ предмету, гвоздемъ засѣвшему въ его головѣ.

— Я думаю, вы ведете здѣсь страшно-шумную и веселую жизнь? спросилъ онъ, указывая вокругъ себя глазами.

— Мы? отвѣчала я, съ трудомъ сдерживая усмѣшку.—Мы живемъ здѣсь какъ въ монастырѣ. При жизни отца, то-есть всю свою молодость, Антонина Михайловна сидѣла дома, чуть не взаперти, и по милости этого она страшно дика. Знакомыхъ у нея почти совсѣмъ нѣтъ; вытащить ее куда-нибудь въ театръ или на концертъ—страшно трудно. Говоря откровенно, мы здѣсь скорѣе смертельно скучаемъ, чѣмъ шумимъ и веселимся.

Онъ слушалъ меня жадно, какъ трудный больной слушаетъ рассказы о людяхъ, страдавшихъ тою-же самою болѣзью и изцѣлившихся, или, еще вѣрнѣе, какъ голодный слушаетъ описаніе готовящагося роскошнаго обѣда, на который, можетъ быть, и ему посчастливится попасть. Потомъ онъ опять началъ ходить по комнатѣ, точно описывая вокругъ моей особы магическіе круги, и опять украдкой всматривался въ меня, какъ будто хотѣлъ заглянуть въ самые сокровенные уголки моей души. Да дѣйствительно это и нужно было ему. Въ эти минуты я читала въ его душѣ какъ въ открытой книгѣ и совершенно ясно видѣла, что ему было не только въ высшей степени интересно, но даже просто необходимо знать, какую роль могу я занять въ той игрѣ, въ которой онъ намѣревается попытать счастья. Наконецъ, убѣдившись, должно быть, что моя

душа—для него потемки, и какъ въ нее ни всматривайся—ничего не вымотришь, Рындинъ рѣшился пойти болѣе прямой дорогой.

— Александра Ильинична! заговорилъ онъ вдругъ, садясь напротивъ меня и заглядывая мнѣ въ глаза.—Я все смотрю на васъ, и знаете—какой вопросъ меня ужасно занимаетъ?

«Какъ не знать!» подумала я, но сдѣлала недоумѣвающіе глаза и спросила:

— Какой?

— Друзья мы или враги?

— Что за вопросъ! Съ чего-же мы будемъ врагами? Откуда вы это взяли?

Онъ, конечно, и самъ зналъ, что мы не враги; ему нужно было знать вовсе не это, но дѣло въ томъ, что представлялось страшно труднымъ, почти невозможнымъ придумать мало-мальски удобную форму для того вопроса, который онъ хотѣлъ предложить мнѣ. Онъ очень смѣшно пожевалъ губами, что дѣлалъ произвольно всякій разъ, когда чувствовалъ себя въ крайне затруднительномъ положеніи, и очевидно хотѣлъ сказать мнѣ еще что-то, но въ это время явилась на сцену Антонина Михайловна, только что возвратившаяся домой и не утерпѣвшая, чтобы не взглянуть на заинтересовавшаго ее молодого человека.

Рындинъ—хамелеонъ, замѣчательно быстро принимающій окраску окружающей его обстановки. Съ людьми грубоватыми и рѣзкими онъ тотчасъ принимаетъ образъ человека, тоже любящаго, чтобы всѣ вещи назывались ихъ собственными именами; съ особыми щепетильными и мягкими онъ—сама воплощенная деликатность; съ ворчунами—ворчунъ, съ сантиментальными вздыхателями онъ будетъ непринужденно вздыхать и охать. Я до сихъ поръ не могу безъ смѣха вспомнить, что когда однажды ему пришлось провести цѣлый вечеръ въ обществѣ одного старика натуралиста, только что возвратившагося изъ путешествія въ какія-то горы, Рындинъ битыхъ три часа спрашивалъ его о геологическихъ переворотахъ, и только потомъ, когда старикъ ушелъ, онъ вынулъ платокъ и молча отеръ лобъ, щеки и шею отъ проступившаго на нихъ пота. Влѣзать, такъ сказать, въ шкуру своихъ собесѣдниковъ—это, кажется, даже страсть его, забава, своего рода интересная игра. Встрѣчаясь съ незнакомымъ ему человѣкомъ, онъ на нѣ-

которое, иногда довольно долгое, время какъ будто притягивается, притихаетъ, всматривается въ незнакомца, и потомъ вдругъ начинаетъ говорить съ нимъ совершенно на его языкѣ, именно о тѣхъ предметахъ, которые одни только и интересны этому незнакомцу. Это своего рода талантъ.

Понять мою Тонечку ему не стоило, разумѣется, ни малѣйшаго труда, въ особенности, послѣ всего того, что онъ успѣлъ узнать о ней отъ меня. Обмѣнявшись съ нею нѣсколькими словами, онъ сейчасъ-же оставилъ на время въ покоѣ застѣнчивую дикарку, чтобы дать ей оправиться отъ овладѣвшаго ею смущенія, и заговорилъ со мной:

— Да!.. Я совсѣмъ забылъ передать вамъ новость... Ваша пріятельница, Надежда Егоровна, вышла замужъ.

Потомъ, обратившись опять къ Тонечкѣ, онъ началъ съ видомъ чрезвычайно сердечнаго человѣка рассказывать, что «вотъ судьба», довольно не часто выпадающая на долю тѣхъ женщинъ, которыя вынуждены обстоятельствомъ съ ранней молодости «жить по чужимъ людямъ». «Бѣдная дѣвушка... сирота... со школьной скамьи поступившая въ гувернантки... и съ тѣхъ поръ, постоянно скитавшаяся съ мѣста на мѣсто... узнавшая всю горечь жизни и доходившая даже до попытки на самоубійство... наконецъ, встрѣчается съ честнымъ, искренно полюбившимъ ее человѣкомъ, влюбляется въ него сама... и вотъ видитъ передъ собою свѣтъ, отдыхъ, пристань, конецъ скитаніямъ и невгодамъ».

— За кого-же она вышла? спросила я.

— Вы его не знаете, вѣроятно... Это нѣкто Рѣпинъ... землевладѣлецъ, отвѣчалъ онъ и, опять въ томъ-же «сердечномъ» тонѣ принялся описывать какой у нихъ хорошенькій, уютный домикъ... «съ рѣшетчатыми зелеными ставнями.. на холмѣ... сзади садъ... внизу рѣка», и т. д., и т. д.

Я не слышала продолженія этой идиллической картины, ибо меня вдругъ точно подхватило какой-то волной и отнесло далеко, далеко. Я рада была за Надю, потому что любила и люблю ее, но все-таки во мнѣ поднялось и громко заговорило горькое, жгучее чувство человѣка, видящаго, что его товарищи ушли далеко впередъ, добрались до своего родного дома, а онъ, одинокій, все еще бредетъ во мракѣ по тяжелой дорогѣ и, кто знаетъ, быть можетъ никогда, никогда не доберется до «своего» угла...

V.

Рындинъ имѣеть неотъемлемое право сказать о себѣ, что онъ пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ. Моя Тонечка только и живетъ имъ. Ночью она, безъ сомнѣнія, видитъ его во снѣ; утромъ—мечтаетъ о немъ; а вечеромъ—онъ почти всегда приходитъ къ намъ, и тогда она или молится на него, восторженно полузакрывъ свои маленькіе глазки, или захлебывается отъ неизреченнаго блаженства. Что-же касается до него, то... еслибы мнѣ не было такъ скучно и скверно все это время, я сказала-бы, что онъ очарователенъ. Онъ увлекательно рассказываетъ интересные случаи и эпизоды изъ своей жизни, описываетъ Крымъ, Кавказъ, горы и море, разговариваетъ съ любимицами Тонечки комнатными собаченками и съ какимъ-то таинственнымъ, только ему одному свойственнымъ могуществомъ заставляетъ ихъ отвѣчать разнообразнымъ по выраженію лаемъ на тѣ вопросы, которые имъ предлагаетъ. Потому мы садимся за карты, и, между дѣломъ, онъ показываетъ чудесные карточные фокусы, объясняетъ приемы шулеровъ, рассказываетъ десятки анекдотовъ, до такой степени уморительныхъ, что Тонечка только что не катается со смѣха, блѣдное лицо ея наливается кровью, а на глазахъ навертываются слезы.

Иногда эта комедія, эта охота чорта за глупую старую дѣвою становится мнѣ до такой степени противною, что я даю себѣ слово завтра же прогнать Рындина, и однакоже каждый разъ великая глупость Антонины Михайловны мѣшаетъ мнѣ исполнить это обѣщаніе.

Дѣло вотъ въ чемъ. Рындинъ видитъ, что его очаровательность нисколько не очаровываетъ меня, и это пугаетъ его. Онъ обхаживаетъ вокругъ меня, какъ котъ около слишкомъ горячаго мяса; онъ заглядываетъ мнѣ въ глаза и съ той стороны, и съ этой; онъ не щадитъ никакихъ усилій, чтобы задобрить меня, чтобы лишній разъ вызвать улыбку на мое лицо. Тонечка не можетъ не замѣчать этого, и ея сердце преисполняется ревностью, она начинаетъ ненавидѣть меня. Ея глаза мечутъ въ меня молніи; ея голосъ, когда она обращается ко мнѣ, звучитъ повелительно, почти надменно; ея приказанія становятся рѣзкими.

Конечно, можетъ быть не стоить и не слѣдуетъ принимать слишкомъ близко къ сердцу выходки глупаго и, при томъ же, временно ослѣпшаго человѣка, но, къ сожалѣнію, я не могу не принимать ихъ,—я злюсь и порою выхожу изъ себя. «А! думаю я, блѣдня.—Такъ ты вотъ какъ!.. Ну, въ такомъ случаѣ, ступай, ступай еще дальше; я не буду тебѣ мѣшать до послѣдней минуты!»

VI.

Сегодня мнѣ нездоровилось съ утра,—должно быть я простудилась. Часовъ въ одиннадцать пришелъ торговецъ, желавшій купить какую-то старую рухлядь — сбрую, сани и пролетку,—валявшуюся въ сараѣ съ самой смерти отца Тонечки. На дворѣ было очень скверно,—морозно и вѣтрено,—и я сказала моей петронессѣ, что мнѣ смертельно не хочется выходить изъ комнаты, тѣмъ болѣе, что Илья съумѣетъ переговорить съ торговцемъ навѣрное не хуже чѣмъ я.

— Да... конечно... что-же дѣлать, съ видимою неохотою согласилась она и, стоя у окна, изъ котораго былъ видѣнъ растворенный сарай, принялась ворчать, что ни на кого нельзя положиться, что всѣ тащатъ чужое добро, что Илья навѣрное войдетъ въ стачку съ торговцемъ и положить себѣ въ карманъ чуть-ли не половину денегъ.

— Ахъ, Антонина Михайловна! съ досадой сказала я.— Если ужъ люди такіе отчаянные воры, то, право, для собственнаго спокойствія не мѣшаютъ иногда позволить имъ удовлетворить свою страсть на какомъ-нибудь пустякѣ... Ей Богу какой-нибудь украденный старый хомутъ не раззорить васъ!

Какъ мнѣ показалось, Тонечка даже позеленѣла отъ злости.

— Александра Ильинична! вскричала она.— Распооряжайтесь своимъ добромъ какъ хотите, но не чужимъ, не моимъ!.. Моимъ я не позволю, не позволю!..

Она бросилась къ двери, хлопнула ею и исчезла. Я тотчасъ же одѣлась, чтобы идти не допускать присутствія воровства при продажѣ старой сбруи, и по дорогѣ зашла къ моей патронессѣ. Она оказалась стояшею у другого окна, изъ котораго тоже видѣнъ сарай.

— По нашему условію, Антонина Михайловна, я должна предупредить васъ за двѣ недѣли, если захочу оставить мѣсто

у васъ. Такъ вотъ я и предупреждаю, сказала я и, не дожидаясь ея отвѣта, ушла.

Вся горечь, скопившаяся во мнѣ за долгіе годы моей скитальческой, наемнической жизни по чужимъ домамъ, всколыхнулась и поднялась въ моемъ сердцѣ ядовитою пѣной. Вотъ моя доля! Работай, дѣлай чужое дѣло, терпи, играй роль нѣмого деревяннаго болвана, на которомъ твои хозяева, что называется, срываютъ свое сердце; а потомъ, въ минуту дурного расположенія духа тебя вышвырнуть на улицу пинкомъ ноги, какъ бродячую собаку, забѣжавшую со двора... Нѣтъ... довольно, будетъ! Я не стану больше стѣсняться съ тобою, не стану тебя щадить. Вѣдь и ты никогда не щадила меня, ни одного разу не задумалась уязвить при случаѣ и безъ того израненное, больное мое самолюбіе. Ты только и знала, что злоупотребляла выгодами своего положенія, только и знала, что подавляла меня своимъ богатствомъ, наворованнымъ твоимъ отцемъ у тѣхъ людей, у которыхъ онъ служилъ такимъ же наемникомъ, какимъ я служила тебѣ. Нѣтъ, довольно!.. Не будетъ тебѣ пощады! Сама судьба пошлаетъ мнѣ случай— въ одно и то же время и отплатить тебѣ за всю твою доброту, и разъ навсегда завоевать себѣ свободу отъ всѣхъ Тоничекъ въ мірѣ...

VII.

Вечеромъ, какъ я и ожидала, Рындинъ зашелъ ко мнѣ. Мой планъ завоеванія себѣ свободы и отмщенія Тоничекъ— планъ, геніальный по своей простотѣ, былъ уже совершенно готовъ.

— Вы нездоровы? спросилъ онъ, съ обыкновеннымъ и очень понятнымъ участіемъ къ моей особѣ сжимая мою руку, что мнѣ, признаться, очень не нравится.

— Да, немного, отвѣтила я.

— И при томъ у васъ что-то вышло съ Антониной Михайловной?..

— Да, тоже есть немножко.

Онъ окинулъ внимательнымъ взглядомъ мою комнату, которую видѣлъ въ первый разъ, потомъ, какъ будто мимоходомъ, притворилъ плотнѣе дверь и послѣ этого сѣлъ напротивъ меня, по другую сторону столика. Онъ вдругъ какъ будто сгорбился и постарѣлъ; лице его приняло озабоченное, въ высшей сте-

пени тревожное выраженіе, брови надвинулись надъ глазами, на лбу появились напряженныя морщинки, около губъ тоже. Мнѣ невольно подумалось, что у него долженъ былъ быть именно такой тревожный и почти страдальческій видъ, когда онъ ставилъ на послѣднюю карту чужія деньги, въ которыхъ завтра же могли потребовать у него отчета.

— Я радъ, что могу, наконецъ, поговорить съ вами наединѣ, заговорилъ онъ, не слишкомъ тихо, но скрадывая одни слова и подымая голосъ на другихъ, такъ что любопытствующій человекъ, вздумавшій подслушивать, не понялъ бы ничего и вмѣстѣ съ тѣмъ, пожалуй, не заподозрилъ бы, что нашъ разговоръ вовсе не такого рода, чтобы его можно было вести при третьемъ лицѣ.—Помните ли вы,—я васъ спрашивалъ при первомъ нашемъ свиданіи здѣсь: друзья мы съ вами или враги?

— Вы меня тогда удивили, сказала я.

— Ну, да! Ну, да!.. Вопросъ былъ совсѣмъ не такъ поставленъ... Дѣло вовсе не въ томъ... Мнѣ слѣдовало бы спросить васъ, и теперь я спрашиваю: если бы я на вашихъ глазахъ задумалъ какое-нибудь дѣло чрезвычайно важное для меня, стали-ли бы вы помогать мнѣ, заняли-ли бы, такъ сказать, нейтральное положеніе... или... напротивъ... разбили бы всѣ мои планы?

Я пожала плечами.

— Все зависитъ отъ того, какое дѣло.

— Конечно... понятно, согласился опъ, тяжело вздохнувъ какъ будто передъ предстоящимъ ему страшнымъ усиліемъ.— Я буду говорить все, на-чистоту... Дѣло въ томъ, что положеніе мое—вотъ... хоть ножъ въ горло, хоть въ воду... Мнѣ приходилось бывать во всевозможныхъ тискахъ, но въ такія, въ какихъ я теперь, не случалось еще попадаться ни разу. Никакого выхода, ни малѣйшей надежды... я просто, буквально голодаю,—понимаете ли вы это? Остается только продавать бѣлье, платье, надѣвать на себя понемногу всякую рвань, окончательно запереть себѣ доступъ въ мало-мальски порядочную квартиру, а затѣмъ все-таки умереть съ голоду и холоду гдѣ-нибудь на канавѣ передъ ночлежнымъ приютомъ. Такова была предстоящая мнѣ перспектива... И вотъ здѣсь, въ этомъ домѣ, передо мною блеснулъ, наконецъ, маленькій лучъ надежды на спасеніе...

Онъ остановился, отеръ платкомъ лобъ и, приблизивъ ко мнѣ свое, совсѣмъ поблѣднѣвшее лицо, спросилъ шепотомъ:

— Что вы будете дѣлать, если узнаете, что Антонина Михайловна согласна выйти за меня замужъ?

Пришла очередь и мнѣ тяжело вздохнуть. Я не двигала еще и пальцемъ для осуществления моего плана, но онъ исполнялся самъ собою, точно приводимый въ движеніе какою-то нездѣшнею, дьявольскою силою. Сердце мое билось быстро, быстро...

— Вы уже говорили съ нею? спросила я.

— Конечно нѣтъ! Вы сами знаете, что я связанъ, скованъ, не могу выговорить ни одного слова, покуда не буду увѣренъ, что вы не станете мнѣ поперекъ дороги.

Я закрыла глаза ладонью и не отвѣчала нѣсколько времени, волнуясь и, странное дѣло... колеблясь. Языкъ мой какъ будто отказывался повиноваться мнѣ...

— Чѣмъ же вы меня вознаградите за мое великодушное невмѣшательство? спросила я, наконецъ, дрожащимъ голосомъ.

Рындинъ смотрѣлъ на меня въ тревожномъ недоумѣніи, видимо не понимая—говорю ли я серьезно или иронизирую надъ нимъ.

— Все, что вы хотите, нерѣшительно отвѣчалъ онъ.—Я говорю, что это послѣдняя нитка, на которой виситъ моя жизнь... послѣдняя надежда...

— Ну, хорошо, сказала я.—Если вы сдѣлаетесь такимъ крупнымъ богачемъ, то выкупите тогда и меня на волю... чтобы мнѣ не было больше нужды во всѣхъ этихъ Тонечкахъ... Не знаю только, какую же взятку мнѣ съ васъ просить... Іуда продалъ Христа за тридцать сребрениковъ, а вы дадите мнѣ за Тонечку тридцать тысячъ?..

Глаза его блеснули радостью, онъ выпрямился, всталъ, точно съ него въ самомъ дѣлѣ сняли оковы и затѣмъ открыли передъ нимъ дверь тюрьмы, въ которой онъ былъ запертъ такъ долго.

— Только-то! произнесъ онъ громко и весело.—Я могу сказать только, что вы самая добрая, самая милая изъ всѣхъ женщинъ, какихъ встрѣчалъ въ своей жизни...

— Тише! остановила я его, пригрозивъ ему пальцемъ и показывая на дверь.

— Это ничего, это ничему не мѣшаетъ... даже напротивъ, беззаботно отвѣчалъ онъ, понизивъ голосъ, и потомъ прибавилъ полушопотомъ, подойдя опять къ самому столу:— Если бы у меня были деньги, я вамъ завтра же принесъ бы вексель на эту сумму.

— Это къ чему? Я и такъ увѣрена, что вы исполните свое обѣщаніе, нѣсколько насмѣшливо сказала я.

Онъ задумался на одну минуту и потомъ спросилъ:

— Позвольте мнѣ еще одинъ вопросъ... Ради Бога не подумайте, что я торгуюсь,—вовсе нѣтъ, это одинъ только вопросъ и больше ничего. Когда я вручу вамъ эти деньги, возвратите вы мнѣ *то письмо* или оно все-таки останется у васъ?

Я совсѣмъ не думала объ этомъ обстоятельстве и потому не могла отвѣчать сразу.

— Вы и сами не знаете, быстро сказалъ онъ;—ну, такъ не нужно, не нужно; мнѣ достаточно и того, что я свободенъ въ этомъ случаѣ, а тамъ вы сами увидите, какъ вамъ будетъ удобнѣе.

Онъ ушелъ отъ меня радостный, сіяющій, болѣе красивый чѣмъ когда бы то ни было, а черезъ минуточку до меня донесся изъ залы веселый смѣхъ Тонечки. Смѣйся, смѣйся, глупая, старая дѣвочка, тѣмъ болѣе, что когда этотъ очаровательный молодой человѣкъ сдѣлается твоимъ мужемъ, тебѣ врядъ ли придется смѣяться! Тогда пойдутъ длинные, длинные, одинокіе дни, въ теченіи которыхъ ты, сидя за надобнѣею работою, будешь думать и безконечно думать, что послѣ свадьбы твоей дорогой Евгеній сталъ совсѣмъ не такимъ человѣкомъ, какимъ онъ былъ до нея; тогда потянутся вереницей еще болѣе длинныя ночи, которыя ты будешь проводить одна, прильнувъ заплаканнымъ лицомъ къ оконному стеклу и съ тоскою думая: неужели онъ и сегодня не возвратится домой? И гдѣ онъ? и съ кѣмъ онъ?.. Смѣйся же, смѣйся!

И при томъ,—чего на свѣтѣ не бываетъ, — быть можетъ придетъ время, когда, по милости какого нибудь пустого случая, откроется, что человѣкъ, съ которымъ ты связала всю жизнь,—воръ... самый обыкновенный воръ, укравшій у своей родственницы шкатулку съ деньгами и цѣнными вещами, всего, какъ говорили, тысячи на четыре. Два съ половиною года назадъ, въ свѣтлую лѣтнюю ночь, этому прихотливому случаю нужно-же было устроить, чтобы, по прихоти раскапризничавшагося ре-

бенка, выбросившаго за окно дорогую для меня вещь, я должна была идти въ садъ. Домъ былъ полонъ гостей, пировавшихъ на именинахъ тетки Рындина; но въ саду было пусто, тихо, сыро послѣ только что выпавшаго небольшого дождя. И вотъ, пробравшись къ самому дому по мокрымъ дорожкамъ, блестящимъ подъ лучами мѣсяца, я почти столкнулась съ Рындинымъ, выскочившимъ изъ окна. Шляпа у него на головѣ была смята, должно быть объ оконную раму; подъ мышкой онъ держалъ шкатулку.

— Евгеній Николаичъ! Что это вы? растерянно окликнула я его.

Сначала онъ тоже растерялся и какъ будто замеръ на мѣстѣ, но потомъ, пробормотавъ что-то, метнулся торопливо въ сторону и сейчасъ-же исчезъ въ темнотѣ между деревьями.

Утромъ, когда я встала, уже весь домъ говорилъ о покражѣ и почти тотчасъ-же мнѣ принесли письмо отъ Рындина, то самое письмо, благодаря которому я держу его теперь въ своей власти. Онъ умолялъ меня не выдавать его, не губить... Онъ говорилъ, что проигралъ чужія деньги, и ему предстояло на выборъ что нибудь одно изъ двухъ: или достать эту сумму какою-бы то ни было цѣною, или умереть, а между тѣмъ онъ еще такъ молодъ, жизни еще такъ много впереди.. Онъ клялся наконецъ, что отнынѣ посвятить всѣ свои силы на то, чтобы возратить украденное имъ и смыть съ себя пятно, наложенное на него жестокою судьбою.

Не знаю, можетъ быть я очень виновата, что не выдала его, но, что дѣлать, у меня не поднялась тогда рука безвозвратно погубить человѣка, у котораго дѣйствительно вся жизнь была еще впереди. Къ тому-же, — за одно ужь сказать всю правду, — кажется, я въ то время была немного влюблена въ него и, понятно, смотрѣла на него далеко не такими глазами, какими смотрю теперь.

VIII.

Днемъ, когда всякому подобаетъ трудиться въ потѣ лица, я зѣваю, зѣваю, зѣваю, такъ что, пожалуй, свихну себѣ челюсти, и только думаю о томъ, чтобы приткнуться куда нибудь на постель, на диванъ, хоть на кресло, закутаться плотнѣе въ платокъ и заснуть мертвымъ сномъ. А ночью, которую сама премудрая природа назначила для успокоенія, сонливость, точно

на смѣхъ, оставляетъ меня, нервы разгуливаются, кровь согрѣвается и шумить, мысли цѣлымъ роємъ поднимаются въ моей головѣ и устраиваютъ въ ней нѣчто въ родѣ оживленнаго хоровода. Я слышала, что старый придворный докторъ, пользующій Тонечку и всѣхъ Нагоровыхъ, лечитъ лихорадку какой-то молитвой, написанной на синей бумажкѣ, которую надо зашить въ ладанку и носить на шеѣ. При первомъ-же случаѣ попрошу его прописать мнѣ это лекарство, ибо ненавижу хину почти такъ-же какъ Тонечку.

Часа за полтора до обѣда я едва не заснула и заснула-бы непременно, если-бы не вспомнила, что мнѣ, если я хочу до конца оставаться добросовѣстной и аккуратной домоправительницей, необходимо навѣстить квартиру № 34. Владѣтельница этой квартиры—прачка Дарья, очень добрая, но и очень простая во всѣхъ отношеніяхъ женщина. Прежде она была по своей профессіи кухарка, но потомъ имѣла глупость произвести на свѣтъ продолжателя своей фамиліи, съ которымъ ее, разумѣется, нигдѣ не стали держать, тѣмъ болѣе, что онъ не имѣлъ никакого законнаго права появиться на свѣтъ божій. Тогда Дарья сняла въ этомъ домѣ маленькую квартиру въ одну комнату съ кухней и сдѣлалась прачкой. Сначала дѣла ея шли недурно,—«нечего гнѣвить Бога, жить можно», какъ говорила она,—но потомъ, мѣсяца уже три назадъ, съ нею случилось тяжелое въ ея положеніи несчастье,—у нея разболѣлась рука. Работать—нельзя, благоразумныхъ сбереженій у нея не оказалось никакихъ, деньги, получаемыя ею за комнату, уходить, понятно, на дрова, на керосинъ, на хлѣбъ для себя и для ребенка... Уже прошлый мѣсяцъ, вмѣсто пятнадцати рублей за свою квартиру, она съ великимъ трудомъ могла наскрести откуда-то всего восемь, а остальные семь я должна была ссудить ей въ счетъ ея будущихъ прачешныхъ работъ на меня; теперь-же я напередъ знала, что у нея нѣтъ и рубля и мнѣ придется «выдворять» ее съ ребенкомъ на улицу.

— Охъ, какъ ты меня напугала, Александра Ильинична! произнесла Дарья при моемъ появленіи, и, дѣйствительно, я не могла не замѣтить, что и лицо у нея поблѣднѣло, и голосъ нѣсколько задрожалъ.

— Что, видно совѣсть нечиста? въ шутку замѣтила я.

— Совѣсть-то у меня, слава Богу, чиста, а вотъ въ карманѣ не ладно. Ты вѣдь, небось, за деньгами пришла?

— За деньгами.

— Ну, вотъ... Нѣту у меня ихъ, проклятыхъ... Хоть ты меня зарѣжь, во всей квартирѣ и рубля не наберется.

— Какъ-же быть-то, Даша?

— Да какъ быть... придется ужъ тебѣ пообождать... теперь ужъ недолго... Докторъ говорилъ вчера, что недѣли черезъ двѣ, а то черезъ полторы мнѣ можно будетъ, слава тебѣ Господи, и за работу приниматься...

Я только покачала головой.

— Плохо дѣло, Даша! Недѣли черезъ двѣ ты за работу примешься, да еще недѣли черезъ двѣ деньги получишь... Кто-же это дожидаться-то будетъ?

— Ахъ ты Господи! Да откуда-же я теперь-то тебѣ достану?! воскликнула она, смотря на меня съ такимъ выраженіемъ, какъ будто-бы я была самая набитая изъ дурь, ровно ничего не могущая понять.— Вѣдь ты погляди, я и вокругъ себя все раззорила, и Танюшу всю обобрала...

— Какую Танюшу?

— Да жилицу мою...

— Татьяну Алексѣвну Падерину, наставительно произнесла за мою спиною эта жилица, выходя изъ своей комнаты.

Это была молоденькая, премолоденькая дѣвушка лѣтъ шестнадцати, небольшого роста, некрасивая, но это некрасивое лицо смотрѣло такимъ открытымъ, честнымъ, чистымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ какимъ-то... пожалуй, мальчишески-задорнымъ и веселымъ, что я не могла не улыбнуться ей, какъ старой хорошей знакомой на ея комическое представленіе мнѣ своей собственной особы. Она подошла ко мнѣ, смотря на меня полу-серьезными, полу-смѣющимися глазами, и легонько повернула меня къ Дарьѣ.

— Александра Ильинична, да вы только всмотритесь въ лице этой особы, сказала она. — Вѣдь на немъ такъ и написано, что она обманывать не умѣетъ и что ни одной чужой копѣйки за нею никогда не пропадетъ...

— Да я это давно знаю...

— Ну, и что-же? Вы все-таки выгоните ее съ Мишкой на улицу?.. Хватить у васъ на это храбрости? допрашивала она меня съ такимъ видомъ, какъ будто собиралась расхохотаться мнѣ въ глаза.

— У меня, можетъ быть, и не хватить, но Антонина Михайловна врядь-ли остановится передъ такими пустяками, сказала я.

— Это наша домовладѣлица?.. Ну, я думаю, и она не тронетъ насъ, если вы заступитесь за Дарью и, въ случаѣ надобности, поручитесь за нее.

— Въ томъ-то и дѣло, что нельзя этого, сказала я. — Мнѣ пришлось поссориться съ Антониной Михайловной, и недѣли черезъ полторы меня уже не будетъ здѣсь, — я выхожу въ отставку.

Личико Танюши вытянулось, а Дарья хлопнула руками о свои широкія бедра и вскрикнула:

— Господи помилуй! Что-жь это такое будетъ?!

Стоявшая до сихъ поръ на ногахъ, она опустилась на табуретъ, сложила на колѣняхъ руки и повѣсила голову. Потомъ по лицу ея пошли судороги, широкій, вздернутый носъ зашевелился, глаза заморгали... И вдругъ,—можетъ быть оттого, что на меня повѣяло здѣсь чѣмъ-то теплымъ, похожимъ на любовь и довѣріе ко мнѣ,—я сама раскисла, слезы подступили и къ моимъ глазамъ.

— Ну, ну, не реви, глупая, сказала я, съ усиліемъ сдерживая себя.—Что ужъ съ тобой дѣлать... Придется мнѣ и на этотъ разъ внести за тебя деньги, въ счетъ будущихъ благъ.

Дарья изъясвила было намѣреніе спуститься еще ниже, — именно, съ табурета свалиться ко мнѣ въ ноги, но я только махнула рукой и поскорѣе поспѣшила къ двери.

IX.

Вечеромъ пришла горничная и сказала, что какая-то жиличка просить меня на минуточку выйти въ кухню. Оказалось, что это была Танюша, въ томъ-же сѣренькомъ, коротенькомъ платьѣ, въ которомъ я видѣла ее утромъ, только накинувшая на голову и на плечи большой клѣтчатый платокъ и въ такомъ видѣ перебѣжавшая черезъ дворъ.

— Случилось что-нибудь? неволью спросила я съ тревогой.

— Случилось... только хорошее... Я вамъ деньги принесла, весело отвѣчала она.

Кое-какъ мнѣ удалось затащить ее въ мою комнату, заставить раздѣться, то есть снять съ головы платокъ, и усадить въ кресло.

— О какихъ такихъ деньгахъ вы говорите? спросила я.

— А вотъ, отвѣчала она и достала изъ кармана пакетъ, въ которомъ оказалась порядочная, съ вида, пачка денегъ.

— Не было у насъ ни гроша, а вдругъ алтынъ!

— Да откуда-же это на васъ свалилось?

— Изъ дома. Только что вы ушли отъ насъ, является ко мнѣ землякъ, пріѣхавшій сюда посоветоваться съ докторамъ и преподноситъ мнѣ этотъ пакетъ. Цѣлыхъ пятьдесятъ рублей! Это мнѣ подарокъ отъ отца къ Рождеству. Отецъ былъ вмѣстѣ съ этимъ моимъ землякомъ въ клубъ, игралъ, по обыкновенію, въ карты, выигралъ что-то рублей восемьдесятъ, и вотъ тутъ-же отложилъ большую часть изъ нихъ въ пакетъ, для меня, и отдалъ этотъ пакетъ земляку.

Разговорившись понемногу, она рассказала мнѣ, что мать ея умерла уже лѣтъ шесть назадъ, что отецъ, чрезвычайно добрый и столько-же безхарактерный человѣкъ, года черезъ два послѣ смерти первой жены женился вторично.

— Нельзя сказать, чтобы мачиха была очень дурная женщина, но она какаля-то черствая и жесткая какъ пила. Отца она совсѣмъ смяла въ комочекъ и зажала въ рукѣ, какъ носовой платокъ. Эти деньги онъ потому и послалъ мнѣ изъ клуба и съ землякомъ, чтобы сохранить этотъ свой поступокъ въ величайшей тайнѣ отъ своей супруги. Она перепилить его пополамъ, если узнаетъ. Ужасная женщина! Я съ ней ссорилась, ссорилась... безъ конца... изъ за ея-же дѣтей, изъ за отца, изъ за пустяковъ, покуда не почувствовала наконецъ, что такъ нельзя жить. Если ужъ жить вмѣстѣ,—такъ жить дружно, а то лучше разойтись подальше другъ отъ друга. Вотъ я и ушла сюда... Года на два я обезпечена. Мать оставила мнѣ что-то около семисотъ рублей, а отецъ высылаетъ мнѣ изъ этихъ денегъ по двадцати пяти рублей каждый мѣсяцъ.

— А потомъ? спросила я.

— Богъ знаетъ... Два года—много времени. Вонъ Дарья говорить, что накопить денегъ, разбогатѣть,—тогда уѣдетъ жить къ себѣ въ деревню, и меня хочетъ взять съ собой... Не знаю... Видѣла я и эту деревню, видѣла и городъ...

Мало-по-малу юморъ, искрившійся въ ея разговорѣ, точно огонекъ, змѣйкой скользящій по погасающимъ угольямъ,—исчезъ; сѣрые глаза ея утратили свое веселое выраженіе и сдѣлались глубокими, печальными, почти мрачными, въ голосѣ

завучали меланхолическія ноты... Старая исторія, которой однакоже не видать конца! Съ крайне добрымъ сердцемъ, полученнымъ ею, вѣроятно, какъ единственное цѣнное наслѣдство отъ своего отца, съ чуткою совѣстью, сильная, здоровая, веселая, — эта дѣвушка вышла въ жизнь какъ на праздникъ, какъ на дружную рабочую «помочь», которую она наблюдала въ деревнѣ, — и вдругъ увидѣла передъ собою нѣчто совсѣмъ несправадливое, — увидѣла нищету, голодь, картины глубочайшаго нравственнаго паденія, грубое насиліе и всюду несправадливость самую вопіющую. «Главное, эта несправадливость, ужасная несправадливость!» раза три повторила она. Если въ ея семейной жизни скоро пробилъ часъ, когда она почувствовала, что «такъ жить нельзя», то здѣсь, въ этомъ широкомъ мірѣ, гдѣ зло несправадливо страшно, гдѣ несправадливость неизмѣримо больше, она должна была сознать это роковое «такъ жить нельзя» — почти съ перваго шага. Уйти куда-нибудь въ сторону, въ свой отдѣльный уголь, создать вокругъ себя искусственный маленький мірокъ — она не можетъ, потому что не такое у нея сердце, чтобы «съ глазъ долой — изъ сердца вонъ». Какими-бы высокими стѣнами ни отгородилась она отъ жизни, — печальный и дикій вой бурнаго житейскаго моря все-таки долетитъ до нея и никогда не дастъ ей покоя... Для нея невозможно уйти, невозможно сложить праздно руки, и вотъ она съ тоскою и отчаяніемъ ищетъ отвѣта на проклятый вопросъ: что-же нужно? Что дѣлать, чтобы исчезла хоть та неправда, которая почти уже никѣмъ не принимается за правду? Нужна-ли работа, самая напряженная, безустанная, нечеловѣческая? — она не остановится ни передъ какою работою. Нужны-ли жертвы, хотя-бы самыя тяжелыя, — она готова и на нихъ, потому что, все равно, «такъ жить нельзя».

Чистая милая дѣвушка! Какъ нѣкогда праведники однимъ только прикосновеніемъ своихъ одеждъ изцѣляли тяжело больныхъ, такъ и ей достаточно было пройти передо мною «легкой тѣнью, на мигъ», чтобы на меня точно брызнуло живою водою, чтобы во мнѣ проснулись лучшія мои чувства, чтобы я, наконецъ, взглянула прозрѣвшими глазами сама на себя и со стыдомъ закрыла лице руками.

Дойти до такого паденія!... Дойти до того, чтобы продать человѣка, каковъ-бы онъ ни былъ со всѣми своими слабостями, которыя я изучила вовсе не для того, чтобы измѣнически вос-

пользоваться ими; унизиться до того, чтобы вступить въ позорную сдѣлку съ отъявленнымъ негодиемъ, съ воромъ... ввести этого вора въ чужой домъ и помогать ему... Очищусь-ли я когда-нибудь даже отъ одного воспоминанія объ этомъ позорѣ?...

Скорѣе, скорѣе растоптать ногами этотъ геніальный планъ... Скорѣе написать Рындину, что если онъ еще разъ покажется въ этомъ домѣ, то я тотчасъ-же прочитаю Тонечкѣ извѣстное ему письмо и затѣмъ отправлю этотъ драгоценный документъ къ обокраденной имъ старухѣ. Съ него этого будетъ совершенно достаточно. Онъ очень хорошо знаетъ, что жадная и злопамятная старуха не проститъ его ни за что на свѣтѣ, что она готова содрать съ живого шкуру съ того человѣка, который заставилъ ее такъ много плакать, злиться и хворать отъ злости.

Н. Бажинъ.

Очерки новыхъ направленийъ въ экономической наукѣ *).

Немецкіе катедеръ-соціалисты.—Ад. Вагнеръ.

Адольфъ Вагнеръ безспорно одинъ изъ самыхъ крупныхъ и видныхъ представителей того новаго направленія въ нѣмецкой экономической наукѣ, которое называется обыкновенно «катедеръ-соціализмомъ». Вагнеру мы обязаны многими солидными работами по экономическимъ, финансовымъ **) и статистическимъ вопросамъ. Между этими работами, для нашей цѣли общей характеристики современныхъ экономическихъ направленийъ,—наибольшее значеніе имѣетъ обширный «Учебникъ политической экономіи», предпринятый Вагнеромъ въ сообществѣ съ профессоромъ Нассе (авторомъ извѣстнаго изслѣдованія о средневѣковой англійской общинѣ). Учебникъ этотъ, который долженъ представлять собою систематическую обработку въ духѣ и направленіи новой школы всѣхъ отдѣловъ экономической науки, еще далеко не оконченъ. Мы имѣемъ пока первый томъ, заключающій въ себѣ «основначала» (Grundlegung) экономического ученія и два тома, посвященные финансамъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ руководствоваться преимущественно первымъ томомъ Вагнеровскаго Учебника, содержаніе котораго касается вопросовъ, ближе всего подходящихъ къ нашей темѣ. Въ первомъ отдѣлѣ этого тома Вагнеръ разсматриваетъ основныя экономическія понятія, сущность народнаго хозяйства и отношенія его къ хозяйствамъ единичнымъ, организацию народнаго хозяйства и экономическую роль государства. Второй отдѣлъ (Volkswirtschaft und Recht) посвященъ анализу основаній дѣйствующаго экономическаго права: Вагнеръ разбираетъ правовыя нормы, опредѣляющія положеніе личности въ

*) См. № 10 журнала «Дѣло».

**) Замѣтимъ между прочимъ, что Вагнеру принадлежитъ лучшее изслѣдованіе о русскихъ бумажныхъ деньгахъ (Russ. Papier-Währung. Riga 1868), написанное имъ въ бытность профессоромъ въ Дерптѣ. Сочиненіе это переведено на русскій языкъ, съ нѣкоторыми дополненіями, г. Бунге.

экономической сферѣ (вопросъ о личной свободѣ) и институтъ *собственности*. Этотъ послѣдній отдѣлъ не оконченъ въ вышедшей части книги Вагнера: мы находимъ въ ней изложеніе вопроса о *пространствѣ* (Ausdehnung) права собственности; ученіе же о *содержаніи* (Inhalt) этого права должно войти во второй томъ.

Сочиненіе Вагнера въ научномъ отношеніи имѣетъ очень цѣныя достоинства. Полнота и всесторонность анализа, обширныя литературныя указанія, систематичность изложенія—все это дѣлаетъ его книгу чрезвычайно полезною для того, кто хотѣлъ-бы ориентироваться въ вопросахъ ея затрогиваемыхъ. Въ особенности это нужно сказать о второй ея части. Среди обширной литературы, посвященной вопросу о правѣ собственности трудно указать другое сочиненіе, которое съ большимъ успѣхомъ могло-бы дать общую руководящую нить для ознакомленія съ настоящимъ положеніемъ этого вопроса въ наукѣ. Затѣмъ къ числу научныхъ достоинствъ Вагнера нужно отнести также и его объективизмъ въ здоровомъ смыслѣ этого слова, позволяющій ему отнестись съ научнымъ безпристрастіемъ къ «жгучимъ» вопросамъ дѣйствительности и къ представителямъ «еретическихъ» экономическихъ воззрѣній. Къ сожалѣнію, это качество далеко не обще всѣмъ экономистамъ «новой школы».

Мы, конечно, не имѣемъ возможности представить, въ тѣхъ рамкахъ, которыя должна имѣть наша статья, не только обстоятельнаго разбора, но даже и сколько-нибудь полного изложенія книги Вагнера. Наша цѣль—дать лишь самое общее понятіе о той научной точкѣ зрѣнія, на которой стоитъ Вагнеръ, и о томъ отношеніи, въ какомъ находится эта точка зрѣнія къ задачамъ, выдвинутымъ предъ экономической наукою настоящимъ моментомъ развитія общественной жизни и общественной мысли.

I.

Самъ Вагнеръ называетъ свое воззрѣніе на задачи и характеръ экономического изслѣдованія, въ отличіе отъ воззрѣнія господствующей, смитовской школы, «общественно-правовымъ» (Social rechtliche). Постараемся выяснитъ значеніе этого термина.

Старая политическая экономія считала общественное, народное хозяйство простою *суммою* частныхъ, единичныхъ хозяйствъ. Поэтому и въ изслѣдованіяхъ своихъ она брала за исходный пунктъ единичныя хозяйства и старалась выяснитъ ихъ потребности и интересы, которые предполагались тождественными съ потребностями и интересами цѣлаго народнаго хозяйства. Такимъ образомъ выработалось ученіе о неограниченной экономической свободѣ, какъ

главномъ условіи экономическаго прогресса и общаго благосостоянія.

Ученіе это построено на предположеніи, что то, что полезно для единичнаго хозяйства, что даетъ ему возможность развернуть всѣ свои силы, вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣчаетъ и потребностямъ цѣлаго общества. Ходъ экономическаго развитія показали, однако, что предположеніе это ошибочно, что интересы цѣлаго, хозяйства народнаго, далеко не всегда и во всемъ совпадаютъ съ интересами отдѣльныхъ частныхъ хозяйствъ его составляющихъ, и что путемъ преслѣдованія каждымъ изъ этихъ хозяйствъ своихъ эгоистическихъ цѣлей не достигается еще, какъ думали послѣдователи Смита, удовлетвореніе *общихъ* потребностей всего общества. А вмѣстѣ съ этимъ оказывался неудовлетворительнымъ и научный приѣмъ смитовской школы. Если частные и общіе интересы въ хозяйственной области не могутъ считаться тождественными, то при оцѣнкѣ экономическихъ явленій мы должны становиться не на *частно-хозяйственную*, а на *народно-хозяйственную*, социальную точку зрѣнія; исходить въ нашихъ построеніяхъ отъ потребностей и интересовъ *цѣлаго* общества, а не единицъ его составляющихъ, *отдѣльныхъ* лицъ или индивидуальныхъ хозяйствъ въ этомъ обществѣ.

Далѣе смитовская школа изучала экономическія явленія безъ всякаго отношенія къ тѣмъ *правовымъ нормамъ*, которыми опредѣляется экономическій строй общества. Фактамъ и отношеніямъ, существующимъ въ настоящемъ обществѣ, построеннымъ на фундаментѣ современнаго хозяйственнаго права, она придавала слишкомъ всеобщее, абсолютное значеніе. Политическая экономія строила свои положенія, какъ вытекающія *естественно* изъ самой *природы* экономической жизни, упуская изъ виду, что положенія эти неизбѣжно имѣютъ только временный, условный характеръ, что при иныхъ основахъ хозяйственнаго праваго порядка содержаніе ихъ должно быть совершенно иное.

Въ настоящее время мы не можемъ оставаться на такой точкѣ зрѣнія. Болѣе точныя, историко-экономическія изслѣдованія выяснили тѣсную зависимость между политической экономіею и правомъ. Они дали намъ возможность различить *логическую* сущность экономическихъ понятій отъ ихъ *исторической* формы, зависящей главнымъ образомъ отъ существующихъ въ данный моментъ *правовыхъ нормъ*.

Въ настоящее время мы знаемъ, на примѣръ, что содержаніе понятія *капиталъ* является совершенно различнымъ, смотря по тому, какой порядокъ *собственности* господствуетъ въ обществѣ (собственность надъ *личностью*, какъ это было

въ древнемъ мірѣ, собственность надъ вещественными *орудіями труда*, какъ это признается современнымъ правомъ, или собственность только надъ *доходомъ*, какъ этого требуютъ социалисты). Мы не можемъ поэтому смѣшивать понятія о капиталѣ вообще (an sich), какъ простой суммѣ средствъ необходимыхъ для дальнѣйшаго производства съ историческою формою *капиталовладѣнія* (Capitalbesitz) существующею въ данную эпоху, и строить теоремы капитала такимъ образомъ, какъ будто то, что примѣнимо къ одному, примѣнимо и къ другому. Иначе мы рискуемъ впасть—какъ это и случилось съ политической экономіею *)—въ грубыя ошибки. Вообще,—говорить Вагнеръ,—большая часть экономическихъ категорій суть въ то-же время и категоріи *правовыя* и при изученіи экономическихъ явленій никогда нельзя терять изъ виду, что они въ значительной мѣрѣ опредѣляются содержаніемъ дѣйствующаго *права*, а отнюдь не представляются «естественными», развивающимися только по своимъ внутреннимъ законамъ.

Находясь въ зависимости отъ права и законодательства, строй народнаго хозяйства является не столько естественнымъ *организмомъ*, какъ это часто утверждаютъ, сколько искусственною *организациею*. Правовыя нормы не суть нѣчто называемое, извнѣ данное, они созданіе человѣческой воли и подлежатъ измѣненію и усовершенствованію. Поэтому наука не можетъ относиться къ нимъ безъ критики. Политическая экономія изслѣдуетъ не только то, что есть, а и то, что *должно* быть. Она должна выяснить степень соотвѣтствія существующаго хозяйственнаго права съ потребностями народнаго хозяйства въ настоящій моментъ его развитія и указать тѣ реформы и преобразованія въ хозяйственно-правовомъ строѣ, которыя вызываются этими потребностями. Критическое отношеніе политической экономіи къ правовымъ нормамъ, опредѣляющимъ настоящую организацию народнаго хозяйства, вызывается не одними только теоретическими, но и практическими основаніями. «Характеръ нынѣшняго, одновременно и социалистическаго и политическаго движенія—говоритъ Вагнеръ,—имѣетъ то существенное отличіе отъ политическаго движенія эпохи французской революціи, что какъ въ то время объектами нападеній служили инсти-

*) Такъ только такимъ смѣшеніемъ исторической формы съ сущностью капитала можно объяснить ученіе господствующей школы о «сбереженіи», какъ источникѣ происхожденія капитала, или защиту *современнаго* капитализма необходимостью *капитала вообще*, для производства и т. п. Разъясненіемъ различія между «логическою» и «историческою» стороною въ понятіи капиталовъ наука обязана преимущественно представителямъ науки социализма: Родбертусу, Лассалю и Марксу. Выводы ихъ въ этомъ отношеніи приняты Вагнеромъ, также какъ и большинствомъ новыхъ экономистовъ.

туты *государственной* права: неограниченная королевская власть, сословныя привилегіи и т. п., такъ теперь *принципіально* оспариваются основы права *гражданскаго*, въ особенности право собственности на землю и капиталъ, право наслѣдованія, договорное право и т. д. А существующее гражданское право есть правовая база всей системы народнаго хозяйства. Теоретическая политическая экономія, изучая народное хозяйство, не можетъ поэтому не обратить вниманія на его правовую основу, точно такъ-же какъ она не можетъ обойти и вопросъ о государствѣ».

Сообразно съ этимъ взглядомъ, Вагнеръ, какъ мы уже упоминали, посвящаетъ половину своей книги разсмотрѣнію основныхъ положеній дѣйствующаго хозяйственнаго права (*Verkehrsrecht*).

Расходясь такимъ образомъ съ воззрѣніями старой, «индивидуалистической» экономіи, Вагнеръ занимаетъ свое особое мѣсто и среди представителей новой школы въ нѣмецкой экономической наукѣ. Разногласія его съ прочими «катедеръ-соціалистами» касаются какъ методологическихъ вопросовъ, такъ и самаго существа воззрѣній на значеніе различныхъ фактовъ экономической жизни.

Въ первомъ отношеніи научныя взгляды Вагнера находятся въ противорѣчій съ тѣмъ отдѣлкомъ катедеръ-соціализма, который ограничиваетъ, для настоящаго времени, задачи экономической науки исключительно точнымъ, историко-статистическимъ изслѣдованіемъ частныхъ, отдѣльныхъ вопросовъ. Писатели этого направленія отрицаютъ всякую «школьную догматику», какъ называютъ они попытки установленія, — при настоящей степени разработанности фактической стороны науки, — общихъ началъ экономическаго ученія. Вагнеръ, — совершенно справедливо по нашему мнѣнію, — возражаетъ противъ этого, что наука не можетъ откладывать въ сторону принципиальные вопросы, до тѣхъ поръ, пока историко-статистическое изученіе дастъ ей достаточный по воззрѣніямъ экономистовъ «исторической» школы матеріалъ, что синтетическія работы необходимы на всякой ступени науки и необходимы даже и для успѣшнаго веденія «точныхъ изслѣдованій», которыя безъ прочной принципиальной подкладки подвергаются большой опасности получить совершенно ложное направленіе, чему уже можно указать примѣръ въ новой экономической литературѣ *).

Другую особенность Вагнера составляетъ его отношеніе къ вопросу о роли права и государства, какъ экономическихъ факто-

*) Такимъ принципомъ можетъ, по мнѣнію Вагнера, служить между прочимъ извѣстный трудъ Михаэлиса «*Gliederung der Gesellschaft nach dem Wohlstande*» (изъ Шмоллеровской бібліотеки «*Staats- und Socialwissenschaftlichen Forschungen*»), который довольно навивно выдавался у насъ за послѣднее слово науки ученымъ академикомъ Безобразовымъ, въ его статьяхъ о социализмѣ.

ровъ. Вагнеръ по преимуществу «государственникъ» между катедеръ-соціалистами. По его возрѣнію, именно въ правовой области лежитъ ключъ къ разрѣшенію важнѣйшихъ, основныхъ экономическихъ вопросовъ нашего времени. Преобразование хозяйственной жизни должно послѣдовать главнымъ образомъ путемъ воздѣйствія на нее *права* и органа его—*государства*, точно такъ-же какъ для обновленія экономической науки необходима переработка установившихся взглядовъ на отношенія экономическихъ вопросовъ къ правовымъ.

Не смотря, однако, на всѣ эти особенности Вагнеровскихъ экономическихъ возрѣній, его все-таки нельзя не причислить къ общей группѣ такъ-называемыхъ «катедеръ-соціалистовъ», ибо *принципіально* онъ стоитъ на одной почвѣ съ прочими представителями этической школы, хотя и расходится съ ними въ частности. Мы имѣли уже случай говорить, что главнымъ пунктомъ этической системы, отличающимъ ее отъ другой новой экономической школы, такъ-называемаго чистаго соціализма, является стремленіе найти исходъ изъ внутреннихъ противорѣчій современнаго хозяйственнаго строя, путемъ измѣненія *принциповъ экономической политики*, безъ нарушенія самыхъ основаній этого строя. Такой-же характеръ имѣютъ, какъ мы увидимъ сейчасъ, и тѣ выводы, къ которымъ приходитъ Вагнеръ въ результатъ своего изслѣдованія объ *организации народнаго хозяйства*, наилучше отвѣчающей потребностямъ настоящаго времени и условіямъ развитія въ будущемъ.

II.

Организация народнаго хозяйства, говоритъ Вагнеръ, покоится на трехъ различныхъ принципахъ, которые ведутъ къ тремъ различнымъ, хотя и тѣсно связаннымъ между собою въ общемъ народо-хозяйственномъ организмѣ системамъ. Эти системы суть: *частно-хозяйственная* или «индивидуалистическая», *общественно-хозяйственная* или «коммунистско-соціалистическая» и *благотворительная*.

Въ частно-хозяйственной системѣ производство и распредѣленіе хозяйственныхъ цѣнностей совершается подъ вліяніемъ побужденій личнаго интереса распорядителей отдѣльныхъ, частныхъ хозяйствъ; отношенія между этими хозяйствами опредѣляются обоюднымъ соглашеніемъ, свободнымъ договоромъ на началахъ обмѣна равноцѣнностей *при каждой сдѣлкѣ* (услуга за услугу).

Наоборотъ, при общественно-хозяйственной системѣ имѣетъ мѣсто общее производство, а частію и общее потребленіе создаваемыхъ цѣнностей, причемъ уравниваніе получаемого и даваемого для участниковъ хозяйства дѣлается только *общимъ образомъ*,

а не въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ (такъ напр., государство доставляетъ своимъ сочленамъ извѣстныя хозяйственныя блага, но оплачиваются они не въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, а общимъ образомъ въ формѣ налоговъ). Общественныя хозяйства дѣлятся на: 1) *свободныя*, когда нѣсколько отдѣльныхъ лицъ или единичныхъ хозяйствъ *добровольно* вступаютъ между собою въ соглашеніе относительно удовлетворенія сообща своихъ потребностей и устанавливаютъ сами способы раскладки общихъ тягостей и способы пользованія общимъ продуктомъ хозяйствъ и 2) *принудительныя*, участіе въ которыхъ *обязательно* для отдѣльныхъ лицъ и въ которыхъ хозяйственныя отношенія регулируются общественною властью. Эти *принудительно-общественныя* хозяйства (*Zwangsgemeinwirtschaften*) представляютъ наиболѣе важную для политической экономіи категорію общихъ хозяйствъ, а среди нихъ преобладающее значеніе принадлежитъ *государству*.

Наконецъ, *благотворительная* система основана на началѣ *безвозмезднаго* или только частію возмѣщаемаго снабженія хозяйственными цѣнностями лицъ въ нихъ нуждающихся, со стороны лицъ, обладающихъ такими цѣнностями, по побужденіямъ *благотворительнымъ* и гуманнымъ.

Ни одна изъ трехъ названныхъ системъ, говоритъ Вагнеръ, не можетъ составить *исключительнаго* основанія народо-хозяйственной организаціи и удовлетворить *всецѣло* всѣмъ хозяйственнымъ потребностямъ. Такое удовлетвореніе можетъ быть достигнуто только путемъ *комбинаціи* всѣхъ трехъ системъ. Односторонность крайнихъ экономическихъ ученій и заключается въ томъ, что они упускаютъ изъ виду необходимость этой комбинаціи и желаютъ построить народное хозяйство только по одному которому нибудь изъ трехъ хозяйственно-организаціонныхъ принциповъ.

Смитовская школа,—въ особенности въ лицѣ ея новѣйшихъ представителей т. н. «манчестерскаго» направленія — грѣшитъ чрезмѣрнымъ преувеличеніемъ значенія частно-хозяйственной системы. Современная форма этой системы, такъ называемая «система свободной конкуренціи», является въ глазахъ экономистовъ этой школы «естественною» организаціею народнаго хозяйства, необходимо вытекающею изъ самой природы экономической жизни. Односторонность это воззрѣнія, говоритъ Вагнеръ, очевидна. Система свободной конкуренціи уже потому не можетъ считаться «естественною» и абсолютно необходимою, что она обусловлена въ самой значительной степени нормами дѣйствующаго *права*, происхожденіе которыхъ восходитъ къ относительно весьма недалекому прошлому. Необходимою подкладкою современной хозяйственной системы являются положенія новѣйшаго законодательства, устанавливающія

свободу личности, неограниченное или почти неограниченное право частной собственности надо всѣми видами имущества (движимаго и недвижимаго, дохода и капитала), свободу договорнаго права и охраненіе законно приобрѣтенныхъ правъ (*wohlerworbene Rechte*), хотя-бы происхожденіе ихъ имѣло мѣсто и при другомъ правовомъ строеѣ. Всѣ эти положенія суть чисто историческія, а отнюдь не «естественныя», неизбѣжныя нормы общественныхъ отношеній.

Независимо отъ такого ложнаго представленія о «естественномъ» происхожденіи системы свободной конкуренціи, либеральная экономическая школа преувеличиваетъ и вообще выгодныя стороны этой системы и не придаетъ должнаго значенія присущимъ ей недостаткамъ. Между тѣмъ недостатки эти весьма существенны. Частно-хозяйственная система не можетъ удовлетворить *всѣхъ* хозяйственныхъ потребностей и удовлетворить *вполнѣ* даже и тѣхъ потребностей, которыя обнимаются сферою ея дѣятельности. Поэтому она неизбѣжно нуждается и въ *дополненіи*, и въ *исправленіи*.

Такъ цѣлая область потребностей *общественныхъ* или *коллективныхъ*, вытекающихъ изъ условій совмѣстной жизни людей и все болѣе и болѣе расширяющихся вмѣстѣ съ ростомъ культуры, не находятъ вовсе удовлетворенія частно-хозяйственной системы или можетъ быть удовлетворена ею только въ очень слабой степени. или же, наконецъ, предоставленіе этихъ потребностей частной предприимчивости соединяется съ существенными неудобствами. Къ общественнымъ потребностямъ.—кромѣ элементарной потребности въ правовомъ порядкѣ, какъ основѣ всякаго общежитія—принадлежатъ такія потребности, какъ организація санитарнаго дѣла и медицинской помощи, образованіе, средства обмѣна (мѣры и вѣсы, монета) и сообщенія (почта, телеграфъ, каналы и дороги). кредитъ, страхованіе, обезпеченіе участи малолѣтнихъ и стариковъ, охраненіе интересовъ будущихъ поколѣній (напр. предохраненіе почвы отъ истощенія, охрана лѣсовъ и т. п.). Большая часть этихъ потребностей и по существу своему не могутъ составлять удѣлъ частно-промышленной дѣятельности, такъ какъ при удовлетвореніи ихъ на первомъ планѣ долженъ стоять не хозяйственный принципъ выгоды, которымъ руководится частная предприимчивость и инныя начала; затѣмъ и по отношенію къ потребностямъ чисто-хозяйственнымъ нерѣдко возникаютъ серьезныя затрудненія. Такъ удовлетвореніе нѣкоторыхъ изъ нихъ требуетъ такихъ огромныхъ затратъ и скопленія такихъ капиталовъ, которыя въ частныхъ рукахъ неизбѣжно создавали бы фактическую монополію (желѣзныя дороги). Съ другой стороны правильное удовлетвореніе большинства общественныхъ потребностей имѣетъ

столь важное значеніе для дѣлаго населенія, что является необходимо въ гарантіяхъ его *непрерывности*, а частная спекулятивная дѣятельность не можетъ дать такихъ гарантій.

Вообще главную сферу частной хозяйственной дѣятельности должно составлять производство матеріальныхъ цѣнностей, направленныхъ на удовлетвореніе *индивидуальныхъ* потребностей людей (пища, одежда, жилища, топливо и другіе предметы необходимости, а также предметы удобства и роскоши и т. п.). Но и здѣсь дѣятельность эта не можетъ быть предоставлена вполнѣ самой себѣ, такъ какъ *съ точки зрѣнія интересовъ цѣлаго общества* удовлетвореніе и этой части потребностей по системѣ частно-хозяйственной оказывается далеко несовершеннымъ. Выгодныя стороны частно-хозяйственной системы, въ ея современной формѣ, «системы свободной конкуренціи», проявляются особенно въ области *производства*, наоборотъ, недостатки ея сказываются въ способахъ *распределенія* произведенныхъ цѣнностей; причемъ недостатки эти въ очень значительной мѣрѣ составляютъ неизбежное послѣдствіе тѣхъ самыхъ основныхъ условий системы, въ которыхъ заключается и ея сила. Распределеніе національнаго дохода при этой системѣ происходитъ подъ вліяніемъ взаимной борьбы, частныхъ хозяйственныхъ эгоизмовъ. Результатомъ такой борьбы является побѣда элементовъ болѣе приспособленныхъ, болѣе одаренныхъ надъ менѣе сильными. Конечно въ этомъ есть сторона, выгодная и для дѣлаго народнаго хозяйства, но очень часто такая выгода, говорить Вагнеръ, покупается слишкомъ дорогою цѣною, матеріальнаго, моральнаго и соціальнаго вреда для массы населенія, такъ какъ при настоящемъ стрѣ «слабѣйшимъ» элементомъ является огромное большинство, а сильнѣйшимъ болѣе благопріятно поставленное, благодаря не столько *естественнымъ*, сколько *соціальнымъ* преимуществамъ меньшинства. Затѣмъ торжествуетъ не всегда и дѣйствительно наиболѣе способный, а нерѣдко просто *наименѣе соответливый* элементъ. Наконецъ неизбежнымъ послѣдствіемъ неограниченной конкуренціи является вытѣсненіе мелкаго производства крупнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и постепенное, относительное и абсолютное сокращеніе числа экономически и соціально самостоятельныхъ единицъ. Промышленная нація все болѣе и болѣе приближается къ распаденію на два класса: крупныхъ предпринимателей съ одной и наемныхъ рабочихъ съ другой стороны, единственною и крайне слабою связью между которыми служатъ договорныя отношенія найма. Переходъ изъ низшаго класса въ высшій, хотя и допускаемый *de jure*, фактически становится невозможнымъ. Въ результатъ получается огромное и *прочное* неравенство въ соціальномъ положеніи и степени образованности обоихъ

слоевъ населенія, рознь интересовъ болѣе рѣзкая и настроеніе одного класса противъ другого болѣе враждебное, чѣмъ при всякой другой системѣ хозяйства.

Ненормальный ходъ распредѣленія неизбежно долженъ отразиться и на самомъ *производствѣ*. Оно направляется на удовлетвореніе потребностей богатыхъ, на созданіе предметовъ роскоши. Отсюда колеблющійся ходъ дѣлъ, періодическая смѣна чрезмѣрной спекуляціи и чрезмѣрнаго производства, кризисами и состояніемъ застою. Вообще—говорить Вагнеръ—если при системѣ свободной конкуренціи производство идетъ успѣшнѣе и интенсивнѣе, оно принимаетъ, подѣ влияніемъ указанныхъ отношеній, форму, благоприятствующую не столько интересамъ цѣлаго народа, сколько интересамъ небольшого меньшинства. Съ подобнымъ строемъ народнаго хозяйства неразрывно связаны отношенія *фактическаго господства* съ одной стороны, и *зависимости*—съ другой, между юридически равноправными членами государства, отношенія вредныя для обѣихъ сторонъ и служащія источникомъ великаго моральнаго зла для всего общества.

Всѣ указанные недостатки, присущіе частно-хозяйственной системѣ и вовсе игнорируемые или весьма мало замѣчаемыя господствующею школою, вызвали въ экономической наукѣ попытки отыскать оныя основанія для хозяйственнаго порядка, нежели тѣ, которыя проповѣдывались какъ «естественныя» либеральными экономистами, и примѣненіе которыхъ къ жизни привело къ такимъ неудовлетворительнымъ результатамъ. Попытки эти выразились въ *соціалистическихъ* теоріяхъ народнаго хозяйства, которыя въ послѣднее время, благодаря главнымъ образомъ трудамъ нѣмецкихъ экономистовъ: Робертуса, Лассала, Маркса, Энгельса, сложились въ цѣльную, строго научную систему.

«Крайній или чистый соціализмъ—говоритъ Вагнеръ—есть система хозяйственнаго правоваго порядка, совершенно противоположная существующей. Въ соціалистическомъ обществѣ матеріальные факторы—производство, т. е. земля и капиталъ, составляютъ не частную собственность отдѣльныхъ лицъ, а публичную или коллективную собственность всего общества. Мы не встрѣчаемъ въ немъ частныхъ предпріятій, рассчитанныхъ на прибыль и, съ другой стороны, наемныхъ рабочихъ, получающихъ отъ распорядителей этихъ предпріятій плату, опредѣленную свободнымъ договоромъ, подѣ давленіемъ взаимной конкуренціи; производство въ этомъ обществѣ опредѣляется не личными расчетами и соображеніями предпринимателей (что дѣлаетъ его въ цѣломъ безсистемнымъ и зависящимъ отъ спекуляціи и стеченія случайныхъ обстоятельствъ), а регулируется сверху, планомѣрно, сообразно напередъ рассчитан-

нымъ нуждамъ потребителей; точно также и распредѣленіе національнаго дохода между производителями (рабочими) подчинено не случайностямъ спроса и предложенія, а началамъ болѣе отвѣчающимъ требованіямъ справедливости».

Соціалистическая система составляетъ естественную реакцію крайностямъ «индивидуалистическаго» направленія смитовской школы; но въ сущности, говоритъ Вагнеръ, она является столь-же одностороннею, какъ и эта послѣдняя. Организациія народнаго хозяйства, точно такъ-же не можетъ быть построена исключительно и на общественномъ принципѣ, какъ и на частномъ. Если частно-хозяйственная система не обезпечиваетъ *справедливаго распредѣленія* дохода, то система общественная, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, не въ состояніи обезпечить *достаточныхъ размѣровъ производства*, являющихся необходимымъ условіемъ снабженія всѣхъ членовъ общества въ надлежащей мѣрѣ хозяйственными цѣнностями. Соціалистическіе писатели, замѣчаетъ Вагнеръ, не достаточно оцѣниваютъ, съ какимъ относительно большимъ успѣхомъ проблема производства разрѣшена современнымъ народнымъ хозяйствомъ, на правовой почвѣ существующаго порядка и обусловленнаго имъ распредѣленія доходовъ, когда требуютъ полнаго устраненія частно-хозяйственной системы. Хозяйственный эгоизмъ, по скольку онъ является однимъ изъ рычаговъ, служащихъ къ усиленію производства и созданію суммы хозяйственныхъ цѣнностей, достаточной для удовлетворенія потребностей населенія, выполняетъ важную роль и въ интересахъ общаго народнаго хозяйства. Замѣнить его другимъ факторомъ, который могъ-бы выполнить эту роль съ тѣмъ-же успѣхомъ, поддержать производство на той-же высотѣ, при настоящихъ условіяхъ, невозможно. Правда, все современное техническое развитіе, увеличивающее нашу власть надъ природою, дѣлающее производство все болѣе успѣшнымъ, и въ то же время требующее все большихъ и большихъ размѣровъ предпріятій, позволяетъ расширять постепенно предѣлы общественнаго хозяйства, на счетъ личнаго, но во всякомъ случаѣ еще *въ теченіи неизмѣримаго времени*, говоритъ Вагнеръ—производство массы матеріальныхъ цѣнностей, можетъ имѣть мѣсто только по началамъ частнаго хозяйства, подъ побужденіемъ хозяйственнаго эгоизма; а слѣдовательно и правовой порядокъ, лежащій въ основѣ этого хозяйства, имѣетъ свое *народнохозяйственное оправданіе*.

Научный соціализмъ заключаетъ въ себѣ совершенно справедливое начало, но оно доведено имъ до крайности. Въ настоящее время рѣчь можетъ идти только о *частичномъ* примѣненіи соціалистическаго принципа. Общественно-хозяйственная система должна служить не *замѣною*, а только *коррективомъ* и *дополненіемъ* си-

стемы частно-хозяйственной. Наибольше важная роль въ этомъ отношеніи должна принадлежать *принудительно общественной системѣ*, главнымъ органомъ которой является *государство*.

Воздѣйствіе государства въ экономической области можетъ проявиться *тройкимъ образомъ*: во-первыхъ, путемъ преобразования *правового порядка*, которымъ опредѣляется частно-хозяйственная дѣятельность; во-вторыхъ, посредствомъ *финансовой и податной системы*, построенной не по исключительно-фискальнымъ, но и по общимъ соціально-политическимъ соображеніямъ; наконецъ, въ-третьихъ, *непосредственнымъ выполненіемъ нѣкоторыхъ хозяйственныхъ функций*.

Опредѣлить границы дѣятельности государственной или вообще общественно-хозяйственной и частной — говоритъ Вагнеръ — невозможно абсолютнымъ образомъ; здѣсь все зависитъ отъ конкретныхъ условій даннаго случая. Въ видѣ общаго руководящаго правила можно сказать, что государство должно принимать на себя непосредственное удовлетвореніе такихъ хозяйственныхъ потребностей, которыя или вовсе не могутъ быть удовлетворены частною дѣятельностью, или-же удовлетворяются ею хуже или съ большими издержками, чѣмъ государствомъ. При наличности прочихъ благоприятныхъ условій (какъ-то правильнаго устройства государственныхъ органовъ и т. п.) государство можетъ брать въ свои руки веденіе хозяйственныхъ предпріятій и въ такомъ случаѣ если оно можетъ выполнить ихъ *недороже* частной промышленности; главнымъ мотивомъ въ пользу государственнаго хозяйства является при этомъ то соображеніе, что государство можетъ вести дѣло въ интересахъ большинства населенія. Преимущественную область хозяйственной дѣятельности государства представляютъ тѣ отрасли промышленности, которыя направлены на удовлетвореніе упомянутыхъ выше *общественныхъ или коллективныхъ* потребностей (п. ти сообщенія, банковое дѣло, страхованіе и пр.). На сколько обширно можетъ быть число случаевъ государственнаго веденія промышленныхъ предпріятій, это главнымъ образомъ вопросъ хозяйственной техники; вмѣстѣ съ прогрессивнымъ ея ходомъ должны увеличиваться и размѣры государственной и «публичной» хозяйственной дѣятельности, такъ что и въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемся съ тенденціею постепеннаго расширенія сферы государственной дѣятельности, которой Вагнеръ придаетъ значеніе общаго закона.

Для полнаго удовлетворенія всѣхъ хозяйственныхъ потребностей, по мнѣнію Вагнера, — недостаточно еще, однако, комбинація частно-хозяйственной и общественной системъ, какъ бы счастливо и удачно ни была составлена такая комбинація. Безъ включенія въ хозяйственную организацію и третьей системы — *благотворительной*,

все-таки будутъ оставаться извѣстныя пробѣлы и шероховатости. Что такія пробѣлы должна представлять частная система—это понятно само собою, въ виду всего изложеннаго выше, но и общественная система не въ состояніи изгладить ихъ вполне. Она имѣть дѣло съ *общими* нормами, со *средними* случаями и не можетъ обратитъ должнаго вліянія на разнообразіе конкретных *индивидуальныхъ* обстоятельствъ. Тутъ на помощь ей и приходитъ система благотворительная съ широко развитыми гуманитарными учрежденіями, предназначенными именно для поддержки нуждающихся въ исключительныхъ *личныхъ* случаяхъ. Затѣмъ эта система должна *морализировать* частное богатство, давая возможность имущимъ классамъ обращать избытки дохода и свободное время на служеніе благороднымъ и гуманнымъ дѣламъ.

Кругъ приложенія благотворительной системы, конечно, гораздо тѣснѣе, чѣмъ двухъ другихъ, и она не можетъ быть поставлена рядомъ съ ними; но во всякомъ случаѣ, она составляетъ *необходимый* элементъ въ хозяйственной жизни. Поэтому—говоритъ Вагнеръ—организация народнаго хозяйства является законченною только при томъ условіи, если она совмѣщаетъ въ себѣ всѣ три хозяйственно-органиціонныхъ принципа.

III.

Самымъ существеннымъ пунктомъ въ Вагнеровской теоріи хозяйственной организациі, общій скелетъ которой приведенъ нами, является несомнѣнно ученіе объ *экономической роли государства*.

Государство въ глазахъ Вагнера представляется главнымъ факторомъ для осуществленія соціальной реформы. Самая эта реформа должна выразаться въ усиленіи общественнаго, преимушественно принудительно-общественнаго элемента въ строѣ народнаго хозяйства, для устраненія тѣхъ неблагопріятныхъ послѣдствій, которыя влечетъ за собою частно-хозяйственная система въ области *распределенія* національнаго дохода.

Поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи мы и сосредоточимся на тѣхъ отдѣлахъ Вагнеровской теоріи, которые посвящены вопросу о дѣятельности государства въ экономической сферѣ.

Вагнеровская программа соціальнаго преобразованія государственнымъ путемъ имѣетъ два капиталныя отличія отъ аналогичныхъ теорій, проповѣдывавшихся нѣкоторыми соціалистическими писателями; отличія эти являются рѣшительными для ея направленія и характера. Именно, Вагнеръ, какъ мы видѣли, считаетъ задачею соціальной реформы не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, насколько мы можемъ имѣть о немъ представленіе, не

устраненіе, а лишь дополненіе и направленіе основныхъ правовыхъ началъ существующаго хозяйственнаго строя; съ другой стороны, выполненія этой реформы онъ ожидаетъ отъ существующаго, историческаго государства. На эти существенныя черты его системы мы и должны обратить главное вниманіе. Мы постараемся выяснитъ объемъ соціально-преобразовательной дѣятельности государства, какъ онъ намѣченъ Вагнеромъ, и сопоставимъ его съ характеромъ и размѣрами тѣхъ задачъ соціальной реформы, которыя выдвинуты впередъ настоящимъ моментомъ развитія экономической жизни, а затѣмъ перейдемъ къ вопросу: насколько совмѣстима со строемъ и характеромъ современнаго государства та миссія, которая возлагается на него Вагнеромъ.

Государственное воздѣйствіе на ходъ экономической жизни, говоритъ Вагнеръ, можетъ проявляться въ трехъ главныхъ формахъ: во-первыхъ, государство *суживаетъ* размѣры частно-хозяйственной дѣятельности, принимая на себя непосредственное веденіе нѣкоторыхъ отраслей хозяйства; затѣмъ государство *регулируетъ* частную дѣятельность: *косвенно* посредствомъ налоговой и вообще финансовой системы, построенной по широкому соціально-политическому принципу и *прямо*, при помощи законодательства, опредѣляющаго правовой порядокъ, которымъ обуславливаются экономическія отношенія въ обществѣ.

Остановимся ближе на каждой изъ этихъ трехъ функций государства.

Размѣры *непосредственной дѣятельности государства* въ области производства хозяйственныхъ дѣлности, какъ мы уже упоминали выше, Вагнеръ ставитъ въ зависимость отъ данныхъ условій времени и мѣста. Но мы находимъ у него указанія на тѣ *предѣлы*, которыми въ теченіи «неизмѣримаго» времени должно ограничиваться приложеніе «соціалистическаго принципа хозяйственной организаціи». Область производства матеріальныхъ хозяйственныхъ продуктовъ, по его мнѣнію, должна оставаться *по преимуществу* въ рукахъ частной предпріимчивости. *Земледѣліе, фабричная промышленность, торговля* никогда не могутъ входить въ значительныхъ размѣрахъ въ сферу государственнаго хозяйства, по крайней мѣрѣ расширеніе государственной дѣятельности въ эту сторону нельзя считать желательнымъ. Въ этихъ отрасляхъ промышленности болѣе чѣмъ гдѣ нибудь хозяйственный эгоизмъ и взаимная конкуренція производителей представляются факторами, наилучше обезпечивающими созданіе и накопленіе капиталовъ, необходимыхъ для веденія дѣла и выполненія операций самымъ экономическимъ образомъ, т. е. съ наименьшими затратами труда и орудій производства. Наоборотъ, для регулированія ихъ

сверху, государственнымъ путемъ, понадобилась-бы такая высокая степень развитія умственныхъ, нравственныхъ, экономическихъ и техническихъ качествъ со стороны руководящихъ органовъ, которую едва-ли возможно когда-либо предположить въ людяхъ.

Но въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ отрасляхъ матерьяльнаго производства государственный принципъ, по мнѣнію Вагнера, можетъ имѣть мѣсто рядомъ съ частнымъ или даже предпочтительно передъ нимъ. Еще большее участіе можетъ принадлежать государству въ такихъ видахъ хозяйственной дѣятельности, которыя не имѣютъ цѣлью собственно созданія матерьяльныхъ продуктовъ.

Вообще государствомъ всего скорѣе могутъ быть выполнены такія операціи, которыя по самому существу своему требуютъ *единства* и централизаціи въ ихъ управленіи, или въ которыхъ сверхъ чисто хозяйственныхъ соображеній играютъ роль и инныя. Наконецъ, вездѣ, гдѣ производство имѣетъ характеръ монополіи, оно подходитъ болѣе къ условіямъ государственной, нежели частной дѣятельности.

Такъ, по мнѣнію Вагнера, изъ области промышленности, добывающей *лесное хозяйство* и извѣстные виды *горнаго дѣла*, въ силу присущихъ имъ особенностей, могутъ быть ведены государствомъ съ большою выгодною для общихъ интересовъ, чѣмъ частною промышленностью. Точно также можетъ имѣть мѣсто *монопольное* государственное производство нѣкоторыхъ предметовъ потребленія, составляющихъ объекты фискальнаго обложенія (соль, *табакъ*). Государство съ успѣхомъ можетъ фабриковать извѣстные продукты, нужные для его собственныхъ потребностей (напр. предметы снабженія войскъ и флота) и должно чеканить монету. Крупныя публичныя сооруженія, требующія для своего осуществленія большихъ капиталовъ, собираемыхъ при помощи акціонерныхъ и другихъ подобныхъ обществъ, равнымъ образомъ могутъ и при извѣстныхъ условіяхъ должны производиться распоряженіемъ государства (железныя дороги, каналы). Изъ сферы торговой Вагнеръ относитъ къ функціямъ государства извѣстныя виды *кредитныхъ операцій* (главнымъ образомъ выпускъ билетовъ); точно также и *страховое дѣло*, близко примыкающее къ торговлѣ, по существу своему принадлежитъ, по его мнѣнію, къ функціямъ государственной, а не спекулятивной дѣятельности.

Вся обширная область средствъ сообщенія (почты, телеграфъ, дороги и водяные пути) должна составлять, по мнѣнію Вагнера, предметъ государственнаго вѣдѣнія или исключительно (почта, телеграфъ), или совмѣстно съ мѣстными органами самоуправления (дороги). Наконецъ государство должно принимать широкое участіе въ удовлетвореніи такихъ, только частію входящихъ въ соб-

ственно хозяйственную сферу потребностей, какъ образованіе, медицинская помощь и т. п.

Таковы общіе предѣлы приложимости государственнаго принципа въ промышленной дѣятельности. До какой степени они могутъ быть достигнуты въ томъ или другомъ случаѣ, это зависитъ отъ даннаго конкретнаго обстоятельства; вообще для того, чтобы государственная система получила свои надлежащіе размѣры, нуженъ долгій и постепенный процессъ. Каждый крупный шагъ впередъ въ развитіи хозяйственной техники, говоритъ Вагнеръ, позволяетъ намъ расширить и область общественно-хозяйственной дѣятельности, но во всякомъ случаѣ эта дѣятельность можетъ только *ограничивать*, а никакъ не *замѣщать* собою частную предпримчивость.

Въ нашу задачу не входитъ подробное разсмотрѣніе вопроса о значеніи и границахъ государственнаго вмѣшательства въ экономическія отношенія. Поэтому мы не будемъ разбирать насколько правильно обозначаетъ Вагнеръ область непосредственныхъ хозяйственныхъ функций государства и какое вліяніе каждая изъ этихъ функций можетъ оказать на различныя стороны хозяйственной жизни. Намъ занимаетъ въ настоящее время исключительно вопросъ о роли государства какъ фактора соціальной реформы; сообразно съ этимъ мы и ограничиваемся лишь нѣсколькими замѣчаніями о томъ, какое значеніе можетъ принадлежать государственной дѣятельности въ намѣченномъ направленіи и размѣрахъ для разрѣшенія главной задачи соціальной реформы—*болѣе справедливо и равномѣрнаго распределенія дохода между общественными классами, нежели это имѣетъ мѣсто теперь*.

Нельзя не признать, что расширение государственно-промышленной сферы можетъ быть сопряжено съ благоприятными результатами въ этомъ отношеніи.

На первомъ планѣ слѣдуетъ поставить здѣсь извѣстное ограниченіе спекулятивнаго элемента въ промышленности и болѣе ровное направленіе производства. Эти цѣли достигаются *кредитными* операціями государства и принятіемъ въ свои руки осуществленія такихъ крупныхъ предпріятій, какъ постройка желѣзныхъ дорогъ и другихъ публичныхъ сооружений, требующихъ большихъ капитальныхъ затратъ. Предоставленіе подобныхъ предпріятій частной инициативѣ, какъ показали уже опытъ, ведетъ къ крайне неравномѣрной изъ года въ годъ затратѣ капиталовъ, спекулятивной горячкѣ и неизбѣжнымъ ея послѣдствіямъ—промышленнымъ кризисамъ; а промышленные кризисы—великое зло не только сами по себѣ, но и по тому вліянію, которое они оказываютъ на движеніе заработной платы. Затѣмъ, въ извѣстной мѣрѣ, государство сглаживаетъ иму-

ищественныя неравенства, принимая въ свое вѣдѣніе отрасли промышленности, имѣющія характеръ фактической монополіи и препятствуя чрезъ это скопленію непомерныхъ богатствъ въ рукахъ общественныхъ слоевъ, находящихся на высшихъ ступеняхъ соціальной лѣстницы; для другого конца этой лѣстницы особое значеніе могутъ имѣть нѣкоторые отдѣлы *страховыхъ операций* государства, а именно мѣры обезпеченія рабочихъ въ старости, болѣзни, при несчастныхъ случаяхъ и потерѣ способности къ труду. Наконецъ, при оплатѣ труда въ промышленныхъ учрежденіяхъ, руководимыхъ государствомъ, можетъ и должна быть принята система болѣе справедливая, чѣмъ та, которая является результатомъ взаимной борьбы предпринимателей и рабочихъ.

Но какую-бы важность ни приписывать всѣмъ этимъ и тому подобнымъ результатамъ Вагнеровскаго «частичнаго соціализма», нельзя не видѣть, что главные источники неравномернаго распределенія богатства (со всѣми его дальнѣйшими соціальными послѣдствіями) остаются почти *вне сферы* его вліянія. Отношенія между трудомъ и капиталомъ, составляющія большое мѣсто въ соціальномъ организмѣ промышленныхъ націй, устанавливаются въ тѣхъ областяхъ народнаго хозяйства, которыя, по воззрѣніямъ Вагнера, навсегда (или по крайней мѣрѣ на «неизмѣримое время») должны остаться въ рукахъ частной предпримчивости. Огромная масса рабочаго населенія, положеніе которой опредѣляетъ собою характеръ соціальныхъ отношеній, господствующихъ въ данномъ обществѣ, занята именно въ *земледѣльческихъ, фабричныхъ* и частію *торговыхъ* предпріятіяхъ. Вознагражденіе труда въ этихъ предпріятіяхъ останется во всякомъ случаѣ подчиненнымъ «случайностямъ» спроса и предложенія, какая-бы рациональная система ни была введена въ этомъ отношеніи государствомъ, такъ какъ государственная промышленность по размѣрамъ своимъ не можетъ явиться регуляторомъ частной, а скорѣе должна приспособиться къ этой послѣдней. Точно также и общее направленіе производства зависитъ главнымъ образомъ отъ хода дѣлъ въ названныхъ отрасляхъ промышленности, образующихъ собою основное ядро народнохозяйственнаго организма. Желѣзнодорожныя и банковыя спекуляціи, конечно, могутъ играть свою роль въ ряду причинъ, обусловливающихъ нездоровое, лихорадочное теченіе экономической жизни въ капиталистически построенномъ обществѣ и устраненіе ихъ суживаетъ почву, на которой разражаются промышленныя кризисы, но прочнымъ обезпеченіемъ устойчивости промышленности можетъ служить только созданіе для ея продуктовъ востояннаго внутренняго рынка, т. е. поднятіе общаго уровня благосостоянія массы рабочихъ классовъ. Для достиженія этой цѣ-

ли промышленная дѣятельность государства въ размѣрахъ, намѣченныхъ Вагнеромъ, имѣеть только отдаленное и второстепенное значеніе.

И такъ въ общемъ результатъ мы должны сказать, что «частичный социализмъ» Вагнера, каково-бы ни было его значеніе въ другихъ отношеніяхъ, въ области распредѣленія является лишь палліативнымъ средствомъ; при благоприятныхъ условіяхъ онъ можетъ оказывать, конечно, извѣстное вліяніе, сдерживающее развитіе социальныхъ неравенствъ, но вліяніе это лишь косвенно затрагиваетъ основные источники помянутыхъ неравенствъ.

Перейдемъ къ другимъ государственнымъ функціямъ и посмотримъ въ какой мѣрѣ восполняется ими недостаточность той, о которой мы только что говорили.

IV.

Вопросъ объ экономическомъ вліяніи финансовой системы государства — одинъ изъ очень интересныхъ и до сихъ поръ еще недостаточно разработанныхъ отдѣловъ экономической науки.

Дѣятельность государства, по скольку она вызываетъ необходимость извѣстныхъ затратъ, оказываетъ двоякое воздѣйствіе на общественную жизнь: съ одной стороны *прямое*, обусловленное существомъ самыхъ *цѣлей*, преслѣдуемыхъ государствомъ, а съ другой — *косвенное*, являющееся послѣдствіемъ тѣхъ *средствъ*, которыя употребляетъ государство для достиженія этихъ цѣлей, тѣхъ хозяйственныхъ операцій, которыя составляютъ подкладку и условіе государственной дѣятельности. Для поясненія нашей мысли возьмемъ примѣръ. Такъ какъ въ данномъ случаѣ то-же самое, что о государствѣ, можно сказать и о всякой другой, болѣе мелкой политической единицѣ, то представимъ себѣ общину, весь бюджетъ которой предназначается на выполненіе какого-нибудь сооруженія, напримѣръ, дороги; представимъ далѣе, что средства для этого община беретъ налогомъ на богатыхъ собственниковъ, а самая работа выполняется артелью рабочихъ. По окончаніи операціи община, рассматриваемая какъ цѣлое, имѣеть въ приходѣ — дорогу, въ расходѣ — то количество труда, которое потрачено на ея сооружеііе. Но, кромѣ того, имѣеть мѣсто и другой побочный процессъ, въ результатъ котораго оказывается въ *расходѣ* у имущихъ классовъ общины денежная стоимость сооружеііа дороги, въ *приходѣ* у рабочихъ та-же сумма. Если мы представимъ наоборотъ, что средства собраны съ бѣднаго класса, а дорога строилась съ подряда и львиная доля барыша пришлась подрядчику, результатъ побочнаго процесса, имѣвшаго мѣсто рядомъ съ осу-

цествленіемъ прямой цѣли общиннаго хозяйства—постройкою дороги — будетъ иной. Плюсъ окажется въ имуществѣ богатыхъ, и минусъ въ имуществѣ бѣдныхъ членовъ общиннаго населенія.

Вообще, если мы будемъ разсматривать государственный бюджетъ, не касаясь прямыхъ цѣлей государственныхъ расходовъ, исключительно со стороны косвеннаго его воздѣйствія, онъ представится намъ огромною перераспредѣлительною машиною, уменьшающею размѣры покупательной силы у одной части населенія и прибавляющею ее у другой. Путемъ налоговъ и другихъ поступленій, въ государственную кассу стекаются денежныя средства, взятая изъ доходовъ или имущества плательщиковъ; затѣмъ всѣ эти средства (за исключеніемъ относительно небольшой ихъ части, идущей на уплату заграничнымъ кредиторамъ государства) возвращаются опять населенію, въ видѣ платежей кредиторамъ казны, жалованья агентамъ государства, уплаты за матерьяльныя цѣнности, покупаемыя государствомъ и въ видѣ расходовъ собственнаго производства государства. Но возвращаются они, конечно, не тѣмъ лицамъ и даже, въ большинствѣ случаевъ, не тѣмъ общественнымъ классамъ, отъ которыхъ поступили, такъ что государство является посредствующимъ механизмомъ при передачѣ средствъ одной части населенія другой.

Другимъ косвеннымъ воздѣйствіемъ государственнаго бюджета на экономическую жизнь, зависящимъ отчасти отъ его вышеуказанной распредѣлительной роли, является извѣстное вліяніе на направленіе производства. Спросъ какъ на непосредственно нужныя государству продукты, оплачиваемые насчетъ бюджета, такъ и на продукты, нужныя для удовлетворенія потребности тѣхъ лицъ, доходы которыхъ создаются или увеличиваются государствомъ, долженъ вызывать собою предложеніе этихъ продуктовъ, а слѣдовательно, и созданіе или развитіе соотвѣтственныхъ видовъ промышленности.

Размѣры и значеніе обоихъ видовъ косвеннаго вліянія государственнаго хозяйства зависятъ какъ отъ абсолютной высоты бюджетной цифры, такъ въ особенности отъ того, какая *относительная доля* національнаго дохода поглощается государствомъ. Тамъ, гдѣ эта доля велика, государство можетъ явиться (не въ качествѣ собственно *государства*, а въ качествѣ самой крупной хозяйственной единицы) чуть не главнымъ опредѣляющимъ экономическую фizioномію общества факторомъ. Съ ростомъ промышленности и развитіемъ культуры роль государства въ этомъ отношеніи уменьшается и въ богатой, промышленной странѣ государство не можетъ уже оказывать своимъ финансовымъ хозяйствомъ такого давящаго вліянія на экономическую жизнь, какъ въ націяхъ съ нераз-

витую промышленностью и съ широкими государственными потребностями.

Что касается до того *направленія*, въ которомъ государственный бюджетъ оказываетъ вліяніе на социальныя отношенія страны, то едвали можно оспаривать, что въ общемъ и цѣломъ направленіе это является *неблагоприятнымъ* для социальнаго равенства, такъ что Вагнеровское указаніе на «всю вообще финансовую систему государства», какъ на коррективъ неравнобѣрнаго распределенія богатствъ, никакъ нельзя назвать удачнымъ.

Наибольшая часть государственныхъ доходовъ, даже и въ передовыхъ странахъ Европы, поступаетъ до сихъ поръ отъ массы неимущихъ классовъ (главнымъ образомъ въ видѣ косвенныхъ налоговъ), съ другой стороны никакъ нельзя сказать, чтобы поступления эти возвращались тѣмъ же классамъ въ формѣ государственныхъ платежей, прямо или косвенно. Значительную часть государственныхъ расходовъ составляетъ вездѣ уплата процентовъ по государственному долгу; эти проценты составляютъ одну изъ категорій *рентныхъ доходовъ*, создаваемую прямо бюджетомъ; затѣмъ изъ числа суммъ, затрачиваемыхъ государствомъ на оплату разныхъ видовъ *труда*, весьма солидная часть приходится на долю высшихъ агентовъ правительства, а съ другой стороны и та часть, которая идетъ на жалованье низшимъ служащимъ и которой наиболѣе свойствененъ характеръ рабочей платы, во всякомъ случаѣ возвращается не промышленнымъ и земледѣльческимъ рабочимъ или мелкимъ собственникамъ, составляющимъ главный контингентъ плательщиковъ. Въ руки этихъ классовъ общества достается лишь часть суммъ, идущихъ на покрытіе матеріальныхъ потребностей государства, и то за вычетомъ прибылей распорядителей операций, подрядчиковъ, поставщиковъ и т. п., съ которыми непосредственно имѣеть дѣло казна.

Вліяніе, оказываемое финансовою системою на направленіе и ходъ производства, не имѣеть такого прямого значенія для социальныхъ отношеній, какъ «распределительная» функція бюджета, но и оно не лишено важности. Въ общемъ можно сказать, что чѣмъ большая часть государственныхъ издержекъ расходится въ населеніи въ формѣ ренты, прибылей или оплаты высшихъ категорій труда, тѣмъ болѣе поощряется государствомъ производство предметовъ роскоши, предъ производствомъ продуктовъ потребленія массы населенія.

Финансовая статистика до сихъ поръ не на столько разработана, чтобы можно было составить точное понятіе о *размѣрахъ* косвеннаго экономическаго вліянія бюджета. Но, во всякомъ случаѣ, она показываетъ, что въ настоящее время во всѣхъ вообще государ-

ствахъ Европы направленіе этого вліянія въ большей или меньшей степени имѣетъ объясненный выше неблагоприятный для цѣлей социальнаго равенства характеръ. Государство, своимъ хозяйствомъ, способствуетъ въ конечномъ результатѣ не сглаженію, а увеличенію неравномѣрности въ распредѣленіи имуществъ. И чтобы измѣнить это, необходимы такія коренныя перемѣны въ финансовой системѣ и въ самомъ строѣ государства, на осуществленіе которыхъ очень трудно разсчитывать при наличныхъ *соціальныхъ* отношеніяхъ. Современное государство, обремененное громаднымъ долгомъ и нуждающееся въ крупныхъ размѣрахъ бюджета, для поддержанія своей силы внутри и внѣ страны, едва ли даже и можетъ удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ путемъ налоговъ съ имущихъ классовъ населенія, а затѣмъ если-бы это и было возможно по соображеніямъ фискальнымъ, переложеніе основной тяжести бюджета на имущіе и въ то же время *властные* классы встрѣтило-бы неодолимыя препятствія *политическія*. Что-же касается собственно расходной стороны бюджета, то здѣсь характеръ государственныхъ издержекъ въ значительной мѣрѣ определенъ заранѣе, самыми цѣлями государства и обязательствами на немъ лежащими. Сдѣлать такъ, чтобы большая часть этихъ издержекъ составляла доходъ бѣдныхъ классовъ,—далеко не безусловно въ волѣ государства.

Вообще въ настоящее время мы можемъ говорить о «соціально-политическомъ», уравнительномъ значеніи не финансовой системы въ цѣломъ, а только отдѣльныхъ видовъ налоговъ. На первомъ планѣ здѣсь слѣдуетъ поставить: общій прогрессивный налогъ на доходъ, налогъ на наслѣдства, на такіе виды доходовъ, которые создаются подъ вліяніемъ, такъ называемой, «счастливой конъюнктуры», т. е. благоприятнаго стеченія внѣшнихъ обстоятельствъ, независящихъ отъ хозяйственной предусмотрительности собственника (напр. многіе случаи ренты). Всѣ эти и подобные налоги по самому существу своему направлены на уменьшеніе социальныхъ неравенствъ, но роль ихъ въ этомъ отношеніи не можетъ быть особенно значительна, такъ какъ при существующихъ условіяхъ ихъ размѣръ не въ состояніи перейти за извѣстныя, довольно тѣсныя предѣлы.

Выступивъ за эти предѣлы, «соціальная» система обложенія, поражающая главнымъ образомъ доходъ «правлящихъ классовъ», неизбежно должна разбиться о противодѣйствія этихъ классовъ. Такое противодѣйствіе можетъ выразиться не только въ видѣ активной оппозиціи установленію налога, но также и въ видѣ оппозиціи *пассивной*,—въ данномъ случаѣ едва ли не болѣе дѣйствительной,—въ стремленіи обойти налогъ или *переложить его тя-*

жестъ на другіе, менѣе сильные классы общества *). Благодаря всѣмъ этимъ причинамъ, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, ни въ одномъ европейскомъ бюджетѣ упомянутые виды налоговъ не занимаютъ большаго мѣста. На возможность широкаго развитія ихъ въ близкомъ будущемъ не рассчитываетъ, повидимому, и самъ Вагнеръ. Затѣмъ онъ ограничиваетъ область этихъ налоговъ и по другимъ основаніямъ, такъ установленіе значительнаго прогрессивнаго обложенія Вагнеръ ставитъ въ зависимость не только отъ степени быстроты въ возрастаніи доходовъ, но также и отъ характера *употребленія* этихъ доходовъ: налогъ долженъ, по его мнѣнію, поражать главнымъ образомъ тѣ доходы, которые тратятся непроизводительно; собственно капитализація доходовъ въ видахъ развитія производства, хотя и порождающая социальное неравенство, не составляетъ еще сама по себѣ достаточнаго основанія для усиленнаго обложенія.

V.

Всего обширнѣе и разнообразнѣе представляется третья изъ намѣченныхъ Вагнеромъ областей экономической дѣятельности государства — опредѣленіе правоваго порядка экономической жизни. Прибавимъ, кромѣ того, что важное значеніе государства въ этомъ отношеніи и оспаривается всего менѣе. Если Вагнеровскій «частичный социализмъ» и «социально-политическія основанія фискальной системы» встрѣчаютъ возраженія даже среди экономистовъ этической школы, то необходимость государственнаго надзора надъ частно-промышленною дѣятельностью въ видахъ согласованія ея съ интересами большинства населенія и необходимость внесенія извѣстныхъ измѣненій въ существующія частно-правовыя опредѣленія, можетъ отрицаться въ настоящее время развѣ послѣдними могиканами теоріи *laissez-faire*.

До сихъ поръ еще ни въ одномъ культурномъ государствѣ стараго и новаго свѣта принципъ безусловной экономической свободы не получилъ такого полнаго примѣненія, какъ этого требовала теорія либеральной политической экономіи, но и при настоящемъ, ограниченномъ господствѣ принципа «невмѣшательства», успѣли уже обнаружиться тенденціи «предоставленнаго самому себѣ хозяйственнаго оборота» (*Verkehr*), и на существующей пра-

*) Мы имѣемъ здѣсь въ виду не столько прямое, *спеціальное* перенесеніе податныхъ окладовъ, какое имѣетъ мѣсто, напр., при разложеніи пошлинъ на товары, на потребителей и т. п., сколько общее переложеніе податной тяжести съ экономически сильныхъ слоевъ населенія на элементы слабыя и зависямыя, происходящее косвенными путями при помощи всей совокупности хозяйственныхъ отношеній.

новой почвѣ и при наличномъ распредѣленіи имущества между общественными классами. Тенденціи эти обаялись настолько противоположными «всеобщей гармоніи интересовъ» и общему благосостоянію населенія, наступленіе котораго предсказывала либеральная экономія, что уже съ первыхъ шаговъ новой, свободной стадіи промышленнаго развитія понадобилось вмѣшательство государства для защиты слабѣйшей части населенія отъ угнетенія и эксплоатаціи вновь выросшей крупной промышленности (припомнимъ, напр., англійскіе законы о дѣтскомъ и женскомъ трудѣ на фабрикахъ, идущіе съ начала нынѣшняго столѣтія). Вообще рядомъ съ отиѣною старого промышленнаго права, шло и созданіе новаго, вызываемаго новыми экономическими отношеніями; такъ что въ сущности потребность въ государственномъ регулированіи промышленныхъ отношеній ощущалась постоянно въ теченіи всего послѣдняго періода экономической исторіи, въ то время, какъ буржуазная наука сводила экономическія функціи государства на простое «производство безопасности».

Нѣтъ надобности доказывать, что потребность эта далеко не исчезла и въ настоящее время. Если промышленность, въ передовыхъ странахъ Европы по крайней мѣрѣ окрѣпла уже настолько, что не нуждается болѣе въ покровительствѣ государства, для усиленія роста *производства*, то этого никакъ нельзя сказать по отношенію къ порядку *распредѣленія* продуктовъ этого производства и вообще по отношенію къ тому положенію, которое занимаютъ рабочіе, неимущіе классы въ системѣ народнаго хозяйства. Эти классы, благодаря исторически сложившейся формѣ распредѣленія національнаго имущества, оказываются несомнѣнно слабѣйшею стороною въ той взаимной борьбѣ, путемъ которой при господствѣ экономической свободы происходитъ распредѣленіе дохода и установленіе отношеній между общественными классами. На помощь этому слабѣйшему элементу и должно придти государство, какъ представитель и блюститель общихъ интересовъ націи. Очень часто такая помощь невозможна иначе, какъ при условіи стѣсненія права на безграничную свободу труда, договора или распоряженія собственностью (напр., въ фабричномъ законодательствѣ при опредѣленіи условій дѣтскаго или женскаго труда, рабочаго времени и т. п.); во всѣхъ такихъ случаяхъ установленіе законодательныхъ ограниченій для частно-промышленной дѣятельности является настоятельною культурною задачею государства.

Въ виду всего этого нельзя не признать существенной важности за тую частью теоріи Вагнера, которая посвящена критическому разбору правового порядка современной экономической жизни. Вагнеръ касается при этомъ вопроса объ объемѣ, содержаніи и

границахъ права *личной свободы* въ экономической области и вопроса о *порядкѣ собственности* (включая сюда право договорное и наследственное и порядокъ экспроприаціи).

Общая точка зрѣнія на которой онъ стоитъ здѣсь та-же, что во всей системѣ. Правильное направленіе экономического законодательства, по мнѣнію Вагнера, должно занимать середину между двумя крайними направленіями: «индивидуалистическимъ», выдвигающимъ на первый планъ право отдѣльной личности на полную свободу дѣятельности, и «соціалистическимъ», исходящимъ отъ интересовъ цѣлаго общества и подчиняющимъ вполнѣ этимъ интересамъ отдѣльную личность. Истина, говоритъ Вагнеръ, заключается *въ компромиссѣ* между обоими этими принципами. Начала личной свободы и равенства суть основные принципы общественной жизни въ нашу эпоху и мы не можемъ отъязаться отъ нихъ, если не желаемъ низойти съ той ступени культуры, которой достигли передовыя націи; но эти начала не могутъ проводиться въ законодательствѣ такъ абсолютно, какъ этого требуетъ «индивидуалистическое» направленіе: оставаясь общимъ правиломъ, они должны подлежать тѣмъ ограниченіямъ, которыя вызываются необходимо законными интересами коллективнаго общества.

Съ этой точки зрѣнія Вагнеръ разъясняетъ основанія и случаи необходимаго вмѣшательства государства, для устраненія вредныхъ послѣдствій неограниченной свободы браковъ, передвиженій внутри страны, эмиграціи и другихъ тому подобныхъ проявленій начала личной свободы, а затѣмъ переходитъ къ вопросу о правѣ собственности.

Вопросъ этотъ, какъ мы уже говорили, разбирается Вагнеромъ очень подробно и обстоятельно. Вагнеръ, отрѣшаясь отъ понятія о неограниченномъ и безусловномъ характерѣ этого права, смотритъ на институтъ собственности, какъ на созданіе законодательства, находящее свое оправданіе въ его хозяйственной пользѣ и цѣлесообразности. Существованіе обѣихъ главныхъ категорій частной собственности—собственности на капиталъ и на землю—какъ мы уже видѣли, онъ считаетъ необходимымъ условіемъ достаточнаго производства какъ для нашего времени, такъ и для «необозримаго времени» впередъ; но съ соціально-политической точки зрѣнія, въ видахъ болѣе правильнаго распредѣленія Вагнеръ находитъ возможными и нужными извѣстныя ограниченія какъ по отношенію къ *пространству*, такъ и по отношенію къ самому *содержанію* права собственности. Въ первомъ отношеніи ограниченіемъ служатъ уже разсмотрѣнный нами выше «частичный соціализмъ»: передача нѣкоторыхъ отраслей хозяйства въ руки государства, при чемъ къ государству-же переходитъ и право собственности на извѣстныя

категоріи капиталовъ и недвижимостей (банки, желѣзныя дороги, табачныя плантаціи т. п.). Затѣмъ что касается собственности на землю (въ широкомъ смыслѣ слова), то, по мнѣнію, Вагнера здѣсь ограниченіе частнаго права можетъ идти и далѣе предѣловъ непосредственнаго хозяйства государства или болѣе мелкихъ политическихъ единицъ (общинъ, городовъ и т. д.); государство можетъ сохранять за собою право земельной собственности и отдавать въ аренду частнымъ лицамъ или ассоціаціямъ самую эксплуатацію казенныхъ земель. Такимъ образомъ сосредоточеніе земельной собственности въ рукахъ государства не предполагаетъ еще необходимо такого полнаго переворота во всей системѣ хозяйства, который былъ-бы сопряженъ съ уничтоженіемъ частной формы капитала, владѣнія. Вагнеръ, однако, далеко не сторонникъ идеи «націонализаціи почвы». По отношенію къ мелкимъ (крестьянскимъ) и среднимъ земельнымъ участкамъ владѣніе на правахъ собственности представляется ему въ хозяйственномъ отношеніи много предпочтительнѣе всякаго вида аренды (за исключеніемъ развѣ наследственной, приближающейся уже по характеру къ ограниченной собственности), точно также и въ интересахъ политическихъ, въ видахъ здороваго «расчлененія общества», онъ считаетъ въ высшей степени важнымъ сохраненіе класса мелкихъ собственниковъ. Примѣненіе принципа «націонализаціи» Вагнеръ допускаетъ только по отношенію къ крупной собственности, и то весьма условно. «Судьба крупныхъ земельныхъ собственниковъ, говоритъ онъ, находится въ ихъ собственныхъ рукахъ». Если эти собственники пользуются своимъ общественнымъ положеніемъ, основанномъ на высокомъ рентовомъ доходѣ, въ интересахъ всей націи, образуя такую здоровую аристократію, каковую мы видимъ, напр., въ Англіи, если рента является источникомъ широкаго развитія благотворительной системы, а существованіе богатаго класса условіемъ для отправленія бесплатныхъ почетныхъ обязанностей въ органахъ самоуправленія,—крупная собственность должна быть сохранена въ видахъ общаго блага для всего народнаго организма. Только тамъ, гдѣ большіе доходы ведутъ лишь къ развитію роскоши, гдѣ собственники образуютъ лишь наиболѣе богатый, а не передовой въ политическомъ отношеніи классъ общества, въ особенности гдѣ земля дѣлается орудіемъ спекуляціи—требованія имущественнаго уравненія и общаго благосостоянія должны подвинуть государство къ изытію крупной собственности изъ частнаго владѣнія и къ сосредоточенію ее въ своихъ рукахъ.

Ученіе о *содержаніи* (Inhalt) права собственности не излагается подробно въ вышедшей части книги Вагнера, но мы находимъ въ ней (точно также, какъ и въ другихъ его трудахъ) указанія на

общее отношеніе Вагнера къ этому вопросу. И здѣсь онъ полагаетъ необходимыми извѣстныя ограниченія въ правѣ *безусловнаго* распоряженія собственника капиталомъ и землею, вызываемые общими интересами (законы о наймѣ капиталовъ и земель, фабричное законодательство, ограниченія подвижности земельной собственности, извѣстныя ограниченія наследственнаго права и т. п.). Ограниченія эти, однако, по вышеобъясненному общему руководящему началу экономического законодательства, не должны поражать собою таковыхъ сторонъ земли и капитала владѣнія, въ которыхъ именно и лежитъ залогъ ихъ хозяйственной выгодности. Въ *принципѣ* собственность должна оставаться свободною, хотя свобода эта и не можетъ быть безусловною и ничѣмъ не стѣсненною.

VI.

Какъ ни необходимо, однако, вмѣшательство государства для огражденія слабѣйшихъ элементовъ въ борьбѣ хозяйственныхъ интересовъ, не слѣдуетъ преувеличивать значенія его результатовъ. Государственной дѣятельности, обращенной на опредѣленіе прававаго порядка промышленной жизни, столь-же мало можетъ принадлежать рѣшающая роль въ дѣлѣ установленія справедливой системы распредѣленія, какъ и «частичному государственному социализму».

Если общія условія техническія или социальныя складываются неблагоприятно для большинства населенія, невыгодные результаты ихъ только частью могутъ быть измѣнены правовымъ порядкомъ.

По отношенію къ технической сторонѣ дѣла, это понятно само собою: если общаго продукта промышленной дѣятельности недостаточно для сколько-нибудь сноснаго удовлетворенія потребностей всего населенія, нельзя рассчитывать и на равномѣрное его распредѣленіе. Но въ настоящее время при современномъ развитіи техники, недостаточность производства не играетъ уже такой абсолютной роли по отношенію къ характеру распредѣленія, какъ въ ранніе періоды промышленной жизни. Теперь опредѣляющими факторами являются въ самой значительной степени причины социальнаго порядка. Ихъ слѣдствія, конечно, гораздо болѣе поддаются видоизмѣняющему воздѣйствію права, однако и здѣсь есть извѣстныя предѣлы, необходимо ограничивающіе это воздѣйствіе.

Экономическія явленія имѣютъ свои собственные внутренніе законы развитія. Значеніе этихъ законовъ преувеличивалось старую политическою экономіею, возводившею ихъ на степень непреложныхъ законовъ природы; конечно, это былъ взглядъ односто-

ронній, но такою-же односторонностью является и вѣра во всемогущество права, игнорирующая зависимость правовыхъ нормъ отъ фактическихъ отношеній.

Существующій порядокъ распредѣленія національнаго дохода имѣетъ свои корни въ данномъ распредѣленіи матеріальныхъ силъ между различными классами общества. Невыгодныя для интересовъ большинства населенія стороны этого порядка составляютъ послѣдствіе основныхъ, матеріальныхъ фактовъ, лежащихъ въ его основѣ.

Еще Рикардо доказалъ, что между хозяйственными интересами обладателей различныхъ факторовъ производства (земли, капитала, труда) существуетъ взаимный антагонизмъ, вслѣдствіе котораго при опредѣленіи доли участія каждаго изъ нихъ въ общемъ доходѣ путемъ борьбы, уровень заработной платы, какъ доли слабѣйшаго общественнаго элемента, постоянно стремится къ извѣстному *minimum*у, совершенно необходимому для поддержанія жизни и размноженія рабочаго класса.

Этотъ «железный законъ», сформулированный Рикардо въ формѣ абстрактной, какъ *общая тенденція*, осуществленіе которой находится въ зависимости отъ наличности извѣстныхъ условій (полнаго разобщенія между рабочею силою и орудіями труда, постоянного стремленія рабочаго класса къ размноженію и неограниченной формальной свободы рабочаго договора) былъ еще болѣе разработанъ и дополненъ позднѣйшими экономистами. Наблюденія надъ новѣйшими стадіями промышленнаго развитія позволило подмѣтить въ этомъ развитіи извѣстную законосообразность, приводящую къ постепенному осуществленію въ жизни гипотетическихъ посылокъ закона Рикардо. Они показали намъ, что каждому періоду экономического развитія свойственны и извѣстныя *формы* промышленности. Экономическій прогрессъ неизбѣжно ведетъ все къ большей и большей «соціализаціи» производства и на той ступени, которой достигла теперь хозяйственная жизнь передовыхъ націй западной Европы, при настоящемъ развитіи техники, раздѣленія труда, машинъ, средствъ сообщенія, промышленныхъ сношеній становится экономически необходимою *крупная промышленность*, требующая соединенія въ одномъ предпріятіи массы рабочихъ силъ и работающая не для непосредственнаго удовлетворенія потребностей самихъ производителей или мѣстнаго небольшого района, а для потребностей всей націи или для всемірнаго рынка—*общественная форма* производства, по удачному выраженію Маркса. Въ обществѣ, гдѣ господствуетъ частная собственность надъ орудіями труда, общественная форма производства есть форма *современнаго капитализма* съ его неизбѣжными послѣдствіями: концентраціею

собственности въ немногихъ рукахъ и обращеніемъ массы населенія въ рабочій пролетаріатъ. Конечно, было-бы преувеличеніемъ утверждать, что капиталистическая форма овладѣла или должна овладѣть всѣми отраслями производства, но во всякомъ случаѣ кругъ примѣненія крупной промышленности расширяется все болѣе и болѣе, а вездѣ, гдѣ она водворяется, мелкіе самостоятельные производители не въ силахъ бороться съ большими капиталистическими предіриятіями и переходятъ въ разрядъ *пролетаріевъ*. Такимъ образомъ осуществляется первое условіе закона Рикардо— полное разобщеніе орудій труда и рабочей силы, экспроприация самостоятельныхъ рабочихъ.

Осуществленіе второго условія—постояннаго увеличенія числа конкурирующихъ между собою рабочихъ происходитъ двумя путями. Съ одной стороны законъ прогрессивнаго роста доли *постояннаго* капитала, заключающагося въ машинахъ на счетъ *текущаго*, идущаго на уплату вознагражденія рабочимъ при капиталистическомъ строѣ, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ непрерывное выбрасываніе изъ производства части рабочихъ рукъ, являющихся конкурентами занятыхъ рабочихъ. Съ другой стороны, перемежающійся характеръ производства, составляющій одно изъ неизбѣжныхъ явленій капиталистической промышленности, дѣлаетъ крайне неустойчивымъ спросъ на рабочія руки, а результатомъ такой неустойчивости является образованіе *относительно перенаселенія* при каждомъ ослабленіи интенсивности производства. Благодаря дѣйствию этихъ причинъ въ капиталистической промышленности движеніе населенія неизбѣжно принимаетъ тотъ характеръ, которому Мальтусъ придалъ значеніе общаго закона: число рабочихъ рукъ постоянно стремится въ ней превзойти размѣры средствъ, назначенныхъ на ихъ содержаніе. Наконецъ, что касается третьей посылки Рикардо—установленія цѣны труда путемъ формально свободнаго договора, то и она нашла себѣ осуществленіе при капиталистической формѣ производства. Старыя частью *обычныя*, частью *законныя* нормы рабочей платы и другихъ условій найма, сложившіяся при ремесленномъ строѣ производства, не могли удержаться при господствѣ крупной промышленности. Обычай предполагаетъ своею подкладкою извѣстную устойчивость отношеній, которою вовсе не отличается капиталистическое производство. Съ другой стороны, всѣ законодательныя опредѣленія относительно размѣровъ заработной платы имѣли своимъ необходимымъ условіемъ возможность регулированія конкуренціи рабочихъ между собою и ограниченія предложенія рабочихъ рукъ. Когда крупной промышленности удалось создать огромную армію рабочаго пролетаріата, сдѣлалось *фактически* невозможнымъ поддержать путемъ

закона постоянныя нормы заработной платы. Старые регуляторы пали въ дѣйствительности прежде, чѣмъ они были отмѣнены юридически.

Факты новѣйшей хозяйственной исторіи (преимущественно англійской) показываютъ наглядно, съ какою неудержимостью развивались всѣ описанныя, сопровождающія капиталистическій строй, явленія. Но даже и оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько необходимымъ представляется весь этотъ процессъ и насколько онъ могъ быть сдержанъ или видоизмѣненъ, если-бы государство приняло по отношенію къ интересамъ крупной промышленности другое положеніе, нежели это было на дѣлѣ, мы видимъ, что въ промышленныхъ націяхъ Европы онъ уже въ значительной мѣрѣ *совершился* и теперь приходится имѣть дѣло уже съ его результатами.

Измѣнить радикально эти результаты государственная дѣятельность, такъ какъ она ставится въ системѣ Вагнера, не въ состояніи: ни перераспредѣленіе матеріальныхъ силъ между экономическими классами общества; въ размѣрахъ сколько-нибудь значительныхъ, ни устраненіе противоположности интересовъ этихъ классовъ не зависятъ отъ нея. Поэтому ея вліяніе можетъ быть только паллятивное: экономическое законодательство въ извѣстной мѣрѣ смягчить *крайности* въ проявленіяхъ того процесса, источники котораго находятся внѣ сферы его воздѣйствія.

VII.

Мы видѣли необходимыя предѣлы, которыми ограничивается вліяніе каждой изъ трехъ экономическихъ функцій государства въ системѣ Вагнера.

Теперь намъ остается коснуться еще одной стороны вопроса— о значеніи государства какъ фактора соціального преобразованія. Именно мы должны обратить вниманіе на то *обратное воздѣйствіе*, которое можетъ оказывать строй хозяйственныхъ отношеній на самое *направленіе* государственной дѣятельности.

Вагнеръ весьма недостаточно оцѣниваетъ важность такого воздѣйствія. Вообще, проповѣдуя расширеніе объема государственнаго вліянія на экономическую жизнь, какъ главное условіе соціального преобразованія, онъ обращаетъ очень мало вниманія на вопросъ: насколько современное, сложившееся подъ дѣйствіемъ данныхъ историческихъ условій государство пригодно по своимъ внутреннимъ свойствамъ для преобразовательной дѣятельности.

А между тѣмъ этотъ вопросъ является въ значительной степени рѣшающимъ для всей его теоріи хозяйственной организаціи. Государство нельзя разсматривать какъ какое-то совершенно само-

стоятельное, самоопредѣляющееся начало; это только извѣстная форма, заимствующая свое реальное содержаніе отъ условій окружающей жизни, а среди этихъ условій главнѣйшее значеніе принадлежитъ фактамъ *экономическимъ*. Имущественно сильные классы являются вмѣстѣ съ тѣмъ и *правлящими* классами въ государствѣ, поэтому и государственная дѣятельность неизбѣжно носить на себѣ отпечатокъ интересовъ этихъ классовъ. Конечно, нельзя сказать, чтобы въ каждый данный моментъ государственный строй представлялъ собою простой сколокъ строя экономическихъ отношеній: даже и при предположеніи безусловной зависимости политическихъ отношеній отъ экономическихъ, полной параллельности въ ихъ развитіи не можетъ существовать; приведеніе въ соотвѣтствіе того и другого ряда отношеній происходитъ только въ длинные промежутки времени.

Но помимо чисто экономическихъ, на государственную жизнь несомнѣнно оказываютъ вліяніе и другія причины.

Степень образованности и развитія населенія, обычаи и привычки, господствующіе въ немъ, вообще весь складъ умственной, нравственной и религіозной его жизни, съ одной стороны, и характеръ внѣшнихъ отношеній къ сосѣднимъ націямъ—съ другой, являются точно также опредѣляющими моментами государственной организаціи и направленія государственной дѣятельности. Огромное значеніе въ этомъ отношеніи принадлежитъ равнымъ образомъ и исторически сложившимся традиціямъ: разъ принятое, въ силу существующихъ условій, направленіе государственной жизни, можетъ сохраняться и послѣ того, какъ исчезнутъ обстоятельства, его произведшія, и въ свою очередь оказывать вліяніе на дальнѣйшее развитіе. Наконецъ, въ опредѣленіи характера государственной дѣятельности играютъ немаловажную роль и внутренніе мотивы *самоподдержанія* и *усиленія* самаго государственнаго механизма. На извѣстной ступени развитія каждое *средство* дѣлается отчасти *целью*, тоже имѣетъ мѣсто и относительно государства тѣмъ болѣе, что государство создаетъ около себя цѣлый классъ людей, живущихъ на счетъ его бюджета и обязанныхъ ему своимъ общественнымъ положеніемъ.

Благодаря совокупности всѣхъ этихъ вліяній, государственная дѣятельность въ экономической сферѣ можетъ въ болѣе или менѣе значительной степени перекрещиваться и идти въ разрѣзъ съ интересами имущихъ классовъ, а слѣдовательно, она можетъ принять и реформирующий характеръ. Но здѣсь все зависитъ отъ совокупности данныхъ, благопріятныхъ для соціально-политической роли государства обстоятельствъ, отъ счастливой государственной *конъюнктуры*, говоритъ Вагнеровскимъ языкомъ.

На сколько-же имѣетъ мѣсто такая «счастливая конъюнктура» въ исторически сложившихся условіяхъ государственной жизни культурныхъ націй западной Европы?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, припомнимъ нѣсколько фактовъ изъ экономической исторіи послѣдняго времени.

Всѣ западно-европейскія государства болѣе или менѣе подходятъ подъ два типа, самыми полными представителями которыхъ можно считать Англію—съ одной стороны и Германію (въ особенности Пруссію)—съ другой.

Англія есть типъ государства *промышленнаго*; въ ея жизни обнаружались всего рѣзче всѣ свѣтлыя и темныя стороны современнаго промышленнаго развитія: и колоссальный ростъ производства, и крайняя неравномѣрность распредѣленія. Въ Англіи мы встрѣчаемся ранѣе всего и съ крупною капиталистическою промышленностью и съ *рабочимъ вопросомъ*, этой обратной стороной промышленнаго развитія. Здѣсь-же, прежде чѣмъ гдѣ-нибудь, возникло и движеніе для разрѣшенія этого вопроса. Движеніе это вызвало, между прочимъ, и рядъ законодательныхъ мѣръ, имѣющихъ цѣлю устраненіе слишкомъ вредныхъ для рабочихъ классовъ послѣдствій неограниченной свободы промышленности (англійское фабричное законодательство). Но любопытна та роль, которая принадлежала при этомъ представителю государственной власти—парламенту. Англійскій парламентъ является не проводникомъ, а тормазомъ соціально-политическихъ реформъ; для того, чтобы добиться ихъ осуществленія, нужно было преодолѣть оппозицію парламента. Расширеніе сферы государственной дѣятельности произошло не только помимо инициативы, но, въ значительной мѣрѣ, и помимо воли государственной власти. Она была *вынуждена* къ этому настойчивою агитаціей, происходившею въ тѣхъ слоевъ населенія, которые составляли правящій классъ.

Точно также, до послѣдняго времени, парламентъ относился враждебно и къ союзной организаціи рабочихъ. Только путемъ долгой борьбы и энергическихъ усилій, рабочимъ союзамъ удалось завоевать простое признаніе ихъ со стороны закона. Вообще то, что сдѣлано въ послѣднее время въ Англіи въ пользу рабочаго класса, всего менѣе можетъ быть приписано активной дѣятельности центральной государственной власти. Можно сказать, что измѣненія въ организаціи хозяйственныхъ отношеній, благопріятныя для массы населенія, *выразились*, между прочимъ, въ расширеніи правовой роли государства, но никакъ нельзя считать *само государство* виновникомъ такихъ измѣненій.

Представительницею другого государственнаго типа является современная военно-монархическая Германская имперія. Централь-

ная власть здѣсь несомнѣнно имѣеть гораздо болѣе силы и стоять далеко не въ такой зависимости отъ промышленныхъ интересовъ, какъ въ классической странѣ индустріализма — Англии. Конечно, нельзя сказать, чтобы и въ Германіи, несмотря на ея всеобщее избирательное право, государственная жизнь не находилась подъ давленіемъ экономически сильныхъ классовъ, «хозяевъ исторической сцены», но, во всякомъ случаѣ, давленіе это можетъ уравновѣшиваться могущественнымъ центральнымъ правительствомъ, находящимъ себѣ поддержку и въ вѣковыхъ монархическихъ традиціяхъ, и въ болѣе реальныхъ опорахъ: многочисленномъ войскѣ и столь-же многочисленной арміи чиновничества. Для интересовъ рабочаго сословія является, повидимому, благопріятнымъ и то обстоятельство, что государственная власть находится въ союзѣ съ землевладѣльческимъ юнкерскимъ элементомъ имущаго класса, а не съ промышленнымъ капитализмомъ, всего болѣе враждебнымъ рабочему пролетариату.

Однако, и здѣсь государственная «конъюктура» едва-ли стоитъ болѣе благопріятно для социальной реформы, нежели въ буржуазной Англии.

Сильное военное государство *можетъ*, конечно, дать рабочимъ извѣстную поддержку въ ихъ борьбѣ съ капиталомъ. Но за то оно и требуетъ отъ нихъ взаимнѣ—двухъ вещей: *денегъ и повиновенія*. Если государство представляетъ собою непосредственное «хозяйственное благо», какъ говоритъ Вагнеръ, то, во всякомъ случаѣ, это благо стоитъ очень дорого. «Сильное государство» и «большой бюджетъ» — понятія соотносительныя. Уже самое поддержаніе и питаніе государственной машины, построенной на широкую ногу, требуетъ крупныхъ средствъ; но, сверхъ того, при большихъ средствахъ развиваются и широкія потребности: могущественное государство стремится и къ дальнѣйшему расширенію внутри и во внѣ своего могущества, а такое расширеніе опять-таки покупается на счетъ увеличенія бюджета. Тяжесть поддержанія и усиленія государственнаго могущества лежитъ всего болѣе на рабочихъ массахъ; и, какъ мы видѣли, они испытываютъ ее вдвойнѣ: не только бремя налоговъ непосредственно сокращаетъ ихъ доходы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и косвенное вліяніе бюджета, какъ перераспредѣлительной машины, отражается неблагопріятно на интересахъ недостаточныхъ классовъ населенія. Въ возмѣщеніи за это создается *возможность* (конечно, не всегда переходящая въ дѣйствительность) извѣстнаго улучшенія матеріальнаго положенія рабочихъ, на счетъ капиталистовъ при пособія государства. На которую сторону склоняется общій балансъ — сказать трудно.

Затѣмъ, по самому существу своему сильное, традиціонное го-

сударство не можетъ не стремиться къ поддержанію принципа *авторитета*. Давая свое покровительство рабочему, оно далеко несклонно терпѣть своевольныя попытки борьбы рабочихъ за право, собственными силами. «Боевая организація рабочаго пролетаріата» должна уступить мѣсто началамъ «порядка» и устроенія отношеній свѣше. И такъ, и здѣсь государственная помощь покупается дорогою цѣною. И здѣсь возможенъ вопросъ: что больше—пассивъ или активъ окончательнаго результата?

Исторія Бисмарковскаго «государственнаго социализма» можетъ служить яркою иллюстраціею къ приведеннымъ общимъ соображеніямъ. Широкія программы социальна-политическихъ реформъ «железнаго канцлера» до сихъ поръ еще остаются въ самой значительной части только программами, а въ дѣйствительности мы видимъ пока лишь широкое собраніе денежныхъ средствъ съ населенія для реформы «въ будущемъ» и для сокрушенія внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ военнаго могущества имперіи въ настоящемъ, да законы о «маломъ осадномъ положеніи». Имперская касса имѣетъ много различныхъ специальныхъ фондовъ, отъ военнаго до «фонда прѣсмыкающихся» включительно, но средства для задуманныхъ социальныхъ реформъ должны еще составиться въ будущемъ, да и то въ значительной мѣрѣ на счетъ самихъ-же рабочихъ вѣсцовъ, такъ какъ косвенные налоги—ихъ главный источникъ, кромѣ табачной монополіи—могутъ доставить солидныя суммы только при обложеніи предметовъ общаго потребленія. За то еще ранѣе приступа къ осуществленію благодѣтельныхъ для рабочихъ начинаній государства, Бисмаркъ постарался разрушить всѣ начинанія самихъ рабочихъ для улучшенія своего социальнаго положенія: и рабочія общества, и рабочая пресса, и общія кассы рабочихъ, все это сокрушилось подъ рукою железнаго канцлера. Замѣчательно, что хотя Бисмарка окружали и окружають до сихъ поръ корифеи «консервативнаго социализма»: и Вагнеръ, и Руд. Майеръ, и Шеффле, и Ад. Вагнеръ, всего болѣе чуткимъ его ухо оказалось къ идеямъ безпрѣтнаго ландрата Тидемана, выступившаго на Эйзенахскомъ конгрессѣ «социально-политическаго общества» 1874 г., съ проповѣдью необходимости дать почувствовать рабочимъ «несклоняющимся ни предъ какой нравственной идеей» и «потерявшимъ уваженіе къ государству», что «государство остается еще болѣе могущественнымъ, чѣмъ они». По показанію Руд. Мейера (очень хорошо освѣдомленнаго въ этомъ отношеніи), немедленно послѣ своей рѣчи краснорѣчивый ландратъ былъ призванъ въ имперскую канцелярію и «сдѣлался краеугольнымъ камнемъ Бисмарковскаго социальнаго зданія». Знаменитые «законы осоциалистахъ» явились прекраснымъ воплощеніемъ Тидемановскихъ идеѣ.

Сводя вмѣстѣ всѣ эти отрывочныя замѣчанія, мы видимъ, что современному государству, для того, чтобы выступить въ роли реформатора соціальныхъ отношеній *нужно самому подвергнуться коренному преобразованію*. А Вагнеровская теорія хозяйственной организаціи построена, какъ мы говорили, именно на расширеніи соціально-политической дѣятельности современнаго историческаго государства. Поэтому теорія эта нуждается въ очень значительныхъ поправкахъ и дополненіяхъ: для осуществленія соціального преобразованія, въ какихъ-бы размѣрахъ оно ни было достижимо при наличныхъ условіяхъ, мы должны ввести въ дѣло *иные факторы*, кромѣ тѣхъ, о которыхъ говоритъ Вагнеръ.

Настоящею статьею мы заканчиваемъ рядъ очерковъ, посвященныхъ изложенію катедеръ-соціалистическихъ теорій. Въ послѣдующихъ очеркахъ мы перейдемъ къ воззрѣніямъ другой группы новыхъ экономиствъ, — именно представителей *научнаго социализма*.

Н. Анненскій.

ПАТРИОТКА.

(Изъ Деруледа).

I.

По главной улицѣ села
Мы шли подъ звуки барабана,
Когда, какъ маковъ цвѣтъ, румяна,
Къ намъ вдругъ красотка подошла,
Крича: «Впередъ, смѣлѣй, ребята!»
И вздумалось воскликнуть мнѣ:
— Ахъ, буду я храбрѣй вдвойнѣ,
Коль поцѣлуешь ты солдата!—
Красотка вспыхнула: «Найдешь
Немного въ поцѣлуѣ проку,»—
Но, на меня взглянувши, все-жъ
Она подставила мнѣ щеку.
Я чмокнулъ дѣвушку съ наскою
И поцѣлуевъ всѣхъ число
Конечно-бъ далеко зашло,
Но дальше, на зло намъ обоимъ,
Впередъ нашъ полкъ черезъ село
Шелъ стройно съ барабаннымъ боемъ.

II.

Через то село мы шли опять,
Но не подъ звуки барабановъ...
О, верхъ позора! какъ барановъ,
Гнала насъ вражеская рать.
На брови нахлобучивъ кепи,
Поднявши круто воротникъ,
Я брелъ и головой поникъ:
Стыда невыносимы цѣпи,—
Какъ вдругъ опять, и самъ не радъ,
Красотку встрѣтилъ удалую.
Она мнѣ крикнула: «солдатъ,
Отдай мой поцѣлуй назадъ!
Я побѣжденныхъ не цѣлую.»
И быстро подбѣжавъ ко мнѣ,
Меня дѣвченка укусила.
Такъ шли мы по родной странѣ,
Но барабанъ, какъ прежде было,
Не раздавался въ тишинѣ.

Д. Минаевъ.

ВЕТОШНИКЪ.

Разсказъ Алисы Коркренъ.

На южной окраинѣ города, тамъ, гдѣ веселое сердце Парижа переходитъ въ болѣе степенные, молчаливые кварталы, тянется улица, имѣющая особенный, совершенно своеобразный отпечатокъ. Даже въ полдень, при самомъ выгодномъ солнечномъ освѣщеніи, она сохраняетъ какой-то мрачный характеръ. Всюду царствуетъ мертвая тишина; на порогахъ дверей дремлютъ тощія собаки; въ глубинѣ дворовъ виднѣются груды костей, ворохи тряпья и бумаги; въ воздухѣ преобладаетъ запахъ разлагающихся овощей. Если прохожему случится повстрѣчать кого-нибудь изъ жителей, вышедшихъ погрѣться на солнышкѣ, то онъ замѣтитъ, что какъ мужчины, такъ и женщины принадлежать здѣсь къ какой-то особой расѣ вѣчно сторбленныхъ существъ, облеченныхъ въ истрепанныя грязныя лохмотья, происхожденіе и древность которыхъ затруднился-бы опредѣлить даже самый проницательный наблюдатель. Кромѣ того, прохожій будетъ невольно пораженъ извѣстными отличительными чертами, свойственными физиономіи обоихъ половъ; такъ, напримѣръ, когда глаза, обыкновенно устремленные въ землю, случайно поднимаются, въ нихъ неизмѣнно свѣтится одно и тоже равнодушное и вмѣстѣ съ тѣмъ пытливое выраженіе; даже въ глазахъ собакъ внимательный наблюдатель откроетъ это выраженіе, которое, повидимому, доказываетъ, что здѣсь и люди и животныя внимательно слѣдятъ за случайностями жизненной борьбы, хотя и не ждутъ отъ нея ничего хорошаго. Такое отношеніе къ окружающему міру есть, по всей вѣроятности, результатъ того занятія, въ которомъ проходитъ вся жизнь обитателей улицы. Здѣсь мы достигли послѣдней ступени высокой соціальной лѣстницы, той ступени,

гдѣ помѣщаются люди, выполняющіе самыя низменныя изъ функцій, возложенныхъ на человѣка неумолимыми требованіями цивилизаціи.

Это кварталъ ветошниковъ, — улица Мюфтаръ.

Обитатели этой улицы работаютъ ночью; спятъ они днемъ, но, къ сожалѣнію, далеко не всегда сномъ праведныхъ; снотворнымъ средствомъ нерѣдко служитъ водка.

Въ одно прекрасное утро въ улицѣ Мюфтаръ замѣтно было необыкновенное волненіе, причиною котораго было необычайное въ этихъ мѣстахъ событіе: дѣло въ томъ, что почтальонъ, переходя отъ одного дома къ другому, распришивалъ жителей, гдѣ живетъ дядя Перро. «Письмо для дяди Перро!» Изъ дверей высыпала толпа ребятишекъ, наперерывъ предлагавшихъ проводить почтальона. Одна половина побрела рядомъ съ нимъ, указывая пальцами на одинъ изъ домовъ, между тѣмъ какъ другой спеціальнѣйшій отрядъ пустился во весь духъ будить дядю Перро.

Когда почтальонъ повернулъ наконецъ въ одинъ изъ грязныхъ дворовъ, въ глубинѣ его показалась какая-то сгорбленная фигура, предшествуемая шумною толпою мальчишекъ. Это былъ высокій, сухопарый старикъ; одежда его состояла изъ сѣрой блузы и брюкъ, которыя были испещрены цѣлою мозаикой пятенъ и обнаруживали на колѣняхъ характеристическія лоснящіяся выпуклости, свойственныя этой части туалета послѣ непомѣрно долгаго его употребленія. На ногахъ у него были заплѣснѣвшіе старые башмаки. Костлявое лицо его, окаймленное прядями сѣдыхъ волосъ, было блѣдно отъ волненія, овладѣвшаго имъ въ ожиданіи предстоявшаго небывалаго событія. Позади этой главной группы бѣжала маленькая женщина съ большими блестящими, карими, лукавыми глазами, съ загорѣлымъ лицомъ, покрытымъ цѣлою сѣтью мелкихъ морщинокъ.

— Ваше имя Перро? спросилъ почтальонъ, окидывая старика дѣловымъ, подозрительнымъ взглядомъ.

— Да, да; это дядя Перро... а я его жена, затараторила старушка, сопровождая свои слова выразительной жестикуляціей.

Почтальонъ полѣзъ въ свою сумку. — Страховое письмо. Умѣете писать? спросилъ онъ.

— Письмо ко мнѣ?! пробормотала ветошникъ.

— Нѣтъ, онъ не умѣетъ, поспѣшила заявить тетюшка Перро, повидимому вполне сохранявшая присутствіе духа, между тѣмъ, какъ супругъ ея казался совершенно уничтоженнымъ неожиданностью происшествія.

— Не умѣетъ, повторилъ за нею весь дворъ, постепенно наполнившійся зрителями.

Крайне сомнительно, чтобы кто-нибудь изъ обитателей квартала Мюфтаръ обладалъ искусствомъ разбирать тѣ условные знаки, которые приняты учеными людьми, какъ средство передачи и распространенія человѣческой мысли. Это невѣжество еще усугубляло важность такого рѣдкаго событія, какъ появленія на ихъ улицѣ письма, и притомъ письма не простого, а такого, для полученія котораго необходимо было расписаться.

Почтальонъ раскрылъ свою книжку. — «Поставьте крестъ... вотъ здѣсь», сказалъ онъ съ лаконичностью, приличествующею носителю общественной должности.

Дядя Перро старательно начерталъ крестъ въ томъ мѣстѣ, которое обозначилъ пальцемъ почтальонъ, и рука его при этомъ замѣтно дрожала. — «Письмо ко мнѣ», пробормоталъ онъ еще разъ, когда ему вручили продолговатый конвертъ. Онъ вертѣлъ его во всѣ стороны, и на лицѣ его выражалось такое безграничное смущеніе, какъ будто передъ глазами его неожиданію явилось привидѣніе.

Вотъ уже сорокъ лѣтъ, какъ весь міръ, лежащій за предѣлами улицы Мюфтаръ, представлялся ему исключительно въ видѣ ряда наваленныхъ передъ дверями сорныхъ кучъ, изъ которыхъ онъ и его жена, съ корзинами за спиною, съ фонаремъ и крюкомъ въ рукахъ, съ собакою, всюду слѣдовавшею по ихъ пятамъ, каждую ночь извлекали всякое тряпье: продажа этого тряпья давала имъ средства къ существованію; это было единственное звено, связывавшее ихъ съ внѣшнимъ міромъ. Парижъ потрясался революціями, правительства возникали и падали, на улицахъ, въ которыхъ едва просыхали потоки крови, снова воцарялась суэта и господствовали своенравныя прихоти моды, и въ продолженіи всѣхъ этихъ перемѣнъ дядя Перро невозмутимо бродилъ по темнымъ улицамъ города, склоняясь надъ сорными кучами, относясь съ невозмутимымъ безстрашьемъ ко всѣмъ проявленіямъ окружающей жизни. Теперь этотъ невѣдомый міръ посылалъ къ нему вѣстника; мудрено ли, что онъ

смутился и задрожалъ при появленіи таинственнаго посѣтителя.

— Идемъ къ писарю! воскликнула тетушка Перро, съ рѣшительнымъ видомъ оправляя платокъ, на подобіе чалмы обвязанный вокругъ ея головы.

— Къ писарю! повторили дѣти и ветошники, а дядя Перро все еще вертѣлъ въ рукахъ письмо и, казалось, не вполнѣ еще уяснилъ себѣ мысль о необходимости предпринять что нибудь для разгадки хранившейся въ немъ тайны. Наконецъ, жена увлекла его за собою, а за ними послѣдовала цѣлая процессія, состоявшая изъ толпы маленькихъ ротозѣевъ и изъ нѣсколькихъ взрослыхъ ветошниковъ, рѣшившихся пожертвовать частью своего дневного отдыха.

Они направились къ небольшому деревянному сарайчику, въ которомъ, какъ гласила красовавшаяся надъ дверью надпись, жилъ «общественный писарь». За прочтеніе письма онъ бралъ отъ десяти до двадцати сантимовъ; за составленіе посланія—пятьдесятъ сантимовъ, семьдесятъ пять сантимовъ и франкъ. Весь околотокъ зналъ эту таксу наизусть и понималъ, что колебанія цѣны зависѣли отъ величины и характера письма или отъ количества вложеннаго въ него чувства. Роль, которую игралъ общественный писарь, была нѣчто среднее между ролью средневѣковаго цирюльника и духовника. Онъ зналъ всѣ дѣла квартала и былъ посвященъ въ самые интимные его секреты. Почти въ теченіе четверти столѣтія онъ составлялъ для его населенія просьбы и писалъ всякаго рода письма,—любовныя, печальныя, дѣловыя. Дядя Перро и его жена отлично знали эту важную, вліятельную персону, но въ первый разъ переступали черезъ порогъ его святилища. Процессія, которая слѣдовала по ихъ пятамъ, почтительно осталась на улицѣ, когда они скрылись за дверью.

За столомъ, на которомъ было разбросано нѣсколько обтрепанныхъ книгъ и лежали письменныя принадлежности, сидѣлъ ученый мужъ. Общественный писарь оказался довольно толстою, обрюзглою особою съ жидкими волосами, прикрытыми полинявшей зеленой ермолкой, съ густой бородой и внушительными круглыми очками. Онъ обладалъ необыкновенною опытностью по части писемъ и, казалось, съ перваго взгляда понялъ, что то, которое дядя Перро протянулъ ему, въ то время, какъ жена его клала на столъ десятисантимную монету, принадлежало къ числу важныхъ писемъ. Посмотрѣвъ

сначала на четко выведенный адресъ, а потомъ на стоявшую передъ нимъ чету, онъ осторожно распечаталъ письмо.

Ровный, монотонный голосъ писаря нѣсколько дрогнулъ, когда онъ дошелъ до того мѣста, которое гласило, что префектъ департамента Со, снесясь съ мэріей XIII избирательнаго округа и константировавъ, что Жанъ-Дезире Перро живъ и продолжаетъ заниматься ремесломъ ветошника, симъ извѣщалъ его, что послѣ смерти брата его, Армана-Леона, послѣдовавшей нѣсколько недѣль тому назадъ, онъ имѣетъ получить наслѣдство въ 3,000 франковъ.

— И такъ, мой другъ, позвольте мнѣ поздравить васъ отъ всей души, сказалъ общественный писарь, отличавшійся большимъ тактомъ и выразительностью рѣчи.

Дядя Перро съ растеряннымъ видомъ смотрѣлъ на говорившаго и неспособенъ былъ вымолвить ни единого слова.

— Три тысячи франковъ! воскликнула старуха внѣ себя отъ изумленья.—Слыханное-ли дѣло... три тысячи франковъ!

— Да, препорядочная сумма. Не часто мнѣ приходится сообщать своимъ кліентамъ подобныя извѣстія, сказалъ писарь.

Но дядя Перро все еще стоялъ молча и безмысленно смотрѣлъ на ученаго мужа съ круглыми очками и длинной бородой. Наконецъ, онъ промолвилъ:—Нутка, повторите еще разъ. Три тысячи франковъ... три тысячи франковъ...

Слова эти, казалось, не вызывали въ умѣ его никакого реального представленія.

— Да, да, такъ и сказано: письмо составлено по всѣмъ правиламъ; я никогда еще не читалъ болѣе яснаго и выразительнаго письма, хотя имѣю въ этомъ дѣлѣ не малую опытность.

— Да, да, слышишь, вѣдь это ясно, какъ день, крикнула и тетушка Перро надъ самымъ ухомъ своего мужа, выразительно ударяя правымъ кулакомъ по лѣвой ладони.—Твой братъ, этотъ скряга, что не хотѣлъ дать тебѣ взаймы нѣсколькихъ франковъ, когда у насъ не было ни одного сантима, теперь умеръ... да, умеръ и оставилъ тебѣ три тысячи франковъ, понимаешь,—три тысячи франковъ.

Тщетно тетушка Перро, для вящаго уясненія этихъ свѣдѣній, сопровождала свои слова цѣлымъ рядомъ внушительныхъ жестовъ—ея энергическія убѣжденія, повидимому, произво-

дили никакого впечатлѣнія на мужа. — «Да, да, три тысячи франковъ», повторялъ онъ такъ-же машинально, безъ всякаго проблеска яснаго сознанія въ глазахъ. Онъ продолжалъ неподвижно стоять на одномъ мѣстѣ и даже не думалъ задавать писарю никакого вопроса. Зато въ тетушкѣ Перро внезапно проснулась по-истинѣ лисья хитрость и подозрительность. Деньги отнюдь не слѣдовало посылать къ нимъ на домъ; она вдругъ ужасно стала бояться воровъ и обнаружила крайнюю недовѣрчивость, отказавшись воспользоваться услугами общественнаго писаря, который предлагалъ получить за нихъ деньги и помѣстить ихъ въ сберегательную кассу. Она вспомнила о несомнѣнныхъ преимуществахъ духовной власти передъ стѣтскою и, дернувъ мужа за полу блузы, заявила ему о своемъ намѣреніи отправиться за совѣтомъ къ священнику. Лихорадочная дрожь, пробѣжавшая по тѣлу дядя Перро, показала, что и въ его отуманенной головѣ проснулось сознаніе выпавшаго на ихъ долю счастья. Когда писарь вручилъ ему обратно письмо, веревочка, которымъ былъ перевязанъ страховой конвертъ, упала на полъ. Ветошникъ съ лихорадочною поспѣшностью нагнулся и схватилъ ее своими дрожащими пальцами, какъ будто это тоже была драгоцѣнность.

Тетушка Перро не заблагоразсудила удовлетворить любопытство публики, съ нетерпѣніемъ ожидавшей ихъ выхода у дверей, и немедленно направилась къ дому священника, продолжая тащить за собою мужа. Они встрѣтили священника передъ дверью; онъ собрался уйти куда-то, но затѣмъ вернулся и съ участіемъ выслушалъ разговоръ старухи. Его попеченія о духовныхъ интересахъ обитателей улицы Мюфтаръ встрѣчали довольно равнодушное отношеніе со стороны этого цыганскаго племени, входившаго въ составъ его паствы; но онъ былъ чловѣкъ снисходительный и всячески старался быть полезнымъ, не ожидая за это никакой награды. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ тотчасъ сообразилъ, что для полученія денегъ придется выполнить рядъ формальностей, которыя окончателно смутятъ и собьютъ съ толку черезчуръ уже рьяную старуху и ея, повидимому, недалекаго супруга. Поэтому онъ опять надѣлъ свою широкую шляпу и пригласилъ ихъ послѣдовать за нимъ въ мэрію округа. Совѣты, которые священникъ давалъ дорогою относительно способа помѣщенія денегъ, обращались спеціально къ старухѣ, потому что мужъ ея, который плелся за ними все съ тѣмъ-

же растеряннымъ выраженіемъ въ лицѣ, судорожно прижимая къ груди драгоценное письмо, казалось, не въ состояніи быть ничего понять. Въ мэрїи чиновникъ вскорѣ также сталъ обращаться со всѣми разспросами къ тетускѣ Перро, принявъ старика за идиота, способнаго только бессмысленно повторять задаваемые ему вопросы. Впрочемъ и здѣсь оказалось, что ветошникъ понималъ, какая важная перемена произошла въ его судьбѣ; онъ ни за что не соглашался оставить полученное утромъ письмо, подъ росписку, въ рукахъ представителей гражданской власти; чтобы побудить его разстаться съ этимъ драгоценнымъ документомъ, жена его должна была прибѣгнуть къ самымъ убѣдительнымъ аргументамъ и увѣрить его, что сохранность письма обезпечена, во-первыхъ, духовнымъ авторитетомъ въ лицѣ священника, во-вторыхъ—закономъ въ лицѣ чиновниковъ, окруженныхъ фоліантами и всевозможными бумагами, и, наконецъ, въ-третьихъ,—арміей въ лицѣ часовыхъ, стоящихъ у дверей мэрїи.

Вѣсть о наслѣдствѣ, сообщенная общественнымъ писцомъ нѣкоторымъ изъ ожидавшихъ у его двери любопытныхъ, распространилась въ улицѣ Мюфтаръ задолго до возвращенія счастливой четы. Весь кварталъ находился въ необыкновенномъ волненіи. Отношеніе всей общины къ личности дяди Перро вдругъ существенно измѣнилось. Старуха тотчасъ замѣтила, что супругу ея стали выказывать такое уваженіе, котораго онъ прежде никогда не удостоивался. Его тотчасъ пригласили въ кабачекъ дяди Фишеля, обычное мѣстопробываніе ветошниковъ въ праздничные дни, чтобы потолковать о томъ, какъ лучше всего употребить эти три тысячи франковъ. Всѣ были того мнѣнія, что это такой вопросъ, въ разрѣшеніи котораго заинтересована вся улица, и который можетъ быть обсужденъ съ должнымъ вниманіемъ только за столомъ, украшеннымъ должнымъ количествомъ бутыломъ съ водкою и краснымъ виномъ. Жители улицы Мюфтаръ въ обыкновенное время довольно спокойный народъ, хотя и принадлежать къ гальскому племени, но при случаѣ и они умѣютъ поработать языкомъ, пересыпая рѣчь разными выразительными восклицаніями, въ которыхъ до такой степени преобладали раскаты буквы R, что застольная рѣчь по временамъ получала отдаленное сходство съ грохотомъ артиллеріи.

Тотъ за здоровье дяди Перро былъ встрѣченъ едино-

душными аплодисментами, а онъ отвѣтилъ на сдѣланную ему честь тѣмъ, что молча выпилъ за собственную персону. Не разъ было торжественно провозглашено, что община гордится присутствіемъ въ ея средѣ такого достойнаго члена, который вполне заслуживаетъ свое счастье. При этомъ удобномъ случаѣ вспомнили, какъ щедро онъ угощалъ товарищей по случаю двухъ необычайныхъ событій, — въ первый разъ, когда нашелъ въ сорной кучѣ серебряную ложку, и во второй разъ, когда судьба послала ему серебряную вилку. Тутъ-же была выражена надежда, что и теперь, когда на его долю выпало такое необыкновенное счастье, онъ не станетъ скупиться. «Ибо, воскликнулъ дядя Біо, лучший ораторъ квартала, — слово «братство» было-бы ложью, еслибы счастье одного изъ членовъ товарищества не было равносильно счастью всѣхъ!» Тетушка Перро, которая не поддавалась увлеченію и по-прежнему относилась съ недоувѣрчивою осторожностью ко всему, что касалось вопроса о наслѣдствѣ, не сочла нужнымъ поддерживать надежду компаніи на угощеніе. — Что толку тратить деньги на вино! замѣтила она. — Но дядя Перро, подъ влияніемъ окружавшей его атмосферы дружескаго радушья, казалось, начиналъ пробуждаться отъ своего сонambuлическаго сна; онъ нѣсколько разъ кивнулъ головой и обѣщавъ употребить цѣлый луидоръ на угощеніе товарищей, какъ скоро получить свое наслѣдство.

Послѣ этого обѣщанія компанія приступила къ серьезному обсужденію главнаго вопроса. Обитатели улицы Мюфтаръ не увлекаются политическими идеалами. Трудно воспламенить людей, для которыхъ всѣ шансы на счастье скрываются въ сорныхъ кучахъ. Перемѣна въ способъ общественнаго управленія врядъ-ли можетъ интересовать тѣхъ, кому чужды самыя элементарныя стремленія къ лучшему будущему, кто неспособенъ даже представить себѣ болѣе широкую, болѣе осмысленную жизнь.

Тѣмъ не менѣе, въ кварталѣ оказалось нѣсколько чело-вѣкъ, зараженныхъ самымъ крайнимъ республиканскимъ духомъ, и одинъ изъ нихъ заявилъ, сопровождая свою рѣчь восклицаніями и клятвами, что если-бы эти три тысячи достались ему, онъ посвятилъ-бы все до послѣдняго су на освобожденіе страны отъ деспотизма. Но предложеніе это тотчасъ было отвергнуто подавляющимъ большинствомъ.

Дядя Біо, у котораго были болѣе широкіе взгляды на жизнь, потребовалъ слова и заявилъ, что ветошникъ, не забывающій объ интересахъ общины, необходимо долженъ сдѣлать что-нибудь для своихъ товарищей; въ виду этого дядѣ Перро, по его мнѣнію, слѣдовало продолжать свое ремесло въ широкихъ размѣрахъ, скупать товаръ у остальныхъ ветошниковъ и давать за него болѣе высокую цѣну, чѣмъ другіе. Предложеніе это было встрѣчено громомъ рукоплесканій. Дядя Перро прислушивался къ раздававшемуся вокругъ него звону стакановъ; глаза его свѣтились лихорадочнымъ блескомъ, но онъ оставался по-прежнему задумчивымъ и молчаливымъ.

— Да, это было-бы недурно; я объ этомъ подумаю, сказалъ онъ.

Одинъ изъ ветошниковъ, который, говорятъ, отличался такимъ мечтательнымъ характеромъ, что иногда даже ходилъ на фортификаціи и приносилъ домой букеты изъ полевыхъ цвѣтовъ, утверждалъ, что если-бы судьба послала ему три тысячи франковъ, онъ-бы навсегда покинулъ свое ремесло, купилъ-бы себѣ за городомъ домикъ съ маленькимъ садикомъ и сталъ-бы разводить капусту и бобы. Если дядя Перро послѣдуетъ его совѣту, друзья будутъ навѣщать его иногда, въ воскресный день, чтобы посидѣть въ его садикѣ и подышать свѣжимъ воздухомъ.

Дядя Перро молча покуривалъ свою трубку и съ таинственнымъ видомъ кивалъ головою, не выражая никакого опредѣленнаго мнѣнія по поводу предложенныхъ проектовъ; но тетушка Перро, которой больше всего понравилось послѣднее предложеніе, замѣтила, что на блѣдномъ лицѣ ея мужа выступилъ легкій румянецъ, когда заговорили о прелестяхъ деревенской жизни. Тѣмъ не менѣе онъ, казалось, былъ поглощенъ какою-то иною думою. Въ глазахъ его свѣтилось странное выраженіе, какъ будто онъ видѣлъ передъ собою что-то особенное, невидимое для другихъ. Тутъ только старуха заподозрила, что мужъ ея занятъ своимъ собственнымъ планомъ, о которомъ до поры до времени не хочетъ говорить.

II.

Въ этотъ вечеръ старая чета долго сидѣла въ своей каморкѣ, передъ каминомъ. Между ними расположилась ихъ собака, Медоръ. Въ комнатѣ было развѣшено и разложено вся-

кое тряпье, такъ какъ Дядя Перро не сбывалъ своего товара тотчасъ послѣ возвращенія изъ ночной экспедиціи, какъ дѣлали другіе, болѣе безопасные ветошники, но тщательно сортировалъ его у себя на дому и затѣмъ продавалъ въ розницу. Тетушка Перро мечтала о маленькомъ огородѣ съ капустою, о супѣ съ свѣжими овощами, о тепломъ, сухомъ убѣжищѣ въ дурную погоду. Въ сравненіи съ рисовавшеюся передъ ея глазами картиной комфорта и довольства, ихъ теперешняя цыганская жизнь, эти ночныя путешествія подъ дождемъ и вѣтромъ казались ей горькимъ испытаніемъ.

Дядя Перро молчалъ, но въ лицѣ его уже не было прежняго безмысленнаго выраженія. Всѣмъ существомъ его овладѣло какое-то необыкновенное волненіе. Онъ потиралъ руками свои костлявыя колѣни, а глаза его, неподвижно смотрѣвшіе на огонь, горѣли все тѣмъ-же страннымъ, лихорадочнымъ блескомъ.

— Нѣтъ, я не такъ распоряжусь этими деньгами, сказалъ онъ вдругъ. — Садикъ у насъ будетъ, только расти въ немъ будетъ не капуста, а цвѣты и иммортели.

— Иммортели! Какой-же это садъ ты хочешь купить? спросила старуха.

— Какой садъ? Мы купимъ себѣ мѣсто на кладбищѣ, отвѣчала онъ.

Тетушка Перро устремила на своего мужа такой пытливый, изумленный взглядъ, какъ будто боялась, не сошелъ-ли онъ съ ума.

— Надъ нашей могилой будетъ стоять красивый памятникъ, на которомъ будутъ написаны наши имена: «Здѣсь покоится прахъ ветошниковъ, Жана-Дезире Перро и супруги его, Одетты-Селестины». Потомъ будетъ сказано, въ которомъ году мы родились, когда умерли, продолжалъ Перро. Рѣшившись наконецъ заговорить, онъ, казалось, совершенно отдѣлался отъ своего оцѣпенѣнія и выражалъ свои мысли безъ всякаго затрудненія.

— Да никакъ ты рехнулся, Перро! воскликнула жена его, всплеснувъ руками.

— И будетъ въ нашемъ садикѣ такъ хорошо, какъ въ самомъ красивомъ уголкѣ Люксембургскаго сада. И будетъ онъ принадлежать намъ навсегда, навсегда. Понимаешь-ли ты... *навсегда!*.. Пройдутъ сотни лѣтъ, а люди все еще будутъ знать

насъ и говорить о насъ, продолжалъ дядя Перро, самодовольно кивая головою, потирая колѣни и не обращая никакого вниманія на возраженія жены.

— Да ты съ ума сошелъ! повторила она.—Что за радость лежать въ красивой могилѣ, когда всю жизнь работаешь, какъ волъ, и терпишь нужду?

— Что за радость? воскликнулъ старикъ, внезапно вспламеняясь.—А вотъ я тебѣ сейчасъ^{ка} объясню это... Помнишь Тотэна? Я его видѣлъ мертваго. Я ходилъ на его похороны. Пока онъ былъ живъ, я его почти не зналъ; но когда увидѣлъ его тамъ, въ госпиталѣ, неподвижно лежащаго на соломенномъ матрацѣ, когда увидѣлъ, какъ его потомъ зашили въ грязный саванъ и уложили въ досчатый гробъ,—у меня заняло сердце. Пока я видѣлъ, какъ Тотэнъ всю жизнь свою копался въ грязи, я не чувствовалъ къ нему никакого участія, но тутъ, когда онъ лежалъ передо мною мертвый, мнѣ показалось, что я любилъ его. Поэтому я и пошелъ на его похороны. А когда его свалили въ общую могилу, я невольно подумалъ: «Вотъ она, судьба-то наша! Никто не зналъ его при жизни, никто не будетъ знать и послѣ смерти! Перро, Перро, сказалъ я себѣ, — ужаснѣе всего въ нашей горькой долѣ—общая могила!»

— Общая могила или отдѣльная—не все-ли равно! возразила старуха.—Мнѣ-бы хотѣлось хоть немного отдохнуть на старости... обзавестись садикомъ, сажать въ немъ капусту...

У дяди Перро вырвалось одно изъ тѣхъ энергическихъ восклицаній, которыя не употребительны въ цивилизованномъ обществѣ.—Огородъ?! Чего я не видалъ въ твоемъ огородѣ?! Чтобы я сталъ копаться въ немъ подъ солнечнымъ зноемъ?! Очень нужно! Ужь если на то пошло,—я предпочитаю свое теперешнее ремесло; я сжился съ нимъ и привыкъ къ нему. Подойдешь этакъ къ сорной кучѣ, осмотришь ее, сообразишь, что въ ней можетъ быть... Я рѣдко ошибался при такой оцѣнкѣ, а иногда находилъ даже больше, чѣмъ думалъ.

— Тяжелое это ремесло, нерѣшительно замѣтила тетушка Перро, начавшая поддаваться краснорѣчивымъ доводамъ мужа.

— Тяжелое,—не спору; оттого-то мнѣ и хочется какъ слѣдуетъ отдохнуть хоть послѣ смерти. Я подружился съ однимъ изъ садовниковъ, на кладбищѣ Père-la-Chaise. Онъ показывалъ мнѣ могилы. Есть тамъ одна, красивая, въ кото-

рой похоронены мужчина и женщина. Онъ мнѣ рассказывалъ ихъ исторію. Я затвердилъ даже имена ихъ; ее звали Луизой, а его Абельаромъ. Жили они нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, любили другъ друга, а обвѣнчаться было невозможно; и сдѣлалась она монахиней, а онъ монахомъ; только послѣ смерти пришлось имъ соединиться. Вотъ и лежатъ они тамъ, словно женихъ съ невѣстой, и всякій знаетъ ихъ исторію, всякій умѣетъ рассказать про нихъ. А въ общей могилѣ?.. Тебя-бы зарыли въ одномъ углу, меня — въ другомъ. То-ли дѣло въ своемъ собственномъ мѣстѣ! Уложили-бы насъ рядышкомъ, и всякій-бы зналъ, что мы мужъ и жена.

— Да, конечно, это было-бы чудесно, не могла согласиться старуха, все болѣе поддаваясь краснорѣчію дяди Перро.

— На памятникѣ будутъ изображены наши корзины и крющья, прибавилъ онъ.

— Не мѣшало-бы, пожалуй, чтобы и Медоръ былъ представленъ на камнѣ, замѣтила тетушка Перро.

— И то правда, пускай и его изобразятъ, бѣднягу! Господи, сколько лѣтъ вѣдь ужъ ходитъ онъ съ нами, словно онъ и самъ тоже ветошникъ, сказалъ дядя Перро, ласково потрепавъ дремавшую передъ огнемъ собаку, которая сочла долгомъ выразить свою признательность за хозяйскую ласку, встала, помахала хвостомъ и опять улеглась на прежнее мѣсто.

Старики просидѣли такимъ образомъ до глубокой ночи и въ первый разъ въ жизни позабыли выйти на промыселъ. Дядя Перро окончательно убѣдилъ жену въ превосходствѣ своего плана, и, разъ настроивъ свое воображеніе, она уже не отставала отъ мужа и съ такимъ-же жаромъ принялась расписывать всѣ прелести памятника, воздвинутаго для увѣковѣченія ихъ памяти. Оба стали вдругъ необыкновенно болтливы и словоохотливы, повѣряя другъ другу малѣйшую фантазію, возникавшую въ ихъ головахъ. Они чувствовали другъ къ другу какое-то особенное влеченіе, какъ въ былые дни, когда они еще не были обвѣнчаны и гуляли въ лѣсу, у себя на родинѣ, въ Со; на морщинистыхъ лицахъ ихъ, освѣщенныхъ пламенемъ камина, свѣтился какъ будто отблескъ юности.

III.

На слѣдующій день старикъ со старухой, не сказавъ никому ни слова, отправились на Pègre-la-Chaise. Они рѣшили хранить

своей планъ въ строжайшей тайнѣ. Во время обѣщаннаго угощенія, которое дядя Перро устроилъ своимъ товарищамъ, онъ не проронилъ ни одного слова о задуманномъ дѣлѣ. Нѣкоторое время спустя слухъ о немъ однако успѣлъ какъ-то распространиться, и обитатели улицы Мюфтаръ встрѣтили такое невѣроятное извѣстіе сначала недовѣрчивымъ смѣхомъ, а потомъ язвительными насмѣшками. Но дядя Перро и жена его не обращали на замѣчанія сосѣдей никакого вниманія, и мало-помалу остряки начали умолкать, видя, что только даромъ трагитъ порохъ.

Съ теченіемъ времени община уже до того свыклась съ новою мыслью, что нѣкоторые изъ членовъ стали даже обсуждать ее съ нѣкоторымъ интересомъ. Со всякимъ, кто относился къ его плану насмѣшливо, дядя Перро былъ молчаливъ, но лишь только встрѣчалъ въ комъ-нибудь проблескъ сочувствія, тотчасъ давалъ волю своему краснорѣчію. Дядя Біо, который раньше другихъ коснулся этой темы тономъ дружескаго участія, былъ немедленно посвященъ въ тайну. Однажды онъ явился въ кабачекъ дяди Мишеля и объявилъ собравшимся тамъ товарищамъ, что былъ на кладбищѣ Père-la-Chaise, видѣлъ выбранное стариками мѣсто и что мѣсто это, дѣйствительно, уже куплено. Оно находилось во второмъ ряду могилъ, такъ какъ въ первомъ ряду мѣста оказались слишкомъ дорогими. Сопровождая свои разъясненія выразительными жестами, дядя Біо обратилъ особенное вниманіе слушателей на то обстоятельство, что могилу можно будетъ отлично видѣть съ дороги, такъ какъ она приходится какъ разъ по-серединѣ между обелискомъ и пирамидой, стоящими въ первомъ ряду. Затѣмъ онъ разсказалъ, что оставшіяся отъ трехъ тысячъ франковъ деньги были раздѣлены на три части, предназначенныя для покупки памятника и для уплаты расходовъ при обоихъ похоронахъ, и что вся эта сумма вручена для храненія священнику.—«Я нахожу, заявилъ въ заключеніе дядя Біо, ударяя кулакомъ по столу, что Перро прекрасно употребилъ свои деньги. И замѣтите, что польза отъ этого будетъ не для него одного; когда надъ могилою ветошника поставятъ красивый памятникъ, да еще въ такомъ мѣстѣ, гдѣ оно будетъ у всѣхъ на виду, гдѣ всѣ будутъ говорить о немъ, это будетъ честью для всей нашей корпораціи».

Въ узкомъ, тѣсномъ кругу людей, встрѣчающихся каждый

день, всякое мнѣніе, высказанное твердо и защищаемое энергично, дѣйствуетъ заразительно; число людей, раздѣлявшихъ мнѣніе дяди Біо, возросло съ каждымъ днемъ; какая-то особенная гордость замѣтна была во взглядахъ, во всемъ поведеніи тѣхъ, кто сталъ на сторону этого мнѣнія и считалъ дѣло, затѣянное старикомъ Перро, достойнымъ и полезнымъ дѣломъ.

Къ тому времени, когда уже нужно было обсуждать вопросъ о памятникѣ, весь кварталъ отнесся къ этому дѣлу съ такимъ горячимъ участіемъ, какъ будто оно касалось ихъ общихъ интересовъ. Для того, чтобы надпись была яснѣе и разборчивѣе, рѣшено было поставить не одинъ, а два памятника. Характеръ буквъ также былъ подвергнутъ продолжительному и серьезному обсужденію. Большинство соглашалось съ тетушкой Перро, полагая, что фигурныя, разукрашенныя буквы будутъ всего эффектнѣе; но дядя Перро ратовалъ въ пользу простыхъ буквъ, безъ всякихъ затѣй. Наконецъ обѣ стороны согласились на уступку. Было рѣшено, что имена супруговъ будутъ украшены надлежащей орнаментацией, но что слово «Ветошникъ», котораго присутствіе на красивомъ памятникѣ было такъ важно для чести всей корпораціи, будетъ высѣчено такими буквами, которыя, по словамъ дяди Перро, должны будутъ уже издали бросаться въ глаза всякому грамотному человеку. Даже эпитафія была признапа менѣе важною, чѣмъ одно это слово. Тетушка Перро и многіе изъ постороннихъ, участвовавшихъ въ обсужденіи дѣла, сильно склонялись въ пользу мнѣнія художника, предлагавшаго латинскую эпитафію—«*Requiescat in pace*»; латинская надпись, говорили они, будетъ очень эффектна и придастъ памятнику своего рода шикъ. Но дядя Перро имѣлъ въ виду безсмертіе въ болѣе широкомъ смыслѣ и хотѣлъ, чтобы каждое слово на памятникѣ понятно было всѣмъ безъ исключенія, а не только ученому люду, и потому порѣшилъ, что надпись будетъ составлена исключительно изъ французскихъ словъ. Послѣ этого рѣшенія общество приступило къ составленію эпитафіи. Въ числѣ другихъ была предложена, напримѣръ, слѣдующая надпись:

«Здѣсь покоится прахъ Жана-Дезире Перро, ветошника, который сорокъ лѣтъ работалъ, пресмыкаясь въ грязи, и теперь надѣется достигнуть той страны, гдѣ нѣтъ отверженныхъ».

Но, послѣ нѣкоторыхъ дебатовъ, всѣ подобнаго рода эпитафіи, какъ заключающія въ себѣ нѣкоторое пренебрежительное

отношеніе къ ремеслу корпораціи, были отвергнуты и замѣнены двумя фразами, которыя, къ сожалѣнію, не могли претендовать на оригинальность. Рѣшено было, чтобы надъ могилой тетушки Перро, какъ представительницы сантиментальной половины человѣческаго рода, памятникъ предлагалъ прохожему пролить слезу, а надъ могилою дяди Перро—прошептать молитву.

— Что ни говори, замѣтилъ дядя Перро, съ довольнымъ видомъ покуривая свою коротенькую трубочку,—а кромѣ слезы да молитвы мертвому ничего невозможно дать; всѣ эти нарядные барыни и франты, развѣзжающіе въ коляскахъ, послѣ смерти тоже получать не больше насъ.

Было-бы слишкомъ долго рассказывать о разнообразныхъ проявленіяхъ восторга, которой обнаружили обитатели улицы Мюфтаръ, увидѣвъ въ первый разъ высѣченныя на памятникахъ изображеніе старыхъ, дыравыхъ корзины и портретъ Медора. Надъ могилою своего хозяина онъ былъ представленъ бѣгущимъ и какъ будто предающимся своему обычному ремеслу; его поднятая кверху морда и опущенный хвостъ были единогласно признаны необыкновенно удачными подражаніями оригиналу. Надъ могилою своей хозяйки Медоръ былъ представленъ въ лежачемъ положеніи.

Пока длились приготовленія къ сооруженію памятниковъ, клочекъ земли, купленный на кладбищѣ, превратился въ цвѣтущій садикъ, который составлялъ предметъ гордости и заботы не только обладателей его, но и всѣхъ безъ различія членовъ корпораціи улицы Мюфтаръ. Всякій, кто только могъ, приносилъ свою лепту въ формѣ сѣмянъ или корешковъ. Дядя Біо нашелъ какъ-то ночью, во время своихъ странствованій, увядшій розовый кустъ въ разбитомъ горшкѣ, выброшенный изъ какого-то дома, принесъ его домой и ухаживалъ за нимъ до тѣхъ поръ, пока не показались нѣжные молодые листья и почки; затѣмъ онъ съ торжествомъ былъ отнесенъ на кладбище и посаженъ на самомъ почетномъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ, по условленному плану, должна была въ послѣдствіи покоиться голова дяди Перро. Вообще эта могила сдѣлалась какимъ-то сборнымъ мѣстомъ, куда въ праздничные дни сходились жители квартала; здѣсь они какъ будто предвкушали ту честь, которая ожидала одного изъ членовъ корпораціи по окончаніи его жизненныхъ странствій.

Мужъ и жена часто задавали себѣ вопросъ, кто изъ нихъ умретъ раньше. Тетушка Перро полагала, что она, какъ женщина, по всей вѣроятности, раньше покинетъ мѣръ горя, заботъ и суеты; но дядя Перро, который смутно помнилъ, что въ молодости былъ старше своей жены, утверждалъ, что по старшинству онъ имѣетъ больше права на эту привилегію, и весь кварталъ соглашался съ его аргументаціей.

IV.

Слѣдующая зима была необыкновенно суровая. Люди болѣе наблюдательные, чѣмъ жители улицы Мюфтаръ, несомнѣнно замѣтили-бы, что силы тетушки Перро начинали слабѣть. Въ ея выразительной жестыкуляціи не было уже прежней энергіи; на морщинистомъ лицѣ не замѣтно было прежняго оживленнаго выраженія. Она была уже не въ силахъ по прежнему предаваться своему ремеслу. Ее мучилъ сильный кашель; но подобные недуги, по мнѣнію всякаго ветошника, да и по собственному ея мнѣнію, составляли такое неизбѣжное явленіе съ наступленіемъ зимы, что бороться противъ нихъ значило-бы обнаружить полнѣйшее непониманіе законовъ природы, а по этому она все-таки каждый вечеръ выходила на работу. Настала весна, цвѣты распустились на могилѣ, а старуха все-таки не поправлялась. Однажды вечеромъ, въ опредѣленный часъ, когда они всегда выходили на промыселъ, дядя Перро сталъ надѣвать свою корзину. Какъ всякій человѣкъ, въ жизни котораго ежедневныя событія повторяются съ однообразною правильностью движенія маятника, онъ отличался необыкновенною пунктуальностью. Но тетушка Перро все еще сидѣла, съезжившись возлѣ огня и не трогалась съ мѣста.

— Эй, старуха, поворачивайся, пора на работу! крикнулъ онъ.

— Я думаю, что сегодня работа будетъ мнѣ не подъ силу, сказала она.

Дядя Перро на мгновеніе такъ и замеръ на мѣстѣ и отъ изумленія не могъ выговорить ни единаго слова. Затѣмъ онъ быстрыми шагами подошелъ къ женѣ.

— У тебя опять болитъ бокъ? спросилъ онъ съ безпокойствомъ, наклоняясь надъ ней и глядя на нее съ необыкновенною нѣжностью.

— Мнѣ кажется, что конецъ мой ужь близокъ, сказала старуха.

Дядя Перро смотрѣлъ на нее, словно пораженный громъ; по лицу его пробѣжала легкая судорога. — «Что за вздоръ! сказалъ онъ нетвердымъ голосомъ; — ты просто измучилась и нуждаешься въ отдыхѣ. За то я еще крѣпокъ. Я могу работать и за двоихъ.»

Она подняла свою морщинистую, исхудалую руку и положила ее на руку мужа. — «Другъ мой, сказала она улыбаясь, видно мнѣ первой придется занять свое мѣсто въ нашей красивой могилѣ.»

Но мысль объ этой могилѣ теперь въ первый разъ не вызвала въ ея мужѣ ни малѣйшаго признака радости. Онъ держалъ ея руку и пытливо смотрѣлъ на ея исхудалое лицо. Глаза ихъ встрѣтились. Быть можетъ, онъ прочиталъ въ ея взорѣ роковую вѣсть, понятную для всякаго неграмотнаго человѣка. Лицо его стало блѣднѣе обыкновеннаго, онъ выпустилъ ея руку и, повторивъ еще разъ: «За то я крѣпокъ, я могу работать и за двоихъ», вышелъ изъ комнаты и одинъ отправился на свой обычный ночной промыселъ.

На слѣдующее утро тетушка Перро была не въ силахъ встать съ постели, а черезъ нѣсколько дней уже было ясно, что ей недолго осталось жить на свѣтѣ. Священникъ, который поддерживалъ съ ними знакомство съ того самаго дня, какъ они приходили къ нему совѣтоваться по поводу наслѣдства, и съ тѣхъ поръ значительно успѣлъ измѣнить свое дурное мнѣніе о ветошникѣ, наконецъ объявилъ старику, что часъ разлуки, повидимому, ужь очень близокъ. Въ эту ночь дядя Перро не пошелъ на работу. Нѣсколько товарищей рѣшили посвятить часть своего времени, чтобы замѣнить его. Въ теченіе всей своей болѣзни умирающая старуха тщетно старалась развеселить своего мужа, безпрестанно напоминая ему объ ожидавшей ихъ роскошной могилѣ. За послѣдніе дни въ ней даже можно было замѣтить проблески прежняго веселаго характера. Она пыталась шутить. Ужь теперь могила не будетъ похожа на пустой домъ; онъ съ гордостью можетъ говорить всякому: «Здѣсь похоронена моя жена». Но подобные разговоры, приводившіе его въ былое время въ самое веселое настроеніе, теперь окончательно утратили свое вліяніе и не могли разсѣять его тоски. Напротивъ,

казалось, что радость и гордость, озарившія въ послѣднее время его жизнь, превратились въ источникъ горя и страданія.

Около полуночи тетушка Перро, долго лежавшая безъ движенія, вдругъ раскрыла глаза и поманила его къ себѣ. Онъ наклонился надъ ея изголовьемъ.—«Какъ это будетъ чудесно; всякій будетъ знать, что мы мужъ и жена, сказала она, за-смѣявшись тихимъ смѣхомъ».

— А я скажу тебѣ вотъ что, возразилъ онъ, прерывая наконецъ свое упорное молчаніе;—когда два человѣка жили и работали вмѣстѣ всю свою жизнь, какъ мы съ тобой, и изъ года въ годъ дѣлили и радость и горе, такъ, по справедливости, имъ и умереть-бы слѣдовало вмѣстѣ.

— Не тужи, скоро увидимся, ласково прошептала старуха. Это были ея послѣднія слова. Она незамѣтно заснула вѣчнымъ сномъ.

Неумѣлая, грубоватая попытка жителей улицы Мюфтаръ утѣшить товарища тѣмъ-же способомъ, который тщетно пыталась тетушка Перро, ни къ чему не вели и не сгоняли съ его лица выраженія глубокаго, тяжелаго горя. — «Когда два человѣка прожили вмѣстѣ всю жизнь, имъ и умереть слѣдуетъ вмѣстѣ», твердилъ онъ, не обращаясь ни къ кому въ частности и какъ будто находя въ этихъ словахъ нѣкоторое облегченіе. Всѣ распоряженія относительно похоронъ были такъ долго и подробно обсуждаемы съ давнихъ поръ, что теперь все устроилось само собой. Для священника была нанята траурная карета. Самъ дядя Перро всегда говорилъ, что пойдетъ пѣшкомъ, если ему придется быть главнымъ провожатымъ. Когда онъ облекся въ черное платье и побрелъ съ обнаженной головой за дрогами, глядя на черный балдахинъ съ серебряными украшеніями, на головы лошадей, украшенныя султанами, на этихъ людей, одѣтыхъ въ глубокій трауръ и шедшихъ передъ каретой съ серебряными палочками въ рукахъ, слабый лучъ прежняго радостнаго чувства и прежней гордости прокрался въ его душу. Вслѣдъ за нимъ шли всѣ ветошники улицы Мюфтаръ. Процессія вышла чрезвычайно торжественная. За особенную плату было выговорено условіе, чтобы шествіе направилось къ кладбищу длиннымъ обходомъ, вдоль бульваровъ. День былъ ясный, солнечный; на улицахъ было множество народа, и всѣ невольно смотрѣли на эти красивыя погребальныя дроги, за которыми тянулась вереница какихъ-то грязныхъ оборванцевъ. Мужчины снимали шляпы, женщины крестились. При видѣ такихъ знаковъ

уваженія, сердце дядя Перро все болѣе и болѣе наполнялось чувствомъ гордости, лицо становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе. — «Какъ моя старуха теперь счастлива!» шепталъ онъ про себя.

Совершенно непредвидѣнное событіе довело торжество обогранныхъ провожатыхъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ.

Карета императора, запряженная четвернею лошадей съ фореитерами, встрѣтивъ процессію, свернула въ сторону и остановилась. Императоръ снялъ шляпу, маленькій принцъ также обнажилъ голову, императрица стала креститься. Такая честь окончательно потрясла дядю Перро. Онъ задыхался. Что-то словно сжимало ему горло. Онъ готовъ былъ зарыдать, но ни за что въ свѣтъ не сталъ бы плакать теперь, въ этотъ торжественный моментъ, который искупалъ всѣ невзгоды прежней жизни. Чтобы избавиться отъ неприятной судороги, сжимавшей его горло, онъ то и дѣло твердилъ почти безсознательно: — «Ахъ, какъ старуха-то моя теперь счастлива!... Ахъ, какъ старуха-то счастлива!...»

Когда весь этотъ блестящій сонъ миновалъ, когда тетушку Перро опустили въ землю, засыпали могилу и посадили на прежнія мѣста цвѣты, дядя Перро и его друзья возвратились и вмѣстѣ поужинали у дяди Мишеля. Пиръ былъ незатѣйливый, но бесѣда шла оживленная. Одинъ дядя Перро молчалъ. Но и передъ его глазами съ удивительною ясностью проносилась картина ихъ длиннаго путешествія на кладбище: красивая карета, лошади, покрытыя черными суконными попонами, которыхъ бахрома доставала почти до самой земли, изумленіе прохожихъ, знаки уваженія и почета, которыми всюду встрѣчали процессію, карета императора, свернувшая съ дороги, и самъ монархъ, отдающій честь женѣ ветошника; а потомъ процессія передъ кладбищемъ, священники и пѣвчіе въ бѣлыхъ стихаряхъ, стройное пѣніе, гробъ съ положенными на него вѣнками изъ иммортелей. Видя все это передъ собою, дядя Перро не въ состояніи былъ принять участіе въ разговорѣ, но дрожащія губы его шевелились и онъ шепталъ: — «Какъ старуха-то счастлива... какъ она теперь счастлива!..»

Прошелъ годъ. Памятникъ тетушки Перро одиноко стоялъ среди цвѣтовъ, за которыми старательно ухаживали ея мужъ и его товарищи. Пышно убранная цвѣтами могила, подъ которой, какъ гласила надпись, покоилась ветошница, привлекала на себя вниманіе посѣтителей кладбища, и дядя Перро, кото-

рый такъ-же часто навѣщала могилу своей старухи, какъ птица навѣщаетъ свое гнѣздо, обыкновенно съ жадностью прислушивался къ разговорамъ прохожихъ и съ восторгомъ рассказывалъ слышанное своимъ друзьямъ на улицѣ Мюфтарь.— «Идутъ они этакъ, смотрять по сторонамъ, а любопытнаго ничего не видятъ; вдругъ увидѣли могилу моей старухи и остановились: «Смотрите! говорятъ, — ветошница! Можетъ-ли быть?.. ветошница!» да такъ и стоять передъ могилой, разинувъ рты отъ удивленія».—Для пущей эффектности рассказа дядя Перро любилъ даже представить, какое удивленное выраженіе принимали лица посѣтителей кладбища. Исторія эта повторялась со включеніемъ послѣдняго мимического сеанса до тѣхъ поръ, пока не обошла всего квартала и пока всѣ члены общины не поохотали надъ ней, ощущая при этомъ невольную гордость. Обитатели улицы Мюфторъ почувствовали, что возвысились въ мнѣніи свѣта; это было вѣтъ всякаго сомнѣнія.

V.

Съ теченіемъ времени эта преобладающая роль, которую играла мысль о смерти въ существованіи дяди Перро, начала отражаться на его душевномъ состояніи. Бывали минуты, когда онъ забывалъ, что жены его уже нѣтъ на свѣтѣ. Онъ часто сталъ разговаривать самъ съ собою. Разъ или два сосѣди слышали, какъ онъ кричалъ, собираясь въ путь и надѣвая корзину: «Торопись, старуха, торопись! Пора на работу!» Въ другой разъ онъ по обыкновенію зашелъ утромъ въ кабачекъ дяди Мишеля, покончивъ сортировку своего тряпья, но вмѣсто того, чтобы съѣсть свой супъ тутъ-же, онъ зачѣмъ-то понесъ домой двѣ порціи въ закрытой мискѣ, какъ въ былые дни, и замѣтилъ свою ошибку только дома, послѣ того, какъ вылилъ супъ въ двѣ старыя, надтреснутыя чашки. Тогда онъ сѣлъ, просидѣлъ неподвижно въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ и зачѣмъ вышелъ, не притронувшись къ пицѣ. Лишь только онъ покинулъ улицу Мюфтарь, имъ снова овладѣло лихорадочное представленіе о присутствіи жены, постепенно застилавшее его зрѣніе и слухъ отъ впечатлѣній окружающаго внѣшняго міра. Впрочемъ, для достиженія цѣли своихъ обычныхъ прогулокъ онъ даже и не нуждался въ помощи зрѣнія. Переходя черезъ площадь Бастильи, старикъ, словно сквозь сонъ, слышалъ громкіе крики и стукъ колесъ; въ головѣ его смутно промелькнула

мысль объ опасности; онъ инстинктивно бросился впередъ, упалъ и въ слѣдующее мгновеніе колеса экипажа переѣхали черезъ него.

Его тотчасъ отвезли въ довольно отдаленный, новый госпиталь. Всю ночь и весь слѣдующій день старикъ пролежалъ въ безпамятствѣ. Иногда онъ на одно мгновеніе какъ будто приходилъ въ себя и, казалось, силился что-то сказать. Докторъ и сидѣлка, наклонившись къ больному, могли только слышать отрывочныя слова: — «Тамъ... на кладбищѣ»... Изъ словъ этихъ, разумѣется, ничего нельзя было понять, но напряженное выраженіе блестящихъ глазъ заставляло предположить, что умирающаго тревожила какая-то неотвязная забота.

Полученныя старикомъ поврежденія были такъ серьезны, что на выздоровленіе не могло быть никакой надежды. На второй день, къ вечеру, дядя Перро приподнялъ голову съ подушки и проговорилъ: — «Вотъ тамъ, дальше! Вѣдь я говорилъ вамъ... она вся въ цвѣтахъ, точно садъ... по цвѣтамъ ее всякій отличить». Онъ вскочилъ-бы съ постели, если-бы его не удержала сидѣлка, молившаяся у его изголовья съ той минуты, какъ началась агонія. — «Тамъ, за угломъ, какъ разъ за пирамидой», продолжалъ онъ, отталкивая сидѣлку. — «Да вотъ и старуха моя идетъ! Смотрите, — она смѣется; а лицо-то у нея какое свѣтлое, счастливое!» Нѣсколько мгновеній спустя онъ умеръ. Для сидѣлки подобныя сцены были не въ рѣдкость. Ей не разъ приходилось присутствовать при галлюцинаціяхъ умирающихъ, которыхъ манили съ того берега дорогія, любимыя тѣни.

Никто не являлся, чтобы навести справки о старикѣ. По-видимому, у него не было ни родныхъ, ни друзей, и онъ имѣлъ всѣ шансы воспользоваться послѣднею милостью, которую государство оказываетъ одинокому пролетарію, — его ожидала общая могила.

Тѣло дяди Перро было уложено въ скромный гробъ, но крышки, по обыкновенію, не заколотили, такъ какъ покойникъ могъ быть отысканъ и признанъ родственниками въ самую послѣднюю минуту; гробъ былъ поставленъ въ часовню больницы, гдѣ онъ долженъ былъ простоять до установленнаго закономъ срока.

Настало утро. Еще городъ не просыпался и въ часовнѣ царствовалъ блѣдный полусвѣтъ, когда въ нее явились похоронные служители въ порыжѣлыхъ черныхъ скруткахъ. Они

подняли гробъ, рассчитывая заколотить его за предѣлами городской черты, какъ вдругъ послышались звуки многочисленныхъ шаговъ и въ часовню вбѣжала толпа какихъ-то оборванныхъ, взволнованныхъ людей. Это былъ дядя Біо въ сопровожденіи нѣсколькихъ ветошниковъ. Когда они увидѣли лежавшее въ гробу холодное, бездыханное тѣло, изъ устъ ихъ вырвался невольно радостный крикъ...

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя мнѣ какъ-то случилось посѣтить кладбище Pègre-la-Chaise. Могилу тетушки Перро я видѣла уже раньше и кое-что знала о ея исторіи. Не разъ я съ грустью смотрѣла на этотъ одинокій памятникъ и невольно спрашивала себя, скоро-ли мужъ займетъ свое мѣсто, рядомъ съ женою. Теперь надъ могилою было уже два памятника; на второмъ красовалось имя Жанъ-Дезире Перро. Былъ чудный осенній день. Солнце ярко освѣщало оба памятника. Могила, усаженная густыми рядами маргаритокъ, герани и анютиныхъ глазъ, имѣла праздничный видъ. Какой-то старикъ тщательно выдергивалъ каждую сорную травку и подвязывалъ растенія. Это былъ дядя Біо. Онъ и рассказалъ мнѣ всю исторію. — «Ахъ, сударыня, я вамъ и передать не могу, какъ мы переполошились, когда пропалъ дядя Перро. Узнавши, что онъ цѣлыя сутки не приходилъ домой, мы бросились его искать и проискали цѣлыхъ два дня; сначала на кладбищѣ, потомъ въ одной больницѣ, потомъ въ другой, наконецъ въ моргѣ... нигдѣ его не было. И такъ намъ, сударыня, стало горько, словно самъ Богъ отвернулся онъ насъ и сказалъ: «Ветошники отверженный народъ; пусть-же про нихъ забываютъ послѣ смерти, какъ забываютъ про выброшенную на улицѣ тряпку!...» Больница-то, въ которую отнесли его, стоитъ совсѣмъ въ сторонѣ; мы про нее и не знали; но зато, когда мы наконецъ нашли его, когда насъ ввели въ часовню, когда мы узнали въ гробу нашего дядю Перро, — окончательно похолодѣвшаго, мертвого, — но все-же его, его, нашего Перро, — мы подняли радостный крикъ, прости Господи наше прегрѣшеніе. Насъ не мало бранили за это въ больницѣ; но вѣдь они не понимаютъ, какъ мы обрадовались, что во-время нашли своего товарища. Въ тотъ-же день мы увезли его, на другой день похоронили, и вотъ онъ лежитъ теперь здѣсь, рядомъ со своей старухой.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ПУБЛИЦИСТИКИ.

I.

Литературу часто называютъ зеркаломъ общественной души. Точно также публицистику можно было-бы назвать зеркаломъ общественной мысли. Эту роль она однако играетъ только при извѣстныхъ условіяхъ, только тогда, когда между публицистомъ и публикой нѣтъ, выражаясь моднымъ словечкомъ, никакого «средостѣнія», мѣшающаго имъ видѣть другъ друга. Къ сожалѣнію, наша житейская практика, наоборотъ, наставила безчисленное количество этихъ средостѣній, и создала такое положеніе вещей, что если-бы мы вздумали судить о движеніи общественной мысли по тому, какъ она отражается въ публицистикѣ, то ужъ дѣйствительно было-бы отъ чего придти въ отчаяніе.

Мы могли-бы, пожалуй, насчитать въ текущей литературѣ нѣсколько дѣльныхъ изслѣдованій или художественныхъ очерковъ, вообще *частныхъ* проявленій ума, таланта и знаній. Но именно публицистики, широкой, обобщающей мысли въ ней мы и не находимъ, а если находимъ, то исключительно въ какихъ-то юродивыхъ, патологическихъ формахъ. Напрасно мы кидаемся отъ газеты къ газетѣ, отъ журнала къ журналу: всѣ наши поиски приводятъ насъ въ концѣ концовъ къ какому-то безнадежно пустому пространству, гдѣ ясно только одно—что ничего нельзя разобрать. Конечно, въ этомъ блѣсоватомъ туманѣ неопредѣленности мимо насъ пролетаютъ иногда съ трескомъ пожелтѣвшіе скелеты допотопныхъ міросозерцаній, или прошмыгнетъ таинственная маска какого-нибудь «изма», боязливо кутающаяся въ вуаль «езоповщины». Но къ этимъ привидѣніямъ не всегда успѣешь даже присмотрѣться. «Не бѣги,

маска, скажи мнѣ, кто ты?» Увы! Только что она начнетъ робкимъ шопотомъ свое «съ одной стороны», какъ вдругъ налетаетъ какой-нибудь плезиозавръ съ шумными криками: «Нигилизмъ, измѣна»...

При такихъ условіяхъ нельзя не замѣтить, что если публицистика вообще и есть зеркало общественной мысли, то оно во всякомъ случаѣ у насъ слишкомъ загажено. Опредѣлять движеніе общественной мысли, при помощи данныхъ, доставляемыхъ подобной публицистикой было-бы несправедливо, даже болѣе—просто не деликатно по отношенію къ обществу. Настроеніе всѣмъ намъ по личному наблюденію, болѣе или менѣе извѣстно, по наслышкѣ в нельзя-же въ самомъ дѣлѣ обвинять публику, если важныя заботы, ее занимающія, и лихорадочная работа ея мысли не доходятъ до газетныхъ столбцовъ, не отражаются на страницахъ журналовъ. Виновата-ли въ этомъ сама пресса? Я этого также не говорю. Для того, чтобы пресса могла служить выраженіемъ общественной мысли, а стало быть и орудіемъ ея развитія—необходимы, конечно, извѣстныя внѣшнія условія, при отсутствіи которыхъ пресса чахнетъ и деморализуется. Это понятно. Но оставляя въ сторонѣ всякія обвиненія кого-бы то ни было и въ чемъ-бы то ни было,—нельзя не видѣть все-таки, что такое положеніе вещей въ высшей степени печально. Я говорю это не съ точки зрѣнія писателя, естественно желающаго процвѣтанія русской литературы, а съ точки зрѣнія самого общества. Россія переживаетъ теперь очень важный моментъ своего роста; многія старыя формы видимо оказываются уже отжившими свой вѣкъ. Необходимо отыскивать новыя. Работа намъ предстоитъ огромная... Обратимся, впрочемъ, къ самой прессѣ, которая не на столько все-таки упала, чтобы не отражать въ себѣ этого основного факта современной русской исторіи. «Для Россіи говоритъ г. Аксаковъ, наступила рѣшительная минута. Ей предстоитъ или полное обновленіе, новое крещеніе, баня паки бытія, въ народно-историческомъ духѣ или-же... лучше не договаривать... Было-бы, однако, напрасно думать, что выходъ и обновленіе достигаются одними усиліями кабинетныхъ дѣятелей, да непрерывнымъ рядомъ дробныхъ подѣлокъ, поправокъ, даже частныхъ реформъ. Потребность цѣлостнаго обновленія чувствуется всѣми инстинктивно, хотя-бы это обновленіе представлялось каждому въ своей, часто невѣрной формулѣ». Въ томъ-же духѣ объясняется въ «Земствѣ» г. Кошелевъ. «Наша общая бѣда теперь, говоритъ онъ, пожалуй не снѣжка, не отчаяніе, а какое-то расслабленіе, упадокъ силъ (asthenia). Кто ему не подверженъ? Въ нашемъ обыкновенномъ, всеневнемъ, какъ общественномъ, такъ и государственномъ бытѣ, нѣтъ ничего такого.

что может насъ оживить. На радикальнѣя, нынѣ совершенно необходимы мѣры, мы не рѣшаемся. Пробавляемся кой-чѣмъ. То призовемъ на совѣтъ одного, другого, третьяго, то обратимся къ спеціальнымъ мелкимъ снадобьямъ; но, ничто намъ не помогаетъ». Эта потребность «цѣлостнаго обновленія», «радикальныхъ мѣръ» носится въ воздухѣ именно какъ отраженіе того критическаго момента въ ростѣ, о которомъ я сейчасъ упомянулъ. Общество ищетъ организаціи, соотвѣтственной его потребностямъ. Новое содержаніе ищетъ новыхъ формъ. Издатель «Московскихъ Вѣдомостей» со своей обычной чуткостью, а также съ обыкновенной своей тенденціозностью, схватываетъ тотъ-же фактъ съ другого конца и объявляетъ, что «Россія находится уже въ революціи». Характерная фраза. Конечно, читатель, мы не можемъ упускать изъ виду, что имѣемъ дѣло именно съ г. Катковымъ, который, можно сказать, всю жизнь «находился въ революціи». «Революція» у него это просто *façon de parler*. Но дѣло не въ словахъ, а въ сущности. Въ сущности-же издатель «Московскихъ Вѣдомостей» только подтверждаетъ слова гг. Аксакова, Кошелева и многихъ другихъ, которыхъ мы не станемъ больше цитировать. Сущность заключается именно въ томъ, что многія старыя формы у насъ обветшали, а новыя еще не отысканы, и страна переживаетъ, какъ любить у насъ выражаться, «переходное состояніе».

Нельзя при этомъ упускать изъ виду, что наше «переходное состояніе» сверхъ того чрезвычайно запущено. Старая крѣпостная Россія, о реформѣ которой мы въ сущности до сихъ поръ хлопочемъ, начала разрушаться уже очень давно. Перемѣна экономическихъ условій, новыя комбинаціи общественныхъ слоевъ, новыя идеи и—что, можетъ быть, всего важнѣе—новыя условія международной политики: все это мало по малу дѣлало существованіе крѣпостной Россіи невозможнымъ. Демократизація европейскихъ государствъ, имѣвшая своимъ послѣдствіемъ необычайное развитіе мысли, знанія, промышленности, дала цивилизованнымъ народамъ небывалую еще силу. Экономическое вліяніе Европы охватываетъ весь земной шаръ. Десять тысячъ европейцевъ берутъ Пекинъ, посреди 500.000,000 китайскаго населенія. Горсть англичанъ переходитъ черезъ невѣдомыя пустыни и неприступныя горы, и въ нѣсколько дней стираетъ съ лица земли повелителя Абиссиніи. Къ половинѣ текущаго столѣтія передъ нами окончательно обрисовалась грозная диллема: или перестроиться такъ, чтобъ умѣть развивать необходимое нынче количество силъ для питанія и самообороны страны, или раздѣлить участь Индіи, Турціи, Египта, участь всѣхъ народовъ, оказавшихся неспособными своевременно поставить свою цивилизацію на одинъ уровень съ европейской.

При первыхъ слухахъ о войнѣ съ европейской коалиціей, умирающій Грановскій задавался мучительнымъ вопросомъ: «Да съ чѣмъ-же мы станемъ воевать противъ цивилизаціи?» Послѣдствія не замедлили оправдать предчувствія замѣчательнаго профессора, и Крымская кампанія открыла безотрадную картину нашего внутренняго безсилія.

Съ тѣхъ поръ прошло цѣлыхъ 30 лѣтъ. Нѣкоторые веселые публицисты и до сихъ поръ самодовольно говорятъ объ этомъ періодѣ «самоуглубленія», «собиранія силъ» и т. п. И однако-же «новая Россія» понинѣ представляетъ самую пеструю смѣсь всевозможныхъ начинаній, самыхъ противоположныхъ принциповъ. Правительство дѣлаетъ громкій призывъ къ разуму и совѣсти народа, указывая на необыкновенное развитіе неправды и хищенія: наиболѣе чуткіе люди, самыхъ противоположныхъ лагерей, требуютъ «цѣлостнаго обновленія». Объ отношеніи къ намъ Европы не хочется и упоминать. Что-же означаетъ все это? Мы не надеемся къ числу людей, отчаявающихся въ судьбахъ Россіи. Мы вѣримъ въ жизненную силу русскаго народа, столько разъ его спасавшую въ самые тяжелые моменты историческихъ испытаній. Но нельзя-же, однако, не видѣть, все-таки, что до сихъ поръ наши попытки обновленія, даже такія крупныя, какъ 19 февраля 1861 года, не привели насъ ни къ чему прочному. Нельзя не видѣть, что выдушленіе новой Россіи изъ стараго кокона крѣпостничества совершается страшно медленно, и, что еще хуже, слишкомъ безсистемно, бессознательно, безъ яснаго пониманія народомъ смысла той эпохи, которую ему приходится переживать.

Возвратимся, однако, къ публицистикѣ. Положеніе Россіи, охарактеризованное выше, и въ опѣнкѣ котораго у меня не можетъ быть никакихъ разногласій ни съ г. Аксаковымъ, ни съ г. Катковымъ или г. Кошелевымъ, вообще ни съ однимъ сколько-нибудь умнымъ и развитымъ человѣкомъ, — положеніе это именно такого рода, при которомъ порядочная публицистика не только нужна, а просто необходима для правильнаго развитія Россіи. Нѣтъ сомнѣнія, что отсутствіе ея играло очень сильную роль въ томъ фактѣ, что мы цѣлыхъ 30 лѣтъ не можемъ разобраться даже въ основаніяхъ своего общежитія. Сложность и запутанность современныхъ общественныхъ и даже вообще человѣческихъ отношеній требуютъ теперь для обмѣна мысли гораздо болѣе усовершенствованныхъ способовъ, чѣмъ въ какія-нибудь древнія времена. Старые способы — домашняя бесѣда, пнсмо, рынокъ, клубъ сдѣлались слишкомъ ничтожны сравнительно съ потребностью. Широко развитая пресса составляетъ такое-же необходимое орудіе умственной жизни народа, какимъ являются желѣзныя дороги, па-

роходы и телеграфы для его экономических отправленій, и это даже при обыденномъ, нормальномъ теченіи дѣлъ. Что-же сказать о всякихъ переходныхъ эпохахъ, когда общество до извѣстной степени пересоздается, когда нужно приводить въ соглашенію самыя противоположныя стремленія и интересы, и когда притомъ требуется дѣлать это быстро, не затягивая неурядицы на долгій срокъ? Да, конечно, публицистика намъ очень нужна. Это большое несчастье, что мы принуждены обходиться безъ ея услугъ. Обойтись-то мы, конечно, обойдемся, но сколько, благодаря этому, потерпимъ лишнихъ страданій, сколько лишнихъ лѣтъ безалабернаго времени, сколько бесплодныхъ попытокъ на ощупь, въ потемкахъ!...

II.

Послѣ сказаннаго въ предыдущей главѣ, читатели вѣроятно и не ожидаютъ отъ меня, чтобы я посвятилъ свое обозрѣніе разбору принциповъ, выдвигаемыхъ въ жизнь нашей публицистикой. Этотъ разборъ интересенъ только тогда, когда публицистика представляетъ нѣкоторую живую общественную силу, и потому знакомить насъ съ распредѣленіемъ направленій и партій. Этотъ разборъ могъ-бы быть пожалуй интересенъ и теперь собственно, какъ средство парализовать вредное вліяніе деморализованной публицистики. Но такая задача требуетъ болѣе мѣста, нежели я располагаю. Поэтому я ограничусь только разсмотрѣніемъ тѣхъ условий, которыя низводятъ публицистику до ея современнаго жалкаго состояніи.

Хроника текущаго года въ этомъ отношеніи говоритъ краснорѣчивѣе, чѣмъ всякія разсужденія. Годъ былъ вообще крайне неблагоприятный. Мы потеряли за это время нѣсколько журналовъ и газетъ, другія вынуждены были къ болѣе или менѣе продолжительному молчанію; множество вопросовъ въ разное время были совершенно изъяты изъ обсужденія, много статей не могли появиться на свѣтъ, вслѣдствіе независимыхъ отъ редакцій обстоятельствъ и т. д. Вообще годъ былъ, повторяю, тяжелый. Онъ ничего не создалъ, но многое уничтожилъ, и особенно энергично уничтожалъ въ литературѣ всѣ слѣды ея недавняго оживленія...

Это оживленіе, которому мы были свидѣтелями года два тому назадъ, сопровождалось, какъ извѣстно читателямъ, совершенно новой группировкой литературныхъ партій. Благодаря большей свободѣ, которую тогда сочло возможнымъ допустить правительство, у насъ въ короткое время появилось нѣсколько новыхъ журналовъ и газетъ—«Порядокъ», «Моск. Телеграфъ», «Земство» и

другія; сверхъ того, и старая журналистика оживилась, заговорила болѣе опредѣленнымъ языкомъ. Я надѣюсь, что мнѣ вѣтъ надобности напоминать читателямъ о направленіи этой обновленной журналистики, которое, сказать въ слову, повсемѣстно оказалось приблизительно одинаковымъ. Не говоря уже о старомъ грѣшникѣ Петербургѣ, въ самой Москвѣ, «хривительницѣ истинно русскаго духа», лучшая часть славянофильства выдвинула «Русскую Мысль», а земскія силы сгруппировались около «Земства»: журналы, какъ извѣстно, вполне солидарные по всѣмъ существеннымъ пунктамъ съ петербургскими лжелибералами. Въ той-же Москвѣ появился «Моск. Телеграфъ», газета съ довольно выдержаннымъ въ Россіи либеральнымъ направленіемъ. Тоже самое оказалось въ провинціи, гдѣ появился еще не компрометировавшій себя «Южный Край» и т. д. Нельзя не обратить вниманія на тотъ знаменательный фактъ, что вмѣстѣ съ оживленіемъ журналистики старыя «спасители общества» стали быстро отодвигаться на задній планъ, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ вліяніе «лжелиберальной» публицистики сдѣлалось безусловно преобладающимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось, что мы далеко не такъ бѣдны и «публицистическими силами». Въ этомъ положеніи дѣла оставались до тѣхъ поръ, пока журналистика противоположнаго направленія была предоставлена исключительно собственнымъ силамъ и талантамъ. Однако поддержка не замедлила скоро появиться въ видѣ цѣлаго ряда обстоятельствъ, перечислять которыхъ здѣсь не мѣсто и не время, но общая тенденція которыхъ сдѣлала то, что пресса снова отступила къ типу 78—79 годовъ.

Въ настоящемъ году пресса пережила много испытаній, отъ которыхъ не избавлялись иногда даже такіе органы, какъ «Минута» *). Воспрещенію розничной продажи подвергались такіе газеты, какъ «Петерб. Листокъ» или «Моск. Газета», которыя существуютъ почти исключительно розничной продажей. «Московск. Газета», органъ новый, еще не оперившійся, потеряла право розничной продажи черезъ мѣсяцъ по выходѣ своемъ въ свѣтъ (1 авг.). Но особенно не повезло съ самаго начала года наиболѣе виднымъ представителямъ либеральной прессы. «Порядокъ», значительно пострадавшій еще въ прошломъ году, былъ приостановленъ 9 января и окончательно ликвидировалъ дѣла. «Моск. Телеграфъ» не разъ подвергался взысканіямъ. Новый годъ нанесъ ему новыя удары. Въ началѣ января газета получила первое предостереженіе, за которымъ черезъ 10 дней послѣдовало второе, а

*) Приостановлена на 3 мѣсяца въ июлѣ, за нарушеніе министерскаго постановленія, воспрещавшаго гласное обсужденіе нѣкоторыхъ вопросовъ.

еще через мѣсяць третье, съ приостановкой на 4 мѣсяца. Немного счастливѣе оказался «Голосъ», которому постоянно періодически приходилось сидѣть «на половинномъ окладѣ», благодаря воспрещенію розничной продажи. Первое предостереженіе газета получила уже въ январѣ, потерявъ при этомъ право розничной продажи. Въ мартѣ «Голосъ» былъ амнистированъ. 23 іюня онъ опять потерялъ розничную продажу. Черезъ мѣсяць — амнистированъ... Положеніе трудное, фатальное. прежде всего возбуждающее вопросъ, въ какихъ размѣрахъ можно имѣть свое сужденіе? Конечно есть средство разрѣшить всѣ недоумѣнія: стоитъ только разъ навсегда устранить изъ употребленія живую рѣчь, но кому-же это пріятно, даже съ точки зрѣніи услѣпшой подписки? Точно также, можно-бы разъ на всегда изъ предосторожности не подходить къ «вопросамъ» на 1,000 верстъ, но кто-же станетъ читать такую газету? Естественно появляются колебанія, нерѣшительность, безцвѣтность, «съ одной стороны нельзя не сказать, но съ другой должно сознаться» и т. д.

Но какъ не страшны для журналистики испытанія, они обезцвѣчиваютъ ее всетаки менѣе, чѣмъ почтительное удаленіе отъ вопросовъ. Такое положеніе окончательно обезличиваетъ прессу, придавая ей видъ чего-то ограниченнаго, тупоголоваго, неспособнаго оцѣнивать дѣйствительную важность текущихъ событій. Молчать именно тогда, когда публика ждетъ твоего слова, молчать именно о томъ, оцѣнка чего наиболѣе интересуется читателей: можетъ-ли быть лучший способъ для того, чтобы окончательно дискредитировать себя въ глазахъ общества и потерять всякое его довѣріе къ себѣ? Одно изъ лучшихъ изданій, «Земство», вынуждено было прекратить свое существованіе, именно, благодаря такому положенію дѣлъ. «Подчинясь, говоритъ редакція въ своемъ предсмертномъ объясненіи *),—подчинясь наравнѣ съ другими всѣмъ распоряженіямъ, наше изданіе стало въ условія особенно неблагоприятныя... Невозможность печатать свѣдѣнія о дѣятельности общественныхъ учрежденій лишило насъ нашего главнаго матеріала. Приходилось поэтому либо обходить молчаніемъ всѣ вопросы, сколько нибудь щекотливые, либо прибѣгать къ езоповскому языку. Уважая свое изданіе, мы предпочли лучше молчать, чѣмъ говорить иносказаніями, но это не могло расположить въ нашу пользу читателей и оказало крайне неблагоприятное вліяніе на ходъ подписки». Эта скорбная исповѣдь какъ нельзя лучше характеризуетъ положеніе. Дѣйствительно, «Земство», напр., по самой задачѣ своей, поставило себя лицомъ къ лицу съ вопросомъ о реформѣ общественной орга-

*) Которое я сокращаю.

низации. Тутъ ужъ нельзя отдѣливаться общими фразами, или, за невозможностью серьезнаго разговора, забавлять публику анекдотами, какъ дѣлаютъ «иные прочіе». Безцвѣтное «Земство» не имѣетъ смысла и никому не нужно, а сдѣлаться интереснымъ изданіемъ нельзя. Судьбу журнала поэтому можно было заранѣе безошибочно предсказать съ того момента, когда даже выраженіе «правовой порядокъ» стало дѣлаться синонимомъ «иллюзи». Такова-же судьба и всякаго журнала, пытающагося стать органомъ какого-нибудь живого и дѣятельнаго направленія, т. е., другими словами, желающаго работать надъ выясненіемъ какого-нибудь практически осуществимаго плана. Недурной образчикъ этого представляетъ «Русская Мысль», у которой постоянно оказываются приключенія. Чѣмъ ближе вообще подходитъ изданіе къ практической жизни, тѣмъ сильнѣе сталкивается съ неблагоприятными обстоятельствами, не смотря ни на какую умѣренность. Область чистой теоріи, конечно, болѣе свободна, но публика, какъ нарочно, требуетъ болѣе всего именно практики, т. е. указанія способовъ, которыми теорія можетъ осуществиться при данныхъ условіяхъ. Да нельзя сказать, чтобы и публика не была права. Вѣдь, какъ хотите, мы вотъ уже лѣтъ 50 теоретизируемъ: немудрено, что у каждаго давнымъ давно сложилось извѣстное представленіе о томъ, что нужно дѣлать. Теперь всѣхъ занимаетъ вопросъ, какъ нужно приступать къ дѣлу, а на этотъ единственно жгучій запросъ жизни публицистъ принужденъ отвѣчать нисколько не глубокомысленнымъ молчаніемъ. Публика, конечно, понимаетъ, что на это у писателя есть волюнѣ уважительные резоны, и не обвиняетъ его. Но, съ другой стороны, она, въ свою очередь, не имѣетъ никакихъ резоновъ раскупать безодержательную печатную бумагу, хотя бы ее продавали умнѣйшіе люди. Въ общей сложности выходитъ, что мы въ теченіи года видѣли много литературныхъ могилъ.

Если читатель представитъ себѣ теперь общую картину тѣхъ условій, среди которыхъ приходится дѣйствовать прессѣ, то онъ, конечно, не станетъ и спрашивать, чѣмъ-же пополнилъ 1882 годъ пробѣлы, произведенные имъ въ рядахъ журналистики. Понятно, что условія для старыхъ-ли, для новыхъ-ли изданій остаются одинаковы. Поэтому большинство журналовъ и газетъ новыхъ, появившихся въ текущемъ году, совсѣмъ не относятся къ области политической литературы. Изданія эти чаще всего имѣютъ чисто-спеціальныя характеры: «Инженеръ», «Морское Обзорѣніе», «Клиническій Сборникъ», «Русскій Садоводъ», «Русскій Спортъ» даже, — все болѣе въ этомъ родѣ. Новыя-же политическія изданія оказываются еще безцвѣтнѣе старыхъ или представляютъ простой сколокъ старыхъ изданій. Никакихъ новыхъ, свѣжихъ силъ за текущій годъ

въ литературу не прибыло, и она, въ отношеніи своей внутренней цѣнности и вліянія на общество, остается съ чистымъ дефицитомъ.

III.

Краткій періодъ оживленія нашей печати, о которомъ я упоминалъ въ предыдущей главѣ, отмѣтилъ себя между прочимъ еще самыми розовыми надеждами относительно регулированія положенія литературы. Читатели помнятъ, конечно, что года два тому назадъ было обращено вниманіе на безпрерывныя жалобы журналистики и назначена для пересмотра законовъ о печати особая коммисія, куда были приглашаемы для выслушанія ихъ мнѣній и представители нѣсколькихъ безцензурныхъ изданій. Правда, это случилось всего одинъ разъ, и притомъ довольно неудачно, такъ какъ гг. редакторы и издатели не нашлись порекомендовать коммисіи ровно ничего. Тѣмъ не менѣе все это возбудило въ свое время много толковъ. Потому работы коммисіи затянулись, затухали и, мало по малу, скрылись съ горизонта. Объ ожидавшемся тогда пересмотрѣ нынѣ дѣйствующихъ законовъ о печати перестали, мало по малу, даже говорить; но лѣтомъ 1882 г. снова появились слухи о какихъ-то дополненіяхъ къ этимъ законамъ, а 14 сентября былъ дѣйствительно опубликованъ и новый законъ.

Новый законъ не имѣетъ преобразовательнаго характера, а составляетъ только «временное» дополненіе къ нынѣ дѣйствующимъ правиламъ, и притомъ составленъ съ специальной цѣлью сдѣлать болѣе дѣйствительнымъ наблюденіе за органами прессы. Сущность «Временныхъ правилъ» 14 сентября состоитъ собственно въ томъ, что каждая газета, допустившая себя получить три предостереженія, отдается *ipso facto* подъ цензуру или временно, или даже безсрочно. Что касается изданій, умѣвшихъ сохранить за собою право выходить безъ предварительной цензуры, то они обязаны, по первому требованію, отгрызать имена авторовъ и корреспондентовъ. Остальные пункты новаго закона особеннаго значенія не имѣютъ.

«Временныя правила» 14 сентября, какъ показываетъ и самое ихъ заглавіе, не могутъ служить доказательствомъ, чтобы правительство отказалось совершенно отъ мысли коренной реформы законовъ о печати, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, что временно эта реформа признается нежелательной. Безъ сомнѣнія, на это есть свои резоны. Такимъ образомъ является вопросъ о томъ, что въ данный моментъ представляется наиболѣе удобнымъ: печать-ли развитая, политическая и вліятельная, или-же печать безталанная и безцвѣтная? Мы не считаемъ себя, конечно, компетентными въ

рѣшеніи подобныхъ вопросовъ. Но имѣя въ виду, что нѣтъ данныхъ усмотрѣть положительный отказъ отъ давно предполагаемаго пересмотра правилъ о печати, мы считаемъ не бесполезнымъ продолжать свое разсмотрѣніе той связи, которая существуетъ между вѣдшимъ положеніемъ журналистики и ея внутреннимъ содержаніемъ. Вопросъ очень старый, но «Временныя правила» 14 сентября придаютъ ему новый интересъ.

Основную черту въ положеніи нашей печати составляетъ принципъ *регулюванія*, закрѣпленный теперь новымъ закономъ на неопредѣленное время. Печатное слово признается, по крайней мѣрѣ въ потенціи, значительной силой; а такъ какъ всякая сила можетъ быть направлена не только на добро, но и на зло, то вмѣстѣ съ тѣмъ признается необходимымъ регулировать прессу, предоставляя извѣстную свободу дѣйствія элементамъ благонамѣреннымъ и неукоснительно подавляя все неблагонамѣренное. Отсюда протстекаетъ та или другая система.

Съ перваго взгляда этотъ принципъ представляется вполне разумнымъ, или ужь во всякомъ случаѣ—естественнымъ въ странѣ, гдѣ завѣдываніе общественной жизнью находится въ рукахъ администраціи. Но дѣло въ томъ, что это сосредоточеніе, эта бюрократизація всѣхъ жизненныхъ отправленій государства, давно уже само подвергается сильнымъ нападкамъ съ самыхъ различныхъ сторонъ. Славянофильство «Руси», напр., выставяетъ на видъ, что основной законъ нашего государства—самодержавная, неограбиченная монархія—вовсе не требуетъ непремѣннаго господства бюрократіи. Самодержавная власть имѣетъ, конечно, право поручить завѣдываніе тѣмъ или другимъ дѣломъ своему чиновнику, но настолько-же можетъ передать это дѣло и на руки, положимъ, земству, оставаясь въ обоихъ случаяхъ одинаково Самодержавною. Мы дѣйствительно имѣли въ собственной исторіи крупный примѣръ этого, напримѣръ, во время крѣпостного права, когда въ рукахъ дворянства была сосредоточена почти вся полиція государства, и, однако, власть настолько сохранила всю свою независимость, что могла по первому желанію произвести освобожденіе крестьянъ,—реформу, крайне тяжелую для дворянства. Нельзя къ слову не замѣтить, что полицейскій надзоръ въ рукахъ дворянства былъ организованъ едва-ли хуже, чѣмъ при исключительно коронной полиціи. Возвращаясь къ печати, мы точно также можемъ замѣтить, что едва-ли надзоръ за нею всегда точно выражалъ волю власти. Такъ напр. извѣстно, что гениальнѣйшій изъ нашихъ писателей—Гоголь, только благодаря личному вмѣшательству Императора Николая могъ поставить на сцену «Ревизора». Пушкинъ также считалъ себя во многомъ обязаннымъ Императору Николаю,

хотя, къ сожалѣнію, исторія показываетъ, что даже покровительство Государя не могло спасти великаго поэта отъ интриги, въ которую была сильно замѣшана тогдашняя администрація, и результатомъ которой была преждевременная кончина Пушкина. Мы видимъ такимъ образомъ, что воля власти можетъ быть достаточно хорошо проводима въ дѣлахъ, славныхъ на руки какому-нибудь общественному управленію, и, съ другой стороны, можетъ быть плохо выражаема чиновниками. Упоминаю объ этомъ фактѣ (фактъ это несомнѣнный) для того, чтобы обезопасить себя сколько-нибудь отъ нападокъ нашего реакціоннаго якобинизма, который имѣетъ недобросовѣстную привычку каждое малѣйшее указаніе на некомпетентность въ томъ или другомъ дѣлѣ администраціи приравнять къ нападенію на самый принципъ.

Возвратимся теперь къ регулированью прессы.

Первый вопросъ, который представляется при этомъ, слѣдующій: какъ отличить благонамѣренное отъ неблагонамѣреннаго? Уже почти сто лѣтъ тому назадъ, при самомъ учрежденіи цензуры наше законодательство признало невозможнымъ опредѣлить дозволенное и недозволенное для печати какими-нибудь ясными и точными параграфами. Послѣдующая практика цензуры еще болѣе выяснила этотъ вопросъ, и въ настоящее время о немъ не можетъ быть спору, какъ не спорить о томъ, сколько составляетъ дважды-два. Мѣриломъ благонамѣренности можетъ служить только благо общества или государства, а вопросъ о томъ, что именно для него полезно или вредно, требуетъ обсужденія и взвѣшиванія обстоятельствъ въ каждый данный моментъ. Даже въ шахматной игрѣ нельзя опредѣлить заранѣе, что переходъ такой-то фигуры на такую-то клітку всегда и безусловно вреденъ: все зависитъ отъ расположенія фигуръ. А вѣдь въ человѣческомъ обществѣ фигуры расположены посложнѣе, чѣмъ на шахматной доскѣ. Вслѣдствіе этого опредѣленіе благонамѣренности каждаго даннаго мнѣнія или статьи не можетъ быть сдѣлано на основаніи точнаго и нелицеприятнаго закона, а должно быть волей-неволей предоставлено личному усмотрѣнію какого-нибудь человѣка. Не трудно видѣть, какое широкое поле предоставляется въ этомъ случаѣ капризу, и не по причинѣ чьей-нибудь злой воли, не въ качествѣ какого-нибудь злоупотребленія, а по самой сущности личнаго усмотрѣнія, не регулированнаго точнымъ закономъ.

Судить мнѣнія—дѣло вообще трудное. Вопросы объ истинѣ, благѣ и пользѣ—всегда спорны. Много нужно думать надъ ихъ разрѣшеніемъ, и думать честно, страстно, свободно. Если человѣчество изъ своего тысячелѣтняго историческаго опыта вывело хоть одинъ не подлежащій сомнѣнію урокъ, то онъ состоитъ именно въ

томъ, что истина достигается только свободнымъ исканіемъ. Поэтому, съ общей теоретической точки зрѣнія невозможно отыскать совершенно никакихъ границъ, которыя можно было-бы сколько-нибудь разумно поставить этой свободѣ исканія истины. Разумѣется, практическій государственный дѣятель не можетъ стоять на этой точкѣ зрѣнія: онъ имѣетъ въ виду интересы дня, и не можетъ ими жертвовать отвлеченной идеѣ, тѣмъ болѣе, что конечно подъ фирмой исканія истины очень часто можетъ дѣйствовать глупость и злонамѣренность. Но предоставляя практическимъ политикамъ тяжелую задачу согласить интересы дня съ интересами вѣчнаго прогресса, мы все-таки повторяемъ, что эти послѣднія достигаются только свободой совѣсти, мысли и слова. Въ этомъ случаѣ надъ личностью нельзя признать даже власти большинства. Развѣ мы не знаемъ дѣйствительно, что большинство всегда считало въ свое время каждаго великаго новатора ересіархомъ, безумцемъ, неблагонамѣреннымъ? Власть общества надъ личностью теоретически, имѣетъ разумное основаніе только въ области поступковъ, а не въ сферѣ мысли и слова, которая по существу должна быть достояніемъ свободнаго убѣжденія, вдохновенія и изслѣдованія.

Судить мнѣнія, повторяю, дѣло очень трудное. Въ этомъ случаѣ нельзя признать безусловной компетенціи даже суда присяжныхъ. Сократа осудилъ на смерть судъ присяжныхъ. Но, конечно, если ужъ допускать контроль надъ совѣстью и мыслью человѣка, то судъ присяжныхъ представляетъ все-таки нѣсколько больше гарантій. Судьи здѣсь, если не всегда, то по крайней мѣрѣ часто, — состоятъ изъ людей, лично не заинтересованныхъ въ дѣлѣ, и потому могутъ быть хоть безпристрастны. Регуляція-же не можетъ отличаться безпристрастіемъ. Я говорю это не въ укоръ, а скорѣе въ похвалу ей. Естественно, что каждый порядочный человѣкъ дѣлаетъ только то, что считаетъ полезнымъ и справедливымъ. Чѣмъ беззавѣтнѣе человѣкъ преданъ своему дѣлу, тѣмъ досаднѣе ему кажется всякая помѣха въ осуществленіи его плановъ, тѣмъ легче, стало быть, онъ можетъ усмотрѣть во всякой оппозиціи нѣчто злонамѣренное. Все это такъ понятно, что правило—не допускать заинтересованную сторону быть судьей въ собственномъ дѣлѣ—давно признано первымъ условіемъ справедливаго суда. Въ отношеніи къ печати однако это упускается изъ виду, такъ какъ безконтрольное право опредѣляетъ благонамѣренность писателя, который совершенно неизбѣжно принужденъ разбирать дѣятельность самой администраціи и не рѣдко становится къ ней въ оппозицію. Нужно быть не человѣкомъ, а ангеломъ для того, чтобы при такихъ условіяхъ сохранить безпристрастіе. Я

даже скажу больше: нужно не любить своего дѣла, не вѣрить въ собственное дѣло для того, чтобы сохранить безпристрастіе въ качествѣ судьи собственныхъ интересовъ.

Прямымъ послѣдствіемъ этого является уничтоженіе независимости прессы. Дѣйствительно, мѣриломъ благонамѣренности писателя въ этомъ случаѣ фактически становится уже не принципъ общественной пользы, а соотвѣтствіе литературной дѣятельности писателя съ видами администраціи. Это дѣлается само собой, совершенно непредназначенно, но въ то-же время совершенно неизбежно. Мы уже слышали отъ самыхъ либеральныхъ государственныхъ дѣятелей: «Ахъ, господа, вы мнѣ ужасно мѣшаете своею нетактичностью...» Выходитъ такая штука: въ видахъ многихъ административныхъ лицъ—дать прессѣ большую свободу; но нетактичность газетъ и журналовъ становится поперекъ дороги къ осуществленію этой цѣли, и на этомъ основаніи пресса подвергается испытанію. О дѣятеляхъ, принципиально не одобряющихъ вмѣшательства прессы въ общественные дѣла, нечего, разумѣется, уже и толковать. Да оно и у каждаго конечно выйдетъ то-же самое. Въ сущности, если допустить, что благонамѣренно лишь то, что согласно съ намѣреніями администраціи, то всякая печать, кромѣ официальной, должна быть прямо признана ненужной и вредной, такъ какъ частный человѣкъ не можетъ быть всегда достаточно ознакомленъ съ этими видами, и стало быть уже по одному невѣдѣнію постоянно рискуетъ сболтнуть что-нибудь «вредное». Но, самое главное: вѣдь и виды администраціи не представляютъ изъ себя чего-нибудь неподвижнаго, разъ навсегда опредѣленнаго и застывшаго. Они мѣняются сообразно съ тысячею обстоятельствъ, и это отнимаетъ у контроля за благонамѣренностью всякую руководящую нить. Будучи послѣдовательны, мы должны-бы признать напр. «Моск. Вѣд.» безукоризненнымъ изданіемъ въ 1879 году, въ 1880 году ихъ нужно запретить за неблагонамѣренность, а съ 1881 опять разрѣшить. Замѣйте, читатель, это вовсе не моя фантазія; вспомните литературную дѣятельность И. Аксакова, у котораго было запрещено три газеты, хотя онѣ слово въ слово повторяли то, что говорить теперь «Русь».

IV.

Я сказалъ, что контроль естественно приводитъ на практикѣ къ отождествленію общественнаго блага съ требованіями политики каждаго даннаго момента, а смѣшеніе этихъ двухъ понятій, въ качествѣ мѣрила благонамѣренности, быстро приводитъ прессу къ деморализаціи. На этомъ важномъ обстоятельствѣ слѣдуетъ остановиться болѣе подробно. Дѣло въ томъ, что тутъ происхо-

дѣть, такъ сказать, естественный подборъ бездарности и политической безнравственности. Человѣкъ умный, талантливый наконецъ просто честный, не можетъ мѣнять свои убѣжденія, какъ костюмы, вышедшіе изъ моды, и литература, требующая отъ писателя флюгерскихъ способностей, не представляется вовсе особенно заманчивой карьерой. Изъ за чего въ самомъ дѣлѣ честный человѣкъ будетъ продавать свою совѣсть? Слава Богу, въ Россіи есть довольно честнаго труда, занимаясь которымъ нѣтъ надобности подвергать себя тѣмъ нравственнымъ униженіямъ, какія выпадаютъ нерѣдко на долю публициста. Вдумайтесь, напр., въ такой эпизодъ. «Голосъ» написалъ однажды статейку противъ литературнаго сыска. Кажется—не велико преступленіе. Кажется есть, же нравственныя понятія обязательныя при всякой политикѣ, и высказанныя «Голосомъ» уже совсѣмъ элементарны. И однако-же до того заѣзжая и захлестанъ нашъ злосчастный публицистъ, что почтенная редація немедленно перепугалась своей «смѣлости», и на другой-же день, да еще въ передовой статьѣ, поспѣшила «объясниться». (Голосъ, 82 годъ, 8 апрѣля—черезъ 26 дней послѣ разрѣшенія розничной продажи). Вдумайтесь теперь, читатель, въ эти строки. Какъ вы думаете, что должно быть на душѣ у человѣка, принужденнаго ихъ писать? Вы видите, ему хочется остаться сколько-нибудь порядочнымъ, и посмотрите, что онъ пишетъ! А мотивировка? «Мы знаемъ, какой отвѣтственности подвергаемся»... Хорошо принципъ, хороши основанія нравственности и политики. И это «публицистика»! Да какъ-же тутъ не бѣжать изъ литературы, бѣжать куда угодно.

Впрочемъ, если-бы человѣкъ, неспособный поступаться убѣжденіями изъ за различной продажи, и не бѣжалъ самъ изъ литературы, то онъ былъ-бы мало-по-малу вытѣсненъ другимъ способомъ. За одни убѣжденія разсердится X, за другіе Y, за третьи Z. Этимъ способомъ честный человѣкъ выбываетъ постепенно изъ всѣхъ лагерей. Нравственная ничтожность выживаетъ при всѣхъ обстоятельствахъ и накапливается на всѣхъ пунктахъ. Происходить это, конечно, не потому, чтобы подобные господа могли нравиться кому бы то ни было. Но отвращеніе еще не есть достаточный поводъ. Одновременно съ этимъ происходитъ пониженіе и умственнаго уровня публицистики. Бездарность никому не опасна, а иногда даже кажется полезною въ лагерѣ противниковъ; поэтому она во всякую эпоху также сохраняется и выживаетъ. Умъ сильный, логическій, а тѣмъ паче оригинальный, напротивъ, непременно кому-нибудь опасенъ, и непременно съ чьей-нибудь точки зрѣнія будетъ признанъ неблагонамѣреннымъ. Такимъ путемъ талантъ также въ свою очередь вытѣсняется мало-по-малу изъ области литератур-

наго труда, тѣмъ болѣе, что при монополіи, которая создается въ прессѣ при такихъ условіяхъ, литературные предприниматели не имѣютъ особенной надобности дорожить талантами.

Мы приходимъ теперь къ другому послѣдствію такого положенія къ *литературной монополіи*, которая появляется потому, что право говорить и писать очень быстро сосредоточивается въ рукахъ немногихъ лицъ. До какой степени сильна монополія, мы можемъ видѣть изъ того, что право издавать газету или журналъ «арендуется» у «благонамѣренныхъ» лицъ иногда за огромныя суммы; въ очень недавномъ прошломъ мы легко можемъ также припомнить цѣлые годы, когда невозможно было получить дозволенія на всякое новое политическое изданіе. Имѣть однако въ рукахъ своихъ подобную монополію и не злоупотреблять ею, — это вещь чрезвычайно трудная даже для человѣка съ очень высокими нравственнымъ развитіемъ. Мы-же видѣли уже, что при данномъ положеніи дѣлъ, умственный и нравственный уровень публицистики напротивъ чрезвычайно понижается. Легко понять, къ чему приводитъ монополія, попадающая въ подобныя руки. Конкуренціи направленій—нѣтъ; людей, которые могли-бы выводить на свѣжую воду нечестность, софизмъ и умственное убожество—нѣтъ, или по крайней мѣрѣ они связаны тысячью препятствій. Монополисту нечего бояться, нечѣмъ стѣсняться, и мы видимъ, что они дѣйствительно не стѣняются. Въ концѣ концовъ литературная борьба начинаетъ вестись самымъ безстыднымъ образомъ. Перевернанье фактовъ и мнѣній противника, клевета дѣлаются обычнымъ орудіемъ пропаганды и полемики. До чего мы дошли уже въ этомъ направленіи, показываетъ возможность появленія гг. Цитовичей и Незлобинныхъ въ роли «публицистовъ». Впрочемъ, нѣтъ надобности обращаться къ такимъ, въ своемъ родѣ выдающимся личностямъ, для того, чтобы видѣть всю глубину паденія публицистики. Евгеній Марковъ, напр., не Незлобинъ, по нисколько не постѣснился обвинить громогласно своихъ литературныхъ противниковъ въ сообщничествѣ съ «краснолою». Самъ г. Аксаковъ, пользовавшійся до сихъ поръ высокою репутаціей честности, послѣ полугодовой монополіи сталъ уже практиковать въ полемикѣ самое предосудительное яко-бы «непониманіе» мнѣній противниковъ, обвиняя ихъ въ неимѣніи программы и прекрасно зная, что они не всегда имѣютъ возможность высказаться. Конечно, это очень легкій способъ побѣждать противниковъ. Что касается людей, привыкшихъ «не стѣняться» съ болѣе давняго времени, то о нихъ уже и толковать нечего. Они даже въ предѣлахъ собственнаго лагеря, даже между собою, позволяютъ себѣ рѣшительно все. «Новому Времени», напр., не понравилось

однажды, что г. Катковъ беретъ на себя защиту евреевъ, подвергнувшихся въ то время на югѣ самымъ варварскимъ преслѣдованіямъ. И вотъ газета начинается, безъ дальнѣйшихъ церемоній, объяснять поведеніе «Моск. Вѣд.» «чесночнымъ запахомъ въ редакціи». Но и «Моск. Вѣд.» со своей стороны не плошакуютъ. «Новое Время» напимѣръ пишетъ по поводу убійства генерала Стрѣльникова: «Смерть ген. Стрѣльникова заставляетъ насъ возвратиться къ старой темѣ. *Не уничтожена* еще крамола, и *не расчищенъ* еще тотъ лѣсъ, въ которомъ растетъ политическое убійство». Кажется ясно. Однако дней черезъ 10 «Моск. Вѣд.» допускаютъ на своихъ страницахъ такое размышленіе: послѣ всего этого (упоминаются разныя ужасы, будто-бы происходившіе въ Швейцаріи)— «можно-ли обольщать себя надеждою, что крамола у насъ *уничтожена* и что тотъ лѣсъ, въ которомъ растетъ политическое убійство,—*расчищенъ*, какъ думала редакція «Новаго Времени». Затѣмъ вообразите себѣ, слѣдуетъ прямая ссылка на тотъ № «Нов. Вр.», гдѣ, какъ я сейчасъ упомянулъ, говорится діаметрально противоположное! Редакція «Моск. Вѣд.» не потрудилась даже провѣрить №, хотя дѣло шло о г. Суворинѣ, почти постоянномъ союзникѣ «Моск. Вѣд.» и ужъ во всякомъ случаѣ солидарномъ съ ними во всемъ, что касается уничтоженія крамолы.

Монополія довершаетъ свое дѣло и уничтожаетъ въ журналистикѣ послѣдніе остатки политической чистоплотности. Она-же добываетъ и талантъ. Вообще талантъ, эрудиція и всякая положительная сила выдвигаются борьбой. Они необходимы тамъ, гдѣ есть конкуренція, борьба направленій и партій, гдѣ поэтому бездарность и невежество сотрудниковъ ведутъ изданія къ банкротству. При монополіи этого не можетъ случиться, потому что читатель не имѣетъ никакого выбора. Онъ долженъ брать все, что ни дадутъ. А между тѣмъ посредственность дешевле и покладистѣе, да и въ другомъ отношеніи иногда безопаснѣе. Когда-же дѣло доходитъ еще до слѣдующей ступени, и частныя изданія начинаютъ получать матеріальную поддержку извнѣ, тутъ ужъ талантъ окончательно дѣлается бесполезною роскошью для изданія. Какая надобность въ талантѣ была, положимъ, «Берегу»? Зачѣмъ нуженъ талантъ «Кіевлянину»? Ахъ, этотъ г. Пихно, неподобный г. Пихно! Обыкновенно всякія денежныя пособія болѣе или менѣе маскируются и прячутся. Но г. Пихно стоитъ выше подобныхъ щепетильностей, и о своей его субсидіи говорить совершенно прямо и открыто.

Здѣсь публицистика уже, такъ сказать, прекращается. Не всѣ конечно «Кіевлянины», на ряду съ «Кіевлянинами» и прочими подобными газетами (имена ихъ легче сказать, чѣмъ напечатать), мы имѣемъ до сихъ поръ и независимые органы. Но это происхо-

дѣть только потому, что есть еще народъ, общество, живая, дѣятельная мысль которыхъ борется за свое существованіе и тысячу путей стремится врваться въ литературу и постоянно мѣшаетъ системѣ дойти до своихъ логическихъ выводовъ.

V.

Такимъ образомъ, исходя даже изъ самыхъ прекрасныхъ побужденій, излишній контроль мало по малу приводитъ прессу къ полному паденію. Публицистика вырождается, мельчаетъ умственно и нравственно. Мерзость заустѣнія водворяется на мѣстѣ святомъ. Чѣмъ-же окупается это приниженіе публицистики и кому она можетъ быть полезна, доведенная до такого жалкаго состоянія?

Вспомнимъ, что такое пресса въ своемъ нормальномъ, здоровомъ состояніи. Это — орудіе отысканія истины. Она дѣлаетъ общедоступный сводъ фактовъ, характеризующихъ жизнь народа, его здоровыя и больныя мѣста, даетъ возможность легко и быстро провѣрять эти факты, наконецъ сопоставляетъ ихъ. Точно также пресса дѣлаетъ сводъ мнѣній и желаній, причемъ состоятельность этихъ мнѣній и желаній съ наибольшимъ удобствомъ сопоставляется и провѣряется. Народъ такимъ образомъ познаетъ посредствомъ прессы самого себя и окружающія его условія; различныя направленія, партіи, интересы, посредствомъ той-же прессы, гораздо легче могутъ приходиться къ соглашенію и, во всякомъ случаѣ, очень удобно предъявляются на судъ страны, которая получаетъ всѣ средства сдѣлать безошибочную оцѣнку добра и зла, пользы и вреда. Въ этомъ смыслѣ пресса является могучимъ орудіемъ умственной и общественной жизни народа и въ тоже время представляетъ въ себѣ вѣрное ея отраженіе.

Но для того, чтобы играть эту высокую роль, пресса должна быть независима. Свяжите прессу, подчините ее какимъ-нибудь служебнымъ цѣлямъ, и вы совершенно измѣните ея значеніе въ жизни народа. Она превращается тогда въ орудіе общественнаго самообмана, въ средство еще болѣе затемнять умы, запутывать мнѣнія и отношенія. Конечно, этотъ взглядъ нѣсколько парализуется оттого, что общество скоро замѣчаетъ поддѣлку и перестаетъ довѣрять прессѣ, но это уже вопросъ лишь о размѣрахъ вреднаго вліянія, а не о его качествѣ, которое, во всякомъ случаѣ, становится отрицательнымъ. Притомъ-же, какъ-бы ни было велико недовѣріе общества къ прессѣ, постоянный примѣръ нечестности не можетъ оставаться безъ вреднаго вліянія на массы, а сумбуръ, разносимый еженедѣльно по всѣмъ закоулкамъ страны въ сотняхъ тысячъ листовъ, въ лучшемъ случаѣ производитъ такое-же вліяніе, какъ если-бы въ странѣ находилось вдругъ нѣсколько лишнихъ сотъ

тысяч очень безтолковыхъ людей. Значеніе прессы извращается такимъ образомъ вполне, и она становится для развитія народной жизни даже не нулемъ, а нѣкоторой отрицательной величиной.

Не лучшую роль играетъ изуродованная пресса и по отношенію къ самому правительству. Въ нормальномъ состояніи она для правительства должна служить собственно только одну службу, хотя неизмѣримо важную: именно знакомить государственныхъ дѣятелей съ настроеніемъ общества, съ распредѣленіемъ и сравнительной силой различныхъ партій, наконецъ давать средства слѣдить вообще за положеніемъ страны и за ходомъ самого механизма. Понятно, что съ той минуты, когда голосъ прессы уже не имѣетъ ничего общаго съ голосомъ народа, она дѣлается совершенно неспособною къ такой службѣ, и наоборотъ—становится источникомъ постоянного самообмана. Но въ то-же время напрасно мы стали-бы утѣшать себя соображеніемъ, что пресса, потерявъ высокую цѣну въ другихъ отношеніяхъ, превращается зато въ послушное орудіе и дѣлается проводникомъ. Ничего не можетъ быть ошибочнѣе. Позволю себѣ замѣтить, впрочемъ, что едва-ли власть и нуждается вообще въ подобныхъ проводникахъ. Ей нужно только одно: чтобы знали ея намѣренія и предназначанія; а для этого вполне достаточно немногихъ чисто и открыто официальныхъ органовъ. Убѣждать-же въ достоинствахъ той или другой политики—это, по малой мѣрѣ, излишне. Мы понимаемъ, что люди, которые ищутъ у общества позволенія сдѣлать то или другое,—принуждены, конечно, прибѣгать къ словеснымъ убѣжденіямъ, къ логическимъ доводамъ въ пользу своихъ плановъ. Но если я имѣю право дѣйствовать, то долженъ доказывать цѣлесообразность своихъ дѣйствій не словами, а дѣлами, фактами. Довѣріе пріобрѣтается только такимъ путемъ, потому что словесныя увѣренія со стороны того, кто имѣетъ возможность фактами убѣждать людей, представляются скорѣе нѣсколько странными и производятъ впечатлѣніе нѣкоторой неувѣренности. Впрочемъ, какъ-бы то ни было, если даже признать полезнымъ проведеніе какой-бы то ни было политики путемъ печати, то все-таки деморализованная пресса вовсе неспособна служить для этой цѣли. Человѣкъ, завѣдомо продажный или способный, по общему мнѣнію, изъ малодушія поступаться убѣжденіями, не внушаетъ къ себѣ довѣрія и можетъ только компрометировать дѣло, которое берется защищать, и особенно если становится на сторону силы. Въ этомъ отношеніи, на-примѣръ, всѣмъ еще памятна публицистическая карьера г. Цитовича, повредившая дѣлу порядка, конечно, гораздо болѣе, чѣмъ самая рѣзкая революціонная пропаганда. Сверхъ того, чтобы защищать какую-бы то ни было политику, нужно все-таки имѣть

умъ, талантъ, знаніе. Тѣ же самыя условія, которыя дѣлаютъ прес-су невѣжественной и бездарной, отнимаютъ у нея способность быть сколько-нибудь сноснымъ проводникомъ извѣстной идеи. Ко-го, напримѣръ, могутъ убѣдить «Спб. Вѣдомости», со своей фило-софіей, буквально достойной гимназиста V класса? Какую полити-ку способна проводить «Минута», для которой всякій грамотный фельдфебель или лавочный сидѣлецъ могли-бы смѣло писать пере-довыя статьи? Замѣчательно, къ слову сказать, что такой феноме-нально низкій уровень развитія представляетъ «благонамѣренная» публицистика именно новѣйшихъ формаций, выработавшаяся при полномъ отсутствіи конкуренціи. Гг. Катковымъ и Авсаковымъ приходилось воспитываться при лучшихъ условіяхъ. Они когда-то шли передъ собой серьезныхъ противниковъ, и ничего отъ этого не потеряли. По крайней мѣрѣ во всемъ ретроградномъ лагерѣ это два единственные челоуѣка, способные постоять за свое міро-созерцаніе. Гибельное вліяніе монополіи однако отражается и на этихъ, безспорно талантливыхъ, публицистахъ, и не позволяетъ имъ создать органы сколько-нибудь солидные. Это особенно хорошо видно по «Моск. Вѣд.», которыя, незамѣтно для себя, потеряли все свое вліяніе на общество и дошли до такой безсодержатель-ности, что если въ № нѣтъ личной статьи Каткова, то хоть прямо бросай газету не читая. А все почему? Потому, что монополюная редакція слишкомъ привыкла къ легкимъ побѣдамъ надъ молчали-выми противниками, отвыкла думать, отвыкла провѣрять себя и не имѣетъ ни малѣйшей надобности заботиться о сильномъ персо-налѣ сотрудниковъ. По той-же дорожѣ быстрыми шагами подви-гается «Русь», уже успѣвшая оттолкнуть отъ себя даже лучшую часть славянофильства... Все это очень понятно. Вѣдь если моно-полюная газета не слышитъ возраженій, это еще не значить, чтобы ихъ не было. Вѣдь общество растетъ и развивается, не смотря на то, что пресса глупѣетъ и опускается. Монополюная газета можетъ наивно или притворно торжествовать, указывая своимъ противни-камъ, будто у нихъ, положимъ, нѣтъ программы. А вѣдь программа-то все-таки есть, хотя не на журнальныхъ страницахъ, а въ го-ловахъ, и не только развивается тамъ, но еще остается недоступ-ной критикѣ со стороны монополиста. И вотъ, пока монополюные органы торжественно спятъ на дешевыхъ лаврахъ, тихій говоръ и ропотъ подрываетъ мало по малу теорію, воображающую себя по-бѣдоносной, роняетъ репутацію газеты, и, не прорвавшись ни од-нимъ словомъ въ печати, отнимаетъ въ концѣ концовъ у монополиста всякое вліяніе на общество. Искаженіе естественныхъ законовъ пе-чатнаго слова устраиваетъ здѣсь самую злую шутку надъ людьми, воображавшими воспользоваться всеобщимъ оцѣпененіемъ прессы.

Обманывая общество, обманывая самих дѣятелей литературы павшая пресса точно въ такой-же степени обманываетъ и правительство. Государственные люди видятъ, конечно, предъ собою прессу, готовую проводить и говорить все, что угодно. Но они не имѣютъ никакой возможности провѣрить степень вліянія служивой газетки. Какъ убѣдиться, приносить-ли, положимъ, «Кіевлянинъ» пользу русскому дѣлу въ западномъ краѣ хоть на 6,000 р., и не приносить-ли онъ, напротивъ, вредъ на цѣлыя милліоны? При отсутствіи независимыхъ органовъ общественнаго мнѣнія, государственные люди, встрѣчаясь съ подобными вопросами, находятъ въ потемкахъ. Эти потемки обволакиваютъ человека съ самаго момента его вступленія въ должность. Прежде чѣмъ онъ успѣетъ что-нибудь сдѣлать, онъ уже слышитъ со всѣхъ сторонъ громкія выраженія радости: послушать прессу, такъ кажется, будто вся Россія, для полноты своего счастья, только и дожидалась передачи портфеля каждому данному NN, а завтра MM, а послѣ завтра ZZ. Легко-ли не поддастся тутъ успокоительной иллюзіи? Немного вѣдь найдется счастливецъ, которые на собственномъ опытѣ узнали цѣну этихъ презрѣнныхъ льстецовъ, готовыхъ при первомъ-же удобномъ случаѣ дать бывшему «господину» ударъ ослинаго копыта. Восхищенія и восторги продолжаютъ потомъ сопровождать каждую мѣру каждаго дѣятеля, и загораживаютъ отъ него Россію непроницаемой стѣной лжи, умолчанія и лести. Какъ тутъ ориентироваться, какъ замѣтить свою ошибку, отъ которой конечно не застрахованъ самый талантливый человекъ? Обезличенная пресса дѣлаетъ все для усиленія, для сокрытія отъ него всякихъ выдающихся явленій. А когда какой-нибудь государственный дѣятель вздумаетъ воспользоваться прессой для какого-нибудь воздѣйствія на общество, это хрупкое орудіе оказывается никуда не годнымъ и разсыпается какъ перержавѣвшій чугунокъ при первомъ ударѣ о сталь общественнаго недо вѣрія и презрѣнія.

Итакъ, распространеніе заблужденій въ обществѣ, сбиванье съ толку самихъ публицистовъ, короче — повальный самообманъ, всеобщее взаимное недоразумѣніе: вотъ единственная задача, къ которой оказывается способной пресса, сбитая съ правильнаго пути развитія, и которую она исполняетъ съ самымъ роковымъ успѣхомъ. Для кого-же это нужно, и кто тутъ можетъ оставаться въ выигрышѣ? Этимъ вопросительнымъ знакомъ я и закончу свое обозрѣніе, въ которомъ, въ силу самого положенія вещей, и совѣтъ помимо желанія моего, первое мѣсто заняли отношенія къ прессѣ. Что дѣлать, если вся судьба публицистики сводится къ этому вопросу.

И. Нольцовъ.

ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ.

(Опыт литературнаго обзорѣнія).

.... желанное надо не ждать, а доставать.

В. Крестовскій (псевдонимъ).

I.

Русское общество переживаетъ въ настоящее время одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ и трудныхъ историческихъ моментовъ. Правда, оно видало всякіе виды. Мы живемъ гораздо болѣе будущимъ, нежели настоящимъ, гораздо болѣе чужими нежели своими интересами и наши симпатіи и антипатіи, по необходимости, отличаются часто платоническимъ характеромъ.

Не со вчерашняго дня все это поведось и сложилось и новаго непривычнаго, неслыханнаго во всемъ этомъ ничего для насъ нѣтъ. Но даже въ самыя тяжкія времена, среди самыхъ невозможныхъ условій для нашей мысли и нашего гражданскаго чувства, мы все-таки сохраняли въ неприкосновенной чистотѣ одинъ уголокъ, въ которомъ оставались полными хозяевами. Не смотря ни на что, мы чтли и блюли свой нравственный идеалъ. Мы не говорили, какъ говоритъ одинъ изъ типичнѣйшихъ современныхъ персонажей г. Салтыкова, что «по новѣшнему времени» многія заповѣди въ обратномъ смыслѣ понимать должно». Равнымъ образомъ, мы не теряли вѣры въ цивилизующую и возвышающую силу идей. Въ насъ развивался скептицизмъ, но для апатіи, этой конечной смерти человѣческаго духа, не было достаточной причины. Горькимъ опытомъ познавая всю страшную силу косности практической жизни, все болѣе и болѣе убѣждаясь, что дѣйствительно «даромъ ничто не дается» и что только сказка скоро сказывается, а дѣло не скоро дѣлается, мы все-таки не падали духомъ, не опускали руль. Не было серьезныхъ поводовъ для этого. Это ничего, что мы часто обманывались и бенгальскіе огни какого-нибудь дешеваго фейерверка принимали за разсвѣтъ наступающаго дня. Это не бѣда, что, увлекаясь своимъ нетерпѣливымъ чувствомъ, мы иногда слишкомъ

легко отдавали и слишком не къ мѣсту пристраивали свои симпатіи, свое довѣріе, свои надежды. Это только полгоря, что дѣйтельность многихъ изъ насъ была почти сплошнымъ рядомъ неудачъ, поражений и разочарованій. Все это были тяжелые, но поправимые и въ концѣ концовъ плодотворные уроки жизни и исторіи, плодотворные тѣмъ именно, что предостерегали насъ отъ идеалистическаго доктринерства, которому нѣтъ ни до чего дѣла, кромѣ собственныхъ стремленій и логическихъ построеній и который поэтому осужденъ вѣчно оставаться на бобахъ.

Теперь дѣло стоитъ совсѣмъ иначе, гораздо серьезнѣе и гораздо печальнѣе. Мы отрицаемъ теперь не только ошибки отцовъ и ихъ поздній умъ—мы, повидимому, готовы усумниться въ силѣ, жизненности и пользѣ вообще всякаго идеала. Это легко объяснимо и даже простиительно. «Къ чему служить новорожденный ребенокъ?» спрашивалъ по одному поводу Франклинъ. Въ общемъ смыслѣ на этотъ вопросъ нисколько не затруднительно отвѣтить: къ тому, конечно, чтобы, укрѣпивши и развивши данныя ему природою способности, внести свою долю въ общую сокровищницу человѣческой мысли и человѣческаго труда. Но къ чему, въ самомъ дѣлѣ, служить тотъ ребенокъ, которому «завистливой судьбою» суждено до сѣдыхъ волосъ, до самаго гроба ходить на помочахъ и нужно ли, стоитъ ли хлопотать о развитіи его силъ, которыя ни въ чемъ и нигдѣ не найдутъ себѣ приложения? Зачѣмъ мнѣ эта безсильная и мертвая мысль, къ чему этотъ тяжелый трудъ саморазвитія и самообразованія, на что мнѣ эти всѣ эти мои выстраданные и выношенные идеалы, если они, повидимому, только затѣмъ и существуютъ чтобы волочиться и протитутуроваться въ грязи реальной жизни? Идеи имѣютъ важность только какъ орудіе; умственное развитіе только средство и само себѣ цѣлью служить не можетъ; обереженіе своей нравственной чистоты только тогда является заслугой, когда самая эта чистота хоть сколько-нибудь и хоть кому-нибудь облегчила тяжесть житейскаго вѣста.

Время добродѣтельныхъ Станкевичей, время людей «гордыхъ тѣмъ, что не вредятъ», время замкнутыхъ и изолированныхъ кружковъ прошло безвозвратно и ни одинъ живой человѣкъ не пожалѣетъ объ этомъ. Мы, вопреки поэтическому изреченію, хотимъ жить не затѣмъ, чтобы «мыслить и страдать»—для этого не стоило родиться—а затѣмъ, чтобы мыслить и дѣйствовать. Между тѣмъ, разладъ между нашими идеями и нашей дѣйствительностью растетъ все сильнѣе и сильнѣе, пропасть между теоріей и практикой становится все шире и шире. Въ нашемъ умственномъ обиходѣ накопилось идей даже слишкомъ достаточно; въ нашемъ обществѣ вовсе уже не мало людей, которые по широтѣ міросозер-

цанія и ясности смысла не уступать людямъ самыхъ развитыхъ обществъ запада. Ругательства, которыми осыпають нашу интеллигенцію литературные представители Свѣной площади и Охотнаго ряда—именно и доказываютъ—если только это нуждается въ доказательствахъ—правоспособность и зрѣлость современнаго образованнаго общества нашего. И вотъ, однако-же, это общество не знаетъ, куда дѣвать свое время и куда пристроить свои силы, эти идеи остаются подъ спудомъ, непризнаваемыя и неуважаемыя, эти люди—вспомнимъ хотя бы извѣстный разсказъ г. Энгельгардта о его траги-комическомъ столкновеніи съ сельскимъ начальникомъ—не знаютъ, какъ имъ быть, чтобы оправдать себя въ тяжкомъ грѣхѣ знанія и пониманія и почти готовы завидовать людямъ первобытной невинности и непосредственности. Положеніе изумительное, странное и, безъ всякаго преувеличенія говоря, страшное.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, какъ вѣроятно помнитъ читатель, литература наша была переполнена жалобами на то, что общество утратило всякіе идеалы, что наша жизнь обезцвѣтилась, что мы, какъ кто-то выразился тогда, «потеряли ниточку». Эти жалобы рельефнѣе всего доказывали нашу традиціонную вѣру въ живительную силу идей. Намъ искренно казалось, что вся мерзость запустѣнія нашей жизни происходитъ отъ того, что въ нашемъ сознаніи недостаточно отчетливо выработались руководящіе идеалы, что прогрессъ, широкій и безпрепятственный, немедленно начнется, какъ только мы успѣемъ прочно установить конечную цѣль для себя, хотя бы только въ области теоретической мысли. «О, наша юность, о, наша свѣжесть! Любопытно было бы обратиться ко всѣмъ этимъ литературнымъ и нелитературнымъ жалобщикамъ съ простымъ вопросомъ: о комъ именно говорите вы? Вы жалуетесь на исчезновеніе идеаловъ, но обратитесь же, для провѣрки, къ своему собственному разумѣнію: развѣ вамъ нечего внести въ жизнь, развѣ вамъ неясны ея слабыя стороны, развѣ ваши желанія не идутъ много дальше ея и не возвышаются надъ нею, развѣ она удовлетворяетъ васъ? Ваше собственное недовольство говорить противъ вашихъ жалобъ. Вѣдь всякое недовольство, имѣющее не личный, а общій и отвлеченный характеръ, является при условіи существованія у насъ извѣстныхъ стремленій, цѣлей, идеаловъ. Но въ томъ-то и бѣда, что суть дѣла заключалась не въ отсутствіи у насъ идеаловъ, а въ полномъ практическомъ безсиліи ихъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что всѣ эти плакальщики, даже просто всѣ средне-образованные и развитые люди давнымъ давно могли не только отчетливо формулировать по крайней мѣрѣ главнѣйшіе наши недуги, но и указать средство къ исцѣленію

ихъ. Дѣло слишкомъ ясно. Возьмите нашу журналистику лѣтъ за двадцать назадъ, перечитайте ея главнѣйшія произведенія, вдумайтесь въ ихъ тенденціи и скажите по совѣсти — неужели эти тенденціи, хотя только частью осуществившіяся практически, не явились бы для современной жизни во истину «новымъ словомъ», которое-бы уврачевало насъ и скрасило наше существованіе? Съ теоретической точки зрѣнія эти тенденціи совершенно элементарны и азбучны, о нихъ не стоитъ говорить, въ нихъ стыдно убѣждать и за всѣмъ тѣмъ онѣ стоятъ далеко впереди и выше дѣйствительности. Что такое, напр., одно изъ самыхъ яркихъ произведеній этой эпохи—знаменитая статья Добролюбова «Темное царство»? Не стрѣльба ли это по воробьямъ изъ пушекъ, не стучанье-ли это въ отворенную дверь? Что самодурство роняетъ достоинство человѣка, это также справедливо, какъ и то, что праздность вредна, а трудолюбіе похвально — кто-же не знаетъ этого? Подождите, пожалуйста. Не знаетъ и упорно не хочетъ знать этого вся наша практическая дѣйствительность.

Было время, когда наши передовые люди завидовали своимъ «во время» умершимъ друзьямъ и единомышленникамъ. Въ самомъ дѣлѣ, мертвые срама не имутъ, а едва-ли есть худшій и горшій срамъ, какъ необходимость созерцать явленія, внутренней смыслъ которыхъ является злобной насмѣшкой надъ самыми завѣтными вѣрованіями и убѣжденіями вашими. Но то, что въ сороковыхъ годахъ было только исключеніемъ, теперь составляетъ почти общее правило. Всѣ идеи, которыя въ то время составляли исключительное достояніе наиболѣе смѣлыхъ и развитыхъ умовъ, давным-давно популяризировались, давно усвоились всѣмъ обществомъ. Но что измѣнилось затѣмъ? Оставимъ глупцамъ и кваснымъ патриотамъ доказывать всю безмѣрность нашего прогресса. Кто судить о вещахъ не по ихъ внѣшности, а по ихъ сущности, тотъ не затруднится подвести надлежащіе итоги этому такъ-называемому прогрессу и въ телачій восторгъ отъ нашихъ успѣховъ на пути гражданскаго развитія, разумѣется, не придетъ. Да, конечно, наши успѣхи и пріобрѣтенія серьезны, но лишь исключительно въ области сознанія, въ сферѣ теоретическихъ идей. Мы выучились размышлять собственнымъ умомъ; мы въ состояніи отнестись независимо къ какому угодно умственному авторитету; мы владѣемъ острымъ оружіемъ критической мысли. Все это прекрасно, но совѣмъ непрекрасно то, что ничего этого отъ насъ жизнью не требуется. Нашъ «разумъ развитый», какъ и у некрасовскаго героя, служить намъ источникомъ личнаго самоулаженія и не болѣе того.

При такой постановкѣ дѣла у кого изъ честно-мыслящихъ людей найдется слово осужденія для тѣхъ, которые, утомившіяся

вѣчнымъ господствомъ шарлатанской фразы въ родѣ «магической формулы А есть А и не есть не А», или отправляются искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ, или пускаются по торному пути за наслажденіями матеріальнаго свойства или, наконецъ,—въ самомъ худшемъ случаѣ,—заживо умираютъ, опускаютъ руки, впадаютъ въ индифферентизмъ и апатію? Жить, повторяю, значитъ дѣйствовать и наша мысль лишь настолько имѣетъ значеніе и настолько можетъ наполнить собою нашъ собственный внутренній міръ, насколько она практична, насущна и жизненна. Жизнь—не наука, въ которой съ спокойнымъ духомъ можно предаваться изслѣдованіямъ, результатами которыхъ воспользуются люди отдаленнаго будущаго. Не въ томъ дѣло, что жизнь чурается какихъ-нибудь нашихъ парціальныхъ идей, не хочетъ идти по тому пути развитія, который мы могли-бы рекомендовать ей—бѣда въ томъ, что она чуждается всякихъ сколько-нибудь опредѣленныхъ стремленій и одинаково не рѣшается идти ни впередъ, къ будущему, котораго она боится, ни назадъ, къ прошедшему, безвозвратность котораго очевидна даже для ея глазъ. Неопредѣленность положенія всегда и вездѣ томительна, но неопредѣленность, возведенная чуть-ли не въ принципъ, способна парализовать даже сильную энергію. А наше общество еще очень молодо. Требовать отъ него той выдержки, которая пріобрѣтается только въ закалѣ активной борьбы, было-бы несправедливо и въ результатѣ... въ результатѣ то равнодушіе, та общая «скука», которая остается фактомъ, сколько-бы его ни отрицали и не замазывали извѣстные господа, для которыхъ дѣйствительно нѣтъ повода къ печали, потому что они давно уже, вмѣстѣ съ совѣстью, потеряли способность думать и чувствовать не съ точки зрѣнія карманныхъ интересовъ. Въ концѣ концовъ «писателю не хочется писать, читателю противно читать», говоря энергичнымъ выраженіемъ г. Щедрина.

II.

«Писателю не хочется писать, читателю противно читать». Въ этой короткой фразѣ заключается характеристика и нашей жизни и отношеній, установившихся между нашимъ обществомъ и нашей литературой. Литературу и, въ частности, журналистику, издавна привыкли считать и опредѣлять какъ отраженіе жизни общества. Современная журналистика наша очень хорошо отправляетъ эту свою обязанность служить зеркаломъ общества и оттого-то, можетъ быть, читателю «противно» смотрѣть на нее. Наша журналистика много и подробно говоритъ о томъ, чѣмъ никто не ин-

тересуется. Безъ сомнѣнія, такое удивительное «служеніе» можно назвать служеніемъ только въ ироническомъ смыслѣ, но я хочу сказать, что по отношенію къ фізіономіи общества журналистика, во всякомъ случаѣ, и несмотря ни на какія условія ея существованія, все-таки даетъ матеріалъ для характеристики.

Изъ всѣхъ отраслей литературы беллетристика—я обращаюсь къ своей спеціальной задачѣ—поставлена у насъ въ наиболѣе выгодныя условія, для того, чтобы не косвеннымъ, а непосредственнымъ путемъ способствовать общественному самосознанію. Беллетристика даетъ типы, т. е. изображенія не конкретныхъ, а отвлеченныхъ видовыхъ личностей, а это гарантируетъ ее отъ многихъ изъ тѣхъ неудобствъ, которыя соединены съ другими родами литературы. Корреспонденція о хищничествахъ какого-нибудь мѣстнаго Разуваева надѣляетъ вамъ несравненно болѣе хлопотъ, нежели даже самое яркое изображеніе отвлеченнаго типа булака. Коротенькое лирическое стихотвореніе, въ которомъ вы сконцентрируете всю силу своего негодованія или своей печали, конечно представится гораздо болѣе рѣзущимъ ухо и глаза, нежели картины «бѣдности и несовершенствъ», взволновавшихъ ваше чувство. Даже очень спокойное и хладнокровное изслѣдованіе общихъ принциповъ держимордства и послѣдствій, логически вытекающихъ изъ нихъ, представляетъ собою для писателя гораздо болѣе подводныхъ камней, нежели портретъ реального Держиморды. Въ силу этого и нѣкоторыхъ другихъ условій, о которыхъ здѣсь нѣтъ надобности говорить, *mot d'ordre* нашей жизни мы должны искать прежде всего въ беллетристикѣ, и притомъ въ беллетристикѣ заботящейся не объ одной только художественности, а о жизненности своихъ картинъ и образовъ. Не «вѣчная краса» святого искусства, а переходящіе интересы текущей грѣховной жизни поучительны и важны для насъ.

Крупнѣйшій интересъ переживаемаго нами момента заключается, разумѣется, во-первыхъ, въ пришествіи къ намъ мѣщанина, а, во-вторыхъ, въ формированіи и развитіи тѣхъ общественныхъ элементовъ, вся историческая миссія которыхъ заключается въ борьбѣ съ аппетитами и поползновеніями мѣщанства. Съ одной стороны, говоря выраженіемъ г. Щедрина, «идетъ чумазый, идетъ и на вопросъ: что есть истина? отвѣчаетъ—распивочно и на выносъ», а съ другой стороны—обстоятельство, тоже ни для кого секрета не составляющее—идетъ кто-то другой и предлагаетъ на вопросъ объ истинѣ совершенно иной отвѣтъ, ничего съ кабакомъ общаго не имѣющій. Вотъ два основныя магистральныя русла, въ которыя такъ или иначе укладываются всѣ наши современныя общественныя теченія. Нѣтъ надобности говорить о томъ, что явленія этихъ

противоположныхъ категорій еще далеко недостаточно выяснились, что онѣ осложняются на практикѣ многими совершенно побочными, а иногда и случайными придатками и т. д.; для беллетристическаго воспроизведенія эти осложненія составляютъ не препятствіе, а скорѣе удобство хотя бы уже просто потому, что расширяютъ рамки матерьяла. Беллетристику нашу, вообще говоря, никакъ нельзя упрекнуть въ недостаткѣ чуткости. Авторы, предающіеся тоскованію по поводу того, что все на свѣтѣ семь превратно, все на свѣтѣ коловратно и произведенія, посвященныя анализу различныхъ роковыхъ, а въ сущности выѣденнаго яйца не стоящихъ вопросовъ—такіе авторы и произведенія составляютъ, къ счастью, исключеніе у насъ. Беллетристы наши всѣхъ партій и всѣхъ отѣнковъ очень хорошо, повидному, понимаютъ, гдѣ лежитъ центръ тяжести всей нашей жизни. Они неодинаково освѣщаютъ изображаемыя ими явленія, потому что то или другое освѣщеніе—дѣло ихъ взглядовъ, ихъ личныхъ убѣжденій, но они изображаютъ именно эти, а не другія явленія и въ этомъ проявляется уже властное требованіе самой жизни. Необходимо отмѣтить предварительно еще одно обстоятельство. До послѣдняго времени изображенія жизни образованныхъ классовъ и жизни народа стояли совершенно особнякомъ другъ отъ друга, что и оправдывалось вполне дѣйствительными фактами. Народъ жилъ самъ по себѣ, образованное общество само по себѣ. Ихъ радости и печали, ожиданія и опасенія, достоинства и недостатки, нужды и желанія—все это было, говоря моднымъ словомъ, совершенно «самобытно». Теперь положеніе кореннымъ образомъ измѣнилось. Вашъ другъ или вашъ врагъ Разуваевъ есть дѣятель не только города, но и деревни. Онъ дѣйствуетъ не только въ сферѣ элементарныхъ экономическихъ интересовъ, которые для васъ, быть можетъ, являются дѣломъ довольно чуждымъ, но и въ сферѣ интересовъ политическихъ, а также и нравственныхъ, къ которымъ вы не можете относиться равнодушно. Такимъ образомъ, народная задача есть въ то же время наша задача. Рѣшить ее можно какъ угодно, но рѣшать такъ или иначе совершенно необходимо. Вы живете въ Петербургѣ и пишете докладныя записки и всяческіе проекты, а мужикъ живетъ въ какой-нибудь безвѣстной Ивановѣ и пахнетъ землю, но основные вопросы вашей жизни одни и тѣ же. Въ Разуваевѣ и Антиразуваевѣ, въ ихъ борьбѣ, въ ихъ удачахъ и пораженіяхъ, въ ихъ стремленіяхъ и цѣляхъ—вотъ въ чемъ заключаются эти вопросы. Если, по вашему, Разуваевъ—цивилизаторъ въ деревнѣ, онъ передовой дѣятель въ городѣ. Если, наоборотъ, вы полагаете, что просвѣщеніе, вносимое Разуваевымъ въ деревню, имѣетъ нѣкоторые изъяны, вы самою логикою обязываетесь принимать извѣстныя предосторожности противъ него и у

себя дома, т. е. въ городѣ, въ сферѣ вашихъ привычныхъ интересовъ. Вѣдь Разуваевъ не исключительно «чуждый» и если его сердце склоняется главнымъ образомъ къ устройству кабаковъ, такъ вѣдь понятие «кабака» — понятие обширное. Кабаки существуютъ не по придорожьямъ только, но и въ человѣческихъ сердцахъ и въ человѣческихъ умахъ.

Благодаря всему этому, даже современная «господская» беллетристика наша, касающаяся злобы дня, имѣетъ значеніе, можно сказать, всенародное. Пусть ея персонажи ходятъ не въ лаптяхъ, а въ сапогахъ и говорятъ не на какомъ-нибудь *ratois*, а выражаются даже литературно и изящно — не въ томъ суть дѣла. Тенденція этихъ людей, вся ихъ дѣятельность имѣетъ самое непосредственное отношеніе къ народнымъ интересамъ. Это не домашнее дѣло культурныхъ людей, это не буря въ стаканѣ воды, это не страданія какого-нибудь тонко-чувствующаго помѣщика, интересныя только для его Алены или Мальвины — это дѣло общее и грандіозное. Но, собираясь дать читателю, съ только что установленной точки зрѣнія, нѣкоторый идейный итогъ работъ нашей литературы за истекающій годъ, я вовсе не намѣренъ представлять ему реестръ всѣхъ беллетрическихъ произведеній, имѣющихъ отношеніе къ нашей задачѣ. Литературная статистика совсѣмъ не мое дѣло и вмѣсто того, чтобы считать, я попытаюсь характеризовать.

III.

Я только-что отдалъ справедливость чуткости нашихъ беллетристовъ. Но вѣдь и звѣзда отъ звѣзды разнятся во славу, и среди нашихъ беллетристовъ (говорю только о позднѣйшей формации, оставляя въ сторонѣ такъ-называемую «плеяду» нашу, которая уже давно пробавляется процентами со своей прежней популярности), есть одинъ, чуткость и отзывчивость котораго превышаетъ даже всякое вѣроятіе. Въ этой отзывчивости главнымъ, если не исключительнымъ, образомъ и заключаются его права на благодарность современниковъ. Ничего подъ солнцемъ живымъ не оставляетъ онъ безъ привѣта. Онъ говоритъ вездѣ, и говоритъ обо всемъ. Легкость его мыслей и бойкость его пера представляютъ собою нѣчто феноменальное.

Читатель понимаетъ, что я говорю о г. Боборыкинѣ. Собственно говоря, литературная личность г. Боборыкина представляетъ собою столь малый интересъ для критики, что, казалось-бы, не можетъ явиться никакой надобности даже въ самой бѣглой ея характеристикѣ. Но дѣло въ томъ, что сколько нибудь правильныя и цѣльныя заключенія о нашей жизни мы можемъ сдѣлать на осно-

ваніи произведеній г. Боборыкина только при томъ непремѣнномъ условіи, что будемъ постоянно помнить главнѣйшія особенности творца этихъ произведеній. Не надо забывать, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ нѣсколько... увлекающимся. Г. Боборыкинъ всегда на чеку. Его произведенія почти всегда являются въ журналистикѣ какъ-бы примерами, довольно безвкусными какъ и всѣ примеры, но въ своемъ родѣ любопытными и завлекательными. Они представляютъ собою интересъ новизны, и въ этомъ смыслѣ игнорировать г. Боборыкина нѣтъ возможности. Но нельзя и довѣряться его руководительству. Не повѣрите вы на слово человѣку только потому, что онъ рассказываетъ вамъ разныя «несодѣянныя» вещи съ апломбомъ специалиста, съѣвшего собаку на своемъ предметѣ. Искренность г. Боборыкина не подлежитъ сомнѣнію, но серьезность его—крайне подозрительна. Онъ, нѣтъ сомнѣнія, преискренно убѣжденъ, что ему стоитъ только тяпнуть и ляпнуть, чтобы построить корабль, что ему достаточно мимоходомъ, прогуливаясь для предъобѣденнаго моціона, бросить два-три бѣглыхъ взгляда на то или другое крупное явленіе жизни, чтобы понять всю его суть и значеніе, но вѣдь никто-же не обязанъ вѣрить такой сверхъестественной удали. Легкомысліе, литературное, если такъ можно выразиться, трень-бреньканье, — вотъ преобладающая черта этого писателя, о которой всегда слѣдуетъ помнить. Онъ пишетъ во всѣхъ родахъ, не исключая и скучнаго, и компетентенъ во всѣхъ вопросахъ. Ничего не можетъ быть скучнѣе его безконечнаго романа «Въ путь-дорогу». Никто изъ порнографовъ и клубничниковъ не превзошелъ его «Жертвы вечерней». Въ обществѣ проявились «нужные люди», «дѣльцы», и г. Боборыкинъ даетъ намъ портретъ Саламатова, — да не въ какомъ-нибудь фельетонномъ очеркѣ, а въ большомъ романѣ. Въ обществѣ не успѣли еще остыть воспоминанія отолько-что выдержанныхъ военныхъ передрягахъ, и г. Боборыкинъ предлагаетъ романъ «Сама по себѣ», въ которомъ отчасти «бликаетъ» (какъ выражался Аполлонъ Григорьевъ) разныхъ политическихъ проходимцевъ и дипломатическихъ дамъ, отчасти продергиваетъ «утопистовъ», отчасти, вдохновленный, очевидно, Соломинымъ г. Тургенева, даетъ намъ образчикъ «настоящаго» человѣка и дѣятеля. Толкуютъ люди о нашей грядущей буржуазіи и г. Боборыкинъ ужъ тутъ какъ тутъ съ романомъ «Китай-городъ», въ которомъ какъ на ладони представлено, и что такое наша буржуазія, и чего отъ нея надо ждать, и что она думаетъ, и что она ѣстъ, и какъ она пьетъ. Г. Боборыкинъ шутить не любитъ и главное не любитъ долго задумываться.

Ясное дѣло, что показанія такого свидѣтеля должны быть принимаемы съ крайней осторожностью. Онъ знаетъ слишкомъ много,

чтобы знать чтонибудь основательно. Ему слишком много приходилось обзрѣвать, чтобы ему осталось времени чтонибудь дѣйствительно разсмотрѣть. Все это — въ фактическомъ отношеніи. Что же касается идей, морали, тенденцій г. Боборыкина, то въ этомъ отношеніи онъ гораздо менѣе оригиналенъ, нежели въ своей манерѣ писать, въ своихъ беллетристическихъ приемахъ. Онъ европеецъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Все, что носитъ на себѣ отпечатокъ новѣйшей культуры, отъ бульваровъ до парламента, отъ мабиля до фабрики, отъ Альфонса до Бонту, отъ рыжеволосой кокетки до моднаго патера—все это пользуется его благосклонностью. Онъ либераль, потому что западный либерализмъ дѣйствительно самая «культурная» изъ всѣхъ современныхъ политическихъ и общественныхъ системовоззрѣній. Въ либерализмѣ много джентльменства въ смыслѣ внѣшняго благообразія. Онъ бьетъ не дубиной, а полтиной и если, при случаѣ, придушить васъ, то не голой, а безукоризненно гантированной рукой. Г. Боборыкинъ слышалъ объ этомъ—онъ обо всемъ на свѣтѣ краешкомъ уха слышалъ—но подѣлать тутъ ужъ ничего не можетъ. Съ одной стороны не сочинять-же ему собственную систему, а съ другой стороны не примкнуть же ему къ скверно одѣтымъ, нечесаннымъ, безперчаточнымъ демократамъ. Для человѣка comme il faut просто обязательно исповѣдованіе либерализма какъ свѣжій фракъ, какъ чистыя перчатки, какъ лаковыя ботинки.

Подъ этимъ-то именно угломъ, подъ угломъ западнаго либерализма и съ точки зрѣнія европейской культуры, и изображаетъ г. Боборыкинъ всѣ явленія нашей жизни, какъ общественнаго, такъ личнаго характера. Ему дорога форма, онъ озабоченъ соблюденіемъ аппарасовъ, приличія—его конекъ, и онъ несравненно благодушнѣе отнесется къ негоціанту въ куртукѣ отъ лондонскаго портнаго нежели къ какому-нибудь провонявшему постнымъ масломъ ветхозавѣтному Кить Китьчу. Послѣ этого не трудно представить себѣ, что такое вышло у г. Боборыкина, когда онъ, вѣрный своему призванію уловлять всевозможныя модныя вѣянія и теченія, обратилъ свое вниманіе на Москву, какъ на ^тколыбель народившагося мѣщанина или негоціанта. Вышла мѣщанская идиллія, на которую просто душа не нарадуется. Это понятно. Если буржуазія не всегда бываетъ либеральна, то извѣстнаго сорта либерализмъ всегда буржуазенъ. Въ силу этого романъ «Китай-городъ» («Вѣстникъ Европы» Январь—Май 1882) открывается такимъ описаніемъ «города», которое способно умиротворить самаго придирчиваго и подозрительнаго читателя. Приглашаю полюбоваться.

«Въ «городѣ», на площади, противъ биржи, шла будничная дообѣденная жизнь. Выдался теплый сентябрьскій день, съ легкимъ вѣтеркомъ. Солнца

было много. Оно падало столбомъ на средину площади, между громаднымъ домомъ Троицкаго подворья и рядомъ лавокъ и конторъ. Вправо оно свѣтило вдоль Ильинки, захватывало вереницу широкихъ вывѣсокъ съ золотыми буквами, пестрыхъ навѣсовъ, столбовъ, выкрашенныхъ въ зеленую краску, лотковъ съ апельсинами, грушами, мокрой липкой пепталой и многоцвѣтными леденцами. Улица и площадь смотрѣли веселой ярмаркой. Кучера, извозчики, ломовые кричали и ходко ругались. Городовой что-то такое жужжалъ и махалъ рукою.

Нѣтъ конца тѣлегамъ и дрогамъ. Везутъ ящики вантонскаго чая въ зеленоватыхъ рогожкахъ съ таинственными клеймами, везутъ распоровшіеся бурые, безобразно-пузатые тюки бухарскаго хлопка, везутъ слитки олова и мѣди. Немилосердно терзаетъ ухо бѣшеный лягъ и трескъ желѣзныхъ брусевъ и шипъ. Тянутся возы съ бочками балалаек, сахарныхъ головъ, кофеею. Разомъ обдадутъ зловоніемъ телѣги съ кожами. И все это облито солнцемъ и укутано пылью. Кому-то нуженъ этотъ товаръ; «городъ» хоронить его и распределяетъ по всей странѣ. Деньги, векселя, цѣнные бумаги точно рѣютъ промежду товара въ этомъ рыночномъ воздухѣ, гдѣ все жаждетъ наживы, гдѣ дня нельзя продышать безъ того, чтобы не продать и не купить.

На возу покачивается парень безъ шапки, съ желтыми, плоскими волосами, красный, въ веснушкахъ, въ пестрядиной рубахѣ съ растегнутымъ воротомъ, открывающимъ бѣлую грудь и мѣдный тѣльникъ. Глаза его жмурятся отъ солнца и удовольствія.

Вся небольшая площадь улыбалась точно ядреная купчиха, надѣвшая всѣ свои кольца и серьги; только на волосахъ у ней «головка», а остальное все по модѣ; куплено у нѣмца и дорогой цѣной. Свѣтъ особенно ласково игралъ въ зеркальныхъ стеклахъ дома, гдѣ нѣтъ кое-какихъ лавокъ, а каждое помѣщеніе оплѣчивается многими тысячами. Домъ сдавленный, четырехъ-этажный, по цвѣту какъ будто изъ цѣльнаго камня, не испортилъ-бы и лондонскій «Shearshide» или гамбургскій jungfer-Stieg. Онъ смотритъ на своего сосѣда и радуется.

Только въ одномъ углу площади запоздалые мостовщики разворотили цѣлыхъ полмесячины, стѣсняютъ вѣду и шуточно перекликаются съ ломовыми и кучерами. Они отдѣляли себя бичевкой и полднячаютъ, сидя на кучѣ голышей вокругъ деревянной чашки, куда они въ квасъ накрошили огурцовъ, луку, вяленой рыбы и хлебаютъ не спѣша, вытянувши ноги, окутанныя въ тряпки поверхъ лаптей. Имъ любо! Солнышко щекочетъ имъ загривки. Дождя, знать, не будетъ до ночи, и то слава Богу».

Видите, какъ прекрасно! Солнца — «много», улица «смотреть веселой ярмаркой», кучера ругаются «ходко», городской не «просить честию» а, какъ пчелка золотая, «жужжитъ», площадь — «улыбается», домъ — «радуется», парень — «жмурится отъ удовольствія», мостовщикамъ — счастливицы, счастливицы! — «любо». Да это просто Аркадія какая-то, для достойнаго прославленія которой необходимо прибѣгнуть къ языку боговъ и воскликнуть съ патриотомъ-поэтомъ:

Москва! Россіи дочь любима!

Гдѣ равную тебѣ сыскать?

Дальнѣйшее теченіе романа соотвѣтствуетъ его началу: глазъ оторвать не хочется отъ этой грандіозной картины плодотворнаго

труда и всеобщаго довольства, и страннымъ, рѣзкимъ диссонансомъ звучать въ этой общей гармоніи безтактныя (случайныя и мимолетныя, впрочемъ) признанія героя романа, который (герой) заявляетъ напр.: «все кругомъ хапаетъ, воруетъ, производитъ растраты, теряетъ даже сознаніе того, что свое и что чужое. Только у нѣкоторыхъ купеческихъ фамилій и есть еще хозяйская, хотя тоже кулаческая, честность...» Непріятное впечатлѣніе производитъ также одинъ околоточный надзиратель, который вмѣсто того, чтобы жужжать пчелою, невѣжливо бухаетъ: «жуликовъ расплодилось — нѣсть числа». Но это, повторяю, только диссонансы, основной-же тонъ, который *fait la musique*, отличается радостнымъ, торжествующимъ, побѣдоноснымъ характеромъ. Заключительныя слова романа гремятъ какимъ-то побѣднымъ кличемъ и хорошо резюмируютъ общее впечатлѣніе.

«Куда не взглянешь, вездѣ воздвигнуты хоромны для необъятнаго чрева всѣхъ «хозяевъ», приказчиковъ, артельщиковъ, молодцовъ. Сплошная стѣна, идущая до угла Театральной площади—вся въ трактирахъ... Рядомъ съ громадиной «Московского» — «Большой Патриархевскій». А подалеже, на перекресткѣ Тверской и Охотнаго ряда — опять каменная многоэтажная глыба, недавно отстроенная: «Большой новомосковский трактиръ». А въ Охотномъ свой, благочестивый трактиръ, гдѣ въ общей залѣ не курятъ. И тутъ-же, внизу, Охотный рядъ развернулъ линію своихъ вонючихъ лавокъ и погребовъ Мясники и рыбники въ запачканныхъ фартугахъ молятся на свою заступницу, «Прасковью-Патницу»: — красное пятно церкви мечется издали въ глаза, съ свѣтло-синими пятю главами.

Гости все прибываютъ въ новооткрытую залу. Селянки, растегая, ботвиньи чередуются на столахъ. Все блестятъ и ликуютъ. Желудокъ растягивается... Все вѣстятъ въ себя этотъ луженый котелъ: и русскую, и французскую ѣду, и ерофеичъ, и шато-нѣмъ.

Машина захохотала съ какимъ-то остервененіемъ. Захлебывается трактирный людъ. Колокола зазвенѣли поверхъ разговоровъ, ходьбы, смѣха, возгласовъ, сквернословія, поверхъ дыма папиросъ и чада котелъ съ горошкомъ. Оглушительно трещитъ машина побѣдный хоръ:

«Слався, слався, святая Русь!»

Это ужъ не нѣжная идиллія, а бѣшеная оргія утробной жизни, оргія, бардомъ которой является г. Боборыкинъ. Авторъ слишкомъ опытный беллетристъ, чтобы прибѣгать къ очевиднымъ натяжкамъ. Онъ не размалевываетъ сплошь всѣхъ своихъ героевъ,—онъ пользуется другимъ приемомъ.. Не идеализируя личностей, онъ идеализируетъ ихъ дѣло, ихъ общественную роль. Онъ дѣлаетъ это вполне искренно, съ убѣжденіемъ, потому что подкупленъ оригинальной формой, подавленъ вѣдшею грандіозностью биржевой и торговой дѣловитости. Г. Боборыкинъ вообще не охотникъ и не мастеръ углубляться въ явленія и предпочитаетъ съ граціозною легкостью скользить по ихъ поверхности, а въ настоящемъ случаѣ

это тѣмъ пріятнѣе и удобнѣе для него, что мало-мальски серьезный анализъ лишилъ-бы его самоувѣренности и, пожалуй, привелъ-бы его въ совсѣмъ не либеральнымъ выводамъ. Теперь — дѣло иное. Теперь г. Боборыкинъ съ легкимъ сердцемъ можетъ въ одномъ мѣстѣ заявлять устами своего героя, что «все кругомъ хапастъ, воруетъ», а въ другомъ мѣстѣ сообщать о томъ-же героѣ, что «ему давно правился «городъ». Онъ чувствовалъ художественную красоту въ этомъ скопищѣ азіатскихъ и европейскихъ зданій, улицъ, закоулковъ, перекрестковъ. Ему были по душѣ это шумное движеніе цѣнностей, обозы, вывѣски, амбары, склады, суета и напряженіе огромнаго промысловаго пунята. «Тутъ сила,—думалось ему всегда, какъ только онъ попадалъ въ «городъ»,—мошна, производительность!...» Подивитесь, читатель, силѣ эстетическаго чувства! «Хапанье» и «воровство» превращается въ «производительность», благодаря своей художественной красѣ». Я безъ всякаго колебанія вмѣняю г. Боборыкину эти мысли и взгляды его героя, потому что когда авторъ говоритъ отъ своего лица — онъ оказывается вполне солидарнымъ съ Палтусовымъ (фамилія героя). Характеризуя, напр., одного воротилу, «главу крупнѣйшей фирмы по мануфактурному дѣлу», г. Боборыкинъ говоритъ: «отъ него кормилось цѣлое населеніе въ тридцать тысячъ прядильщиковъ, ткачей и прочаго фабричнаго люда»...

Такова основная точка зрѣнія автора, такова его главная тенденція. Онъ преклоняется передъ силой, передъ фактомъ, какъ эстетикъ онъ восхищается самъ крупными размѣрами этой силы. Романъ г. Боборыкина — длинная хвалебная пѣснь нашей доморощенной буржуазіи. Послушайте г. Боборыкина — такъ у насъ купецъ овладѣлъ рѣшительно всеми сферами жизни, хозяйничаетъ въ нихъ какъ у себя за прилавкомъ или за стойкой, а все прочія сословія и классы и сама, наконецъ, интеллигенція играютъ роль не то подручныхъ купца, не то его блюдолизовъ и прихлебателей. Главный герой романа — Палтусовъ, къ которому г. Боборыкинъ относится не безъ симпатіи, говоритъ объ этомъ всемогуществѣ купца очень часто и очень краснорѣчиво, въ такомъ, напр., родѣ: «кто хозяйничаетъ въ городѣ? Кто распоряжается бюджетомъ цѣлаго нѣмецкаго герцогства? Купцы... Они занимаютъ первыя мѣста въ городскомъ представительствѣ. Время прежнихъ Титовъ Титычей кануло. Миліонныя фирмы передаются изъ рода въ родъ. Какое громадное влияніе въ скоромъ будущемъ! Судьба населенія въ пять, десять, тридцать тысячъ рабочихъ зависитъ отъ одного человѣка. И человѣкъ этотъ — не помѣщикъ, не титулованный баринъ, а коммерціи совѣтникъ или просто купецъ первой гильдіи, крестить лобъ двумя перстами. А дѣти его про-

живаютъ въ Ниццѣ, въ Парижѣ, въ Трувиллѣ, кутятъ съ наследственными принцами, прикармливаютъ разныхъ упраздненныхъ князьковъ. Жены ихъ не иначе все выписываютъ какъ отъ Ворта. А дома, обстановка, картины, цѣлые музеи, виллы... Шопень и Шуманъ, Чайковскій и Рубинштейнъ,—все это ихъ обыкновенное меню. Тягаться съ ними нѣтъ возможности. Стоитъ побывать хоть на одномъ большомъ купеческомъ балѣ. Дошло до того, что они не только выписываютъ изъ Петербурга хоры музыкантовъ на одинъ вечеръ, но они выписываютъ блестящихъ офицеровъ, гвардейцевъ, кавалеристовъ, чуть не цѣлыми эскадронами, на мазурку и котильонъ. И тѣ ѣдутъ и пляшутъ, и пьютъ шампанское, льющееся въ буфетахъ съ десяти до шести часовъ утра». Палтусовъ безпрестанно возвращается къ этой темѣ и развиваетъ ее съ замѣчательнымъ усердіемъ. Очевидно, что онъ — человѣкъ убѣжденный, но очевидно также, что убѣдить ему никого не удастся. Въ Палтусовѣ говорятъ инстинкты дѣльца и аппетита гурмана и вивера и онъ прискиваетъ своимъ поползновениямъ теоретическую санкцію—вотъ причина его многоглаголанія. Палтусовъ — это кошка, которая знаетъ чье мясо съѣла. На Палтусовѣ горитъ шапка—и онъ въ этомъ неприятномъ положеніи забываетъ и логику и самую совѣсть. Въ самомъ дѣлѣ, что слѣдуетъ изъ его рѣчей? Фактически Палтусовъ, разумѣется, правъ: купецъ, или, говоря общее, мѣщанинъ, или говоря еще общѣе, капиталъ, быстро и успѣшно пробиваетъ себѣ дорогу къ вліянію, приобретаетъ все большую и большую силу, не говоря уже о томъ, что въ его рукахъ всѣ матерьяльныя наслажденія жизни. Обязательной *нравственной* силы этотъ фактъ все-таки не можетъ, не долженъ имѣть значенія. Вѣдь не завидовали-же мы Держимордѣ и не ставили его себѣ идеаломъ, когда онъ въ *свое* время дергалъ представителей капитала за бороду, приговаривая: «ахъ вы, аршинники, самоварники, надувалы морскіе!» Что изъ того, что капиталъ «занимаетъ первое мѣсто въ городскомъ представительствѣ?» Это доказываетъ только неудовлетворительность устройства городского представительства и ничего больше. Но опять-таки, спрашивается, что изъ этого слѣдуетъ? Многое, конечно, слѣдуетъ, но не то, что выводитъ Палтусовъ. Палтусовъ—есть-ли тутъ капля человѣческаго смысла, есть-ли тутъ капля человѣческаго чувства!—заключаетъ, что при такомъ положеніи дѣлъ долгъ каждаго «порядочнаго» человѣка состоитъ въ томъ, чтобы стать на сторону торжествующаго мѣщанина! Если угодно, у Палтусова есть своя логика, но не логика ума, не логика честнаго и гуманнаго чувства, а логика обжорливаго брюха. Что его тянетъ туда, въ лагерь «ликующихъ, болтающихъ, обгряющихъ руки?» Возможность вкусно ѣсть, сладко пить, «при-

варыливать упраздненныхъ князьковъ», проживать въ Ниццѣ и одѣваться у Ворта. Хороши идеалы, хорошъ дѣятель, да хорошъ, въ слову сказать, и тотъ художникъ, который, изображая этого гурмана и пройдоху, не находитъ для него въ своемъ, всячески даже самыми вычурными и ухищренными выраженіями богатомъ лексиконѣ, ни одного слова осужденія или порицанія.

«Нѣтъ возможности, говорятъ намъ гг. Палтусовъ и Боборыкинъ, — тягаться съ мѣщаниномъ». Да, конечно, если, дѣйствительно, «нѣтъ возможности», тогда ничего не остается дѣлать, какъ махнуть на все рукою, на все то, что заставляетъ ускоренно биться всѣ честныя сердца, спрятать подалше свои прежніе «завиральныя идеи» и скорымъ шагомъ отправиться въ переднюю мѣщанина за кусочками и подачками. Но не такъ-же ужъ плохи наши дѣла. Земля еще не клиномъ сошлась и не только свѣту, что въ этомъ окошкѣ. «Невозможно тягаться» — это, милостивые государи, зависитъ отъ того, на какой почвѣ тягаться. На почвѣ гомерическихъ обѣдовъ, трактирныхъ кутежей «во всю» и волокитства за модными бокотками тягаться съ туго пабитымъ бумажникомъ дѣйствительно нельзя, но вѣдь нужно опуститься до уровня Палтусова, чтобы серьезно говорить о *такой* борьбѣ.

Палтусовъ, впрочемъ, не изъ мелко-плавающихъ дѣльцовъ — по намѣреніямъ и планамъ, по крайней мѣрѣ — и мечтаетъ не о томъ, чтобы выпросить, а о томъ, чтобы вырвать кусокъ. «Хамъ, говоритъ Палтусовъ, умень. Я его не презираю. Такой-же русакъ, какъ и мы съ вами... Я говорю о мужикѣ, вотъ объ такомъ Алексѣѣ, что служить намъ (разговоръ происходитъ въ трактирѣ), о рядчикѣ, десятникѣ, штукатурѣ... Мы должны съ нимъ сладиться и сказать купецкой мошнѣ: пора тебѣ съ нами дѣлиться, а не хочешь, такъ мы тебя подъ ножку». Вотъ, слѣдовательно, въ чемъ дѣло. Задача не въ томъ, чтобы помочь какъ-нибудь, очевидно, ненормальному положенію вещей, а исключительно въ томъ, чтобы самому этимъ положеніемъ воспользоваться. Не въ томъ бѣда, что вода замутилась, а въ томъ, что не мы въ ней рыбу ловимъ. Нужно замѣтить, что Палтусовъ принадлежитъ къ той новѣйшей формациі дѣльцовъ, которая образовалась послѣ крестьянской реформы, когда постигшее дворянъ «оскудѣніе» заставило ихъ обратиться къ личному труду. Безчисленное множество дворянъ, какъ подробно рассказываетъ объ этомъ г. Атава, разумѣется прогорѣло, подобно крыловской щукѣ, отправившейся съ пріятелемъ-котомъ ловить мышей, но наиболѣе «сильные» и «приспособленные» успѣли преодолѣть трудности новаго для нихъ дѣла и положили начало тому дѣльцу, въ которому ужъ ни въ какомъ случаѣ не идетъ щедринскій эпитетъ «чумазый». Палту-

совъ, напримѣръ, былъ въ военной службѣ, прошелъ черезъ университетъ и полагаетъ о себѣ, что онъ «порядочный человѣкъ — съ сердцемъ и не трусъ». Онъ «на войнѣ, въ Болгаріи, не сдѣлалъ ни одной гадости, возмущался и воровствомъ, и нагайками, и адъютантскимъ шелопаиствомъ, и безсердечіемъ разныхъ пошляковъ къ солдату... Не можетъ безъ слезъ вспоминать обмороженные ноги цѣлыхъ батальоновъ...». Палтусовъ человѣкъ свѣтскій, что называется «приличный» и нигдѣ себя въ грязь лицомъ не ударить. Нашъ прогрессъ, такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію. Совсѣмъ не одно и то-же, объегорить-ли васъ кабая-нибудь презрѣнная чуйка или изящный фракъ; большая разница — всучать-ли вамъ гниль при клятвахъ: «лопни моя утроба» и «сею минутую на мѣстѣ провалиться», или съ акомпаниментомъ фразъ, изъ которыхъ любая составитъ украшеніе передовой газетной статьи. Примитивному шулеру невѣрнаго аршина и обманныхъ вѣсовъ далеко до усовершенствованнаго шулера биржевой морали и громкихъ либеральныхъ фразъ. Первый посягаетъ на вашъ карманъ только, второй, кромѣ того, грязнитъ вашу душу, профанируетъ вашу святыню. Посмотрите, напримѣръ, какъ ловко передергиваетъ слова и мысли хотя-бы тотъ-же Палтусовъ въ своей тирадѣ о необходимости «сладиться» съ «купецкой мошной» или «дать ей подъ ножку». Посмотрите, какими благородными аксессуарами составляетъ онъ свое желаніе ухватить и на свою долю кусокъ. Онъ «не презираетъ хама» — какъ благородно! «Хамъ уменъ» — какъ демократично! Хамъ — «такой-же русакъ, какъ и мы съ вами» — какъ патріотично! Мы должны «сладиться» съ мужикомъ, «что служить намъ» — съ половымъ, съ «штукатуромъ» — Господи, какъ возвышенно и, главное, современно! Недостаетъ только, чтобы Палтусовъ послалъ двѣ-три стрѣлы въ досадное «средостѣніе», отдѣляющее его, Палтусова, отъ «этого добраго, патріархальнаго» штукатура. Видите, какъ хорошо и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просто! Всѣ идеи и, между прочимъ, быть можетъ и тѣ, на которыя вы душу свою кладете — всѣ онѣ въ ловкихъ рукахъ г. Палтусова превращаются въ основанія и резоны, оправдывающіе его поползновенія на купеческій карманъ. Палтусовъ — если повѣрить ему — не гешефтмахерствуетъ, а жертву на алтарь отечественнаго прогресса приноситъ, историческую миссію выполняетъ, съ «хамомъ» братается.

Чего тутъ больше — отвратительнаго шутовства или наглаго лицемерія — сказать затруднительно.

Типъ Палтусовыхъ не составляетъ уже новинки ни въ нашей жизни, ни въ нашей литературѣ. Къ чести нашей беллетристики нужно сказать, что она, въ большинствѣ случаевъ, относилась и относится отрицательно къ этому типу. «Культурныя» уячленія и

вождедвінія нашего художника привели его къ иному взгляду на это дѣло. Г. Боборыкина не печалитъ и не тревожитъ, а радуется пришествію «чумазаго», и все, чего онъ требуетъ, заключается въ томъ, чтобы «чумазыи» приодѣлся, умылся и подучился. Я въ правѣ утверждать это не только на основаніи положительныхъ, а и отрицательныхъ данныхъ, имѣющихся въ романѣ. Въ числѣ персонажей фигурируетъ нѣкая купеческая дѣвица Любаша, къ которой г. Боборыкинъ относится совсѣмъ безъ той елейной мягкости, какую онъ обнаруживаетъ по отношенію къ Палтусову. И не даромъ: провинности Любашы велики и многочисленны. Ее нисколько не плѣняютъ радужныя перспективы «оживленія отечественной промышленности» и она съ грубостью, свойственною людямъ этого сорта, напрямки высказываетъ это. Обозрѣвая, напримѣръ, большую фабрику одной своей родственницы-купчихи, прямолинейная Любаша безтактнѣйшимъ образомъ ваяетъ: «Точно мы не понимаемъ. Выставить себя хочетъ благодѣтельницей рода человѣческаго: какъ у ней все чудесно на фабрикѣ! И рабочихъ-то она ублажаетъ! И дѣтей-то ихъ учить!.. А все едино, что хлѣбъ, то мякина... Такая-же каторжная работа... Постой-ка такъ двѣнадцать часовъ около печки или покряхти за станкомъ. А бабы, а дѣвки? Пять цѣлковыхъ, и копты цѣлый день! А барыши идутъ, изволите-ли видѣть, на уплату долговъ Виктора Миронича и на чечеревятъ Анны Серафимовны... Сколотить лишній милліончикъ!..» И достается-же Любашѣ за такую безцеремонность и отъ другихъ персонажей и отъ самого автора! Одинъ изъ дѣльцовъ романа обрываетъ ее, напримѣръ, такимъ манеромъ: «вы бы лучше на себя оглянулись. Другіе люди живутъ какъ люди—кто какъ можетъ, а вы только бранитесь, да безъ толку болтаете. — Книжки читали, да разума ихъ не уразумѣли. Нѣтъ, этотъ товаръ-то дешевый!..» Г. Боборыкинъ съ своей стороны заставляетъ горемычную Любашу томиться любовью къ этому самому дѣльцу, который читаетъ ей такіа нотаци, любовью, разумѣется, безнадежной, потому-что кто-же рѣшится полюбить такое чудовище? Авторъ хихикаетъ надъ своей несчастной героиней, не безъ нѣкоторой, впрочемъ, злобной трусоватости, при каждомъ удобномъ случаѣ. «Эта дарвинистка, говоритъ г. Боборыкинъ въ одномъ мѣстѣ, принесла съ собой какое-то напряженіе, что-то грубое и безцеремонное. На лицѣ такъ и было написано, что она никому спуска не дастъ и на все человѣчество смотреть, какъ на скотовъ».

Превосходно сказано. Очевидное дѣло, что только по своему «скотству», Любаша питаетъ сострадательныя чувства къ тѣмъ, кто стоитъ «двѣнадцать часовъ около печки или кряхтитъ за станкомъ». Люди, въ родѣ г. Палтусова, такихъ некультур-

ныхъ чувствъ себѣ никогда не позволять. Но тяжкіе грѣхи Любаши этимъ не исчерпываются. Чтобы дорисовать ея «скотство», авторъ сообщаетъ намъ такіе ужасы: «Любаша ужасно дѣйствовала своимъ приборомъ. Вилку Любаша держала торчкомъ, прямо и «всей пятарней» — какъ замѣчала ей иногда мать, отличавшаяся хорошими купеческими манерами; ножикъ — также, ѣла съ ножа рѣшительно все, а дичь, цыплятъ и всякую птицу исключительно руками. Въ эту минуту Любаша совсѣмъ легла на столѣ грудью, локти приходились въ уровень съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ ставять стаканы, она громко жевала, губы ея лоснились отъ жиру, обѣими руками она держала косточку курицы и обгрызвала ее». Дальше этого «скотство», очевидно, идти не можетъ. Не соблюдать приличій значитъ унижать свое человѣческое достоинство. Кто не джентльменъ, тотъ не человѣкъ, по крайней мѣрѣ, не полный, не порядочный человѣкъ. Кто «ѣстъ съ ножа» и держитъ локти на столѣ — отъ того нельзя ждать ничего хорошаго. Въ салонной, кафе-ресторанной и бульварной «культуры» намъ нѣтъ и не можетъ быть спасенія.

Дальше идти некуда, да и не стоитъ. Мы нашли тотъ пунктъ, съ котораго картина приобретаетъ наиболѣе яркое освѣщеніе. Купецъ сидитъ за трактирнымъ столомъ и поглощаетъ ерофенчъ съ шампанскимъ, машина гремитъ: «Славься ты, славься святая Русь!», вотъ что виднѣется на первомъ планѣ «Китай Города». Но послѣ этого о какой-же «скукѣ», о какомъ-же «уныніи», будто-бы обуявшемъ наше общество, можетъ быть разговоръ? Помилуйте, кругомъ разливанное море и бѣшеное веселье, гнилому западу на зависть! Да, для того, кто созерцаетъ жизнь изъ-за трактирнаго буфета, дѣло должно представляться въ самомъ радужномъ видѣ. Но бѣда въ томъ, что романсъ: «Славься ты, славься ваше степенство», пропѣтый г. Боборыкинымъ, далеко еще не гимнъ: «Славься святая Русь».

IV.

Нашей нарождающейся буржуазіи и ея бардамъ и защитникамъ естественно предаваться ликованію, если они ограничиваются только настоящимъ, не заглядывая въ вѣроятное будущее и не обращаясь за уроками къ прошлому. Въ настоящемъ Разуваеву и книги въ руки, конечно, и все, что могутъ сказать въ прославленіе его вліянія и значенія — все это будетъ довольно слабо въ сравненіи съ дѣйствительностью. Но бѣда въ томъ, что наша буржуазія выступаетъ слишкомъ поздно на историческую арену, чтобы ввести въ заблужденіе насчетъ своей истинной мис-

сіи мало-мальски серьезнаго наблюдателя. На западѣ буржуазія пришла не съ пустыми руками. Она выступила не съ одними только инстинктами, а съ идеями, имѣвшими общегосударственное и общенародное значеніе. Третье сословіе представляло собою носителя и представителя интересовъ всего народа. То-ли мы видимъ теперь у насъ? Интересы Разуваева діаметрально противоположны интересамъ народа, и только отчасти, только чуть-чуть, съ одного только конца, сталкиваются съ интересами Держиморды. Или, въ самомъ дѣлѣ, г. Боборыкинъ правъ, и его Палтусовъ является союзникомъ и защитникомъ «штукатура»? Объ этомъ нельзя и говорить серьезно. Палтусову, занимающемуся въ Москвѣ подрядами по строительной части, мечтающему воздвигнуть себѣ со временемъ свой собственный палаццо, разумѣется, тѣмъ выгоднѣе и пріятнѣе, чѣмъ меньше придется заплатить «штукатуру». О солидарности интересовъ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Пусть знаменитый девизъ западной буржуазіи «liberté, égalité, fraternité» оказался только громкой фразой, онъ все-таки безконечно выше девиза «распивочно и на выносъ» или, въ усовершенствованномъ г. Боборыкинымъ видѣ, «Ницца и шампанское». Вотъ причина, почему западная буржуазія имѣла за собою всѣ лучшія умственные и нравственные силы страны, тогда какъ наша при самомъ своемъ появленіи встрѣчаетъ непримиримыхъ и вполне сознательныхъ враговъ, понимающихъ ее гораздо лучше, нежели она сама себя понимаетъ. Разъ это явленіе достаточно обнаружилось въ жизни—оно, не смотря ни на что, должно было отразиться и въ литературѣ, выразиться въ беллетристикѣ. Но въ этомъ отношеніи истекающій годъ далъ слишкомъ ничтожные результаты, во всякомъ случаѣ далеко не пропорціональные важности самого явленія и настойчивости запросовъ самой жизни. Вннѣтъ-ли въ этомъ нашихъ молодыхъ беллетристовъ? Разумѣется, нѣтъ. Странно было-бы думать, что такой яркій талантъ, такая тонкая наблюдательность и вдумчивый умъ, какими отличался, напр., покойный Новодворскій (А. Осиповичъ) былъ не въ состояніи произвести что-нибудь болѣе рельефное и опредѣленное, нежели послѣдній его рассказъ «Исторія» («Отеч. Записки», февраль). Въ этомъ рассказѣ читатель найдетъ все, что требуется отъ большого художественнаго дарованія: замѣчательную стройность и цѣльность общей концепціи, блестящую форму, образный и сильный языкъ, отлично очерченные (иногда двумя, тремя бойкими штрихами) характеры и т. д. Но идея, составляющая, очевидно, основу всего рассказа, идея, которой единственно весь этотъ рассказъ и вызванъ, далеко не играетъ въ немъ принадлежащей ей роли. Она не проникаетъ собою всѣхъ деталей повѣствованія, она только заставляетъ угадывать о своемъ при-

существовании, мало себя обнаруживает, и потому, относительно говоря, мало влияет на читателя. Между тем у Новодворского были все ресурсы на то, чтобы производить сильное и глубокое впечатление, и в числе этих ресурсов первое место занимали страстная и непоколебимая убежденность автора. Новодворский не был рабом своего таланта—он самый этот талант всегда и неизменно обращал на служение идеям. Новодворский, напр., умел смеяться и умел смешить, но он смеялся не тогда, когда ему приходило веселое расположение духа или встречался забавный курьез, а лишь тогда, когда требовалось осмеять. В Новодворском было много того, что г. Боборыкинъ называет «скотством» и что я называю действительным и просветленным человеческим чувством, которое не позволяет нам с бараньим или телячьим равнодушием относиться к тяжелой судьбе своих братьев. И за всем тем, повторяю, как «История» так и другие, более ранние работы Новодворского, производят смутное впечатление, впечатление чего-то недосказанного и невыясненного. Симпатии автора ясны, но мало убедительны, слабо формулированы мотивировки этих симпатий. Мы видим, что фавориты-персонажи Новодворского не похожи на Палтусовых, что их не в чем упрекнуть и с точки зрения личной нравственности, но мы не видим главного—их деятельности, и мало узнаем об их идеалах. Новодворский более чем кто-либо нуждается в критических комментариях и разъяснениях, которых и дождется когда-нибудь. Когда именно? Оставляя этот вопрос открытым, я приглашаю теперь читателя перейти на более удобную и прочную почву, занимающую среднее, как-бы переходное, положение между обширной территорией, захваченной г. Боборыкинымъ и Палтусовымъ, и маленьким темным уголкомъ, в котором ютятся Новодворские.

Явление, на которое я хочу обратить внимание читателя, совершенно ничтожно как явление, но довольно характерно как симптом. Между героями г. Боборыкина, счастливыми обитателями «Китай-города», и героями Осиповича есть одна вполне тождественная черта: это полная уверенность в необходимости своей деятельности и правоте своих поступков. Собственно персонажи г. Боборыкина далеко, повидимому, не имеют этой уверенности, потому что встать и не встать оправдываются, но в этом отражается только неуверенность самого автора, а прототипы этих персонажей не знают никаких сомнений. Такъ всегда бывает при начале какого-нибудь общественного движения, когда оно еще не успело осложниться различными посторонними элементами. В начале битвы все стоит на своих местах—в разгаре ее являются и перебежчики, и мародеры, и фальшивые раненые. Надо

думать, что въ дѣйствительности нашей типъ такихъ мародеровъ идеи и ренегатовъ идеала вырабатывается успѣшно, потому что въ литературѣ стали появляться его изображенія. Одинъ изъ нашихъ, если не ошибаюсь, начинающихъ писателей, нѣкій г. Г. О., сдѣлавъ своею спеціальностью изображеніе этихъ переметныхъ сумъ новѣйшаго происхожденія. Г. Г. О. талантомъ не обладаетъ, но талантикъ у него есть и писать онъ во всякомъ случаѣ можетъ. Затѣмъ, тема, облюбованная имъ, вообще говоря, очень удачна: картины нравственныхъ паденій, болѣзней воли и сердца, могутъ имѣть очень серьезное предохраняющее и предостерегающее значеніе для всѣхъ пока еще здоровыхъ людей. Дѣло извѣстное, отрицательное, примѣры также нужны какъ и положительные. Тѣмъ болѣе нельзя не пожалѣть, что всѣ извѣстныя намъ произведенія г. Г. О. погрѣшаютъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, всѣ рассказы г. Г. О. имѣютъ своимъ героемъ въ сущности одно и тоже скверное лицо. Правда, герои носятъ различныя имена и фамиліи, но ихъ нравственное содержаніе и, что всего важнѣе, причины, приведшія ихъ къ отступничеству, постоянно являются однѣми и тѣми-же. Эти причины, какъ изображаетъ ихъ г. Г. О., заключаются во внутренней дрянности и несостоятельности его героевъ. Это объясненіе, конечно, справедливо, но оно неполно, слишкомъ обще и неопредѣленно. Дрянность тоже бываетъ различная. У г. Г. О. всѣ герои являются отступниками отъ разочарованности, а эта разочарованность является въ свою очередь отъ чрезмѣрной нравственной требовательности и щепетильности героевъ.

Здѣсь именно мы подходимъ ко второй, гораздо болѣе, нежели однообразіе психологическихъ мотивовъ, серьезной ошибкѣ автора. Дѣло въ томъ, что, по странному недоразумѣнію, г. Г. О. относится къ своимъ героямъ не съ презрѣніемъ или отвращеніемъ, которыхъ они вполнѣ заслуживаютъ, а съ нѣкоторымъ даже почетомъ и съ очевидной любовью. Я не говорю, что авторъ фальсифицируетъ: онъ говоритъ правду и при томъ такую, что хуже всякой лжи. Но онъ не понимаетъ, не видитъ значенія этой правды. Одинъ изъ его героевъ, напр., называетъ себя «гамлетизированнымъ поросенкомъ», но называетъ не серьезно, а «расхотавшись» и иронически прибавляетъ: «что-жь? Mea culpa! Mea maxima culpa!» Конечно, человѣкъ слабъ и «познать самого себя» ему трудно, но удивительно, что авторъ, если только онъ смотритъ на дѣло со стороны, не видитъ настоящей цѣны своему герою. Удивительно, что и онъ склоненъ видѣть въ немъ не «поросенка» а раненаго и гордо-страдающаго льва, котораго лягать могутъ только ослы. Между тѣмъ его герой даже не «гамлетизированный поросенокъ», а цѣлая щедринская «торжествующая

свинья». Достаточно выслушать хотя-бы напр. такой диалог между героями и одной интересной дамочкой, чтобы убедиться въ этомъ.

— Гордости много въ васъ Левъ Дмитріевичъ.

— Вотъ ошиблись-то,—перебилъ онъ ее съясъ:—напротивъ, смиреніе, а не гордость; вездѣ люди, вездѣ человѣки... Да по правдѣ сказать, мнѣ все это сантиментальное хныканье, на подкладкѣ мировой скорби, до смерти надоѣло! Ненавижу я это хныканье, подлое оно, лакейское... Обстоятельства, давящая сила... Но на что-же ты-то человѣкъ, «образъ и подобіе божіе»? Обстоятельства!.. Да наплевать мнѣ на обстоятельства... Если я страдаю, то всегда самъ виноватъ, самъ, и знать это нужно — иначе я лакей! А то вѣдги на торжище и безобразничать; я, молъ, и такой и сякой, и умный, и чувствительный, да давящая сила! Давящая сила! Да я-то что? Инѣузорія что ли, муха какал? Вѣдъ это неуваженіе къ себѣ... А коли ужъ избить такъ, что двигаться не можешь, ну, и умирай молча, безъ хныканья, уйди куда-нибудь въ глушь, не лакействуйте... Что вы хмуритесь? Знаю, что хотите сказать. У звѣря, и у того есть благородный инстинктъ: онъ идетъ умирать куда-нибудь. А святые, а подвижники, они тоже сами виноваты? Такъ вѣдъ это особая статья... Тамъ и рѣчи не можетъ быть о жалобѣ... „Блаженны, когда поносить васъ имени моего ради... Радуйтесь и веселитесь...“ Ахъ, да и не вѣрю я, не вѣрю этимъ героямъ раг excellence... Истинный героизмъ не ищетъ случая, истинный героизмъ тамъ, между „члаленама“, которымъ открыто то, что утаено отъ „премудрыхъ и разумныхъ...“ А гдѣ декорация, „обстановочка“, нѣтъ тамъ героизма, тамъ только раздутая претензія микроскопической личности, тамъ... Мнѣ-ли ужъ это не знать,—вдругъ съ злобной горечью перебилъ онъ себя:—чего другого а это все продѣлано... Не пустяки слова говорю, Ольга Михайловна, все это выстрадано, въ мучительномъ стыдѣ, въ стыдѣ за себя, въ тоскѣ смертной... Да это еще что,—махнулъ онъ рукой,—хныканье! Хуже есть, слянивость эта самодовольная... ходить, съ подвигами другъ друга поздравляють...

— Ахъ, Левъ Дмитріевичъ!

— Ей-Богу не стыдно, Ольга Михайловна! Потому, измалодушествовался русскій человѣкъ жестоко: и по части воровства съ одной стороны, и по части «подвиговъ», съ другой... Всяду-то у него «охота смертная, да участь горькая...» («Отъвадъ», В. Е. Августъ).

Что все это,—крикъ безвыходнаго отчаянія (какъ, очевидно, хотѣлъ изобразить авторъ) или самодовольный голосъ успокоившейся пошлости? Мнѣ кажется, тутъ не можетъ быть сомнѣнія. «Ахъ, да не вѣрю я, не вѣрю этими героямъ»—развѣ это не тоже заявленіе, которое сдѣлала «торжествующая свинья»: «никакихъ я солнцевъ живучи въ хлѣву, словно не видывала». Герой г. Г. О. просто обжегся на своемъ молокѣ, и теперь на чужую воду дуетъ. Его бѣда въ томъ, что судьба дала ему на рубль амбиціи и на грошъ аммуниціи, и какъ натурашка дрянная, мелко-самолюбивая и зараженная страшнымъ самомнѣніемъ, онъ не можетъ помириться съ мыслью о своемъ ничтожествѣ. Между тѣмъ факты, доказывающіе это ничтожество, рѣжутъ ему глаза, и онъ, не умѣя возвыситься до ихъ уровня, старается принизить ихъ до своего,

всячески оплевать и запакоstitь ихъ. Свинья, разумѣется, было бы пріятно, если-бы жизнь превратилась въ хлѣвъ: тогда и она стала-бы «персоной». Преслѣдуя эту благородную цѣль, т. е. стараясь, посредствомъ загрязненія всѣхъ и всего, сдѣлать не столь рѣзкой свою собственную черноту, герои г. Г. О. теряютъ послѣдніе остатки самосознанія и стыда. Они только и дѣлаютъ, что позируютъ и фразерствуютъ, любятъся походя въ зеркало на томную блѣдность, покрывающую ихъ лицо, говорятъ о своихъ утратахъ и разочарованіяхъ, интересничаютъ передъ провинціальными дамочками въ качествѣ «пострадавшихъ» и въ то же время осмѣиваются говорить о «хныканьи», о «торжищѣ». Чѣмъ кумушекъ считать трудиться — не лучше-ль на себя, кума, оборотиться? Но у этихъ господъ два аршина — одинъ для себя, другой для другихъ. Иначе имъ никакъ нельзя, иначе имъ пришлось-бы признать себя карликами, трусами и предателями. И вотъ они говорятъ о «послѣдовательности идиотовъ», о «глухыхъ басняхъ» и т. п. Они намекаютъ, что не отъ низости, а отъ очень большого своего ума они не могутъ ни къ чему прочно прилѣпиться, ни во что твердо увѣровать, ничего дѣйствительно полюбить. И имъ при этомъ, по ихъ-же собственнымъ словамъ, «ей Богу, не стыдно!» Чего стыдиться? Все обстоитъ благополучно. «Ума» у нихъ хватитъ на то, чтобы разыгрывать рольку въ кружкѣ пансіонерокъ или романтическихъ старухъ дѣвъ. Ловкости достанетъ настолько, чтобы если не быть, то долго слыть человѣкомъ не поплатусовски порядочнымъ. Правда, все это до перваго серьезнаго испытанія. Наступитъ это испытаніе и вся ложь грязной и мелкой натурки выйдетъ наружу, начнется нескочаемая цѣпь разныхъ увертокъ, лганья, заpirationства и всякаго рода подвоховъ. Герой, не признававшій силы «обстоятельствъ» и гордо парадировавшій предъ пансіонерками въ качествѣ «не лабеля», сразу оказывается мокрой курицей, которая въ одно время и смѣшна, и жалка, и гадка.

Странно и жалко, что г. Г. О. не только серьезно, но и сочувственно относится къ этой умственной и нравственной слякоти и мрази. Онъ очевидно не видитъ скандальнаго неприличія своихъ героиньковъ и компроментируетъ себя, давая читателю поводъ заподозрить его въ солидарности съ ними. Но что эти рассказы печатаются рядомъ съ «Китай-городомъ» въ этомъ не только нѣтъ ничего удивительнаго, а напротивъ много поучительнаго и логичнаго. Между г. Боборыкинымъ и г. Г. О. нѣтъ полной солидарности, но есть связующая нить и нить не случайная, и довольно прочная. Оба они играютъ на руку облагороженному и умытому Разуваеву—г. Боборыкинъ прямо и непосредственно, г. Г. О. косвенно. Развивать этой темы я, однакоже, не стану.

По всей справедливости, я долженъ бы теперь остановиться на такихъ, богатыхъ подходящимъ для меня матерьяломъ, произведеніяхъ, какъ «Злой духъ» г. Авсѣенко и «Внѣ колеи» г. Орловскаго, украшающихъ страницы «Русскаго Вѣстника». Но я избавляю отъ этого читателя. Тамъ все обстоитъ по прежнему. Г. Авсѣенко переписываетъ самого себя, а г. Орловскій является достойнымъ ученикомъ великаго учителя г. Маркевича. У г. Авсѣенко въ данный моментъ развитія его романа терпѣть страшное издѣвательство блаженной памяти «диктатура сердца», а у г. Орловскаго подвергаются истязанію «новые суды». Ну, а затѣмъ, разумѣется, «онъ», во всемъ ужасѣ своего безобразія, и другой «онъ»—проводитель дворянства (отнюдь не земець), изнемогающій подъ игомъ долга и кучи собственныхъ добродѣтелей и наконецъ «она», чудная лилія, благоухающая роза, которая играетъ въ романѣ роль монтионовской преміи, т. е. роль приза за добродѣтель. Все, какъ видитъ читатель, по старому.

М. Протопоповъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Промыслы владимірской губерні. Вып. 1. Изслѣдованіе В. С. Пругавина; вып. 2. Изслѣдованіе С. А. Харизоменова. Изданіе Асафа Баранова. Москва, 1882.

Бывшіе на московской выставкѣ, безъ сомнѣнія, обратили вниманіе на ту массу посѣтителей, которая постоянно наполняла павильоны съ издѣліями кустарной промышленности. Судя по замѣчаніямъ, какія приходилось намъ слышать между зрителями, не трудно было понять причину такого наплыва: большинство публики впервые узнало о существованіи кустарныхъ промысловъ и смотрѣло на мужицкія издѣлія, какъ на новинку. Чѣмъ объяснить такое общее невѣжество по отношенію къ одному изъ важнѣйшихъ явленій экономической жизни русскаго народа? Еще не особенная бѣда, если бы только такъ мало знали о народной промышленности выставочные посѣтители, но есть основаніе думать, что немного больше знаютъ о ней и тѣ люди, отъ которыхъ зависитъ въ значительной мѣрѣ общее направленіе экономической политики. Вивовата здѣсь отчасти литература. Почти совершенно игнорируемая до 60 годовъ и впервые, если не открытая, то изслѣдованная г. Корсакомъ, кустарная промышленность только въ послѣдніе годы стала привлекать къ себѣ вниманіе литературы. Но теперь, падо надѣяться, это вниманіе не будетъ, по крайней мѣрѣ, ослабѣвать. Уже въ настоящее время извѣстно, что кустарничество, т. е. домашнее производство въ собственной мастерской или, вѣрнѣе, въ собственной избѣ, несмотря на развитіе фабрикъ, представляетъ типическую организацію русской промышленности и что оно покрываетъ цѣлую $\frac{1}{3}$ общаго бюджета крестьянъ промышленной половины. Всякое новое изслѣдованіе въ этой области все болѣе выясняетъ важное ея значеніе для народной экономики.

Недавно вышедшіе труды Прилежаева: «Что такое кустарная промышленность?», Григорьева «Кустарные промыслы въ Павловѣ» и оба названныя выше сочиненія доказываютъ, что для полнаго

знакомства съ кустарной промышленностью остается сдѣлать еще слишкомъ много. Выбравши для своихъ изслѣдованій мѣстность весьма близкую къ Москвѣ, александровскій уѣздъ, владимірской губерніи, П. Пругавинъ и Харизоменовъ нашли, напримѣръ, здѣсь такую же невѣдомую землю, какъ какая-нибудь Фергана или центральная Африка. Тѣ данныя, которыя они нашли, оказались въ такой же степени фантастическими, какъ и старинные рассказы о диковинкахъ бѣлой Арапіи. По свѣдѣніямъ центрального статистическаго комитета, напримѣръ, число селеній, занимающихся бумаготкацкимъ промысломъ въ александровскомъ уѣздѣ, не болѣе 29, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности ихъ около 115, т. е. въ 4 раза больше. Этимъ отсутствіемъ данныхъ, равно какъ и обширной программой, принятой при изслѣдованіи и включающей въ себя, кромѣ описанія техники, еще вопросы объ экономическихъ условіяхъ кустарей, вѣроятно и нужно объяснить, почему два изслѣдователя въ продолженіи почти двухъ лѣтъ могли въ одномъ лишь уѣздѣ, и то не вполне, изучить девять промысловъ: бумаготкацкій, размотку шелка, игрушечное производство, варежный промыселъ (Пругавинъ), башмачный, шерстяной, кузнечный, валяльный и бондарный (Харизоменовъ).

Происхожденіе этихъ промысловъ довольно разнообразно. Большею частью, бывало такъ, что какой-нибудь крестьянинъ, выучившись по своей волѣ или по неволѣ какому-нибудь ремеслу на сторонѣ, переселялся на родину и здѣсь заводилъ мастерскую, изъ которой промыселъ распространялся по всему селенію или округу. Иные промыслы явились весьма случайно, напримѣръ: основаніе игрушечному промыслу въ дер. Богородской положила какая-то старуха изъ мѣстныхъ жителей, которая первая сдѣлала куклу изъ ольховаго дерева. Исторія возникновенія кузнечнаго промысла въ деревнѣ Сущевой такова. Около пятидесятихъ годовъ одинъ крестьянинъ, умѣвшій чинить кухонные ножи и сельскохозяйственные орудія, поправляя топоръ, заинтересовался его устройствомъ. Въмѣсто того, чтобы починить топоръ, онъ разогрѣлъ его въ горнѣ и разогнулъ обухъ. Разсмотрѣвши внимательно разогнутый обухъ, Кузнецовъ «смакнулъ» какъ онъ дѣлается, и самъ принялся «гнуть» топоры на умъ Лазаря». Конечно, пришлось испортить много желѣза, прежде чѣмъ далось ему искусство, но спустя недолгое время, вся деревня дѣлала топоры и при томъ не только для потребностей окрестнаго населенія, но и въ лавки торговцевъ. Безъ сомнѣнія, подобныя примѣры доказываютъ значительную сообразительность крестьянина нечерноземной полосы, но въ томъ же случайномъ происхожденіи большей части промысловъ слѣдуетъ искать объясненія низкаго состоянія техники почти всѣхъ кустарныхъ

производствъ. Оба изслѣдователя весьма подробно знакомятъ насъ съ этой стороною дѣла и всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя ими о техническихъ приѣмахъ кустарей, доказываютъ, какъ мало эти приѣмы измѣняются къ лучшему въ продолженіи цѣлыхъ десятилѣтій. Да иначе и быть не можетъ при отсутствіи не только общаго образованія среди кустарей, но даже какихъ-либо наблюденій въ сколько-нибудь правильно организованныхъ мастерскихъ. Жаль, что ни тотъ, ни другой авторъ, не приложили къ тексту нивакихъ рисунковъ и чертежей. По нимъ можно было бы составить гораздо болѣе ясное представленіе объ орудіяхъ кустарей, чѣмъ по длиннымъ описаніямъ, изъ которыхъ нѣкоторыя даже мало понятны. Но какъ ни плоха техника кустарей, едва ли можно думать, что они въ силу этого обстоятельства скоро исчезнутъ, уступивши свое мѣсто машинѣ, несмотря на то, что такая участь постигла уже пряденье и ткачество. Издѣлія большинства кустарей слишкомъ индивидуальны, чтобы ихъ могла дѣлать съ выгодой машина. На машинѣ удобно и выгодно работать, напримѣръ, гвозди, но ухваты, игрушки и т. п. дѣлать на ней было бы слишкомъ дорого. При томъ, кустарь работаетъ только въ свободное отъ полевыхъ занятій время, не гонится за большими барышами и можетъ продавать свои издѣлія, несмотря на массу затраченнаго труда, «дешевле, чѣмъ фабрикантъ», руководящійся чисто коммерческими расчетами. Благодаря особенному вниманію, съ какимъ оба изслѣдователя относились къ экономіѣ промысловъ, можно составить по ихъ описаніямъ довольно ясное представленіе о житьѣ-бытьѣ кустарей. По нашему мнѣнію, эти описанія—лучшая часть, особенно труда г. Харизоменова. Къ сожалѣнію, чтеніе книги затрудняется шероховатымъ изложеніемъ и цѣлыми страницами цифръ бюджетовъ отдѣльныхъ домохозяйствъ, которыя легко могли быть снесены въ примѣчанія, и замѣнены въ текстѣ лишь общими выводами.

Кустарная промышленность, по своей экономической организаціи, не подходитъ ни къ мелкой, ни къ крупной системѣ производствъ. Съ ремесленникомъ кустарь сходится въ томъ отношеніи, что работаетъ въ собственной мастерской, своими орудіями при помощи членовъ семьи, иногда лишь нѣсколькихъ наемныхъ работниковъ. Но по условіямъ сбыта кустарный промыселъ находится въ одинаковомъ положеніи съ крупнымъ производствомъ. Въ противоположность ремесленнику, кустарь работаетъ не по заказу, не для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, а на общій рынокъ. Какъ и на фабрикѣ, въ округахъ извѣстнаго кустарнаго промысла существуетъ и товарное и детальное раздѣленіе труда. Слѣдуетъ и рядомъ встрѣчается, что кустарь дѣлаетъ не цѣлый предметъ, а лишь его часть, которая потомъ на фабрикѣ подвергается даль-

нѣйшей обработкѣ и соединенію съ другими. Изъ всей массы производимой въ александровскомъ уѣздѣ сарпинки, въ самомъ уѣздѣ потребляется какихъ-нибудь нѣсколько десятковъ кусковъ, а десятки тысячъ штукъ идутъ на рынки Кавказа, Сибири и южной Россіи. «Поэтому кустари, подобно наемнымъ рабочимъ на фабрикахъ и заводахъ, подвергаются всѣмъ ужаснымъ послѣдствіямъ господства въ промышленной сферѣ принципа: производство для производства, для сбыта, для рынка, а не для (непосредственнаго) потребленія. Экономическіе кризисы въ кустарной области столь же естественны и неизбежны, какъ и въ сферѣ крупнаго капиталистическаго производства». Конкуренція, перепроизводство, политическія событія, вообще всякія обстоятельства, обуславливающія колебаніе рыночныхъ цѣнъ, отражаются на кустарѣ съ такою же силой, какъ и на англійскомъ фабричномъ рабочемъ: точно также масса производителей остается безъ дѣла, также понижается заработная плата, и только обладаніе клочкомъ земли и избой спасаетъ кустаря отъ дальнѣйшихъ послѣдствій кризисовъ: нищенства и эмиграціи въ далекія окраины. Но этимъ не ограничиваются послѣдствія, какія влечетъ для кустарей ихъ зависимость отъ рынка. Условія сбыта вмѣстѣ съ постоянною нуждою кустарей въ средствахъ производства создали цѣлый классъ посредниковъ между производителями и рынкомъ, такъ называемыхъ «скупщиковъ», «мастерковъ». Они скупаютъ отъ кустарей издѣлія и доставляютъ имъ матеріалъ: шерсть, шелкъ и пр. для работъ. Значительная часть заработка кустаря поглощается этими факторами. Какъ велика эта часть, можно судить потому, напримѣръ, что «заработокъ самостоятельнаго промышленнаго ткача, работающаго свой матеріалъ, въ 3½ раза превышаетъ заработокъ кустаря, работающаго на мастера изъ его шерсти (вып. 2, стр. 100). Можетъ показаться страннымъ, почему же кустари не войдутъ въ непосредственныя сношенія съ московскими купцами, минуя скупщиковъ. Опыты подобнаго рода дѣлались и дѣлаются нерѣдко, но всѣ они кончались скверно: обрабатывая свой матеріалъ и вообще ведя дѣло на свой страхъ, кустарь, незнакомый съ измѣнчивыми требованіями рынка, постоянно рискуетъ остаться съ товаромъ на рукахъ и ждать цѣлый годъ или полгода хорошаго сбыта по выгоднымъ цѣнамъ. Поэтому даже зажиточныя семьи не считаютъ возможнымъ вести дѣло на собственный страхъ и предпочитаютъ работать на скупщиковъ. Монополизировавши сбытъ въ своихъ рукахъ, скупщики, разумѣется, пользуются своимъ положеніемъ въ полной мѣрѣ, эксплуатируя кустарей всѣми способами: разсчитываютъ ихъ когда находятъ для себя выгоднѣе, преимущественно въ періоды крайней нужды въ деньгахъ для покупки хлѣба, уплаты податей, при-

чемъ съ особенною охотою платять товарами, конечно дурнаго качества и по высокой цѣнѣ или даютъ вмѣсто «настоящихъ денегъ» купоны, отрѣзанные отъ серій и другихъ процентныхъ бумагъ за одинъ, за два, даже за пять лѣтъ впередъ. Въ свою очередь, скупщики подвергаются не меньшей эксплуатаціи со стороны московскихъ торговцевъ, особенно въ годы плохаго сбыта товаровъ. Торговцы берутъ тогда товаръ на 6—12 мѣсяцевъ подъ безпроцентные векселя или-же на коммисію, выдавая деньги скупщику впередъ, за что удерживаютъ въ свою пользу около 20 проц. Эти-то торговцы и надѣляютъ скупщиковъ «не настоящими деньгами», купонами. Весьма любопытны давнія о состояніи земледѣлія у кустарей. Оказывается, что земледѣльческое хозяйство здѣсь не только не забрасывается, но даже улучшается. Заработки отъ промысла даютъ возможность увеличить оборотныя средства полеваго хозяйства и подняться на ноги въ годы неурожая и другихъ бѣдъ. Упавшій домохозяинъ-кустарь безопадный, безхозяйный, можетъ поправиться, скорѣе чѣмъ крестьянинъ, занимающійся исключительно земледѣліемъ. Земледѣлія не бросаютъ и разбогатѣвшіе скупщики («мастерки», «фабриканты»), напротивъ, съ увеличеніемъ доходовъ отъ промысла улучшается и земледѣльческое хозяйство, которое у мастерковъ вообще въ лучшемъ состояніи, чѣмъ у остальнаго промышленнаго населенія уѣзда. И это понятно. Земледѣліе вѣрнѣе обезпечиваетъ необходимыя средства къ существованію, чѣмъ промыселъ, подверженный всѣмъ случайностямъ спроса и предложенія. «Не давая, можетъ быть, такого дохода, какой даетъ промыселъ, замѣчаетъ г. Харизоменовъ, оно не подвержено столь сильнымъ рыночнымъ колебаніямъ, столь рѣзкимъ переходамъ отъ оживленія къ застою, не грозитъ опасностью быстраго раззоренія, какое составляетъ обычное явленіе въ средѣ «мастерковъ». Подворная опись показала, что процентъ бросившихъ хозяйство въ однихъ селеніяхъ совсѣмъ отсутствуетъ, въ другихъ нисколько не больше, чѣмъ въ земледѣльческихъ селеніяхъ. Изъ 25 дворовъ опаринскихъ кузнецовъ ни одинъ не бросилъ хозяйства и въ большинствѣ случаевъ, даже при урожаяхъ ниже средняго собственнаго хлѣба хватаетъ имъ на круглый годъ. Въ одномъ изъ самыхъ промышленныхъ селеній александровскаго уѣзда, селѣ Кудринѣ-Новоселкахъ, несмотря на усиленную работу на твацихъ станкахъ, жители успѣваютъ обрабатывать свою землю и, кромѣ того, арендуютъ у другихъ владѣльцевъ, платя по 5—7 руб. за десятину и отправляясь на поле нерѣдко за 10 верстъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, напримѣръ, въ районѣ валяльнаго промысла, встрѣчаются и бездомныя и безхозяйныя семьи, но исключительно среди крестьянъ, занятыхъ не валяльными, а отхо-

жимъ промыслѣмъ. По своему вліянію на умственное развитіе кустарные промыслы сильно различаются, но въ общемъ дѣйствуютъ скорѣе вредно, чѣмъ полезно. Несомнѣнно, что игрушечникъ, вѣчно занятый мыслію объ изобрѣтеніи какой-нибудь новой игрушки, находится въ условіяхъ, благопріятныхъ для умственнаго развитія. Но о другихъ промыслахъ этого сказать далеко нельзя. Въ бумаготкацкомъ промыслѣ, какъ онъ существуетъ теперь, школьные занятія дѣтей немислимы: 7—8 лѣтніе мальчики сидятъ уже за шпульнымъ колесомъ. Но, если-бы какими нибудь средствами, напримеръ, уменьшеніемъ эксплуатаціи кустарей скупщиками, была увеличена доля заработка, приходящаяся теперь на взрослого производителя, если-бы, словомъ, былъ поднятъ экономическій уровень кустарей, то «сознаніе важности образованія», которое и теперь, по наблюденію г. Пругавина, проникло уже въ крестьянскую среду, по всей вѣроятности, не замедлило-бы обнаружиться въ обученіи дѣтей въ школѣ. Но эти «если-бы», пока *ria desideria*. Что касается до будущности перечисленныхъ промысловъ, то въ виду разнообразія условій различныхъ производствъ она не можетъ быть одинакова. Но здѣсь вообще возможны лишь одни предположенія. Несомнѣнно, что промыслы, обрабатывающіе продукты дерева, какъ бочарный, отчасти кузнечный, потребляющій уголь, должны, по мѣрѣ вырубки лѣсовъ, падать. Напротивъ, будущность валяльнаго промысла, особенно съ улучшеніемъ техники, по мнѣнію г. Харизоменова, обезпечена. Башмачное-же производство находится въ періодѣ перехода отъ ремесла къ мануфактурѣ съ ея товарнымъ и детальнымъ раздѣленіемъ труда. Производство кромки, суконъ близко къ гибели. Въ литературѣ было высказано не мало мнѣній, какъ остановить паденіе кустарныхъ промысловъ и сдвинуть ихъ съ рутиннаго пути на путь рациональнаго развитія. Всего чаще рекомендовались — артельное начало и ссудосберегательныя товарищества. Г. Харизоменовъ, соглашаясь, что дѣйствительно — артельная организація — хотя-бы устройство артельныхъ складовъ для издѣлій, артельной закупки сырья крупными партіями по пониженной цѣнѣ, совмѣстное владѣніе и пользованіе наиболѣе цѣнными орудіями и вообще, кооперативная форма производства могла-бы избавить кустарей отъ эксплуатаціи капитала и поднять ихъ экономическій уровень, сильно сомнѣвается, однакожь, чтобы эта форма могла быть примѣнена съ успѣхомъ къ большей части производствъ. Помимо тѣхъ препятствій, какія вообще встрѣчаетъ примѣненіе кооперативной организаціи въ промышленной области, препятствій, обусловливаемыхъ крайнимъ индивидуализмомъ и конкуренціей производителей, враждебнымъ отношеніемъ скупщиковъ товара и хозяевъ мастерскихъ, помимо этихъ общихъ условій, каж-

дый промыселъ имѣть свои особыя черты, благопріятствующія или препятствующія примѣненію кооперативныхъ формъ труда. Въ кузнечномъ промыслѣ артельная организація, благодаря постоянству въ цѣнахъ сырья и издѣлій, отсутствію рѣзкихъ колебаній въ запросѣ, благодаря простотѣ самихъ продуктовъ, опредѣленности взаимныхъ отношеній между кустаремъ и скупщикомъ, примѣнима легко. Среди валяльщиковъ теплыхъ сапогъ артельное начало уже нашло себѣ примѣненіе въ общемъ владѣніи и пользованіи стирными, въ которыхъ мочать сваланные сапоги. Стирныя приобрѣтаются на общій счетъ артельщиковъ, по равной долѣ съ двора. Ремонтъ мастерской и необходимыхъ приспособленій (печи, котла, ватковъ и проч.) производится на общій счетъ артели; отопляются стирныя всѣми членами артели по очереди: день топить одинъ дворъ, вступившій въ артель, а на слѣдующій день другой дворъ, и т. д. Но къ ткацкому, сапожному, шерстяному и т. п. промысламъ примѣнить артельную форму, по мнѣнію автора, гораздо труднѣе: «Столѣтняя промышленная дѣятельность съ рѣзкими колебаніями рынка, съ быстрыми обогащеніями и раззореніями развила въ средѣ промышленнаго населенія крайнюю рознь, антагонизмъ, конкуренцію, всевозможные обманы, надувательство и даже воровство». Рыночныя колебанія производятъ постоянныя приливы и отливы рабочихъ то къ домашней, то къ отхожей формѣ одного и того-же промысла, то къ другимъ отраслямъ труда, и приспособляться къ такимъ колебаніямъ для артели весьма трудно. «Послѣ значительнаго спроса она вдругъ можетъ оказаться безъ работы: что тогда дѣлать съ накопленнымъ сырьемъ, дорого стоящими швейными машинами, инструментами?» Артель по многимъ причинамъ не можетъ достигъ такого прочнаго положенія, какъ частныя мастерскія: 1) Частная мастерская можетъ приспособляться къ рыночнымъ колебаніямъ, увеличивая и сокращая число рабочихъ; артельная мастерская лишена этой возможности: она должна распасться или влачить жалкое существованіе. Если угодно, и она можетъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ выдѣлать нѣсколько членовъ для пріисканія другихъ занятій, но тогда она [утратитъ весь свой смыслъ (?), лишая ихъ заработка въ самое тяжелое время. 2) Артель должна давать своимъ членамъ на издержки потребленія большій процентъ, чѣмъ хозяинъ — въ этомъ ея смыслъ; на основной и оборотный капиталъ останется меньше и, слѣдовательно, *caeteris paribus*, расширение производства въ артельной мастерской пойдетъ медленнѣе, чѣмъ въ частной, безъ сомнѣнія, къ невыгодѣ первой. Если же артель будетъ отдѣлать своимъ членамъ меньше, чѣмъ теперь получаетъ наемный мастеръ, то, въ виду значительнаго взноса на орудія и

оборотъ при вступленіи въ артель, въ виду риска предпріятія, едва-ли найдутся охотники вступать въ артель. 3) Сложныя условія сбыта, рыночныя колебанія требуютъ изворотливости и риска: «Изворачиваться и рисковать, по мнѣнію автора, можно только на свой личный счетъ и страхъ; артель риска дозволить не можетъ и въ этомъ случаѣ она окажется крайне неповоротливой и неизобрѣтательной формой промышленнаго труда». Вообще, по убѣжденію г. Харазоменова, кооперативная форма можетъ быть съ успѣхомъ примѣнена лишь къ тѣмъ отраслямъ кустарной промышленности, гдѣ детальное раздѣленіе труда не развито, гдѣ не начался еще процессъ перехода ремесла въ мануфактуру. Едва-ли можно согласиться съ такими безотрадными выводами автора. Рыночныя колебанія запроса иногда зависятъ, напримѣръ, отъ крайней недоброкачественности продуктовъ, усиливающейся съ усиленіемъ спроса. Самъ авторъ приводитъ примѣры такого рода: во время войны, когда увеличился спросъ на обувь, сукно, эти издѣлія стали приготовляться до такой степени дурно, что подѣ концы стали браковать ихъ. Артель, для которой вопросъ о правильномъ и постоянномъ сбытѣ, представляетъ вопросъ о существованіи, конечно, болѣе способна развить въ своихъ членахъ добросовѣстное отношеніе къ труду, чѣмъ наемный трудъ. Во всякомъ случаѣ, пока не сдѣланъ полный и искренній опытъ съ артелью путемъ распространенія идеи ассоціоннаго труда, открытія кредита, до тѣхъ поръ, по нашему мнѣнію, будутъ преждевременны всякія окончательныя рѣшенія о примѣнности или непримѣнности этой формы къ кустарной промышленности. Отсутствіе иногда почти полное наемныхъ рабочихъ, привычка вести общія земельныя дѣла и тому подобныя условія даютъ скорѣе право предполагать, что при благоприятныхъ обстоятельствахъ артельная организація можетъ привиться и въ сферѣ крестьянской промышленности. Что касается до ссудосберегательныхъ товариществъ, то устроить ихъ не трудно, по мнѣнію автора, но только едва-ли они принесутъ пользу кустарямъ. Взятія ссуды пойдутъ на хлѣбъ, подати, а за матеріаломъ опять придется обращаться къ скупщикамъ, вліяніе которыхъ товарищество еще можетъ усилить. Это, пожалуй и вѣрно.

Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Можайскаго, Волоколамскаго и Звенигородскаго уѣздовъ. А. В. Погожева. Москва, 1882.

Изслѣдованіе московскихъ фабрикъ, предпріятое гг. Эрисманомъ и Погожевимъ, близится, по словамъ послѣдняго, къ концу, черезъ годъ получатся подробныя и надежныя данныя о фабрич-

ной промышленности всей Московской губернии. Для большинства читающей публики онъ, конечно, не имѣютъ того спеціальнаго интереса, ради котораго начато ихъ собираніе. Сами изслѣдователи могутъ, сколько угодно, увлекаться своими работами, преувеличивать ихъ важность и значеніе для фабричнаго населенія, но они никого не убѣдятъ, чтобы можно было серьезно и радикально улучшить санитарныя условія фабричнаго труда изданіемъ спеціальныхъ законовъ. Въ экономическомъ строѣ заключается главный источникъ всякаго рода злополучій и невзгодъ, угнетающихъ рабочее населеніе матеріально, подтачивающихъ его здоровье и ограничивающихъ его въ умственномъ отношеніи. Остальныя аномаліи въ фабричномъ быту, какъ-бы ни рѣзали онѣ глаза, все-таки частности и сравнительно мелкіе и блѣдные штрихи на той картинѣ, фонъ которой составляетъ экономика фабричнаго труда. Вотъ эта-то экономика, опредѣляющая фабричный бытъ вообще и въ важнѣйшихъ деталяхъ, прежде всего привлекаетъ къ себѣ вниманіе мыслящихъ людей. Если-бы и въ умѣ господъ санитаровъ она стояла на первомъ планѣ, то отъ этого очень много выиграла-бы общая постановка не только всего фабричнаго, но и въ частности санитарнаго дѣла; больше ясности и разума было-бы въ ихъ выводахъ и заключеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы они вникли хорошенъко въ чисто-экономическія условія фабричнаго труда, ну хоть обратили-бы, напримѣръ, вниманіе на рабочую плату на нашихъ фабрикахъ, на продолжительность рабочаго дня, на промышленныя кризисы и т. п., то, разумѣется, въ виду такихъ могучихъ разрушителей здоровья и физическихъ силъ, они не тѣшили-бы себя и другихъ дѣтской надеждой на какія-то спеціально-санитарныя узаконенія и не воображали-бы, что вотъ придетъ чиниовникъ IV класса и уврачуетъ всѣ недуги, одолюющіе наше рабочее населеніе. Описывая санитарное состояніе рабочихъ, они постоянно рисуютъ тяжелыя картины всеобщей ихъ болѣзненности и захудалости. И въ нынѣшнемъ изслѣдованіи г. Погожева, какъ и прежде, мы то и дѣло натапливаемся на такого рода картины. О рабочихъ Ваулинской мануфактуры онъ говоритъ, напримѣръ: «Физическое вырожденіе рабочихъ, какъ можно заключить изъ объективнаго отношенія обхвата груди къ половинѣ роста, и на Ваулинской фабрикѣ, въ высшей степени поразительно, какъ и на всѣхъ бумагопрядильныхъ» (стр. 37). Спрашивается, неужели это «въ высшей степени поразительное» вырожденіе обусловлено плохими ретирадниками, скверными банями и тому подобными санитарными неустройствами, которыя можно поборотъ спеціальными законами? На это ясно отвѣчаютъ факты, сообщенные опять-же г. Погожевымъ. Характеризуя

можайскихъ ткачей, онъ такъ говоритъ о нихъ: «Общій наружный видъ рабочихъ на мѣстныхъ фабрикахъ менѣе удовлетворителенъ, чѣмъ, наприм., у ткачей на тесемочныхъ заведенияхъ Верейскаго уѣзда, что объясняется главнымъ образомъ скуднымъ вообще рабочимъ пайкомъ и низкимъ заработкомъ» (стр. 61). Но вотъ еще фактъ, который какъ-бы нарочно рассчитанъ на прямое подтвержденіе нашей мысли. Г. Погожевъ описываетъ суконную фабрику г-жи Пуриковой, находящуюся въ Звенигородскомъ уѣздѣ. Конечно, немного найдется такихъ отличныхъ въ санитарномъ отношеніи фабрикъ. Мѣстный исправникъ выразился о ней автору въ такомъ смыслѣ, что «это, въ сравненіи съ другими, просто красавица, а не фабрика»; наружная чистота фабрики ужъ очень плѣнила исправника, однако и внутреннее благоустройство ея несравненно выше, чѣмъ на многихъ фабрикахъ. Мы находимъ на ней хорошую вентиляцію, машины размѣщены весьма просторно, заведенъ особый фабричный врачъ, «бани устроена вообще удовлетворительно», «спальня, сравнительно съ другими, содержитя опрятнѣе и болѣе свѣтла», и пр. Однимъ словомъ, для санитарнаго надзора тутъ сравнительно немного дѣла, и однако рабочіе на фабрикѣ г-жи Пуриковой вовсе не обрѣтаются въ возделенномъ здравіи. «Большинство рабочихъ, подвергавшихся измѣренію на данной фабрикѣ, обнаруживало рѣзко замѣтные признаки неправильнаго физическаго развитія и неудовлетворительнаго питанія организма, слабогрудія и плохой мускулатуры; особенно жалкій видъ представляли малолѣтніе обоого пола, а также и женщины... Замѣтимъ лишь, что рабочіе на описанной выше суконной фабрикѣ г-жи Пуриковой производили, вообще говоря, несравненно худшее впечатлѣніе, чѣмъ на большинствѣ другихъ суконныхъ мануфактуръ Московской губерніи, осмотрѣнныхъ нами. Обстоятельство это, въ виду лучшаго внѣшняго благоустройства данной фабрики (просторное размѣщеніе машинъ и усовершенствованная вентиляція) должно, безъ сомнѣнія, побазаться до нѣкоторой степени страннымъ» (стр. 174). Странно это только съ узкой санитарной точки зрѣнія; на самомъ-же дѣлѣ эта «красавица фабрика» въ своихъ казенныхъ экономическихъ порядкахъ обнаруживаетъ такое-же, если не большее, безобразіе, какъ и остальные фабрики.

Такимъ образомъ читатель будетъ вполне правъ, если онъ не станетъ цѣнить изслѣдованій гг. санитаровъ по ихъ спеціальному назначенію, крайне несущественному, но поинтересуется ими настолько, насколько трудами ихъ можетъ быть освѣщена экономика нашей фабричной промышленности. Въ этомъ отношеніи изслѣдованія г. Погожева гораздо важнѣе и любопытнѣе, хотя-бы они и

не заключали полной и систематической характеристики нашего фабрично-экономического строя. Мѣстами у него можно найти факты, касающіеся крупныхъ вопросовъ современности, рѣшеніемъ которыхъ съ нѣкоторыхъ поръ настойчиво занята мыслящая часть общества. Что такое нашъ капитализмъ, велика-ли его сила и какковы его успѣхи на нашей почвѣ? Объ этомъ очень многіе судятъ вкривь и вкось, безъ достаточныхъ данныхъ и на основаніи самыхъ смутныхъ догадокъ, руководясь больше предчувствіями, розовыми или мрачными, смотря по субъективному настроенію каждаго. Едва-ли не исключительно въ изслѣдованіяхъ гг. Эрисмана и Погожева можно почерпнуть для рѣшенія этихъ вопросовъ сколько-нибудь надежные и достовѣрные факты. Въ настоящемъ томѣ г. Погожевъ, между прочимъ, старается опредѣлить размѣры и характеръ борьбы между промышленностью фабричной и мелкой, домашней, и ему удается показать, что эта борьба склоняется на сторону фабрики, какъ и слѣдовало напередъ ожидать. Однако, ходъ этой борьбы весьма неправильный и вообще медленный; кажется, какъ будто домашняя крестьянская промышленность сильно падаетъ, но фабричная далеко не столь рѣшительно подвигается впередъ, и эта неопредѣленность положенія чрезвычайно тяжело отзывается на рабочихъ массахъ, изъ рукъ которыхъ быстро ускользаютъ домашніе промыслы, а фабричные, вслѣдствіе слабаго своего развитія, не въ состояніи возмѣститъ причиненныхъ ими потерь. Серьезность переживаемаго нами экономического момента заключается въ томъ, что наши фабрики не даютъ существовать кустарнымъ промысламъ, сами же онѣ не могутъ доставить работу той массѣ, которая жила этими промыслами. Для выясненія этой столько-же печальной, сколько и любопытной экономической ситуации нужно побольше фактовъ и наблюденій, но ими-то, къ сожалѣнію, и бѣдна наша спеціальная литература.

Ор. Новицій, Духоборцы. Ихъ исторія и вѣроученіе. Изд. второе. Кіевъ. 1882 г.

Первое изданіе книжки г. Новицкаго вышло въ 1832 г. Она была напечатана въ сборникѣ работъ студентовъ кievской духовной академіи и отдѣльными оттисками вышла въ очень незначительномъ количествѣ экземпляровъ. Поэтому она скоро слѣлалась большою рѣдкостью. Гакстгаузенъ рассказываетъ, что духоборцы за одинъ экземпляръ ея платили по 500 руб. А новаго изданія авторъ не дѣлалъ. И вотъ по этому поводу сложилась цѣлая легенда, принятая даже въ официальномъ мѣрѣ, какъ фактъ, не подверженный сомнѣнію. Въ «Запискѣ о русскомъ расколѣ», написанной для

Вел. Кн. Константина Николаевича, г. Мельниковъ разсказываетъ: «профессоръ в. д. академіи Новицкій, по напечатаніи своего сочиненія «о духоборцахъ», имѣлъ прискорбіе принимать депутатовъ отъ разныхъ толковъ молоканства, которые благодарили его за то, что онъ въ своемъ сочиненіи сдѣлалъ радикальный сводъ ихъ вѣрованій, котораго они прежде не имѣли. Молокане скупили все изданіе сей книги. Книгу запретили и она теперь продается по 50 р. с. за экземпляръ». Тоже со словъ Мельникова повторили А. Леруа-Болье и г. Варадиновъ (т. VIII, Ист. министерства внутр. дѣлъ). Особенно рѣшительно передавалъ легенду г. Барсовъ, проф. спб. дух. академіи. «Книга Новицкаго, говоритъ онъ,—благодари отсутствію всякой критики, вмѣсто пользы принесла лишь вредъ; *известно*, что она вся была раскуплена самими духоборцами: представляя систему ихъ ученья, она сдѣлалась символической ихъ книгой, своего рода катехизисомъ» (стр. 203).

Признаемся, мы вполне довѣряли этой легендѣ, потому, что шла она изъ очень ужъ «достоверныхъ» источниковъ. Приходилось, конечно, пожимать плечами, соображая резоны запрещенія книги, но въ виду того, что сплошь и рядомъ у насъ совсѣмъ бесслѣдно исчезаютъ книги безъ всякихъ причинъ, вѣрилось, что призрачный, однокорій, софистическій резонъ какого-нибудь г. Барсова *могъ* показаться совсѣмъ достаточнымъ для запрещенія полезной и хорошей книги. Увидя новое изданіе «Духоборцевъ», мы очень порадовались, что мало-по-малу начинаютъ возвращать изъ ссылки ни въ чемъ не повинныя, но опальные книги. Но велико было наше удивленіе, когда мы узнали изъ книги, что во всей, разсказанной выше, исторіи нѣтъ ни слова правды! Никакихъ депутатовъ отъ духоборцевъ авторъ и въ глаза не видалъ, никто его книгу запрещать не думалъ. Какъ-же такъ? Чего-же это авторъ-то цѣлыхъ по крайней мѣрѣ 15 лѣтъ не собрался хоть какимъ-нибудь единымъ звукомъ отозваться, что сказка объ его книгѣ «складка», а не былъ? Или онъ смотрѣлъ на это съ недоступной высоты своей профессорской философской кафедры какъ на пустыкъ, не стоящій вниманія? Но этому предположенію противорѣчить въ книгѣ (стр. 159—182, 203—208) горячая и пространная полемика по поводу легенды съ гг. Мельниковыми и Барсовыми. А можетъ и въ самомъ дѣлѣ «дыма безъ огня не бываетъ», и ежели «разнесли по свѣту исторію, то стало быть была-же какаля-нибудь причина»?...

Какъ-бы то ни было, но таинственный духоборческій «катехизисъ» является, наконецъ, предъ нами во всеоружіи цензурнаго одобренія, заново передѣланный, значительно дополненный свѣдѣніями о духоборцахъ, появившимися за 50 лѣтъ, протекшихъ до

2-го изданія книги. 50 лѣтъ—громадный срокъ особенно у насъ: чего-чего не пережили мы за это время, «чреватое» странною массою идей, старательно пробившись себѣ путь къ общественному сознанию, событій, бывшихъ плодомъ этихъ идей и уже родившихъ новыя и новыя идеи. Поучительно было-бы съ этой точки зрѣнія сравнить два изданія книги, сдѣланныя въ оба раза, самимъ авторомъ, съ точки зрѣнія вопроса: въ чемъ и какъ измѣнилось мировоззрѣніе автора подъ влияніемъ общественнаго прогресса? Но Новицкій, очевидно, не прогрессировалъ: должно быть, за трудами преподаванія «вѣчной науки» (философіи) некогда было. При первомъ появленіи, книга г. Новицкаго была сочувственно встрѣчена свѣтскою журналистикою въ лицѣ Н. И. Полеваго, за спокойное, мирное изложеніе ученія духовборцевъ, за то, что авторъ «сальныхъ свѣчъ не ѣлъ, стекломъ не утирался, «что въ ту пору было относительно раскола большою рѣдкостью. Теперь безпристрастіемъ, конечно, удивить никого нельзя,—требованіе азбучное, но и тутъ оказывается, что «безпристрастіе» 30-хъ годовъ и таковое-же 80-хъ—двѣ вещи разныя и мы, напримѣръ, уже пожелали-бы большаго отъ автора, «вступающаго въ четвертое 25-ти лѣтіе своей жизни». Авторъ довольно часто не выдерживаетъ роли безпристрастнаго изслѣдователя. Напримѣръ, приведши мнѣніе духовборцевъ, стр. (241) «характеристика» «внутренней церкви» духовборцевъ: «въ этой внутренней церкви довольно темно; въ ея описаніи не упоминается о свѣчахъ и освѣщеніи, и отъ того самому духовборцу приходится видѣть въ ней не что-либо дѣйствительно существующее, а только призраки воображенія, такъ легко возникающіе среди мрака. Для сооруженія этой церкви должны собраться сюда и младенцы, и дѣвы, и старцы, и жены мироносицы, въ видѣ четырехъ стѣнъ, и множество рабовъ Божіихъ, въ видѣ крши на ней. Въ церкви этой видится и населеніе громадное: тутъ, взамѣнъ четырехконечнаго креста, являются пророки, апостолы, ангелы и архангелы, — тутъ-же обитаютъ и старцы животные—Аспидъ съ товарищами. «Тамъ чудеса!» Церковная пелена превращается въ Божіе пѣніе, калій родъ—въ Божій родъ... «Тамъ Русью пахнетъ!» Только русскій малограмотный простолюдинъ могъ создать себѣ такую внутреннюю церковь, создать не въ сердцѣ, а въ праздномъ воображеніи».

Подобныя тирады еще понятны, съ грѣхомъ пополамъ, въ устахъ заносчиваго, гордаго своими богословскими свѣдѣніями молодого студента духовной академіи, но профессору-философу, искушенному 80-ти лѣтнимъ жизненнымъ опытомъ, «умудренному» знаніемъ и размышленіемъ, — совсѣмъ таки не къ лицу. А между тѣмъ, въ 1-мъ изданіи книжки не было такой характеристики

духоборческой церкви. Во всякомъ случаѣ, изъ приведенныхъ выдержекъ (а онѣ далеко не единственныя) читатель видитъ, что мудро допустить, чтобы книга, написанная въ духѣ высокоумѣннаго третиранія духоборческой системы, могла сдѣлаться, какъ увѣряли, «духоборческимъ катехизисомъ»...

Затѣмъ къ характеристикѣ книги г. Новицкаго можно прибавить еще немного. Историческая часть сильно растянута совершенно ненужною дословною перепечаткой правительственныхъ постановленій и распоряженій о духоборцахъ. Въ болѣе обработанномъ и сжатомъ видѣ все это и легче-бы читалось, да и много было-бы вразумительнѣе. Затѣмъ, въ отдѣлѣ догматическомъ авторъ посвящаетъ, какъ мы уже замѣтили выше, много ненужныхъ страницъ запоздалой полемики съ гг. Мельниковымъ и Варадиновымъ. Важная по предмету, но, къ сожалѣнiю, совсѣмъ необъятельная полемика съ гг. Ѳедосѣвцемъ и Пругавинымъ, также занимаетъ не мало мѣста (стр. 183—203), и только показываетъ, что общественное движеніе послѣднихъ десятилѣтій не задѣло автора; онъ остался совсѣмъ «въ сторонѣ отъ большого свѣта»; наши углы зрѣнія, наши желанія и надежды при обсужденіи явленій народной жизни ему «чужды и непонятны», какъ китайская грамота для насъ грѣшныхъ.

Но, очевидно, изслѣдователь 30-хъ годовъ и изслѣдователь 80-хъ говорятъ на разныхъ языкахъ, и г. профессору лучше-бы въ этомъ сознаться молча, и не тратить напрасно чуть что не цѣлый печатный листъ. Было-бы опять таки лучше, если-бы онъ вмѣсто того нѣсколько больше распространился объ общественной собственно сторонѣ жизни духоборцевъ. Источники допускаютъ въ этомъ отношеніи щедрость нѣсколько большую той, какую выказалъ онъ.

Но при всемъ томъ нельзя не благодарить г. Новицкаго за новое изданіе его книги съ тѣми дополненіями, какія позволилъ сдѣлать накопившійся за полстолѣтіе новый матеріалъ о духоборцахъ. Въ общемъ все таки его книга представляетъ довольно полный сводъ свѣдѣній объ одной изъ очень выразительныхъ нашихъ сеетъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Итоги 1882 г.—Езоповскій языкъ пожеланій на Новый годъ.—Споры о «внутренней политикѣ». — «Народная политика», гр. Игнатьева, и ея результаты.— Призывъ «свѣдущихъ людей», причины его неудачи.— Комиссія по питейному и переселенческому вопросамъ.— Комиссія статсъ-секретаря Каханова.— Дворянскій элементъ въ переселенческой комиссіи.— Неразрѣшенные вопросы.— Что сдѣлано противъ голодовокъ, въ чемъ обнаружилась дѣятельность переселенческой конторы; сколько нуждается Югъ, сколько нуждается Сѣверъ, какъ Югъ тянется даже на Новую Землю.— Еврейскій вопросъ.— Положеніе народнаго труда.— Отмена подушной подати и новые налоги.— Мелкій крестьянскій поземельный предѣлъ.— Необходимость у насъ въ самой широкой экономической политикѣ.— Квартирный налогъ въ Петербургѣ.— Гоненіе на интеллигенцію и причины его.— Факты изъ учебной практики.— Бѣдность учащихся и учебная плата.— Недостатокъ вакансій.— Кое-какія облегченія.— Дамокловъ мечъ надъ университетамъ и женскими медицинскими курсами.— Реформа военно-учебныхъ заведеній и причины военныхъ самоубійствъ.— Индивидуализмъ и коллективизмъ.— Первый проблескъ пробужденія общественнаго интереса.

I.

Въ нашей печати издавна установился обычай подводить въ концѣ года итоги внутренней жизни и высказывать пророческія пожеланія году наступающему. Обычай это несомнѣнно хорошій и онъ обазывался-бы, конечно, даже очень хорошимъ, еслибы не одно, повидимому, маленькое, но въ сущности весьма важное обстоятельство—если-бы подводить итоги и высказывать пророческія пожеланія не приходилось езоповскимъ языкомъ. Какую ни возьмите газету съ пожеланіями на Новый годъ, вездѣ вы встрѣтите только темныя, неясныя фразы и условныя выраженія, конечно, понятныя для тѣхъ, кто ихъ пишетъ, но нисколько непонятныя для тѣхъ, кто ихъ читаетъ. Этотъ фактъ, повторяющійся изъ года въ годъ вотъ уже лѣтъ семьдесятъ, если не сто, есть самый грустный итогъ нашей внутренней жизни, ибо онъ указываетъ на хроническое дѣйствіе одной и той же причины, создавшей въ нашемъ общественномъ организмѣ хроническое страданіе. Мысли общественнаго порядка очевидно загнались у насъ куда-то внутрь, и для выраже-

ніа ихъ живой языкъ пересталъ служить общечеловѣческимъ средствомъ.

Необходимость прибѣгать къ езоповскому языку выработала у насъ какой-то особенный жаргонъ; то торжественный, то печальный, напоминающій то праздничный колокольный звонъ, то панихиду... и за всей этой музыкой звуковъ вы едва добываетесь до реального содержанія. «Тяжелый, мрачный, хаотическій, сокрушительный, гнетущій годъ уходитъ отъ насъ, и мы съ облегченнымъ чувствомъ провожаемъ его въ бездну минувшаго, хотя и остаемся еще подъ удручающимъ его впечатлѣніемъ... Мы стоимъ на порогѣ Новаго года, не одушевленные никакими особенно отрадными надеждами, безъ юношеской самоувѣренности, отличавшей періодъ нашего перваго «возрожденія» въ шестидесятыхъ годахъ (о, сколько надеждъ обманули насъ, сколько разочарованій было испытано нами!), стоимъ безъ надеждъ на магическія превращенія, но съ твердымъ сознаніемъ, съ твердымъ убѣжденіемъ, что наша жизнь должна переработаться, что нужно, необходимо нужно выйти изъ дебрей и трясинъ туда, гдѣ у насъ былъ-бы хоть нѣкоторый просторъ, гдѣ намъ не предстояло-бы толкаться зря въ темнотѣ,—напрасно звать и искать другъ друга, не видя ни свѣта, ни человѣческихъ лицъ... Да, у насъ нѣтъ увлекающихъ, радостныхъ надеждъ на будущее. Мы уразумѣли, что все, клонящееся къ общей пользѣ, можетъ дѣлаться не по шучьему велѣнію, а съ помощью нашей-же непреклонной дѣятельности, неустанной энергіи,— что если намъ суждено жить дальше на условіяхъ цивилизованной страны, то мы должны жить иначе, чѣмъ жилось прежде, должны искать спасенія въ истинно общественномъ духѣ, въ серьезной общественной самодѣятельности. Мы вѣримъ, что въ обществѣ есть живыя, крѣпкія силы, что онѣ необходимо должны себѣ найти и примѣненіе и исходъ, а иначе все пойдетъ въ развалку, замечется въ дикомъ круговоротѣ. Конечно, сознаніе этихъ истинъ давно уже шевелилось въ насъ, давно уже мы томились и вздыхали, что онѣ остаются только въ теоріи, въ благихъ пожеланіяхъ, и что практическая дѣйствительность направляется прямо въ разрѣзъ съ ними, глумясь надъ всѣмъ, что называется благомъ и справедливостью...»

Эту выписку я сдѣлалъ изъ прошлогодняго декабрьскаго № одной петербургской газеты и не одна эта газета говорила такимъ торжественнымъ тономъ, подобнымъ-же образомъ излагались въ прошедшемъ году пожеланія и почти всей петербургской печати. Но чѣмъ-же газеты говорили? Всѣ газеты говорили о хаосѣ и путаницѣ, о бѣдности народа, о необходимости продолжать экономическія реформы. Въ этомъ отношеніи были согласны какъ отъявленные

консерваторы и ультра-ретрограды, такъ и умѣренные либералы, крайніе либералы и даже радикалы. Но сущность вопроса заключалась не въ установленіи фактовъ о невѣжествѣ, бѣдности и экономическомъ и общественномъ нестройствѣ; она заключалась въ томъ, какими средствами можно сдѣлать насъ богатыми, умными, сильными и превратить изъ безпорядочной толпы въ стройное европейское государство. Въ этомъ вопросѣ и заключалась сущность всѣхъ споровъ, недоразумѣній, смутныхъ понятій и полемическаго задора, которыхъ читатель былъ свидѣтелемъ въ ежедневной газетной печати нынѣшняго года. Короче сказать, споръ шель о внутренней политикѣ и заключался въ томъ, какая именно идея должна руководить ею.

Нынѣшній годъ начался подъ преобладаніемъ идеи «народной политики», выразителемъ которой явился графъ Игнатьевъ. Это была очень шумная и юркая политика, что-то сулившая и обѣщавшая, пытавшаяся даже и осуществиться въ чемъ-то фактически, но, однако, не выразившаяся ни въ кабомъ существенномъ практическомъ результатѣ. Политика графа Игнатьева выставила на своемъ знамени «благо народа» и «народный интересъ». На сколько она достигла своихъ цѣлей, на сколько подняла народное благосостояніе и какими средствами она думала достигнуть всего этого?

Сознавая, что старый бюрократическій способъ разработки вопросовъ «народнаго быта» не даетъ желательныхъ результатовъ, графъ Игнатьевъ попытался устроить «созывъ свѣдущихъ людей». Идея была неновая. Въ Австріи, находившейся разъ въ подобномъ-же положеніи, какъ и мы, графъ Голуховскій, призванный къ управленію внутренними дѣлами, остановился тоже на созывѣ «довѣренныхъ людей», которые, какъ и наши «свѣдущіе люди», не оправдали общихъ ожиданій. Въ чемъ-же причина, что и у насъ, какъ въ Австріи, одинаковыя попытки привели къ одинаковымъ результатамъ. Или, говоря прямо, можно-ли обвинять въ неудачѣ исключительно свѣдущихъ людей? Сколько извѣстно, дѣло стояло такъ: свѣдущіе люди и у насъ, какъ въ Австріи, назначались министерствомъ, но въ то-же время въ комиссіяхъ, въ которыхъ они засѣдали, они должны были изображать собою представителей народа и земства. Эта двойственность повела немедленно къ «столкновеніямъ», и одни изъ свѣдущихъ людей заявили свою некомпетентность въ разработкѣ вопросовъ, для обсужденія которыхъ они были приглашены, а отъ другихъ свѣдущихъ людей земства отrekliсь, не признавъ въ нихъ своихъ представителей, ибо они не облекали ихъ своими полномочіями. Третья причина заключалась въ томъ, что свѣдущимъ людямъ была предложена точная программа вопросовъ и установлены для ихъ разсужденій очень опредѣленные

рамки, за предѣлы которыхъ имъ выходить не полагалось. Такимъ образомъ тѣсныя, опредѣленные рамки, и назначеніе, а не выборъ лицъ уже съ самаго начала устанавливали такого рода условія, что ихъ однихъ было вполне достаточно для неуспѣха дѣла.

Въ чемъ заключались совѣщанія свѣдущихъ людей, какъ они производились, какихъ они выдвинули ораторовъ, что эти ораторы говорили, какъ они понимали дѣло, для обсужденія котораго были призваны, объ этомъ нѣтъ никакой возможности судить, потому что совѣщанія не публиковались. Какъ рассказываютъ—одинъ изъ представителей печати, Евгений Марковъ, бывший въ числѣ свѣдущихъ людей, болѣе всѣхъ настаивалъ на томъ, чтобы совѣщанія не подлежали обсужденію печати. Тѣмъ не менѣе кое-что въ печать проскользнуло и «Гражданинъ», имѣющій доступъ въ высшія сферы, время отъ времени подымалъ завѣсу, за которою сидѣли «знающіе люди». Вотъ подробности, передаваемые «Гражданиномъ» о второмъ засѣданіи свѣдущихъ людей, въ соединенномъ присутствіи департамента законовъ и экономіи по питейному вопросу. «Изъ свѣдущихъ людей участвуютъ члены редакціонной коммисіи. Между ними двѣ партіи: большинство за ограниченіе кабаковъ; меньшинство за общественные кабаки. Въ меньшинствѣ было, кажется, 3 или 4 человѣка. Свѣдущіе люди сидятъ особо. За ними слушатели. Въ числѣ слушателей былъ августѣйшій предсѣдатель общаго собранія государственнаго совѣта. Предсѣдательствовалъ замѣчательный по хладнокровію, опыту, умѣнью предсѣдательствовать—графъ Эдуардъ Барановъ. Назначеніе свѣдущихъ людей отвѣчать на вопросы. Но не разъ члены совѣта вступали съ ними въ пренія. Вступали въ пренія и члены большинства съ членами меньшинства. Каждый изъ свѣдущихъ людей имѣлъ свою задачу отвѣчать на извѣстный вопросъ. Всѣхъ рѣзче въ нападкахъ на работу свѣдущихъ людей говорилъ членъ государственнаго совѣта Гротъ. Такъ былъ имъ заданъ свѣдущимъ людямъ вопросъ: почему они измѣнили терминологию устава: напримѣръ, назвали харчевнею то, что въ уставѣ называется ренсковымъ погребомъ съ правомъ питейнаго заведенія. На это одинъ изъ свѣдущихъ людей отвѣтилъ: а потому, что крестьянинъ скажетъ другому: «пойдемъ въ харчевню», а не скажетъ—«пойдемъ въ ренсковый погребъ съ правами питейнаго заведенія». Въ числѣ свѣдущихъ людей былъ купецъ-старообрядецъ Морокинъ. Объ немъ «Гражданинъ» замѣчаетъ: У Морокина былъ свой языкъ, краткій, но живописный и мѣткій. Онъ говорилъ такъ: «Я паду Царю въ ножки, да скажу: Ваше Величество, какъ бы намъ въ отвѣтъ передъ Тобою не быть, мы постановили одно, а Твой министръ финансовъ все переименовалъ».

Хотя подобныя иллюстраціи не даютъ никакого понятія о существѣ дѣла, но онѣ важны тѣмъ, что указываютъ на «отношенія», такъ сказать на борьбу партіи, которая должна выразаться на результатахъ. Результатъ же «питейнаго вопроса» оказался слѣдующимъ: «Представленіе трехъ министровъ, въ связи съ проектами свѣдущихъ людей, внесено было 12-го марта въ государственный совѣтъ. Но въ виду того, что во всестороннему обсужденію этого важнаго вопроса государственный совѣтъ можетъ приступить только въ концѣ сессіи настоящаго года, министръ финансовъ, по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, вошелъ съ представленіемъ въ государственный совѣтъ, которымъ проектируется, до окончательнаго рѣшенія вопроса о торговлѣ напитками, учредить въ губерніяхъ великороссійскихъ, за исключеніемъ городовъ: С.-Петербурга, Москвы, Одессы и Кронштадта, а равно въ губерніяхъ западныхъ, малороссійскихъ, новороссійскихъ, Бессарабской и Ставропольской, въ областяхъ: Кубанской, Терской и Войска Донского, особыя уѣздныя и губернскія комиссіи, на которыя возложить сокращеніе числа питейныхъ домовъ».

Комиссіямъ были даны подробныя указанія и, установлены предѣлы, за которые они переходить съ своими мнѣніями не могутъ. Такъ было постановлено, «что число существующихъ питейныхъ домовъ нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть увеличено противъ числа существовавшихъ къ 1-му іюля 1882 года; что въ сельскихъ поселеніяхъ, имѣющихъ менѣе 750 душъ мужского пола, не можетъ быть отрываемо болѣе одного питейнаго дома; въ большихъ же селеніяхъ на каждыя 750 душъ можетъ остаться не болѣе одного питейнаго дома и что сельскимъ обществамъ предоставляется составлять приговоры о совершенномъ воспрещеніи у себя питейной продажи съ тѣмъ, чтобы такіе приговоры были устанавливаемы на срокъ не менѣе трехъ лѣтъ. Какъ сельскимъ обществамъ, такъ и частнымъ лицамъ, которыя заявятъ о желаніи не допускать питейную продажу на ихъ землѣ въ теченіи трехлѣтняго срока, предоставляется просить комиссію объ опредѣленіи разстоянія, на которомъ, за чертою ихъ земель, не могутъ быть отрываемы питейныя заведенія. Составленныя уѣздными комиссіями росписанія представляются на разсмотрѣніе и утвержденіе губернской комиссіи, постановленіе которой считается обязательнымъ и публикуется во всеобщее свѣдѣніе не позже 1-го октября».

Но вотъ 1-е октября уже наступило, а окончательнаго разрѣшенія питейнаго вопроса все-таки не явилось и сколько можно судить по сдѣланному министромъ финансовъ распоряженію все пока останется по старому. Такъ на дняхъ въ «Правит. Вѣстникѣ» на-

печатанъ циркуляръ министра финансовъ казеннымъ палатамъ и акцизнымъ управленіямъ, въ которомъ выражено, что «такъ какъ выдача полугодовыхъ патентовъ была установлена *лишь отеченіе 1882 года*, а объ измѣненіи на будущій годъ порядка выдачи патентовъ никакого распоряженія не послѣдовало, то въ семъ отношеніи слѣдуетъ руководствоваться *общими* правилами, изложенными въ уставѣ о питейномъ сборѣ, по которымъ патенты выдаются на *годовой* срокъ».

Итакъ, патенты будутъ выданы всѣмъ наличнымъ питейнымъ заведеніямъ на 1883 годъ, все останется по старому до 1884 года и никакое сокращеніе числа кабаковъ, о которомъ столько хлопотали, до этого срока осуществлено не будетъ. Судьба питейнаго вопроса, какъ замѣчаетъ «Недѣля», напоминаетъ судьбу старыхъ проектовъ отмѣны подушной подати, возбудившихъ десять лѣтъ тому назадъ массу земскихъ заявленій, потомъ оставшихся «безъ послѣдствій» или судьбу вопроса объ отношеніяхъ нанимателей къ рабочимъ, по которому выработанъ былъ и опубликованъ обширный проектъ, о которомъ уже шесть лѣтъ ни слуху, ни духу.

Другой «вопросъ» переселенческой вызвалъ вначалѣ еще большее оживленіе, чѣмъ питейный. Ему было посвящено даже нѣсколько весьма серьезныхъ статей въ газетахъ и журналахъ. Но какъ разрѣшили этотъ вопросъ и чѣмъ его разрѣшили, этого мы не нашли нигдѣ и только въ «Странѣ» прочитали весной слѣдующее заявленіе: «Комиссія свѣдущихъ людей по переселенческому вопросу за окончаніемъ занятій прервала засѣданія. «Нов. Вр.» передаетъ, что члены комиссіи, за исключеніемъ приглашенныхъ на засѣданіе государственнаго совѣта, 10-го апрѣля, выѣзжаютъ изъ Петербурга».

Есть еще одна комиссія, такъ называемая Кахановская, на которую возлагались еще болѣе широкія упованія. Судя по программѣ ея занятій, напечатанной въ «Правит. Вѣстн.», комиссія судить результаты очень широкіе:

«Общая комиссія для составленія проектовъ мѣстнаго управленія приступаетъ, въ усиленномъ составѣ, къ обсужденію предметовъ, входящихъ въ кругъ ея задачъ, въ порядкѣ и предѣлахъ составленнаго ею перечня предметовъ, причѣмъ она принимаетъ въ соображеніе записки гг. сенаторовъ, ревизовавшихъ нѣкоторые губерніи въ 1880 и 1881 годахъ, а также отзывы присутствій по крестьянскимъ дѣламъ и земствъ, относительно преобразованія крестьянскихъ учреждений. Руководствуясь преподанными уже ей указаніями, заключающимися въ высочайше одобренныхъ, 4-го сентября и 20-го октября 1881 г., всеподданнѣйшихъ докладахъ ми-

министра внутреннимъ дѣлъ, комиссія имѣетъ первоначально въ виду: губерніи по общему учрежденію управляемыя и притомъ тѣ, въ коихъ введены земскія учрежденія; обращеніе мѣстнаго управленія къ самымъ простымъ и дешевымъ формамъ, преимущественно посредствомъ приспособленія существующихъ учреждений къ выяснившимся потребностямъ, и необходимость *прочной органической связи всѣхъ мѣстныхъ установлений* возможно-опредѣлительно очерченныхъ, снабженныхъ достаточными способами къ правильному исполненію своихъ обязанностей и, по постановкѣ своей, *способныхъ привлечь лучшія силы общества.*

«Установивъ путемъ такого разсмотрѣнія главныя черты устройства всѣхъ мѣстныхъ установлений, предметовъ ихъ вѣдомства, взаимной ихъ связи, отношеній, надзора, отчетности, контроля и отвѣтственности, особая комиссія раздѣлится на подкомиссіи, съ опредѣленіемъ ихъ числа, состава и способовъ ихъ объединенія занятій, для начертанія проектовъ законоположеній.

«По мѣрѣ ихъ составленія проекты передаются на обсужденіе и окончательное объединеніе особой комиссіи въ полномъ усиленномъ ея составѣ.

«Труды особой комиссіи подлежатъ, по изготовленіи ихъ, безотлагательному внесенію, въ законодательномъ порядкѣ, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, съ заключеніемъ тѣхъ министровъ, до вѣдомства коихъ труды сіи будутъ касаться».

Но когда-же наступитъ это «безотлагательное внесеніе?» Сколько извѣстно изъ газетныхъ сообщеній, комиссія работаетъ усердно. Такъ «Страна» заявила, что въ теченіе лѣта послѣ цѣлаго ряда засѣданій, происходившихъ нѣсколько разъ въ недѣлю, выработаны планъ реформъ и дѣлопроизводители приступили уже къ его составленію. Къ осени комиссія должна приготовить проектъ управленія уѣздомъ съ его подраздѣленіями. Полное-же окончаніе работъ врядъ-ли послѣдуетъ ранѣе 1884 г., когда проектъ подвергнется обсужденію респуб'а комиссіи при участіи свѣдущихъ людей, т. е. *выборныхъ отъ земствъ*, выборы которыхъ будутъ произведены въ будущемъ году.

Что раньше 1884 г. намъ и не увидѣть результата трудовъ комиссіи, можно заключить изъ того, что кромѣ разрѣшенія главнаго вопроса о мѣстномъ управленіи, комиссія предприняла пересмотръ всѣхъ возбужденныхъ за послѣднія нѣсколько лѣтъ ходатайствъ различныхъ земствъ, касавшихся мѣстныхъ нуждъ и потребностей. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, по словамъ «Нов. Вр.», имѣются въ настоящее время ходатайства очень многихъ уѣздныхъ и губернскихъ земствъ, которыя оставались безъ движенія по разнымъ обстоятельствамъ, а между тѣмъ разрѣшеніе

многихъ изъ нихъ составляетъ настоятельную необходимость для благосостоянія мѣстнаго населенія.

Этотъ пересмотръ земскихъ ходатайствъ очень важная вещь. Известно, что всѣхъ земскихъ ходатайствъ, накопившихся за нѣсколько лѣтъ и лежавшихъ въ министерствѣ безъ всякаго движенія, сколько мнѣ помнится, болѣе стапятидесяти. Въ этихъ ходатайствахъ заключаются очень важныя представленія земствъ, которыя вмѣстѣ съ результатами сенаторскихъ ревизій должны дать богатый матерьялъ для работы Кахановской комиссіи.

Сенаторы, ревизовавшіе внутреннія губерніи, обратили особенное вниманіе на состояніе крестьянскаго самоуправления. Обѣзжая уѣзды и волости, они старались знакомиться съ истиннымъ состояніемъ ихъ, для чего подробно изслѣдовали всѣ нужды и недостатки существующихъ въ волостяхъ порядковъ, знакомились къ дѣлопроизводствомъ, рѣшеніями и постановленіями волостныхъ сходовъ и т. п. Какъ на результатъ этихъ изслѣдованій, «Русскія Вѣдомости» указываютъ на слѣдующій отзывъ, данный однимъ изъ сенаторовъ о современномъ состояніи крестьянскаго самоуправления:

«Крестьянское сомоуправленіе находится въ полномъ распаденіи повсемѣстно, за весьма малыми исключеніями. Сельскіе и волостные сходы, составляющіе, по «Положенію» 19-го февраля 1861 года, краеугольный камень крестьянскаго самоуправления, потеряли всякое значеніе; собираемые изъ людей, соединяющихся подъ условіемъ угощенія водкой, эти сходы служатъ только орудіемъ писаря или другого вліятельнаго лица въ обществѣ для достиженія разныхъ противозаконныхъ цѣлей. Крестьяне жалуются, что при нынѣшнихъ порядкахъ нельзя устроить ничего, касающагося общей пользы: найма сторожей, огражденія выгона отъ запашки, исправленія дорогъ и т. п. Во многихъ селеніяхъ дошло до того, что сходъ безъ угощенія опредѣленнымъ количествомъ водки не составляетъ приговора и, наоборотъ, за нѣсколько ведеръ водки отбираютъ у недоимщика землю и отдаетъ ее въ аренду кулаку за ничтожную плату. Волостныя правленія, коллегіальный составъ которыхъ существуетъ только на бумагѣ, превратились въ низшую административную канцелярскую инстанцію. Дѣятельность старшины и правленія проявляется въ лицѣ волостного писаря и его канцелярѣи, состоящей изъ нѣсколькихъ помощниковъ. Дѣятельность эта исключительно письменная, что и даетъ огромное значеніе писарямъ, какъ грамотнымъ людямъ, среди неграмотнаго населенія; личный-же надзоръ волостного старшины за порядкомъ и подвѣдомственными ему по закону сельскими старостами почти нигдѣ не существуетъ, вслѣдствіе чего, эти послѣдніе, избирае-

мы, къ тому-же, крестьянами безъ всякаго вниманія въ ихъ нравственнымъ качествамъ и способностямъ, потеряли, подобно сходамъ, всякое значеніе и исполняютъ съ формальной стороны нѣкоторыя изъ своихъ обязанностей, въ видѣ отбыванія повинности. Волостной судъ, вслѣдствіе вліянія на рѣшенія его писарей, подъ предлогомъ объясненія законовъ, и вслѣдствіе укореившагося обычая угощенія судей водкою, также потерялъ довѣріе крестьянъ, и если многіе изъ нихъ не желаютъ замѣны его производствомъ у мирового судьи, то главнымъ образомъ изъ боязни траты времени на проѣздъ, расходовъ и формальностей, не зная что мировой судья обязанъ принимать прошенія и словесныя заявленія, и по дѣламъ о наслѣдствѣ не обязанъ руководствоваться постановленіями тома X-го свода законовъ. Такое разстройство крестьянскаго самоуправления, по мнѣнію сенатора, является послѣдствіемъ бездѣйствія бывшихъ мировыхъ посредниковъ и чисто-формального отношенія къ дѣлу нынѣшнихъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Преобладающее-же вліяніе писарей обусловливается сохранившимися обычаями и приемами управленія государственныхъ имуществъ и, между прочимъ, огромными размѣрами волостей, въ которыхъ на сходы, за дальнимъ разстояніемъ, выборные или не является, или собираются люди, неимѣющіе между собою общихъ интересовъ и другъ съ другомъ незнакомые».

При извѣстныхъ условіяхъ результаты работъ Кахановской комиссіи могли-бы быть очень плодотворными, если-бы они развязали руки земскому самоуправленію и освободили-бы его отъ той бюрократической опеки, подъ давленіемъ которой оно находится. Кто лучше земства знаетъ состояніе народнаго хозяйства, кто можетъ быть компетентнѣе его въ указаніи средствъ и выходовъ изъ народной, экономической неурядицы, и въ то же время кто больше его связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ вмѣшательствомъ губернаторской власти? Прошелъ слухъ, что губернаторовъ предполагаютъ назначать изъ предводителей дворянства, какъ лицъ, болѣе знакомыхъ съ мѣстными условіями и нуждами. Но губернаторъ изъ предводителей едва-ли будетъ отвѣчать земскому дѣлу, ибо чувство сословности непременно скажется во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дворянскій интересъ столкнется съ интересомъ недворянскимъ. А эти столкновенія неизбежны почти на всякомъ шагѣ: вопросъ о переселеніяхъ, о налогахъ, о передѣлѣ земель, о наймѣ рабочихъ—всѣ эти чисто «мужицкіе» вопросы связаны тѣсно съ землевладѣльческими вопросами, съ отношеніями «мужика» къ мелкимъ и крупнымъ землевладѣльцамъ, и слѣдовательно, съ интересами дворянства, какъ представителя землевладѣнія, пользуя-

щася наемнымъ трудомъ и владущаго основаніе капитализму въ земледѣліи.

Въ подтвержденіе этой мысли, я сошлюсь на комиссію по переселенческому вопросу. Ея фіаско явилось только потому, что она была комиссія дворянская, а «мужика» въ ней вовсе не было. Переселенческій вопросъ былъ самый серьезный изъ всѣхъ вопросовъ, предоставленныхъ обсужденію «свѣдущихъ людей». По питейному вопросу, напримѣръ, нельзя и было сдѣлать что-нибудь радикально-благотворное; рублевая скидка въ выкупныхъ платежахъ не представляла тоже ничего особенно мудренаго, и не могла обѣщать никакихъ серьезныхъ результатовъ. Но переселенческій вопросъ затрогивалъ наше самое больное мѣсто, и по существу онъ заключалъ въ себѣ возможность радикальныхъ, рѣшительныхъ и вполне благотворныхъ мѣръ; въ сожалѣнію, свѣдущіе люди не опредѣлили даже настоящаго размѣра народной нужды, они не выяснили, на сколько сильно стремленіе крестьянъ выселиться, чѣмъ оно вызывается и на сколько неизбежна помощь и содѣйствіе для него со стороны правительства. Такимъ образомъ свѣдущіе люди не выразили жизненныхъ нуждъ сельскаго населенія, представителями котораго они были, и не явились ходатаями для ихъ удовлетворенія. Съ отѣнкомъ какого-то снисхожденія они признали только, что переселеніе есть мѣра, «необходимая въ извѣстномъ смыслѣ», и затѣмъ занялись сочиненіемъ разныхъ правилъ, которыя должны соблюдаться при переселеніяхъ, и выдумываніемъ формальностей, которыя должны быть выполняемы при этомъ. Не выяснивъ вопроса о народной нуждѣ и неизбежности ея удовлетворенія, свѣдущіе люди занялись чисто-бюрократической работой. Однимъ словомъ, они добровольно изъ живыхъ людей превратили себя въ мертвую канцелярію. Все это объясняется очень просто тѣмъ, что члены переселенческой комиссіи, какъ землевладѣльцы, не находили для себя выгоднымъ поставить вопросъ прямо и откровенно подобно тому, какъ это сдѣлалъ г. Гордсенко, замѣтившій, что землевладѣльцамъ тѣсныхъ губерній крестьянскія переселенія вовсе невыгодны. Если-бы въ переселенческой комиссіи засѣдали крестьяне, переселенческій вопросъ былъ-бы рѣшенъ иначе.

Мы живемъ въ пору неразрѣшенныхъ вопросовъ, когда все прощется на новое перерѣшеніе, на освѣженіе того, что поблекло или исказилось, или очутилось подъ такимъ наслоеніемъ разныхъ вѣяній и «вліяній», что первоначальный смыслъ реформъ совершенно утратился. Вѣдь только оттого, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ мы изъ года въ годъ повторяемъ все по прежнему о тѣхъ-же голодовкахъ, о той-же нуждѣ, о необходимости того-же переселенія,

о малоземельи, эпизотіи, отиѣнѣ подушной подати, о подходномъ налогѣ. Укажите хоть на одинъ годъ изъ истекшихъ двадцатипяти лѣтъ, когда-бы не говорилось о необходимости разъ навсегда точнаго и опредѣленнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ. И что же мы разрѣшили? Ахъ, читатель, — ничего мы не разрѣшили, и до сихъ поръ находимся еще въ періодѣ «соображеній». И это-же это соображаетъ, кто не знаетъ, кто задерживаетъ? Въ осеннихъ номерахъ «Страны» былъ помѣщенъ рядъ «провинціальныхъ писемъ» о положеніи деревни. Какъ все это старо и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ ново. Какой нужно имѣть писателю мѣдный лобъ, чтобъ изъ года въ годъ двадцать пять лѣтъ повторять одно и то же, повторять бесплодно. Вотъ что между прочимъ говоритъ авторъ писемъ. Онъ начинаетъ съ того, «что правительство озабочено принятіемъ предупредительныхъ мѣръ, въ виду ожидаемаго на югѣ неурожая», слѣдовательно, разъ урожаемъ признанъ уже официально, сомнѣваться въ немъ нѣтъ рѣшительно никакой возможности. Въ дѣйствительности, на югѣ не простой неурожай, а продолжительная «голодовка», тѣмъ болѣе страшная, что тамъ нѣтъ ровно никакихъ хлѣбныхъ запасовъ. Горькій опытъ прошлыхъ лѣтъ сдѣлалъ вполне очевиднымъ одно очень крайне печальное обстоятельство, — что неурожай, не смотря на хронически-повторяющіеся уроки, всегда заставалъ насъ врасплохъ, совершенно неподготовленными. Въ былые годы, до освобожденія крестьянъ, народное продовольствіе сложилось въ законченную систему: имѣлись хлѣбные магазины, былъ продовольственный капиталъ, теперь-же нѣтъ ни хлѣбныхъ магазиновъ, ни продовольственнаго капитала, давно уже истощеннаго. Когда въ 1880 году явился неурожай, министерство внутреннихъ дѣлъ выдвинуло цѣлый арсеналъ разныхъ мѣръ для «пособія нуждающемуся населенію». Были организованы чрезвычайныя совѣщанія, и рѣшено было открыть голодающему населенію заработки. Предположено было немедленно начать постройку Сибирской и Криворожской желѣзныхъ дорогъ, начать оросительныя работы и т. д. Понятно, что такія экстренныя средства не могутъ быть даже палліативами. Вѣдь нельзя-же по поводу каждаго неурожая или голодухи строить желѣзныя дороги или предпринимать орошенія! Съ тѣхъ поръ ни изъ чего не видно, чтобы принимались какія-нибудь мѣры для прочнаго и постояннаго обезпеченія населенія отъ голодовокъ и неурожаяевъ. «Все стоитъ по прежнему, и все представлено дѣлу случая. Явится голодъ—запихнуть на время глотку; а тамъ авось, какъ Богъ дастъ», замѣчаетъ корреспондентъ.

«Мы не сдѣлаемъ никакой натяжки, говорить онъ дальше, если признаемъ, что наши ассигновки являются только безвозвратной субсидіей кузькѣ—иначе: субсидированный (съ возвратомъ) мужикъ»

тѣмъ самымъ является причиной появленія субсидированнаго (безъ возврата) кузьки. Такимъ образомъ, долги мужика растутъ изъ года въ годъ все больше и больше, хозяйство его все больше и больше разстраивается и уже по этому самому увеличивается число условій, благоприятныхъ размноженію кузьки. Очевидно, слѣдовательно, что, субсидируя мужика, мы субсидируемъ именно кузьку... Еще очевиднѣе, что такъ рѣшать продовольственный вопросъ не приходится, и что гораздо желательнѣе было-бы, если окажется возможнымъ, совершенно его упразднить. Самое существованіе продовольственнаго вопроса обуславливается исключительно существованіемъ неурожаевъ. Гдѣ много хлѣба, тамъ нѣтъ продовольственнаго вопроса, развѣ только если мы придадимъ словамъ «продовольственный вопросъ» не то значеніе, въ какомъ мы ихъ употребляемъ здѣсь. Слѣдовательно, съ упраздненіемъ неурожая упраздняется и самый вопросъ. Упразднить-же неурожай мы можемъ только уничтоживъ его причины.

Но что же мы сдѣлали для ихъ уничтоженія и что знаемъ о нихъ?

Неурожай, голодовки, жучекъ, гессенская муха, малоземелье, отхожіе промыслы, вызываемые нуждой—все это, какъ звѣнья цѣпи, связано такъ крѣпко, что не разберешь гдѣ начало одному и гдѣ начало другому. И въ то же время мы, повидимому, очень озабочены судьбами народа, что-то для него постоянно дѣлаемъ, что-то для него устраиваемъ. Не дагѣе, какъ прошедшую весну, во время процвѣтанія народной политики, мы устроили переселенческія конторы, чтобы доставить переселенцамъ всѣ удобства при переселеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы избавить ихъ отъ напраснаго труда и напрасныхъ шатаній. А вотъ что, между тѣмъ, мы читаемъ въ одной корреспонденціи изъ Самары, напечатанной нѣгдѣшней осенью.

«Насколько неудачны бывають попытки крестьянъ-скитальцевъ, ищущихъ себѣ укромнаго уголка на громадномъ пространствѣ нашей многообильной имперіи, можно заключить изъ слѣдующаго факта: около ста семействъ задумало переселиться изъ Полтавской губерніи въ Самарскую, съ какою цѣлью и послало своихъ «ходовковъ». Неизвѣстно, изъ какихъ источниковъ посланные пришли къ заключенію и отписали пославшимъ, что въ Кандабулакской волости (Сам. уѣзда) на сто семействъ можно заполучить около 2,000 дес. земли, и притомъ самой удобной и на весьма выгодныхъ условіяхъ. Получивъ отъ ходочковъ такое пріятное извѣстіе, 40 семействъ (изъ упомянутыхъ ста) поспѣшило распродать свои позитки и прибыть на мѣсто, дабы не утерять случая воспользоваться «царевымъ даромъ» (въ количествѣ приблизительно 20-ти десятинъ на семейство), какъ выразился одинъ изъ этихъ крестьянъ. Прибывъ на

мѣсто, страннички лично убѣдились въ прекрасномъ качествѣ кандабулакскихъ земель; но каково же было ихъ разочарованіе, когда на всѣ ихъ просьбы относительно закрѣпленія ихъ въ упомянутой мѣстности, со стороны подлежащаго начальства получился категорически-отрицательный отвѣтъ! И побрели они опять, со своими усталыми, изстрадавшимися семьями, кто куда,—по міру».

На-дняхъ пишетъ тотъ же корреспондентъ встрѣтилось намъ нѣсколько семействъ, тоже изъ Полтавской губерніи, пробирающихся въ Оренбургскую. «Нужно было видѣть этихъ людей, чтобы составить себѣ понятіе объ ихъ душевномъ и матеріальномъ положеніи: это, по большей части, совсѣмъ еще молодыя, но—увъ,—какія исхудалыя, измученныя лица! Просто сердце надрывается глядя на нихъ, на ихъ отошальныхъ ребятешекъ! Насколько удалось намъ узнать изъ разспросовъ, и эти несчастные тоже совсѣмъ израсходовались и мечтаютъ только къ осени добраться до мѣста, теперь же имѣютъ надежду наняться здѣсь, артелью, у какого-нибудь «добраго барина» на полевые работы.

«Но врядь-ли наши Разуваевы возьмутъ ихъ съ ребятами, когда и безъ того къ намъ ежедневно, ежечасно стекаются цѣлыя массы народа, ищущаго дневного заработка. Впрочемъ, несмотря на такое громадное стеченіе рабочихъ рукъ, плата за полевые работы стоитъ у насъ еще довольно высокая и потому, быть можетъ, надежды этихъ несчастныхъ, хоть отчасти, и оправдаются. Но что ожидаетъ этихъ людей въ будущемъ, когда, собравшись снова съ силами, они достигнуть наконецъ Оренбургской губерніи? Не придется ли и имъ тоже снова возвратиться «во свояси» или разбредтись по-міру? Разсуждая объ этомъ, невольно приходитъ на умъ вопросъ: что же дѣлаетъ наша «переселенческая контора», на которую возлагалось, въ этомъ случаѣ, такъ много надеждъ? Или это еще одно изъ массы мертворожденныхъ канцелярскихъ дѣтищъ?»

Это состояніе, какъ зараза охватываетъ и благодатный Югъ и нѣкогда богатый Сѣверъ. Вездѣ чувствуется то самое неустройство и потребность экономического обновленія, потребность искать новыхъ мѣстъ, и вообще та нужда, для радикальной помощи которой, повидимому, была составлена изъ свѣдущихъ людей переселенческая комиссія; но, какъ уже знаешь читатель, она почила не съ особенной славой и не оставила послѣ себя никакой памяти. А между тѣмъ, направивъ свои взоры на Югъ, она совершенно просмотрѣла Сѣверъ, который можетъ болѣе нуждаться въ помощи и содѣйствіи. Вамъ что мы читаемъ, напримѣръ, въ одной корреспонденціи о состояніи Архангельской губерніи, на которую, вслѣдствіе представленія генерала Баранова, обращено наконецъ вниманіе правительства. «Экономическое состояніе Архангельской гу-

берни внушаетъ серьезное опасеніе, пишетъ корреспондентъ. Несмотря на энергическія мѣры, предпринимаемыя для искорененія старой крестьянской болѣзни—недомочности, а также на пламенное желаніе архангельскихъ «ревизскихъ душъ» заслужить предъ начальствомъ лестную репутацію исправныхъ плательщиковъ, недоимки принимаютъ у насъ все болѣе и болѣе внушительные размѣры. Непрерывную борьбу ведетъ ежегодно архангельскій крестьянинъ съ цѣлой массой окладныхъ листовъ и, понятное дѣло, что не онъ выходитъ побѣдителемъ изъ этой борьбы. Да и какъ днривому мужицкому карману одолѣть всѣ эти оброчныя подати, земскіе, мірскіе и дорожные сборы, поземельные и лѣсные налоги, страховые, а въ Шенкурскомъ уѣздѣ еще и выкупные платежи? До настоящаго года тянули съ крестьянина еще и подушный сборъ, но такъ какъ, несмотря на все усердіе съ обѣихъ «сторонъ», вытягивать его на удавалось, то государственный совѣтъ, по предложенію министерства финансовъ, отмѣнилъ его и, для облегченія плательщиковъ подесятинныхъ сборовъ, назначено было Архангельской губерніи 75,000 рублей въ пособіе мѣстному земству изъ суммъ государственнаго казначейства. Дабы, однако, такое облегченіе не было принято за «ослабленіе», велѣно было установить новыя налоги вмѣсто подушнаго сбора. Къ счастью, они, однако, еще не установлены. Это частичное облегченіе податной тягости ни мало не помогло все-таки населенію выпутаться изъ чрезвычайныхъ экономическихъ затрудненій. Что касается натуральныхъ повинностей, то онѣ также не сообразованы съ средствами крестьянъ: въ прошломъ году для исправленія дорогъ выставлено было 46,736 рабочихъ, 8,922 лошади и 45 оленей; кромѣ того, на счетъ дорожнаго сбора съ крестьянъ произведено работъ на 31,000 руб. Всего истрачено на этотъ предметъ 79,000 руб. (считая стоимость рабочихъ силъ въ 48,000 руб.), что составитъ рубль съ копейками на рабочую душу. Въ томъ же году отведено было 10,219 квартиръ, стоимость которыхъ опредѣляется въ 12,000 руб.; для отправления подводной повинности выставлены были 10,200 лошадей, стоимостью въ 10,000 р. Я не говорю уже о массѣ вопіющихъ злоупотребленій при отпращиваніи натуральныхъ повинностей, злоупотребленій—слишкомъ хорошо извѣстныхъ, чтобы ихъ повторять въ сто первый разъ.»

Кромѣ разныхъ экономическихъ невзгодъ, Архангельская губернія страдаетъ еще отъ своего чиновничества. Врядъ ли гдѣ-нибудь такъ часты преступленія по должности, какъ здѣсь. Превышенія власти, кулачныя расправы, взяточничество и казнокрадство—самыя заурядныя явленія среди чиновничьяго, особенно полицейскаго элемента края. Только незначительный процентъ этихъ

проступковъ и преступленій доходить до ветхозавѣтнаго суда нашего, въ свою очередь переполненнаго подлѣчными и приказными недобраго стараго времени. Несмотря на всю трудность, какою обставлено у насъ преданіе суду должностныхъ лицъ, въ послѣднее время привлечено къ судебной отвѣтственности все-таки значительное число ихъ.

Дореформенный архангельскій судъ относится обыкновенно снискнительно къ чиновнымъ подсудимымъ и выносить имъ оправдательные вердикты, или же тянетъ дѣла по нѣскольку лѣтъ. Вообще, Архангельская губернія страдаетъ полнѣйшимъ отсутствіемъ правосудія: уѣздные судьи не обладаютъ не только юридическимъ, но даже какимъ бы то ни было образованіемъ и назначаются прямо изъ столоначальниковъ губернскаго правленія; судъ, который они творять, просто невозможенъ. Введеніе земскихъ и мировыхъ учреждений несомнѣнно ограничить область злоупотребленій мѣстной бюрократіи и устранить исправниковъ и становыхъ отъ хозяйничанья въ уѣздахъ, въ которыхъ они теперь всесильные сатрапы.

Это уже не голодавка или неурожай, не переселенческій вопросъ, съ которымъ-бы могла справиться комиссія свѣдущихъ людей, это полная гражданская безформенность, съ которой должна имѣть дѣло даже и не Кахановская комиссія, а нѣчто болѣе сильное, строгое и властное. И въ этотъ-то несчастный край, который и самъ-то существовать не можетъ, тянется изъ всѣхъ силъ «благодатный югъ», предполагая найти Эльдorado. Любопытнѣе всего, что Югъ тянется не только въ Архангельскую губернію, но даже на Новую землю. Народъ, чуткій ко всякимъ толкамъ и слухамъ, которые отвѣчаютъ его затаеннымъ желаніямъ, ухватился съ характерующей его въ подобныхъ случаяхъ энергіей за пущенный кѣмъ-то слухъ о колонизаціи Новой земли съ «воспособленіемъ отъ правительства». Названіе острова дало народному воображенію поводъ надѣлать Новую землю всевозможными благами и чудесами природы и какъ только наступилъ переселенческій сезонъ, потянулись на сѣверъ даже обозы изъ внутреннихъ губерній Россіи.

Кромѣ того, нѣкоторые сельскія общества изъ подмосковныхъ губерній умудрились подать прошенія въ министерство внутреннихъ дѣлъ и архангельскому губернатору объ отводѣ имъ на островѣ надѣловъ, другіе-же въ своихъ заявленіяхъ любопытствовали узнать—по сколько десятинъ на душу нарѣзываются тамъ земли... Во всѣхъ этихъ прошеніяхъ и заявленіяхъ проглядываетъ полнѣйшее незнакомство съ физическими и бытовыми условіями Новой Земли, и удовлетвореніе этихъ просьбъ причинило-бы вполнѣдствіи не мало горя и страданій просителямъ. Но если крестъ-

янское невѣжество въ географіи вполне понятно, говорить корреспондентъ, то ужъ совершенно непонятно отношеніе тѣхъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, къ этимъ крестьянскимъ стремленіямъ на далекой Сѣверъ. Оставаться безучастнымъ къ этому явленію не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что не представляетъ особенныхъ трудностей ознакомить—хотя-бы путемъ прочтенія въ церквахъ краткаго описанія острова—крестьянскій людъ съ тѣмъ, что ожидаетъ его на Новой Землѣ. Почему-бы, напр., не напечатать и не разослать при «Сельскомъ Вѣстникѣ» хотя-бы только такого коротенькаго объясненія:

«Новая Земля лежитъ въ Ледовитомъ океанѣ, поверхность ея скалистая; растительность на ней оленій мохъ и ничего больше; постоянныхъ жителей всего 6 самоѣдскихъ семей. Лѣта почти не бываетъ; снѣгъ сходитъ только въ іюнѣ; въ концѣ августа земля снова покрывается снѣгомъ; нерѣдко и въ іюлѣ выпадаетъ снѣгъ; солнечнаго зноя никогда не бываетъ; все лѣто господствуютъ холодные туманы. Въ декабрѣ и январѣ солнце вовсе не восходитъ и въ это время тамъ непрерывная ночь. Единственное мыслимое на островѣ занятіе—морскіе промыслы, и такъ какъ заработковъ иныхъ никакихъ не существуетъ, то всѣ незнакомые съ сказанными промыслами переселились-бы сюда на явную гибель».

Удержавъ хотя-бы нѣсколько семей отъ разорительнаго и ничего впереди не обещающаго странствованія къ пустынному острову на Ледовитомъ океанѣ, тѣ, которымъ объ этомъ вѣдать надлежитъ, сдѣлали-бы несомнѣнно полезное дѣло.

Всѣ эти факты взяты мною изъ корреспонденціи за сентябрь мѣсяцъ нынѣшняго года, т. е. послѣ того, какъ прекратились всякіе слухи о комиссіи по переселенческому вопросу, члены которой еще весною разѣхались въ свои имѣнія. Я говорю обо-всѣмъ этомъ совсѣмъ не для того, чтобы порицать или разбирать «народную политику», руководившую нашими внутренними дѣлами въ началѣ 1882 года. Я только устанавливаю факты и пишу хронику внутренней жизни истекающаго года. Для того, чтобы разоблачить или оцѣнить народную политику графа Игнатьева, прежде всего нужно знать программу и планъ для ея осуществленія; но, какъ извѣстно читателю, ни того, ни другаго оповѣщено никогда не было. Судя-же по фактамъ, которые у всѣхъ на лицо, можно дѣлать только и выводъ фактами. Выводъ-же будетъ слѣдующій: комиссія по переселенческому вопросу не дала никакихъ результатовъ и, какъ видитъ читатель изъ приведенныхъ мною осеннихъ корреспонденцій, беспорядочное шатаніе народа для отысканія новыхъ земель продолжается и до сихъ поръ. Комиссія по питейному вопросу тоже не дала практическихъ результатовъ въ настоящемъ

году, и какъ оказывается изъ циркуляра министерства финансовъ, старые порядки будутъ существовать и въ 1883 году. Вопросъ о народномъ продовольствіи, какъ видно изъ тѣхъ-же фактовъ, не былъ вовсе затронутъ и даже разсмотрѣніе его не предполагалось ни въ какой комисіи. Наконецъ для комисіи статсъ-секретаря Каханова назначенъ срокомъ 1884 годъ. Такимъ образомъ и результаты трудовъ этой комисіи не достанутся нынѣшнему году.

Вообще истекающій годъ былъ годомъ возбужденія вопросовъ, не получившихъ, однако, еще разрѣшенія. Къ такимъ же неразрѣшеннымъ вопросамъ относятся еще нѣсколько вопросовъ. Въ числѣ ихъ еврейскій, невыясненный въ своихъ причинахъ, занимаетъ очень серьезное мѣсто. Для объясненія причинъ еврейскихъ погромовъ установилось два мнѣнія: одни видятъ причину погромовъ и озлобленія народа въ «еврейской» эксплуатаціи, другіе идутъ дальше и усматриваютъ въ погромахъ наболѣвшее, хроническое, народное состояніе и какъ-бы первую сознательную попытку народа разрѣшить собственными средствами экономической вопросъ. Не разбирая ни того, ни другаго мнѣнія и ограничиваясь лишь хроникой принятыхъ мѣръ, я приведу важнѣйшіе правительственные акты 1882 года, относящіеся до евреевъ.

10-го мая послѣдовалъ указъ сената, которымъ извѣщалось во всеобщее свѣдѣніе, что правительство твердо рѣшилось неуклонно преслѣдовать всякія насилія надъ личностью и имуществомъ евреевъ, какъ находящихся подъ охраною, общихъ для всего населенія законовъ, наравнѣ съ другими подданными Его Величества. Затѣмъ въ другомъ указѣ сената отъ того-же числа постановлено дать знать подлежащимъ губернскимъ начальствамъ, что на ихъ отвѣтственность возлагается своевременное принятіе предупредительныхъ мѣръ для отвращенія поводовъ къ подобнымъ беспорядкамъ и для устраненія беспорядковъ въ самомъ началѣ, если-бы они возникли, и что за всякое въ семъ отношеніи небреженіе административныхъ и полицейскихъ властей—когда онѣ могли, но не озаботились отвратить насильственные дѣйствія—виновные будутъ подлежать устраненію отъ должностей. А какъ изъ бывшихъ прискорбныхъ примѣровъ видно, что въ беспорядкахъ принимало участіе мѣстное населеніе, возбуждаемое неблагонамѣренными людьми изъ корыстныхъ или иныхъ цѣлей, то на обязанность губернскаго начальства возлагается разъяснить мѣстнымъ въ городахъ и селеніяхъ общественнымъ управленіямъ, что независимо отъ распоряженій мѣстной полиціи, и общественныя власти и учрежденія обязаны, ради охраненія общественнаго порядка и спокойствія, принимать съ своей стороны бдительныя мѣры для предупрежденія всякой попытки къ беспорядкамъ въ самомъ началѣ,

и для разъясненія мѣстнымъ жителямъ всей преступности своеговольнаго насилія надъ чьею-бы то ни было личностью и имуществомъ.

Наконецъ въ Высочайше утвержденномъ положеніи комитета министровъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе временныхъ правилъ о евреяхъ постановлено: въ видѣ временной мѣры и до общаго пересмотра въ установленномъ порядкѣ законовъ о евреяхъ—воспретить евреямъ вновь селиться внѣ городовъ и мѣстечекъ, съ допущеніемъ въ этомъ отношеніи исключенія только относительно существующихъ нынѣ еврейскихъ колоній, занимающихся земледѣліемъ. Приостановить, временно, совершеніе купчихъ крѣпостей и закладныхъ на имя евреевъ, а равно и засвидѣтельствованіе, на имя евреевъ, арендныхъ договоровъ на недвижимыя имущества, находящіяся внѣ черты городовъ и мѣстечекъ, и довѣренностей на управленіе и распоряженіе сими имуществами. Воспретить евреямъ производить торговлю въ воскресные дни и двенадесятые христіанскіе праздники, съ тѣмъ, притомъ, чтобы относительно самаго закрытія въ указанные дни торговыхъ помѣщеній, принадлежащихъ евреямъ, соблюдался тотъ-же порядокъ, какой установленъ въ отношенія закрытія вообще торговыхъ помѣщеній у христіанъ;—и изложенныя мѣры принять лишь въ губерніяхъ постоянной осѣлости евреевъ.

Конечно, всё эти постановленія не разрѣшаютъ окончательно еврейскаго вопроса, и онъ едва-ли и можетъ быть разрѣшенъ мѣрами, регламентирующими черту осѣлости, ибо еврейскій вопросъ есть вопросъ экономическій и особенно по отношенію къ такъ называемой еврейской эксплуатаціи требуетъ приемовъ болѣе идейныхъ и деликатныхъ, уже въ силу того, что такъ или иначе, но еврейскіе погромы явленіе экономически очень серьезное. Въ этомъ смыслѣ весьма характерно заявленіе московскаго купечества, которое, между прочимъ, говоритъ, что въ продолженіи десяти, двадцати лѣтъ съ того времени, какъ евреямъ былъ открытъ болѣе легкій доступъ въ Москву, торговля сношенія Москвы съ западными и южными губерніями получили обширное развитіе: этотъ фактъ заслуживаетъ особеннаго вниманія правительства еще и потому, что московская промышленность въ тѣхъ краяхъ встрѣчаетъ сильную конкуренцію польскихъ и иностранныхъ, австрійскихъ и германскихъ фабрикъ. Помянутому классу посредниковъ принадлежитъ не послѣдняя роль въ установленіи прочнаго рынка въ томъ краѣ для произведеній московской промышленности. Вотъ почему удаленіе евреевъ изъ Москвы, стѣсненіе ихъ сюда пріѣзжать и селиться, вредно отзовется на ходѣ этой торговли. Прочныя и правильныя торговля сношенія не могутъ образоваться съ

лицами лишь случайно и временно приѣзжающими, пребываніе которыхъ въ Москвѣ будетъ обставлено разными стѣсненіями. Напротивъ, стремленіе къ Москвѣ, къ приобрѣтенію въ ней осѣдлости, заслуживаетъ, съ точки зрѣнія интересовъ московской торговли, поощренія, ибо самый фактъ осѣдлости такого лица въ Москвѣ, веденіе дѣла, такъ сказать, у насъ на глазахъ, служить уже въ огромномъ числѣ случаевъ ручательствомъ въ его благонадежности или средствомъ для оцѣнки его кредито-способности.

Кромѣ того, что евреи, проживающіе въ Москвѣ, служатъ посредниками и агентами между купцами южныхъ и юго-западныхъ губерній съ московскими купцами, евреи и сами по себѣ являются значительными потребителями московскихъ издѣлій, такъ что погромы отразились и на московской торговлѣ.

Для иллюстраціи заявленія московскаго купечества я приведу другой очень характерный фактъ. Изъ Лондона сообщали «Голосу», что «группа участниковъ лондонской фондовой биржи (Stock exchange) выступила съ предложеніемъ къ комитету биржи объ исключеніи изъ официальной котировки всѣхъ русскихъ фондовъ и о запрещеніи сдѣлокъ съ ними на биржѣ», мотивируя свое предложеніе тѣмъ, что «травля, возбужденная въ Россіи противъ иноплеменниковъ и иновѣрцевъ», можетъ повлечь за собою серьезную опасность для иностранныхъ владѣльцевъ русскихъ бумагъ. Остракизмъ этотъ, какъ полагаютъ въ свѣдущихъ сферахъ, пока не встрѣчаетъ симпатій въ средѣ англійскаго биржевого міра, такъ какъ мѣра эта можетъ причинить громадныя потери англійскимъ капиталистамъ, владѣющимъ, какъ извѣстно, громадными суммами всякаго рода русскихъ бумагъ, и, сверхъ того, можетъ вызвать замѣшательство въ правильномъ ходѣ международныхъ финансовыхъ оборотовъ Англій не только съ Россіей, но и съ другими странами, биржи которыхъ состоятъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Англійей, именно по оборотамъ съ русскими фондами».

Какъ-бы то ни было, но самый фактъ такого заявленія—говоритъ газета—показываетъ, что «если не нравственные и гуманныя чувства, то матеріальные интересы Россіи, при ея полной финансовой зависимости отъ иностранныхъ капиталистовъ и денежныхъ рынковъ, требуютъ большей осмотрительности и осторожности въ дѣйствіяхъ и словахъ нашихъ шовинистовъ».

Теперь политика не можетъ быть только внутренней, не будучи въ тоже время внѣшней, международной, промышленной. Все, что нарушаетъ мирную, спокойную, нормальную промышленную дѣятельность, все это немедленно отражается на томъ барометрѣ, который извѣстенъ подъ именемъ биржи и курса. Малѣйшее уклоненіе отъ нормальнаго и поступательнаго развитія немедленно гро-

зить упадкомъ курса и потерями цѣнности не только на бумагахъ, но и на цѣнѣ товаровъ, а слѣдовательно отражается на вознагражденіи за народный трудъ. А какъ только нормальное отношеніе между трудомъ и его вознагражденіемъ нарушилось, никакія частныя мѣры или паллятивы не помогутъ. Въ этомъ-то положеніи именно и находится нашъ народный трудъ. Со времени освобожденія крестьянъ цѣна на жизненные продукты, вслѣдствіе неблагоприятныхъ условій земледѣльческаго труда, поднялась значительно выше, чѣмъ плата за трудъ. Схематически отношеніе это можно изобразить такой приблизительной пропорціей: цѣна на землю и арендная плата поднялась на 100⁰/₀, цѣна на продукты на 50⁰/₀, а рабочая плата только на 10⁰/₀. Можетъ-ли при такомъ положеніи цѣнъ народный трудъ создавать благосостояніе и можетъ-ли мужикъ богатѣть? Понятно поэтому, что сядка рубля изъ выкупныхъ платежей и даже проектированное и вводимое въ дѣйствіе облегченіе отъ подушной подати¹ не измѣнитъ положенія труда и не создастъ для него тѣхъ возможностей, безъ которыхъ онъ никогда не достигнетъ полной успѣшности. Поэтому мы думаемъ, что проектируемая правильная ежегодная отмѣна по шести милліоновъ рублей податей съ тѣмъ, чтобы по истеченіи восьмилѣтняго періода съ душевыми сборами было уже покончено, едва-ли обнаружитъ то благоприятное вліяніе, котораго отъ нея ожидаютъ. Вѣдь въ сущности русскій крестьянинъ сравнительно съ англичаниномъ или французомъ платитъ очень немного. И трудность его положенія заключается вовсе не въ подушной подати и не въ выкупныхъ платежахъ, а во всѣхъ условіяхъ его экономическаго положенія, въ условіяхъ неуспѣшности его труда. Слѣдовательно, чтобы измѣнилось къ лучшему положеніе народа, нужно чтобы измѣнились условія его труда. А покажутся эти условія не измѣнились, пока продолжается у насъ та неправильность внутреннихъ экономическихъ отношеній, при которыхъ для народнаго труда нѣтъ свободы и пока онъ ограниченъ въ орудіяхъ производства, частное уменьшеніе платежей не только на два и на три рубля, но даже и на десять рублей, не принесетъ народу ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ существенной пользы. Да и государство едва-ли что-нибудь выиграетъ въ финансовомъ отношеніи отъ подобныхъ мѣръ. Чтобы снять съ народа платежи, нужно въ то же время переложить ихъ на другія плечи, потому что не можетъ-же государство оставаться безъ дохода. Когда свершилось освобожденіе крестьянъ, уничтоженіе подушной подати было совсѣмъ немислимо, ибо для замѣны ея пришлось-бы вести налогъ на среднее промышленное сословіе. Но въ Россіи тогда не было никакой буржуазіи, которая-бы подобно французской могла выплачивать

милліардные налоги. Оставался одинъ источникъ—акцизъ на вино, который выплачивался только въ иной формѣ, но тѣмъ же мужикомъ. Въ настоящее время едва-ли тоже окажется удобной перенесеніе части народныхъ платежей на русскую буржуазію, потому что и до сихъ поръ она не составляетъ, какъ въ Европѣ, такой силы, которая могла-бы вынести главныя платежныя тяжести. Слѣдовательно, въ той или въ другой формѣ, отмѣненная подушная подать ляжетъ снова на тотъ-же самый народъ. Какъ на новые источники этого рода указываютъ на городскія недвижности и на повышеніе земельного налога. Въ одной газетѣ мы читаемъ: «И дома, и земли сильно поднялись въ цѣнѣ съ тѣхъ поръ, какъ установились для нихъ нынѣшніе податные оклады, а въ особенности со времени сильнаго упадка цѣнности денегъ, который сейчасъ-же отразился увеличеніемъ цѣнъ на движимую собственность. Доходъ отъ дома теперь далеко уже не тотъ, какой былъ семь-восемь лѣтъ тому назадъ. А земли въ послѣдніе годы поднялись въ цѣнѣ по крайней мѣрѣ въ полтора раза, какъ это показываютъ появляющіяся то и дѣло извѣстія объ арендныхъ платежахъ, и какъ свидѣтельствуютъ даже новѣйшія официальные изданія «департамента земледѣлія и сельской промышленности». Напримѣръ, въ черноземной губерніи, гдѣ прежде за озимую десятину платили 12—15 рублей, теперь платятъ 20—25 руб. А между тѣмъ налогъ на десятину тамъ попрежнему держится на 10—12 копѣйкахъ. Гдѣ прибавилось десять рублей дохода, тамъ едва-ли будетъ грѣхомъ набавить налога пятнадцатинный или двугривенный, особенно когда дѣло идетъ о такой настоятельной потребности, какъ развязка съ подушною системою».

Конечно, уравнительное распредѣленіе налоговъ вещь очень важная, но еще важнѣе платежныя источники. Взять нетрудно, когда есть съ чего взять, но вѣдь у насъ брать-то не изъ чего. И вотъ все наше искусство въ увеличеніи средствъ государственнаго казначейства и городского и земскаго управленія сводится къ измышленію новыхъ и новыхъ налоговъ. Налогъ нуженъ, налогъ неизбѣженъ, платежъ налога есть гражданская обязанность—все это такъ; но кромѣ необходимости и неизбѣжности налога существуетъ на землѣ и *подитная справедливость*, иначе можетъ повториться басня о курицѣ, несшей золотыя яйца; а вѣдь нашъ народъ очень похожъ на такую курицу. И въ самомъ дѣлѣ, платитъ онъ, платитъ безъ конца, питаетъ собою цѣлое громадное сто милліонное государство, даетъ ему силу внутри, поддерживаетъ его международное достоинство, но какія-же возможности находить онъ для собственнаго питанія? Характерно, что русскій человекъ, въ которомъ все такъ широко, грандіозно, размашисто,

который любить дѣйствовать всегда во всемъ на глазомѣрь, уважаетъ миллионные итоги и астрономическія пространства, этотъ самый русскій человѣкъ, когда ему приходится выступить въ качествѣ практическаго общественнаго дѣятеля, на примѣрь вродѣ «свѣдущаго человѣка», немедленно сжимается, суживается, становится мелочнымъ, маленькимъ, робкимъ и трусливымъ. Вѣдь только въ этомъ и причина, что соберемся-ли мы въ качествѣ свѣдущихъ людей или какихъ-нибудь другихъ общественныхъ руководителей—мы смѣлые титаны въ области теоретической мысли и грандіозныхъ проектовъ, становимся немедленно канцелярски-микроскопическими формалистами и изъ нашихъ головъ не выходитъ ничего, кромѣ паліативовъ и полумѣрь. А вѣдь паліативы и полумѣры только признакъ робкой и неувѣренной мысли. То-же повторили мы еще разъ съ проектомъ мелкаго крестьянскаго поземельнаго кредита. Задачей его было—содѣйствіе крестьянамъ къ увеличенію ихъ земельного владѣнія путемъ покупокъ отъ частныхъ землевладѣльцевъ. Центральное управленіе новымъ кредитомъ сосредоточивается при главномъ выкупномъ учрежденіи, и оно должно имѣть мѣстные органы въ губерніяхъ, а можетъ быть даже и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ. Составъ учреждений—на половину общественный, на половину чиновничій. Для приобрѣтенія средствъ, изъ которыхъ должны выдаваться крестьянамъ ссуды, правительство выпускаетъ особія облигаціи, оплачиваемыя и погашаемыя постоянными денежными взносами крестьянъ-покупателей. Ежегодно предполагается выпускать облигацій на сумму до 3 миллионъ рублей. Само собою разумѣется, что кредитная помощь будетъ оказываема только малоземельнымъ и, слѣдовательно, прежде оказанія ея въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ будутъ собираться справки о томъ, имѣеть-ли проситель право на ссуду по своему *малоземелью*.

О необходимости подобнаго рода учрежденія спорить невозможно. Поэтому «крестьянскій кредитъ» вполне достигъ-бы своей цѣли, еслибы онъ былъ поставленъ нѣсколько пошире. Но что-же значать годовыя трехъ-милліонныя облигаціи, тѣмъ болѣе, что предполагается оказывать помощь только крестьянамъ, остающимся въ своихъ мѣстностяхъ, а не переселенцамъ. А между тѣмъ для покупки земель крестьянамъ въ чужихъ мѣстностяхъ можетъ быть еще болѣе нужна помощь и она-бы удовлетворила давно уже развившемуся стремленію народа осѣсться на новыхъ мѣстахъ. Кромѣ того, крестьянскій кредитъ отличается необыкновенной дороговизной, ибо, смотря по срокамъ ссудъ, съ плательщиковъ предполагается брать отъ $7\frac{1}{2}\%$ до $8\frac{1}{2}\%$. Нужно думать, что это происходитъ отъ того, что на средства этой операціи отнесены и

управленіе ею и образованіе запаснаго капитала. Тягость эта, конечно, не по силамъ такой маленькой операціи, которая въ десять лѣтъ едва достигнетъ восьмидесяти милліоновъ рублей. Наконецъ мизерность проефта уже и выразилось въ нѣкоторыхъ фактахъ, оглашенныхъ московскими газетами.

Крестьяне селца Дмитріевскаго, Скопинскаго уѣзда (Рязанск. губ.), сторговали имѣніе княгини Козловской въ 440 десятинъ, съ мельницею, садомъ и разными угодьями. Помѣщица прежде всего потребовала уплаты старой оброчной недоимки — и получила ее, причѣмъ крестьяне должны были сдѣлать долгъ ростовщику. Затѣмъ помѣщица назначила цѣну имѣнію въ 66 тысячъ рублей; крестьяне согласились на эту цѣну и немедленно обратились къ губернатору съ просьбою исходатайствовать имъ правительственную ссуду въ 53 тысячи рублей, надѣясь собрать остальное собственными средствами. На бѣду ихъ, быстро устроить дѣло оказывается невозможнымъ: въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» появилось разъясненіе, изъ котораго видно, что операціи новаго банка начнутся не раньше 1883 года. Это разъясненіе, въ свою очередь, подтверждаетъ, что въ министерство финансовъ дѣйствительно поступило уже нѣсколько ходатайствъ, не только отъ крестьянъ, но и отъ помѣщиковъ, о содѣйствіи имъ къ совершенію сдѣлокъ о куплѣ и продажѣ земли на основаніи состоявшихся добровольныхъ соглашеній. Затрудненіе состоитъ въ томъ, что изданіе положенія о поземельномъ банкѣ представляетъ рѣшеніе лишь въ принципѣ, до начатія-же самыхъ операцій необходимо выполнить нѣсколько подготовительныхъ работъ. Предстоитъ еще утвержденіе правилъ совершенія вѣрностныхъ актовъ на покупку и залогъ земель; требуется также составленіе оцѣнокъ земель для каждой мѣстности; проектъ упомянутыхъ правилъ уже представленъ въ государственнѣйшій совѣтъ, а оцѣнки начаты пока лишь по тѣмъ губерніямъ, гдѣ уже теперь предположено открыть «отдѣленія» поземельнаго банка. Все это, вмѣстѣ съ организаціей управленія банка и его органовъ, потребуетъ по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ времени, и въ результатѣ—открытіе дѣйствій банка послѣдуетъ не ранѣе января 1883 года.

Но главная трудность или, точнѣе, неудовлетворительность разрѣшенія вопроса не въ этомъ, а въ томъ, что нашъ размѣръ ссуды и приведенный случай лучше всего указываетъ на необходимость ихъ увеличенія. Крестьяне приторговали землю по 150 рублей за десятину, а между тѣмъ, по положенію, въ ссуду выдается не болѣе 125 рублей на душу. Если банкъ даже согласится допустить оцѣнку въ 150 рублей для лучшихъ мѣстностей Рязанской губерніи—все же выйдетъ, что крестьяне при пособіи банка покупать не болѣе

одной десятины на душу. Все это хорошо, если у крестьянъ есть уже своихъ 2 или 2^{1/2} десятины, но если у нихъ этого нѣтъ — банкъ не выведетъ ихъ изъ состоянія малоземельности и помощь его окажется слабымъ палъятивомъ. Между тѣмъ, еслибы рязанскій мужикъ выселился въ степную губернію, онъ на тѣ же 125 рублей купилъ-бы себѣ десятины три или четыре и былъ-бы въ состояніи обзавестись порядочнымъ хозяйствомъ. Неизвѣстно сколько душъ въ с. Дмитріевскомъ, но въ виду того, что у мѣстной помѣщницы всего 440 десятинъ, трудно предположить, чтобы этихъ душъ набралось болѣе 200, а такому числу, по положенію, можно выдать только 25,000 рублей, то-есть около половины того, что крестьянамъ нужно; слѣдовательно, банкъ самъ по себѣ едва-ли сможетъ помочь совершенію сдѣлки въ с. Дмитріевскомъ.

Вообще, какъ справедливо замѣчаетъ «Недѣля», безъ существенныхъ дополненій къ «положенію» особенно трудно будетъ вывести изъ тяжелаго положенія скудоземельныхъ; выручать ихъ всего болѣе можетъ переселеніе и дополнительный земельный кредитъ. У кого только десятина или полдесятины—тому нужно прикупить 2—3 десятины, а ихъ далеко не вездѣ купишь на 125 рублей. Наконецъ, еще очень важное замѣчаніе: теперешнія цѣны на землю не нормальныя, а возвышенныя, и, чтобы поставить ихъ въ норму, учрежденію банка для покупки земель должно бы предшествовать переселеніе. Второй шагъ безъ перваго ляжетъ несправедливой тягостію на крестьянъ.

Теперь состояніе крестьянскаго, да и вообще всего нашего государственнаго, хозяйства такого рода, что наша финансовая и экономическая политика можетъ выступить навстрѣчу общей экономической нуждѣ только съ самой широкой программой и съ грандіозными всеобхватывающими средствами, вродѣ тѣхъ мѣръ, съ которыми выступила навстрѣчу Россіи реформаціонная эпоха Императора Александра II, когда освобожденіе крестьянъ потянуло за собою цѣлый рядъ не менѣе широкихъ мѣръ, изъ которыхъ каждая была сама по себѣ громадной реформой. Теперь мы находимся въ подобномъ-же положеніи: только самыя широкія и невозможныя либеральныя, въ смыслѣ ширины, мѣры однѣ и могутъ помочь намъ выйти на прямой, свѣтлый, открытый путь экономическаго и социальнаго развитія и роста той силы, безъ которой въ концертѣ европейскихъ державъ и международныхъ отношеній мы можемъ оказаться лишними на пиру природы и погибнуть подъ давленіемъ Мальтусава закона. Это выраженіе конечно фигуральное, потому что стомилліонный народъ, прожившій тысячу лѣтъ, лишнимъ на пиру природы оказаться не можетъ, но что безъ широкихъ экономическихъ мѣръ и безъ невозможно либеральной эко-

номической политики насъ могутъ постигнуть всевозможные кризисы, это такъ-же несомнѣнно, какъ и то, что на международномъ рынкѣ нашъ рубль даже въ крымскую кампанію не падалъ такъ низко, какъ нынче. Не новая система налоговъ спасетъ насъ и не уничтоженіе подушной подати или мелкій поземельный кредитъ въ томъ видѣ, какъ онъ установился, а новая система государственнаго хозяйства, всѣ силы которой будутъ направлены на созданіе новыхъ производительныхъ источниковъ и на развитіе производительныхъ и умственныхъ силъ страны.

При такомъ, и конечно правильномъ и неустрашимомъ, взглядѣ на дѣло, то, что фабрикуетъ теперь иногда наши общественные заправилы, является чѣмъ-то такимъ аномальнымъ, чтобы не сказать болѣе, что недоумѣваешь, куда-же дѣлся нашъ здравый русскій смыслъ, которымъ мы всегда такъ гордились. Хотя фактъ, который я теперь приведу, и чисто петербургскій, но въ немъ сказалоcь общее настроеніе современной русской общественной мысли, давно отказавшейся отъ широкаго реформаціоннаго размаха и вращающейся лишь въ мелочахъ, частностяхъ и палліативахъ. Петербургъ городъ очень большой, какъ и слѣдуетъ быть столицѣ большого государства, а потому что онъ городъ большой, ему нужны большія средства. И вотъ по мѣрѣ того, какъ растутъ расходы Петербурга, онъ увеличиваетъ налоги на своихъ жителей и уже давно и энергически думаетъ о новыхъ обложеніяхъ, желая подражать въ этомъ отношеніи Лондону и Парижу. Въ нынѣшнемъ году петербургская дума разрѣшилась двумя небывалыми налогами—на лошадей и на квартиры. Послѣдній налогъ настолько любопытенъ по своимъ подробностямъ, что я прошу у читателя позволенія познакомить его съ проектомъ петербургской думы поподробнѣе. Городская комиссія, занимавшаяся по порученію думы пересмотромъ городскихъ сборовъ, постановила войти съ ходатайствомъ въ установленномъ порядкѣ о разрѣшеніи: ввести въ пользу города сборъ съ квартиръ или жилыхъ помѣщеній, въ размѣрѣ одного процента съ наемной стоимости квартиръ, съ освобожденіемъ отъ этого сбора квартиръ цѣною менѣе 200 руб.; установить сборъ въ доходъ города со всѣхъ живущихъ въ Петербургѣ постоянно и пріѣзжающихъ на время болѣе 7 дней мужчинъ и женщинъ отъ 16 до 60 лѣтъ включительно, не участвующихъ въ платежѣ квартирнаго налога, по одному рублю съ каждаго лица; плательщиками-же сбора съ квартиръ считать мужа и жену вмѣстѣ, на чье-бы имя квартира ни была нанята, и подчинить акты и договоры всякаго рода, совершаемые при посредствѣ биржевыхъ и корабельныхъ маклеровъ и нотаріусовъ, такому-же сбору въ доходъ городской казны, каковой установленъ 889 ст. т.

Х. Зак. гражд. съ прочихъ актовъ, совершаемыхъ нотаріальнымъ порядкомъ. Уплату квартирнаго налога раздѣлить на два періода: съ 1-го января по 1-е іюля и съ 1-го іюля по 1-е января, конечнымъ-же срокомъ для взноса денегъ назначить: для первой половины года 1-е апрѣля, а для второй половины 1-е октября; по истеченіи означенныхъ конечныхъ сроковъ налогъ взыскивать въ двойномъ количествѣ. Предоставить желающимъ вносить сборъ одновременно за цѣлый годъ, съ тѣмъ однако условіемъ, что если квартира будетъ перемѣнена, то во второй половинѣ года сборъ за новую квартиру взыскивается независимо суммы, которая была уплачена за прежнюю квартиру. Если сборъ за половину года внесенъ, то при перемѣнѣ въ теченіи онаго квартиры на болѣе дорогую добавочной платы за тотъ періодъ не взыскивать, равнымъ образомъ не производить возврата или зачета денегъ и въ томъ случаѣ, если прежняя квартира замѣнена болѣе дешевою. Сборъ на городскія общественныя надобности взымается въ полномъ годовомъ размѣрѣ, въ какое-бы время лицо ни прибыло. Срокъ для уплаты этого сбора постоянно проживающими въ Петербургѣ лицами назначить съ 1-го января по 1-е февраля, а для прибывающихъ—семь дней со времени прибытія. Съ неуплатившихъ въ означенные сроки сборъ взыскивать въ двойномъ размѣрѣ. Для приема сбора учредить 17 бюро, и т. д. Чтобы избѣжать мелкихъ расчетовъ при взиманіи квартирнаго сбора, комиссія полагаетъ раздѣлить квартиры на группы и установить для каждой общую цифру сбора такимъ образомъ: для квартиръ цѣною отъ 200 до 250 рублей—2 р. въ годъ, отъ 250 до 300 р.—2 р. 50 к., отъ 300 до 350 р.—3 р., отъ 350 до 400 р.—3 р. 50 к. и т. д. до 1,000 р., а съ этой цифры прибавлять для округленія по 100 р., съ квартиръ-же цѣною въ 10,000 руб. и болѣе взымать по 100 р. съ каждой. Что касается квартиръ съ дровами, то съ платимой за таковыя цѣны, для уравненія ихъ съ квартирами безъ дровъ, скидывать 10% стоимости.

Можно подумать, что это и дѣйствительно налогъ на квартиры выше 200 р., но оказывается, что мальчики и дѣвочки 16 лѣтъ не имѣющіе своихъ квартиръ тоже должны платить. Выходитъ не квартирный налогъ, а подушная подать.

Ну, конечно, дума находится исполнѣ въ своемъ правѣ, и потому она старается пользоваться имъ до того либерально, что ей остается сдѣлать еще два послѣднихъ шага, т. е. ввести налогъ на собакъ и на окна, и тогда многострадательные жители Петербурга будутъ имѣть право говорить о своихъ налогахъ тоже, что говорятъ о своихъ англичане: «человѣкъ родится—и кладутъ его въ обложенную налогомъ люльку, купленную въ лавкѣ, обложен-

ной налогомъ, у купца, платящаго патентный сборъ. Ребенкомъ онъ катается на деревянной лошади, оплаченной налогомъ и купленной также въ лавкѣ, платящей налогъ; въ школѣ онъ платитъ налогъ за свое ученіе, обзаводится учебниками и книгами, издатели которыхъ заплатили налогъ, а по выпускѣ получаетъ дипломъ, за который долженъ заплатить по извѣстной таксѣ... На смертномъ одрѣ онъ заплатитъ налогъ доктору, заплатитъ налогъ за лекарство въ аптеку, обложенную налогомъ; даже гробъ, въ который его положить, даже могила, въ которую его опустятъ, будетъ обложена налогомъ, наравнѣ съ той заупокойной, которую отслужитъ по его душѣ священникъ. И только тамъ, на небесахъ, онъ окажется вполнѣ свободнымъ отъ налоговъ».

А еще говорить, что мы пойдемъ инымъ путемъ, чѣмъ Европа, и даже для нея создадимъ иные пути жизни.

Грустнѣ всего, что тягости жизни растутъ и растутъ на каждомъ шагу, и трудно сказать, кого они поражаютъ сильнѣе: деревню-ли, «народъ»-ли, къ услугамъ котораго 1882 годъ предложилъ «народную политику», или «городъ» съ его «интеллигенціей» и свободными профессіями, для которыхъ 1882 годъ явился мачихой.

II.

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» отъ 12-го марта, въ статьѣ «Критическая минута въ нашей новѣйшей исторіи» была высказана мысль, которою очень легко объясняется отношеніе 1882 г. къ интеллигенціи. Я не выставляю этой статьи «Московскихъ Вѣдомостей» за программу внутренней политики 1882 года, но ею многое объясняется въ тѣхъ фактахъ, которыхъ каждый изъ насъ былъ свидѣтелемъ. Все направленіе статьи будетъ поватно изъ ея слѣдующихъ словъ: «промыселъ божій спасъ насъ отъ шага, который при современныхъ условіяхъ могъ-бы быть роковымъ, какъ было роковымъ созваніе нотаблей во Франціи въ условіяхъ 1787 года».

Статья «Московскихъ Вѣдомостей» конечно не осталась незамѣченной, и противъ нея были сдѣланы весьма солидныя возраженія, но г. Катковъ писалъ свою статью конечно не для петербургской печати и не для того, чтобы выслушивать ея возраженія. Съ охранительной точки зрѣнія, московской газетѣ нуженъ былъ призракъ «крамолы», нужно было доказать, что никакой «созывъ» не приведетъ къ умиротворенію, а, напротивъ, въ немъ-то именно и кроется источникъ самой ужасной смуты. Только ради этой цѣли почтенному московскому органу и потребовалось потревожить прахъ 1787 года. Отсюда только одинъ шагъ къ преслѣдованію интеллигенціи, которымъ особенно ознаменовался 1882 г.,

правда, начавшійся еще подъ тяжелымъ давленіемъ событія 1 марта. Преслѣдованіе интеллигенціи, въ особенности московской печати, свершалось вездѣ, гдѣ только можно было усмотрѣть хотя малѣйшій ея слѣдъ, и преслѣдованіе это производилось съ такою энергіей, что получило, наконецъ, названіе «травли».

Обвиненіе интеллигенціи велось, конечно, не ради одного обвиненія, и въ сущности задача травли заключалась въ томъ, чтобы отодвинуть повсюду интеллигенцію на второй планъ, сократить средства ея дѣятельности и ослабить вообще умственные средства страны. Едва-ли не съ этой-же цѣлью была изобрѣтена «народная политика», которая какъ-бы хотѣла перенести опорный центръ тяжести съ интеллигенціи на народъ. Конечно, подобная идея и теоретически невѣрна, и практически неосуществима, по крайней мѣрѣ какъ государственный принципъ, но какъ частное или временное явленіе—она не представляется невозможной.

Почтенные московскіе охранители упустили однако изъ виду одно очень существенное обстоятельство. Они забыли, что народненіе интеллигенціи не зависитъ отъ охранительныхъ идей «Московскихъ Вѣдомостей» и составляетъ простой ариѳметическій результатъ такъ-называемаго «движенія населенія». Отъ интеллигентныхъ по роду своихъ занятій родителей являются и дѣти, уже по рожденію обреченныя на интеллигентный заработокъ. Этихъ людей съ каждымъ годомъ появляется все больше и больше, и по мѣрѣ развитія жизни, т. е. торговой промышленности, желѣзныхъ дорогъ, образованія, а съ нимъ школъ и училищъ, на интеллигентныхъ людей является и все большее и большее требованіе. Всему вновь нарождающемуся не можетъ-же государство отказать въ образованіи и въ приложеніи къ дѣлу его знаній и способностей, когда въ этомъ заключается вмѣстѣ съ тѣмъ и задача государства. Поэтому слѣдуетъ полагать, что «травля интеллигенціи», предпринятая московскими и вторящими ими органами, не можетъ имѣть никакого существеннаго значенія.

Гораздо вѣрнѣе не теорія авторовъ «травли», а тѣ факты, которые имѣютъ практическую сущность, и въ этомъ отношеніи конечно очень важно бросить бѣглый взглядъ на 1882 годъ. Прежде всего обнаруживается при этомъ повсюдное несоотвѣтствіе между числомъ желающихъ учиться и средствами, которыя имъ для того предоставляются. Напримѣръ, въ одной корреспонденціи изъ Харькова въ «Русскомъ Курьерѣ» мы читаемъ, что въ 1882 году уволены за невзносъ платы 104 студента. Комитетъ общества пособія недостаточнымъ студентамъ, вслѣдствіе недостатка средствъ, уплатилъ въ текущемъ году только за 38 студентовъ, тогда какъ въ прошломъ году заплатилъ за 86 студентовъ.

И рядомъ съ тѣмъ мы читаемъ въ «Врачѣ», напримѣръ, такой фактъ:

«Въ то время, какъ всѣ высшія учебныя заведенія завалены прошеніями и могутъ принять только ничтожную часть желающихъ поступить въ нихъ, военно-медицинская академія не знаетъ, гдѣ найти слушателей. Число студентовъ военно-медицинской академіи, поступившихъ на бывшій третій, а нынѣ первый курсъ, опредѣляется слѣдующими цифрами: изъ подготовительнаго курса (бывшаго второго) перешло 16, осталось на второй годъ пять, частныхъ стипендіатовъ одинъ; вновь поступившихъ—74 человекъ и ожидается переходъ восьми студентовъ изъ казанскаго университета; изъ 15-ти человекъ евреевъ, изъявившихъ желаніе поступить, можно принять только трехъ, т. е. 5 проц., въ силу известнаго циркуляра. Всего-же на третьемъ курсѣ имѣется 107 человекъ на 145 вакансій. Приведенныя цифры, какъ замѣчаетъ «Голосъ», наглядно свидѣтельствуютъ, что нынѣ сумму учащихся въ военно-медицинской академіи приходится считать не только не десятками, а единицами, взамѣнъ бывшихъ сотенъ».

Причина уменьшенія слушателей заключается въ тѣхъ новыхъ правилахъ, которыя были установлены для военно-медицинской академіи новымъ военнымъ министерствомъ.

Печальное положеніе реалистовъ, уже давно, давно всѣмъ известное, выразилось въ очень характерномъ фактѣ, подмѣченномъ въ Ростовѣ-на-Дону. Во всѣ учебныя заведенія Ростова былъ страшный наплывъ учениковъ, за исключеніемъ, впрочемъ, реального училища: «Объясняется это тѣмъ, говоритъ корреспондентъ «Голоса», что изъ послѣднихъ трехъ выпусковъ едва третья часть реалистовъ нашла себѣ доступъ въ высшія спеціальныя учебныя заведенія; остальные двѣ трети продолжаютъ жить на шеѣ своихъ родителей, рѣшительно не зная, что подѣлать съ собою. Неудивительно, поэтому, что тяготѣніе къ реальному образованію стало постепенно ослабѣвать въ мѣстномъ обществѣ».

Появилось было въ газетахъ извѣстіе, что «при министерствѣ народнаго просвѣщенія открыта особая коммиссія подъ предѣтельствомъ товарища министра г. Маркова, для измѣненія устава реальныхъ училищъ, причемъ предполагается допустить воспитанниковъ послѣднихъ на естественный и медицинскій факультеты. Положимъ, газетныя извѣстія не всегда вѣрны, замѣчаетъ «Недѣля», однако московская городская дума уже избрала депутата въ упомянутую коммиссію, причемъ выборъ ея остановился на мѣстномъ профессорѣ Герье. Если выбрали депутата, значитъ новая коммиссія не миеъ. Дѣйствительно, 19-го января коммиссія должна была открыть свои засѣданія, и уже собрались ея члены. Но тутъ»

случилось нѣчто неожиданное: собравшіеся члены вдругъ получили увѣдомленіе, что засѣданія комиссіи «отсрочиваются на неопредѣленное время».

Такимъ образомъ и въ 1882 году не повезло реалистамъ, да и вообще этотъ годъ не внесъ въ учебное дѣло никакихъ перемѣнъ, если не считать попытки министерства облегчить нѣсколько полученіе аттестата зрѣлости. Извѣстно, что аттестаты зрѣлости создали въ нашемъ обществѣ «изгоевъ», не находящихъ себѣ мѣста въ природѣ, а сухое формальное отношеніе начальства къ экзаменамъ лишило ихъ жизненнаго смысла, потому что удачность какой-нибудь письменной латинской или греческой работы становилась мѣриломъ человѣческаго ума, развитія и способности къ дѣлу. Поэтому очень естественно, что наконецъ долженъ былъ выступить вопросъ о пересмотрѣ правилъ объ аттестатахъ зрѣлости и вообще объ испытаніяхъ. Какъ сообщалось въ газетахъ, министерство народнаго просвѣщенія принялось за обсужденіе вопроса объ облегченіяхъ. Предварительно затребованы были отзывы отъ педагогическихкихъ совѣтовъ всѣхъ гимназій, которые въ мнѣніяхъ своихъ разошлись: одни сохраняли старую систему съ допущеніемъ въ нее только частныхъ измѣненій, другіе-же высказались за коренное преобразование. Министерство, по газетнымъ извѣстіямъ, склоняется къ слѣдующимъ перемѣнамъ: опредѣленіе успѣховъ учащихся предоставляется усмотрѣнію самихъ преподавателей и наставниковъ, причемъ срочныя отмѣтки объ успѣхахъ учениковъ не должны имѣть рѣшающаго вліянія на участь учениковъ. При испытаніяхъ «зрѣлости», темы и задачи для письменныхъ работъ должны назначаться педагогическими совѣтами гимназій, а не присылаться изъ учебныхъ округовъ запечатанными, какъ дѣлалось до сихъ поръ, въ чемъ выразилось полное недовѣріе къ преподавателямъ гимназій. Кромѣ того, и вообще письменныя испытанія на выпускныхъ экзаменахъ не будутъ имѣть рѣшающаго значенія, и неудовлетворительность ихъ не послужитъ препятствіемъ къ допущенію устныхъ испытаній. — Введеніе этихъ облегчительныхъ правилъ, какъ слышно, должно послѣдовать въ нынѣшнемъ-же году.

Такъ сообщалось газетами, но мы еще не слышали и нигдѣ не читали, чтобы облегчительныя правила уже явились.

Вопросъ объ университетахъ оставался въ томъ-же положеніи, хотя Дамокловъ мечъ «Московскихъ Вѣдомостей» висѣлъ надъ нимъ въ теченіи цѣлаго года. И поводъ къ этому, т. е. къ Дамоклову мечу «Московскихъ Вѣдомостей» подали совсѣмъ не студенческіе беспорядки, о которыхъ я говорить не стану, а тѣ-же самыя охранительныя чувства, которыя вызывали постоянно «Москов-

скія Вѣдомости» на преслѣдованіе суда присяжныхъ, земскихъ учреждений и вообще всякаго самоуправленія. Какъ извѣстно читателю, въ нашихъ университетахъ дѣйствовалъ до сихъ поръ уставъ 1863 года, построенный на выборномъ началѣ. «Московскія Вѣдомости»-же желаютъ подчинить университетъ бюрократическому началу и совершенно упразднить начало выборное. Какая судьба постигнетъ наши университеты въ 1883 году—это вопросъ еще закрытый, но во всякомъ случаѣ и нѣтъ особенныхъ причинъ думать, что обстоятельства благопріятствуютъ сохраненію устава 1863 года.

Дамокловъ мечъ висѣлъ еще надъ женскими медицинскими курсами. Объ этомъ вопросѣ писалось такъ много, что въ его подробности я входить не стану; но прибавлю, что общественное мнѣніе отнеслось къ женскимъ медицинскимъ курсамъ настолько симпатично и настолько энергически пропагандировало въ ихъ пользу, что существованіе курсовъ можно считать почти обезпеченнымъ. Это очень свѣтлый фактъ на вообще не особенно свѣтломъ горизонтѣ 1882 года. И, во всякомъ случаѣ, въ этомъ фактѣ выразился въ извѣстной мѣрѣ едва намѣтившійся зародышъ общественнаго почина. Конечно, значеніе этого почина преувеличивать не слѣдуетъ и еслибы ему было противопоставлено veto, Дамокловъ мечъ могъ-бы и опуститься.

Петербургскимъ жителямъ лучше чѣмъ кому-нибудь извѣстно, какое затрудненіе представляетъ для бѣдныхъ родителей плата за ученіе, и на сколько тревожитъ всякій слухъ о возможности ея увеличенія. Одно время заговорили о предстоящемъ повышеніи платы за ученіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и слухъ этотъ произвелъ въ Петербургѣ дѣльный переполохъ. Впрочемъ, поводъ къ нему былъ, но не со стороны центрального вѣдомства, а со стороны начальниковъ учебныхъ заведеній, излишне усердные директоры которыхъ обращались съ просьбами въ министерство о повышеніи платы, объясняя это недостаточностью специальныхъ средствъ для удовлетворенія «неотложныхъ нуждъ». «Имѣя въ виду, что «всякое увеличеніе платы ложится тяжелымъ бременемъ на родителей учащихся, и безъ того подвергающихся послѣдствіямъ отъ возвышенія цѣнъ на всѣ потребности жизни, увеличеніе-же платы вдругъ на значительную сумму усугубляетъ трудность положенія людей, обремененныхъ семействомъ»,—министръ народнаго просвѣщенія обратился къ попечителямъ округовъ съ просьбою входить въ министерство съ ходатайствами по означенному предмету «только по тщательномъ обслѣдованіи въ окружномъ управленіи, насколько представленія мѣстныхъ учебныхъ начальствъ о возвышеніи платы

за ученіе соотвѣтствуютъ дѣйствительной въ томъ потребности», причемъ присоединять и собственные мотивированныя по этимъ представленіямъ заключенія. На нынѣшній годъ гроза повидимому миновала, но нѣтъ никакого ручательства въ томъ, чтобы усердные директора, заявившись «тщательнымъ изслѣдованіемъ», не нашли бы возможности вновь войти съ своими представленіями въ министерство.

Рядомъ съ гнетущей бѣдностью и съ жизнью въ проголодь, которая досталась на долю учащейся молодежи, стоитъ и еще одно важное обстоятельство—недостатокъ вакансій. Такъ въ строительномъ училищѣ министерства внутреннихъ дѣлъ вакансій для поступления на первый курсъ было всего 33, а прошеній было подано 250. Изъ подавшихъ прошенія 50 чел. выдержали повѣрочное испытаніе. Въ технологическомъ институтѣ вакансій было 125, а прошеній было подано 580! Последнее-же повторилось и въ другихъ заведеніяхъ. Интересна слѣдующая корреспонденція изъ Харькова въ «Русск. Кур.»: «Въ настоящемъ году въ совѣтъ мѣстнаго университета было подано больше 300 прошеній о приемѣ въ число студентовъ; прошенія и по сіе время продолжаютъ поступать. Пока принято только 218 человекъ, а участь остальныхъ еще не рѣшена. Самое большое число поступающихъ приходится на медицинскій факультетъ, куда принято уже 156 человекъ. По другимъ факультетамъ вновь поступающіе распредѣляются такъ: на юридическій 21, на филологическій—12, на физико-математическій—29. Однако, число медиковъ все увеличивается и теперь уже, какъ слышно, перевалило за 200 человекъ. Совѣтъ, конечно, призадумался: что ему дѣлать при такихъ обстоятельствахъ? Отказатъ въ поступленіи молодымъ людямъ, стремящимся къ высшему образованію—неловко, а принять, такъ помѣщать некуда, потому что въ университетѣ и безъ того тѣсно. Много-ли, мало-ли думалъ совѣтъ, но только въ результатѣ явилось такое постановленіе: а) тѣхъ изъ поступившихъ, которые къ 15-му сентября не внесутъ денегъ за право слушанія лекцій въ первомъ полугодіи, считать не принятыми въ университетъ, б) отъ взноса этой платы вновь поступающіе ни въ какомъ случаѣ не освобождаются; в) изъ раньше-же поступившихъ на I-й курсъ имѣютъ право на такое освобожденіе только тѣ, которые, кромѣ свидѣтельства о своей дѣйствительной бѣдности, имѣютъ въ аттестатѣ зрѣлости въ общемъ выводѣ отмѣтку 4, и, наконецъ, д) исключенные изъ другихъ университетовъ ни въ какомъ случаѣ не принимаются. Я сказалъ, замѣчаетъ корреспондентъ, что судьба остальныхъ подавшихъ прошеніе еще не рѣшена, но это постановленіе, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ свое дѣло и на много сократитъ число поступающихъ».

Болѣе опредѣленной и рѣшительной явилась реформа военно-учебныхъ заведеній. Реформа эта произвела въ обществѣ значительное впечатлѣніе и возбудила много толковъ и недоразумѣній. Вотъ что было извѣстно обществу по поводу этого вопроса: «Вмѣстѣ съ переименованіемъ гимназій, по старинному, въ кадетскіе корпуса, сохраняются за ними прежніе нумера и названія, мѣстныя или историческія; воспитанники переименовываются въ «кадетовъ». Корпуса обязываются руководствоваться изданными для гимназій постановленіями, впредь до *измѣненія ихъ законодательнымъ порядкомъ*. Затѣмъ появилось извѣстіе, что въ кадетскихъ корпусахъ устанавливается требованіе, чтобы воспитатели были непременно люди военные, а не штатскіе.

«Такимъ образомъ, перемѣна пока касается почти исключительно однихъ только названій. Если она произвела извѣстное впечатлѣніе, то конечно потому, что названія «корпусъ» и «военная гимназія» связываются съ понятіемъ о различныхъ принципахъ. Корпусъ есть продуктъ до-реформеннаго времени, а военная гимназія — продуктъ реформы; первый выражалъ одинъ принципъ — закрытаго заведенія, усиленной дисциплины и т. п. и оставилъ по себѣ извѣстнаго рода преданія, — можетъ быть, хорошія въ смыслѣ дисциплины, но гораздо менѣе симпатичныя относительно правовъ, обычаевъ и внутреннихъ отношеній; военныя-же гимназій выражали совсѣмъ другой принципъ, между прочимъ — меньшей разъединенности между военнымъ міромъ и обществомъ. Въ виду всего этого, понятно, что многіе задаются вопросомъ: ограничится-ли дѣло однимъ только названіемъ или послѣднее открываетъ путь и какимъ-либо принципиальнымъ перемѣнамъ? Оставленіе въ корпусахъ правилъ, изданныхъ для военныхъ гимназій, впредь до измѣненія ихъ законодательнымъ путемъ, означаетъ-ли только напоминаніе объ общемъ правилѣ, по которому всякій законъ, пока не отмѣненъ, долженъ исполняться неукоснительно, или-же здѣсь слѣдуетъ видѣть намекъ именно на предстоящую коренную перемѣну? Конечно, всѣ подобныя вопросы и сомнѣнія весьма серьезны, но для разрѣшенія ихъ у насъ покуда нѣтъ никакихъ положительныхъ основаній, а догадки ни къ чему не ведутъ. Все это разъяснить только будущее». («Недѣля»).

Намъ неизвѣстны побужденія, вызвавшія военное министерство на эту мѣру, но говорятъ, что цѣлью ея было поднятіе дисциплины и созданіе болѣе твердаго, товарищескаго, корпоративнаго духа, который уже сталъ исчезать подъ давленіемъ индивидуализма, особенно развивавшагося въ нашихъ открытыхъ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Не знаю на сколько система корпусовъ сплотитъ насъ въ одно болѣе цѣлое, но вотъ фактъ и его объясненіе, на который нельзя не обратить вниманія. Кажется въ

сентябрѣ покусился на собственную жизнь прапорщикъ семнадцатаго резервнаго баталіона, Денисовъ; несчастный умеръ черезъ два часа послѣ выстрѣла. Корреспондентъ, сообщившій о трагической судьбѣ молодого офицера, справедливо замѣчаетъ, что въ газетахъ безпрестанно попадаютъ извѣстія о подобныхъ случаяхъ. Самоубійства между военными нерѣдко и въ Европѣ, но у насъ они имѣютъ ту характерную особенность, что жертвами ихъ являются, за весьма немногими исключеніями, очень молодые офицеры армейской пѣхоты. «Страна», изъ которой я беру этотъ фактъ, объясняетъ его на основаніи отзывовъ людей, знающихъ военный бытъ, какъ явленіе вовсе не случайное. Офицерскій составъ нашей армейской пѣхоты комплектуется изъ молодыхъ людей, которые окончили курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и затѣмъ, пробывъ два года въ юнкерскомъ училищѣ, производятся въ офицеры. По словамъ «Страны», «эти молодые люди, на 19-мъ или 20-мъ году жизни, когда у нихъ не только еще не успѣлъ установиться характеръ, но вовсе и не имѣется твердыхъ основаній для его образованія, поступаютъ въ войсковую часть. Такъ какъ черезъ юнкерскія училища проходятъ самые разнообразныя элементы, то молодые люди находятъ въ своей части составъ офицеровъ совершенно разнородный. Объ общемъ уровнѣ понятій, о сходствѣ основныхъ правилъ не можетъ быть и рѣчи, а затѣмъ вовсе не оказывается и той нравственной опоры, какую въ старое время составляло товарищество. По отзывамъ людей военныхъ, товарищества теперь, въ большинствѣ частей, совсѣмъ нѣтъ. Въ прежнее время духъ товарищества поддерживался если не умственнымъ развитіемъ, то все-таки—хоть принадлежностью къ одному сословию, какъ то замѣчается и доселѣ въ полкахъ гвардіи и, отчасти, въ армейской кавалеріи. Съ исчезновеніемъ этой, сословной связи, измѣнилось и отношеніе начальства къ подчиненнымъ. На мѣсто прежней, патріархальной фамиллярности, включавшей въ себѣ и заботливость, стали—отчужденность, формально-служебное, холодно-дисциплинарное отношеніе. Остались только преданія о прежнемъ времени, когда полковой командиръ зналъ каждаго изъ офицеровъ почти какъ живущаго подъ его опекой молодого родственника, который, не стѣсняясь, могъ обращаться къ нему за совѣтомъ, а въ случаѣ надобности—и за помощью. Но этимъ преданіямъ теперь уже не слѣдуютъ; все это совершенно измѣнилось. И вотъ молодые люди съ недозрѣвшими развитіемъ и характеромъ, но съ правами той внѣшней привилегированности, какую даетъ у насъ офицерскій мундиръ, попадаютъ въ эту чуждую среду. Неопытные, лишеныя всякой опоры, если не имѣютъ вблизи родныхъ, они не знаютъ, къ кому обратиться за совѣтомъ и помощью, они нерѣдко

«запутываются» и чѣмъ дальше, тѣмъ все больше, и наконецъ, достигаютъ того, что на ихъ взглядъ—иного и выхода не остается, какъ только пуля. А начальство? Не считаетъ-ли оно своимъ долгомъ приближать къ себѣ этихъ заброшенныхъ на чужбину, въ новыя условія, людей, помня, что вѣдь они—еще почти мальчики. Нѣтъ, говорятъ люди свѣдущіе,—начальство если и знаетъ, такъ все-равно не поможетъ, а скорѣе переведетъ куда-нибудь подальше, въ глушь, лишь бы сбыть съ рукъ».

«Страна» прибавляетъ, что передавая такой отзывъ изъ военной среды, она не имѣетъ въ виду мысли о возстановленіи сословной исключительности въ составѣ офицеровъ. Мы тоже не беремся рѣшить насколько новая реформа военно-учебныхъ заведеній устранить причины той разрозненности, которая явилась и въ военной средѣ, но во всякомъ случаѣ думаемъ, что вопросъ этотъ не можетъ быть оставленъ безъ очень серьезнаго вниманія и не одной военной власти: индивидуализмъ, страшно разѣдающій наше общество, вноситъ разлагающее начало во всѣ сферы нашей общественной жизни, которая не заключаетъ въ себѣ ничего группировающаго, ничего соединяющаго. Чтобы найти и установить объединяющія точки, не зачѣмъ возвращаться къ старому, отжитому, умершему, какъ напримѣръ сословность. Объединеніе и борьба коллективизма противъ индивидуализма можетъ свершиться только на новомъ пути, въ условіяхъ формирующихъ общественное сознание и чувство общественной жизни и общественнаго интереса; поэтому я и обращаю вниманіе читателя на слѣдующій срозъ изъ хроники настоящаго года, которому нельзя не придать особеннаго значенія. Когда 1882 годъ отличился двадцатимилліоннымъ воровствомъ частныхъ вкладовъ изъ банковъ и въ особенности крахомъ скопинскаго банка, то ударъ этотъ настолько оказался сильнымъ, настолько задѣлъ личные интересы всѣхъ потерпѣвшихъ, что общество призадумалось. Извѣстно, что контроль надъ нашими банками не существовалъ ни со стороны правительства, ни со стороны вкладчиковъ и все дѣлалось спустя рукава. Если для управленія банковъ должны были назначаться люди по выбору, то выборы эти дѣлались дотогу безучастно, что нерѣдко выбирались люди завѣдомо неблагонадежные и неспособные. Сколько разъ ни обращалось вниманіе общества на то, что никакой правительственный контроль и никакіе писанные уставы не помогутъ, если само общество не хочетъ заниматься своими дѣлами, но и эти напоминанія, какъ и многія другія, какъ и предостереженія печати, не вели ни къ чему и потребовался такой ударъ, какъ двадцатимилліонное расхищеніе, чтобы общественное сознание наконецъ проснулось наполовину и въ людяхъ сказалось бы чувство того

солидарно-личнаго интереса, которое кладеть первое начало для сознательной общественной самодѣятельности. Конечно, мы еще слишкомъ далеко отъ нея въ смыслѣ болѣе широкомъ, но если не замедлять явиться и другіе практическіе уроки въ видѣ кризисовъ иного рода, какъ напримѣръ экономическаго, финансоваго, земледѣльческаго, торговаго, отъ которыхъ мы вовсе не застрахованы, то наше общество непременно умудрится опытомъ и доростеть до сознанія своихъ правъ, въ которыхъ не воспитаешь его никакими газетными и журнальными статьями. Растемъ-то мыслию ужь слишкомъ туго.

Н. Ш—въ.

ПО ПОВОДУ ЛАМАНШСКАГО ТУННЕЛЯ.

(Политическая и общественная хроника).

«Сынъ мой, теперь, нѣтъ болѣе Пириней», говорилъ нѣкогда король—солнце Филиппу Анжуйскому, отправлявшемуся въ Испанію, чтобы возложить на себя ея корону. Съ не менѣе глубокимъ убѣжденіемъ повторяли, что «нѣтъ болѣе Ламанша» всѣ тѣ, кому удалось присутствовать 26-го ноября на большомъ митингѣ, устроенномъ французскими рабочими въ честь делегатовъ отъ рабочихъ англійскихъ, прибывшихъ наканунѣ, съ разныхъ концовъ Великобританіи.

Я намѣренъ заглянуть вмѣстѣ съ читателемъ въ это любопытное собраніе. Но прежде позволю себѣ воспользоваться поводомъ представить ему и тѣхъ, и другихъ, то есть и хозяевъ, и гостей. Начнемъ съ послѣднихъ.

I.

Англійскіе рабочіе, о которыхъ здѣсь пойдетъ рѣчь,—делегаты *Trades Unions*'овъ. Эти знаменитые союзы слишкомъ извѣстны для того, чтобы нужно было вдаваться въ пространныя подробности. Какъ всѣмъ извѣстно, это обширныя общества, располагающія полною и постоянною организаціей, оказывающею значительное вліяніе на британскую промышленность. Возникшія среди борьбы между трудомъ и капиталомъ, союзы эти не имѣютъ ничего общаго съ рабочими учрежденіями, носящими названіе кооперативныхъ обществъ. *Trade's Unions*'ы основаны въ видахъ сопротивленія. Это, такъ сказать, орудія войны, а не производства. Потому-то и встрѣчены они были далеко не такъ милостиво, какъ остальные формы рабочихъ ассоціацій и только цѣною непрестанной борьбы, нерѣдко принимавшей грсзныи характеръ, успѣли они завоевать безопасность своему существованію.

Уже въ XVI вѣкѣ можно найти зародышъ этихъ союзовъ, въ видѣ тайныхъ обществъ, имѣющихъ пѣлью освобожденіе англій-

ской промышленности отъ пагубной системы максимума, которой подчинена была заработная плата. Законъ отнесся крайне сурово къ этимъ первымъ попыткамъ. Человѣку, въ третій разъ уличенному въ принадлежности къ такому обществу, отрѣзывалось ухо. По упраздненіи системы максимума, общества продолжали существовать, а съ ними и законы противъ нихъ направленные. Тѣмъ не менѣе они росли и укрѣплялись. Но вынужденныя прибѣгать къ заговорамъ въ видахъ подготовленія и направленія стачекъ, они, естественно, должны были выказаться нетерпимыми и въ тоже время окружили себя таинственною обрядностью. Были введены кабалистическія формулы, странныя церемоніи и ужасающія клятвы. Это было время страшныхъ насилій.

Введеніе машинъ, грозившихъ еще бѣльшимъ пониженіемъ заработной платы, вызвало грозный взрывъ. Нѣкоторыя отрасли промышленности сдѣлались театромъ уже не стачекъ, а настоящихъ возстаній. Собравшись ночью на тайные соборы, рабочіе объявили войну машинамъ и образовали вооруженныя банды для ихъ уничтоженія. Мануфактуры подверглись нападеніямъ и многія были ограблены и сожжены. Изъ Ноттингама, гдѣ она начала свои опустошенія, зараза распространилась по другимъ мѣстамъ и охватила обширный районъ. Вначалѣ виновники насилій ускользали отъ самыхъ тщательныхъ разслѣдованій, до такой степени свято хранилась тайна. Наконецъ нѣкоторые были открыты. Восемнадцать человѣкъ повѣсили въ Йоркѣ въ 1813 году. Главные вожаки скрылись. Смертная казнь присуждалась каждому уличенному въ ломкѣ станка, и, несмотря на это, въ теченіи шести слѣдующихъ лѣтъ, вооруженныя шайки появлялись снова, продолжая свое разрушительное дѣйствіе. Затѣмъ, преслѣдуемыя со всѣхъ сторонъ, онѣ исчезли.

Преслѣдованія противъ рабочихъ обществъ прекратились только въ 1824 году и изъ англійскаго законодательства исчезли кѣры за принадлежность къ союзамъ. Но и заручившись покровительствомъ закона, ремесленныя общества не были, обезпечены отъ всякой опасности. Не одна гроза пронеслась надъ ними съ тѣхъ поръ. Самой ужасной, безъ сомнѣнія, должна быть названа та, которая разразилась въ 1867 г. На минуту можно было подумать, что Trade's Unions'ы погибнуть подъ тяжестью гнусныхъ обвиненій, возбудившихъ противъ нихъ общественное мнѣніе. Шеффилдскія покушенія остались знаменитыми въ рабочихъ лѣтописяхъ. То жестокий взрывъ потрясалъ помѣщеніе рабочаго и причинялъ большія поврежденія, между тѣмъ какъ жильцы спасались только чудомъ. Въ подвалѣ былъ поставленъ ящикъ съ порохомъ и зажженнымъ фителемъ, что и было причиной взрыва. Въ другой разъ,

молчаливая пуля, вѣроятно изъ духоваго ружья, поразила другого рабочаго въ наполненной народомъ залѣ. Эти факты не остались изолированными. Приводятъ болѣе десяти взрывовъ того-же рода и не одно убійство въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Правосудіе не могло разыскать виновныхъ. Однако было замѣчено, что жертвы всѣ принадлежали къ ремеслу ножевщиковъ, члены котораго организовались въ Trade's Union, причеиъ извѣстно было, что нѣкоторые вышли изъ общества или относились къ нему враждебно. Общественное мнѣніе обвинило этотъ союзъ. Напрасно протестовалъ онъ и съ негодованіемъ отвергалъ такое предположеніе; тайна осталась неразъясненной, а потому подозрѣнія только приобрьли новую силу. Такого-же рода факты проявлялись и въ Манчестерѣ.

Парламентъ нарядилъ слѣдствіе и была назначена комиссія, снабженная чрезвычайными полномочіями. Наконецъ, виновники были открыты. Одинъ изъ нихъ оказался никѣмъ инымъ, какъ секретаремъ шеффилдскаго союза. Цѣлый рядъ покушеній былъ совершенъ по его систематическому распоряженію: онъ указывалъ жертву и платилъ убійцѣ. Расходы покрывались изъ средствъ общества: 3,000 франковъ, истраченныхъ на эти дѣла, были занесены въ книги подъ вымышленныя рубрики или безъ ихъ означенія. Бродгэды, такъ звали челоуѣка, приобрьвшаго такую печальную знаменитость, имѣлъ сторонниковъ и въ другихъ обществахъ. Особенно выдѣлялся Союзъ Кирпичниковъ. Если покушенія противъ лицъ были здѣсь рѣдки, то покушенія противъ собственности замѣчались во множествѣ. Зарѣзывали лошадей, отравляли коровъ, поджигали стога сѣна, разоряли кирпичные заводы. Отъ времени до времени совершались убійства или менѣе важныя насилія при ночныхъ схваткахъ, поводомъ къ которымъ послужили вышеуказанныя дѣйствія.

Такимъ образомъ выяснилось, наконецъ, происхожденіе и тайная связь, существовавшая между этими преступленіями. Исполнители, подстрекатели и сообщники появлялись одни за другими. Но между тѣмъ какъ обличалась виновность однихъ, въ то-же время выяснялась и невинность другихъ. По мѣрѣ того, какъ негодованіе скоплялось надъ головами первыхъ, пробуждалось также и сочувствіе по отношенію ко вторымъ. Если сообщничество нѣкоторыхъ обществъ сдѣлалось очевиднымъ, то по крайней мѣрѣ они были немногочисленны, а обнаруженіе истины разсѣяло подозрѣнія, тяготѣвшія вообще надъ рабочими союзами. Поэтому судебныя разбирательства не только не повредили, но скорѣе были благопріятны учрежденію Trade's Unions, и представитель ихъ въ королевской комиссіи имѣлъ возможность заявить публично, что

союзы могутъ только поздравить себя съ тѣмъ, что содѣйствовали назначенію этого слѣдствія.

Съ той поры, драмы такого рода не повторялись въ средѣ «ремесленныхъ союзовъ». Они вели болѣе или менѣе мирное существованіе и постоянно процвѣтали. Замѣтимъ, однакоже, что съ законодательной точки зрѣнія они остались въ положеніи прискорбной подчиненности. Если они перестали быть недозволенными обществами, то все-таки за ними и до сихъ поръ не признаютъ правоспособности, такъ какъ не считаютъ юридическою личностью и не даютъ права владѣнія.

II.

Скажемъ нѣсколько словъ объ организаціи Trade's Unions.

Уплативъ при поступленіи въ общество болѣе или менѣе значительный взносъ, среднимъ числомъ пять шиллинговъ, члены еже-недѣльно вносятъ сумму отъ одного пенни до двухъ или трехъ шиллинговъ. Эти взносы равны для всѣхъ членовъ. Исключеніе составляютъ лондонскіе типографщики, у которыхъ членскій взносъ соразмѣряется съ цифрой заработной платы, получаемой каждымъ. Образумый такимъ образомъ капиталъ предназначается для поддержки членовъ общества во время безработицы, происходящей какъ отъ стачки, такъ и отъ недостатка въ работѣ.

Общество управляется наблюдательнымъ или исполнительнымъ совѣтомъ, избираемымъ ежегодно посредствомъ закрытой баллотировки, всѣми членами. Этотъ совѣтъ, заключающій въ себѣ предсѣдателя, казначея и секретаря, представляетъ собою правительство союза. Отъ него исключительно зависятъ: сношенія съ хозяевами, рѣшенія, касающіяся стачекъ, присужденіе вознагражденій, принятіе и исключеніе членовъ. Общему собранію предоставляется рѣшеніе крупныхъ финансовыхъ мѣръ, какъ напримѣръ: наложеніе чрезвычайнаго налога на членовъ союза, въ томъ случаѣ, когда обыкновенныя средства признаны будутъ недостаточными для поддержанія нѣкоторыхъ стачекъ.

Наиболѣе значительные союзы имѣютъ болѣе сложную организацію и подраздѣляются на извѣстное число развѣтвленій или ложъ, пользующихся почти безусловною автономіей, такъ какъ онѣ обязаны только представлять ежегодный отчетъ центральному совѣту объ администраціи своей кассы. Сверхъ того, центральный совѣтъ составляетъ вторую инстанцію, къ которой заинтересованные могутъ апеллировать, въ случаѣ недовольства рѣшеніемъ ложи.

Каждому члену выдается карточка, дающая при перемѣнѣ мѣстожительства право быть принятымъ въ другую ложу. Карточки могутъ быть разныхъ цвѣтовъ: черныя, для всѣхъ членовъ

вообще, голубья, для тѣхъ, которые приняты менѣе года тому назадъ. Красныя выдаются тѣмъ изъ членовъ, которые были отпущены хозяевами, по причинѣ дурного поведенія или пьянства. Права одни и тѣ-же, но красная карточка ставитъ на худой счетъ у товарищей.

Дисциплинарными мѣрами служатъ: исключеніе и штрафы. Исключеніе опредѣляется вслѣдствіе признанія недостойнымъ или за нарушеніе правилъ устава. Рабочій, который сталь-бы продолжать работать на хозяина, противъ котораго союзъ объявилъ-бы стачку, естественнымъ образомъ подвергся-бы исключенію.

За несвоевременное представленіе взноса члены платятъ штрафъ.

Кромѣ того, они не могутъ уже разсчитывать ни на какую поддержку до тѣхъ поръ, пока не выполнятъ своихъ обязательствъ въ обществу. Исключеніе опредѣляется только по истеченіи извѣстнаго срока неплатежа членскаго взноса.

Мы сказали, что эти общества имѣютъ цѣлю поддерживать рабочихъ въ случаѣ безработицы. Это дѣйствительно ихъ главная, но не единственная цѣль. Большая часть союзовъ предоставляетъ своимъ членамъ и нѣкоторыя другія выгоды, заимствованныя изъ уставовъ обществъ взаимнаго вспоможенія, какъ на примѣръ, ежедневное пособіе въ случаѣ несчастія и, почти всегда, въ случаѣ болѣзни.

Почти во всѣхъ союзахъ выдаются также пособія на покрытие расходовъ по погребенію, а въ нѣкоторыхъ введено даже страхование рабочихъ инструментовъ. Немногіе обезпечиваютъ пенсіи престарѣлымъ и калѣбамъ.

Не малую долю общихъ расходовъ составляетъ и содержаніе секретарей, вознагражденіе делегатамъ и членамъ совѣта, наемъ помѣщеній для бюро и собраній, наконецъ, печатаніе многочисленныхъ документовъ.

Въ настоящее время, важное значеніе этихъ обществъ признается всѣми: онѣ составляютъ нѣчто въ родѣ государства въ государствѣ, имѣютъ свою организацію, свое правительство, бюджетъ и располагаютъ дисциплинированной арміей, цифра которой доходитъ до милліона волонтеровъ. Могущество Trade's Unions'овъ такъ высоко, что въ наше время никому въ Англіи, даже ихъ противникамъ, не приходится и въ голову возможность ихъ распушенія. Но еслибы и пожелали возвратиться къ законодательству XVI столѣтія, то подобная попытка потерпѣла-бы неминуемое крушеніе, встрѣтившись съ такими значительными и такъ мощно организованными силами

III.

Вліяніе этой организаціи проявляется ежедневно въ стачкахъ всякаго рода, и въ настоящую минуту, мы, быть можетъ, находимся наканунѣ новаго и опаснаго опыта.

Мы приближаемся къ самому холодному времени года, когда уголь становится въ Англіи такою-же настоятельною необходимостью, какъ самый хлѣбъ. Между тѣмъ, отношенія между владѣльцами и рабочими каменноугольныхъ рудниковъ въ Йоркшейрѣ достаточно натянуты для того, чтобы возможно было опасаться общей стачки, которая, вспыхнувъ въ срединѣ зимы, породила-бы истинное общественное бѣдствіе.

Каждый годъ, около того-же времени, Соединеннымъ Королевствомъ овладѣваетъ одна и та-же забота. Въ теченіи четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда потребление угля падаетъ, рудокопы довольно терпѣливо переносятъ уменьшеніе заработка, вызываемое самымъ ограниченіемъ размѣровъ производства. Если вѣрять хозяевамъ, то имъ пришлось-бы и «вовсе прекращать работы въ этотъ періодъ времени, еслибы они имѣли въ виду только интересы своихъ потребителей».

Но они этого не дѣлаютъ изъ уваженія къ правамъ и нуждамъ рабочихъ,—такъ говорятъ, само собою разумѣется, опять-таки хозяева,—работа идетъ не прерываясь и уголь скопляется цѣлыми массами у входа въ шахты. Это накопленіе остающагося безъ потребления угля выражаетъ собою для капитала потерю процентовъ и уплаченнаго рабочимъ содержанія. Какъ только наступаетъ осень и поднимается цѣна на уголь, рабочіе начинаютъ заявлять претензію на участіе въ этой прибыли и не менѣе упорно отказываются принимать къ свѣдѣнію убытки, понесенные хозяевами, дававшими имъ работу въ теченіи трехъ, четырехъ мѣсяцевъ, въ которые потребление почти ничтожно.

Такова оцѣнка положенія съ точки зрѣнія владѣльцевъ копей, и она можетъ показаться убѣдительною каждому, это незнакомъ съ этимъ вопросомъ такъ-же хорошо, какъ сами рабочіе. И вотъ, одна изъ полезныхъ сторонъ учрежденія Trade's Unions заключается именно въ томъ, что вопросъ можетъ быть рассмотрѣнъ на досугъ людьми знающими и интеллигентными, такъ что рабочіе всегда знаютъ въ какихъ разумныхъ предѣлахъ они могутъ поддерживать свои требованія. Зная въ точности, во что обходится производство и сколько получается отъ продажи, имъ не трудно уже вывести цифру заработной платы, на которую можно заставить согласиться хозяина.

Но, возражаютъ владѣльцы, если зима поздняя и дѣла въ за-

стоѣ, откуда-же мы возьмемъ денегъ для увеличенія заработной платы? Такъ въ нынѣшнемъ году рабочіе, повидимому, намѣрены довести свое упорство до послѣднихъ предѣловъ, отказываясь принимать въ соображеніе существующее положеніе рынка.

Напрасно хозяева предлагаютъ третейскій судъ и предоставляютъ свои конторскія книги на разсмотрѣніе экспертовъ, могущихъ контролировать понесенные убытки, обязуясь дать рабочимъ участіе въ прибыляхъ, когда будутъ покрыты эти убытки,—рабочіе ничего не хотятъ слышать.

Хозяева предложили и другое рѣшеніе, а именно—выработать для заработной платы скаллу, которая соображалась-бы съ колебаніями рынка. Рабочіе не принимаютъ и этого. Плата, которой мы требуемъ, говорятъ они, даетъ ровно столько, сколько нужно, чтобы жить, а у насъ не имѣется ни капиталовъ, ни кредита у банкира. Намъ вѣрить въ долгъ только нашъ желудокъ. Но этотъ несчастный не можетъ ждать безсрочно. Онъ можетъ стѣснить себя въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но всему есть предѣлъ. Слѣдовательно, онъ долженъ имѣть возможность разсчитывать на уплату долга въ опредѣленный срокъ. Ваши дѣла идутъ плохо въ нынѣшнемъ году, но они хорошо шли въ прошедшемъ и будутъ хорошо идти въ слѣдующемъ году. Мы не знаемъ, сколько именно получите вы въ нынѣшнемъ; но намъ извѣстно, что вы должны получить, во всякомъ случаѣ, и на этой средней мы и основываемъ свои требованія.

«Увы», отвѣчалъ нѣсколько дней тому назадъ «Листокъ», служашій органомъ каменноугольныхъ компаній, «вы говорите о средней, но взгляните-же на среднюю вашей платы». Менѣе чѣмъ въ двадцать лѣтъ она повысилась на 69%, между тѣмъ какъ извѣстно, что, за исключеніемъ мяса, всѣ жизненные припасы скорѣе упали, чѣмъ повысились въ цѣнѣ. Въ то-же время удобства и здоровость помѣщеній рудокоповъ увеличились въ десять разъ, безъ увеличенія квартирной платы. Въ настоящее время средняя заработка рудокopa равняется 44 франкамъ въ недѣлю, за пятьдесятъ часовъ, а при поштучной работѣ и когда позволяютъ работать лѣтніе часы, то цифра доходитъ до 75 и даже до 100 франковъ. Прибавьте къ этому, что рудокопы получаютъ даровое отопленіе, такъ какъ ихъ женамъ дозволяется брать ежедневно у входа въ шахту столько угля, сколько требуется для ихъ хозяйства.

«А между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что при такой кажущейся разумной заработной платѣ, эти рабочіе нуждаются, никогда не имѣютъ лишняго гроша и постоянно въ долгу. Отъ чего-же это зависитъ? Отвѣтъ не затруднителенъ: у рабочаго яви-

лись потребности, бывшія ему чуждыми двадцать лѣтъ тому назадъ; онъ живетъ съ такою роскошью, которая была неизвѣстна его отцу и дошелъ до того, что потребляетъ пищи въ десять разъ болѣе того, что требуется гигиеническимъ содержаніемъ организма; однимъ словомъ, англійскій рабочій, бывшій сорокъ лѣтъ тому назадъ только хорошимъ ѣдокомъ, сдѣлался положительнымъ *обжорой*, по той причинѣ, что вмѣстѣ съ прочими увлеченъ потокомъ чрезмѣрнаго удовлетворенія потребности въ чувственныхъ наслажденіяхъ, которая будетъ пятномъ нашего времени. Я-бы могъ также прибавить, что жена и дочери его накупаютъ на его счетъ всякихъ белендрасовъ, глядя на которые покраснѣла-бы ихъ бабушка».

Другіе пытаются убѣдить рудокоповъ, обращаясь къ ихъ чувству человѣчности, не по отношенію къ хозяевамъ, а къ самимъ братьямъ-рабочимъ. Какъ я уже замѣчалъ выше, уголь до такой степени необходимъ въ Англии зимою, что народъ окрестилъ его именемъ «чернаго хлѣба». Въ 1873 г. результатомъ стачки явился настоящій угольный голодъ, и статистика показала, что послѣдствія его относительно смертности были поистинѣ ужасны. Нормальная стоимость угля средняго качества 25 фр. за тонну въ Лондонѣ. Эта цѣна устанавливается, приблизительно, слѣдующимъ образомъ: при выходѣ изъ шахты уголь продается по 10 фр. за тонну; остальные 10 фр. поглощаются расходами по провозу, сухимъ или водянымъ путемъ, и 5 фр. остаются на барышъ посредниковъ. Когда цѣна на уголь возрастаетъ франковъ на 10, то это выражаетъ для всего населенія Англии такую сумму физическихъ страданій, что рудокопы должны-бы принимать это въ соображеніе прежде чѣмъ рѣшать свою стачку, а когда, какъ-то случилось въ 1873 г., цѣна поднимается до 50 и 60 фр. въ одномъ Лондонѣ и въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, то это означаетъ такую гекатомбу человеческихъ жизней, въ сравненіи съ которой самыя смертоносныя сраженія не болѣе какъ дѣтская игра.

Нельзя предполагать, чтобы у рудокоповъ было такое жестокое сердце, что подобныя соображенія не имѣютъ цѣны въ ихъ глазахъ и не принимаются ими въ соображеніе при ихъ требованіяхъ. Впрочемъ, въ этомъ можно убѣдиться на подготовительномъ митингѣ, собиравшемся въ Роттердамѣ. Наканунѣ быть можетъ социальнаго кризиса, который будетъ имѣть громадныя послѣдствія для Англии, не только не было замѣчено безпорядковъ, ознаменовающихся въ другихъ странахъ подобныя положенія вещей, но напротивъ, приходилось восхищаться серьезностью и безпристрастіемъ, которымъ ни на минуту не измѣняли пренія. Если оно было такъ, то опять-таки честь этого принадлежитъ Trade's Unions.

Правда, не одни они имѣли представителей на этомъ важномъ собраніи. Рядомъ съ уніонистами стояли и не-уніонисты, и обѣ группы были почти равны по своей численности. Но вліянія первыхъ оказалось достаточно для поддержанія спокойствія и добраго порядка въ средѣ присутствующихъ и, наконецъ, для того, чтобы заставить принять ихъ предложеніе. Какъ делегаты Trade's Unions, такъ и делегаты остальныхъ группъ оказались вполне единодушными въ дѣлѣ требованія 15 проц. прибавки къ нынѣшней заработной платѣ и рѣшенія добиваться этой прибавки всѣми средствами, въ томъ числѣ и путемъ общей стачки отъ 150 до 180 тысячъ рудокоповъ, населяющихъ различные угольные районы.

IV.

Мы не оставимъ почвы англійскихъ рабочихъ ассоціацій, не сказавъ мимоходомъ нѣсколькихъ словъ о тѣхъ, которыя образовались внѣ сферы предъидущихъ, такъ, чтобы дать читателю общее понятіе о рабочемъ движеніи въ Англіи.

Всѣ разновидности ассоціацій, встрѣчаемыя въ Германіи, Франціи и Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, имѣются и въ Англіи. Мы упомянемъ прежде всего о кредитныхъ обществахъ. Особенно процвѣли они въ Шотландіи. Правда, шотландскіе банки, пользующіеся дарованнымъ хартіей правомъ выпуска вексельной бумаги, не могутъ быть названы собственно народными учрежденіями, если разумѣть подъ этимъ банки, основной капиталъ которыхъ составленъ изъ мелкихъ суммъ рабочихъ сбереженій. Они принимаютъ деньги капиталистовъ и учитываютъ векселя. Но если они берутъ крупныя вклады и гинеи, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, открыты для шиллинговъ и пенсовъ. Самый скромный рабочій можетъ принести туда свою дневную плату, свое маленькое сбереженіе за недѣлю. Ему открываютъ текущій счетъ, и когда онъ доходитъ до извѣстной цифры, выдаютъ книжку чековъ, при помощи которыхъ онъ расплачивается со своими поставщиками, хотя-бы самыми маленькими суммами. Банкъ—его кассиръ и плательщикъ; впрочемъ, проценты идутъ со дня вклада, каковъ-бы ни былъ размѣръ его. Такимъ образомъ все устроено такъ, чтобы эти банки не теряли ни малѣйшаго прихода, даже карманныхъ денегъ, а кліенты ихъ не упустили случая къ сбереженію.

Этимъ не ограничивается отличіе шотландскихъ банковъ отъ другихъ учрежденій этого имени. Дѣйствительно характерной чертой можетъ быть названа ихъ система ссудъ, именуемая *cash-credit*. Ремесленникъ желаетъ открыть мастерскую и имѣетъ только небольшой капиталъ, необходимый на обзаведеніе; ему нуженъ обо-

ротный капитал. Онъ является въ банкъ съ нѣсколькими знакомыми ему акціонерами этого банка, ручающимися за его честность и способность и обезпечивающими также требуемый капиталъ. Ему открываютъ кредитъ и онъ можетъ купить матеріалъ, производя расплату чеками: по мѣрѣ полученія дохода, онъ вноситъ свой долгъ небольшими частями, изо дня въ день, а банкъ выдаетъ ему проценты, и ни одинъ пенсъ не остается непроезводительнымъ въ его кассѣ. Случается даже иногда, что банкъ открываетъ кредитъ рабочему, не обладающему ни малѣйшими зачатками капитала.

Производительныя товарищества достигли въ Англіи достаточнаго развитія для того, чтобы быть примѣненными къ нѣкоторымъ отраслямъ промышленности, требующимъ самыхъ большихъ затратъ. Примѣромъ тому могутъ служить: каменноугольная эксплуатация, извѣстная подъ именемъ *Whitwood and Methby Junction*, принадлежащая г. Бротгсу, желѣзный заводъ Греннига въ Мидлсборугѣ, кузницы Фокса и Гейда въ Садфордѣ. Въ этихъ крупныхъ заведеніяхъ рабочіе не исключительные собственники и владѣютъ, среднимъ числомъ, только третью всѣхъ акцій. Они имѣютъ участіе въ прибыляхъ, оставаясь наемными рабочими. Однако слѣдуетъ замѣтить, что если подобная система коопераціи возьметъ верхъ, то это будетъ роковымъ ударомъ Trade's Unions'амъ. Въ каменноугольныхъ кояхъ Бриггса, бывшія главы союзовъ, сдѣлавшись акціонерами и видя относительный успѣхъ комбинаціи, перешли на сторону хозяйскихъ интересовъ и союзъ распался. Но во всѣхъ другихъ мѣстахъ рабочіе ждутъ раздачи перваго дивиденда. Что-же касается до ассоціаций, основанныхъ исключительно на капиталахъ рабочихъ, то, вообще говоря, онѣ дали отрицательные результаты.

Впрочемъ, не въ этомъ направленіи ищеть примѣненія кооперативный принципъ въ Соединенномъ Королевствѣ. Между тѣмъ какъ Франція предпочла форму производительныхъ ассоціаций (не добившись, однакоже, какъ нельзя не признать, болѣе счастливыхъ результатовъ), а Германія направила свои попытки въ сторону кредитныхъ учрежденій и покрылась цѣлою сѣтью Vorschuss-bank'овъ, которымъ Шульце Деличъ далъ свое имя, и которые, послѣ громадной популярности, были внезапно дискредитированы,—Англія дала особенное развитіе потребительнымъ обществамъ. «Общество Рочдэльскихъ пионеровъ» довольно знаменито для того, чтобы одно упоминаніе его имени дало понятіе объ этомъ родѣ ассоціаций, число которыхъ въ настоящую минуту превышаетъ 600, съ 150,000 членовъ и дѣлами, выражающимися въ цифрѣ отъ 3 до 4 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ въ юркширскомъ городѣ Лидсѣ происходила любопытная манифестація. По поводу открытія новой мукомольной мельницы своей, обошедшейся имъ около 50 тысячъ фунт. стерл., члены мѣстнаго общества потребителей устроили торжественное шествіе по городу съ пятью хорами музыки и ста шестидесятью представителями административныхъ комиссій во главѣ. Кортель, долженствовавшій служить *иллюстраціей* выгодъ кооперативной системы, былъ въ высшей степени оригиналенъ. Тридцать шесть лошадей, принадлежащихъ обществу, запряжено было въ экипажи, нагруженные произведеніями мастерскихъ и магазиновъ; общество изготовляетъ большую часть продуктовъ, поставляемыхъ имъ своимъ 20,400 членамъ, муку, хлѣбъ, бакалею, обувь, платье, мебель и т. д. Въ процессіи принимала участіе лодка, ѣхавшая на колесахъ и напоминавшая лидскимъ кооператорамъ, что они владѣютъ флотиліей, состоящей изъ 14 подобныхъ судовъ, и, кромѣ того, 34 желѣзнодорожными вагонами и повозками для угля, ежегодное потребленіе котораго доходитъ до 40 милліоновъ килограммовъ. Колоссальная рама, обтянутая коленкоромъ и поставленная также на колеса, представляла наглядное доказательство процвѣтанія общества: на коленкорѣ отпечаны были гигантскія цифры, дающія статистику дѣлъ 54-хъ магазиновъ, ведущихъ розничную торговлю; они продаютъ ежегодно товару на сумму 450 тысячъ фунтовъ стерлинговъ; имѣютъ чистаго барыша 40,000 фунт.; капиталъ ихъ равняется 200,000 фунт. и т. д. Наконецъ на фасадѣ главнаго помѣщенія красовалась надпись:

«Вотъ что можетъ кооперація:

«Она сдѣлаетъ cadaго собственникомъ своего жилища; она научаетъ cadaго мыслить, улучшаетъ жилище рабочаго, погашаетъ долги, вызываетъ болѣе справедливое распредѣленіе богатства, примиряетъ трудъ съ капиталомъ, повышаетъ заработную плату рабочаго, не прибѣгая къ стачкамъ, научаетъ бережливости и умѣренности.»

На большомъ митингѣ, послѣдовавшемъ за манифестаціей, одинъ изъ ораторовъ объявилъ, что кооперативное движеніе, съ той поры какъ оно возникло въ Англіи, положило въ карманъ рабочаго класса этой страны сумму въ 23 милліона фунтовъ стерлинговъ.

Однако, ни одна изъ этихъ ассоціацій не можетъ соперничать съ обществами взаимнаго вспоможенія, какъ по цифрѣ членовъ, такъ и относительно суммы бюджета.

Эти общества носятъ наименованіе «дружескихъ» (Friendly Societies). Первые документы, имѣющіеся объ этихъ обществахъ, относятся къ XVII столѣтію. Первое изъ нихъ было основано фран-

пузскими выходцами послѣ отгѣны Нантскаго эдикта. Нѣкоторые основаны были въ теченіи XVIII столѣтія, подѣ именемъ *Норманскаго Общества, Общества верхней и нижней Нормандіи, Общества пикардійцевъ и валлоновъ*, и существуютъ до сихъ поръ.

Число ихъ въ настоящее время превосходитъ 30,000, съ 3 милліонами членовъ, которымъ раздается ежегодно 6 милліоновъ фунт. стерл., и 25 милліоннымъ запаснымъ капиталомъ.

V.

Только что приведенныя нами цифры свидѣтельствуютъ объ энергическомъ движеніи, побуждающемъ англичанъ къ коопераціи. Но во всемъ, что мы у нихъ видѣли, незамѣтно ничего соответствующаго тому, что имѣется въ Германіи и Франціи, подѣ именемъ «Рабочей партіи». Это должно показаться особенно удивительнымъ по поводу Trade's Unions, которые по существу своему—воинствующія организаціи. Но не слѣдуетъ забывать, что въ ихъ *rules*, то есть въ конституціи, которую они себѣ дали, существуетъ статья, запрещающая ремесленнымъ союзамъ «касаться обсуждения политическихъ и религіозныхъ вопросовъ». Многіе полагаютъ, что такая статья есть въ настоящее время причина безсилія для англійскаго рабочаго движенія или, во всякомъ случаѣ, можетъ сдѣлаться ею. Но не менѣе справедливо и то, что ограничительная статья послужила обезпеченіемъ и охраной для развитія этой могучей корпоративной ассоціаціи. Если, позднѣе, въ Англии возникнетъ настоящая рабочая партія, то этимъ она будетъ обязана благоразумію, или, какъ сказали бы нѣкоторые, узости первыхъ уніонистовъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что въ настоящую минуту такой партіи не имѣется. Трое рабочихъ или бывшихъ рабочихъ засѣдали въ палатѣ общинъ, на сѣансахъ либеральной оппозиціи. Двое изъ нихъ засѣдаютъ и теперь. Но ни секретарь союза рудокоповъ Макъ Дональдъ, умершій въ прошедшемъ году, ни гг. Буртъ и Бродгурстъ, также вышедшіе изъ Trade's Unions'истскаго движенія, никогда не представляли ни рабочей, ни социалистической партіи. Ихъ полномочія, правда, носятъ отпечатокъ одной фракціи довѣрителей, но эта фракція не въ большинствѣ; главныя требованія «Ремесленныхъ Союзовъ» значатся въ этихъ полномочіяхъ, какъ значатся и въ программахъ другихъ членовъ нижней палаты, но въ нихъ и рѣчи нѣтъ о «націонализированіи» земель, хотя эта идея и популярнѣе и ближе къ осуществленію въ Англии, чѣмъ во Франціи; не замѣчается также ничего соответствующаго статьямъ программы «Соціалистическо-республиканскаго Союза», требующей пересмотра договоровъ, нарушающихъ общественную собственность,

какъ-то: рудники, каналы, желѣзныя дороги. Если обратимся къ парламентской дѣятельности гг. Бурта и Бродгурста, то должны констатировать, что они часто подають голоса съ самыми передовыми радикалами палаты общинъ. Однако буржуазный депутатъ отъ Ньюкестля, Коуэнъ, не разъ выказалъ и болѣе твердости и болѣе независимости отъ гладстоновскаго вліянія.

Послѣ этого не трудно понять, почему глава англійскаго кабинета сожалѣеть, какъ то дѣлалъ недавно, что слишкомъ мало рабочихъ депутатовъ. Эти депутаты никогда не стѣсняли его въ палатѣ общинъ. Можно только замѣтить, что если желаніе его остается невыполненнымъ, то не по винѣ самихъ рабочихъ; всякій разъ, какъ одинъ изъ нихъ выставляетъ свою кандидатуру, въ большинствѣ случаевъ, немедленно у него начинается оспаривать мѣсто представитель буржуазно-либеральной партіи. Одинъ изъ пріѣзжавшихъ въ Парижъ делегатовъ, Сиптонъ, могъ-бы многое поразсказать по этому поводу, такъ какъ три года тому назадъ самъ потерпѣлъ поражение на выборахъ въ Соутверескомъ предмѣстьѣ. Замѣтимъ однакоже, что рабочіе кандидаты въ Англии, равно какъ и «буржуазные радикалы», считаютъ лестнымъ принадлежать къ большой либеральной партіи. И дѣйствительно они такъ плотно къ ней примыкають, что жертвуютъ ея приличіямъ и ея *raison d'être* своими сословными обязанностями. Но многіе связаны съ нею и другими узами; прежде чѣмъ стать ея кандидатами, они прошли степень избирательныхъ агентовъ. А извѣстно, что въ Англии нѣтъ труда безъ вознагражденія.

Итакъ не путемъ дѣятельности своей въ нижней палатѣ оказали англійскіе рабочіе вліяніе на касающееся ихъ законодательство, а путемъ давленія на парламентъ извнѣ. Здѣсь-то всемогущество права собраній и сходокъ проявляется во всемъ величіи и плодотворности. Это право, которымъ въ Англии пользуются такъ-же свободно, какъ правомъ ходить по улицамъ, позволяетъ всѣмъ возможнымъ идеямъ и стремленіямъ заявлять о себѣ открыто, безъ всякой маскировки, и въ то-же время подвергаетъ ихъ обсужденію и критической оцѣнкѣ общественнаго мнѣнія. Такъ «Союзы» назначаютъ собранія по всякому поводу. Они приглашаютъ публику на свои пренія, съ цѣлью заинтересовать въ нихъ, а также для того, чтобы разсѣять недовѣріе. Никто не оспариваетъ у нихъ этого права, даже въ томъ случаѣ, когда они пользуются имъ въ самыхъ грозныхъ, повидимому, формахъ, какъ на-примѣръ, въ тотъ день, когда болѣе двадцати тысячъ уніонистовъ собрались на демонстрацію. Полиція обратила на нее вниманіе только для того, чтобы регулировать ѣзду на улицахъ такъ, чтобы она не стѣсняла длиннаго шествія.

Пользуясь въ широкихъ размѣрахъ правомъ собраній, чтобы ставить занимающіе ихъ вопросы предъ общественнымъ мнѣніемъ, и возбуждая вокругъ себя полезную агитацію, англійскіе рабочіе достигли вліянія на парламентъ и добились цѣлаго ряда реформъ, которыя постепенно и выгоднымъ образомъ измѣнили положеніе труда въ Соединенномъ Королевствѣ.

VI.

Делегаты англійскихъ Trade's Unions были представлены публикѣ представителями французской «рабочей партіи».

Чтобы вѣрно оцѣнить значеніе этой партіи, необходимо будетъ дать нѣсколько предварительныхъ разъясненій, касающихся ея происхожденія и развитія.

Въ 1862 г. по случаю всемірной лондонской выставкѣ, делегація французскихъ рабочихъ была отправлена въ Лондонъ для изученія и сравненія различныхъ отраслей промышленности. Впервые поставленные въ соприкосновеніе, рабочіе обѣихъ странъ встрѣтились самымъ дружескимъ образомъ; они убѣдились, что вѣковая ненависть, искусно разжигавшаяся политиками, потухла; они поняли, что, напротивъ, общность страданій и труда должна вызывать между ними братство и общность дѣйствія. Въ слѣдующемъ году, 28-го сентября, они снова встрѣтились на митингѣ въ лондонскомъ Сенъ-Мартинсѣ Галлѣ и положили основаніе «Международному Обществу Рабочихъ». Цѣль, имѣвшаяся въ виду, заключалась въ учрежденіи въ другихъ странахъ ремесленныхъ союзовъ, по образцу англійскихъ Trade's Unions. Эти союзы или лиги должны были имѣть связь между собою, такъ чтобы рабочіе всѣхъ странъ являлись солидарными во время стачекъ и чтобы, въ случаѣ надобности, эти послѣднія могли быть обобщаемы.

На Гаврскомъ съѣздѣ въ 1880 году былъ отвергнутъ анархизмъ и его революціонная метафизика, а важный вопросъ объ участіи рабочихъ въ общихъ выборахъ рѣшенъ утвердительно. «Очевидно», говорилъ одинъ изъ докладчиковъ, что до тѣхъ поръ, пока пролетаріатъ не будетъ имѣть въ своихъ рукахъ политической власти, ему никогда не удастся добиться торжества для своихъ экономическихъ требованій... При такомъ положеніи, лишенный всякой обезпеченности своего труда, преданный въ руки капиталистическаго феодализма, вынужденный переносить все изъ за насущнаго хлѣба, терзаемый все болѣе и болѣе чистой и мучительной безработицей, пролетаріатъ впаль-бы въ окончательное рабство, еслибъ ограничился

тщетными попытками коопераціи или-же стачками, почти всегда побѣждаемыми голодомъ. Какимъ-же путемъ подготовить конечное освобожденіе, какъ не путемъ борьбы на всякой почвѣ, представляемой обстоятельствами или налагаемой событіями? Такой почвой можетъ быть названо и избирательство. Чтобы не ослаблять средствъ борьбы, необходимо, слѣдовательно, воспользоваться и избирательнымъ бюллетенемъ, этимъ наиболѣе могучимъ оружіемъ пропаганды, группировки и организаціи, доступнымъ рабочему классу.

«Избирательное дѣйствіе и рядъ требованій, касающихся предварительныхъ реформъ и составленныхъ путемъ избирательныхъ комитетовъ или въ самомъ парламентѣ, само по себѣ уже есть прекрасный способъ пропаганды. Участіе въ законодательныхъ собраніяхъ можетъ и въ настоящее время привести къ немедленному осуществленію нѣкоторыхъ социалистическихъ требованій. Сверхъ того, оно будетъ имѣть и то преимущество, что облегчитъ знакомство съ административными порядками».

По вопросу о стачкахъ, конгрессъ сдѣлалъ нѣкоторыя оговорки. Онъ признался въ невозможности для партіи методически организовать и поддерживать стачки. «Помогать уже возникшимъ, по мѣрѣ силъ, то есть въ весьма недостаточныхъ, сравнительно съ нуждами, размѣрахъ,—вотъ все, что позволено будетъ дѣлать партіи».

Итакъ стачка, главный объектъ англійскихъ рабочихъ союзовъ и главное средство борьбы, становится для французской рабочей партіи вопросомъ, нѣкоторымъ образомъ второстепеннымъ. Напротивъ, на завоеваніе политической власти указываетъ большинствомъ имѣвшихъ представителей на конгрессѣ группъ какъ на ближайшую цѣль ихъ дѣятельности.

По рѣшенію этого вопроса, гаврскій конгрессъ занялся составленіемъ избирательной программы, обязательной для всѣхъ кандидатовъ, но, впрочемъ, достаточно широкой для проявленія и частныхъ стремленій. На основаніи этой-то программы-минимума, велись избирательныя кампаніи въ январѣ и августѣ 1881 г.

Оставалось заняться внутренней организаціей партіи.

Она состоитъ изъ разнородныхъ группъ — рабочихъ палатъ, всякихъ рабочихъ обществъ, обществъ изученія социальныхъ вопросовъ, дѣйствующихъ группъ и т. д. Прочія формы рабочихъ ассоціацій имѣются въ большомъ количествѣ: насчитываютъ триста или четыреста кооперативныхъ и потребительныхъ обществъ, двѣсти ссудосберегательныхъ товариществъ и обществъ взаимнаго вспоможенія. Изъ множества производительныхъ ассоціацій, осно-

ванныхъ во Франціи, удѣлѣло около сотни. Эти элементы, цифра которыхъ, какъ видимъ, довольно еще почтенна, доставляютъ, однако, незначительный контингентъ рабочей партіи. Иное дѣло такъ называемыя рабочія палаты (*chambres syndicales*) и такъ называемыя «*cercles*», то-есть клубы.

Рабочія палаты или синдикаты группируютъ рабочихъ одного и того-же ремесла и занимаются, главнымъ образомъ, ремесленными интересами. Они должны скоро получить легальное существованіе въ силу закона, подлежащаго обсужденію парламента. Общества изученія социальныхъ вопросовъ и такъ называемыя группы дѣйствія набираютъ своихъ членовъ преимущественно изъ молодежи. Они собираются еженедѣльно и мѣстомъ собраній имъ служатъ отдѣльныя комнаты въ винныхъ погребкахъ.

Каждая группа должна состоять, по крайней мѣрѣ, изъ пятнадцати человекъ. Принимаются въ члены и женщины. Чтобы быть допущеннымъ, необходимо принять мотивы программы, регламентъ партіи и платить извѣстный взносъ, который, смотря по составу группъ, колеблется между 15 и 20 сантимами въ недѣлю.

Какъ изолированныя, такъ и образующія мѣстныя федерации, группы пользуются самоуправленіемъ относительно мѣстной дѣятельности и частныхъ интересовъ своихъ. Онѣ примыкаютъ къ «Федеративнымъ союзамъ» каждаго района, также автономнымъ во всемъ, что касается мѣстной дѣятельности. Такихъ «федеративныхъ союзовъ» шесть: «центральный», имѣющій свое мѣстопробываніе въ Парижѣ, «южный» — въ Марсели, «восточный» — въ Сентъ-Этьеннѣ, «сѣверный» — въ Лионѣ, «западный» — въ Реннѣ, «алжирскій» — въ Алжирѣ. Каждый федеративный союзъ управляется федеративнымъ комитетомъ, состоящимъ изъ делегатовъ, по одному отъ группы и объединяются эти группы *національнымъ комитетомъ*, ими-же выбраннымъ и завѣдующимъ исполненіемъ рѣшеній партіи подъ ихъ собственнымъ контролемъ. «*Національный комитетъ*» состоитъ изъ пяти делегатовъ. Онъ засѣдаетъ въ Парижѣ (*rue Cléru, 47*), собирается каждое воскресенье, въ 10 час. утра. Ежегоднымъ региональнымъ конгрессамъ присвоена законодательная власть, по отношенію къ своей мѣстности; національнымъ — относительно цѣлой партіи. Организациа партіи имѣетъ ту странную черту, что приглашаетъ на свои конгрессы всѣ рабочія и социалистическія группы, хотя-бы не входящія въ ея составъ, если только онѣ правильно организованы. Такимъ образомъ на послѣднемъ конгрессѣ, 10 делегатовъ — представителей шестидесяти группъ не входящихъ въ союзъ засѣдали рядомъ съ настоящими представителями партіи.

Способъ выбора делегатовъ практикуется слѣдующій: какъ только комиссія съѣзда опубликовала очередной порядокъ его за-

нѣтій, устанавливаемый лишь по предварительному соглашенію федеративныхъ союзовъ, — каждая группа редактируетъ въ формѣ полномочія, *mandat impératif*, свои пожеланія и избираетъ при содѣйствіи другихъ группъ (если она имѣетъ слишкомъ ограниченныя средства), делегата, которому назначаетъ вознагражденіе, достаточное для того, чтобы имѣть возможность отправиться на конгрессъ и отстаивать мнѣнія своихъ довѣрителей. Вся серьезная работа конгрессовъ производится на частныхъ собраніяхъ. Публичныя засѣданія являются часто только бурными собраніями, на которыхъ никакого осязательнаго труда не вносится и которые служатъ лишь для вотирования предложеній, зрѣло и спокойно обсуждаемыхъ въ частныхъ собраніяхъ.

Таковы главные пункты устава, опредѣляющаго организацію и дисциплину партій. Пренія, къ которымъ подало поводъ установленіе этого устава, снова обнаружили два противоположныя теченія, разъединяющія всѣхъ людей и всѣ собранія. «Противники автономіи группъ», — писалъ недавно Поль Лафоргъ въ «*Egalité*», — отстаивали возможно-большую свободу группъ, примиряемую съ сосредоточеніемъ ихъ усилій и единствомъ дѣйствія. Буржуазной централизаціи, неизбѣжному слѣдствію централизаціи экономической, дѣйствительно слѣдуетъ противопоставить централизацію рабочаго класса». Противоположность этихъ двухъ тенденцій, централистической и автономистской, не замедлила перейти изъ сферы внутренней дисциплины въ область политическую.

Итакъ расколъ — безусловный и глубокий. Диссидентамъ удалось оторвать отъ главнаго ствола нѣкоторое количество синдикальныхъ палатъ. Онѣ образовали вторую рабочую партію, имѣющую подобно первой свои мѣстныя федераціи, а равно и центральный комитетъ. Сверхъ того, у нихъ есть ежедневный органъ, чего не имѣется у противниковъ. Этимъ органомъ долгое время былъ «*Citoyen*». Но вотъ уже мѣсяць, какъ вслѣдствіе капиталистическаго сліянія «*Citoyen*» съ «*Bataille*», противившіеся этому сліянію редакторы замѣнили его «*Egalité*», названной по имени прежняго органа, бывшаго съ тѣхъ поръ еженедѣльнымъ.

Впрочемъ, по количественному значенію, новая партія далеко отстала отъ своей соперницы. Эта послѣдняя имѣла на сентъ-этьенскомъ съѣздѣ 80 представителей, отъ 300, приблизительно, рабочихъ группъ; изъ нихъ болѣе 120 синдикатовъ. Диссидентамъ удалось сгруппировать вокругъ себя на руанскомъ конгрессѣ только 36 группъ. Еженедѣльный органъ «*Le Proletaire*», называющійся «официальнымъ органомъ рабочей партіи», въ сущности есть органъ «бруссиетской» фракціи (по имени Брусса). Эта-то фракція и вступила специально въ сношенія съ делегатами *Trade's Unions*.

VII.

Только что указанные группировки не обнимают всей совокупности социалистическо-рабочих сил. Главные предметы социалистической пропаганды составляют ремесленные синдикаты. Здесь мы встречаем законченную организацию, прочно и естественно связанную кооперацией. Много приложено было стараний, в особенности, чтобы добиться присоединения имеющей большое значение рабочей палаты луарских рудокопов, заседающей в Сенть-Этьенн. Устроивались публичные лекции; всеми мерами старались подогреть население. Действовали на Амуру (Амуроуих), получившего в качестве социалистического кандидата от Сенть-Этьена на последних выборах, больше 5,000 голосов, льстили себя надеждой, что удалось склонить его, а через него и другое влиятельное лицо, секретаря рабочей палаты, Рондо. Однако, по прибытии своем, парижские делегаты заметили, что ошиблись. Все их надежды внезапно обрушились, подобно карточному домику: Амуру, человек уклончивый, проскользнул у них между пальцев, а за ним Рондо и синдикальная палата рудокопов, а за этой палатой и все остальные сенть-этьенские синдикаты. Это было страшное разочарование. Попробовали сделать последнее усилие и назначили собрание. Рондо отвечал, что в палату депутатов уже отправлен проект преобразований. Марсельский депутат Кловис Гюг объявляет на это, что товарищи его в парламент -- разжиревшие буржуа, весьма мало думающие о рабочих. Никто не отозвался на громкий голос его. Рабочий Аллеман воскликнул: «Если рудокопы не находятся на высотах положения, за ними пойдут в их рудники и силою приведут в партию». «Ну, так вы увидите, как вас там встретят», возразил рудокоп. Затем начался неописанный шум. На собрании были женщины и дети. Дети принялись плакать, женщины стали кричать. Кловис Гюг исчез. Разошлись в час ночи, не успев завербовать рудокопов. Между тем одновременно с заседанием конгресса, синдикальная палата рудокопов организовала 1 октября большое собрание и затем банкет. На этом собрании имели быть изложены требования рудокопов, и все депутаты французского каменноугольного бассейна получили приглашение. Они явились в сопровождении нескольких парижских радикальных депутатов. Приняты были следующие решения:

Первое: 1) Сосредоточение всех касс взаимного вспомоществования луарских каменноугольных кампаний. Эта централизация имеет целью доставить больным и потерпевшим в шахтах вознаграждение в размере 2-х франков в день, детям,

отцы которыхъ будутъ ранены или убиты на работѣ—по 50 сантимовъ, вдовамъ по 1 франку. Такое сосредоточеніе кассъ позволитъ основать пенсіонныя кассы для рабочихъ, имѣющихъ за собою 25 лѣтъ труда и для тѣхъ, кто ранѣ этого срока сдѣлался неспособенъ къ работѣ, по причинѣ болѣзни или увѣчья, приобретеннаго на работѣ. Касса образуется, во-1-хъ, посредствомъ вычета изъ заработка. Во-2-хъ, посредствомъ равнаго этой суммѣ взноса, дѣлаемаго компаніей. Въ-3-хъ, удержаніемъ 10% съ суммъ, уплачиваемыхъ въ видѣ поземельной подати. Въ-4-хъ, правительственной субсидіей. Въ-5-хъ, пожертвованіями, могущими быть сдѣланными департаментомъ, общинами или частными лицами. Эта касса должна управляться административнымъ совѣтомъ, составленнымъ изъ двухъ третей рабочихъ и одной трети изъ агентовъ компаній, ими самими избираемыхъ. Фондъ кассъ долженъ храниться во французскомъ банкѣ.

Второе: Синдикальная палата требуетъ сокращенія рабочихъ часовъ до *восьми*, включая и получасовой отдыхъ для обычнаго ужина... Такъ какъ спускъ въ шахту и подъемъ изъ нея составляютъ весьма тяжелый трудъ, требующій среднимъ числомъ два часа, то рабочій проработалъ-бы на самомъ дѣлѣ десять часовъ.

Третье: Синдикальная палата требуетъ, чтобы рабочіе рудокопы назначались означенной палатой въ помощники надзирателямъ, которымъ поручается контроль и повѣрка внутреннихъ работъ... Эти делегаты должны быть призываемы и при несчастныхъ случаяхъ, для обсужденія и подписыванія слѣдственныхъ протоколовъ. Они должны получать вознагражденіе отъ правительства.

Четвертое: Синдикальная палата требуетъ учрежденія смѣшаннаго совѣта экспертовъ для разбора столкновеній между рабочими и компаніями.»

Прочтя эту программу, гражданинъ Рондэ заявилъ, что не имѣлъ намѣренія устраивать контръ-манифестаціи сентъ-этьенскому конгрессу. «Настоящее собраніе, сказалъ онъ, — имѣетъ цѣлью изысканіе практическихъ средствъ для улучшенія быта несчастныхъ рудокоповъ.

IX.

Вернемся-же наконецъ къ исходной точкѣ, я хочу сказать къ митингу въ парижскомъ театрѣ, на порогѣ котораго мы слишкомъ долго застоялись.

Два часа пополудни. Прекрасная зала театра полна. Тысячи гражданъ собрались здѣсь. Замѣтно много женщинъ и даже дѣтей.

Въ украшеніяхъ залы преобладаетъ красный цвѣтъ. Въ глубинѣ

нѣ—статуя республики на сценѣ, также задрапированной въ красное и съ трофеями и знаменами того-же цвѣта.

По обѣимъ сторонамъ два черныя знамени съ надписью красными литерами: «1871 годъ».

Въ назначенный часъ двѣнадцать англійскихъ делегатовъ появляются на сценѣ, въ сопровожденіи делегатовъ національнаго комитета французской рабочей партіи.

Жоферренъ (рабочій-слесарь и членъ парижскаго муниципальнаго совѣта) открываетъ засѣданіе въ качествѣ предсѣдателя и привѣтствуетъ англійскихъ гостей, какъ выразителей единенія, существующаго между рабочими всѣхъ націй. Затѣмъ онъ читаетъ различныя поздравительныя телеграммы, присланныя клубами Уэсскаго департамента, алжирскими и лилльскими, а также и отдѣльными лицами, которымъ не удалось явиться на собраніе, напримѣръ отъ Феликса Піа. Затѣмъ слѣдуютъ рѣчи англійскихъ ораторовъ, переводчикомъ которыхъ служитъ глава делегаціи Смитъ. Изъ французскихъ рѣчей, повидимому, нѣсколько озадачила англійскихъ делегатовъ рѣчь марсельскаго депутата Кловиса Гюга, испещренная чисто провансальскими образами. Онъ кончилъ поэтическимъ и нѣсколько смѣлымъ сравненіемъ. Въ его глазахъ пролетаріатъ—это туннель, покрываемый волнами буржуазіи и клерикализма.

Впрочемъ ораторъ не уклонился отъ вопроса, такъ какъ именно по поводу туннеля и явились представители англійскихъ «ремесленныхъ союзовъ». Главный редакторъ «Labour Standard'a», гражданинъ Шиптонъ, сдѣлалъ очеркъ развитія этихъ союзовъ. Этотъ сынъ Альбіона выказалъ и нѣкоторое коварство. «Мнѣ не въ первый разъ приходится быть во Франціи, сказалъ онъ. Въ 1878 году я уже являлся къ вамъ делегатомъ, но былъ устранивъ полиціей и принужденъ былъ рассказать поданнымъ англійской монархіи, въ какомъ смыслѣ французскіе граждане разумѣютъ свободу». Послѣ этого ядовитаго замѣчанія, ораторъ продолжалъ: «Англійскій дворъ вначалѣ относился въ туннелю благопріятно. Вопреки лорду Пальмерстону, договоръ былъ подписанъ. Оставалось найти фонды въ пятилѣтній срокъ. Ихъ не нашли. Съ тѣхъ поръ газета, зовущая себя «Девятнадцатымъ Вѣкомъ», но скорѣе напоминающая девятое столѣтіе по своимъ мнѣніямъ, возстала противъ туннеля и распространила въ Англійи циркуляръ, направленный противъ его осуществленія. Я почитаю себя счастливымъ, что могу заявить, что ни одно рабочее общество не подписало этого циркуляра... Мы представляемъ полмилліона избирателей, которые всѣ дѣлаютъ взносы въ Trade's union's. Мы желаемъ, чтобы французскіе рабочіе знали, что мы заодно съ ними. Мы хо-

тимъ проведенія туннеля, который долженъ соединить оба народа такою тѣсною связью, что никакая война не будетъ возможна. Ближайшимъ результатомъ будетъ еще болѣе широкое распространеніе англійской и французской торговли. Многочисленные продукты обѣихъ странъ сдѣлаются доступными всякому кошельку. Въ политическомъ отношеніи онъ подготовитъ пути общему братству между народами; онъ утвердитъ союзъ между націями.

Гражданинъ Кларкъ изъ Ливерпуля напрасно старается подъискать какое-либо вѣское возраженіе противъ туннеля, который, впрочемъ, и въ Англійи встрѣчаетъ отпоръ только въ средѣ клерикальной и военной партій. Онъ отказывается вѣрить вторженію со стороны французовъ, «дѣлающихъ имъ такой радушный приѣмъ». Гражданинъ Фоксъ также не боится вторженія. Даже болѣе того, онъ его желаетъ. Онъ желаетъ, чтобы рабочіе обѣихъ береговъ пролива «соединились, и заключаетъ свою рѣчь слѣдующимъ горячимъ обращеніемъ: «Пусть придетъ васъ тысяча, двѣ тысячи, три милліона. Принесите къ намъ вашу веселость, остроту вашего ума. Будемъ всѣ братьями и подадимъ другъ другу руку».

Оставалось скрѣпить эти нѣжныя обіятія банкетомъ, что и было приведено въ исполненіе на слѣдующій день. За десертомъ пропѣли куплеты депутата-поэта Кловиса Гюга, съ припѣвомъ:

«Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, пролива нѣтъ!»

Жина.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Существуетъ-ли органическая жизнь въ предѣлахъ нашей планеты? Мнимые организмы метеоритовъ.—Простейшая форма живой протоплазмы.—Ассоціація низшихъ животныхъ съ одноклѣточными водорослями.—Оригинальный продуктъ принципа раздѣленія труда у муравьевъ.—Патріархальная семья у народовъ Малабарскаго берега.

Да простить намъ читатель, если мы оторвемъ его на нѣсколько минутъ отъ «земныхъ» интересовъ и вопросовъ и пригласимъ его, говоря классическимъ языкомъ, перенестись съ нами въ безграничное мировое пространство. Наша обязанность, какъ научнаго хроникера, состоитъ въ томъ, чтобы по возможности знакомить читателя съ полетомъ человѣческой мысли въ предѣлахъ естествознанія; если она съ точки зрѣнія практическихъ людей уносится слишкомъ далеко и касается предметовъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ нашимъ ближайшимъ насущнымъ задачамъ, то мы въ этомъ не виноваты и напередъ умываемъ руки.—Однимъ изъ такихъ вопросовъ «не отъ міра сего» мы и намѣрены начать нашу хронику.

Въ умѣ человѣка издавна должна была возникнуть догадка, что органическая жизнь не составляетъ привилегіи нашей планеты и что проявленія ея, болѣе или менѣе совершенныя и разнообразныя, возможны и на другихъ небесныхъ тѣлахъ. Предположеніе это до такой степени вѣроятно и правдоподобно, что въ справедливости его врядъ-ли возможно сомнѣваться; но проверить его прямымъ наблюденіемъ казалось положительно немислимымъ. Никакой телескопъ не позволяетъ изслѣдовать поверхность небесныхъ тѣлъ съ такою точностью, чтобы возможно было открыть на нихъ тѣ или другія органическія формы. Химикъ могъ анализировать составъ далекихъ мировъ и ихъ атмосферу при помощи спектроскопа; но зоологъ или ботаникъ не въ состояніи изслѣдовать такихъ отдаленныхъ предметовъ; объектъ его изслѣдованій долженъ находиться передъ нимъ, на его столѣ, на стеклышкѣ его микроскопа. Представлялся, впрочемъ, одинъ возможный путь,—

ислѣдованія такъ называемыхъ метеоритовъ; если-бы удалось отыскать въ нихъ остатки какихъ-бы то ни было организмовъ, то вопросъ о существованіи органической жизни за предѣлами нашей планеты былъ-бы рѣшенъ окончательно.—И дѣйствительно, уже въ 1835 г. Берцелиусъ, изслѣдуя обломокъ метеорита, нашелъ въ немъ какую-то бурюю, богатую углеродомъ массу и выразилъ предположеніе, что камень этотъ заключаетъ въ себѣ слѣды органическихъ соединеній, которыя, быть можетъ, указываютъ на присутствіе органической жизни на другихъ небесныхъ тѣлахъ. Въ 1865 году нѣмецкій врачъ Рихтеръ высказалъ въ формѣ гипотезы еще болѣе смѣлую мысль: по его мнѣнію, органическіе зародыши, заключавшіеся въ центральной части метеоритовъ, были первыми и единственными источниками органическихъ формъ, появившихся на земномъ шарѣ въ періодъ, послѣдовавшій за охлажденіемъ его периферическихъ слоевъ. Шесть лѣтъ спустя та-же самая гипотеза снова была высказана извѣстнымъ англійскимъ физикомъ Томсономъ.—«Весьма вѣроятно, говоритъ онъ, что столкновения между большими массами, двигающимися въ пространствѣ, могутъ случаться точно такъ-же, какъ между неосторожно управляемыми кораблями, которые не могутъ перерѣзывать въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій Атлантической океанъ по всѣмъ направленіямъ, не рискуя столкнуться между собою. Когда двѣ большія массы сталкиваются въ пространствѣ, то, по всей вѣроятности, значительная часть ихъ должна расплавиться; но также весьма вѣроятно и то, что большее число обломковъ должно разбрасываться по всѣмъ направленіямъ и что многіе изъ этихъ обломковъ при этомъ подвергаются насилію и поврежденіямъ не болѣе значительнымъ, чѣмъ скалы при обвалахъ или при взрывахъ пороховъ. Если-бы земля въ настоящемъ ея видѣ, т. е. покрытая растеніями и населенная животными, столкнулась съ другимъ тѣломъ одинаковыхъ съ нею размѣровъ, то многіе большіе и малые обломки съ находящимися на нихъ сѣменами и развившимися живыми растеніями и животными были-бы разбросаны въ пространствѣ».—Какъ ни заманчива была сама по себѣ подобная гипотеза, пытавшаяся устранить совершенно еще темный въ своей сущности вопросъ о возникновеніи на землѣ первыхъ частицъ живой органической матеріи; но, во-первыхъ, у нея, къ сожалѣнію, не было никакой фактической подкладки, а во-вторыхъ—такимъ путемъ вопросъ именно только устранялся, но отнюдь не разрѣшался. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы даже и удалось доказать самымъ неопровержимымъ образомъ, что органическая жизнь занесена на земной шаръ извнѣ, то вопросъ о томъ, какъ-же все-таки возникла эта упавшая на нашу планету живая протоплазма, оставался-бы не менѣе темнымъ и такъ-же

настоятельно требовать-бы разрѣшенія. Можно-бы было утѣшиться развѣ только тѣмъ, что «въ нашемъ участкѣ», на обитаемой нами планетѣ, все обстоит благополучно и никакихъ сомнѣній относительно того, откуда что взялось, уже не имѣется; первый комочекъ протоплазмы образовался не у насъ, а прилетѣлъ къ намъ совсѣмъ готовый, вмѣстѣ съ каменною глыбою, которая вѣроятно представляетъ собою обломокъ какой-нибудь другой планеты. Но самая существенная загадка,—какимъ путемъ, при какихъ условіяхъ возникъ вообще въ мірѣ, на какой-бы то ни было планетѣ, этотъ первый комочекъ протоплазмы,—эта загадка, несмотря на гипотезы Рихтера и Томсона, такъ и осталась загадкою. Да и помимо этого самый фактъ занесенія на земной шаръ *живой* протоплазмы, а тѣмъ болѣе живыхъ растений и животныхъ, въ толщѣ метеоритовъ, раскаляющихся во время своего паденія, въ высшей степени невѣроятенъ, и если-бы даже удалось доказать присутствіе органическихъ остатковъ въ метеоритахъ, то это отнюдь не рѣшало-бы еще вопроса о происхожденіи органической жизни на земномъ шарѣ, а доказало-бы только, что наша планета, какъ и слѣдовало ожидать, не представляетъ въ этомъ отношеніи исключительнаго явленія. Этотъ, во всякомъ случаѣ крайне интересный вопросъ, казалось, готовъ былъ разрѣшиться самымъ блестящимъ образомъ. Нѣмецкій ученый Отто Ганъ въ 1880 году опубликовалъ работу *), въ которой доказывалъ, что организмы не только дѣйствительно встрѣчаются въ метеорахъ, но что большая часть этихъ послѣднихъ, а именно пегматолиты, почти исключительно состоятъ изъ конгломерата окаменѣвшихъ животныхъ, принадлежащихъ къ отдѣлу мягкотѣлыхъ, а именно изъ губокъ, коралловъ и морскихъ лилій. Подвергнувъ микроскопическому изслѣдованію тонкія пластинки, приготовленныя изъ обломковъ метеоритовъ, Ганъ открылъ въ нихъ множество разнообразныхъ формъ, относящихся къ вышеупомянутымъ зоологическимъ группамъ и представляющихъ, по его словамъ, паразитическое сходство съ ископаемыми формами, встрѣчающимися на земномъ шарѣ. Къ работѣ его приложены 32 фотографическія таблицы съ 142 фигурами, на которыхъ дѣйствительно бросаются въ глаза причудливыя формы, напоминающія очертанія нѣкоторыхъ низшихъ животныхъ организмовъ, встрѣчающихся на землѣ. Губки, по расчетамъ Гана, составляютъ около $\frac{3}{20}$ всей массы метеоритовъ, кораллы—около $\frac{1}{20}$ и наконецъ морскія лиліи— $\frac{16}{20}$. Такимъ образомъ дѣйствительно выходитъ, что метеориты, которые до сихъ поръ считались минеральнымъ образованіемъ, состав-

*) O. Hahn.—Die Meteorite und ihre Organismen.—Tübingen. 1880.

лены исключительно изъ остатковъ окаменѣвшихъ животныхъ организмовъ *). Къ голосу Гана вскорѣ присоединились голоса нѣкоторыхъ другихъ извѣстныхъ ученыхъ. Извѣстный микроскопистъ Германъ Карстенъ призналъ, что открытія въ метеоритахъ образованія дѣйствительно представляютъ собою организмы; годъ спустя, американскій ученый, Рапелъ, высказалъ то-же мнѣніе, и наконецъ въ нынѣшнемъ году нѣмецкій ученый Вейнландъ, работавшій надъ тѣмъ-же предметомъ, въ свою очередь подтвердилъ открытіе Гана, хотя, правда, съ нѣкоторыми ограниченіями. По его мнѣнію, метеориты не цѣликомъ состоятъ изъ органическихъ остатковъ; эти послѣдніе образуютъ только двѣ трети всей массы ихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ явились, разумѣется, скептики и противники. Противъ выводовъ Гана выступили такіе компетентные спеціалисты, какъ Карлъ Фогтъ **) и Станиславъ Мэнъе, и притомъ съ такими вѣскими аргументами, которые сразу подвергли блестящее открытіе сильному сомнѣнію. Подвергая дѣйствию кислотъ обломки того самаго метеорита, который, по словамъ Гана, отличается особеннымъ богатствомъ органическихъ формъ, Фогтъ убѣдился, что почти вся масса его состоитъ изъ несомнѣнныхъ кристалловъ, которые, въ силу оптическаго обмана, представляются въ разсматриваемой подъ микроскопомъ пластинкѣ въ видѣ цилиндрическихъ каналовъ съ перегородками. Самое обиліе этихъ животныхъ формъ, которыхъ Ганъ насчитываетъ до нѣсколькихъ сотенъ въ кускѣ метеорита величиною съ простой булыжникъ, говорить, по мнѣнію Фогта, противъ ихъ реальности и заставляетъ считать такъ называемые организмы метеоритовъ просто за причудливыя кристаллическія образованія, случайно напоминающія ту или другую животную или растительную форму. Но самый рѣшительный ударъ нанесенъ открытію Гана французскими учеными Добре и Ст. Мэнъе, которые изъ искусственнаго сплава приготовили микроскопическіе препараты, абсолютно тождественные съ препаратами Гана и Вейнланда. Фогту точно такъ же удавалось готовить искусственно, и притомъ исключительно изъ минеральныхъ веществъ,—металлическихъ солей, силикатовъ и т. д., самыя причудливыя кристаллическія образованія, которыя подъ микроскопомъ съ перваго взгляда не трудно было счесть за органическія, такъ какъ и тутъ оказы-

*) Уже заранѣе, въ 1879 году, Ганъ издалъ работу (*Die Wizelle*), въ которой доказывалъ, опять таки основываясь на микроскопическихъ изслѣдованіяхъ, что и на земномъ шарѣ большинство такъ называемыхъ минеральныхъ породъ,—гранитъ, гнейсъ, базальтъ, змѣвикъ, песчаникъ и т. д., въ значительной долѣ состоятъ изъ микроскопическихъ растений, — водорослей, лишайвъ и т. п.

**) *C. Vogt. Les prétendus organismes des météorites.*— Genève, 1882.

вались налицо цилиндрическія трубочки съ перегородками, клеткообразные пузырьки, изъ которыхъ выходили полне вѣтвящіяся или расположенные звѣздообразно каналы и т. п. Понятно, что разрѣзы сплошнаго конгломерата подобныхъ образованій дали-бы картины въ родѣ тѣхъ, которыя получалъ Ганъ и которыя, по словамъ Фогта (а въ его компетентности трудно усомниться), во всякомъ случаѣ представляютъ лишь самое общее, фантастическое сходство съ существующими на землѣ животными формами. Въ заключеніе приведемъ еще нѣсколько вѣсскихъ возраженій противъ выводовъ Гана и его сторонниковъ изъ статьи, посвященной этому вопросу въ первой за этотъ годъ книжкѣ Космоса *). Понятное дѣло, что признать присутствіе организмовъ въ метеоритахъ можно лишь въ томъ случаѣ, если допустить, вмѣстѣ съ тѣмъ, что самые метеориты суть обломки крупныхъ небесныхъ тѣлъ, снабженныхъ атмосферными и водяными бассейнами, въ которыхъ могли развиться и существовать такія сравнительно высокія животныя формы, какъ губки, кораллы и морскія лиліи. Но именно противъ этого-то обязательнаго постановленія и говоритъ самый химическій составъ метеоритовъ. Дѣло въ томъ, что почти во всѣхъ изъ нихъ, и даже въ каменистыхъ, встрѣчается въ большемъ или меньшемъ количествѣ *металлическое желѣзо*, а это положительно говоритъ противъ присутствія кислорода, азота, углекислоты, воды и другихъ необходимыхъ для органической жизни веществъ въ атмосферѣ того тѣла, къ которому когда-то принадлежалъ аэролитъ. Въ минералогическихъ коллекціяхъ метеориты, какъ извѣстно, очень скоро ржавѣютъ, и едва-ли можно допустить, чтобы металлическое желѣзо, будучи въ постоянномъ соприкосновеніи со всевозможными органическими остатками, осталось неокисленнымъ. Странно также то обстоятельство, что всѣ эти животныя формы, напоминающія наши земныя зоологическія типы, въ метеоритахъ встрѣчаются въ микроскопическихъ размѣрахъ. Неужели-же допустить, что эта, такъ сказать, лиллипутская фауна съ какого-нибудь лиллипутскаго міра? Что скажутъ Ганъ, Вейнландъ и другіе сторонники органическаго происхожденія метеоритовъ на такіе вѣсскіе аргументы,—неизвѣстно; теперь-же, во всякомъ случаѣ, нельзя не усомниться въ справедливости ихъ положеній. Существованіе органической жизни внѣ предѣловъ земнаго шара, повторяемъ, едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, но доказать это фактически до сихъ поръ еще не удавалось. Быть можетъ Ганъ, въ свою очередь, обзору-

*) Die Meteorsteine und ihre angeblichen organischen Einschlusse. — Kosmos, VI Jahr., I Heft.

жить своихъ оппонентовъ, но покажѣтъ намъ сильно сдается, что самъ онъ обезоруженъ окончательно.

Несравненно болѣе серьезно и важною для теоріи развитія представляется задача—отыскать на землѣ ту простѣйшую форму органической жизни, которая послужила точкою отправленія для безконечнаго процесса эволюціи, ту «первобытную слизь» (*Urschleim*), изъ которой и теперь еще, какъ изъ вѣчнаго источника жизни, рождаются низшія формы растительнаго и животнаго міра и о которомъ уже въ началѣ нашего столѣтія, правда чисто гипотетически, упоминаетъ извѣстный нѣмецкій натуралистъ Окенъ. Подобное вещество было открыто Дюжарденомъ 40 лѣтъ тому назадъ; онъ показалъ, что изъ этого живого, безформеннаго, движущагося бѣлковиднаго студня, названнаго имъ *sarcode*, состоитъ тѣло многихъ микроскопическихъ животныхъ организмовъ. Позднѣе присутствіе той-же простѣйшей пластической матеріи, одаренной жизненною силою, было обнаружено во всякой растительной или животной клѣточкѣ; она была окрещена новымъ именемъ и стала называться *протоплазмой*. Но организмы, въ которыхъ простѣйшимъ элементомъ являлась протоплазма, принадлежали къ сравнительно высокимъ по своему развитію формамъ. Предстояло отыскать тотъ же элементъ въ обособленномъ, первобытномъ видѣ, найти первое звѣно эволюціонной цѣпи, первую самостоятельную индивидуальную клѣточку. Эта *монера*, эта первичная клѣточка, или, вѣрнѣе, комочекъ живаго студня, была открыта въ 1864 году близъ Ниццы Гэккелемъ, который назвалъ ее *Protogenes primordialis*. Монера эта представляла собою безструктурный, шарообразный комочекъ совершенно однородной протоплазмы, который передвигается при помощи выпускаемыхъ имъ изъ себя придатковъ, вѣчно мѣняющихъ свою форму, величину и направленіе. Достигнувъ извѣстной величины (1 миллим.), эта монера дѣлится и, вмѣсто одной особи появляются двѣ. Не зная никакого иного, болѣе простаго органическаго существа, Гэккель принялъ свою монеру за первичную форму живой органической матеріи и полагалъ, что эта именно форма и образовалась на земномъ шарѣ путемъ произвольнаго зарожденія. Но два года спустя ему удалось открыть монеру еще болѣе простую,—комочекъ студня, не представлявшій никакой опредѣленной формы, безъ временныхъ придатковъ, передвигавшійся всею массою своего тѣла, какъ жировая капля, катящаяся по гладкой поверхности стекла. Но и эту монеру нельзя было не считать за индивидъ. Достигнувъ опредѣленныхъ размѣровъ, она также дѣлится, и затѣмъ каждая

особь начинает самостоятельное существованіе. Принявъ ее въ свою очередь за простѣйшій организмъ, Гэккель назвалъ свое новое дѣтище *Protomoseba primitiva*. Прошло еще два года и биологія обогатилась новымъ блестящимъ открытіемъ. Ученая экспедиція отправившаяся въ 1868 году на англійскомъ кораблѣ *The Porcupine* подъ руководствомъ Карпентера и Томсона для изслѣдованія фауны океана, встрѣтила на глубинѣ семи, восьми тысячъ метровъ значительныя массы безструктурнаго студнеобразнаго вещества, съ примѣсю маленькихъ известковыхъ крупинокъ, въ которомъ подъ микроскопомъ можно было ясно прослѣдить медленное, но непрерывное движеніе. Это была уже вполнѣ безформенная, недѣлимая, какъ вода океана, масса, не носившая на себѣ даже характера индивидуальности, вѣчно возростающая, но никогда не обособляющаяся, не дѣлившаяся произвольнымъ процессомъ и не составлявшая опредѣленной, ограниченной особи. Гэксли, впервые, описавшій этотъ «первобытный студень», который, казалось, именно и составлялъ ту вѣчную, неисчерпаемую пластическую матерію, изъ которой въ глубинѣ океана вѣчно билъ источникъ жизни и непрерывно возникали простѣйшія формы индивидуальныхъ организмовъ, назвалъ его *Bathybius Haesckeli*. Но за торжествомъ скорѣ послѣдовало и разочарованіе. Другая экспедиція, предпринятая подъ руководствомъ Томсона на *Challenger*'ѣ, тщетно искала батибія. Если онъ и существовалъ, то, очевидно, далеко не такъ повсемѣстно, какъ думали сначала. Послѣ этой неудачи даже Карпентеръ и Гэксли не рѣшились поддерживать своего первоначальнаго мнѣнія и готовы были признать свои первыя наблюденія за ошибку. Они сами заявили, что быть можетъ, такъ называемый *bathybius* былъ въ самомъ дѣлѣ не болѣе, какъ студенистый осадокъ сѣрнокислой извести. Только Гэккель попрежнему твердо отстаивалъ жизненныя свойства своей первобытной слизи. И дѣйствительно, слѣды батибія снова отыскались. Одинъ изъ членовъ экспедиціи корабля *Polaris*, докторъ Бессельсъ открылъ аналогичное вещество на сравнительно незначительной глубинѣ. Это была такая-же студнеобразная масса, отличавшаяся отъ батибія Гэкселя только тѣмъ, что въ ней не оказалось вовсе известковыхъ частицъ. Тщательно изслѣдовавъ подъ микроскопомъ этотъ студень, который онъ, въ силу вышеупомянутаго отличительнаго характера, окрестилъ специальнымъ именемъ *Protobathybius*, Бессельсъ убѣдился, что въ массѣ его происходитъ безпрестанное протоплазмическое движеніе и что, подобно амэбѣ, онъ поглощаетъ крупинки кармина и другія постороннія тѣла, приходящія въ соприкосновеніе съ его поверхностью; тѣло его, не имѣющее ни опредѣленныхъ границъ, ни опредѣленныхъ размѣровъ, образуетъ при-

чудливую сѣть, которая безпрестанно измѣняетъ свою форму.—Но такіе существенные и трудные вопросы окончательно выяснить не легко; проходитъ много лѣтъ, смѣняется много разнообразныхъ, разностороннихъ изслѣдованій, прежде чѣмъ отъ столкновенія противорѣчивыхъ мнѣній родится наконецъ истина, не подлежащій сомнѣнію фактъ. Какова будетъ судьба батибія, окажется-ли онъ дѣйствительно тою «первобытною слизью», о которой мечтали уже Окенъ, или будетъ забытъ, какъ продуктъ заблужденія ученыхъ, слишкомъ руководившихся предвзятыми теоріями,—рѣшить мудрено. Задачи біологіи такъ сложны, методы наблюденія часто требуютъ такой безконечной точности, что ошибки не только возможны, но, такъ сказать, составляютъ правило. Даже Дарвинъ долженъ былъ признаться, что біологическая наука прогрессируетъ путемъ вѣчнаго исправленія предъидущихъ ошибокъ. Но цѣль, къ которой стремится наука даже въ ошибкахъ своихъ, всегда остается неизмѣнною; тѣмъ или другимъ путемъ, мы всетаки шагъ за шагомъ приближаемся къ истинѣ. Въ данную минуту существованіе пресловутаго батибія снова подвергнуто сильному сомнѣнію. Последняя французская экспедиція, предпринятая на Travailleur'ѣ, подъ главнымъ руководствомъ извѣстнаго зоолога Мильнъ-Эдварса, между прочимъ, разумѣется, задалась цѣлью розыскать батибія и, если возможно, положить конецъ спорамъ ученыхъ, изъ которыхъ нѣкоторые признавали его, а другіе, напротивъ, безусловно отрицали. А результатъ этихъ поисковъ, по мнѣнію Мильна-Эдварса, таковъ, что существованіе батибія не только не подтверждается ими, но даже положительно и окончательно опровергается. Докладывая въ засѣданіи парижской академіи наукъ объ успѣхахъ экспедиціи, Мильнъ-Эдварсъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ касается этой части его изысканій: — «Мы дали себѣ слово употребить всѣ усилія для того, чтобы найти и изучить батибія. Поиски наши не встрѣтили особенныхъ затрудненій. Часто среди ила мы встрѣчали это загадочное вещество; мы подвергли его микроскопическому изслѣдованію и должны были признать, что оно не заслуживало той чести, которую ему воздавали, и тѣхъ противорѣчивыхъ страницъ, которыя ему были посвящены. Батибія не что иное, какъ скопленіе слизи, которая извергается губками и извѣстными зоофитами, когда ихъ ткань приходитъ въ слишкомъ грубое соприкосновеніе съ сѣтями. Итакъ, этому батибію, которымъ до сихъ поръ слишкомъ живо интересовался ученый міръ, приходится со своего пьедестала и исчезнуть» *).

*) *Milne-Edwards*. Les explorations des grandes profondeurs de la mer faites à bord de l'avisoir „Le Travailleur“. Revue Scientifique, 28 oct. 1882.

какъ видите, отрицается новыми наблюдателями самымъ рѣшительнымъ образомъ. Но можно ли на этомъ основаніи считать споръ рѣшеннымъ? Разумѣется, нѣтъ. Члены экспедиціи Gauthier'a, въ свою очередь, могутъ ошибаться, распространяя выводы изъ своихъ наблюденій надъ мертвою слизью на всѣ предъидущія изслѣдованія, гдѣ, однако, ученые не менѣе компетентные видѣли несомнѣнные признаки жизни. Разрѣшеніе этого спорнаго вопроса, повторяемъ, принадлежитъ будущему. Существуетъ-ли батибія или нѣтъ и, если существуетъ, то представляетъ-ли собою, какъ думаетъ Геккель, особую, первобытную форму организованной матеріи или же, какъ утверждаетъ Перье **), колонію простѣйшихъ монеръ, сливающихся своими отростками и образующихъ сѣтъ, какъ описанный Геккелемъ же *Muxodictyum sociale* или какъ *Monobia confluens*, — окончательно выяснять новыя, болѣе точныя и многочисленныя изслѣдованія.

Если вопросъ о происхожденіи органической жизни на земномъ шарѣ и даже о томъ, какую форму организованной матеріи считать за простѣйшую и первичную, представляется далеко еще нерѣшеннымъ, за то преемственная связь между отдѣльными стадіями развитія этой матеріи, единство законовъ, управляющихъ всякою органическою жизнью и тѣсное соприкосновеніе растительнаго міра съ животнымъ въ лицѣ простѣйшихъ ихъ представителей становятся, напротивъ, все болѣе и болѣе ясными, съ тѣхъ поръ, какъ біологія вступила на тотъ плодотворный путь, который былъ окончательно указанъ ей геніальнѣйшимъ изъ всѣхъ натуралистовъ, великимъ Дарвиномъ. Одною изъ выдающихся заслугъ его было, между прочимъ, и то, что онъ первый доказалъ, какую существенную роль въ дѣлѣ прогресса всего органическаго міра играетъ принципъ ассоціаціи, который въ борьбѣ вида за существованіе является могучимъ орудіемъ, обезпечивающимъ успѣхъ и процвѣтаніе за тѣмъ именно видомъ, который въ наибольшей мѣрѣ сумѣлъ развить въ своей средѣ этотъ принципъ. Открытый Дарвиномъ законъ основанъ на длинномъ рядѣ такихъ краснорѣчивыхъ, убѣдительныхъ фактовъ, что сомнѣваться въ его справедливости невозможно, и новыя изслѣдованія могутъ только расширить область его приложенія, такъ какъ въ подтвержденіяхъ, въ новыхъ доказательствахъ онъ уже не нуждается. Принципъ коопераціи и взаимной помощи, какъ извѣстно, наблюдается не только между особями одного и того же вида, но и между различными видами,

**) *E. Perrier. Les colonies animales et la formation des organismes. Paris. 1881.*

вынужденными самими условиями своей жизни обмѣниваться услугами въ виду обоюдной выгоды. Мало того, тотъ же принципъ ассоціаціи въ самыхъ рѣзкихъ формахъ проявляется даже во взаимныхъ отношеніяхъ между особями растительнаго и животнаго царства и, какъ показали послѣднія изслѣдованія, съ особенною типичностью наблюдается между низшими формами этихъ организмовъ, благодаря тому, что условія существованія на этомъ уровнѣ развитія еще не представляютъ того рѣзкаго различія, которое существуетъ между высшими представителями растительнаго и животнаго міровъ. Одно изъ такихъ проявленій тѣсной кооперативной связи между животными и растениями мы и намѣрены описать здѣсь въ короткихъ словахъ. Уже лѣтъ сорокъ тому назадъ, нѣмецкій ученый Шульце впервые указалъ на то, что въ тѣлѣ нѣкоторыхъ низшихъ животныхъ, а именно планарій или плоскихъ червей, встрѣчаются крупинки хлорофила. Позднѣе то же вещество, которое прежде считалось исключительно принадлежностью растений, было обнаружено и у другихъ животныхъ,—у нѣкоторыхъ инфузорій, губокъ, прѣсноводныхъ гидръ, морскихъ звѣздъ и т. д. Въ 1878 году, французскій ученый Жеде доказалъ, что зеленые планаріи, подъ дѣйствіемъ свѣта, обладаютъ способностью выдѣлять кислородъ, что животныя эти видимо избѣгаютъ темноты, при яркомъ освѣщеніи начинаютъ быстро двигаться и вообще проявляютъ всѣ признаки интенсивнаго жизненнаго процесса, а при отсутствіи свѣта, напротивъ, нерѣдко погибаютъ. Значеніе подобныхъ фактовъ было совершенно ясно. Хлорофилъ, находившійся въ тѣлѣ животнаго, очевидно исполнялъ ту же функцію, которую онъ исполняетъ въ организмѣ растенія; тѣло животнаго въ присутствіи хлорофила, повидимому, получало способность разлагать углекислоту, вырабатывать органическія вещества въ присутствіи углекислоты и воды и выдѣлять кислородъ. Но за этими, безъ сомнѣнія очень важными открытіями послѣдовали новыя, которыя освѣтили тѣ-же факты совершенно инымъ свѣтомъ и придали имъ еще большій интересъ. Послѣднія работы Брандта *) и Жеде, окончательно доказали, что крупинки хлорофила, встрѣчающіяся въ организмахъ животныхъ, заключены въ протоплазмѣ особыхъ клѣточекъ, которыя оказываются способными вести самостоятельное существованіе и внѣ тѣла животнаго. Выдавливая такия клѣточки изъ тѣла губокъ, гидръ и инфузорій, Брандтъ убѣдился, что онѣ продолжаютъ жить по цѣлымъ недѣлямъ и нисколько не теряютъ своей специфической особенности, такъ какъ подъ дѣйствіемъ свѣта въ протоплазмѣ ихъ

*) *K. Brandt. Ueber das Zusammenleben von Thieren und Algen.—Archiv für Physiologie, 1881, p. 570.—K. Brandt. Ueber die morphologische und physiologische Bedeutung des Chlorophylls bei Thieren.—Arch. f. Phys. 1882, p. 125.*

являются зернышки крахмала; словомъ—эти зеленныя хлорофилоносныя тѣльца оказались одноклѣточными водорослями. Кроме того, Брандту удалось наблюдать даже самый процессъ перевечевки такихъ одноклѣточныхъ водорослей изъ одного животнаго въ другое. Помѣстивъ мертвую зеленую гидру въ сосудъ, въ которомъ находились безцвѣтныя инфузоріи, не содержащія хлорофила, онъ констатировалъ черезъ нѣкоторое время, что часть водорослей покинула тѣло мертвой гидры и перебралась въ организмы инфузорій. Кроме зеленыхъ, одноклѣточныхъ водорослей, какъ показали работы Пенковскаго, Гартвига и Брандта, въ тѣлѣ нѣкоторыхъ животныхъ, а именно корненожекъ, гидръ и морскихъ звѣздъ, встрѣчаются и желтыя клѣточки, также содержащія хлорофиль и представляющія собою также простѣйшій видъ водорослей, избравшихъ своимъ жилищемъ животный организмъ. Зеленый видъ водорослей, обитающій въ тѣлѣ животныхъ, Брандтъ назвалъ *Zoochlorella*, а желтый—*Zooxanthella*. Такимъ образомъ, передъ нами несомнѣнный фактъ общезитія между животными и растениями. Посмотримъ-же теперь, каковы экономическія отношенія, установившіяся между хозяевами и ихъ микроскопическими жильцами; представляетъ ли ихъ сожителство дѣйствительно производительную и выгодную для обѣихъ сторонъ ассоціацію или же просто паразитизмъ? Наблюдая морскія звѣзды, въ тѣлѣ которыхъ въ изобиліи находились желтыя хлорофилоносныя клѣточки, Брандтъ убѣдился, что, при надлежащемъ освѣщеніи, эти крупныя животныя могли существовать неопредѣленно долгое время, въ тщательно профильтрованной водѣ, въ которой они, очевидно, не могли находить себѣ пищи въ формѣ твердыхъ органическихъ веществъ. Зеленая, прѣсноводная губка (бадяга), также прекрасно существуетъ въ профильтрованной рѣчной водѣ, даже если ее фильтруютъ каждый день; но, какъ скоро сосудъ переносится въ плохо освѣщенное мѣсто, животныя, по истеченіи нѣ котораго времени, погибаютъ. Ясно, слѣдовательно, что маленькіе хлорофилоносные жильцы, поселившіеся въ ихъ тѣлѣ, кормятъ своихъ хозяевъ, образуя изъ воды, углекислоты и амміака органическія вещества. Если же число такихъ жильцовъ недостаточно велико, чтобы удовлетворить потребности хозяина, или если освѣщеніе становится слишкомъ слабымъ и водоросли не имѣютъ возможности функционировать съ надлежащею энергіей, хозяева принуждены перейти на прежнее положеніе, т. е. поддерживать свою жизнь, воспринимая твердыя органическія вещества, или же погибнуть въ томъ случаѣ, если въ водѣ не окажется питательнаго матеріала. Вступая въ подобную ассоціацію, животное быстро привыкаетъ къ новымъ жизненнымъ условіямъ и даже приобретаетъ способность регулировать соотвѣтственно своимъ потребностямъ са-

ную производительную работу своих жильцовъ. Зеленые плосковики видимо избѣгаютъ темныхъ мѣстъ и стремятся къ свѣту; хлорофилоносныя корненожки, плавающія близъ поверхности воды, при слишкомъ яркомъ освѣщеніи опускаются глубже и такимъ образомъ ставятъ хлорофилловыя клѣточки въ необходимость выдѣлять меньше кислорода. Но, въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, опять-таки представляется вопросъ,—не имѣемъ-ли мы, въ данномъ случаѣ, дѣла съ паразитомъ, т. е. не живутъ-ли хозяева на счетъ своихъ гостей, не эксплуатируютъ-ли они ихъ просто-на-просто, платя за драгоцѣнныя услуги ихъ развѣ только тѣмъ, что доставляютъ имъ жилище и сравнительную безопасность? При такихъ условіяхъ подобное сожителство, разумѣется, невозможно было-бы назвать ассоціаціей: животный организмъ, пріютившій хлорофилоносныя клѣточки, платитъ за ихъ услуги неменьшими услугами; ни та, ни другая сторона ничего не теряютъ; напротивъ, обѣ въ несомнѣнномъ выигрышѣ. Посмотримъ-же, къ чему сводятся эти обоюдныя услуги. Клѣточка водоросли, обладающая способностью вырабатывать въ присутствіи воды и воздуха органическія вещества, какъ мы уже говорили, доставляетъ своему хозяину пищу; разлагая углекислоту, она освобождаетъ организмъ животного отъ вреднаго для него газа и, наконецъ, снабжаетъ его кислородомъ, который абсолютно необходимъ для его существованія; хозяйинъ-же, съ своей стороны, доставляетъ жильцу жилище и, кромѣ того, что гораздо важнѣе, снабжаетъ его въ изобиліи углекислотой, изъ которой растительная клѣточка заимствуетъ драгоцѣнный для нея матеріалъ,—углеродъ. Понятное дѣло, что животныя, сжумѣвшія воспользоваться такою выгодною для нихъ формою ассоціаціи, могутъ жить себѣ, такъ сказать, припѣваючи; по крайней мѣрѣ, погоня за пищею, которая играетъ такую важную роль въ борьбѣ за существованіе, для нихъ уже не существуетъ; приходится искать только свѣта, котораго вдоволь хватаетъ на всѣхъ. Въ виду этого, можно было-бы съ полнымъ правомъ ожидать, что виды животныхъ, находящіеся въ такихъ исключительно благоприятныхъ жизненныхъ условіяхъ, должны преуспѣвать и размножаться интенсивнѣе, чѣмъ сродныя съ ними формы, не вѣдающія благотворнаго вліянія подобной ассоціаціи. И дѣйствительно, хлорофилоносныя виды многихъ животныхъ несравненно болѣе распространены, чѣмъ тѣ виды, которыхъ особи не заключаютъ въ своемъ тѣлѣ водорослей, и чѣмъ богаче, напримѣръ, данный видъ какой-нибудь анемоны хлорофилоносными клѣточками, тѣмъ болѣе онъ преобладаетъ надъ другими видами. Въ самое послѣднее время другой нѣмецкій ученый, Кесслеръ *),

*) G. Kessler. Zoochlorella, ein Beitrag zur Lehre der Symbiose.—Arch. f. Phys. 1832, p. 490.

сообщилъ нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія по тому-же предмету, а именно относительно зеленыхъ хлорофилоносныхъ тѣлецъ у корненожекъ, которыхъ Брандту не приходилось наблюдать. Онъ констатировалъ самымъ положительнымъ образомъ, что и у этихъ животныхъ зеленныя тѣльца суть не что иное, какъ одноклѣточные водоросли, которыя, очевидно, въ организмѣ корненожки играютъ ту-же роль, какъ и у другихъ низшихъ животныхъ, какъ, напримеръ, у прѣсноводной губки, у гидры и т. д. Кромѣ того, онъ наблюдалъ экземпляръ амэбы (*amoeba radiosa*), въ которой рядомъ съ хлорофилловыми тѣльцами находились и остатки воспринятой изъ воды пищи. Въ данномъ случаѣ, слѣдовательно, амэба не удовлетворялась тою пищею, которую ей доставляли ея микроскопическіе жильцы, и принуждена была пополнять ее, поглощая питательныя вещества извнѣ. Попробовавъ культивировать зоохлореллы, взятыя изъ гидры, Кесслеръ убѣдился, что онѣ не только продолжаютъ существовать внѣ организма своихъ бывшихъ хозяевъ, но даже сохраняютъ способность размножаться.

Впрочемъ общественныя отношенія, наблюдаемыя въ средѣ такъ называемыхъ социальныхъ животныхъ, далеко не всегда имѣютъ таковой рациональный характеръ. Мы знаемъ, напримеръ, что у муравьевъ процвѣтаетъ рабство, и у тѣхъ-же животныхъ мы встрѣчаемся, кромѣ того, съ такимъ явленіемъ, которое какъ нельзя лучше доказываетъ, до какаго полного уничтоженія индивидуальности можетъ довести экономическій принципъ раздѣленія труда. Въ началѣ этого года извѣстный американскій зоологъ Жакъ-Кукъ, которому мы обязаны многочисленными и крайне-интересными наблюденіями надъ жизнью муравьевъ, издалъ подробный отчетъ о своихъ послѣднихъ изслѣдованіяхъ, касающихся американскихъ муравьевъ и въ особенности такъ называемаго медоноснаго муравья, встрѣчающагося въ Мексикѣ (*H. Me Cook; the Honey Ant of the Garden of the Gods and the Occident Ants of the American Plains. Philadelphia. 1882*). Нижеслѣдующія свѣдѣнія относительно этого замѣчательнаго вида мы заимствуемъ изъ краткаго изложенія вышеупомянутой работы Кука, помѣщенной въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Космоса» *). Колонія или государство медоноснаго муравья (*Formica melliger, Myrmecocystus melliger*) раздѣляется на четыре класса. Къ первому классу принадлежатъ три категоріи работницъ различной величины; второй

*) Die Honigameise und andere americanische Ameise.—Kosmos. Heft IV. 1882.

составляютъ тѣ муравьи, къ которымъ, собственно говоря, только и примѣнимо данное всему виду названіе медоносныхъ муравьевъ и которые достигаютъ 13 миллиметровъ длины; третій образуютъ крупныя самки или царицы и, наконецъ, четвертый — небольшіе самцы. Члены второго класса, т. е. медоносные муравьи, безъ сомнѣнія, вышли изъ сословія работницъ; съ молодости они ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ работницъ, да и позднѣе анатомическое различіе между этими двумя группами заключается только въ томъ, что брюшные органы у плодоносныхъ муравьевъ оказываются смѣщенными, благодаря тому, что большая часть брюшной полости занята мѣшкомъ, переполненнымъ медомъ. Безобразно растянутое брюшко, которое прежде всего бросается въ глаза у представителей этой касты, есть просто результатъ механическаго растяженія ихъ зоба медообразною жидкостью, которою буквально накачиваютъ ихъ работницы. Дѣло въ томъ, что въ муравьиной общинѣ этотъ классъ гражданъ несетъ на себѣ специальную функцію: члены его просто-на-просто служатъ живыми бочками, въ которыя работницы выгружаютъ собранный ими запасъ меда. Брюшко этихъ несчастныхъ созданій представляетъ громадный прозрачный пузырь и растянуто до того, что брюшныя кольца образуютъ на немъ только едва замѣтныя полоски. Превратившись въ такія медохранилища, муравьи этой категоріи уже не въ состояніи сами заботиться о пріисканіи себѣ пищи, да впрочемъ, не имѣютъ въ этомъ и надобности. Другія работницы выходятъ по ночамъ на фуражировку и, возвращаясь съ запасомъ жидкости, начинаютъ ея своихъ товарищей, избранныхъ обществомъ для такой незавидной функціи. Съ теченіемъ времени эти послѣдніе совершенно утрачиваютъ способность передвигаться съ мѣста на мѣсто и неподвижно висятъ въ кладовыхъ муравейника, прицѣпливаясь своими лапками къ потолку. Съ этою цѣлью, вѣроятно, т. е. для того, чтобы легче было прицѣпляться, потолокъ кладовыхъ камеръ всегда оставляется шероховатымъ, между тѣмъ какъ въ остальныхъ камерахъ и корридорахъ муравейника внутренняя поверхность стѣнъ гладкая и какъ-бы отполированная. Къ этимъ то живымъ медохранилищамъ направляются всѣ жаждущіе и алчущіе члены общины, — работницы, самцы и самки; при помощи известной манипуляціи голодный посѣтитель заставляетъ медоноснаго муравья отрыгнуть капельку меда, поглощаетъ ее и затѣмъ уступаетъ мѣсто слѣдующему претенденту; а въ известное время дня подвозятся свѣжіе запасы, и драгоценные сосуды никогда не опорожняются. Медъ, заключающійся въ тѣлѣ этихъ муравьевъ по вкусу почти не отличается отъ пчелинаго меда, но

нѣсколько жиже его и состоитъ изъ воднаго раствора чистаго винограднаго сахара. У туземныхъ жителей медоносные муравьи считаются большимъ лакомствомъ и появляются даже на рынкахъ. Какъ ни велика жертва, которую приносятъ коллективности медоносные муравьи, соглашаясь, ради ея интересовъ, спуститься на уровень неодушевленнаго предмета, тѣмъ не менѣе община плохо цѣнитъ эту жертву и, повидимому, дѣйствительно привыкаетъ относиться къ этой группѣ своихъ согражданъ, какъ къ простому складу припасовъ. Пока въ муравейникѣ все обстоитъ благополучно, за медоносными муравьями заботливо ухаживаютъ, но въ случаѣ какого-нибудь переполоха, остальные члены общины вытаскиваютъ и прячутъ личинки и коконы, но уже нисколько не заботятся о судьбѣ безпомощныхъ медоносныхъ муравьевъ, обреченныхъ въ случаѣ серьезной опасности на неминуемую гибель. Мертваго медоноснаго муравья немедленно вытаскиваютъ изъ муравейника и зарываютъ; содержащаяся въ тѣлѣ покойника сладкая жидкости никогда не употребляется въ пищу. Но если во время какой-нибудь катастрофы брюшко живого муравья раздавливается, то остальные граждане, не взирая даже на грозящую опасность, не въ силахъ устоять противъ искушенія, покидаютъ свою дѣтву и съ жадностью набрасываются на разлившуюся сладкую влагу.

Къ числу социальныхъ явленій, съ особенною интенсивностью развившихся въ человѣческомъ обществѣ, стоящемъ на сравнительно высокомъ уровнѣ культуры, принадлежитъ, какъ извѣстно, семейное начало. Примѣры зачаточной семьи мы видимъ у лѣсныхъ обитателей внутренней части острова Борнео или у жителей Андаманскихъ острововъ, у которыхъ семейный союзъ продолжается обыкновенно лишь до тѣхъ поръ, пока мать не выкормитъ ребенка; послѣ этого супруги расходятся въ разныя стороны. При болѣе прочной организаціи общезитія, когда семья становится постояннымъ учрежденіемъ, основаннымъ на извѣстномъ договорѣ, мы почти всюду видимъ въ началѣ преобладаніе женскаго элемента. Главную роль въ семьѣ играетъ мать; дѣти принадлежатъ ей, а не отцу, и носятъ имя матери; собственность передается не отъ отца къ сыну, а отъ дяди къ племяннику, т. е. къ сыну сестры и т. д. Вообще связь дѣтей съ отцомъ фактически не существуетъ, по той простой причинѣ, что даже рѣшеніе вопроса о томъ, кто отецъ того или другого ребенка, совершенно ускользаетъ отъ какого бы то ни было общественнаго или даже семейнаго контроля, благодаря суще-

ствующей свободѣ въ отношеніяхъ между полами. Въмѣсто отцовскаго начала, шаткаго и сомнительнаго при подобныхъ условіяхъ, въ основѣ всѣхъ правовыхъ отношеній между членами семьи лежатъ материнское начало; патриархату, который явится позднѣе, на болѣе высокомъ культурномъ уровнѣ, предшествуетъ матриархатъ. Такимъ путемъ развитіе семьи несомнѣнно шло у древнихъ народовъ, какъ доказываютъ ихъ мѣны и преданія; такимъ-же путемъ идетъ ея развитіе и у дикихъ народовъ, у которыхъ мы можемъ наблюдать и теперь еще материнскую семью и постепенное вытѣсненіе материнскаго начала отцовскимъ. Какъ ни общеизвѣстны въ настоящее время подобныя факты, но они составляютъ пріобрѣтеніе еще очень недавняго прошлаго. Только въ началѣ шестидесятихъ годовъ Бахофенъ, а за нимъ Макъ-Леннанъ, Тайлоръ, Лэббокъ и другіе доказали, что современная семья составляетъ уже позднѣйшую форму развитія. Живой и крайне интересный примѣръ социальныхъ отношеній при полномъ процвѣтаніи матриархата у народа, достигшаго относительно высокаго уровня цивилизаціи, представляетъ намъ въ настоящее время населеніе, занимающее западную береговую полосу Индостана, извѣстную подъ именемъ Малабара или Малайаламъ. Съ семейными учрежденіями этого народа, который въ послѣднее время по справедливости обратилъ на себя вниманіе этнографовъ, мы и намѣрены познакомить читателей.

Кромѣ коренныхъ туземныхъ жителей, населеніе страны составляютъ брамины, мусульмане, малайцы и европейцы, которые сосредоточены преимущественно въ приморскихъ городахъ. Когда-то, въ далекомъ прошломъ, арійскіе завоеватели, брамины, повидимому, съ легкостью покорили эту страну; но позднѣе, въ XII столѣтіи послѣ Р. Х., когда между завоевателями возникли междоусобія, туземная военная аристократія, такъ называемые наиры, при содѣйствіи арабскихъ купцовъ, свергли тяжелое иго браминовъ и возстановили свою національную независимость. Позднѣе, съ появленіемъ въ странѣ европейцевъ и въ особенности англичанъ, эта независимость, правда, становилась все болѣе и болѣе призрачною. Но замѣчательнѣе всего то, что политическій гнетъ, тяготѣвшій надъ наирами въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, не въ силахъ былъ вытѣснить изъ ихъ среды материнскаго семейнаго начала, которое искони было органическимъ элементомъ всѣхъ общественныхъ отношеній этого народа. Ни Веды, ни Коранъ, ни Евангеліе не въ состояніи были поборотъ въ туземномъ населеніи его старинныхъ правовыхъ понятій. Патриархальная система, которую пытались ввести завоеватели въ долгій періодъ своего господства, не при-

вилась въ народѣ. Начиная съ момента своего освобожденія, напри-
 ввели прежній порядокъ престолонаслѣдія: власть, передававшаяся
 до тѣхъ поръ по арійскому праву отъ отца къ сыну, стала снова
 переходить отъ дяди къ племяннику. Даже чуждые элементы на-
 селенія, какъ напримѣръ, мусульмане, мало-по-малу подчинились
 этому принципу, при господствѣ котораго на ихъ глазахъ крѣпла
 и развивалась цвѣтущая культура; они начали вступать въ бракъ
 съ туземными женщинами и подчинились господствующему семей-
 ному началу. Только брамины не помирились съ такимъ положеніемъ
 вещей; несмотря на давнишнее пораженіе, они и теперь
 еще, какъ мы увидимъ ниже, съ удивительнымъ упорствомъ и за-
 мѣчательною хитростью борются противъ народности, которая когда-
 то находилась подъ ихъ властью.—Прежде всего нужно замѣтить,
 что у наировъ ни одна дѣвушка не имѣетъ права сохранять свою
 дѣвственность, такъ какъ первымъ естественнымъ долгомъ всякаго
 человѣка они считаютъ поддержаніе своего рода, и уклонившагося
 отъ этой обязанности ожидаетъ тяжелая кара въ будущей жизни.
 Малабарскія дѣвушки выходятъ замужъ очень рано, обыкновенно
 уже на двѣнадцатомъ году и даже раньше. Свадьба справляется
 съ большою пышностью; со всѣхъ сторонъ съѣзжаются гости, ко-
 торыхъ принимаютъ дяди и братья невѣсты. Главная церемонія
 бракосочетанія состоитъ въ томъ, что женихъ обязываетъ вокругъ
 шеи невѣсты такъ называемое *тали*, замѣняющее у наировъ наше
 обручальное кольцо; это не что иное, какъ веревка, на которой
 нанизаны разные мелкіе, болѣе или менѣе драгоценные предметы,
 имѣющіе символическое значеніе. По окончаніи этой церемоніи
 начинаются празднества, продолжающіяся обыкновенно нѣсколько
 дней, и новобрачные официально считаются мужемъ и женою. Судя
 по формальной сторонѣ брачнаго обряда, можно-бы было подумать,
 что бракъ имѣетъ для малабарской дѣвушки приблизительно такое-
 же значеніе, какое онъ имѣетъ для женщины и у другихъ наро-
 довъ; можно-бы было предположить, что, вступая въ бракъ, дѣ-
 вушка жертвуетъ своею свободою и занимаетъ болѣе или менѣе
 зависящее положеніе относительно мужа. А между тѣмъ въ дѣй-
 ствительности бракъ имѣетъ у наировъ совершенно противополож-
 ный смыслъ: только послѣ того какъ на шеѣ дѣвушки появится
тали, она приобретаетъ полную самостоятельность и свободу, ста-
 новится полною госпожею своей судьбы, нестѣсненною ничьею
 постороннею волею.—По окончаніи празднествъ, сопровождающихъ
 церемонію бракосочетанія, родственники молодой супруги въжливо
 благодарятъ того, кто игралъ при совершеніи обряда роль мужа,
 за оказанную имъ услугу, уплачиваютъ ему за всѣ расходы, ко-

торые онъ ради этого сдѣлать, дарятъ ему полную новую одежду и небольшую сумму денегъ, и затѣмъ фиктивный супругъ удаляется и не имѣетъ уже права когда-бы то ни было появляться въ покояхъ своей жены. Когда подъ рукою нѣтъ никакого другого подходящаго человѣка, то родственники невѣсты нерѣдко приглашаютъ для церемоніи повязыванія тали какого нибудь проѣзжаго путешественника или перваго попавшагося городского рабочаго, который получаетъ за оказанную услугу извѣстное вознагражденіе. Словомъ,—сущность обряда повязыванія тали состоитъ въ провозглашеніи независимости дѣвушки и ея законнаго права или даже обязанности сдѣлаться матерью. Участіе мужа въ этомъ обрядѣ и официальное провозглашеніе заключеннаго будто-бы между супругами брачнаго союза, очевидно, есть не болѣе, какъ остатокъ формальности, сохранившейся изъ браминской эпохи, когда завоеватели пытались навязать покоренной народности свои учрежденія. Въ тѣ времена туземные жители вѣроятно прибѣгали къ такой чисто фиктивной брачной церемоніи въ виду избѣжанія преслѣдованій со стороны господствующаго класса; такимъ образомъ семья получала легальную санкцію, но затѣмъ новобрачные, разумѣется, точно такъ-же, какъ и теперь, расходились; никакая власть не могла принудить отца заботиться о своихъ дѣтяхъ въ такой странѣ, гдѣ ребенокъ знаетъ только, что у него есть мать, а объ отцѣ часто не имѣетъ даже понятія. Роль отца въ материнской семьѣ играетъ дядя, т. е. братъ матери, и взаимныя отношенія между дядьями и племянниками отличаются такою-же нѣжностью, какъ у другихъ народовъ между отцами и дѣтьми.

Сдѣлавшись независимой послѣ совершенія вышеупомянутаго обряда, дѣвушка иногда продолжаетъ жить у матери или у одного изъ братьевъ, если не предпочитаетъ обзавестись собственнымъ хозяйствомъ. Она живетъ беззаботною жизнью, предаваясь удовольствіямъ и вступая въ интимную связь со всякимъ мужчиною, который ей понравится; только официальный супругъ ея составляетъ исключеніе; сближеніе съ законнымъ мужемъ, по господствующимъ между наирами понятіямъ, было-бы верхомъ неприличія и доказало-бы со стороны женщины полнѣйшее презрѣніе къ общественному мнѣнію. Въ сѣверномъ Малабарѣ зачатки патриархальнаго принципа до нѣкоторой степени выражаются уже въ томъ, что женщина не имѣетъ права имѣть больше одного любовника; на югѣ-же, напротивъ, она пользуется тѣмъ большимъ уваженіемъ, чѣмъ многочисленнѣе ея любовники. Впрочемъ, число ихъ не должно превышать двѣнадцати. У каждаго свой извѣстный день или своя недѣля, въ теченіе которой онъ считается привилегии-

роvanнымъ гостемъ въ домѣ. Если онъ не желаетъ, чтобы въ это время въ домъ входили посторонніе люди, которые могли-бы помѣшать его семейному счастью, то ему стоитъ только прислупить къ двери дома свой щитъ или же воткнуть въ порогъ свой мечъ или кинжалъ. Члены такой семейной ассоціаціи дѣлятъ между собою не только права, но и обязанности, и въ одинаковой степени заботятся о матеріальныхъ интересахъ того хозяйства, въ которомъ каждый изъ нихъ играетъ одинакую роль. Одинъ заботится о доставленіи пищи, другой о напиткахъ, третій приобрѣтаетъ жилище, меблируетъ его, четвертый содержитъ въ надлежащемъ порядкѣ садъ. Женщина, какъ мы уже сказали, можетъ имѣть произвольное число почитателей, но и мужчина въ свою очередь пользуется такою-же свободою и можетъ избирать себѣ въ подруги нѣсколькихъ женщинъ, которымъ онъ передаетъ на храненіе свое оружіе, свою одежду, своихъ лошадей и тому подобное движимое имущество. Но семья мужчины не въ домѣ его жены, а въ домѣ сестры; относясь равнодушно къ своимъ дѣтямъ, даже если увѣренъ, что они рождены отъ него, онъ въ то же время относится съ чисто отеческою нѣжностью къ своимъ племянникамъ, къ дѣтямъ своей сестры, которымъ передаетъ обыкновенно въ наслѣдство и свою недвижимую собственность. Слѣдимъ однако замѣтить, что тѣ необузданные нравы, которые мы въ короткихъ словахъ описали выше, практикуются въ такой формѣ даже на Малабарѣ только между наирами, т. е. между аристократіей населенія. Женщина бѣдныхъ классовъ, которая не имѣетъ возможности поставить цѣлью своей жизни погоню за удовольствіями, а принуждена работать,—пользуясь такою-же свободою, на самомъ дѣлѣ въ большинствѣ случаевъ остается вѣрна своему мужу; но правовыя отношенія между членами семьи и въ низшихъ классахъ зиждутся точно такъ же на материнскомъ началѣ. Крайне оригинальна и характеристична та роль, которую играютъ въ семейной жизни туземнаго населенія брамины. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ слояхъ этого населенія существуетъ суевѣріе, въ силу котораго брамины или *намбури* считаются какими-то высшими привилегированными существами, которые вносятъ счастье и благоденствіе въ ту семью, которая удостоится чести вступить съ ними въ родственныя отношенія. Въ виду этого всѣ, начиная съ аристократіи и кончая послѣднимъ бѣднякомъ-рабочимъ, считаютъ для себя счастьемъ, если намбури согласится вступить во временный брачный союзъ съ дѣвушками изъ ихъ семействъ. Хитрые брамины успѣли прекрасно воспользоваться этимъ суевѣріемъ, и, принявъ во всѣ слои населенія, мало

по-малу снова приобрѣли серьезное вліяніе на общественныя дѣла. Будучи съ одной стороны обязаны сохранять въ неприкосновенности свои религіозныя принципы, которые воспрепятствуютъ имъ всякое общеніе съ другими кастами, но не желая, съ другой стороны увести единственнаго средства для возстановленія своего могущества, они вышли изъ этой дилеммы слѣдующимъ образомъ. Старшій сынъ набури непременно женится на дѣвушкѣ изъ своей касты и наследуетъ священный санъ и обязанности своего отца; ни одна дѣвушка изъ касты браминовъ не имѣетъ права выйти замужъ за наира или за какого-бы то ни было человѣка изъ другой касты; но младшимъ сыновьямъ имѣяется въ обязанность, въ интересахъ касты, вступать въ связь съ дочерьми презрѣннаго народа и, проникая въ его семьи, всюду упрочивать вліяніе браминовъ. Глава государства, *Заморинъ*, съ почестями встрѣчаетъ молодыхъ браминовъ, являющихся въ его дворецъ, чтобы съ тою или другою изъ его сестеръ произвести на свѣтъ наследниковъ, которымъ дядя передастъ свое имущество. Аристократическія семейства, точно также непрерывно добиваются того, чтобы въ жилахъ ихъ потомства текла священная браминская кровь, и даже земледѣлецъ питаетъ подобныя же честолюбивыя мечты. Можно себѣ представить какую тяжелую службу несутъ при такомъ громадномъ запросѣ благочестивые служители Браммы, которые въ то же время, конечно, не забываютъ и дѣвушекъ своей касты.

Кромѣ вышеописанной формы семьи, распространенной приблизительно въ богатыхъ слояхъ населенія, въ средѣ его выработалась еще другая, которая можетъ быть названа полиандрической братской семьей; такая семья состоитъ изъ нѣсколькихъ братьевъ *), основавшихъ общее хозяйство и взявшихъ себѣ общую жену. Эта форма въ сущности представляетъ собою уже первую ступень перехода къ патриархату. Во-первыхъ, происхожденіе дѣтей при этомъ до нѣкоторой степени извѣстно, а во-вторыхъ, женщина уже настолько поглощается заботами о сложномъ хозяйствѣ, что не имѣетъ возможности поддерживать прежнихъ интимныхъ отношеній со своими братьями, которые, въ свою очередь, начинаютъ менѣе интересоваться племянниками. Въ вышеописанной семьѣ, во главѣ хозяйства стояла сестра, а тутъ на первое мѣсто становится уже жена. Вообще же сестра играетъ въ семейныхъ отношеніяхъ малябарцевъ первенствующую роль. Привязанность между братомъ и

*) Впрочемъ, братьями въ матриархальной семьѣ называются и двоюродные братья, конечно, съ материнской стороны, такъ какъ личность отца часто даже неизвѣстна.

сестрою гораздо сильнѣе и прочнѣе супружеской привязанности. Жена, не задумываясь, пожертвуетъ интересами мужа ради брата, мужъ въ свою очередь, всегда и во всемъ отдастъ предпочтеніе сестрѣ. Въ виду этого, понятна и взаимная привязанность между дядею и племянникомъ. Дядя, т. е. братъ матери, большею частью заботится о дѣтяхъ своей сестры, руководить ихъ воспитаніемъ и, какъ мы уже говорили, передаетъ имъ свою недвижимую собственность. Впрочемъ, опредѣленное право наслѣдства существуетъ, собственно говоря, только для женщинъ. Дядя можетъ передать племянникамъ свое недвижимое имущество, отецъ оставляетъ имъ обыкновенно свою движимую собственность, но обязательно и непременно передаются семейная власть и собственность только отъ матери къ дочери.

А. М.

СОДЕРЖАНІЕ ДВѢНАДЦАТОЙ КНИЖКИ.

- Мирныя времена. Романъ въ 3-хъ частяхъ. (Часть третья и послѣдняя) *А. И. Пальма.*
- Общественность въ природѣ. (Главы IV—V) *И. Кольцова.*
- Дѣтскіе портреты *Плавскаго.*
- Караванъ. (Стихотвореніе). Отрывокъ изъ «Chatiments» В. Гюго. *А. Барыковой.*
- Опасные люди. Романъ. (Окончаніе). *Х. Эльстера.*
- Геніальный планъ. Разсказъ. *Бажина.*
- Очерки новыхъ направленій въ экономической наукѣ. Нѣмецкіе катедеръ-соціалисты *Н. Ф. Анненскаго.*
- Патріотва. (Стихотвореніе) *Д. Минаева.*
- Ветошникъ. Разсказъ. *Алисы Коркрэнъ.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Современное положеніе публицистики *И. Кольцова.*
- Тенденціи современной беллетристики. (Очеркъ литературнаго обозрѣнія) *М. Протопопова.*
- Новыя книги.
- Внутреннее обозрѣніе *Н. III—ва.*
- По поводу Ламаншскаго туннеля. (Политическая и общественная хроника). *Жика.*
- Научная хроника. *А. М.*
-

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ ЖУР-
НАЛА «ДБЛО».

Сочиненія Г. Е. Благосвѣтлова. Съ портретомъ, біографіей автора и предисловіемъ Н. В. Шелгунова. Изданіе Е. А. Благосвѣтловой. Цѣна 3 руб. 50 к., съ пересылкою 4 руб.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. *Карла Реклама*. Перев. съ нѣмецк. Изданіе пятое. 1882 г., съ приложеніемъ «Военной гигиены» д-ра Вейнмана. Съ рисунками. Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 р. 30 к.

Спартанъ Историческій романъ *Рафаэля Джіованіоли*. Переводъ съ итальянскаго. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 р. 30 к.

Избранныя рѣчи *Джона Брайта*. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ *Фр. Шиллыагена*. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печати. листовъ. Цѣна 3 р., съ перес, 3 р. 50 к.

Девяносто-третій годъ. Романъ *В. Гюю*, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 40 к.

Современные политическіе дѣятели. (Біографіи и характеристики). *Э. Реклю* (М. Триго). Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Исповѣдь старика. Политическій романъ *Ипполита Ньево*. Перев. съ итальянскаго В. А. Зайцева. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. *Дж. Ст. Милля*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: «Историческіе женскіе типы». Изданіе второе. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Автобіографія *Джона Стюарта Милля*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Внѣ общественныхъ интересовъ. Романъ *П. Литтлеса*, изданный безъ предварительной цензуры. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Американна. Романъ *Луизы Алькотъ*. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе челоѣческаго рода. *В. М. Флоринскаго*. Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

Сочиненія *Ф. М. Толстого*. (Повѣсти и рассказы), съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Два тома. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Мертвая петля. Драмъ въ пяти дѣйствіяхъ. *Н. Потьмина*. Цѣна 1 р. 20 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Записки военнаго. Беллетристическіе очерки, рассказы и картины изъ военнаго быта. *Д. Гирса.* Цѣна 1 р. 60 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. *Ж. Верна.* Переводъ съ французскаго. Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

Бриллиантовое ожерелье. Романъ *Антони Троллопа.* Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Идіотизмъ и тупоуміе. Соч. д-ра *И. П. Айрлэнда,* съ предисловіемъ проф. Мержеевского. Переводъ съ англійскаго д-ра Томашевского, съ рисунками и генеалогическими таблицами. Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 р.

Происхожденіе человѣка и половой подборъ. *Чарльса Дарвина.* Переводъ съ англ., подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна трехъ выпускамъ 5 р., съ перес. 5 р. 60 к.

Теорія естественнаго подбора. Очерки *Альфреда Россея Валласа.* Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Вопросы общественной гигиены. *В. О. Португалова.* Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

О питаніи въ фізіологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра *Жюль Сири.* Перев. съ французскаго, подъ редакцію А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной фізіологіи. *Т. Гексли.* Перев. съ англ., съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Изданіе третье. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 40 к.

Комедія всемірной исторіи. *Тои. Шерра.* Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмецк. Два выпуска. Цѣна обоимъ выпускамъ 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра *В. Циммермана,* составл. по автописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Перев. съ нѣмецкаго. Три выпуска составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна трехъ выпускамъ 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала «ДВЛО» уступается 20% съ номинальныхъ цѣнъ (стоимость книги безъ пересылки).

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Н. И. МАМОНТОВА

(Москва. Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова — С.-Петербургъ, Большая Садовая, № 12).

При московскомъ магазинѣ, находятся отдѣленія конторы журналовъ: „Вѣстникъ Европы“, „Отечественныя Записки“, „Русская Старина“, „Биржевыя Вѣдомости“, „Художественный Журналъ“, „Чтеніе въ Импер. Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ“ и „Будильникъ“.

При петербургскомъ магазинѣ отдѣленіе конторы: „Русская Старина“, „Зря“.

Пріемъ подписки на всѣ русскіе журналы и газеты.

Каталогъ газетъ и журналовъ на 1883 годъ.

Артиллерійскій Журналъ 12 №№	7 р.	5 к.
Архивъ Ветеринарныхъ Наукъ 4 кн. въ годъ	5 "	— "
Библіотека для Чтенія	9 "	— "
Библіотека историч. и уголовныхъ романовъ 12 кн	8 "	50 "
Библіотека Европейскихъ Писателей и Мыслителей 10 вып.	6 "	— "
Биржевыя Вѣдомости ежедн. газета	12 "	— "
Будильникъ съ преміями	12 "	— "
Ваза, модный дамскій журналъ	7 "	50 "
" " " " съ преміями	12 "	— "
Военный Сборникъ	7 "	50 "
Военно-Медицинскій Журналъ	8 "	— "
" " " " съ приложеніями	17 "	— "
Военно-Санитарное Дѣло, ежедн. газ.	8 "	— "
Восходъ	10 "	— "
Воспитаніе и Обученіе (приложъ къ жур. Родникъ)	2 "	— "
Востокъ, политическая и литературная газета	8 "	— "
Восточное Обзорѣніе	8 "	— "
Врачебныя Вѣдомости	8 "	— "
Врачъ	9 "	— "
Всемирная Иллюстрація	16 "	— "
Всеобщая Газета	4 "	— "
Вѣкъ	16 "	— "
Вѣстникъ Европы	17 "	— "
Вѣстникъ Страхованія	10 "	50 "
Вѣстникъ Судебной Медицины и Обществен. Гигіены 4 кн. въ годъ	7 "	— "
Вѣстникъ Изыщныхъ Искусствъ съ приложеніемъ газеты Художественныя Новости	12 "	— "
Вѣстникъ Садоводства, Плодоводства и Огороднич.	8 "	— "
Вѣстникъ Общества Краснаго Креста.	2 "	— "
Газета Гатцува	5 "	— "
Голось	17 "	— "

Горный Журналъ	9 р. — к.
Гражданинъ, 2 раза въ недѣлю	8 " — "
Докторъ, популярный медиц. жур.	2 " 50 "
Досугъ и Дѣло	4 " — "
Душеполезное Чтеніе	4 " — "
Дѣло	17 " — "
Дѣтское Чтеніе	5 " 75 "
" " съ педагогическимъ листкомъ	6 " 75 "
Дѣтскій Отдыхъ	6 " — "
Другъ Женщинъ, ежемѣсяч. жур.	7 " — "
Европейская Библиотека 25 т. въ годъ	10 " — "
Женскій Трудъ	5 " — "
Женское Образование	4 " — "
Железнодорожное Дѣло 48 №	10 " — "
Живописное Обозрѣніе	8 " — "
Журналъ Гражд. Уголовн. Права	9 " — "
" съ рѣшеніями кассацион. департ.	14 " 50 "
" одни рѣшенія	6 " — "
" Русскаго Химическаго Общества	5 " — "
" Коннозаводства	8 " — "
" Министерства Народнаго Просвѣщенія	13 " 75 "
Заграничный Вѣстникъ	11 " — "
Записки Русскаго Техническаго Общества	8 " — "
Заря, ежедневная газета, издающаяся въ Кіевѣ	10 " — "
Здоровье, еженедѣльно	6 " — "
" съ приложеніемъ Научно-Санитарн. Новостей	8 " — "
Земледѣльческая Газета	4 " — "
" " съ Журналомъ Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства	8 " 50 "
Зодчій	15 " — "
Игрушечка	6 " — "
Извѣстія Императорскаго Географическаго Общества	4 " — "
Изящная Литература, ежемѣсячный журналъ, подъ редакціей В. Венберга	10 " — "
Иллюстрированный Міръ	8 " — "
" Вѣстникъ, приложеніе къ журн. Невы	4 " 50 "
Инженеръ, техническій журналъ	12 " — "
Инженерный Журналъ	5 " — "
Историческій Вѣстникъ	10 " — "
Искусство, ежемѣсячный журн. подъ редак. Чуйко	10 " — "
Кіевская Старина	10 " — "
Клиническая Газета, еженедѣльно	5 " — "
Лѣсной Журналъ	4 " — "
Лучъ, съ преміей, еженедѣльно	6 " — "
" " " тоже безъ преміи	3 " — "
Медицинскій Вѣстникъ, ежемѣсяч. журн.	8 " — "
Медицинское Обозрѣніе, 12 кн. въ годъ	10 " — "
Медицинская Библиотека, ежемѣсяч. журн.	17 " — "
Международная Клиника, 1 разъ въ мѣсяцъ	4 " — "
Минута	9 " — "
Морской Вѣстникъ	4 " — "

Модный Свѣтъ 1-е изд. съ 12-ю картин.	7 р.	— к.
„ „ 2-е изд. съ 24 карт.	8 „	— „
„ „ 3-е изд. съ 36 карт.	10 „	— „
Модный Магазинъ 1 изд. 12 к.	7 „	— „
„ „ 2 изд. съ	8 „	— „
„ „ 3 изд. съ	10 „	— „
Модныя Выкройки, 2 раза въ мѣсяць	7 „	— „
Морской Сборникъ	7 „	— „
Московскія Вѣдомости	17 „	— „
Московская Газета	9 „	— „
Московский Телеграфъ, ежеднев. газета	17 „	— „
„ Листокъ, ежедневная газета	10 „	— „
Москва, еженедѣльный иллюстриров. журналъ	8 „	— „
Московская Церковная Вѣдомость	4 „	50 „
Наблюдатель, ежемѣсячн. журналъ	14 „	— „
Народная Школа, 12 кн. въ годъ	4 „	50 „
Научно-Санитарныя Новости	3 „	— „
Нева, еженедѣльно иллюстрирован. журн.	6 „	— „
„ съ приложеніемъ Иллюстриров. Вѣстн.	9 „	— „
Недѣля	8 „	— „
Нива, еженедѣльный иллюстриров. журналъ	6 „	— „
Новое Время, ежедневная газета	17 „	— „
Новости. „ „	10 „	— „
Новый Русскій Базаръ I изд. съ 12 карт.	8 „	— „
„ „ „ II „ „ 24 „	9 „	— „
„ „ „ III „ „ 48 „	11 „	— „
Нувелисть, ежемѣсячно.	6 „	— „
Огонекъ, еженедѣльно	6 „	— „
Оружейный Сборникъ, 4 кн.	6 „	50 „
Осколки, еженедѣльн. иллюстр. журналъ	7 „	— „
Отечественныя Записки	17 „	— „
„ „ безъ доставки, въ Москвѣ	16 „	— „
Педагогическій Сборникъ	5 „	— „
Перев. Отдѣльных Романовъ	9 „	— „
Петербургская Газета	9 „	— „
Петербургскій Листокъ	10 „	— „
Правительственный Вѣстникъ	12 „	— „
Православное Обзорѣніе	7 „	— „
Природа и Охота.	14 „	— „
Радуга, еженедѣльн. иллюстр. журналъ	5 „	— „
Развлеченіе, еженедѣльно	5 „	— „
Разсвѣтъ (органъ русскихъ евреевъ), еженедѣльно	7 „	— „
Ребусъ, 52 № въ годъ	4 „	— „
Родникъ, иллюстриров. ежемѣсяч. журналъ для дѣтей.	5 „	— „
„ съ прилож. сборн. «Воспитаніе и Обученіе»	6 „	— „
Родина	2 „	— „
Русскій Курьеръ, въ Москвѣ	8 „	80 „
„ „ съ пересылкой	9 „	— „
Русская Старина, 12 кн.	9 „	— „
Русскій Архивъ, 6 кн.	9 „	— „
Русь 2 № въ мѣсяць	8 „	— „

Русскій Еврей	7 р.	— к.
Русскій Филологическій Вѣстникъ	7 "	— "
Русскій Начальный Учитель	3 "	— "
Русскій Вѣстникъ, въ Москвѣ	16 "	— "
" " съ пересылкою	17 "	— "
Русская Мысль, въ Москвѣ	16 "	— "
" " съ пересылкой	17 "	— "
Русскій Инвалидъ	7 "	50 "
" " съ Военнымъ Сборникомъ	15 "	— "
" " для гг. военныхъ	10 "	— "
Русскія Вѣдомости, въ Москвѣ	10 "	— "
" " съ пересылкою	11 "	— "
Русское Богатство	8 "	— "
Русскій Музыкальный Вѣстникъ	6 "	— "
Сельское Хозяйство и Лѣсоводство	4 "	50 "
Сельская Бесѣда, народный журналъ	4 "	— "
Свѣтъ, газета съ ежемѣсячнымъ приложеніемъ романовъ	8 "	— "
Свѣтъ, ежедневная газета	4 "	— "
Свѣтъ и Тѣни и Мирской Толкъ, выходитъ еженедѣльно	13 "	50 "
Семейные Вечера (старшій возрастъ) 12 кн.	5 "	50 "
" " младшій возрастъ 12 кн.	5 "	50 "
Семья и Школа, 22 кн. и 40 ММ Педагог. Хроника	12 "	— "
" " иллюстриров. отд. для дѣтей, 12 кн.	8 "	— "
" " учебн. Воспит. отд. для родителей	5 "	— "
С.-Петербургскія Вѣдомости	17 "	— "
Собраніе переводныхъ романовъ, 12 кн., изд. Ахматовой	12 "	— "
Современныя Извѣстія, въ Москвѣ	9 "	— "
" " съ пересылкою	10 "	— "
Странникъ	6 "	— "
Стрекоза, еженедѣльно	10 "	— "
Страна, выходитъ 3 раза въ недѣлю	8 "	— "
Сынъ Отечества	8 "	— "
Судебная Газета, еженедѣльная	6 "	— "
Театръ, еженедѣл. газета, подъ редакцію А. Пальма	8 "	— "
Театръ, съ приложеніемъ ежедневнаго листа "Зритель"	12 "	— "
" на одинъ "Зритель" ежедневно	5 "	— "
Техническій Сборникъ, выходитъ ежемѣсячно	16 "	— "
Техническій Обзоръ, иллюстриров. журналъ	10 "	— "
Новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній по всемъ отраслямъ промышленности, выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ	6 "	— "
Техникъ, журналъ	6 "	— "
Труды Императ. Вольн. Эконом. Общ.	4 "	50 "
Указатель правительств. распоряженій по министерству фи- нансовъ	3 "	50 "
Устой, ежемѣсячный журналъ, съ доставкой	12 "	— "
Фармацевтическій Журналъ, 2 раза въ мѣсяцъ	7 "	— "
Хозяйственный Строитель, 12 №	14 "	— "
Художественный Журналъ, ежемѣсячно, съ перес. (премія).	9 "	— "
Церковный Вѣстникъ, съ прилож. Христіанскаго Чтенія	7 "	— "
Церковно-Общественный Вѣстникъ	8 "	— "
Чтеніе для солдатъ	4 "	— "

Чтеніе въ Императорск. Обществѣ исторіи и древности . . .	8 р. 55 к.
Чтеніе въ Обществѣ Любителей духовнаго просвѣщенія . . .	7 „ — „
Шахматный Журналъ, ежемѣсячно	3 „ — „
Шутъ	7 „ 50 „
Электричество, 2 раза въ мѣсяцъ	6 „ — „
Эхо, газета	10 „ — „
Юридическій Вѣстникъ	8 „ — „
Юридическое Обзоріе, ежен. изд. въ Тифлисѣ	10 „ — „
Journal de St.-Petersbourg	22 „ — „
S.-Petersburger Zeitung.	14 „ — „
La Nouvelle Revue 2 № въ мѣсяцъ	26 „ 50 „
Revue des deux Mondes.	29 „ — „

Цѣны сообщены конторами редакцій, на основаніи положеній о гербовомъ сборѣ, подписывающіеся на журналъ, превышающійся стоимостью 5 руб., прилагаютъ для каждаго 10 коп. за гербовую марку, которая наклеивается на редакціонный билетъ. Магазины будутъ принимать подписку также на тѣ газеты и журналы, которые не вошли въ каталогъ и будутъ вновь объявлены.

Въ случаѣ измѣненія цѣны какого-либо журнала, гг. подписчики благоволятъ досылать недостающую сумму немедленно.

За прекращеніе въ продолженіи года какого-либо журнала или газеты магазинъ Н. И. Мамонтова не отвѣчаетъ и, предъявивъ подлинный билетъ редакціи въ уплатѣ сполна денегъ, предоставляетъ подписчику самолично требовать убытки.

Продается у всѣхъ книгопродавцевъ книга:

ДОМАШНІЙ ДЕШЕВЫЙ СТОЛЪ,

составл. Е. и Л. Михались, издан. Л. П. Шелгуновой. Цѣна 1 руб.

Гг. иногородные обращающіяся въ складъ изданія: Эртелевъ переулокъ д. № 12 кв. 13, Шелгуновой, за пересылку не платятъ.

XIV годъ. ОТКРЫТА ПОДПИСНА

на 1883 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.**НИВА**

БЫХОДЯЩІЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО, Т. Е. 53 НОМЕРА ВЪ ГОДЪ
(болѣе 2000 рисунковъ и чертежей, 2000 столбцовъ текста)
съ ежемѣсячнымъ приложеніемъ „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“
около 500 модныхъ рисунковъ въ годъ, 400 выкроекъ чертежей въ на-
туральную величину и 300 рисунковъ руководъльныхъ работъ)
премія на 1883 г.: большая новая картина В. И. ЯКОБІЯ подъ
заглавіемъ:

„КОРОЛЬ-ЖЕНИХЪ“

ПЕЧАТАННАЯ МАСЛЯНЫМИ КРАСКАМИ.

Подписка принимается въ СПБ., въ конторѣ Редаціи, по Больш. Морской; д. № 9.

Подписная цѣна за годовое изданіе «НИВЫ»

Съ правомъ на полученіе всѣхъ бесплатныхъ премій въ теченіе
1883 года.

Безъ дост. въ С.-Петербур. 4 р.

Безъ дост. въ Москвѣ черезъ Отд.
Конт. „Нивы“ у Н. Печковской 5 р.

Съ достав. въ С.-Петер. 5 р, 50 к.

Съ дост. въ Москвѣ и друг. город.
и мѣстечкахъ Имперіи. . . 6 „

За границу. 8 „

ВЪ БУДУЩЕМЪ 1883 ГОДУ, кромѣ множества заготовленныхъ нами худо-
жественно исполненныхъ гравюръ, будетъ, между прочимъ, помѣщена НОВАЯ
ПОВѢСТЬ ИВАНА СЕРГѢВИЧА ТУ; ГЕНЕВА, которую онъ надѣется, доставить
намъ въ редакцію нѣмѣшнюю ЗИМОЮ.

Кромѣ того мы объявляемъ нашимъ подписчикамъ печатать въ „НИВѢ“,
1883 г. новый историческій романъ,

Всеволода Сергѣевича Соловьева.

«СТАРЫЙ ДОМЪ»

Романъ этотъ составляетъ продолженіе романовъ: «Сергій Горбатовъ» и
«Вольтерьянецъ», помѣщенныхъ въ «НИВѢ» 1881 и 1882 г. и являющихся такой
увлѣчкой среди нашихъ читателей. Дѣйствіе новаго романа происходитъ въ
последніе годы царствования Императора Александра I.

Также находится уже у насъ въ портфель прекрасная новая повѣсть
автора „Переселенцы“ В. Д. ГРИГОРЬЕВИЧА „ГУТТАПЕРЧЕВЫЙ МАЛЬЧИКЪ“ и кромѣ
того, мы имѣемъ цѣлый рядъ капитальныхъ литературныхъ произведеній, изъ
которыхъ пока поименуемъ только слѣдующія „ПОДЪ КОЛЕСОМЪ“, новый ро-
манъ изъ современной жизни Н. Д. АХШАРУМОВА (автора романа „Во что бы
то ни стало“); „ВЪ ЦВѢТАХЪ“ большая повѣсть автора „Купленное счастье“
Н. МОРСНАГО; „БАГРОВАЯ ПЫЛЬ“, большая повѣсть П. ПЕТРОВА; „ПОЛКОВНИКЪ
ИЗЪ ЗОЛОТОНОШИ“ историческій романъ изъ эпохи греческаго возстанія Н.
КИРИОВА и многія другія. Сверхъ того на будущій 1883 годъ мы выдадимъ
всѣмъ годовымъ подписчикамъ очень большую роскошную олеографію съ но-
вой картиной извѣстнаго русскаго художника Профессора В. И. Якобія.

«КОРОЛЬ-ЖЕНИХЪ»

Картина эта написана по заказу «Нивы»; сюжетъ заимствованъ изъ
историческаго романа, помѣщеннаго въ «НИВѢ» 1882 году «ВОЛТЕРЬЯНЕЦЪ»,
В. С. СОЛОВЬЕВА, имѣющаго такой большой успѣхъ. Великолѣпныя копія
олеографіи будутъ такого-же огромнаго размѣра, какъ и премія 1882 г., имен-
но 1 арш. 2 1/2 вершка высоты и 14 1/4 верш. ширины.

Желющихъ подписаться на будущій 1883 г. «НИВЫ» преслать заблаже-
ременно обращаться въ Главную Контору Редаціи «НИВА» А. Ф. Марксу въ
С.-Петербургу, Болш. Морск. ул., д. № 9.

Издатель «НИВЫ» А. Ф. Марксъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ ближайшее почтовое мѣсто, въ которое можно было-бы адресовать прямо книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція не можетъ ручаться за исправную доставку журнала и за удовлетвореніе жалобъ на неполученіе книжекъ журнала, на томъ основаніи, что Газетная Экспедиція потербургскаго почтамта не принимаетъ отъ редакціи подобныхъ жалобъ и не входитъ въ ихъ разсмотрѣніе, отзываясь, что не имѣетъ возможности собирать справки и требовать объясненій изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ правильного почтоваго приѣма и отвѣтственнаго почтоваго учрежденія.

2) Когда книга журнала не получается подписчикомъ своевременно или вовсе не доходитъ по своему назначенію, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобъ, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ не позже полученія слѣдующей книжки журнала. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ почтовымъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ.

3) При перемѣнахъ адреса необходимо сообщать старый печатный адресъ бандероли или-же номеръ билета. При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса редакція проситъ прилагать три почтовыхъ семи-копѣчныхъ марки за напечатаніе новаго адреса.

4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р. 50 к.; при перемѣнѣ-же иногороднаго на городской уплачивается 1 р.

5) Жалобы и перемѣны адресовъ дрсуются исключительно въ контору редакціи журнала «Дѣло».

6) Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, благоволятъ прилагать почтовые марки, если желаютъ получать отвѣты.

7) Рукописи, признанныя редакціею неудобными для помѣщенія въ журналъ «Дѣло», а равно и рукописи напечатанныхъ статей, хранятся въ конторѣ редакціи не болѣе года и затѣмъ, по истеченіи этого срока, уничтожаются, если не будутъ вытребованы обратно. Мелкія статьи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція не входитъ ни въ какія письменныя объясненія, хотя-бы и были приложены для этого почтовые марки.

8) Высылка рукописей иногороднымъ возможна только въ томъ случаѣ, когда на почтовые расходы будутъ представлены въ редакцію деньги соразмѣрно стоимости пересылки.

9) Для личныхъ объясненій съ редакціей просятъ обращаться въ главную контору журнала «Дѣло» по субботамъ отъ 2—5 часовъ, по Надеждинской ул., № 39.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ДЪЛО“

въ 1882 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи
Журнала «ДЪЛО» (по Надеждинской улицѣ, д. № 39).

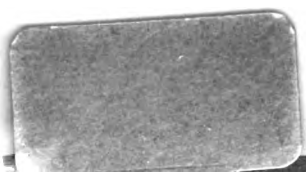
Редакція считаетъ себя отвѣтственной за исправную и своевременную
высылку журнала передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые
подпишутся по указанному выше адресу.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „ДЪЛО“.

Безъ пересылки и доставки	15 р. 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	16 > —
Съ пересылкою иногороднымъ	17 > —
» за границу, во всё госу- дарства, не исключая Сербіи, Румыніи и Болгаріи	19 > —

Издатели насл. Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВА, Редакторъ Н. ШЕЛГУНОВЪ.

Widener Library

3 2044 079 302 758